

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вып. 2

(вторая половина XIV—XVI в.)

Часть 2

Л—Я

Ответственный редактор
Д. С. ЛИХАЧЕВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Редакторы.

Д. М. Буланин, Г. М. Прохоров

Рецензенты:

А. А. Алексеев, О. А. Белоброва

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.)

Часть 2

Л—Я

Утверждено к печати

Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом)

Редактор издательства *П. А. Ивановская*. Художник *Л. А. Яценко*

Технический редактор *И. М. Кашеварова* †

Корректоры *Л. М. Бова, П. И. Журавлева, А. Э. Лакомская и Л. Б. Наместникова*

ИБ № 33370

Сдано в набор 12.05.88. Подписано к печати 12.04.89. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 33,0. Усл.-кр.-от. 33,0. Уч.-изд. л. 42,34. Тираж 20 000. Тип. зак. № 405. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Ленинградское отделение, 199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

С $\frac{5001000000-547}{042(02)-89}$ 323-88-1

© Издательство «Наука», 1989 г.

ISBN 5—02—027979—X (Вып. 2, ч. 2)

ISBN 5—02027977-3 (Общ.)

Лев Филолог (1-я пол. XVI в.) — автор похвальных слов Михаилу, князю Черниговскому, и его боярину Феодору, а также Зосиме и Савватию Соловецким. По происхождению серб. Некоторые биографические сведения о Л. Ф. сохранились благодаря его работе над похвальными словами Зосиме и Савватию. В рукописи XVI в. из Прилуцкого монастыря (Субботин Н. И. Сведения... С. 523), местонахождение которой в настоящее время неизвестно, вместе со словами Зосиме и Савватию было переписано сопровождающее их письмо Л. Ф. соловецкому монаху Богдану Русину (других списков нет). Письмо, опубликованное Н. И. Субботиным, имеет заглавие: «Букви черноризца Ианикито Льва пь рькю Филольга мьнаху Бьгьдану Русину» (Субботин Н. И. Сведения... С. 527). По другим рукописям с его произведениями он известен только как «черноризец Филолог» (иногда вместо «Филолог» пишут «Филог» или «Филогон»).

Некоторые обстоятельства написания слов Зосиме и Савватию выясняются из содержания самих слов и сопровождающего их письма. Л. Ф. написал эти два слова по просьбе соловецких старцев, пользуясь как источником текстом *Жития Зосимы и Савватия*, привезенным ему Богданом, по всей видимости, в Сербию или на Афон. Л. Ф. в своем письме упоминает о том, что Богдану пришлось преодолеть «великую пущну расстояния», чтобы достигнуть «нашей земли». Под словами «наша земля» скорее следует понимать Сербию, но, может быть, и Афон, поскольку в том же письме как на своих духовных наставников писатель ссылается на Савву Сербского и Симеона Неманю, основателей Хилендарского монастыря. Слова Зосиме и Савватию были написаны между 1534 и 1538 гг., так как в Слове о Зосиме Л. Ф. говорит о том, что *Иван IV* остался без отца, но о матери его Елене Глипской, которая умерла в 1538 г., пишет как о здравствующей. В это время сам писатель находился уже в преклонном возрасте, он называет себя «слабым», «унылым», «состарившимся» и «обветшавшим». Существует предположение, что Слово Михаилу Черниговскому и боярину Феодору было написано на Руси, так как автор его «обращается к своим слушателям, как бы находящийся и проповедую-

щий среди них лично» (Макарий. История. . . С. 386). Если принять это предположение, то Слово Михаилу Черниговскому появилось раньше произведений, посвященных Зосиме и Савватию. — над последними Л. Ф. трудился будучи уже старым и вне пределов России. Пребывание писателя на Руси падо связывать с более ранними годами его жизни. Содержание самого Слова Михаилу Черниговскому не противоречит этому, а скорее подтверждает высказанную вскользь в научной литературе догадку. Дело в том, что Л. Ф. оказался хорошо знакомым со *Сказанием о князьях владимирских*, которое было написано и уже использовалось в политической практике великокняжеской властью не позднее 20-х гг. XVI в. Л. Ф. в своем Слове не только использует конкретные детали из Сказания о князьях владимирских, но и подчиняет композицию произведения официальной политической концепции. Понять и применить эту концепцию писатель скорее всего мог находясь в той среде, где она находилась. Видимо, действительно Л. Ф. примерно в 10—20-х гг. находился в России и был связан с кругом лиц, заинтересованных в распространении идей, изложенных в Сказании о князьях владимирских. Относительно этих связей можно сделать и далее идущие предположения: по-видимому, Л. Ф. работал на Руси в писательской среде, окружавшей *Максима Грека* и *Вассиана Патрикеева*. Изучение «конвоя» Слова о Михаиле Черниговском в рукописной традиции, возможно, даст какие-либо конкретные факты о его московских контактах. Во всяком случае Л. Ф. не был связан с иосифлянами. Макарий, будучи новгородским архиепископом, в Софийский список *Великих Миней Четиих* включил Слово Михаилу Черниговскому *Пахомия Серба* и только позднее, став митрополитом, Успенский и Царский списки дополнил сочинением Л. Ф.

Упомянутое имени (вернее, прозвища) в заглавии сочинений Л. Ф. свидетельствует о том, что он оставил на Руси по себе память как о выдающемся писателе. Поэтому и был отправлен в Сербию или на Афон к состарившемуся Л. Ф. монах Богдан Русин с имеющимся уже текстом Жития Зосимы и Савватия. В своем сочинении об основателях Соловецкого монастыря Л. Ф. сообщает, что он воспользовался трудами *Досифея*, *Спиридона—Саввы* и «инога брата писавшаго последи». Эта ссылка на источник помогает выяснить историю усовершенствования Жития, написанного Спиридоном—Саввой. Под «иным братом» принято считать игумена Вассиана, дополнившего Житие описанием новых чудес после Спиридона—Саввы (С у б б о т и п Н. И. Сведения. . . С. 536). Однако, судя по биографическим сведениям о Зосиме и Савватии, приводимым Л. Ф., в его распоряжении был текст Жития не в переработке Спиридона—Саввы с дополнениями Вассиана, а в новой редакции, которая обычно сопровождается предисловием, приписываемым Максиму Греку. Л. Ф. точен в перечислении лиц, работавших над самим текстом Жития, по конкретное имя автора той редакции, из которой он заимствовал фактический материал, им не было названо. Конечно, Богдан должен был привезти Л. Ф. самый новый вариант Жития и должен был знать его автора, так как инициатива создания произведений, посвященных

основателям Соловецкого монастыря, во всех случаях исходила из среды этого монастыря. Имя составителя редакции Жития с предисловием, приписываемым Максиму Греку, не называется и в тексте самого памятника. О причинах соблюдения анонимности в данном случае можно только делать предположения.

В настоящее время атрибуция Л. Ф. похвальных слов Михаилу Черниговскому, Зосиме и Савватию не вызывает сомнений. Однако в рукописной традиции эти его произведения нередко приписываются *Зиновию Отенскому*. В свою очередь, другой вариант похвального слова Михаилу Черниговскому (нач.: «И о Михаиле да речем вкупе и Феодоре. . .»), который, как полагают, написан был Зиновием Отенским, ипогда в рукописях называется принадлежащим Л. Ф. В научной литературе высказано предположение, что Зиновий Отенский переводил произведения Л. Ф. с сербского языка на русский. Вопрос о связи между творчеством Л. Ф. и Зиновия Отенского остается открытым, прежде всего требуется проведение сопоставительного исследования рукописей с произведениями этих двух писателей.

Впервые анонимное *Житие Иосифа Волоцкого* (так называемое «написанное неизвестным») причислил к произведениям Л. Ф. С. В. Иванов. В настоящее время, не приводя дополнительных аргументов, эту точку зрения принял Я. С. Лурье. Однако уже датировка Жития Иосифа Волоцкого, «написанного неизвестным», заставляет усомниться в том, что автором его мог быть Л. Ф. Житие было написано примерно в сер. XVI в., а Л. Ф. уже в 30-е гг. был в преклонном возрасте и проживал вне пределов России.

Л. Ф. принадлежит к числу талантливейших писателей, с большой виртуозностью работавших в стиле «плетения словес». В русской агиографии XVI в. усиленно стремились к применению этого стиля. Обращение соловецких старцев именно к Л. Ф. свидетельствует о развитом литературном вкусе книжников этого литературного центра. В статье о творчестве Льва Филолога, вышедшей в 1970 г., Д. С. Лихачев, обращая внимание на необходимость исследования творчества этого выдающегося писателя, пишет: «Отсылая будущих исследователей творчества Аникиты Льва Филолога к статьям Н. И. Субботина и С. В. Иванова, я бы хотел указать на необходимость, во-первых, начать поиски других произведений Аникиты Льва в сербской и русской письменности, а во-вторых, на необходимость внимательного исследования языка как письма Аникиты Льва к монаху Богдану, так и языка его слов, дошедших в русском переводе, но сохранивших все же некоторые, хотя и незначительные сербизмы» (Л и х а ч е в Д. С. Забытый сербский писатель. . . С. 219).

Изд.: Субботин Н. И. Сведения о Филологе черпорицце, проповеднике XVI века // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1859. Ч. 18. С. 522—547; Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и похвальные слова в память их // ПС. 1859. Ч. 2. С. 211—240, 347—368, 471—511; Ч. 3. С. 96—118, 197—216; Месяца септемвриа в 20 день. В ть же день Слово похвальное Филолога чръноризца о святых великомученику, иже от Чрънигова, славную Михаиле великом князе, и Феодоре синглитци // ВМЧ. Сент. Спб., 1869. Стб. 1308—1336.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 269—270; М а к а р и й. История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1891. Т. 7, кн. 2. С. 385—387; И в а н о в С. Кто был автором анонимного жития преп. Иосифа Волоцкого? // БВ. 1915. Т. 3, сент. С. 173—190; К а з а к о в а Н. А. Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 244, примеч. 17; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 235—236, 410—414; Л и х а ч е в Д. С. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог // Publications of the Modern Humanities Research Association. Vol. 2. Горски Вујевац. A Garland of Essays offered to Professor Elizabeth Mary Hill. 1970. С. 215—219; Б е г у н о в Ю. К. Три описания весны: (Григорий Назианзин, Кирилл Туровский, Лев Аникита Филолог) // Сборник истории книжности. Отдельеье језика и книжевној. Београд, 1976. Кн. 10. С. 269—281.

Р. П. Дмитриева

Левкея Аишев (Акишев) (2-я пол. XVI в.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, ученик *Евфимия Туркова*, автор некролога Евфимию Туркову и книгописец. О нем известно, что он был игуменом Волоколамского монастыря с 1587 по 1590 г. вслед за Евфимием Турковым. Л. А., вероятно, пользовался авторитетом в церковно-политических кругах, поскольку его подпись имеется на грамоте об утверждении патриаршества (СГГД. № 99). Причины отказа его от игуменства неизвестны, однако влиятельного положения, по всей видимости, он не утратил, так как его подпись поставлена на грамоте об избрании на престол *Бориса Годунова* в 1598 г. (ААЭ. Т. 2. С. 15). Он как владелец рукописей и переписчик назван в Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. Ему принадлежали рукописи: ГИМ, Епарх. собр., № 48, 153; ГБЛ, Волок. собр., № 314, 512. Подобранным в Волоколамском сборнике № 512 статьям составитель предпослал предисловие. Неизданный краткий некролог, посвященный Евфимию Туркову, приписан автором в конце Псалтири, которая была написана самим Евфимием (рукопись ГБЛ, Волок. собр., № 213, л. 491).

Изд.: И о с и ф, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 138—139.

Лит.: К а з а п с к и й П. Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. // ЧОИДР. 1847. Кн. 7. С. 40—41.

Р. П. Дмитриева

Легенда о кровоточивой жене Веронике — апокрифическая легенда о Веронике, исцеленной Иисусом Христом и в благодарность поставившей статую с его изображением в Панаеде. Именем Вероники исцеленная женщина именуется также в апокрифическом *Евангелии Никодима* и в *Хронике Иоанна Малалы*.

В древнерусскую литературу Л. попала из славянского перевода этой Хроники через посредство *Летописца Еллинского и Римского*: статья «О написании 2-го образа господа нашего Иисуса Христа в Панаеде граде» (нач.: «Ирод, второй брат Филиппов, изыде из града Севаста. . .»), вошедшая в некоторые списки миней четких под 16 августа, соответствующая тексту Малалы (см.: И с т р и н В. М. Хро-

ника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга десятая. Одесса, 1912. С. 9—14; ср.: Ioannis Malalae chronographia / Ed. L. Dindorfii. Bonnæ, 1831 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). P. 237—240), представляет собой выписку из Летописца. В *Великих Минеях Четиих* эта статья примыкает к сказаниям об обретении нерукотворного образа Христа и о перенесении его из Эдессы в Константинополь (см.: Подробное оглавление Великих миней четиих всероссийского митрополита Макария. М., 1892. Стб. 415—417). В литературе имеются указания на наличие этой статьи в списках *Пролога* (см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 463). В *Хронографе Русском* редакции 1617 г. (и в восходящих к ней редакциях) в гл. 53 содержится статья «О вопрошении кровоточным недугом исцелевшия жены от Ирода царя сотворити образ Христов», восходящая к тому же тексту Хроники Малалы. Краткое изложение сюжета апокрифа имеется в печатном «Соборнике» (М., 1642), л. 154—155.

Изд.: Порфирьев. Апокрифы новозаветные. С. 68—72, 279—284; Франко. Апокрифы. Т. 2. С. 362—364.

О. В. Творогов

Леонид (XVI в.) — епископ Рязанский и Муромский, автор челобитной царю Феодору Иоанновичу. Биографические сведения о Л. скудны. Он был постриженником и игуменом (до 1554 г.) Иосифо-Волоколамского монастыря, истым приверженцем *Иосифа Волоцкого*. Как свидетельствует его челобитная, в эти годы он был приближен ко двору новгородского архиепископа, будущего митрополита *Макария*, а впоследствии — новгородского архиепископа *Феодосия*. В 1554 г., очевидно, после того как рязанский епископ Кассиан выступил на всероссийском церковном соборе с «хулами» против книги Иосифа Волоцкого «на ересь новгородских еретиков» («Просветителя») и был за то лишен и епископской кафедры и сана, Л. занял его место. В 1580 и 1584 гг., судя по актовым материалам, Л. участвовал в работе соборов, на которых правительство провело ряд мероприятий, ограничивающих вотчинное монастырское землевладение. 15 января 1581 г. датируется подпись «епископа Рязанского и Муромского Леонида» под Соборным приговором о запрещении духовенству и монастырям приобретать вотчины («... митрополиту и владыкам или монастырем земель не покупатьи и в закладе не держати» — ААЭ. Т. 1, № 308. С. 372—375).

В 1584 (1585) г., после 25 декабря, им была отправлена пришедшему к власти царю Феодору Иоанновичу челобитная на архиепископа Ростовского Евфимия (сохранилась в составе сборника кон. XVI в. — ГБЛ, Волок. собр., № 92, л. 75; опубликована дважды). В ней Л. выступил в защиту прав иосифлянкой церкви.

В своей челобитной Л. напоминает новому царю о привилегированности своего положения как «иосифовского постриженника» при дворе *Ивана IV* и при митрополите Макарии, когда постриженники Иосифо-Волоколамского и Пафнутиево-Боровского монастырей за-

нимали господствующие позиции, подчеркивает, что укрепление самодержавной власти царской семьи, начиная с *Василия III*, теснейшим образом связано с иосифлянами, имена которых он приводит: Иосиф Волоцкий, Пафнутий Боровский и его ученики, архимандрит Мало-Переяславльский Даниил, митрополит *Даниил*, ростовский архиепископ *Вассиан Санин* и др. Челобитная Л. переводит тему личной обиды, нанесенной ему ростовским архиепископом Евфимием во время царского рождественского пира, в общепублицистический план, превращая ее в тему защиты от подобного рода «укорины», ранее «небывалой». Челобитчик просит нового царя: «оборони пречистый дом от такого наветного и наносного слова». Просьба его возымела действие, и ростовский епископ Евфимий, известный по актам 1583—1585 гг., уже с 18 июля 1586 г. был замещен Иовом, ставшим впоследствии всероссийским митрополитом и патриархом.

Как предполагает Н. С. Тихонравов, вместе с рязанской кафедрой Л., очевидно, унаследовал и библиотеку своего предшественника, участника Стоглавого собора, в том числе принадлежавший ему сборник 1-й четв. XVI в. с материалами к Стоглавому собору 1551 г. (ГБЛ, Волок. собр., № 566), который в 1576 г. был им отреставрирован. Запись на сборнике гласит: «Сий сборник владыки Леонида, Резанского и Муромьскаго, переделан лета 7084-го месяца июня 2 дня». Внимание ярого иосифлянина Леонида к этому сборнику, содержащему «Собрание некоего старца» *Вассиана Патрикеева* и новую переработку этого памятника «нестяжательской» литературы, требует специального рассмотрения. Н. А. Казакова объясняет его «новым пробуждением интереса к вопросу о монастырском владении в связи с соборами 1580 и 1584 годов» (К а з а к о в а. *Вассиан Патрикеев*. . . С. 219). Именно этому интересу отвечало основное содержание сборника, включавшего статьи, целиком или в извлечениях вошедшие в *Стоглав* или касающиеся тем, обсуждавшихся на Стоглавом соборе 1551 г.: Кормчая *Вассиана Патрикеева*, заметка «о церковных неисправлениях», Слово *Феодорита* о двуперстном сложении, «Никийского собора правило ереем, иже не облачатся в священныя ризы, или перазумением, или гордостью, или леностью», «Правило *Иоанна Милостиваго*» (о том же), «Слово о крестьящихся» и др.

И. У. Будовниц, ссылаясь на «Обзор» *Филарета*, ошибочно приписывает Л. авторство похвального слова *Василию Блаженному*. Между тем сведения о написании в 1588 г. *Жития Василия Блаженного* и похвального слова ему (см. рукопись Царского, № 128; ныне: ГИМ, собр. Уварова, № 424 (1216) (128) — сборник конца XVIII в., полуустав, в 4-ку, л. 1—117), которые приведены *Филаретом* под № 149 (Обзор. С. 165), должны быть отнесены не к биографии Л., а связаны с именем игумена *Алексея*, биографические данные о котором содержатся под тем же № 149. И. И. Кузнецов, исследовавший литературную историю *Жития Василия Блаженного* и похвального слова ему, среди предполагаемых авторов этих произведений имени Л. не называет (К у з н е ц о в И. И. Святые блаженные Васи-

лий и Иоанн, Христа ради московские чудотворцы. М., 1910. С. 229—239, 260—264, 295—302, 308—329 (Записки Моск. археол. ин-та. Т. 8)).

Изд.: АИ. Т. 1, № 216. С. 410—411; примеч. № 92. С. 15; Тихонравов Н. С. Заметка для истории Стоглава // Летописи Тихонравова. М., 1863. Т. 5. Отд. III. С. 137—144.

Лит.: ААЭ. Т. 1, № 293. С. 358; Казакова П. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 198—199, 218—219, 238—239; Бурдовнищ. Словарь. С. 151.

Н. Ф. Дробленкова

«Лествица» Иоанна Синайского (или Лествичника) — распространенная в Древней Руси с XIV в., но известная и ранее кविга, состоящая из ряда произведений: собственно Л. обычно предваряется в этом сборнике кратким житием автора, написанным вскоре после его смерти монахом Раифского монастыря Давидом, письмом к автору книги игумена Раифского монастыря Иоанна, ответным посланием автора, небольшими предисловиями и рисунком ведущей на небо лестницы, ступеньки которой помечены названиями добродетелей; сопровождается Л. «Посланием к игумену» того же автора; далее обычно следуют четыре натерикового типа рассказа о ее авторе (в московском издании 1647 г. они отнесены к *Патерикам Синайскому* и *Алфавитному*).

Время жизни автора Л. ранее определяли как 483—563 гг. (Флярет), затем как 525—606 гг. (распространенная в литературе датировка), как десятилетия до 649 г. (Nau F. Note sur la date de la mort de S. Jean Climaque // Byzantinische Zeitschrift. 1900. Т. 11) и как период, начало которого около 579 г., а конец после 654 г., но не позже 680 г. (Богдановић Дм. Јован Лествичник у византијској и старој српској књижевности. Београд, 1968. Обширную библиографию см. в статье: Jean Climaque // Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique: Doctrine et histoire. Paris, 1974. Т. 8. Col. 369—389). С Иоанном Лествичником и его братом Георгием традиционно связывалась история сыновей константинопольского сенатора VI в. Ксенофонта и его жены Марии — Иоанна и Аркадия (в монашестве Георгия), учившихся философии в Вирите (Бейрут), потерпевших кораблекрушение при возвращении туда из дома, порознь спасшихся и постригшихся в Палестине в монахи; но надежных оснований для такого отождествления нет, за исключением того, что Иоанн Синайский был греко-культурным человеком и славился ученостью, по какой причине и был называем Схоластиком. Известно, что в шестнадцать лет он пришел в Синайский монастырь и стал послушником аввы Мартирия, в двадцать лет был им пострижен в монахи, причем другой авва, Стратегий, глядя на юношу, предсказывал, что тот будет «великой звездой вселенной», а Анастасий Синайский и Иоанн Савваит провидели в нем будущего Синайского игумена.

Девятнадцать лет спустя, после смерти аввы Мартирия, Иоанн выбрал себе при подошве Синая уединенное место Фола и пещеру и стал там «безмолвствовать», днем молясь и возделывая свой огород,

а по вечерам читая, переписывая чужие мысли и записывая свои. Аскетических крайностей он избегал. Совершил путешествие в египетскую Скитскую пустынь и в монастырь Тавенны, каковые и описал в Л. У него появился ученик Мойсей (в частности, он носил ему плодородную землю для огорода); к нему приходили за помощью и советом другие монахи, так что кто-то назвал его «многоглаголивым и празднословным», вследствие чего Иоанн в течение года совершенно молчал. В игумены Синайского монастыря он был избран после сорока лет отшельнической жизни в возрасте 75 лет; пробыв несколько лет игуменом, он поставил на свое место брата Георгия, а сам вернулся к уединению в прежнем месте и вскоре скончался.

Из предшествующих Л. посланий ясно, что Иоанн писал свою книгу, отвечая на просьбу игумена Раифского монастыря Иоанна, и что наименование книги «Лествицей», а глав ее «степенями», т. е. ступенями, было внушено заказчиком. Образ лестницы морального восхождения был к тому времени известен в учительной литературе (встречается у Иоанна Златоуста, Феодорита Кирского, Макария Великого; в форме лестницы добродетелей из 17 ступеней написаны наставления аввы Пинуфия). Видимо, под влиянием этого образа заказчик и просил у Иоанна Синайского слов, возводящих читателя «наподобие. . . лестницы даже до врат небесных». Автор как бы побоялся ослушаться этой просьбы; адресовал он свою книгу, однако же, не к заказчику, а к руководимой тем братии соседствующего (расположенного в тридцати километрах от Синая на берегу Суэцкого залива) Раифского монастыря. В этой книге Иоанн Лествичник собрал, вероятно, издавна ведшиеся им записки о духовной жизни. На него оказали то или иное влияние Григорий Назианзин, Евагрий Понтик, Макарий Великий, Нил Синайский и другие богословы IV—VII вв.

Свое сочинение Иоанн Лествичник разделил на 30 «степеней» — по числу лет жизни Иисуса Христа до крещения и начала проповеди, как сказано в одном из предисловий. В общей композиции книги принцип духовного восхождения выдержан: первые 23 «степени» посвящены грехам, остальные 7 — добродетелям. Книга начинается темой отречения и уклонения от мирской жизни как естественной ради монашеской, называемой вышестественной. Автор различает причины, по которым люди идут в монахи («или ради будущего царствия, или ради множества грехов, или по любви к богу»), указывает три вида иноческой жизни — вадиве, с одним или с двумя и в общежитии, причем о среднем из этих состояний говорит как о «царском пути», приличествующем многим. Далее он объясняет связанные с отречением от мира монашеские обеты и дает наставления новичкам — часто с помощью небольших, патерикового типа рассказов о виденных им подвижниках. Эти рассказы роднят Л. с Синайским патериком, или Лугом духовным, Иоанна Мосха. Много внимания автор уделяет требованию безусловного послушания ученика наставнику, необходимости покаяния, постоянной памяти о неизбежности смерти и неустанным вниманием к собственным мыслям и голосу совести. От монаха Иоанн требует быть кротким, не злопамятным, скупым

на слова, правдивым, не унывающим, не ленивым, воздержанным в пище, целомудренным и чистым как внешне, так и внутренне. При этом — со ссылкой на «рассудительных отцов» — он дает (использованный затем в русской литературе *Нилом Сорским*) анализ пути развития в душе человека страсти: от первоначального возникновения в уме какого-либо образа до полного подчинения воли (различаются «прилог», «сочетание», «сложение», «пленение», «борьба» и, наконец, «страсть»); отмечает «еще и иной. . . тончайший помысл, называемый набегом мысли, который так быстро проходит в душе, что без слова, и образа, и времени мгновенно представляет человеку потаенную его страсть».

Из страстей, или помыслов, главными он считает славолубие, сластолюбие, сребролюбие, которые порождают остальные — гнев, злопамятство, уныние, тщеславие, гордость. Но он говорит также о семи страстях (в 14-й «степени»), поясняя, что тщеславие является просто начальной стадией гордости. 15-я «степень» заканчивается несколько риторической речью души к собственной плоти и ответом ей плоти (в XI в. это место было использовано Филиппом Пустынником при написании «*Диоттры*», построенной как диалог души и плоти). Говоря о смиренномудрии, Лествичник, между прочим, высказывает убеждение (в XIV в. в Византии оно стало предметом споров), что недоступное существо может быть постигнуто «от действий его и свойств». В завершающих книгу «степенях» говорится о «священном тела и души безмолвии», о душевном и телесном предстоянии на молитве, «матери всех добродетелей», о бесстрастии как о «земном небе» и о союзе веры, надежды и любви как о высших степенях «лествицы». В целом автору свойственна обращенность внимания вовнутрь, в душу человека. Он — наблюдательный, умный и проникательный психолог, знающий типы людей, их внутренние состояния, склонности, пристрастия, ошибки, уловки самообмана, трудности самообуздания и т. п.

Главной целью земной жизни человека он считает достижение жизни вечной, воскресение души прежде общего воскресения, а главными причинами гибели людей во времени — страсти сластолюбия, сребролюбия и тщеславия. Мельком, в 1-й «степени», говоря о миражах, Иоанн замечает, что если они удерживают свой язык от лжи и злословия, руки от воровства, ум от превозношения, а сердце от ненависти, не отрываются от церкви, сострадательны к нуждающимся, никого не соблазняют и к чужому не прикасаются, то они недалеки от царствия небесного.

Язык Л. легок, в целом прост, афористичен, по большей части чужд витиеватости, хотя автор и прибегает к олицетворениям и аллегориям и иногда ритмизует свой текст; естественным образом в него входят народные пословицы и поговорки (их насчитывают 66). Каждая «степень» Л. завершается стихотворным резюме (см.: Г е р м а н (О с е п к и й). Преподобный Иоанн Лествичник и его Лествица постепенного нравственного усовершенствования. СПб., 1854; Житие преподобного отца нашего Иоанна Лествичника. М., 1885; З е л а н д - К о д р а т о в А. В. Лествица добродетелей. М., 1897;

Корольков И. Н. Поучительное чтение о св. Иоанне Лествичнике. Киев, 1903).

«Послание к игуменцу», или «Слово к пастырю», следующее обычно за Л., состоит из 15 глав, обращенных уже прямо к самому игумену Иоанну Раифскому. Здесь речь идет о качествах, необходимых для руководителя. Во множестве используются параллели из мирской жизни. Между прочим говорится, что «внеприлично учителям от писаний других преподавать свою науку и живописцам только с чужих рисунков свои изображать»; перечисляются необходимые для врача «пластыри, разные приемы, глазные примочки, пития, губки, также негнушасмость, капли, жилосечива, прижигательные орудия, мази, усыпительные зелия, нож и обвязки»; упоминаются «малодушные корабельщики, кои во время крайнего зноя оставляют корабль свой и бросаются из корабля в воду для прохладждения»; отмечается, что «дети бывают одни собственные и родные, другие от двубрачия, иные же подкинутые, и иные побочные, рожденные от рабынь». Труд духовного пастыря сравнивается, таким образом, с делом капитана, врача, художника и учителя; в частности, высказывается соображение, что если духовный врач избилует «безмолвием духовным», то он имеет меньшую нужду в безмолвии «телесном». Оканчивается послание «соплетением венца» из похвал Иоанну Раифскому, получателю; среди прочего говорится, что он, «яко премудрый некий архитектор», положил основание лестнице добродетелей, возвел ее, побудив говорить своей пастве «нечистые уста» автора, и сам возшел по ней на самый верх.

Л. сразу начала оказывать большое и длительное, возраставшее со временем влияние на византийскую литературу. Уже в VII в. ее использовали в своих сочинениях синаиты Филофей и Анастасий, в дальнейшем — Феодор Студит, Симеон Новый Богослов; Никон Черногорец, Григорий Синаит, Григорий Палама и др. Многие авторы, начиная с заказчика Л., Иоанна Раифского, в том числе патриарх Фотий, Михаил Пселл, Никифор Каллист, писали на нее толкования (см.: PG. T. 88). С IX в. Иоанн Лествичник начал почитаться византийской церковью как преподобный. В византийской гимнографии существует канон, написанный (не позднее XI в.) под сильным влиянием Л. с использованием ее текста, в частности в виде акростиха. Церковным уставом было определено читать Л. в Великий пост с понедельника по четверг на утрени и на 3-м, 6-м и 9-м часах, по пятницам на 3-м и 9-м часах, а в четвертое воскресенье Великого поста совершать память ее автора, помимо дня его смерти, 30 марта.

Судя по сохранившимся греческим спискам (их не менее 73), больше всего читателей у Л. в Византии было в XI в.; в XII—XIII вв. интерес к ней снижался, в XIV в., в период исихастских споров, повысился вновь, а далее опять стал падать и к XVII в. почти исчез. Первое издание греческого текста Л. было выпущено в Париже в 1633 г.: S. Ioannis Scholastici, abbatis Montis Sina, qui vulgo Climacus appellatur, Opera omnia / Interprete Matthaeo Radero. Lutetiae Parisiorum, 1633; переиздание: PG. T. 88. Col. 583—1248. Л. была переведена на сирийский, армянский, грузинский, арабский,

эфионский, славянский (неоднократно), латинский (неоднократно) и на многие современные европейские языки. Л. в испанском переводе с латинского суждено было стать первой книгой, напечатанной на Американском континенте (Mexico, 1532; см.: Cross F. L., Livingstone E. A. John Climacus // The Oxford Dictionary of the Christian Church. 2-nd ed. London, 1974. P. 747).

Первый славянский перевод Л. появился, судя по всему, в Болгарии в X в. Как показал В. Федер (V e d e r W. R. Le Prototerikon Scaligeri // Полата књигописна. Nijmegen, 1981. № 4. P. 76—77), выписки из 1, 3, 7—11, 26 и 27-й глав славянского текста без указания на источник были, вероятнее всего, в то время соединены с выписками из *Патерика Египетского*, получившую же компиляцию использовал составитель сборника, русской копией которого является *Изборник 1076 г.* Извлечения из Л. в Изборнике 1076 г. тоже не надписаны или надписаны именем «Златоуста» (см.: Сводный каталог книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 41). Древнейшие сохранившиеся славянские списки Л. — русские XII—XIII вв.: ГБЛ, собр. Румянцева, № 198, XII в.; № 199, нач. (?) XIII в.; ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 452/920, 2-я пол. XIII в. Отрывок болгарского списка XIII в. — ГИМ, собр. Щукина, № 921. Не позднее XIII в. выписки из Л. попали в *Пролог* (ГИМ, собр. Хлудова, № 187, Пролог, 1282 г., под 5 января, о Мине Синайском). В XIII в. на Л. сослался *Симон* в послании *Поликарпу*.

Первый перевод Л., по характеристике А. Горского и К. Невоструева, темен, маловразумителен, а во многих местах и совсем неверен. Его поштатейное описание см.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синадальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2, ч. 2. С. 193—205.

В XIV в. появились новые славянские переводы и редакции Л. Из записи в Октоихе XIV в. (библиотека монастыря св. Екатерины на Синае, № 19) известно, что пекий старец Иоанн в афонской лавре св. Афанасия перевел и переписал («преложи и исписа») «из гръчских в блъгарскый наш язык» ряд книг, среди которых названа и Л.; по мнению И. Иванова (Български старици из Македония. 2-е изд., доп. София, 1931. С. 274—275; фототип. переизд.: София, 1971), этот старец Иоанн трудился в 1-й пол. XIV в. Писец-редактор болгарского списка Л. сер. XIV в. (ГПБ, собр. Гильфердинга, № 48, л. 250 об.—251) сообщает, что он делал поправки в тексте Л. «от гръчскаго извода»; Б. Христова (Монах Марко — неизвестен български книжовник и преводач от XIV век. // Старобългаристика. 1984. Т. 8, № 3. С. 50—56) склонна раскрыть имя этого редактора как «М(а)р(ко) (мон)ах», думает, что он работал на Афоне либо в Тырново, что правленый им перевод представлен Феодосиевской Л. 1364 г. (собр. Рильского монастыря, № 3/11), написанной в монастыре Усте около Тырново, и был использован сербскими переводчиками этой книги; она сообщает также, что от XIV в. сохранилось 13 болгарских списков Л.

Не позже 2-й трети XIV в. был сделан сербский перевод Л., содержащийся в списке ГБЛ, Волок. собр., № 463, 60—70 гг. XIV в.

(на этот особый известный в одном списке сербский перевод указывает Л. П. Саенко). Но распространение получил не он, а появившийся примерно тогда же перевод Л., представленный списком ГБЛ, собр. МДА фувд., № 152, сделанным митрополитом всея Руси Киприаном в 1387 г. в константинопольском Студийском монастыре, а также большинством русских списков, написанных в XV в. и позже. А. Горский и К. Невоструев считали, что этот перевод возник около 1370 г. в Сербии по инициативе князя Георгия Бранковича, руководил работой над ним браничевский митрополит Савватий, а трудились вызванные из Хиландарского монастыря афонские старцы по найденным в Константинополе и Смедерево славянским спискам. Однако же, по мнению А. А. Турилова (оно сообщено мне в письме и выражено в статьях Л. П. Саенко), запись писца в «Браничевской» Л. 1434 г., послужившая — в неточном немецком пересказе П.-Й. Шафарика — основанием для мнения А. Горского и К. Невоструева, имеет в виду современного написанию рукописи сербского деспота XV в. Заметим, что такое понимание дела требует новой интерпретации всех связанных с этим переводом данных. Таким образом, кому принадлежит более точный и понятный, чем первый, болгарский, и наиболее распространенный перевод Л., еще надлежит выяснить. В хранилищах Югославии находятся 11 списков Л. 2-й пол. XIV в., 5 — XV в. и 4 — XVII в. (см.: Богдановић Д. Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII века). Београд, 1982. С. 48—49, № 492—514. (Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Од. 1, књ. 31)). Значит, в Сербии во 2-й пол. XIV в. Л. переписывали гораздо более активно, чем впоследствии, в XV—XVII вв.

Написанную митрополитом Киприаном Л. привез на Русь, вероятнее всего, сам писец-митрополит в 1390 г. В Москве ее неоднократно копировали. Некий иеромонах Прохор доставлял ее в Тверь к епископу Арсению: сохранился сделанный с нее там в 1402 г. торопливый список — БАН, собр. Тимофеева, № 9 (писец сообщает, что умолил епископа выдать ему автограф митрополита). Как установила Л. П. Саенко (Палеография, графика и орфография Тверской Лествицы 1402 года: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1984), эта копия и подавляющее большинство других отличаются от оригинала большим количеством и расположением вводных статей (значит, писцы располагали и другими авторитетными для них списками); точно следует Киприановской Л. только список ГБЛ, собр. Ундольского, № 192, сделанный «чернечичем Авраамищем» в 1412 г. От 1402 г. дошел и список старого перевода Л. — ГИМ, Синод. собр., № 141. Однако же новый перевод, активно переписывавшийся в XV в., быстро вытеснил старый. На Русь он попадал, видимо, неоднократно и разными путями. Например, в 1420—1421 гг. в константинопольском монастыре Богородицы Иперивлепто некий Евсевий—Ефрем сделал список Л. (ГБЛ, Волок. собр., № 462), который потом неоднократно переписывали на Руси (известны, по крайней мере, три его копии XV в.). В 1423—1424 гг. тот же Евсевий—Ефрем в Константинополе начал, а другой писец в Ватопеде на Афоне закон-

чил еще один список Л., затем попавший на Русь (ГИМ, собр. Успенского собора, № 18-бум.). Часто в конце этого перевода Л. помещается «Толкование неудобь познаваемым в писании речемь». Списки различаются также и наличием или отсутствием и составом толкований. Старейший список толковой Л. (с толкованиями Михаила Пселла) — ГБЛ, собр. МДА фонд., № 3, XIV—XV вв. (см. также списки XV—XVI вв.: ГИМ, Синод. собр., № 367; ГПБ, Солов. собр., № 196; ГБЛ, Волок. собр., № 122).

Всего в СССР русских и славянских списков Л. только от XII—XV вв. сохранилось значительно больше ста. Распределение их по времени таково: XII в. — 1, XIII в. — 3, XIV в. — 24, XV в. — 83 (см.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР: (Для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно) // АЕ за 1965 г. М., 1966, а также: Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР: (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986). Ясно, что интерес к Л. на Руси резко возрос в XIV в., особенно в его конце, — параллельно с интересом к родственным ей аскетическим сочинениям Исаака Сириа, Аввы Дорофея, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и др. По сборникам в большом числе распространились выписки из Л. — как с указанием источника, так и без него — и проникли в текст других произведений, например в книгу *Стефанит и Ихнилат*, в летопись. Во 2-й четв. XV в. популярность Л. на Руси, судя по количеству сделанных в это время списков, пошла на убыль, но в последней четв. XV и нач. XVI в. вновь возросла, причем в Заволжье, в Кирилло-Белозерском монастыре, кажется, значительно больше, чем в центральной Руси, в Троице-Сергиевой лавре. Это объясняется происходившим тогда оживлением, в Заволжьи особенно, скитского образа монашеской жизни, старчества, творчеством и влиянием Нила Сорского, в большой мере опиравшегося на Л. Высоко оценивалась Л. и *Иосифом Волоцким*, в монастыре которого, по наблюдению А. А. Турилова, появились в XVI в. «сборные» Л. размером в лист, предназначавшиеся для сборного чтения (Л. Герасима Черного, Герасима Замыцкого, Ферапонта Обухова; см.: Опись Иосифо-Волоколамского монастыря. СПб., 1911). Но в целом в XVI в. интерес к Л. на Руси снижался. Коллективно-хозяйственному духу «иосифлян» Л., несомненно, была все-таки более чужда, чем духу профессионалов борьбы со страстями, созерцателей-«нестяжателей», хотя бы в силу порицания ее автором всяческого любостяжания, каким бы общественно полезным оно ни представлялось.

В XVII в. интерес к Л. продолжал снижаться, но тогда же Л. была впервые напечатана по-славянски — в Москве в 1647 г. В основу этого издания была положена рукопись ЦГАДА, собр. Синод. типографии, № 201, XVII в. (окончательный свой вид она приобрела после 1644 г.). Как установил Н. И. Николаев, подборку текстов, сопровождающих в этом списке Л., как и саму эту рукопись, создал соловецкий книжник Сергей Шелонин; издание же воспроизвело — с незначительным сокращением лишь некоторых маргинальных за-

меток — всю его композицию материалов: текст Л. перемежается здесь толкованиями, число которых значительно расширено выписками из книг Василия Великого, Никона Черногорца, Григория Синаита и др., в том числе из 1, 2, 5 и 10-й глав Устава Нила Сорского (наблюдения Н. И. Николаева). Пользуясь этим изданием, сибирский митрополит XVII в. Филофей Лошницкий сделал выборку из Л., снабдил ее своими добавками и толкованиями и таким образом создал «Сибирский лествичник», собственноручный список которого (ГИМ, Синод. собр., № 262 (120)) подарил Дмитрию Ростовскому. В 1785 г. издание 1647 г. было перепечатано в Варшаве старобрядцами.

Около сер. XVII в. соловецкий книжник Герасим Фирсов (ум. 1666) написал Слово похвальное Иоанну Лествичнику (издано Н. К. Никольским: Сочинения соловецкого ипока Герасима Фирсова по неизданным текстам: (К истории севернорусской литературы XVII века) // ПДПИ. ОЛДП. Пг., 1916. Вып. 188. С. 65—101). В печатном Прологе, начиная с издания 1659 г., выписки из Л. обнаруживаются под 24 сентября, 3 октября, 20 декабря, 12 марта, 19 апреля, 7 мая и 25 июня. В новом славянском переводе Д. М. Ульянинского Л. была напечатана в Москве в 1785 г. и затем многократно переиздавалась (СПб., 1812, 1817; Киев, 1823, 1836, 1862, 1869). В каком-то из этих, очевидно, изданий Л. стала любимой книгой Н. В. Гоголя, с которой тот, по свидетельству доктора А. Т. Тарасенкова (Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 865), не расставался и которой оказался обязан именем и особенностью характера главный герой его повести «Шинель» (на Акакия Савваита, о котором идет речь в четвертой «степени» Л., как на прототипа Акакия Акакиевича указал К. Д. Зеeman, см.: Zeeman K. D. Eine Heiligelegende als Vorbild von Gogol's «Mantel» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1966. Bd 33. H. 1. S. 9). В XVIII в. свой перевод Л. сделал также Паисий Величковский; его издал оптинский старец Амвросий: Преп. о. н. Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица с алфавитным указателем и примечаниями. М., 1862; переиздания (с некоторыми отличиями в примечаниях): М.: изд. Козельской Оптиной пустыни, 1873, 1888, 1892, 1898, 1901. Другой русский перевод Л. вместе со «Словом к пастырю» см.: Преп. о. н. Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица и Слово к пастырю / Пер. с греч. при Московской духовной академии. М., 1851; переиздания: М., 1854, 1869; Сергиев Посад, 1894. Печатались также «Лествица преп. Иоанна в сокращенном изложении» Нестора (Святосанова) (Одесса, 1903) и «Избранные места из „Лествицы“ преп. о. н. Иоанна, игумена Синайской горы (Собраны вел. кн. Милицей Николаевной)» (СПб., 1908).

Лит.: Святой Иоанн Лествичник. М., 1881; Архангельский А. С. 1) Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский // ОЛДП. СПб., 1882. С. 160—163; 2) К изучению древнерусской литературы: Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888. С. 88—92; Соловьев И. Преподобный Иоанн Лествичник и его «Лествица» // Душеполезное чтение. 1889, март. С. 277—

320; Энцикл. словарь / Брокгауз и Эфрон. 1894. Т. 13^a (26). С. 671—672; Я и п м и р с к и й Л. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. XX // ИОРЯС. 1899. Кн. 2. С. 471—475; ПБЭ. Т. 6. Стб. 1005—1007; П е р е т ц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. // СОРЯС. Л., 1926. Т. 101, № 2. С. 73—77; К о р н е с е в а - П е т р у л а н М. Лествица 1479 г. как памятник письменного языка Псковской области XV в. // Slavica. 1931. Roč. 10. Seš. 1. С. 1—16; Seš. 2. С. 226—241; Д у ш а н и н С. Браничевски превод Лествице Јована Синаита. Браничево, 1956; П е р р е l M. 1) Some Slavonic Manuscripts of the «Scala paradisi» («Lestvica») // Byzantinoslavica. 1957. Т. 18 (2). P. 233—270; 2) The Rila Manuscripts of the «Lestvica» (Scala Paradisi) // Byzantinoslavica. 1971. Т. 32. P. 276—283; К о в т у н Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963. С. 217—260; В з д о р н о в Г. И. Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 174—195; П р о х о р о в Г. М. Келейная психастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирия, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 317—324; П о п о в Г. В. Дниwski и московские миниатюры: (иллюстрации Лествицы в рукописи Герасима Замыцкого — памятник белозерского периода деятельности художника) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1975; Д р а г у н с к и й Д. В. «Лествицы» Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 345—374; П о п о в Г. Новоткрыто сведение за преводаческа дейност на български книжовници от Света гора през първата половина на XIV в. // Български език. 1978. № 5. С. 402—410; С а е н к о Л. П. 1) К истории славянского перевода текста «Лествицы» Иоанна Синайского // Старобългаристика. София, 1980. Т. 4, № 4. С. 19—24; 2) К истории славянского перевода «Лествицы» Иоанна Синайского // Русско-болгарские связи в области книжного дела. Сборник научных трудов. М., 1981. С. 51—57; Т р и ф у н о в и њ Т. Речник уз српске преписе Лествице: Прилог познавању средњовековне лексикографије // Јужнословенскиј филолог. Београд, 1982. С. 79—87.

Г. М. Прохоров

Летописец Владимирский — летопись XVI в., сохранившаяся в двух списках XVI в. (ГИМ, Синод. собр., № 793 и собр. Черткова, № 362). Л. В. был известен историкам XVIII—нач. XIX в. под названием «Летописца Кривоборского» (по имени владельца Чертковской рукописи XVII в.), однако в последующие годы он был забыт. В 30-х гг. XX в. Л. В. был вновь обнаружен М. Н. Тихомировым, отметившим его близость с *Летописью Симеоновской* и доступными нам фрагментами *Летописи Троицкой*. Совпадение Л. В. с этими летописями оканчивается известием 6887 (1379) г.

Дополнительными источниками Л. В. были, очевидно, *Летопись Новгородская IV* и московское летописание XVI в., основанное на одном из московских великокняжеских летописных сводов; в последней части Л. В. обнаруживается совпадение (известие о причащении бывшего митрополита *Зосимы* в 1496 г.) с Прилуцким видом «*Летописца от 72-х язык*» и *Летописью Тверской*. Текст Л. В. доходит до 7031 (1523) г. В разделе, посвященном XVI в., содержится ряд известий о церковном строительстве и событиях в Москве при *Василии III* и митрополите Варлааме.

Изд.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 30.

Лит.: Щ е р б а т о в М. История российская от древнейших времен. СПб., 1773. Т. 1. С. 243, 250—258; К а р а м з и н Н. М. История государства Россий-

ского. СПб., 1892. Т. 2. Примеч. 153; Тихомиров М. Н. 1) Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания // ИЗ. М., 1942. Т. 13. С. 257—262; 2) Из «Владимирского летописца» // Там же. 1945. Т. 15. С. 278—300; 3) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 13—20; Муравьева Л. Л. 1) Новгородские известия Владимирского летописца // АЕ за 1966 г. М., 1968. С. 37—40; 2) Об общерусском источнике Владимирского летописца // Летописи и хроники. Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 146—149; 3) Летописание Северо-Восточной Руси XIII—XV вв. М., 1983. С. 27; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 25, 27—30, 36—44, 57.

Я. С. Лурье

Летописец Еллинский и Римский (в научной литературе именуется также Еллинский летописец; ЕЛ) — памятник хронографии. Автор и время создания неизвестны. А. А. Шахматов предполагал, что ЕЛ восходит к древнеболгарской «исторической энциклопедии» — компилятивному изложению всемирной истории, составленному в эпоху царя Симеона (X в.). К этой «энциклопедии», как считал исследователь, независимо одна от другой восходят обе известные ныне редакции ЕЛ. Эта точка зрения была опровергнута В. М. Истриным, установившим зависимость второй редакции ЕЛ от первой и датировавшим первую на основании косвенных данных временем до сер. XIII в. В настоящее время представляется, что и первая и вторая редакции ЕЛ восходят к общему архетипу — к не дошедшей до нас Архетипной редакции, состав которой лучше всего сохранился в первой редакции ЕЛ.

В Архетипной редакции на основе *Хроники Георгия Амартола*, *Хроники Иоанна Малалы* и *Александрии хронографической* первой редакции излагалась всемирная история от царствования Навуходоносора до царствования византийского императора Романа Лакапина (сер. X в.). Что же касается вводной части ЕЛ первой редакции, в которой повествуется о древнейшей истории — от сотворения мира до падения Израильского и Иудейского царств и в которой большое место занимает пересказ античных мифов, то принадлежность ее Архетипной редакции спорна: возможно, что эта вводная часть появилась лишь в ЕЛ второй редакции, откуда впоследствии перепла в состав ЕЛ первой редакции.

Первая редакция ЕЛ сохранила заголовок памятника: «Летописец еллинский и римский». Она дошла до нас в четырех списках: ГИМ, Синод. собр., № 280; собр. Уварова, № 10/1334; ГПБ, собр. Погодина, № 1437 (только первая половина текста) и БАН, 45.10.6 — три фрагмента из памятника. Список БАН — кон. XV в., остальные списки — XVI в.

Вторая редакция ЕЛ была составлена, видимо, в XV в., не позднее 1453 г. В основу ее был положен также текст Архетипной редакции, существенно дополненный по *Хронографу по великому изложению*. Кроме того, текст Александрии был заменен текстом другой, расширенной редакции памятника. Во вторую редакцию ЕЛ вошли полный текст Книги пророка Даниила с толкованиями Исполити, почти полный текст Жития Константина и Елены, рассказ о взятии Иерусалима Титом, *Сказание о построении храма святой Софии*

в Константинополе, два сказания о посмертном прощении императора-иконоборца Феофила, фрагменты из *Жития богородицы Елифания Кипрского* и ряд извлечений из других памятников. Основной компонент Архетипной редакции ЕЛ — текст Хроники Георгия Амартола — напротив, был сокращен: опущены фрагменты, содержащие богословские и мировоззренческие рассуждения. В заключительной части редакции читаются русское летописное сказание о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. (см. *Повесть о взятии Царьграда фрягами*) и небольшие извлечения из летописей (о походах на Византию Олега и Игоря). Завершается редакция кратким перечнем византийских императоров, доведенным до Мануила Палеолога (вступил на престол в 1391 г.).

Вторая редакция ЕЛ является значительным этапом в развитии древнерусской хронографии. В результате серьезной редакторской переработки текста Архетипной редакции памятник стал более сюжетным, значительно увеличился объем исторических сведений, в нем содержащихся. Текст был разбит на небольшие статьи, выделенные киноварными заголовками, что сделало памятник более наглядным, помогало ориентации в его тексте. Известны две разновидности редакции — Академический и Чудовский виды. Различие их в следующем. В списках Академического вида отсутствует вводная часть и изменен порядок статей в разделе, содержащем Видения пророка Даниила. Академический вид представлен списками: 1) ГБЛ, собр. Пискарева, № 162 (переписан в 1485 г. *Иваном Черным*); 2) БАН, 33.8.13, послуживший оригиналом для Пискаревского списка (список БАН неполный — отсутствует начало текста); 3) ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 1/6, продолженный в рукописи ГИМ, Синод. собр., № 86; 4) ГБЛ, собр. Егорова, № 867 (копия Пискаревского списка); 5) ГПБ, Соф. собр., № 1520 (фрагмент ЕЛ от Александрии до статьи об императоре Тите). Кроме того, к спискам этого вида восходит список ГБЛ, собр. Ундольского, № 720 — фрагмент текста с многочисленными индивидуальными чтениями.

Чудовский вид представлен тремя списками: Чудовским (ГИМ, Чуд. собр., № 51/353), списком ГПБ, собр. ОЛДП, F.33 и Толстовским (ГПБ, F.IV.91). Все списки в той или иной степени дефектны: в Чудовском отсутствует начало, в списке ОЛДП — начало и конец, имеются также утраченные листы на всем протяжении текста. Особенно много листов утратил Толстовский список.

Особняком стоит недавно обнаруженный список БАН, Арханг. собр., С. 18. Он отражает, вероятнее всего, текст Академического вида, но на раннем этапе его истории, когда он был еще весьма близок к версии текстов, представленной списками Чудовского вида, но не содержавшей еще ряда вторичных изменений, им присущих. Однако Архангельский список имел специфическую индивидуальную историю. Текст «Александрии» в его составе в большей своей части отражает не вторую, а первую редакцию памятника, после «Александрии» в списке регулярно исключаются отдельные статьи, содержащие менее значительные, с точки зрения редактора, сведения; текст поддается редакционной переработке.

Вторая редакция ЕЛ была широко использована при создании различных редакций *Хронографа Русского* — редакции 1512 г., Западнорусского, Пространного хронографа, редакции 1617 г., а также при составлении второго (БАН, 17.17.9) и третьего (ГПБ, F.IV.151) томов *Летописного свода лицевого* (см.: Т в о р о г о в О. В. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 353—364). С ЕЛ сходны по составу и источникам другие хронографические компиляции — *Хронографы Архивский, Виленский, Софийский, Тихонравовский и Троицкий*.

Попытка издания ЕЛ была предпринята в начале нашего века К. К. Истоминым. Издание не было завершено; корректуры первой части памятника (до времени римского императора Аврелиана) хранятся в ИРЛИ АН СССР и ЛОИИ АН СССР. Незначительные фрагменты из обеих редакций памятника публиковались А. Н. Поповым, В. М. Истриным (в его изданиях *Хроники Иоанна Малалы* и *Хроники Георгия Амартола*).

Лит.: П о п о в А. 1) Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 1—95; 2) Библиографические материалы. Хронографы Московского Чудова монастыря // ЧОИДР. 1889. Кн. 3. С. 1—72; Ш а х м а т о в А. А. Древнеболгарская энциклопедия X века // ВВ. СПб., 1900. Т. 7, вып. 1—2. С. 1—35; В и л н е к и й С. Сказание о Софии Цареградской в Еллиинском летописце и в Хронографе // ИОРЯС. СПб., 1903. Т. 8, кн. 3. С. 1—43; И с т р и н В. М. 1) Один только перевод Псевдокаллифена, а древнеболгарская энциклопедия X века — мнимая // ВВ. СПб., 1903. Т. 10, вып. 1—2. С. 23, 26—30; 2) К вопросу о взаимоотношении Еллиинских летописцев и Архивного (Иудейского) хронографа // ИОРЯС. СПб., 1912. Т. 16, кн. 4. С. 125—142; Л и х а ч е в Д. С. Еллиинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 100—110; К у ч к и н В. А. Один из источников Еллиинского летописца второго вида // ВВ. 1967. Т. 27. С. 319—324; К л о с с Б. М. 1) Книги, редактированные и писанные Иваном Черным // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1971. Вып. 32. С. 61—72; 2) К вопросу о происхождении Еллиинского летописца второго вида // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 370—379; Т в о р о г о в О. В. 1) К изучению древнерусских хронографических сводов. I. Редакция Еллиинского летописца // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 380—393; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 24—32, 111—159, 274—304; 3) Новонайденный список Летописца Еллиинского и Римского // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги. 1985. Л., 1987. С. 51—55.

О. В. Творогов

Летописец начала царства (в рукописной традиции: «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси») — официальная летопись, излагающая события 1533—1552 гг. Л. н. ц., основанный на документальных материалах, подробно освещает вопросы внутренней и внешней политики, городское строительство, дворцовые церемонии, содержит хронику военных операций. Л. н. ц. составлен в связи с победой над Казанским ханством и заканчивался описанием праздничных торжеств.

В последующие годы Л. н. ц. неоднократно редактировался. Редакция, доведенная до 1556 г., вошла в состав *Летописи Никоновской*. По сравнению с первоначальным текстом здесь были сделаны вставки, возмечивавшие правителя А. Ф. Адашева (который признается составителем и первой редакции), усилена критика в адрес

своевольного боярства. Редакция 1556 г. впоследствии пополнилась статьями 1556—1558 гг., куда были включены и проекты двух адашевских реформ. Известна еще редакция Л. н. ц., доведившая изложение до 1560 г. (в этом году Адашев подвергся опале и вскоре скончался). Летописные записи последующего времени заносились в черновые тетради, хранившиеся в царском архиве. В 1568 г., согласно Описи царского архива, «Летописец» (т. е. Л. н. ц. редакции 1560 г.) и «тетради» с записями за 1560—1568 гг. были пересланы в Александровскую слободу, где в это время находилась царская резиденция, и были подвергнуты обработке в связи с использованием в *Летописном своде Лицевом*. Несколько ранее (в сер. 60-х гг. XVI в.) Л. н. ц. редакции 1560 г. был включен в состав свода 1560 г., который, в свою очередь, отразился в *Летописи Львовской*. После 1568 г., в связи с опричным террором и общегосударственными потрясениями, официальное летописание надолго прекращается и восстанавливается (в несколько иных формах) только к кон. XVI—нач. XVII в.

Изд.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 29.

Лит.: Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзорные летописные своды Руси Северо-Восточной». СПб., 1899. С. 175—176; Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // ИЗАК. 1927. Вып. 1 (34). С. 77—90; Змиин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 29—41; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 195—196.

Б. М. Клосс

«Летописец от 72-х язык» — летописная компиляция кон. XV—нач. XVI в., состоящая из двух основных частей: первой, доведенной до 6926 (1418) г. и сходной с *Летописью Ермолинской*, и второй, доходящей до 6985 (1477) г. и близкой в общих чертах с *Летописями Никаноровской, Вологодско-Пермской* и *Летописным сводом Московским великокняжеским 1479 г.* Окончание Л. различается в трех его основных видах — Лихачевском, Прилуцком и Уваровском. В Лихачевском виде после 6985 г. следует текст, близкий к Московскому своду кон. XV в.; в Прилуцком виде — текст, сходный с *Летописью Типографской* (Синодальной редакции) и доведенный до 7005 (1497) г.; в Уваровском виде до 6991 (1483) г. — текст, сходный с Прилуцким видом и *Типографской* (Синодальной) летописью, а с 6991 г. — текст, сходный с *Летописями Софийской II и Львовской*.

В науке ранее других стал известен Уваровский вид Л. (Уваровская летопись) — текст памятника был сопоставлен с Ермолинской летописью, а отрывок из него напечатан в приложении к изданию этой летописи. А. Н. Насонов открыл Прилуцкий вид Л., назвав его летописным сводом 1497 г., и обнаружил его близость к Уваровскому. Прилуцкий и Уваровский виды Л. были полностью опубликованы в 1963 г. под названием «Летописные своды 1497 и 1518 г.». Уже после этого издания В. Ф. Покровская открыла Лихачевский вид Л. В большинстве списков памятник имеет название «Летописец русский от семидесят и дву язык», и это название следует, очевидно, закрепить за ним в научной традиции.

Наиболее оригинальной является, несомненно, вторая часть Л., содержащая фрагмент великокняжеского летописания за 6925—6985 (1417—1477) гг. Текст этого фрагмента позволяет предполагать, что он восходит к великокняжеской летописи, предшествовавшей Московскому своду 1479 г.: в нем нет вторичных вставок свода 1479 г. — пространного рассказа о Флорентийском соборе 1439 г. и известия о том, что новгородцы в 1477 г. сами назвали *Ивана III* «государем». Видеть в первой части Л. именно редакцию 1477 г. великокняжеского свода позволяет также перечень князей, помещенный непосредственно после фрагмента в одном из видов Л. (Прилуцком): здесь упомянут старший сын *Ивана III*, но еще не упоминается второй сын *Василий III*, родившийся в 1479 г.

В Лихачевском виде Л. основной текст дополнен окончанием из великокняжеского свода в редакции 2-й пол. 90-х гг. XV в. (но обрывающимся на 6996 (1488) г.). В Прилуцком виде окончание заимствовано из свода 1497 г., близкого к Типографской (Синодальной) летописи; конец летописи близок здесь к великокняжескому летописанию, но содержит оригинальные известия о поставлении ростовского архиепископа *Тихона* в 1489 г. и о покаянии *Ивана III* перед иерархами в 1497—1498 гг. в связи с убийством его брата *Андрея Углицкого*; известия эти, возможно, восходят к ростовской редакции великокняжеского свода кон. XV в. В окончании Уваровского вида отразился тот же свод 1497 г., что и в Прилуцком виде, и, в дополнение к нему, великокняжеский свод в редакции 1518 г.

Изд.: ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28 (ср.: ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 163—188 — начальные статьи и окончание Уваровского списка).

Лит.: Шахматов. Обзорение. С. 117—150; Насонов А. Н. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания // ПИ. М., 1958. Вып. 6. С. 252—255; 2) История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 374—378; Сербин А. К. 1) Из истории русского летописания конца XV в. // ПИ. М., 1963. Вып. 11. С. 391—428; 2) Летописный свод 1518 г. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 587—608; Лурье Я. С. 1) Новые памятники русского летописания XV в.: (к выходу в свет тт. XXVII и XXVIII ПСРЛ) // История СССР. 1964. № 6. С. 126—127; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 139—141, 174—177, 221—223, 257—258; Покровская В. Ф. Летописный свод 1488 г. из собрания Н. П. Лихачева // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 28—32; Назаров В. Д. Конец золотоордынского ига // ВИ. 1980. № 10. С. 111—117; Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописаниях конца XV в. // Древнерусское искусство XIV—XV вв. М., 1984. С. 283—313.

Я. С. Лурье

Летописец Постниковский см. *Постник Губин*.

Летописец Рогожский — летопись 1-й пол. XV в. Единственный список Л. Р. сер. XV в. (ГБЛ, ф. 247, Рогожск. собр., № 253) был открыт в нач. XX в. Н. П. Лихачевым. Л. Р. состоит из нескольких частей. Вплоть до 6796 (1288) г. текст его представляет довольно краткую компиляцию, основанную на двух источниках — суздальском летописце, доведенном до посл. четв. XIII в., и кратких выдержках из *Летописи Новгородской IV*. Во второй части Л. Р., за 6796—

6835 (1288—1327) гг., помещен текст тверского летописания, сходный с соответствующим текстом *Летописи Тверской XVI в.* Следующая часть Л. Р., за 6836—6882 (1328—1374) гг., представляет собой систематическое соединение двух источников — тверского, сходного с Тверской летописью, и общерусского, сходного с *Летописью Симеоновской* и восходящего, очевидно, к тексту, близкому к *Летописи Троицкой*. С 6883 (1375) г. следы тверского источника Л. Р. прерываются, и Л. Р. становится почти идентичным с Симеоновской летописью; как и в Симеоновской, текст этот с нач. 90-х гг. расходится с текстом Троицкой (судя по цитатам Карамзина). М. Д. Приселков предполагал, что в основе Л. Р. (и соответствующей части Симеоновской) лежит свод 1408 г. (протограф Троицкой) в редакции 1412 г., составленной в Твери. Поскольку, однако, буквальные совпадения Л. Р. с Троицкой доходят лишь до нач. 90-х гг., не исключена возможность, что в основе Л. Р., как и Симеоновской летописи, лежала не Троицкая летопись, а ее протограф кон. XIV в. В пользу тверского происхождения этой редакции говорят тверские известия 1410—1412 гг. и *Повесть о нашествии Едигея* в 1408 г., где специально отмечается судьба тверских земель во время нашествия; составителем рассказа о нашествии Едигея в 1408 г. был, по предположению М. Д. Приселкова, автор-москвич, недовольный политикой Василия и бежавший в Тверь. Уже при редактировании Л. Р. к тексту редакции 1412 г. были добавлены чисто тверские известия за 1288—1375 гг. из тверского летописания.

Ценность Л. Р. в значительной степени определяется ранней датировкой его единственной рукописи. Хотя Л. Р. был составлен, очевидно, не ранее 50-х гг. XV в. (время пребывания Дмитрия Шемяки в Новгороде), список его по своим палеографическим данным немногим позднее этих годов. В ряде случаев текст Л. Р. передает текст, близкий к Троицкой, точнее, чем Симеоновская летопись.

Изд.: ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1 (фотографическое воспроизведение: М., 1965).

Лит.: П а с о н о в А. Н. Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН СССР. VII сер. Л., 1930. № 9. С. 724—738; Ш а х м а т о в. Обзорение. С. 311—321; П р и с е л к о в М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 115—118; Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 458—459; Л у р ь е Я. С. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 36—42, 49—55, 88—91; 2) О московском летописании конца XIV в. // Всесоюзные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11. С. 3—19; П р о х о р о в Г. М. 1) «Летописец великий русский»: Анализ его упоминания в Троицкой летописи // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 67—77; 2) Избыточные материалы Рогожского летописца // Всесоюзные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8. С. 185—203; 3) Центральнорусское летописание второй половины XIV в.: (Анализ Рогожского летописца и общие соображения) // Там же. Л., 1978. Т. 10. С. 159—181.

Я. С. Лурье

Летописец Соловецкий — летописец Соловецкого монастыря, составленный в кон. XVI в. О существовании местного летописания на Соловках в кон. XVI в. свидетельствуют три рукописи с летописными текстами: ГИМ, собр. Хлудова, № 184; ГПБ, Солов. собр., № 877/987 (далее — Сол. 877) и № 22/1481 (далее — Сол. 22). Эти

летописцы не имеют между собой полного тождества в содержании, но восходят к общим источникам, в частности в передаче местных соловецких известий. Для установления точного взаимоотношения между ними требуется проведение специального исследования. М. Н. Тихомиров обратил внимание на текст летописной компиляции в рук. собр. Хлудова, № 184 и определил в ее составе как самостоятельный летописец текст, начинающийся с венчания на царство *Ивана IV* (1547 г.) и оканчивающийся смертью Федора Иоанновича (1598 г.). Этот летописец, по мнению М. Н. Тихомирова, безусловно, написан на Севере, так как в него включены известия местного характера, особенно подробно изложено о борьбе со шведами на Беломорском побережье. Но автор летописца по преимуществу основывался на новгородском летописании.

Летописчики Сол. 22 и Сол. 877 начинают свое повествование с даты прихода Рюрика на Русь (862 г.), а заканчивают, так же как и летописчик рук. собр. Хлудова, № 184, известиями о борьбе со шведами на Беломорье в кон. XVI в. Как эти известия, так и общерусские во всех трех летописцах имеют общее происхождение. В списке собр. Хлудова, № 184 значительно меньше приведено местных соловецких известий и иногда в меньшем объеме передан общерусский и особенно новгородский материал.

Ведение местного летописания на Соловках наиболее наглядно прослеживается в содержании летописцев в списках Сол. 22 и Сол. 877. Сразу же надо отметить, что они не идентичны. В Сол. 22 общерусские известия переданы в значительно меньшем объеме, чем в Сол. 877, причем они не представляют собой сокращения текста Сол. 877, а являются самостоятельной выборкой отдельных фактов. По сравнению со списками собр. Хлудова, № 184 и Сол. 22 наиболее полным в передаче общерусских известий является список Сол. 877. Вопрос о том, сокращал ли Сол. 22 текст списка Сол. 877 или, наоборот, последний вторично обращался к источнику с общерусскими известиями, остается открытым. Судить об общем источнике, передающем общерусские и новгородские известия, легче всего на основании текста Сол. 877. В летописи, из которой делались заимствования в Л. С., содержались некоторые оригинальные, не упоминаемые в официальном летописании факты, но они известны по новгородскому летописанию. Особенно характерными и наглядными являются совпадения в Л. С. с *Летописью Новгородской II*: 1) история сведения с архиепископства Серапиона (ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 3. С. 147—148), 2) описание «грома» и «труса» во всей Русской земле в день рождения *Ивана IV* (там же. С. 14). Большой интерес составителя Л. С. к новгородской архиепископии и новгородским событиям позволяет думать, что источником для него послужил один из списков новгородского владычного летописания, близкий НИЛ, которая очень плохо изучена (Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 444).

Известия, относящиеся непосредственно к Соловецкому монастырю, почти полностью совпадают в списках Сол. 877 и Сол. 22, за исключением двух-трех случаев. Первым известием, имеющим от-

ношение к Соловецкому монастырю, является дата кончины Савватия — 6944 г.; затем сообщается о Зосиме под 6986 г.: «Того же лета, апреля в 17 день преставися преподобный отец наш Зосима, Соловецкого монастыря начальник» (Сол. 877, л. 150 об.). Записи эти сделаны, безусловно, на основании текста *Жития Зосимы и Савватия*. С 1538 г. в Л. С. включаются сведения о монастыре, носящие поначалу характер отдельных припоминаний о наиболее важных событиях: о пожаре, о строительстве церковей. В пользу такого происхождения записей свидетельствует то, что при этом не говорится о митрополите *Филиппе II*. В дальнейшем регулярно сообщается о смене игуменов и о их поездках в Москву и Новгород. Единственное лицо, деятельность которого прослеживается с момента приезда его в монастырь в 1564 г., — это Соловецкий игумен *Иаков*. Впервые в связи с этим известием упомянуто и о *Филиппе Колычеве*, при котором *Иаков* постригся в монахи. Отдельной летописной статьей является сообщение о том, что *Иаков* в 1573 г. с Соловков был взят в игумены в Палеостровский монастырь, о его двух поездках в Новгород как игумена этого монастыря, о возвращении его на Соловки в 1579 г., о назначении его игуменом Соловецкого монастыря по просьбе соловецких монахов. Это назначение он получил в Москве и по приезде в монастырь в 1582 г. приступил к строительству каменной крепости. Такое исключительное внимание к личности *Иакова* скорее всего может объясняться тем, что он был одним из организаторов ведения летописных записей в монастыре. Если учесть, что *Иаков* известен как любитель книжности и, будучи игуменом, поддерживал книгописную деятельность в монастыре, то мысль о роли его в создании соловецкого местного летописания покажется еще более убедительной.

В. И. Корецкий обратил внимание на некоторые замечания в летописце Сол. 22, из которых следует, что составитель летописца говорит о себе как об участнике передаваемых событий (так, в статье 1570 г. он пишет: «А мы в ту пору зимовали на Москве с Геронтием» — л. 61). Сопоставив подобные заметки в Л. С. с данными соловецких расходных книг 1571—1572 гг., исследователь пришел к выводу, что с кон. 50-х до кон. 80-х гг. XVI в. составителем летописца Соловецкого монастыря мог быть келарь, а затем соборный старец *Петр* по прозвищу *Ловушка*. Деятельность старца *Петра*, связанная с его поездками для нужд монастыря, достаточно четко прослеживается по расходным книгам до кон. 80-х гг. XVI в. Последнее упоминание о нем среди соборных старцев относится к 1587 г.

Сообщения *Петра Ловушки* о его участии в поездках для нужд монастыря не вошли в текст более обширного исторического повествования в рук. Сол. 877. Между прочим, в летописце Сол. 877 оказалось опущенным известие о времени возвращения *Иакова* на Соловки из Палеостровского монастыря.

Изд.: Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // ИА. М., 1951. Т. 7. С. 217—236 (переизд. в кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 192—206); Корецкий В. И. Соловецкий летописец

конца XVI в. // *Летописи и хроники*. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 223—243.

Лит.: Тихомирров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 117—118; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977. С. 157—158; Буров В. А., Скопин В. В. О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе Тихоне // *Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города. Ансамбли. Зодчие*. М., 1985. С. 58.

Р. П. Дмитриева

Летописи белорусско-литовские (западнорусские) — летописи XV—XVI вв., представленные тремя основными сводами. Свод 1446 г., дошедший в нескольких вариантах XV—XVI вв. (Никифоровский, Академический, Супрасльский и Слуцкий), именуется в литературе «Белорусской первой летописью» (В. Черемидский). Основной текст летописи, доведенный до 6954 (1446) г. озаглавлен «Избрание летописания изложено вкратце» и представляет собою, действительно, сильно сокращенный летописный текст. Этот текст состоит из четырех частей. Начальная часть, до 6818 (1310) г., близка к *Летописи Новгородской IV*. Вторая часть, охватывающая период с 6817 (1309) по 6896 (1388) г., сходна с *Летописями Трошской* и *Симеоновской* и отражает, очевидно, в сокращенном виде текст, близкий к митрополичьему летописанию кон. XIV в. или 1408 г. Третья часть летописи начинается 6893 (1385) г. (текст 6896 г. дублируется) и доведена до 6926 (1418) г. — она близка к *Летописи Софийской I*. Четвертая часть летописи — с 6927 (1419) г. — наиболее оригинальна: она включает под 6939 (1431) г. смоленскую хроникку, похвальное слово великому князю литовскому Витовту; в целом же текст 6927 (1419)—6954 (1446) гг. представляет собой, по всей видимости, продолжение митрополичьего свода 1408 г., составленное при преемниках *Киприана — Фотии* и Герасиме, руководившем общерусской митрополией из Смоленска (отсюда ряд смоленских известий за 1440—1445 гг.). После окончания основного текста «Избрания летописания. . . вкратце» в Летописи помещен «Летописец великих князей литовских» — своеобразная историческая повесть (без обычного для летописи погодного изложения) о борьбе за литовский престол между Ягайло и Кейстутом и о Подольской земле.

Общерусская по характеру Белорусская I летопись несомненно возникла на территории Великого княжества Литовского в православной среде, однако точная дата составления этого памятника неизвестна. Если в нем, наряду со смоленским митрополичьим сводом 1446 г., были использованы также НIVЛ и СИЛ с их индивидуальными (вторичными по отношению к общему протографу — своду 1448 г.) чертами, то, очевидно, Белорусская I летопись в целом была составлена не ранее 50-х гг. XV в. В литературном отношении эта летопись особенно интересна как памятник, отражающий эволюцию исторического повествования от летописной к иной — хроникальной (более характерной для Польши и Литвы) системе изложения. На основе свода 1446 г. были составлены в XVI в. в Великом

княжестве Литовском второй («Хроника Великого княжества Литовского и Жемайтского») и третий («Хроника Быховца») летописные своды общегосударственного характера.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 1—152; М., 1980. Т. 35. С. 19—84.
Лит.: Данилова И. О литовских летописях // ЖМНП. 1840. № 11. С. 70—114; Szaganięwicz J. O latopisach i kronikach ruskich XV i XVI wieku a zwłaszcza o «Latopisie Wielikoho Kniaźstwa Litowskeho i Żomojtskeho» // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1882. Т. 15. С. 351—423; Smolkа S. Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego. Rozbiór krytyczny // Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydział filologiczny i historyczno-filozoficzny. Kraków, 1890. Т. 8. С. 1—55; Prochaska A. Latopis litowski. Rozbiór krytyczny. Lwów, 1890; Тихомиров И. А. О составе Западно-русских, так называемых Литовских летописей // ЖМНП. 1901. № 3. С. 1—36; № 5. С. 7—119; Шахматов А. А. 1) О Супрасльском списке Западно-русской летописи // ЛЗАК. СПб., 1901. Вып. 13. С. 1—16; 2) Записка о Западно-русских летописях // Там же. С. 33—49; 3) Обзорение. С. 329—345; Сушицкий И. Т. Західньо-руські літописи як пам'ятки літератури. Київ, 1930; Пирелко в М. Д. 1) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 155—158; 2) Летописание Западной Украины и Белоруссии // Учен. зап. ЛГУ. 1970. № 67. Сер. истор. наук. Вып. 7. С. 17—21; Чамярыцкі В. А. Белорускія літопісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 38—42, 115—116; Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.

Я. С. Лурье

Летописи Псковские — летописи XV—XVII вв., связанные единством происхождения, но представляющие собой несколько самостоятельных памятников. Уже издатели Л. П. в ПСРЛ в 1848—1851 гг. выделили две летописи под этим наименованием — Псковскую первую летопись (Архивский 1-й, Архивский 2-й, Строевский и другие списки) и Псковскую вторую (Синодальный список). А. Н. Насонов в издании 1941—1955 гг. привлек неизвестный прежде Тихановский список Л. П., близкий к Архивскому 1-му, и обнаружил важные различия между этими списками и Строевским, Архивским 2-м и другими. Он выделил на этом основании три Л. П.: Псковскую I (Тихановский, Архивский 1-й и другие списки), Псковскую II (Синодальный список) и Псковскую III (Строевский и Архивский 2-й списки).

Л. П. содержат богатый материал по истории псковской земли, Новгорода, Прибалтики и Москвы. Летописное дело в Пскове зарождается в XIII в., в XIV в. оно принимает регулярный характер. Центром летописного дела в Пскове на протяжении XIV в. был Троицкий собор, руководили псковским летописанием выборные вечевые власти, в частности посадники. Псковская летопись XIII—XIV вв. носит по преимуществу деловой, местный характер. Центральное место в текстах XIII—XIV вв. занимают рассказы о сражениях с Ливонским орденом, описание «разрятий» и спор с Новгородом и Литвой, записи о строительстве церквей и городских стен, о поставлении князей и посадников, о неурожаях, голоде, болезнях, небесных знамениях и т. д. Сообщения об общерусских

событиях в Л. П. немногочисленны и законичны. Трудно судить о том, сложились ли летописные записи XIV в. в свод. Г.-Ю. Грабмюллер считает, что первый псковский свод был составлен в 1368 г. Я. С. Лурье в рецензии на книгу Грабмюллера справедливо замечает, что существование свода сер. XIV в. возможно, но текстологически не доказано.

В XV в. летописные записи становятся все более подробными, охватывая весь круг событий военной, гражданской и церковной жизни Пскова и приобретая постепенно общерусский характер, тематика их расширяется, интерес начинают вызывать события, которые не имеют прямого отношения к Пскову: борьба в Орде, удельные смуты, события в Литве и Новгороде. К кон. XIV—1-й пол. XV в. можно отнести составление одного из первых псковских летописных сводов, его следы обнаруживаются в общерусском летописании: псковский свод (его состав не изучен) был одним из источников общерусского свода 40-х гг. XV в., протографа *Летописей Софийской I и Новгородской IV*. Г.-Ю. Грабмюллер выделяет несколько псковских летописных сводов 1-й пол. XV в. — своды 1410, 1426, 1436, 1447 гг., но и их существование не имеет точных текстологических доказательств. 2-й пол. XV в. датируются первые дошедшие до нас псковские своды; в это же время выделяются три ветви псковского летописания, различные по своим идейно-политическим тенденциям, — Псковские I, II и III летописи (ПЛ, ППЛ, ППЛ).

ППЛ имеет несколько редакций XV—XVII вв. Самая ранняя — свод 1469 г. — представлена Тихановским списком. ППЛ по Тихановскому списку открывается *Повестью о Довмонте*, затем следует краткое хронографическое введение, после чего начинается изложение русской и псковской истории. Заканчивается свод рассказом о событиях 1464—1469 гг., связанных с борьбой Пскова за самостоятельную епископию. Этот свод, как считает А. Н. Насонов (Из истории псковского летописания. С. 271—272), восходит к своду 1464 г., общему протографу Л. П. Близость между тремя Л. П. наблюдается до 1482 г.; А. А. Шахматов предполагал существование свода 1481 г.

Новая редакция ППЛ представлена сводом 1547 г. (списки Погодинский и Оболенского, оригинал этого свода представлен Баршавским списком, который датируется 1548 г.); под 1446 г. в нем читается *Летопись Новгородская Хронографическая* (НВЛ), а с 1447 г. текст, близкий Архивскому 1-му списку. Составление свода 1547 г. связывают с Псковским Елеазаровым монастырем и именем старца *Филофея*. В своде 1547 г., как и в посланиях Филофея, сочетаются уважение к великому князю московскому и безусловное приятие его власти с обличением московских наместников и тех порядков, которые они установили в Пскове. Особенно отчетливо эти настроения проявляются в описании событий 1510 г. (см.: *Повесть о псковском взятии*), а также в статьях 1528 и 1541 гг. В XVII в. свод 1547 г. был переработан на основе общерусского и новгородского материала при Новгородском Софийском соборе, при этом сокращению подвергались тексты как НВЛ, так и ППЛ.

IIIJ представляет собою свод 1567 г., продолженный затем до сер. XVII в. IIIJ по 1481 г. включительно восходит к общему с ПJJ протографу, содержание которого обе летописи передают с разной полнотой. Взаимоотношения ПJJ и IIIJ в известиях за кон. XV—XVI вв. еще не выяснены. Близость между ними в отдельных текстах наблюдается и после 1481 г., что предполагает существование еще одного свода, служившего их общим источником. В IIIJ текст этого источника передан в более сокращенном виде, чем в ПJJ. Расходятся летописи и в оценке многих событий (свод 1567 г. резко враждебен власти великого князя московского). Свод 1567 г. дошел до нас в оригинале — Строевском списке 60-х гг. XVII в. Основной летописный текст в Строевском списке кончается на 1556 г., дальнейший текст до 1567 г. носит характер приписок, сделанных разными почерками. Содержание приписок разнообразно, некоторые из них связаны с интересами и историей Псково-Печерского монастыря. Изучение Строевского списка, содержания свода 1567 г. в целом и соотношения Строевского списка с другими списками IIIJ привели А. Н. Насонова к выводу (вызывавшему, однако, возражения Н. Е. Андреева), что свод 1567 г. создавался в Псково-Печерском монастыре и был составлен если не самим игуменом *Корнилием*, то под его непосредственным руководством. Строевский список IIIJ хранился в Псково-Печерском монастыре, здесь он был продолжен до сер. XVII в. В Псково-Печерском своде сер. XVII в. был полностью переписан свод 1567 г., затем составитель обратился к иным источникам и вновь рассказал о событиях 1493—1645 гг. Состав этих новых источников не изучен, среди них могли быть, считает А. Н. Насонов (Псковские летописи. Вып. 2. С. XXXIII), *Летописи Воскресенская* или *Львовская*, NVJ и сложная компиляция из кратких общерусских и псковских известий. Псково-Печерский свод сер. XVII в. попал в руки коллекционеру рукописей В. Н. Собакину, сыну псковского воеводы, и по его приказу был переписан с небольшими добавлениями из разрядных книг, а также записями о Н. С. Собакине. Так появился Архивский 2-й список IIIJ.

Особое место в псковском летописании занимает ПJJ — свод 1486 г.; она дошла до нас в единственном списке кон. XV в. (ГИМ, Синод. собр., № 154). ПJJ восходит к общему с ПJJ и IIIJ протографу, каковым, вероятнее всего, был свод 1481 г. Однако его содержание в ПJJ подверглось сокращению и переработке в промосковском духе.

Составление свода 1486 г. Г.-Ю. Грабмюллер связывает с группой посадников, которые выступали совместно с князем Ярославом и пользовались поддержкой великого князя *Ивана III*. Среди них он выделяет Степана Максимовича Дойниковича (псковский посадник в 1476—1484, 1486—1499 гг.) и считает, что именно ему принадлежит инициатива составления летописи, которая оправдывала действия посадников в событиях 1483—1486 гг. Степан Максимович известен как заказчик и другого сборника кон. XV в. — Псково-Печерского, содержащего *Слово о гибели Русской земли с По-*

вестью о житии Александра Невского (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. С. 195—201).

Изд.: Псковская летопись. М., 1837; ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4; СПб., 1851. Т. 5; Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1; М., 1955. Вып. 2.

Лит.: Тихомиров И. А. О первой псковской летописи // ЖМНП. 1883, окт. С. 208—236; Шахматов А. А. 1) К вопросу о происхождении хронографа // СОРЯС. 1899. Т. 66, № 8. С. 108—113; 2) Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. // ЖМНП. 1909, июнь. С. 105—177; 3) Обзорение. С. 369; Иконников В. С. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 783—848; Насонов А. Н. 1) Летописные памятники Пскова // Историк-марксист. 1937. № 5—6. С. 271—272; 2) Из истории псковского летописания // Изв. 1946. Т. 18. С. 255—294; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 34, 127, 329, 385—391, 460—465; Масленикова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 159—162; Рогов А. И. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши // Studia Źródłoznawcze. 1969. Т. 14. S. 153—154; Адреев П. Е. О характере 3-й Псковской летописи // The Religious World of Russian Culture. Hague; Paris, 1975. Vol. 2. P. 117—158; Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975 (Лурье Я. С. [Рецензия] // Russia Mediaevalis. München, 1977. Т. 3. S. 83—92); Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 77—78, 100; [Щапов Я. Н.]. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Вып. 1. С. 19—22.

В. И. Охотникова

Летописный свод Лицевой — свод XVI в., самое крупное летописно-хронографическое произведение средневековой Руси. Л. с. Л. дошел до нас в 10 томах, где почти каждая страница украшена миниатюрами (всего миниатюр более 16 000). Первые три тома Л. с. Л. посвящены всемирной истории: 1) Хронограф ГИМ (Музейск. собр., № 358); 2) Хронограф БАН (17.17.9); 3) Хронограф ГПБ (F.IV.151). Русская история, изложенная в семи томах, начинается с 1114 г. и обрывается на 1567 г. (окончание утеряно, но, по-видимому, было доведено до 1568 г.); 4) Голицынский том (ГПБ, F.IV.225); 5) Лаптевский том (ГПБ, F.IV.233); 6, 7) два тома Древнего летописца (БАН, 31.7.30, т. 1, 2); 8) Шумиловский том (ГПБ, F.IV.232); 9) Синодальная летопись (ГИМ, Синод. собр., № 962); 10) *Царственная книга* (ГИМ, Синод. собр., № 149). Том, содержавший начальную русскую историю, не сохранился.

Л. с. Л. создавался по заказу *Ивана IV Грозного* в период 1568—1576 гг. в Александровской слободе, ставшей во времена опричнины политическим центром Русского государства, постоянной резиденцией царя. Изложение исторического процесса в Л. с. Л. соответствовало целям укрепления самодержавной власти царя, созданию представления, что Русь является наследницей древних монархий, оплотом православия. Однако около 1575 г. подготовленный текст и иллюстрации с изложением истории правления Грозного (за 1533—1568 гг.) подверглись по указанию царя существенному пересмотру: в многочисленных приписках, сделанных неизвестным редактором на полях рукописи, содержались обвинительные материалы против

лиц, которые подверглись опалам и казням во времена опричного террора. Таким образом, Грозный старался оправдать кровавые расправы над непокорным боярством. Редактирование Л. с. Л. проводилось в период обострения внутриклассовой политической борьбы и последовавших новых казней. По неизвестным причинам работа над Л. с. Л. не была завершена: миниатюры последней части свода выполнены лишь в чернильном очерке, но не раскрашены, отредактированный текст был переписан не полностью; бумага свода была передана на нужды Печатного двора в Александровской слободе и использовалась в 1576 г. при печатании Псалтири.

Над составлением Л. с. Л. трудился целый штат царских книгописцев и художников. В настоящее время найдено несколько рукописей, привлекшихся при создании Л. с. Л. и наглядно отразивших различные этапы работы над ним. Так, в хронографической части свода использованы «История Иудейской войны» Иосифа Флавия по списку БАН, Солов. собр., № 8 и *Летописец Еллинский и Римский* 2-й редакции по списку ГПБ, собр. ОЛДП, F.33; в основу русской части положен список Оболенского *Летописи Никоновской* (ЦГАДА, ф. 201, № 163). Во всех перечисленных рукописях сохранились следы восковой разметки текста, соответствующей помещенным в Л. с. Л. миниатюрам; кроме того, в списках Еллинского летописца и Никоновской летописи имеются многочисленные поправки, сделанные свинцовым карандашом (уже после разметки воском), появившиеся в результате правки текста по другим источникам (*Хронографу Русскому, Летописи Воскресенской* и др.), — эти изменения также отразились в Л. с. Л. В тех местах, где текст основного источника дополнялся по другому, на полях карандашом делался пересчет числа миниатюр. Карандашные пометы об исправлении текста и миниатюр читаются и на готовых листах Л. с. Л. (в *Хронографе* ГПБ и *Царственной книге*), но по каким-то причинам не все эти указания редактора были реализованы. На листах Царственной книги запечатлелись различные стадии оформления Л. с. Л.: сначала текст переписывался писцами, а для миниатюр оставлялись свободные места (в соответствии с разметкой редактора), затем делался набросок композиции (свинцовым карандашом или углем), а потом рисунок обводился чернилами и раскрашивался. Среди миниатюристов существовало четкое распределение труда, что позволило в сжатые сроки выполнить колоссальный объем работ по иллюстрированию многотомного свода. Миниатюры Л. с. Л. свидетельствуют о высоком уровне искусства русской книжной иллюстрации XVI в. Кроме того, миниатюры Л. с. Л. являются ценным историческим источником, донесшим до нашего времени сведения о природе, материальном производстве, культуре и быте Древней Руси и соседних народов.

Помимо Л. с. Л. работа царской мастерской характеризуется и другими произведениями: в кон. 60-х гг. XVI в. там был переписан комплект макарьевских *Великих Миней Четких* (из которого сохранились экземпляры ГПБ, Солов. собр., № 501/520, 504/523, 505/524, 508/527, 514/533), служебная *Минея* (ГБЛ, ф. 247, № 332)

и создан знаменитый лицевой Егоровский сборник (ГБЛ, ф. 98, № 1844); в 70-х гг. XVI в. были выполнены лицевое *Житие Николая Мирликийского* (ГБЛ, ф. 37, № 15), повторный экземпляр майской Миней Четии (ГИМ, Епарх. собр., № 463), переписан Апостол (ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 203). В некоторых из отмеченных рукописей Миней Четии сохранилась разметка, сделанная свинцовым карандашом и свидетельствующая о подготовке текста житий святых к иллюстрированию.

Лит.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. CIV—СХХI; Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. // ИОРЯС. 1900. Т. 5, кн. 3. С. 824—876; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 102—332; Покровская В. Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1966. С. 5—19; Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи // Летописи и хроники. Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 281—283; Творогов О. В. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 353—364; Амосов А. А. 1) К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. Л., 1978. С. 6—36; 2) Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом летописном своде: (Заметки о бумаге так называемой Царственной книги) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13. С. 155—193; Кloss Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 206—265.

Б. М. Кloss

Летописный свод Московский великокняжеский 1472 г.
см. *Летопись Вологодско-Пермская*, *Летопись Никаноровская*.

Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г. — летопись посл. четв. XV в., лежащая в основе всего официального летописания коп. XV—XVI в. Существование Л. с. было установлено А. А. Шахматовым, исследовавшим Архивскую (так называемую Ростовскую) летопись (ЦГАДА, ф. 181, № 20/25) и установившим, что первая половина этой компиляции, до 1479 г., совпадает с более поздним общерусским летописанием (*Летопись Воскресенская* и др.), а вторая — с поздними версиями *Летописи Новгородской IV*, типа *Летописи Новгородской Дубровского*. Впоследствии А. А. Шахматов открыл Л. с. в отдельном виде — в Эрмитажном списке XVIII в. (ГПБ, Эрмитажн. собр., № 4166).

Текст Л. с. может быть разделен на две части. Первая часть до 6926 (1418) г. отражает в наиболее полном виде особую обработку свода 1448 г. (источника *Летописи Софийской I*), которая была использована, кроме Л. с., и в *Летописи Ермолинской*. Эта особая обработка была произведена, вероятнее всего, в 70-х гг. XV в. — перед составлением Л. с. Текст свода 1448 г. был здесь пополнен на всем протяжении по общерусской летописи, близкой *Летописям Лаврентьевской* и *Троицкой*, по южнорусской летописи, иногда совпадающей

с *Летописью Ипатьевской*, и по какому-то особому владимирскому своду 1-й трети XIII в. При этом составитель стремился отойти от «нейтральных» позиций свода 1448 г. при изложении московско-новгородских и московско-тверских отношений и резко усилить московские тенденции свода. Еще значительнее, чем в *Летописях Никаноровской* и *Вологодско-Пермской*, в Л. с. (и в его протографе, отразившемся и в Ермолинской летописи) обнаруживается стремление летописца сократить библейские цитаты и религиозные сентенции своих источников. Очевидно, особая обработка свода 1448 г., лежащая в основе Л. с., была произведена великокняжеским летописанием. Из числа оригинальных статей первой части Л. с. следует отметить легендарный рассказ об убиении Батия в Уграх, восходящий к сочинению сербского агиографа *Пахомия Серба*, работавшего на Руси, и сказание о чуде в 6923 (1415) г. при рождении великого князя *Василия II*, основанное на рассказах московского дьяка *Стефана Бородатого*. Вторая часть Л. с. основывается на великокняжеском летописании нач. 70-х гг., отразившемся в *Никаноровской* и *Вологодско-Пермской* летописях и в летописном фрагменте 1477 г., сохранившемся в «*Летописце от 72-х язык*». В отличие от редакций нач. 70-х гг. и 1477 г. редакция, представленная в Л. с., вставила под 6985 (1477) г. подробный рассказ о Флорентийской унии (основанный на Повести *Симеона Суздальца*) и тенденциозное известие о том, что в 6985 (1477) г. новгородцы якобы сами дали *Ивану III* титул «государя», а потом отреклись от своих слов. Кроме того, в Л. с. была устранена характерная для *Никаноровской* и *Вологодско-Пермской* летописей дублировка известий о нашествии *Едигея* на Москву и *Талыча* на Новгород — об обоих этих событиях рассказывается здесь однократно и подробно.

В отличие от составителя великокняжеского свода нач. 70-х гг., лежащего в основе *Никаноровской* и *Вологодско-Пермской* летописей, составитель Л. с. не скрывал, что новгородцы в прежние времена изгоняли своих князей, и подчеркивал, что «таков бо бе обычай оканных смердов изменников». Это было связано с тем, что в 1479 г. Новгород был окончательно присоединен к Москве, его прежняя конституция отменена, и существование «окаянных обычаев» можно было теперь не скрывать, а подчеркивать и осуждать.

Более позднюю редакцию Л. с. представляет *Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в.* Текст Л. с. 1479 г. по Эрмитажному списку не издан. В ПСРЛ (М.; Л., 1949. Т. 25) издан *Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в.*

Лит.: Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900, сент. Отд. 2. С. 152—159; 2) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 10—11, 17—50, 163—165; 3) Разыскания. С. 236; 4) Обзорные. С. 256—283, 356—357; П р и с е л к о в М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 94, 173—184; Н а с о н о в А. И. 1) Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 219; 2) История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 181—184, 204—225, 260—273, 282—297; Л у р ь е Я. С. 1) Московский свод 1479 г. и его

Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в. — великокняжеская летопись в редакции 1-й пол. 1490-х гг. Рукопись XVI в., содержащая эту редакцию, была обнаружена М. Н. Тихомировым; в 1949 г. текст ее был опубликован. В своей основной части до 1479 г. Л. с. совпадает с *Летописным сводом Московским великокняжеским 1479 г.*; только рассказ о нападении князя Симеона Суздальского с татарами на Нижний Новгород помещен здесь не под 6907 (1399) г., как в своде 1479 г., а под 6903 (1395) г.; впрочем, сам писец Л. с. счел эту перестановку неудачной и на полях исправил дату на 6907 г. После 1479 г. в Л. с. следует подробный текст за 1480—1492 гг., близкий к тому, который читается в *Летописном своде Сокращенном, Летописях Симеоновской, Воскресенской* и др. Текст этот, очевидно, представляет собой не случайные приписки к своду 1479 г. (как думали М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин), а продолжение великокняжеского летописания до 90-х гг. XV в. Об официальном характере этого летописания свидетельствуют известия о присоединении Твери в 1485 г., о взятии Казани в 1487 г., о столкновениях *Ивана III* с братьями. Рассказ о стоянии на Угре в 1480 г. заимствован в Л. с. из неофициального рассказа, отразившегося в *Летописи Типографской*, однако существенно переработан — виновниками нашествия объявлялись братья *Ивана III*; ответственность за колебания великого князя во время нашествия татар возлагалась на дурных советников — «предателей христианских» (все они к этому времени попали в опалу). Следующим этапом за редакцией великокняжеского летописания 1-й пол. 90-х гг. была редакция 2-й пол. 90-х гг., отразившаяся в Симеоновской летописи и Мазуринском виде Сокращенного свода.

Изд.: ИСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25 (Черепнин Л. В. [Рецензия] // ВИ. 1951. № 9. С. 143).

Лит.: Лурье Я. С. 1) Из истории русского летописания XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 162—172; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 135—136, 242—250; Насонов А. Н. 1) Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 219; 2) История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 311; Клосс Б. М. О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 248, примеч. 27.

Я. С. Лурье

Летописный свод Сокращенный — летопись кон. XV в., дошедшая до нас в трех видах. Соловецкий вид Л. с. С. сохранился в единственном списке кон. XV в. (ГПБ, Солов. собр., № 922/1032), текст которого обрывается на 6980 (1472) г.; Погодинский вид доведен до сентября 7002 (1493) г.; Мазуринский — до февраля 7003 (1495) г. Л. с. С. был введен в научный оборот довольно поздно. А. А. Шах-

матов обнаружил только один список Л. с. С. Погодинского вида (ГПБ, собр. Погодина, № 1409). А. Н. Насонов ввел в науку ряд списков Погодинского и Мазуринского видов; в 1962 г. они были изданы (С. М. Каштановым под редакцией А. Н. Насонова) в ПСРЛ под названием «Сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг.».

Уже А. А. Шахматов обратил внимание на совпадение ряда известий списка собр. Погодина, № 1409 и связанных с ним более поздних летописей (*Летописи Софийской I* по списку Царского, *Летописи Новгородской Хронографической*) с известиями *Летописи Ермолинской* за 6936—6986 гг. и с несколькими известиями ее начальной части (6420, 6479 гг. и др.). Можно предполагать, что общим источником Л. с. С. и Ермолинской был севернорусский (Кирилло-Белозерский) свод 1492 г. Близкое сходство с этими летописями (особенно с Л. с. С.) обнаруживает *Летопись Устюжская* нач. XVI в.; сходны с ними в некоторых известиях XV в. *Летописи Софийская II* и *Львовская*. Прямое влияние Л. с. С. отражает *Хронограф Русский* 1512 г. и СГЛ по списку Царского. Конечные части Погодинского и Мазуринского видов совпадают с великокняжеским летописанием кон. XV в.: Погодинский вид — с *Летописным сводом Московским великокняжеским кон. XV в.*, Мазуринский — с *Летописью Симеоновской*. Влияние Московского свода кон. XV в. обнаруживается и в основном тексте Погодинского вида, в частности в известиях за X и XIV вв.

Отражая, как и Ермолинская летопись, севернорусский (Кирилло-Белозерский) свод 1472 г., Л. с. С. более подробно передает рассказы этого свода о бездарных и продажных воеводах *Василия Темного*, которым противостоит «удалый воевода» Феодор Басенок, сосланный в 1473 г. в Кириллов монастырь (эти известия есть и в Ермолинской летописи, но в Л. с. С. они даны подробнее). Поскольку в Ермолинской текст общего с Л. с. С. источника заменен в части до XV в. другим текстом (из «косой обработки свода 1448 г.»), особый интерес представляет текст этой части в Л. с. С. Здесь (как и в Устюжской летописи) сохранился рассказ об участии в битве на Липице в 6725 (1217) г. богатырей Добрыни Золотого Пояса и Александра Поповича и о гибели в битве на Калке в 6731 (1223) г. Александра Поповича и других богатырей, а также о начале деятельности новгородского ушкуйника Анфала в 6868 (1360) г. Очевидно, это известия северного свода — источника Ермолинской летописи и Л. с. С., — не сохранившиеся в Ермолинской.

Изд.: ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 163—367.

Лит.: Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 12—14, 78—79; Насонов А. Н. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы: (новые материалы) // ПИ. М., 1955. Вып. 4. С. 247—250; 2) История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 319—351; Каштанов С. М. О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 гг.) // ПИ. М., 1959. Вып. 8. С. 460—465; Лурье Я. С. 1) Новые памятники русского летописания конца XV в. // История СССР. 1964. № 6. С. 119—125; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 168—172, 177—201, 247—255; Клосс Б. М. О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 248—255.

Я. С. Лурье

Летописный свод 1408 (1409) г. см. *Летопись Троицкая.*

Летописный свод 1448 г. см. *Летопись Новгородская IV, Летопись Софийская I.*

Летописный свод 1489 г. см. *Летопись Софийская II, Летопись Львовская.*

Летописный свод 1497 г. см. «*Летописец от 72-х язык*».

Летописный свод 1518 г. см. *Летопись Софийская II, Летопись Львовская*; ср. также «*Летописец от 72-х язык*».

Летописчик Иосифа Санина — памятник 20-х гг. XVI в. Это условное название произведению дано первым публикатором его А. А. Зиминным. Л. представляет собой краткую биографическую справку о *Иосифе Волоцком* с подробным упоминанием дат и с перечислением некоторых фактов по созданию им Волоколамского монастыря. Образцом при написании Л. послужило «Сказание вкратце» о Пафнутии Боровском, которое было составлено около 1518 г. на основании его жития (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 208). Л. же Иосифа Санина, наоборот, положил начало созданию агиографических произведений, посвященных основателю Волоколамского монастыря. Л. известен в двух редакциях: краткой (19 списков) и пространной (1 список). А. А. Зимин первоначально считал пространную редакцию и создание ее отнесил к 30-м гг. А. И. Плигузов в результате проведенного им сопоставительного анализа всех списков пришел к выводу, что первоначальной является краткая редакция, созданная не позднее 2-й пол. 20-х гг. Пространную редакцию он относит к кон. 20-х гг. Единственный список пространной редакции находится в сборнике *Онуфрия Исакова* (ГБЛ, Волок. собр., № 577), но написан не его рукою. Текст Л. здесь содержит правку, которую, по мнению А. И. Плигузова, можно считать авторской. В пространную редакцию включены известия о посещении Иосифом Белозерья и подробнее рассказано о роли волоцкого князя Бориса Васильевича в создании монастыря.

Изд.: З и м и н А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // ИА. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 3—39; П л и г у з о в А. И. Летописчик Иосифа Санина // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 174—186.

Лит.: Д м и т р и е в а Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 210.

Р. П. Дмитриева

Летопись Авраамки см. *Авраамка.*

Летопись Архангелогородская см. *Летопись Устюжская.*

Летопись Архивская (так называемая Ростовская) — летописная компиляция, состоящая из двух частей: первой, общерусской, начинающейся *Повестью временных лет* и доведенной до 6988 (1480) г., и второй, с преобладающими новгородскими известиями, доведенной до 7047 (1539) г. Л. А. сохранилась в сборнике ЦГАДА, ф. 181, № 20 (XVIII в.). На нее обратил внимание еще Н. М. Карамзин, включивший в число летописей, систематически привлекаемых в его «Истории государства Российского», летописец «Ростовский, зарученный св. Дмитрием»; в примечаниях он именует Л. А. Ростовской летописью (Архивским летописцем он называл иную летопись, доведенную до 1560 г.). По-видимому, название это основано на недоразумении — на рукописи не обнаруживается записей митрополита Дмитрия Ростовского (Туптало), и оно крайне неудачно, так как к Ростову Л. А. никакого отношения не имеет.

Специальному исследованию Л. А. подверг А. А. Шахматов, установивший, что в основе ее лежат два свода: великокняжеский свод 1479—1480 гг. и Новгородский свод 1539 г. Впоследствии оба этих памятника были обнаружены А. А. Шахматовым в отдельных списках: *Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г.* — в рукописи ГПБ, Эрмитажн. собр., № 4166; Новгородский свод 1539 г. — в *Летописи Новгородской Дубровского*.

Отличия первой части Л. А. от Московского свода 1479 г. (Эрмитажного списка) незначительны: следует отметить только, что родословие великих князей, помещенное здесь под 6395 (887) г., доведено до сына *Ивана III* Юрия, родившегося в 1480 г. (следующий сын, Дмитрий, родившийся в 1482 г., не упоминается); в Эрмитажном списке этого родословия нет, и возможно, что он вставлен в Л. А. из ее второго источника — Новгородского свода 1539 г.

Время и место составления Л. А. неизвестны. А. А. Шахматовым издана только вторая часть, восходящая к Новгородскому своду 1539 г.; первая часть использовалась в разночтениях к *Летописям Воскресенской и Симеоновской*.

Изд.: Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 67—162.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1, т. 1—4. С. XVI, примеч. 5; Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. № 9. С. 152; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 255; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 135, 166, примеч. 125.

Я. С. Лурье

Летопись Вологодско-Пермская — летопись кон. XV—1-й пол. XVI в., дошедшая в трех редакциях: первой, составленной в кон. XV в. (сохранившейся в единственном Лондонском списке), второй — 20-х гг. XVI в. (сохранившейся также в единственном Академическом списке) и третьей — сер. XVI в. (списки Кирилло-Белозерский, Синодальный и Чертковский). Открыта А. А. Шахматовым,

отметившим совпадение Л. В.-П. с *Летописью Никаноровской* вплоть до окончания под 1471 г. А. А. Шахматов считал, что в основе обеих летописей лежал свод 1472 г., близкий, по мнению М. Д. Приселкова, к московскому великокняжескому своду. После 1472 г. в Л. В.-П. читается ряд известий, связанных с Вологдой, Пермью и Югорской (северноуральской) землей. М. Н. Тихомиров высказал предположение, что в основе второй и третьей редакций Л. В.-П. лежал свод кон. XV в., связанный с архиепископом Филофеем Пермским; введение в научный оборот Лондонского списка, содержащего прежде неизвестную редакцию Л. В.-П. 1499 г., подтвердило это предположение.

В отличие от близкой к ней Никаноровской летописи, Л. В.-П. первой редакции имеет начальную часть, где отдельно от основного текста помещены рассказ *Повести временных лет* о расселении племен, Послание новгородского архиепископа *Василия* Федору о земном рае, статьи о Борисе и Глебе, о смерти Александра Невского, подробный рассказ о принятии христианства, походе на Царьград, тексты договоров с греками, *Сказание о убиении в орде князя Михаила Черниговского*, *повести о битве на Калке*, *нашествии Батые*, *взятии Царьграда фрягами*; только после этого следует заголовок «Временник, еже нарицается русских князей» и далее текст летописи, начиная с первых известий, рассказа о призвании варягов и т. д. Внутри основного текста в Л. В.-П. первой редакции (в отличие от последующих редакций) перечисленных статей нет; нет их и в Никаноровской летописи (возможно, что в протографе Л. В.-П. и Никаноровской эта вступительная часть была, а Никаноровская ее просто опустила). По-видимому, такая структура первой редакции Л. В.-П. (вероятно, и второй, где текст сохранился только начиная с 1315 г.) была следствием сознательного расположения материала — наиболее интересные статьи летописец поместил в начале. В поздней, третьей редакции Л. В.-П. текст был расположен в обычном хронологическом порядке и отмеченные статьи вставлены (не всегда точно) внутрь основного текста; кроме того, вместо *Повести о Куликовской битве летописной* в третьей редакции под 1380 г. было помещено внелетописное *Сказание о Мамаевом побоище*.

Основной текст Л. В.-П. до 1472 г. представляет собой, как и в Никаноровской, текст великокняжеского свода нач. 70-х гг. XV в. Далее следует текст великокняжеского летописания в редакции 2-й пол. 90-х гг. XV в., близкий к тому, который читается в *Летописи Новгородской Хронографической*, с рядом статей, по-видимому, новгородского происхождения (о соборе на еретиков и др.). Там же помещена особая версия *Повести о стоянии на Угре* 1480 г. Эти статьи уже в первой редакции Л. В.-П. дополнены рядом известий, связанных с Русским Севером; очевидно, оригиналом Л. В.-П. была редакция общерусского летописания, составленная при дворе архиепископа пермского.

Особенно сложен вопрос об отношении Л. В.-П. к Музейному летописцу, близкому и к Никаноровской и к Л. В.-П., но сохранившемуся только во фрагментарном виде (Музейный сборник — ГБЛ,

Музейн. собр., № 3271 и Воронцовский сборник — БАН, 34.2.34). В дополнении к основному тексту Музейного летописца содержатся *Повесть о нашествии Едигея* (помещенная в Л. В.-П. и в Никаноровской летописи в основном тексте) и еще ряд статей, в том числе «О новгородцах» (Повесть о взятии Новгорода в 1471 г.) и «О приходе безбожного царя Ахмута» (Повесть об Угре), совпадающая с повестью Л. В.-П. и выходящая за рамки общего текста Л. В.-П. и Никаноровской. Как может быть объяснено такое совпадение? Не была ли Л. В.-П. источником, на котором основывался Музейный летописец, передав ее текст с сокращениями? Но основной текст Музейного летописца первичен по отношению и к Л. В.-П. и к Никаноровской летописи; он ближе к *Летописи Софийской 1*. Скорее можно предполагать, что статьи «О новгородцах» и «О приходе безбожного царя Ахмута» были добавлены из летописи, близкой к Л. В.-П., к основному тексту в протографе Музейного летописца.

Первая редакция Л. В.-П. или ее непосредственное продолжение отразились в двух памятниках XVI в. — Летописце кратком Погдинском и *Летописи Холмогорской*.

Вторая и третья редакции Л. В.-П., как и первая, соединяют великокняжеское летописание (20-х и 30-х гг. XVI в.) с пермско-югорской и вологодской летописями. Вплоть до 1526 г. текст второй и третьей редакций Л. В.-П. близок к тексту *Летописи Воскресенской* и других летописей; это дает основание предполагать, что они восходят к общему протографу — своду 20-х гг. XVI в. Среди оригинальных известий Л. В.-П. в последней части — известия о казни Берсея Беклемишева в 1525 г., о казни фальшивомонетчиков и т. д.

Изд.: ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.

Лит.: Шахматов. Обзорение. С. 346—352; Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи // ПИ. М., 1940. Вып. 3. С. 228—368; Лина С. А. К изучению Воскресенской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 700—701; Лурье Я. С. 1) Краткий летописец Погдинского собрания // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 431—444; 2) Холмогорская летопись // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 141—146; 3) London and Lvov MSS of the Vologda-Perm Chronicle // Oxford Slavonic Papers. N. S. 1972. Vol. 5. P. 91—93; 4) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 122—149, 251—252; Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского свода конца XV—начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1968. С. 158—165; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 38; Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 122—138.

Я. С. Лурье

Летопись Воскресенская — крупнейший, после *Летописи Никановской*, памятник московского летописания XVI в. Название памятника дано неизвестными издателями опубликованному ими в 1793—1794 гг. списку, который был пожертвован в 1658 г. патриархом Никоном Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю; оно вошло затем в научную литературу.

В настоящее время известно 13 списков Л. В. сер. XVI—нач. XIX в. Среди них нет ни одного, который содержал бы весь текст летописи с древнейших времен до 1541 г. Наиболее древними и исправными являются следующие 10 списков сер.—2-й пол. XVI в.: Быстровский (ГПБ, собр. Быстрова, № 2), сохранивший текст за 913—1340 гг.; Воскресенский (БАН, 34.5.24), содержащий текст до 1347 г.; Алатырский (БАН, 16.3.1) — до 1347 г.; Мазуринский (ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530) — до 1451 г. и отрывки за 1460—1461, 1492—1493, 1496 гг.; Библиотечный I (ГПБ, F.IV.239) — до 1230 г.; Парижский (ГПБ, F.IV.678) — за 1354—1541 гг.; Синодальный (ГИМ, Синод. собр., № 144) — за 1347—1541 гг.; Уваровский (ГИМ, собр. Уварова, № 567) — за 1347—1541 гг.; Археографический (ЛОИИ, собр. Археограф. комиссии, № 243) — за 1479—1541 гг.; Библиотечный II (ГПБ, F.IV.585) — с середины главы 56 третьего оглавления (помещенного в начале списка) до 1541 г. Остальные три списка являются более поздними копиями Археографического и Библиотечного II списков. Выборка из Л. В. содержится в ГБЛ, собр. Гранкова, № 1 (врем.), посл. четв. XVI в. Списки, доводящие изложение до 1541 г., обрываются в разных местах. Лишь в Археографическом списке имеется текст, который утрачен в других списках Л. В.: «Воеводы же великого князя пришли к городу, а царь по вестем поспешил от города проч с всеми людьми. И воеводы за царем пошли часа того, к Дону пришли, а царь уж Дон перевезся; и воеводы за царем отпустили немногих людей, а сами възвратишя». Этот текст представляет собой окончание рассказа о нашествии крымского хана Сафа-Гирея (август 1541 г.).

Время составления Л. В. определяется довольно точно. В списке русских митрополитов, помещенном во введении к Л. В., последним назван *Макарий* (ПСРЛ. Т. 7. С. 239), а он стал им 19 марта 1542 г. В списке литовских князей рядом с именем Сигизмунда I имеется пояснение «нынешний король» (там же. С. 256), а он был королем до 8 октября 1544 г. Следовательно, Л. В. была составлена между 19 марта 1542 г. и 8 октября 1544 г.

Разрешить вопрос о политических симпатиях и антипатиях составителя Л. В. помогает сравнение изложений одних и тех же событий в разных источниках XVI в., а также анализ умолчаний составителя Л. В. Сравним описание истории заточения в темницу князя Юрия Ивановича (1533 г.) в Л. В. (ПСРЛ. Т. 8. С. 286) и Никоновской летописи (там же. Т. 13, ч. 1. С. 78—79), а также князя Андрея Ивановича Старицкого (1537 г.) в Л. В. (там же. Т. 8. С. 292—294) и в *Летописях Софийской II* (там же. Т. 6. С. 301—303), *Вологодско-Пермской* (там же. Т. 26. С. 317—318) и в *Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого* показывает, что составитель Л. В. в одном случае пытался оправдать Андрея Шуйского, а в другом — опорочить Ивана Федоровича Овчину Телешнева-Оболенского, врага Шуйских. Под 1538—1540 гг. Л. В. умалчивает о событиях, помещении которых в летописи могло либо скомпрометировать, либо быть неприятным Шуйским. Все это позволяет предположить, что Л. В. составлена сторонником Шуй-

ских. Мы не имеем данных, позволяющих установить имя составителя Л. В. Предположение В. С. Иконникова о составлении Л. В. митрополитом *Иоасафом* следует признать неосновательным, так как в то время, когда составлялась Л. В., он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где вряд ли мог заниматься ее составлением; кроме того, он был сторонником Бельских, а не Шуйских.

Дошедший до нас текст Л. В. представляет собой ее третью редакцию. Еще А. А. Шахматов в отзыве на работу И. А. Тихомирова высказал гипотезу о существовании трех редакций Л. В. — доведенной до декабря 1533 г., до 1537 г. и до 1541 г. Для этого утверждения Шахматов привел сравнение второго и третьего оглавлений, помещенных перед Воскресенским и Алатырским списками Л. В. Привлечение оглавлений Парижского списка Л. В., двух «Летописцев вкратце» XVI в. (ГИМ, Синод. собр., № 939, 940), составленных на основе Л. В., статьи «О боярех, которые у великих князей в духовных писаны», сохранившейся только в Библиотечном I списке Л. В., а также сравнение текстов Л. В. и *Летописи Львовской* позволяют уточнить вывод Шахматова и высказать предположение, что первоначальная редакция Л. В. доводила изложение до конца августа 1533 г. и что работа над ней была начата еще при жизни *Василия III*, т. е. до начала декабря 1533 г.

А. А. Шахматов в «Обзрении» и В. В. Лаптев провели сравнение Л. В. с предшествовавшими ей летописями. В результате Шахматов пришел к выводу, что в основе Л. В. лежит *Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г.*, систематически сближенный с текстом *Летописи Софийской I* по списку Царского, а Лаптев отнес к числу непосредственных источников Московский свод 1479 г., список Царского СИЛ, официальную Московскую летопись, возможно, свод 1499 г. и свод 1520 г., составленный на основе свода 1518 г., Тихоновскую редакцию Ростовского свода, отдельные повести, сказания, жития и материалы царского архива (дипломатические, разрядные книги, церковные, военные и т. д.). Нами проведено сравнение Л. В. не только с предшествующими, но и современными ей летописями (*Летописным сводом Московским великокняжеским кон. XV в.*, *летописями Новгородской IV, Симеоновской, СИЛ* по списку Царского и СИЛ по Архивскому списку, Вологодско-Пермской, *Типографской, Львовской, Никоновской, Иоасафовской*), в результате чего сделан вывод, что источник Л. В. не может быть возведен ни к одному из сохранившихся предшествовавших ей сводов: при сравнении Л. В. с предшествовавшими сводами обнаруживается, что известия одного года иногда взяты из двух или трех летописей, но в современных Л. В. летописях эти известия встречаются в том же сочетании, что и в Л. В. Сравнение Л. В. с современными ей летописями указывает на обратное: в одних случаях они содержат тексты, почти тождественные с Л. В., в других описание событий имеет редакционные отличия, в третьих случаях в них излагаются события, отсутствующие в Л. В. Мы полагаем, что было два основных летописных источника, в чистом виде не сохранившихся: московский свод 1526 г., отразившийся также и в Вологодско-Пермской летописи второй

редакции и СИЛ по Воскресенскому списку, и Тихоновская редакция Ростовского свода 1489 г., явившаяся источником и Типографской летописи, а также использованы материалы царского архива.

Л. В. оказала значительное влияние на последующее летописание: редакция августа 1533 г. была источником Львовской летописи, редакция 1544 г. — источником дополнительного текста списка Оболенского Никоновской летописи за 1521—1544 гг., на ее основе составлен ряд кратких летописцев.

Изд.: Русская летопись с Воскресенского списка. СПб., 1793—1794. Ч. 1—2; ПСРЛ. СПб., 1856—1859. Т. 7—8.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. (Записки имп. Академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. 4, № 2). СПб., 1899. С. 103—236 (отд. оттиск — СПб., 1899); 2) Обзорение. С. 370; Иконников В. С. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1187, примеч. 5; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Изв. М., 1940. Т. 10. С. 82—87 (перепечатано в кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 220—224; см. также: ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 356—357); Липтев В. В. Воскресенская летопись // Учен. зап. Лепингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1955. Т. 102. С. 165—239; Левина С. А. 1) О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 375—379; 2) К изучению Воскресенской летописи // Там же. М.; Л., 1957. Т. 12. С. 689—705; 3) Воскресенская летопись XVI в.: (ее редакции, источники и значение) // Тр. Московск. гос. ист.-архив. ин-та. 1957. Т. 10. С. 402—403; 4) Тринадцатый список Воскресенской летописи // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 96—98; 5) Списки Воскресенской летописи // Летопись и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 38—58; Клоос Б. М. 1) Никоновский свод русских летописи XVI—XVII вв. М., 1930; 2) Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летопись и хроники. 1984 г. С. 25—37.

С. А. Левина

Летопись Ермолинская — летопись кон. XV в., включающая ряд известий о строительной деятельности русского архитектора и строителя *В. Д. Ермолина* за 1462—1472 гг. Единственный список Л. Е. (ГБЛ, Музейн. собр., № 8665) был открыт А. А. Шахматовым, давшим летописи ее название. Текст Л. Е. за 6936—6980 (1428—1472) гг. и частично в начальной части систематически совпадает с *Летописным сводом Сокращенным* и, очевидно, восходит к общему с ним источнику. Первая часть Л. Е., до 6925 (1417) г., как установил А. Н. Насонов, сходна с *Летописным сводом Московским великокняжеским 1479 г.*; можно полагать, что ее источником была «особая обработка свода 1448 г.», предпринятая в великокняжеской канцелярии перед составлением Московского свода 1479 г. В дошедшем до нас списке Л. Е. доведена до 6989 (1481) г. и имеет еще приписки (другим почерком) за 6993—6996 гг. До 6989 г. доходит и обнаруженный А. Н. Насоновым краткий «Летописец русский», идентичный с Л. Е. до 6988 (1480) г. (совпадения между ними обнаруживаются начиная с 6939 г.). Таким образом, дошедший текст Л. Е. составлен не ранее 1481 г. Начальная часть Л. Е., до 6925 (1417) г., отразилась также в «*Летописце от 72-х язык*» и *Летописи Львовской*.

Наиболее интересна как литературный памятник и исторический источник вторая часть Л. Е., сходная с Сокращенными сводами. Особый интерес летописца к Белоозеру и другим севернорусским землям, его внимание к бывшему кирилло-белозерскому игумену Трифону и опальному боярину Басенку, сосланному в 1473 г. в Кириллов монастырь, совпадения с краткими кирилло-белозерскими летописцами — все это позволяет предполагать, что в основе Л. Е. и Сокращенных сводов лежал Кирилло-Белозерский свод нач. 70-х гг., независимый от великокняжеской власти и позволявший себе довольно смелые суждения о ее политике. К числу наиболее ярких рассказов общего протографа Л. Е. и Сокращенных сводов принадлежат: иронический рассказ 6971 (1463) г. о ярославских чудотворцах, явившихся «не на добро» ярославским князьям, которым пришлось «проститься» со своими вотчинами, «отписанными» в пользу великого князя его наместником, «новым чудотворцем» Иваном Агафоновичем (летописец именуует этого наместника словом «цъяшос» — зашифрованное «дьявол»), рассказ о жестокой казни серпуховских дворян, совершенной в 6970 (1462) г. по приказу *Василия II Темного* в великий пост, и о последовавшей вслед за этим смерти *Василия*. В начальной части Л. Е. своеобразны рассказы о смерти *Олега*, о *Святославе* (сравнение *Святослава* с *Александром Македонским*, надпись на чаше, сделанной из черепа *Святослава*), о волхвах и др.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23 (ср.: Летописный свод конца XV в. // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 273—321).

Лит.: Шахматов А. А. 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904; 2) Обзорение. С. 146—150; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 468—469; Лурье Я. С. 1) Из истории русского летописания конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 157—163; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 168—185, 198—209; 3) Севернорусский летописный свод 1472 года: Реконструкция текста и комментарии // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 400—410, 638—653; Насонов А. Н. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания // ПИ. М., 1958. Вып. 6. С. 266—267; 2) История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 260—274, 319—351.

Я. С. Лурье

Летопись Иоасафовская — летописный свод XVI в. с изложением событий 1437—1520 гг. Названа по имени митрополита *Иоасафа*, которому принадлежала рукопись летописи. Л. И. сохранилась в оригинале (ГБЛ, ф. 173/IV, № 83); составлена в кон. 20-х гг. XVI в. при московской митрополичьей кафедре и была использована в качестве непосредственного источника *Летописи Никоновской*. Содержание исчезнувшей 17-й тетради Л. И. (место которой заполнено чистыми листами) переписано в конце летописно-хронографического сборника ГИМ, Синод. собр., № 280 (в *Летописи Новгородской Хронографической*), также использованного в *Никоновской летописи*. В основе Л. И. лежит текст московского великокняжеского летописания (*Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в.*, продолженный записями до 1520 г.), который дополнен

материалами церковного происхождения (известия из свода 1518 г., рассказы о чудесах при гробницах Петра и Алексея, и др.). Л. И. подробно отражает процесс складывания Русского централизованного государства в XV—нач. XVI в., сообщает многочисленные факты внутренней и внешнеполитической жизни. Вместе с другими книгами митрополичьей библиотеки Л. И. перешла в собственность митрополита Иоасафа, рукописное собрание которого вошло впоследствии в книжный фонд Троице-Сергиева монастыря.

Изд.: Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М., 1967.

Лит.: Шахматов А. А. Иоасафовская летопись // ЖМНП. 1904, май. С. 69—79; Пресняков А. Е. Иоасафовская летопись // ИЗ. М., 1940. Т. 8. С. 242—247; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 397—402; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 30—32, 151—152.

Б. М. Клосс

Летопись Львовская — летопись XVI в. Л. Л. была издана уже в кон. XVIII в. Н. А. Львовым (откуда ее название) с рядом пропусков (не включено было, в частности, содержащееся в Л. Л. «Хождение за три моря» *Афанасия Никитина*). Оригинал издания Н. А. Львова был утерян; но в нач. XX в. А. Е. Пресняков обнаружил Эттеров список Л. Л. (ГПБ, Ф. IV. 144), который был положен в основу издания 1910—1914 гг. в ПСРЛ. А. А. Шахматов обнаружил идентичность Л. Л. и *Летописи Софийской II* с кон. XIV в. по 1518 г. и пришел к выводу, что в основе обеих летописей лежал свод 1518 г.; источником свода 1518 г. (согласно наблюдениям А. Н. Насонова) можно считать оппозиционный по отношению к *Ивану III* свод 80-х гг. XV в.

Особенную близость Л. Л. обнаруживает и к Архивскому списку СИЛ, не имеющему начала; она повторяет даже дефекты этого списка. Однако в ряде мест Л. Л. содержит более первичные чтения, чем СИЛ; в частности, здесь сохранились известия, восходящие, очевидно, к оппозиционному своду 80-х гг. XV в. и не сохраненные в СИЛ (известие об убийстве Дмитрия Шемяки, организованном по прямому распоряжению *Василия II*; полный текст рассказа о завоевании Новгорода в 1471 г., см. *Повести о присоединении Новгорода* и др.). По-видимому, источником Л. Л. был непосредственный оригинал Архивского списка СИЛ — свод 1518 г. Первая часть Л. Л. не имеет прямого соответствия с СИЛ (в Архивском списке СИЛ текст до 1397 г. вообще отсутствует, а в Воскресенском списке той же летописи здесь помещен текст *Летописи Софийской I*). Первая часть Л. Л. в значительной степени сходна с текстом *Летописи Ермолинской*, совпадая с ней во всех отличиях, которые Ермолинская обнаруживает здесь по отношению к своему источнику — особой обработке свода 1448 г., отразившейся и в *Летописном своде Московском великокняжеском 1479 г.* Отразился в Л. Л. и текст летописи, близкой к Радзивилловской. Текст Л. Л. не заканчивается 1518 г., а продолжается до 1533 г., после чего в ряде списков Л. Л. помещен *Летописец начала царства*, которым продолжена также одна из редакций *Летописи Никоновской*.

Изд.: Летописец русской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича / Издано Н. Л[ьвовым]. СПб., 1792. Ч. 1—5; ПСРЛ. СПб., 1910—1914. Т. 20.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1892. С. 21, 41—48; 2) Исследование о Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи // Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902. Т. 2. С. 90 (ОЛДП. Вып. 118); 3) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 26—48; Извлечение из протоколов заседания Археографической комиссии // ЛЗАК. СПб., 1914. Вып. 26. С. 54—55; Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН СССР. VII сер. Л., 1930. № 9. С. 714—724; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 474—475; Лурье Я. С. 1) Холмогорская летопись // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 140—141; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 210—213, 223—240.

Я. С. Лурье

Летопись Московско-Академическая (Московско-Академический список Суздальской летописи) — летописный сборник, сохранившийся в рукописи кон. XV в. ГБЛ, ф. 173, собр. МДА, № 236 (прежний шифр: собр. МДА, № 5/182) (Московской Духовной Академии, отсюда и название летописи). Сборник состоит из трех разнородных частей. Первая часть с начала до 6714 (1206) г. совпадает с *Летописью Радзивиловской*. Вторая часть, охватывающая 6713 (1205)—6746 (1238) гг., совпадает с *Летописью Софийской I* старшей редакции (включая индивидуальные чтения и описки этой редакции). Третья часть — с 6745 (1237) по октябрь 6927 (1418) г. представляет собой краткую летопись, включающую ряд известий о Ростове и ростовских князьях.

Первая часть Л. М.-А. может рассматриваться как второй список той же Радзивиловской летописи, которая дошла в списке БАН, 34.5.30 (Радзивиловский список) и текст которой (как и текст *Летописца Переяславля Суздальского*) резко и существенно отличается от текста *Летописи Лаврентьевской*. Совпадают в Л. М.-А. и Радзивиловском списке и отдельные чтения (в том числе и сугубо индивидуальные, отличающие оба списка от Летописца Переяславля Суздальского) и перестановка текста, в результате которой известия 6711 (1203)—6713 (1205) гг. помещены после 6714 (1206) г.

Третья часть Л. М.-А., с кон. 6746 (1238) по 6927 (1419) г., наиболее самостоятельна и не имеет столь близких совпадений с другими летописями, как две предыдущие. А. А. Шахматов отмечал наличие в этой части ряда известий, имеющих отношение к «Ростову и ростовскому княжескому дому», а также к «вообще Суздальской области». Несомненно отражение в этой части Л. М.-А. летописания XIV—кон. XV в., независимого от великокняжеско-московского и в ряде случаев противостоящего ему. Уже под 6760 (1252) г. здесь читается известие о приходе ордынского военачальника Неврюя, прогнавшего владимиро-суздальского князя Андрея Ярославича (брата Александра Невского) «за море». В этом случае Л. М.-А. резко расходилась с владимирским летописанием, отразившимся в *Летописях Лаврентьевской и Троицкой*, где ни словом не упомина-

лось о Неврюе, и вина за изгнание (приведшее к вокняжению Александра Невского) возлагалась на самого Андрея. Под 6868 (1360) г. Л. М.-А. сообщала о воцарении золотоордынского хана Неврюя, давшего каждому из русских князей «вотчину свою»; согласно этому решению владимирский великокняжеский престол достался Дмитрию Константиновичу Суздальскому, а не его сопернику Дмитрию Ивановичу Московскому (будущему Дмитрию Донскому). Тенденция Л. М.-А. в последнем случае прямо противоположна тенденции Троицкой летописи, где это пожалование осуждалось как данное «не по отчине, не по дедине». Сохранение в летописце 1412 г. про-суздальской версии событий 1360 г. может объясняться тем, что в числе князей, получивших от Ходыря «вотчину свою», был ростовский князь Константин Васильевич, о «нелюбви» которого с его соперником Андреем Федоровичем и о победе последнего, одержанной с помощью Дмитрия Ивановича, Л. М.-А. сообщала под 6870 (1362)—6872 (1364) гг. В отличие от Троицкой летописи, связанной с митрополитским двором Киприана, Л. М.-А. сообщала о таком неприятном для митрополита событии, как изгнание его Дмитрием Донским в 6890 (1382) г.: «князь великой выгна Киприана митрополита, и бысть оттоле мятеж в митрополии».

Что же представлял собой источник третьей части Л. М.-А.? А. А. Шахматов предполагал, что это был свод ростовского архиепископа Ефрема (1427—1454 гг.) — владычный ростовский свод, другие редакции которого с разной степенью близости переданы в СИЛ и *Летописях Новгородской IV* (свод Григория, отразившийся на Новгородско-Софийском своде), Уваровской, т. е. в Уваровском виде «*Летописца от 72-х язык*» (свод Трифона), *Ермолинской* (свод Вассиана) и *Типографской* (свод Тихона). Однако рассматривать перечисленные летописи как редакции одного свода невозможно. Типографская летопись, в которой действительно обнаруживаются черты связи с ростовской архиепископской кафедрой, не обнаруживает никаких черт близости к Л. М.-А. и остальным перечисленным летописям. Известия о владыках (архиепископах) встречаются в Л. М.-А. не чаще, а реже, чем известия о князьях (ростовских и иных); перечень ростовских епископов, читающегося под 1396 г. в ряде летописей (начиная в СИЛ и НИВЛ), в Л. М.-А. нет.

По всей видимости, третья часть Л. М.-А. представляла собой краткий летописец, основанный на более обширном ростовском своде (или на ростовском и суздальском сводах). Ростовский свод, доведенный до 1419 г. и отразившийся в Л. М.-А., находился в довольно сложных отношениях с московским сводом кон. XIV—нач. XV., известным нам по Троицкой и близким к ней летописям. Некоторые ростовские известия могли проникнуть в Троицкую из источника (или источников) Л. М.-А., но сам свод 1419 г. был моложе Троицкой и обнаруживает уже черты влияния общерусского свода кон. XIV—нач. XV в. (известия о «тишине» после вокняжения Ивана Калиты в 6836 (1328) г., о Куликовской битве, о Тохтамыше). Наличие в Л. М.-А. ряда известий, связанных с суздальско-нижегородскими князьями, могло бы свидетельствовать о влиянии на ростов-

ский свод 1419 г. не дошедшего до нас суздальско-нижегородского летописания; однако возможно также и то, что эти известия были собраны ростовским сводчиком, сочувствовавшим Дмитрию Константиновичу Суздальско-Нижегородскому в его борьбе с московским князем за владимирский престол.

К источнику (или источникам) Л. М.-А. мог восходить целый ряд известий (ростовских, суздальских или иных), которые совпадают с Л. М.-А. в НІVЛ и СІЛ, и аналогичные известия (о восстании в Нижнем Новгороде против бояр в 1305 г. и избиении «вечников», о событиях в Орде и т. д.), которые содержатся только в НІVЛ и СІЛ. Сходным образом может быть объяснено наличие ряда ростовских и суздальско-нижегородских известий в Московском своде 1479 г.

На большом протяжении совпадают известия Л. М.-А. за XIII—XIV вв. с известиями *Летописи Устюжской* и *Летописного свода Сокращенного*. И здесь следует предположить, очевидно, не заимствования из Л. М.-А., а восхождение к общему источнику (источникам).

Наиболее близким к третьей части Л. М.-А. оказывается найденный А. Н. Насоновым краткий «Летописец русский», доведенный до 6988 (1480) г. и совпадающий в своей конечной части с Ермолинской летописью. На протяжении всего текста с 6745 по 6927 г. (этими годами начинается и заканчивается Л. М.-А.) «Летописец русский» представляет собой как бы краткую версию Л. М.-А. Однако и в этом случае непосредственным источником «Летописца русского» следует считать не Л. М.-А., а ее протограф, ибо ростовские известия, близкие к Устюжской летописи, читаются в «Летописце русском» и до 6745 и после 6927 г.

Отдельного издания Л. М.-А. не существует; она издавалась в составе Лаврентьевской летописи, причем первая часть давалась в разночтениях к Лаврентьевской, а вторая и третья — в приложении.

Изд.: ИСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 239—267; 2-е изд. Т. 1, вып. 3. Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Л., 1928. Стб. 489—540; Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1872. С. 465—512.

Лит.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 44—46, 222—230, 367; Насонов А. П. 1) Летописный свод XV века (вводная ст. и текст) // Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955. С. 273—320; 2) История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 321; Fenel J. L. T. Andrej Yaroslavič and the Struggle for Power in 1252. An Investigation of the Sources // *Russia Mediaevalis*. München, 1973. Т. 1. P. 49—63; Лурье Я. С. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 44—45, 55—56, 97—99, 173—174, 196—198; 2) О происхождении Радзивилловской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 18. С. 64—83.

Я. С. Лурье

Летопись Никаноровская — летопись 2-й пол. XV в., сохранившаяся в списке XVII в. (БАН, 16.17.1) и его копии. Открыта А. А. Шахматовым, назвавшим эту летопись по имени одного из владельцев ее рукописи — игумена Воскресенского Новоиерусалим-

ского монастыря Никанора. А. А. Шахматов обратил внимание на почти полную идентичность Л. Н. с *Летописью Вологодско-Пермской* вплоть до 1471 г., на котором текст Л. Н. кончается, между тем как текст Вологодско-Пермской продолжен известиями, связанными с Вологодой и севернорусскими землями. Шахматов предполагал, что в основе Л. Н. и Вологодско-Пермской лежал летописный свод 1472 г., но не давал точного определения этому своду, полагая, что лишь его заключительная часть (излагающая события XV в.) связана с великокняжеским летописанием. М. Д. Приселков считал, что текст Л. Н. в основном отражает великокняжеский свод 1472 г., созданный после победы над Новгородом в 1471 г.

В настоящее время известны два фрагментарных летописных текста, близких к Л. Н. и Вологодско-Пермской. Это — Музейный летописец, сохранившийся в двух списках (Музейный сборник — ГБЛ, Музейн. собр., № 3271 и Воронцовский сборник — БАН, 34.2.31), и летописный текст, обрывающийся на 1469 г. и дошедший в «Летописи русской», принадлежавшей западноукраинскому историку И. Лавровскому. Характерной особенностью всех этих текстов, включая Л. Н. и Вологодско-Пермскую, является то, что, положив в основу текст, близкий к *Летописи Софийской I* старшей редакции, они подвергли его существенному сокращению, опустив множество новгородских известий, а также религиозных сентенций и цитат. Наиболее последовательно обработаны во всех этих летописях известия «свода 1448 г.» (СЛ) об изгнаниях князей из Новгорода (слова «изгнаша», «выгнаша», «выведоша (князя)», «показаша путь (князю)» последовательно заменены на «(князь) изыде», «выеха» и т. д.); все перемены власти в Новгороде последовательно изображаются как следствие инициативы владимирско-московских великих князей. Все эти особенности дают основание видеть в протографе Л. Н., Вологодско-Пермской и упомянутых выше фрагментарных текстов московскую великокняжескую летопись 50—70-х гг. XV в. Особая тщательность при исключении всех упоминаний об изгнании новгородских князей была связана, по-видимому, с тем, что Яжелбицкий мир 1456 г. и Коростынский мир 1471 г. формально не отменяли новгородской конституции и обязывали московских великих князей держать Новгород «в старине»; поэтому нежелательно было упоминать, что такая «старина» давала прежде новгородцам право выгонять неугодных князей. Тому же великокняжескому своду 50—70-х гг. принадлежал, очевидно, и ряд развернутых рассказов о феодальной войне в Московском княжестве в 30—40-х гг., проникнутых сочувствием к *Василию II*, включая летописную повесть об ослеплении Василия II; эти рассказы были заимствованы затем *Летописным сводом Московским великокняжеским 1479 г.* и всем последующим официальным летописанием. В отличие от Музейного летописца и летописи Лавровского общий протограф Л. Н. и Вологодско-Пермской включал еще известие о трех браках московского князя XIV в. Семена Гордого (включение этой справки, возможно, связано с женитьбой *Ивана III* на Софье Палеолог в 1472 г.) и развернутый рассказ о нападении Едигея на Москву (из *Летописи*

Троицкой), нападении Талыча на Владимир и других событиях 6916 (1408) г. (см. *Повести о нашествии Едигея*). Последние рассказы также были усвоены более поздним летописанием.

Вопрос о взаимоотношениях Л. Н. с Вологодско-Пермской летописью спорен. Высказывалось предположение о Л. Н. как о дефектном списке Вологодско-Пермской летописи, обрывающемся на 1471 г. Более вероятным, однако, пока представляется восхождение этих летописей к общему протографу.

Изд.: ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 17—161.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900, сент. Отд. 2. С. 141—144, 154—157, 164—168, 173—176; 2) Обзорение. С. 346—360; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 177—178, 182—183; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 471—462; Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы: (новые материалы) // ПИ. М., 1955. Вып. 4. С. 250—251; Кудрявцев И. М. Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 225—233; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 122—147; Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 122—138.

Я. С. Лурье

Летопись Никоновская — крупнейший памятник русского летописания XVI в., получивший свое название по одному из списков, принадлежавшему патриарху Никопу. В научный оборот введена В. Н. Татищевым, ошибочно предположившим, что летопись и создана при участии патриарха Никона. Первоначальная редакция Л. Н. доводила изложение до 1520 г. и была составлена при московской митрополичьей кафедре в кон. 20-х гг. XVI в. Ее оригинал сохранился в рукописи М. А. Оболенского (ЦГАДА, ф. 201, № 163).

Л. Н. представляет собой обширную компиляцию, в которой использованы различные местные летописцы, повести, сказания, жития святых, записи народного эпоса, архивные документы. Основными источниками Л. Н. были *Летописи Симеоновская, Иоасафовская, Новгородская Хронографическая*, а также сборник ГБЛ, ф. 173, № 82. Целый ряд известий Л. Н. носит уникальный характер и дошел до нашего времени только в составе этой летописи. Исторический материал подвергся в Л. Н. существенной литературной и идеологической обработке. При этом составитель Л. Н. последовательно проводил идеи защиты имущественных интересов церкви, союза светской и духовной власти, полной поддержки внутренней и внешней политики правительства великого князя *Василия III*. Кроме того, на страницах Л. Н. нашли историческое обоснование вопросы, которые явились предметом обсуждения церковного собора 1531 г.: о праве монастырей на владение селами, о законности постановления русского митрополита собором епископов без санкции константинопольского патриарха, о борьбе с ересью. Изучение стилистических особенностей редакторских вставок в тексте Л. Н. убеждает в том, что редактором-составителем летописного свода являлся

митрополит *Даниил* (1522—1539 гг.) — крупный писатель, церковный и политический деятель средневековой Руси.

Во 2-й пол. 50-х гг. XVI в. летописный свод митрополита *Даниила* (каковым является Л. Н.) был соединен с материалами официальной историографии. С митрополичьего летописца была снята копия и дополнена по *Летописи Воскресенской* и *Летописцу начала царства* редакции 1556 г. — так образовался Патриарший список (БАН, 32.17.8). Эта рукопись с самого начала обращалась в церковных кругах: в нач. 60-х гг. XVI в. она использовалась при составлении «Степенной книги» (в митрополичьем Чудовом монастыре, см. *Афанасий*, митрополит); в XVII в. она хранилась в патриаршей ризнице, а в 70-х гг. этого же столетия список был положен в основу обширного патриаршего свода, известного по двум беловым копиям (ЦГАДА, ф. 181, № 351/800 и ГБЛ, ф. 556, № 34). Оригинал же летописного свода митрополита *Даниила* остался в Казенном приказе и был дополнен по тем же источникам, которые были использованы в Патриаршем списке: по *Воскресенской летописи* (но в другом объеме) и *Летописцу начала царства*. Несколько позже к нему была присоединена еще одна часть с изложением событий 1556—1558 гг. — так образовался список *Оболенского*. Существует предположение, что именно над этой рукописью работал в 1560 г., во время пребывания в Ливонии, известный государственный деятель периода «избранной рады» *А. Ф. Адашев*.

В 1568—1576 гг., когда в *Александровской слободе* по царскому заказу создавался грандиозный *Летописный свод Лицевой*, список *Оболенского* использовался в качестве главного источника при изложении событий русской истории. По-видимому, в конце правления *Ивана IV Грозного* список был передан в *Троице-Сергиев монастырь*, где находился до 1637 г. В 1637 г. в связи с затребованием рукописи в московский Приказ Большого двора в монастыре с нее была снята копия, которая положила начало новой редакции Л. Н.; текст летописи был дополнен некоторыми повестями и продолжен по *Летописцу Новому* (памятнику официальной историографии XVII в.). *Троицкая редакция Л. Н.* известна по нескольким спискам, один из которых (*Никоновский* — БАН, 17.2.5) был выполнен специально для патриарха *Никона* и дал название всей летописи.

Изд.: Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767—1792. Ч. 1—8; ПСРЛ. СПб., 1862—1910. Т. 9—14 (фототипическое воспроизведение: М., 1965).

Лит.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. СLIV—СLXXI; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899. С. 166—177; 2) Иоасафовская летопись // ЖМНП. 1904. № 5. С. 69—79; 3) Обзорение. С. 370—371; Платонов С. Ф. К вопросу о Никоновом своде // ИОРЯС. 1902. Т. 7, кн. 3. С. 24—33; Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК. 1927. Вып. 1 (34). С. 55—90; Розанов С. П. «Никоновский» летописный свод и Иоасаф как один из его составителей // ИОРЯС. 1930. Т. 3, кн. 1. С. 269—287; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 20—32; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

Б. М. Клосс

Летопись Новгородская II (иначе: Архивская, Малиновского; далее НИЛ) — памятник новгородского летописания XVI в., названный второй по тому порядку, в котором публиковались новгородские летописи при первом издании. НИЛ дошла до нас в двух списках кон. XVI—нач. XVII в. и кон. XVIII—нач. XIX в. (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 62/85; ГПБ, Q.IV.213). НИЛ, представляя собой сокращенное извлечение из новгородских сводов, содержит сведения о событиях с 911 г. по 1572 г. включительно с тремя мелкими записями под 1573, 1581, 1587 гг. Впервые НИЛ была использована как исторический источник Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского», где она названа Новгородской летописью Малиновского (по фамилии владельца, который подарил ее в Архив Министерства иностранных дел, что определило еще одно ее название — Архивская). Текст НИЛ можно разделить на две части: до XVI в. и после. Источниками первой части являются: *Летопись Новгородская I* младшего извода, Лисицкий летописец и другие новгородские летописи. Вторая часть более оригинальна, особенно известия 1568—1572 гг., которые интересны для истории опричнины в Новгороде. Внимание многих исследователей привлекал текст НИЛ, где сообщается о существовании не дошедшего до нас Лисицкого (название от новгородского монастыря на Лисьей горе) летописца, составленного в Новгороде в XV в. Об этом летописце НИЛ сообщает в известиях двух лет — 1450 и 1572: «В лето 6958. Написана бысть сия книга летописець во обители пречистей Рожества на Лисьи гори повелением раба божия дьякона инока Геронтия в полдест, держан»; «В лето 7000 восмдесятаго. Месяца февраль в 5 вторник, а служил того дни в манастыри на Лисьи горе обидню и смотрил в манастыри книги литописца церковнаго, а сказывал, что литописец Лесицкой добри сполна, ажо не сполна: развие написано в летописце в Лесуцком владыки Навгороцькые, не вси сполна, писаны развие до владыки Еуфимия Навгороцького. А смотрил в кельи у старца у келаря у Деописия». Эти два сообщения комментировали многие исследователи, но при этом отмечалось, что состав НИЛ, а также вопрос о Лисицком летописце, изучены недостаточно полно.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 121—174; М., 1965. Т. 30. С. 147—205; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 1—122.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1897. Т. 9. Примеч. 398; Яниш Н. Н. Новгородская летопись и ее Московские переделки // ЧОИДР. 1874. Кн. 2, отд. 1. С. 1—96; Иконников. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 1. С. 705—712; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 444; Семенов А. И. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 370; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 316; Бобров А. Г. Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV—начале XVI в. // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 10—16.

В. К. Зиборов

Летопись Новгородская IV (далее: НИВЛ) — летопись XV в., дошедшая в двух редакциях — старшей, доведенной до 1437 г.

(Новороссийский и Голицынский списки), и младшей, в основной части доходящей до 1447 г. и далее продолженной по-разному в разных списках; текст старшей и младшей редакций сходен до 1428 г. НІВЛ была издана в ПСРЛ в 1848 г. и переиздана в 1915—1925 гг.

Совпадение НІВЛ с *Летописью Софийской I* с начала и до 6926 (1418) г. дает основание считать ее новгородской версией их общего протографа. СІЛ включает ряд больших статей, опущенных в НІВЛ, но в ряде случаев НІВЛ сохраняет более первоначальные чтения. В *Летописи Новгородской Карамзинской*, передающей, по-видимому, наиболее раннюю редакцию НІВЛ, и в еще большей степени в НІВЛ первоначальный текст этого протографа пополнен дополнительными новгородскими и частично ростовскими известиями. Среди этих дополнительных известий НІВЛ — летописчик повгородских посадников и семейный летописец новгородца *Матфея Михайлова* (известия о его рождении, смерти отца и матери, женитьбе и т. д.) и ряд статей церковно-учительного характера: поучение архиепископа Луки, рассказ дьякона Александра о святынях Царьграда, плач о смерти митрополита *Киприана* и тверского владыки *Арсения* и др. На основе НІВЛ был составлен краткий летописец, помещенный в начальной части *Летописца Рогожского*, *Летописи Авраамки* и некоторых других памятников. НІВЛ легла также в основу новгородских летописей последующего времени — летописей *Новгородской Хронографической* (Новгородской V), Новгородской Уваровской и Новгородского свода 1539 г. (*Летопись Новгородская Дубровского* и др.).

В нескольких списках НІВЛ младшей редакции (Строевский и Синодальный списки) до нас дошло летописание последних лет Новгородской республики (до 1477 г.), в частности чрезвычайно яркий рассказ о победе *Ивана III* над Новгородом в 1471 г. (см. *Повести о присоединении Новгорода*). В отличие от московских летописей, излагавших это событие в традиционном этикетном стиле, с упоминанием о вмешательстве «божественной рати» на стороне Москвы, НІВЛ конкретно описывает вполне земные обстоятельства поражения новгородцев, внутренние раздоры между «меньшими» и «большими» людьми, прямую измену в городе и т. д.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4; 2-е изд. Пг.; Л., 1915—1925.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900, сент. Отд. 2. С. 90—176; 2) Обзорение. С. 182—188; Приелков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 150—151; Ихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 445—450; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 72—83.

Я. С. Лурье

Летопись Новгородская Дубровского (*Летопись Новгородская IV* по списку Дубровского) — летопись XVI в., заключающая в себе новгородский свод 1539 г., составленный, по-видимому, по повелению архиепископа (впоследствии — митрополита всея Руси) Макария. Л. Н. Д. сохранилась в рукописи ГПБ, Ф. IV. 238; кроме нее тот же свод отразился в *Летописи Архивской* (в основном в ее второй

части) и в Отырывке русской летописи по Воскресенскому Ново-иерусалимскому списку ГИМ, Воскр. собр., № 1156 (издан: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 277—315). Тесно связана Л. Н. Д. с Новгородской Уваровской летописью; высказывалось предположение, что у них был общий источник («первая редакция» Л. Н. Д.), доходивший до 1505 г.

Основным источником Л. Н. Д. была НІVЛ; наряду с новгородским летописанием здесь отразилось также московское общерусское (великокняжеское) летописание. Особенный интерес представляет текст Новгородского свода за 7006—7007 (1498—1499) гг. В Новгородском своде 1539 г. (Л. Н. Д., Архивская летопись и Отырывок) даты эти переданы ошибочно, как 7000—7001 гг. (слова «в лето 7000 шестого, декабря») были поняты как «в лето 7000, 6 декабря»), но в Новгородской Уваровской летописи соответствующие события правильно помещены под 7006—7007 гг. Здесь содержится рассказ об опале на сына *Ивана III* (будущего *Василия III*), рядом чтений совпадающий с рассказом о том же событии в последующих летописях (начиная с *Летописи Софийской I* по списку Царского), но опала эта объясняется совершенно иначе, чем в более позднем летописании: упоминаются подробности заговора *Василия*, подозрительная роль его матери *Софии Палеолог*, и даже пожалование *Василия* в 1499 г. Новгородом и Псковом трактуется как прощение «вины». Ясно, что перед нами известие великокняжеского свода, составленного еще до полной реабилитации *Василия* в 1502—1504 гг. и провозглашения его наследником престола.

В первой части Л. Н. Д., близкой к НІVЛ, обнаруживаются некоторые характерные дополнения. Так, среди известий за XIV в. содержится ряд известий, связанных с боярским родом *Квашниных*. Рассказ о *Куликовской битве*, в общем сходный с НІVЛ, содержит ряд текстов, отсутствующих в пространной *Повести о Куликовской битве* в НІVЛ—СІЛ. Однако предположение о том, что эти тексты восходят к тексту *Повести о Куликовской битве*, более первоначальному, чем версия НІVЛ—СІЛ, представляется неубедительным: эпизоды, читающиеся в Л. Н. Д., имеют явно вставной характер и противоречат основному тексту; текст НІVЛ—СІЛ ближе к общему источнику пространной повести — краткой *Повести о Куликовской битве*, помещенной в *Летописи Троицкой* (текст *Троицкой* сохранен *Летописью Симеоновской*). Среди дополнительных известий Л. Н. Д. — два известия об участии в *Куликовской битве* *Ивана Родионовича Квашни* (отсутствующие в других источниках), относящиеся к уже упомянутым известиям, прославляющим род *Квашниных*. Поэтому вероятно предположение, что Новгородский свод 1539 г. был составлен по поручению *Макария* представителями этой фамилии, *Андреем* и *Иваном Квашниными*, служившими «в Новгороде, у владыки»; при этом и возникла расширенная редакция *Повести о Куликовской битве*, читающаяся в Л. Н. Д.

В заключительной части Л. Н. Д. большой интерес представляет подробная и, очевидно, относительно ранняя версия *Повести о смерти Василия III* в 1533 г. Версия Л. Н. Д. близка к версии, помещен-

ной в *Летописи Софийской II* по Воскресенскому списку, и, возможно, является первоначальной по отношению к СИЛ. Начало летописи до 6955 (1447) г. издано лишь в вариантах к Строевскому списку НИВЛ.

Изд.: ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925—1929. Т. 4, вып. 2—3. С. 471—579.

Лит.: Шахматов А. А. 1) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 163—171; 2) Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906. С. 106; 3) Летописи: (статья из «Энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона, т. XXV) // Обзорение. С. 371; Лурье Я. С. 1) Из истории русского летописания конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 180—181; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 190, примеч. 64, 253; Азбелев С. Н. 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 219—228; 2) Текстологическое изучение Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 279—284; 3) Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 164—172; 4) Об устных источниках летописных циклов: (на материале Куликовского цикла) // Там же. 1976 г. М., 1976. С. 78—101; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 354—358, 467—470; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 390; Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 6—30.

Я. С. Лурье

Летопись Новгородская Карамзинская — летопись 1-й пол. XV в., сохранившаяся в единственном списке кон. XV в., принадлежавшем Н. М. Карамзину (ГПБ, Ф. IV. 603). А. А. Шахматов, впервые исследовавший эту летопись, колебался в ее определении, считая, что Л. Н. К. была либо первоначальной редакцией *Летописи Новгородской IV*, либо отражением общего источника НИВЛ и *Летописи Софийской I* — «свода 1448 г.». Первое из этих предположений представляется более вероятным, так как в некоторых случаях Л. Н. К., как и НИВЛ, обнаруживает явно вторичные по отношению к СИЛ чтения (сокращение больших летописных повестей СИЛ, дублировка ряда известий и т. д.) и не могла поэтому отражать общий протограф СИЛ и НИВЛ. Но по отношению к НИВЛ текст Л. Н. К. явно первоначален: текст здесь в ряде случаев ближе к СИЛ, кроме того, в Л. Н. К. содержится ряд памятников, которых нет в СИЛ и от которых в НИВЛ сохранились лишь фрагменты.

Характерной особенностью Л. Н. К. является необычное расположение ее текста в единственном дошедшем до нас списке. До рассказа 6495 г. о крещении Руси текст почти совпадает с НИВЛ, но далее следует текст известий 6497 (989)—6919 (1411) гг., соответствующих первым половинам годовых статей НИВЛ и преимущественно связанных с Новгородом, а затем — текст известий с 6496 (988) по 6936 (1428) г., соответствующих вторым половинам годовых статей НИВЛ (сюда попали все большие летописные повести). Все эти три части Л. Н. К. написаны одним почерком, без каких-либо разделяющих заголовков, и рассматривать текст 6427—6919 гг. и следующий за ним текст 6496—6936 гг. как самостоятельные памятники невозможно, так как обе эти части фрагментарны и часто обретают смысл только при воссоединении годовых статей обеих частей. А. А. Шах-

матов полагал, что такое разделение — результат неудачной попытки писца, создавшего рукопись F.IV.603, сделать из «обыкновенного летописного свода» (близкого к НІVЛ) выборку новгородских известий; убедившись в неудачности получившейся «механической» выборки, писец дополнил по оригиналу все пропущенное прежде. Возможно, однако, что разделение оригинала («свода 1448 г.») было произведено создателем Л. Н. К. сознательно — подобное разделение текста на две части (более важную, по мнению редактора, и менее важную) встречается и в других летописях, например в *Летописи Вологодско-Пермской* первой редакции. Но НІVЛ, во всяком случае, не сохранила такого разделения текста на две выборки, расположив весь свой материал в едином хронологическом порядке.

Существует точка зрения, согласно которой первая половина Л. Н. К. (текст до 6495 г. и за 6497—6919 гг.) и ее вторая половина (6496—6936 гг.) представляют собой не выборки из единого оригинала, а составленные в разное время, но попавшие в одну рукопись тексты, из которых первый (НК₁) независим от второго (НК₂); первоначальная версия НК₁ была источником для СІЛ; НК₂ возникла из СІЛ; вместе с тем НК₁ и НК₂ были заготовками для издания НІVЛ. Предположение это представляется нам неубедительным, так как Л. Н. К. на всем своем протяжении содержит дополнения местного новгородского характера, вторичные по отношению к СІЛ и совершенно однотипные в НК₁ и НК₂; обнаруживается в НК₁ и ряд явно вторичных чтений по сравнению с СІЛ. С другой стороны, и СІЛ содержит некоторые чтения, вторичные по отношению к НК₂. Единственным объяснением соотношений между обеими частями Л. Н. К. и НІVЛ, с одной стороны, и СІЛ — с другой, может служить поэтому предположение об общем источнике всех этих летописей — Новгородско-Софийском своде, доходившем до 1418 г. или даже до 1425 г. (сходное известие Л. Н. К. и СІЛ).

Научная ценность Л. Н. К. определяется, помимо ее первичности по отношению к НІVЛ, также наличием ряда уникальных статей, например грамот константинопольского патриарха Антония в Новгород 6898 (1390) и 6902 (1394) гг., не сохранившихся, кроме Л. Н. К., ни в других летописных текстах, ни в отдельных списках. Издания текста Л. Н. К. нет.

Лит.: Шахматов А. А. 1) *Общерусские летописные своды XIV и XV вв.* // ЖМНП. 1900. Ч. 331, № 9. Отд. 1. С. 96—98; 2) *Обозрение.* С. 190—195; Лурье Я. С. 1) *Новгородская Карамзинская летопись* // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207—213; 2) *Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи* // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 199—218; Прохоров Г. М. *Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания* // Там же. С. 165—198.

Я. С. Лурье

Летопись Новгородская Хронографическая (Хронографический список *Летописи Новгородской IV*) — летопись кон. XV в., дошедшая в единственном полном списке (ГИМ, Синод. собр., № 280; существует еще неполный список — ГИМ, Синод. собр., № 154), содержащем

также краткий хронограф, Псковскую II летопись, Хронографическую Александрию и летопись, близкую к Летописи *Авраамки*. Первая часть Л. Н. Х., до 1446 г., дошедшая также в ряде сокращенных списков новгородской летописи (ГПБ, собр. Погодина, № 1404а, 1402 и др.), была определена А. А. Шахматовым как Новгородская V летопись. Она представляет собой особую редакцию НИУЛ, в которой значительно пополнены (на основе *Летописи Новгородской I*) новгородские известия. Начиная с сер. XV в. в Л. Н. Х. обнаруживаются совпадения с *Летописным сводом Сокращенным*; в заключительной части (после 1472 г.) Л. Н. Х. содержит текст великокняжеского свода, близкий к тому, который читается в Мазуринском виде Сокращенного свода. Характерной особенностью этой части Л. Н. Х. является рассказ 6999 (1491) г. о соборе па еретиков, более подробный, чем в Сокращенных сводах, *Летописном своде Московском великокняжеском кон. XV в.* и др. летописях. Этот рассказ и помещенные вместе с ним известия обнаруживают явную связь летописца с главным «обличителем» ереси — новгородским архиепископом *Геннадием*. Можно предполагать поэтому, что источником Л. Н. Х. была версия Сокращенного свода Мазуринского вида, проредактированная в Новгороде. Текст Л. Н. Х. в списке Синод. собр., № 280 прерывается на 6999 г., после чего в этом списке следует текст за 6999—7004 гг., заимствованный из *Летописи Иоасафовской*.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 146—165; 2-е изд. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2. Вып. 1 (без окончания).

Лит.: Шахматов А. А. 1) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904. С. 53—54; 2) Ермолинская летопись и Ростовский владычий свод. СПб., 1904. С. 9—21, 78—79; 3) Обзорение. С. 196—207; Описание рукописей Синодального собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1, № 755. С. 135; К л о с с Б. М. Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никонского свода // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 257—264; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 241—251; К л о с с Б. М., Л у р ь е Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 91.

Я. С. Лурье

Летопись Симеоновская — летопись кон. XV в., сохранившаяся в единственном полном списке XVI в. (БАН, 16.8.25; фрагмент той же летописи дошел также в сборнике ЦГАДА, собр. Мазурина, № 289). Открыта А. А. Шахматовым, назвавшим летопись по имени одного из владельцев ее рукописи — книжного справщика XVII в. Никифора Симеонова. В единственном списке Л. С. нет начальной части и текст начинается с 6685 (1177) г. Первая часть Л. С., до 1391 г. близка к *Летописи Троицкой* и вместе с *Летописцем Рогожским* содержит Тверскую редакцию 1412 г. общерусского свода кон. XIV или нач. XV в. — протографа летописи Троицкой. Вторая часть Л. С. близка к *летописным сводам Московским великокняжеским 1479 г. и кон. XV в.*; эта часть начинается с 6918 (1410) г., и возникающая таким образом дублировка 6918—6920 гг. свидетельствует о соединении в Л. С. двух разных источников. Влияние Московского свода обнаружива-

ется и в первой части Л. С. — из этого свода заимствованы летописные фрагменты 6743—6745 (1235—1237), 6747—6757 (1239—1249), 6869—6872 (1361—1364) и 6909—6916 (1401—1408) гг.

Вторая часть Л. С. обрывается на 7002 (кон. 1493) г., но по характеру своих известий Л. С. ближе к Московскому своду 2-й пол. 90-х гг. XV в., отразившемуся в Мазуринском виде «Летописца от 72-х язык» и в Летописи Новгородской Хронографической, чем к Московскому своду кон. XV в., сохранившемуся в Уваровском списке. Как и в других летописях 2-й пол. 90-х гг. (Летописный свод Сокращенный Мазуринского вида, Летопись Новгородская Хронографическая), в Л. С. не упоминается о «крестном целовании» Ивана III братьям Андрею и Борису, данном во время «стояния на Угре» (см. Повести о стоянии на Угре) — очевидно, в связи с тем, что «крестное целование» к тому времени было нарушено, а оба брата погибли. Перечень князей и владык в начале Л. С. доведен до кон. XV в.; имена великих князей, записавших престол, последовательно написаны здесь киноварью, последним из них назван внук Ивана III «Дмитрий от Елены Волошанкы». Составление Л. С. с наибольшей вероятностью может быть поэтому отнесено к 1498—1502 гг., когда Дмитрий-внук был объявлен соправителем Ивана III и торжественно коронован шанкой Мопомаха. Однако список рязанских епископов продлен в этом перечне до нач. XVI в.; особый интерес составителя Л. С. к Рязани обнаруживается во включении нескольких специально рязанских известий и выделении их киноварными заголовками. Дошедший до нас список Л. С. принадлежал Волоколамскому монастырю, и такой специальный интерес к Рязани может быть поэтому объяснен рязанским происхождением волоколамского игумена нач. XVI в. (впоследствии митрополита) Даниила.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая летопись начала XV в. СПб., 1910 (отд. отт.: ИОРЯС. 1900. Т. 5, кн. 2); 2) Статья «Летописи» из «Нового энциклопедического словаря Брокгауза—Ефрона» // Обзорение. С. 367; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 439—440; Лурье Я. С. 1) Из истории русского летописания XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 165—172; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 26—27, 54—55, 241—251; 3) О московском летописании конца XIV в. // Всюмогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11. С. 3—19; Кузьми и А. Г. Рязанское летописание. М., 1956. С. 14—20; Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 26—27, 349—352; Клосс Б. М. 1) О времени составления русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 255; 2) Деятельность митрополитской книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI в. и происхождение Никитинской летописи // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 324; 3) Никитинский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 25—29; Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 112—113.

Я. С. Лурье

Летопись Софийская I (далее: СІЛ) — летопись XV в., сохранившаяся во множестве списков и лежащая в основе всех общерусских

Изд.: Софийский временник, или Русская летопись с 362 г. по 1534 г. / Издал П. Строев. М., 1820. Ч. 1; ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 5—6; 2-е изд. Л., 1926. Т. 5.

Лит.: Тихомиров И. А. Обзорение состава московских летописных сводов // ЛЗАК. СПб., 1895. Вып. 10. С. 78; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзорение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899. С. 40—53; 2) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. Ч. 331, отд. 2. С. 90—176; 3) Обзорение. С. 208—221; Прикоров М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 142—164; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 451—453; Лурье Я. С. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—121; 2) Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 299—304; Кучкин В. А. Тверской источник Владимирского Поляхрона // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 102—112.

Я. С. Лурье

Летопись Софийская II (далее: СИЛ) — летопись нач. XVI в., сохранившаяся в двух списках — Архивском (ЦГАДА, ф. 181, № 374) 1-й четв. XVI в. и Воскресенском (ГИМ, Воскр. собр., бумажное, № 154) сер. XVI в. СИЛ была издана уже в нач. XIX в., а в 1851 г. — в составе ПСРЛ.

Историки XIX в. обращали внимание на наличие в СИЛ записей, составленных «в лагере, враждебном правительству». А. А. Шахматов обратил внимание на то, что текст СИЛ с кон. XIV в. по 1518 г. совпадает с текстом *Летописи Львовской*; он предположил поэтому, что в основе обеих летописей лежит свод 1518 г. А. Н. Насонов отметил, что вплоть до кон. 80-х гг. XV в. общий протограф СИЛ и Львовской резко отличается от великокняжеского летописания, обнаруживая сочувствие к оппозиционному митрополиту *Геронтию*, а далее становится с ним сходным; А. Н. Насонов считал, что в основе свода 1518 г. лежал митрополичий свод 1489 г. Однако, несмотря на то что в споре Геронтия с *Иваном III* СИЛ стоит на стороне митрополита, в этом своде встречаются критические замечания и по адресу Геронтия (обвинение в «неверии» в чудеса от гроба *Феогноста* и «небрежении» к его мощам). Очевидно, свод, лежащий в основе свода 1518 г., — не официально-митрополичий, а неофициальный (монастырский).

Состав СИЛ и ее источников может быть определен лишь частично. Поздний Воскресенский список содержит до кон. XIV в. *Летопись Софийскую I* (потому и сама СИЛ была названа Софийской); текст Архивского списка начинается только с 1397 г., но, поскольку в начале этой рукописи недостает всего 25 листов, ясно, что СИЛ здесь помещена быть не могла. Свод 1518 г., лежащий в основе СИЛ и Львовской, восходил к различным источникам. При его составлении были использованы официальные документы, связанные с Флорентийским собором 1439 г.; отразились в нем *Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в.* с дополнением до нач. XVI в., ростовский свод, отразившийся в *Летописи Типографской*, и свод-протограф *Летописного свода Сокращенного* и *Летописи Ермолинской*. Но наиболее оригинальными являются разделы свода 1518 г., восходящие к неофициальному своду 80-х гг. К их числу принадлежат жи-

тийные повести, написанные митрополитичьим дьяком *Родионом Кожухом*, который, возможно, имел отношение к составлению свода 80-х гг., а также пространный рассказ о строительстве Успенского собора, отличающийся от помещенного в великокняжеской летописи, и о деятельности его строителя — Аристотеля Фиорованти, рассказ о трусливом поведении Ивана III во время стояния на Угре (см. *Повести о стоянии на Угре*), дополняющий помещенный здесь же рассказ из летописи Типографской, ряд известий о событиях, не упомянутых в других летописях, — об отравлении первой жены Ивана III Марии, о несправедливых поступках великого князя по отношению к братьям, о соучастии Ивана III в нападении Менгли-Гирея на Киев в 6990 (1482) г., о жестокой казни врача Антона и т. д. К числу памятных, заимствованных сводом 1518 г. из свода 80-х гг., принадлежало, очевидно, и помещенное в СПЛ и Львовской «Хожение за три моря» *Афанасия Никитина*.

Окончание текста в Архивском списке СПЛ совпадает с окончанием свода 1518 г.; заключительная часть того же свода за 1483—1518 гг. отразилась также в Уваровском виде «*Летописца от 72-х язык*». В Воскресенском списке текст СПЛ продолжен до 1534 г. и завершается *Повестью о смерти Василия III*, помещенной также в *Летописи Новгородской Дубровского*. До 1526 г. текст в Воскресенском списке СПЛ обнаруживает черты сходства с текстом *летописей Воскресенской и Вологодско-Пермской* (2-я редакция); все они, возможно, восходят к общему протографу.

Изд.: Софийский временник, или Русская летопись с 362 по 1534 г. / Издал П. Строев. М., 1821. Ч. 2; ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 115—358.

Лит.: Тихомиров И. А. Обзорение состава московских летописных сводов. М., 1896. С. 74; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзорение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899. С. 21, 41—48; 2) Ермолинская летопись и Ростовский владычский свод. СПб., 1904. С. 13—17, 22—24, 80—83; Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК. Л., 1927. Т. 1 (34). С. 64—71; Пасонов А. Н. 1) Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН СССР. XII сер. Л., 1930. № 9. С. 714—721; 2) История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 305—307, 369—376, 460; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 453—454; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 39—40; Лурье Я. С. 1) Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей // ТОДРЛ. Л., 1973. Т. 27. С. 164—165; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 210—213, 223—240; Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV—XV вв. М., 1984. С. 305—313.

Я. С. Лурье

Летопись Тверская (или Тверской сборник) — летопись XVI в., содержащая значительные фрагменты тверского летописания с кон. XIII по кон. XV в. Л. Т. дошла в трех списках XVII в. западно-русского происхождения — Погодинском (ГПБ, собр. Погодина, № 1414; по этому списку Л. Т. издана в ПСРЛ), Забелинском (ГИМ, Музейск. собр., № 2886) и Толстовском (ГПБ, F.IV.214).

Первая часть Л. Т., до 6793 (1285) г., представляет собой ростовский летописный свод, близкий к *Летописям Ермолинской и Львовской*; в Л. Т. обнаруживаются также значительные заимствования из *Летописи Новгородской I*. Судя по заметкам, помещенным в Л. Т. под 6496 и 6527 гг., составитель всего Тверского сборника был ростовцем, писавшим в 1534 г.; очевидно, он включил в свою компиляцию тверскую летопись кон. XV в., оказавшуюся в его руках. На протяжении 6793—6883 гг. текст Л. Т. (за исключением раздела за 6849—6871 гг. ростовского происхождения) совпадает (до 6836 г. — полностью, далее — частично) с текстом *Летописца Рогожского*; текст за 6822—6848 гг. сходен также с тверским летописным фрагментом 6822—6852 гг., найденным А. Н. Насоновым. Уже А. Н. Насонов высказал предположение, что источником Л. Т. и Рогожского летописца был тверской летописный свод 1375 г., прекращенный в связи с неудачей тверского князя Михаила Александровича в борьбе за престол великого князя владимирского. Но общим протографом Л. Т. и Рогожского летописца был, по мнению А. Н. Насонова, не самый свод 1375 г., а его редакция 1455 г., составленная в Твери под влиянием «свода 1448 г.» — общего протографа *Летописей Софийской I* и *Новгородской IV*. Однако никаких черт влияния общего протографа СИЛ и НИВЛ в совпадающем тексте Л. Т. и Рогожского летописца не обнаруживается. Их сходный текст отражает влияние другого общерусского памятника — свода 1408 г., читавшегося в *Летописи Троицкой* или в предшествовавшем ей общерусском своде кон. XIV в. Из этого источника попали, очевидно, в протограф Рогожского летописца и Л. Т. известия о «тишине великой» при Иване Калите, о благополучном возвращении из Орды на Русь московских князей, пожалованных «богом и царем», и т. д. Любопытно, что всех этих известий нет в тверском летописном фрагменте 6822—6852 гг. — этот фрагмент, очевидно, отражал первоначальный текст тверского свода 1375 г., а Рогожский летописец и Л. Т. — его редакцию нач. XV в., испытавшую влияние московского летописания.

Текст Л. Т. дает основания для предположения о вероятном наименовании тверского свода 1375 г. В разделе, читающемся в Подлинном и Забелинском списках (в Толстовском его нет) после 1402 г. и озаглавленном «Предисловие летописца княжения Тферскаго благоверных князей Тферских», говорится, что, прославляя тверского великого князя Михаила Александровича, автор опирается на более ранний летописец — «якоже Володимирский полихрон. . . яве указывает и пречествейша сего в князех являет, словуще имя Михаила Александровича». Очевидно, тверской свод 1375 г., составленный в подкрепление прав Михаила Александровича на владимирский престол, и назывался «Владимирским полихроном». В Л. Т. текст летописного свода 1375 г. был продолжен тверскими известиями вплоть до 1486 г. — времени присоединения Твери к Русскому государству. Однако характер тверского свода, использованного в этой части Л. Т., не вполне ясен. В двух случаях текст Л. Т. оказывается сходным с текстом тверской редакции 1412 г. общерусского свода нач. XV в., отразившейся в Рогожском летописце и

Летописи Симеоновской: совпадают известие 1392 г. о присоединении Нижнего Новгорода и фрагмент рассказа о событиях, предшествовавших нашествию Едигея. В основном тверские известия за XV в. в Л. Т. фрагментарны и не выражают позиции тверских князей. Отрывок из тверской великокняжеской летописи сохранился, по-видимому, в составе внелетописного памятника — Похвального слова великому князю Борису Александровичу тверского ипока *Фомы*, но отрывок этот не имеет ничего общего с текстом Л. Т. Возможно, что в Л. Т. до нас дошел текст иной тверской летописи, не связанной с великокняжеской властью.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15 (фототипическое воспроизведение: М., 1965).

Лит.: Тихомиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью // ЖМНП. 1876. № 12, отд. 2. С. 262—308; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899. С. 93—109; 2) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9. С. 148; 3) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1914. С. 26—38 (отд. отт.: ИОРЯС. 1903—1904. Т. 8, кн. 3; Т. 9, кн. 1); 4) Обозрение. С. 372; Насонов А. Н. 1) Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН СССР. VII сер. Л., 1930. № 9. С. 709—772; 2) О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 26—40; Лурье Я. С. 1) Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 36. С. 97—101; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 49—55; 3) Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 294—298; Дубенцов Б. И. К вопросу о так называемом «Летописце княжения Тферскаго» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 118—157; Кучкин В. А. 1) Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 119—134; 2) Арсений Николаевич Насонов: Биография и творческий путь // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 12.

Я. С. Лурье

Летопись Типографская — летопись кон. XV—нач. XVI в. Дошла в двух редакциях — Синодальной и Академической. Впервые Синодальный список Л. Т. (ГИМ, Синод. собр., № 789), принадлежавший Синодальной типографии, был опубликован еще в кон. XVIII в.; в 1921 г. Л. Т. была издана в ПСРЛ А. А. Шахматовым по древним спискам — Синодальному и Толстовскому (ГПБ, F.IV.218). Установив, что текст обоих списков сходен до 1484 г., А. А. Шахматов пришел к выводу, что в основе Л. Т. лежит свод 1484 г.; судя по содержанию, свод этот мог быть определен как ростовский владычный (архиепископский). А. Н. Насонов обнаружил ряд списков Л. Т., близких к Толстовскому (списки Академический, Оболенского и др.), и определил их как особую Академическую редакцию Л. Т. (по-видимому, возможно выделение еще нескольких редакций). Сопоставляя обе редакции Л. Т. (Синодальная редакция известна по единственному Синодальному списку), можно установить, что первичным является текст Академической редакции, последовательно доведенный до 6998 (1488/89) г. (далее следуют приписки, расходящиеся в отдельных списках). Известия Академической редакции за 1484 и 1485 гг. логически связаны между собой (рассказ о попытке отставки митрополита *Геронтия*); отсутствие этого текста, начиная с 1485 г., в Синодальной редакции было, очевидно, следствием со-

крашения. Таким образом, основой Л. Т. можно считать летописный свод 1489 г.

Свод этот состоит из двух частей. Первая его часть, доходящая до 6931 (1423) г., представляет собой сокращенное изложение *Летописного свода Московского великокняжеского 1479 г.* Небольшие дополнения к этому тексту в Л. Т. связаны с Ростово-Суздальской землей и ростовской епархией; упоминается, что древняя княгиня Ольга была дочерью князя Олега, и др. Текст второй части Л. Т. также довольно краток (особенно за 20—60-е гг.), но оригинален и включает целую серию известий, связанных с Ростовом и ростовской епархией. С исчерпывающей полнотой сообщается здесь о сменах ростовских владык (архиепископов). Рассказывая о столкновении ростовского архиепископа *Вассиана Рыло* с митрополитом Геронтием, Л. Т. проявляет явное сочувствие ростовскому владыке. Наиболее ярким рассказом Л. Т. является *Повесть о стоянии на Угре* в 1480 г.; повесть эта в нескольких местах близка к публицистическому Посланию на Угру архиепископа Вассиана. Как в этой повести, так и в ряде других известий обнаруживается независимая позиция летописца по отношению к великокняжеской власти. Так, рассматривая процесс объединения Руси с московской точки зрения (в рассказе о присоединении Новгорода москвичи именуются «нашими»), летописец тем не менее излагает с нейтральных позиций борьбу *Василия II* с Шемякой, осуждает нападение Менгли-Гирея на Киев в 6991 (1483) г. (в Московском своде доход этот рассматривается как справедливое возмездие польско-литовскому королю) и репресси *Ивана III* в присоединенных землях — Новгороде и Твери. Составленный после смерти ростовского владыки Вассиана Рыло в 1481 г. свод, лежащий в основе Л. Т., был, очевидно, летописью, связанной с ростовской епархией, но имевшей неофициальный характер. В Синодальной редакции текст этого свода продолжен до 1497 г. — это окончание сходно с Прилуцким видом *«Летописца от 72-х язык»*. Протограф Л. Т. оказал влияние на другой неофициальный летописный свод, отразившийся в *Летописях Львовской и Софийской II*.

Изд.: Летописец, содержащий Российскую историю от 6714 (1206) до 7024 (1534) лета. . . М., 1784; 2-е изд. М., 1853; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Ермолинская летопись и ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 24—25, 82—83; 2) Обзорение. С. 284—301; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 457—458; Насонов А. П. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 119—120, 376—378, 389—394, 402—409; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 210—223; Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 113—122.

Я. С. Лурье

Летопись Троицкая — летопись нач. XV в., доведенная до 1408 г., известная историкам XVIII—нач. XIX в. в единственном «харатейном» (пергаменном) списке и сгоревшая в 1812 г. Л. Т. была широко привлечена Н. М. Карамзиным для его «Истории го-

сударства Российского»; текст Л. Т. сохранился в цитатах Н. М. Карамзина и в разночтениях к начальной части (до 907 г.) первого незавершенного издания 1804 г. *Летописи Лаврентьевской*. А. А. Шахматов, открыв *Летопись Симеоновскую*, установил ее сходство с Л. Т. (судя по цитатам Карамзина); сходный текст, начиная частично с 1328 г. и полностью с 1375 г., имеет и *Летописец Рогожский*. М. Н. Тихомиров обнаружил также многочисленные совпадения с Л. Т. в *Летописце Владимирском XVI в.* На основании перечисленных источников (кроме Владимирского летописца) М. Д. Приселков предпринял реконструкцию Л. Т., опубликованную в 1950 г. (по-мертно).

Текст отдельных частей Л. Т. может быть восстановлен с разной степенью достоверности. Наиболее достоверны тексты из разночтений к первому изданию Лаврентьевской летописи и из аннотированных цитат Карамзина. Наряду с такими цитатами М. Д. Приселков привлекал также ряд цитат, не имевших прямой ссылки на Л. Т., — в тех случаях, когда Н. М. Карамзин не ссылался на иные летописи и соответствующие цитаты не обнаруживались в других известных нам летописях. При реконструкции М. Д. Приселков опирался на Лаврентьевскую летопись (до ее окончания под 1305 г., поскольку остальные источники свидетельствуют о почти полной идентичности обеих летописей) и Симеоновскую (с 1177 г., поскольку с этого года начинается единственный дефектный список данной летописи). Однако в нескольких местах (1235—1237, 1239—1249, 1361—1364, 1401—1408 гг.) Симеоновская отходит от Л. Т., заменяя ее текст вставками из *Летописного свода Московского великокняжеского 1479 г.* Для реконструкции Л. Т. за 1361—1364 гг. Приселков обращался еще к Рогожскому летописцу, и правильность этого выбора была подтверждена Владимирским летописцем, текст которого оказался в соответствующих местах сходным с Рогожским. Наибольшие трудности представляет реконструкция Л. Т. в ее конечной части — после 6899—6900 (1391—1392) гг.: здесь текст Симеоновской летописи и Рогожского летописца существенно отличается от текста Л. Т., насколько мы можем судить о нем по цитатам Н. М. Карамзина; при реконструкции этой части М. Д. Приселков обращался к *Летописному своду Московскому великокняжескому кон. XV в.* (в передаче *Летописи Воскресенской*), но текст его отражает Л. Т. (или ее протограф — свод 1408 г.) лишь как один из источников. При дальнейших попытках реконструкции Л. Т. следовало бы использовать *Летопись Белорусскую I* (по той же лишь до 6893 (1385) г.), ряд своеобразных известий которой совпадает с Рогожским летописцем и, вероятно, восходит к Л. Т. (или к лежащему в ее основе своду).

Несмотря на неизбежные пробелы в реконструкции, текст Л. Т. на его основном протяжении может быть определен с достаточной степенью полноты; мы можем представить себе источники и основной характер Л. Т. Основным источником Л. Т. был свод нач. XIV в., дошедший до нас в составе Лаврентьевской летописи. Сопоставление с Лаврентьевской обнаруживает, что, несмотря на ряд совпадений (даже дефектных мест), Л. Т. не восходила к Лаврентьевской; ряд

индивидуальных ошибок и пропусков списка Лаврентия не отразился в Л. Т., и текст ее в этих местах более первичен. Следовательно, Л. Т. восходила не к Лаврентьевской, а к ее протографу — своду 1305 г. Начиная с XIV в. свод 1408 г., сохранившийся в Л. Т., пополнял текст своего протографа—свода 1305 г. по какой-то довольно бедной материалом московской княжеско-митрополичьей летописи, новгородскому летописанию (отразившемуся в *Летописи Новгородской I*), суздальской, ростовской, тверской и иным летописям. Однако определение источников свода 1408 г. затрудняется тем обстоятельством, что кроме НЛ до нас не дошли параллельные летописи XIV в. и сравнительно-историческое исследование здесь крайне затруднительно. Сама Л. Т. содержала (судя по цитате Карамзина) в своей конечной части ссылку на какую-то предшествующую ей по времени летопись — «Летописец великий русский», доведенный до «князя нынешнего» (Василия I, вступившего на престол в 1389 г.), но что представлял собой этот «Летописец» — неясно. Если это был московский летописец, то, очевидно, его известия были полностью использованы сводом 1408 г. — во всяком случае в более позднем летописании фонд московских известий XIV в. не выходит за пределы соответствующего фонда в Л. Т.

По своему характеру Л. Т. (свод 1408 г.) представляла собой летопись, составленную, очевидно, при митрополичьем дворе вскоре после смерти митрополита Киприана в 1406 г. Примирение Киприана в 1389—1390 гг. (при Василии I) с великокняжеской властью предопределило общие промосковские тенденции Л. Т.: победа Ивана Калиты над Тверью в 1327 г. рассматривалась как начало «тишины великой» для Руси, получение суздальским князем великокняжеского (владимирского) престола осуждалось как пожалование «не по отчине, не по дедине». Однако к Дмитрию Донскому, изгнанному в 1382 г. Киприана, Л. Т. относится с явной недоброжелательностью, положительно оценивает его противников — великих князей Ольгерда Литовского и Михаила Александровича Тверского. Еще решительнее, чем Дмитрия Донского, Л. Т. осуждает новгородцев, не признавших власти Киприана. Очень осторожна позиция свода 1408 г. в вопросе об отношениях с Ордой — к тверским выступлениям против хана сводчик относится явно отрицательно; рассказ Л. Т. о «великой победе» на Дону в 1380 г. краток и маловыразителен. Это объясняется, очевидно, тем, что свод был составлен после похода Тохтамыша в 1382 г. и Едигея в 1408 г. Литературные вкусы летописца сказались в ряде рассказов, включающих игру слов («за Пьяною пьяни», «подав плечи, Плещеев побеже») и «плетение словес».

На основе свода 1408 г. или предшествующего ему свода кон. XIV в. возникла тверская редакция общерусского свода, доведенная до 1412 г. и отразившаяся в Симеоновской летописи, Рогожском летописце и *Летописи Никоновской*.

Изд.: При sel ков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XVI в. СПб., 1910 (отд. отт.: ИОРЯС. 1900. Т. 5, кн. 2); 2) Обзорение. С. 38—43; Приселков М. Д. О реконструкции текста Троицкой летописи 1408 г., сгоревшей в Москве в 1812 г. // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. Л., 1939. Т. 19. С. 5—42; Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 14—19; Березжков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 39—40; Мурзьева Л. Д. 1) Новгородские известия Владимирского летописца // АЕ за 1966 г. М., 1968. С. 37—40; 2) Об общерусском источнике Владимирского летописца // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 146—148; Лурье Я. С. 1) Троицкая летопись и московское летописание XIV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. 6. С. 79—106; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 23—30, 36—66; 3) О московском летописании конца XIV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11. С. 3—19; Кучкин В. А. К истории каменного строительства в Московском Кремле в XV в. // Средневековая Русь. М., 1976. С. 293—297.

Я. С. Лурье

Летопись Уваровская см. «Летописец от 72-х язык».

Летопись Устюжская (иначе: Устюжский летописец, Устюжский летописный свод, Архангелогородский летописец) — летопись, составленная в нач. XVI в. на севере Русского государства, но имеющая общерусский характер. Начальная часть Л. У. весьма своеобразна и не находит близких аналогий в других летописях; однако едва ли можно видеть здесь следы древнейшего летописания, не отразившегося в *Повести временных лет* и Начальном своде, — скорее это следы литературного творчества XV—XVI вв. С 6694 (1186) по 6981 (1473) г. Л. У. сходна с *Летописным сводом Сокращенным*; можно предполагать, что в основе всех этих памятников (и нескольких других, в частности *Летописи Ермолинской*) лежал общий источник — севернорусский (Кирилло-Белозерский) свод 70-х гг. XV в., в ряде случаев переданный в Л. У. ближе к оригиналу, чем в других летописях. Севернорусский свод 70-х гг. восходил, по-видимому, к общему протографу с ростовским сводом нач. XV в., отразившемуся в *Летописи Московско-Академической*, чем и объясняются совпадения этой летописи с Л. У. Наряду с общерусскими известиями в Л. У. уже начиная с XII в. (рассказ 6770 г. о крестившемся татарском «ясащике» Бугебогатыре, известия 6901, 6906, 6944, 6958, 6976 гг.) читаются местные устюжские известия; с 70-х гг. XV в. эти известия становятся особенно обильными. В известии 6985 (1477) г. отразилось, возможно, окончание последней новгородской летописи времени независимости, не сохранившейся в других летописях (в частности, и в *Летописи Новгородской IV*).

Общий текст различных списков Л. У. доходит до устюжского известия 7024 (1516) г.; далее читаются дополнительные известия, расходящиеся в разных списках. Списки Л. У. могут быть разделены на два извода или редакции; один из них представлен списком Мацеевича кон. XVII в. (ныне в ИРЛИ, Отдельные поступления, оп. 23, № 134), а другой — тремя списками XVII—XVIII вв. (ЛОИИ, колл. 115, № 148 (806); ГИМ, Синод. собр., № 965; ГПБ, собр. Погодина, № 1422). В списке Мацеевича текст продолжен до 7128 (1620) г.; в остальных списках — до кон. XVI в. В 80-х гг. XVI в.

Л. У. послужила одним из основных источников так называемой Коми-Вымской летописи.

Кроме Л. У. XVI в. существовал еще другой летописец, составленный в Устюге в кон. XVIII в. Л. Я. Вологдиным.

Изд.: Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года, то есть по кончину царя и великого князя Федора Иоанновича. М., 1781; 2-е изд. М., 1819; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950; ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 17—103.

Лит.: Шахматов А. А. 1) О начальном киевском летописном своде. М., 1897. С. 52—58 (отд. отт.: ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С. 52—56); 2) Разыскания. С. 237—238, 291; 3) Летописи // Обозрение. С. 372; Мацеевич Л. Рукописный сборник 17 века со списком Архангелогородского летописца // Древности. Т. 1, вып. 1. Стб. 31—40; Флоровский А. В. Из материалов для истории русского летописания: (Мацеевичев список Архангелогородской летописи) // Научные труды Русского народа. ул-га в Праге. 1931. Т. 4. С. 83—95; Себрякина К. Н. 1) Устюжский летописный свод // ИЗ. М., 1947. Т. 20. С. 239—270; 2) Устюжское летописание XVI—XIX вв.: (Краткий обзор списков) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Вып. 11. С. 42—48; 3) Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л., 1985; Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // ВИ. 1960. № 5. С. 45—51; Флорья Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 219—221; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 21, 346—351; Салмина М. А. Вновь обнаруженный список Устюжской летописи // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 267—271; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 185—186, 190—201.

Я. С. Лурье

Летопись Холмогорская — летопись, доведенная до 1558 г. и, очевидно, составленная около этого времени — в сер. XVI в. Л. Х. сохранилась в двух списках — ГИМ, ф. 445 (Чертковых), № 173 (коп. XVI в.) и ГПБ, собр. Погодина, № 1405 (2-й пол. XVII в.). До 1948 г. Л. Х. не упоминалась в научной литературе; однако возможно, что с рукописью этой летописи был знаком С. М. Соловьев, приведший, без точной ссылки на источник, цитату (о прозвище Иван Горбатый, данном *Ивану III* его слепым отцом) из сходного с нею текста. Впервые научное описание Л. Х. было осуществлено в 1964 г.; в 1977 г. Л. Х. была опубликована (по Погодинскому списку; Чертковский список был обнаружен лишь недавно).

Важное место в Л. Х. занимают известия, относящиеся к Русскому Северу; в заключительной части свода эти известия становятся особенно обильными и приобретают конкретную локализацию: речь идет о Холмогорах и Двинской земле, о государевых наместниках в Двинской земле. В этой заключительной части Л. Х. имеет общий источник с Двинским летописцем XVII—XVIII вв. В целом, однако, Л. Х. представляет собою общерусский свод; это обстоятельство подчеркивается ее заголовком: «Книга Летописец Киевский и Володимирский и Московский и всех русских князей. . .». В начальной ее части, до сер. XII в., Л. Х. сходна с *Летописью Типографской*; в части от сер. XII в. до кон. XIV в. — с *Летописью Львовской*; с кон. XIV по кон. XV в. — с *Летописью Вологодско-Пермской*; общерусские известия Л. Х. за 1-ю пол. XVI в. совпадают с рядом летописей этого времени (вообще сходных между собою), в частности

со Львовской, сходство с которой наблюдалось уже в более ранних частях. Вологодско-Пермская летопись была, очевидно, использована в Л. Х. в особой редакции, доведенной до 20-х гг. XVI в., предшествующей второй редакции Вологодско-Пермской (Академический список); к этому источнику, очевидно, восходят уникальное известие Л. Х. о разрыве казанского хана Махмед Аминя с Москвой в 1505 г., после назначения *Василия III Ивановича* наследником Ивана III, рассказы о строительстве града на Вологде в 1526 г. и более ранние известия о монастырском строительстве на севере (смерть Павла Обнорского, строительство монастыря Григорием Пельшемским).

Сводчик, составлявший Л. Х., кроме летописей использовал также ряд других литературных памятников: *Сказание о князьях Владимирских* и *Повесть о Флорентийском соборе Симеона Суздальского*, «Провосветитель» *Иосифа Волоцкого* (вступительное «Сказание о новоявившейся ереси»), *Послание Филофея Мисюрю Мунехину* «на звездочетцев». При этом соединение материала разных источников не было в Л. Х. механическим; компилятор включал известия из одних источников в разделы, основанные на других источниках, исходя из их хронологии. На протяжении всего свода автор использовал *Сказание о князьях Владимирских*, помещая легендарные известия этого источника на основе их примерной датировки в разных местах свода. Ряд известий Л. Х. за кон. XV—1-ю пол. XVI в. мог быть заимствован из устной традиции.

Изд.: Холмогорская летопись. Двинской летописец // ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 10—147.

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2, т. 3—4. С. 606; Лурье Я. С. 1) О неизданной Холмогорской летописи // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 449—455 (Труды ЛОИИ. Вып. 7); 2) Холмогорская летопись // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 138—149; Лаврентьев А. В. Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 323—334.

Я. С. Лурье

Лицевой свод см. *Летописный свод Лицевой*.

Логгин (XVI в.) — монах Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой, автор *Жития Иоанна (Игнатия) Вологодского*. Имя автора указано в заглавии *Жития*: «Месяца мая в 19 день преставление благовернаго князя и преподобнаго отца нашего Игнатия чудотворца Вологодского иже на Прилуце, творение вкратце инока Логгина тоя же обители, благослови отче». По определению Филарета и Ключевского, *Житие* было написано в XVI в. при митрополите *Макарии*. Как отметил Ключевский, автор «сообщил немногие сведения о князе и чудесах его по смерти до половины XVI в.».

Герой *Жития* — Иоанн, сын угличского князя Андрея Васильевича Большого, брата *Ивана III*, внук *Василия II Темного*, родившийся в 1477 г. и крещеный в Великих Луках. В 1491 г. его отец, он и его младший брат Дмитрий были схвачены Иваном III и заточены (см.: ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 160; СПб., 1859. Т. 8. С. 223),

причем их Угличский удел был присоединен к великому княжению. Через три года Андрей Васильевич умер в московской тюрьме. Сыновей держали в заключении в Переяславле, затем в Белозерске, наконец, в Вологде. Согласно Житию, старший духовно укреплял младшего. Проведя более тридцати лет в оковах, он умер (19 мая 1522, 1523 или 1525 г.) (см.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 198 — Прибавление к *Летописи Новгородской II*). Перед смертью, больной, он выразил желание принять монашество и был пострижен под именем Игнатия игуменом Прилуцкого монастыря Мисаилом, а затем и погребен им под алтарем монастырского собора у ног основателя монастыря, Дмитрия Прилуцкого. (Брат Иоанна—Игнатия, Дмитрий, намного его пережил: в 1540 г. боярская дума по настоянию Ивана Федоровича Бельского постановила снять с него оковы и впустить больше света и воздуха в его темницу. Великий князь *Василий III Иванович*, посетивший в 1528 г. Вологду, никак не облегчил участь и даже не навестил своего двоюродного брата. Умер тот около сер. XVI в.; как святой прославлен не был; в библиотеке Спасо-Прилуцкого монастыря под № 11/12 хранился принадлежавший Дмитрию Сборник 1515 г., содержавший написанное *Андреем Юрьевым* Житие князя Феодора Ярославского). Согласно местному преданию, записанному в XIX в. (К е д р о в с к и й П. Сведения об иконе Божией Матери всех скорбящих радости, находящейся в церкви Тюремного замка г. Вологды, и о самой сей церкви // Вологодские епархиальные ведомости. 1864. № 5. Прибавления. С. 128—135), оставшаяся после братьев икона Богоматери всех скорбящих радости, доставшаяся им от родителей, хранилась затем в Вологодской тюремной церкви.

Житие Иоанна—Игнатия Ключевский охарактеризовал как «краткую повесть, чуждую риторических украшений». В Житии нет прямого осуждения действий царя Ивана III, уморившего своего брата и заточившего племянников. Автор традиционно ссылается на козни дьявола, который, «ненавидяй добра роду человеческому, вложи промеж великого князя и князя Андрея Васильевича ненависть о суете мира сего». Страдая вместе с братом в долгом заключении в темнице «в железах многих тяжких» (это вполне согласуется со свидетельством летописи: «и положиша на него (князя Андрея. — М. К., Г. П.) чень и оковаша его и дву сынов его»; см.: Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 382), князь Иван утешает брата тем, что страдания — путь к спасению, а великий князь и его дети этому спасению помощники. Монолог князя Ивана написан Л. умело и выразительно. Завершается Житие семью чудесами исцеления, происшедшими вслед за кончиной Иоанна—Игнатия. В Житии очень точно указаны имена и адреса исцелившихся у его гроба: например, Дарья «жена от веси, глаголемые Маслина деревни, зовомой Павшина», или каменотесец Давид, живущий близ обители. Этот был наказан за то, что, делая каменную гробницу Игнатию, запросто сел на нее. Он выздоровел через три дня после слезной молитвы у гроба святого. Впоследствии к этим чудесам были приписаны другие

Существует и краткая, по-видимому, вторичная, редакция Жития (см.: ГПБ, собр. ПДА, № 280, кон. XVII—нач. XVIII в.), в которой сокращен монолог князя Ивана, убраны стилистические украшения текста, нет чудес.

Точное время канонизации Игнатия не установлено. Скорее всего он не был объявлен общерусским святым, а почитался только как местный вологодский. Его Житие встречается в основном в рукописях XVII—XIX вв., однако список из ГБЛ, собр. Большакова, № 37, по определению Г. П. Георгиевского, относится к XVI в. (см.: Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова. Пг., 1915. С. 29).

Служба, повторяющая мысль Жития о подвиге князя, написана, вероятно, несколько позже Жития. Имя ее автора читается по первым буквам тропарей: «Господи боже, помилуй Илию» (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 628, XVII в., л. 165).

Житие Игнатия написано как произведение вологодской традиции в обстановке возникновения на севере новых монастырей и новых агиографических произведений. В это же время была составлена новая редакция *Жития Дмитрия Прилуцкого*. Жития вологодских святых — Дмитрия Прилуцкого, Корнилия Комельского (см. *Нафанаил*), *Иоасафа Каменского*, Игнатия Вологодского помещаются вместе в рукописных сборниках. В рукописи ГПБ, Q.I.365, л. 226об.—230об. читается общая молитва Дмитрию и Игнатию. В Москве, в Китай-городе на Прилуцком дворе существовала перковь Дмитрия и Игнатия (по данным 1737 г. — ЧОИДР. 1859. Кн. 3, отд. V. Смесь. С. 8).

С другой стороны, Иоанн—Игнатий Вологодский с его Житием включается, наряду с князем Романом Угличским (XIII в.) и паревичем Дмитрием (XVI—XVII вв.), в пантеон угличских святых, что отразилось в поздних Угличских летописцах (см. Житие Романа Угличского).

Изд.: Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 28, часть неофиц. С. 223—228.

Лит.: Савваитов П. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. СПб., 1844. С. 31—32, 36—37; Северная Пчела. 1846. № 28. С. 112; Ключевский И. Древнерусские жития. С. 271; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880. С. 387—404; Филарет [Гумилевский]. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 1882. Т. 2. С. 108—112; 2) Обзор. С. 155; Строев. Словарь. С. 192; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 206—207; Голубинский. История канонизации. С. 153; Серебрянский. Княжеские жития. С. 290—291.

М. Д. Каган, Г. М. Прохоров

Логгин (по прозвищу Корова Шишелев, или Шишеловский) (ум. 1624) — уставщик Троице-Сергиева монастыря, мастер-распевщик. Родом из Великого Устюга (в синодике 1595 г. из ризницы Троице-Сергиевой лавры (ГБЛ, ф. 304. III. № 25) сохранилось имя его отца — Тихон). Л. начал службу клириком в Московском Чудовом монастыре, о чем свидетельствует рукопись ГБЛ, ф. 304. I.

№ 428 (стихирарь с писцовой записью Л.), затем был головщиком, а позднее уставщиком в Троице-Сергиевой лавре. Год смерти Л. определяется по синодику Троице-Сергиевой лавры ГБЛ, ф. 304. I. № 41. Л. отличался буйным и неуживчивым характером, неоднократно вступал в конфликт с архимандритом Троице-Сергиевой лавры Дионисием Зобниновским, с церковными властями по вопросам богослужения, догматики, а также отстаивая свои убеждения в вопросах певческой практики. Дело дошло до того, что Л. по поводу исправления Требника выдвинул обвинение против Дионисия и его единомышленников на соборе 1618 г., который окончился осуждением и ссылкой Дионисия.

Известны пять певческих рукописей, в которых так или иначе упоминается имя Л.: ГБЛ, ф. 304, собр. Тр.-Серг. лавры, I. № 428 (кон. XVI в.); I. № 449 (2-я четв. XVII в.); собр. МДА фонд., ф. 173, № 78 (нач. XVII в.) — певческий сборник, Стихирарь в котором писан рукою Л.; ГПБ, Солов. собр., № 690/751 (кон. XVI—1-я пол. XVII в.) — певческий сборник, где четыре стихиры помечены именем Л. (в четвертой крюковая строка не вписана); ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 649/904 (кон. XVI в.) — певческий сборник избранного состава, часть песнопений которого принадлежит распеvu Л.

Кроме того, известны списки с первого Устава московской печати 1610 г., «ответственным» редактором и издателем которого был Л. Весь тираж этого Устава указом патриарха Филарета 1633 г., т. е. уже после смерти Л., надлежало полностью изъять и уничтожить, потому что, говорилось в указе, издание Л. появилось «без благословения. . . патриарха Гермогена» (обвинение неосновательное) и, кроме того, указывалось на допущенные ошибки и еретические уклонения.

По свидетельству некоторых источников, в частности Жития Дионисия Зобниновского, Л. был многогранно одарен, особенно в области музыкального искусства: «имел от бога дарование паче человеческого естества: красен бо ему глас и светел бяше, и гремящ вельми, яко во дни его мало обретахуся подобни ему, и в хитрости пения и чтения первый бяше». Л. был незаурядным импровизатором: в том же Житии сказано, что он «на один стих разных распевов пять, или шесть, или десять полагал». Известно также, что у него было много учеников, в том числе его племянник Максим, которого он «научил пети на семнадцать папевов разными знамены, а иные славные стихи переводов не токмо по пяти, по шести, по десяти и больше».

Лит.: М а н с в е т о в И. Д. Церковный Устав, его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 311—317; Музыкальная эстетика Древней Руси / Сост. А. И. Рогов. М., 1973. С. 66—68; Б р а ж н и к о в М. В. Федор Крестьянин. Стихиры. М., 1974. С. 128; Г у с е и н о в а З. М. К вопросу об атрибуции памятников древнерусского певческого искусства // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 197—203.

Л. Ф. Морозова

Луцидариус (или «Златой бисер») — древнерусский вариант одной из наиболее популярных в средневековой Европе народных «энциклопедий». Популярность памятника в Западной Европе, а затем и

в Древней Руси объясняется универсальностью его содержания. Здесь имеются сведения как натурфилософского (о трех частях света — Азии, Европе и Африке, о морях и островах, о землетрясении, о солнце, звездах, кометах и о происхождении молнии, грома, града, дождя, снега, о составе человеческого тела), так и богословского характера (ответы на вопросы: где был бог до сотворения мира? где находился Христос в течение 40 дней от воскресения до вознесения? и т. д.), приводятся фантастические рассказы о разных странах, чудовищных людях, зверях, птицах и рыбах. В работах по истории науки иногда неоправданно акцентируется внимание лишь на сообщениях Л. об устройстве вселенной (Т. Райнов, Б. Е. Райков); между тем в Л., как и в других средневековых «суммах», о мироздании говорится прежде всего для того, чтобы указать на его божественную рациональность, натурфилософия подчиняется библейской экзегезе. Л. написан в катехизической форме, наиболее доступной для неискущенного в теологии христианина, представляя собой беседу между учителем и учеником.

Об источнике древнерусского Л. высказывались различные предположения: А. Х. Востоков и Н. И. Петров считали его переводом с латинского оригинала (Востоков. Описание. С. 550; Петров Н. О влиянии. . . С. 714), П. В. Владимиров — переводом с польского (К исследованию о «Великом зеркале». Казань, 1885. С. 10). Наиболее убедительна точка зрения Н. С. Тихонова — первого издателя памятника, разделяемая большинством исследователей, — что Л. восходит к немецкой народной книге «Lucidarius». На немецкий оригинал Л. указывают и ряд германизмов, сохранившихся в древнерусском тексте (указаны Н. С. Тихоновым), и структурное сходство русского перевода с немецким памятником, прослеженное А. С. Архангельским по изданию: Die deutschen Volksbücher / Von K. Simrock. Frankfurt am Main, 1867. Bd 13. S. 373—442. В новейших исследованиях называется и конкретный источник русского перевода — любекское издание 1485 г. (R a a b Н. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums // Zeitschrift für Slawistik. 1958. Bd 3. Н. 2—4. S. 333; Н е м и р о в с к и й Е. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964. С. 74; M i l l e r D. B. The Lübeckers Bartholomäus Ghotan and Nicolaus Bülow in Novgorod and Moscow and the Problem of Early Western Influences on Russian Culture // Viator. 1978. Vol. 9. P. 401; Х о р о ш к е в и ч А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 246). Переводчик, по-видимому, знал польский язык — отсюда несколько полонизмов, обнаруженных Н. И. Петровым в древнерусском Л. (если только они не внесены позднейшими переписчиками). Немецкий оригинал, в свою очередь, составлен на основе нескольких латинских сочинений, прежде всего — «Imago Mundi» Гонория Августодонского, плодовитого церковного писателя 1-й пол. XII в.

Л., как и другим народным «энциклопедиям», присущ наивный рационализм, который особенно дает о себе знать в ответах на бого-

словесные вопросы. Этим объясняется резкое выступление против Л. *Максима Грека*. В специальном «послании к некоему мужу поучительном на обеты некоего лангынина мудреца» (Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862. Ч. 3. С. 226—236) Максим Грек указал на многочисленные расхождения Л. со Священным писанием и церковным преданием (натурфилософская часть памятника не вызвала у ученого монаха особого интереса) и подверг книгу безоговорочному осуждению. Учитывая, что списков Л. ранее XVII в. до сих пор не обнаружено, понятным становится первостепенное значение сочинения Максима Грека для датировки перевода и определения начальной редакции памятника. Послание Максима адресовано некоему «кир Георгию», которым, по мнению Н. С. Тихонравова, является *Г. И. Токмаков*, автор Повести о Выдропуской иконе богоматери; Н. С. Тихонравов предположил, что Г. И. Токмаков был одновременно переводчиком Л., который он послал на апробацию ученому греку. Гипотезу Н. С. Тихонравова приняло большинство исследователей; при этом обличительное послание Максима Грека обычно относят к раннему периоду его творчества (до соборов 1525 и 1531 гг.), что определяет и временную границу самого перевода Л. О времени перевода и личности переводчика высказывались, впрочем, и другие суждения. А. Л. Хорошкевич полагает, что перевод был выполнен до появления Максима в Москве (1518 г.), а адресатом его послания считает *Юрия Дмитриевича Траханиота*, воздерживаясь, однако, от отождествления «кир Георгия» и автора перевода (Х о р о ш к е в и ч А. Л. Русское государство. . . С. §246—247). Д. Миллер настаивает на еще более ранней датировке перевода, видя в нем продукт деятельности кружка новгородского архиепископа *Геннадия*, хотя, вопреки хронологической неувязке, говорит о Г. И. Токмакове, умершем в 1578 г., как о возможном переводчике (М и л л е р D. В. The Lübeckers. . . P. 400—401). Д. Миллер воскрешает старую догадку И. Хрущева, думавшего, что к названию Л. восходит заглавие «Просветителя» *Иосифа Волоцкого* (Х р у щ е в И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. X; М и л л е р D. В. The Lübeckers. . . P. 408); сейчас установлено, что это заглавие книги Иосифа Волоцкого встречается в рукописях только с XVII в. Видимо, ближе других к истине В. С. Иконников, отождествивший «кир Георгия» с адресатом послания Максима Грека «господицу и брату Георгию» (Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1860. Ч. 2. С. 424—425), которое было написано в тверской ссылке (после 1531 г.), чем и определяется *terminus ante quem* перевода Л.

Сопоставив выписки из Л., которые приводятся в послании Максима Грека, с текстом памятника, А. С. Архангельский пришел к выводу, что писатель пользовался редакцией Л., сходной с опубликованной И. Я. Порфирьевым; соответственно эту редакцию ученый считал древнейшей. Следует, однако, отметить, что само послание Максима Грека представлено в рукописях двумя редакциями. Редакция, которой пользовался А. С. Архангельский и в которой содержатся цитаты из Л., появляется лишь в Троицком собра-

нии сочинений Максима, составленном в XVII в.; отсюда она вошла в более поздние собрания — Поморское и Большаковское (названия собраний даются по кн.: С и н и ц ы н а Н. В. Максим Грек в России. М., 1977; Б у л а н и н Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984). Остальные собрания творений Максима, в том числе появившиеся в XVI в., включают другую редакцию послания, частично отличающуюся от предыдущей по содержанию, но главное — не цитирующую текст Л. (Синодальное собрание, собрания Музейное и в 151 главу, в которых послание помещено дважды; из последнего собрания эта редакция, наряду с первой, вошла в Большаковское собрание). На возможность того, что цитаты из Л. вставлены в послание Максима Грека позднейшим редактором, в свое время указывал Е. В. Петухов (Русская литература: Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. 2-е изд., просм. и доп. Юрьев, 1912. С. 179). Поэтому прежде чем использовать послание Максима для определения начальной редакции Л., оно само должно стать предметом текстологического исследования.

Несмотря на обличения Максима Грека Л. стал в России одной из самых читаемых книг и сохранился в многочисленных списках XVII—XIX вв. Для характеристики его восприятия читателями интересно, что в сборниках Л. может соседствовать с другими памятниками с претензией на универсальность, «энциклопедического» содержания (*Тайная Тайных*, Хронограф, *Азбуковник*). Отрывок из Л. попал и в *Синодик* (Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 253—254 (ОЛДП. Т. 108)). А. С. Архангельский выделял три редакции Л.: 1) сокращенная, опубликованная Н. С. Тихонравовым (предположение Н. С. Тихонравова, что отдельные вопросы-ответы исключались под влиянием критики Максима Грека, оказалось несостоятельным); 2) более обширная, опубликованная И. Я. Порфирьевым; 3) особая редакция, частично опубликованная А. С. Архангельским и сохранившаяся в списке ГБЛ, собр. Ундольского, № 548 (1700 г.); местами сближается с первой, а местами — со второй редакциями. А. А. Покровский в своей неизданной работе выделил еще одну редакцию. Большой интерес представляет отрывок из Л. на украинском языке в рукописи Вильнюсской публичной библиотеки, № 107 (98). Текст отрывка, опубликованного А. С. Архангельским, напоминает, по мнению ученого, чешский Л. В Виленском отрывке сообщается, что Л. был напечатан в Москве в 1622 г.; эта мистификация должна была, по-видимому, придать больший авторитет сочинению. Близок Виленскому отрывку восходящий также к чешскому Л. (издание его см.: Z i b r t Ā. Staroĉeský Lucidár: Text rukopisu Fürstenberského a prvotisku z roku 1498. V Praze, 1903) украинский перевод памятника, изданный Е. Ф. Карским и И. Франко (К а р с к и й Е. Ф. Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. // Варшавские университетские известия. 1905. № 9. С. 1—57 (перепечатано в кн.: К а р с к и й Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 518—557); Ф р а н к о. Апокрифы. У Львові, 1906. Т. 4.

С. 25—41; ср.: Строев. Словарь. С. 397); в заглавии украинского Л., чтобы внушить к нему доверие, отмечено, что он переведен с греческого языка. К чешскому Л. восходит, наконец, хорватский глаголический Л. (издание его см.: Milčević I. Prilozi za literaturu hrvatskih glagoljskih spomenika. Hrvatski Lucidar // Starine. 1902. Kn. 30. S. 257—334).

Изд.: Луцидариус // Летописи Тихонравова. 1859. Т. 1, кн. 1. С. 33—68; Порфирьев. Апокрифы новозаветные. С. 417—471; Архангельский А. С. К истории древнерусского Луцидариуса: Сличение славяно-русских и древне-немецких текстов. Казань, 1899.

Лит.: Петров Н. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды Киевской духовной академии. 1872. № 8. С. 711—717; Капов А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878. С. 94—100; Миллер В. Луцидариус // Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. 1896. Т. 18. С. 112; Петухов Е. Следы непосредственного влияния немецкой литературы на древнерусскую // ЖМНП. 1897. № 7. С. 152—153; Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 1. С. 300—307; Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. Протоколы № 32—59. С. 38 (сообщение А. А. Покровского об источниках Л.); Соболевский. Переводная литература. С. 225; Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. Протоколы № 60—90. С. 23—24 (сообщение А. А. Покровского «Новый чешский труд о Люцидариусе»); Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 333—344; Райнов Т. Наука в России XI—XVII веков: Очерки по истории до научных и естественнонаучных воззрений на природу. М.; Л., 1940. С. 224—227, 254—255; Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1947. С. 30—45; Matl J. 1) Deutsche Volksbücher bei den Slaven // Germanisch-Romanische Monatsschrift. 1955. Bd 5. H. 3. S. 200—201; 2) Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964. S. 99—100; Українські письменники. С. 686—687; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. № 169. С. 129—131.

Т. В. Булачина

М

Макарий (1481/1482—31 XII 1563) — митрополит Московский и всея Руси, автор грамот, посланий, инициатор и составитель ряда крупных книжных сводов. Биографические сведения о М. скудны и рассыпаны по различным источникам; исключение составляют последние три с половиной месяца его жизни (с 15 сентября по 31 декабря 1563 г.), которые подробно описаны (по-видимому, духовником и восприемником М., будущим всероссийским митрополитом *Афанасием*, в миру Андреем) в *Сказании о последних днях митрополита Макария*. Кроме того, сведения о жизни М. содержатся в его «Прощальной грамоте» от 31 декабря 1563 г. (АИ. Т. 1, № 172), завершающей «Сказание о последних днях», других его грамотах, со-

чинениях, речах и летописных рассказах (см.: Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновской, летописью // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1. С. 180—183, 192—197 и др.). Место рождения и сословие, из которого происходил М., неизвестны. Дарственная запись на его Евангелии 1532 г., вложенном М. в библиотеку Пафнутиево-Боровского монастыря, сохранила имена его родителей: Леонтий и инокия Ефросиния.

Многолетняя деятельность М. может быть разделена на 4 крупных периода: начальный (почти 30-летний) — период его пребывания в Пафнутиево-Боровском монастыре; три года, когда он был архимандритом можайского Лужецкого монастыря; 16-летнее архиепископство в Новгороде и Пскове и завершающий московский (22-летний сложный, разделенный несколькими вехами) этап его деятельности как всероссийского митрополита.

В кон. XV в. М. постригся в монахи в Пафнутиево-Боровском монастыре. В Хронографе редакции 1599 г. под 15 февраля 1523 г. (список из библиотеки Феофана Прокоповича — ГИМ, собр. Уварова, № 1362/23, гл. 221, л. 1041) сказано, что М. был там последовательно произведен «. . в четцы, и в подьяконы, и во дьяконы, и свершен бысть в попы». С этого времени и до последней своей попытки вернуться туда перед смертью он не порывал своих связей с Пафнутиево-Боровским монастырем и оставался последовательным сторонником господствовавших там идей *Иосифа Волоцкого*.

В феврале 1523 г. (по свидетельству того же Хронографа) митрополит *Даниил* поставил М. в архимандриты Лужецкого монастыря. Датировка этого события 1506 г., принятая П. М. Строевым (Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 179) и А. А. Зиминим (Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 137 и др.), а также дата 1516 г., предполагаемая Е. Е. Голубинским, как показал П. Веретенников (Повесть о кончине. . . С. 75—77), ошибочны. В 20-е гг., по-видимому, во время поездки *Василия III* на богомолье «о чадородии», произошло сближение М. с царем.

4 марта 1526 г. М. был поставлен новгородским архиепископом. Назначение это, по мнению А. Н. Насонова (История. . . С. 390—393), опиравшегося на материалы черного варианта повести о втором браке (О пострижении великия княгини Соломоницы — ГБЛ, Музейн. собр., № 3841, л. 277—288), явилось следствием тонкого дипломатического поведения М. относительно вопроса о разводе *Василия III* с Соломонидой и заключении царем второго брака. Н. А. Казакова (Очерки. . . С. 212) предполагает даже, что статья о добровольном пострижении Соломоницы («Совокупление второго брака») была включена в Летописец Пафнутиево-Боровского монастыря при личном участии М.

Во время архиепископства в Новгороде М. поддерживал великого князя *Василия III* в его борьбе с удельными князьями (Андреем Старицким и др.), способствовал усилению влияния Москвы в новгородской и прилегающих к ней землях. Соратник московского митрополита *Даниила*, архиепископ М. провел в жизнь решения

собора 1503 г. по реорганизации монастырей: ввел с 1528 г. в новгородских монастырях как обязательный общежительный устав (заменив им «особножитие»), разграничил мужские и женские монастыри и проч. Об этом он пишет (в 1526—1527 гг.) в своем Послании Василию III (ДАИ. Т. 1. № 25) и в Уставной грамоте (1526—1530 гг.) игумену Духова монастыря Тихону (АИ. Т. 1. № 292). Его переписка этих лет в основном касается вопросов переустройства и централизации церковного управления (см. его неизданное Послание митрополиту Даниилу от 17 февраля 1536 г. о поставлении смоленского епископа — ГИМ, Синод. собр., № 183, XVI в., л. 801—802 и под той же датой — его «Повольную» о поставлении смоленского епископа Саввы Слепушкина — ГИМ, Синод. собр., № 173, XVI в., л. 802 об., а также его «Повольную» от 3 марта 1539 г. об избрании митрополита *Иоасафа* — ГИМ, Синод. собр., № 183, XVI в., л. 734 об.—735; ААЭ. Т. 1. № 184/IV).

В 1538 г. по инициативе М. пострижник Пафнутиево-Боровского монастыря Аркадец, составляя четью-минею за июль месяц, включил в нее «Просветитель» Иосифа Волоцкого (К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодальные антиеретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 440), а позднее, в 1546 г., — Савва Черный составил и официальное *Житие Иосифа Волоцкого*.

С помощью миссионеров (иеромонаха *Ильи* и *Феодорита*) новгородский архиепископ способствовал распространению христианства среди карело-финского населения северных окраин Руси, а также строительству там монастырей: об искоренении языческих требищ и обрядов он пишет 25 марта 1534 г. в грамоте, направленной в Вотскую пятину (ДАИ. Т. 1. № 28).

При М. была произведена реставрация многих новгородских икон и церквей, был отлит большой колокол для кафедрального Софийского собора, поповлены там фрески, украшен иконостас. В 1535 г. по его указанию во Пскове был построен архиепископский дворец, в котором работали писцы и книжники М. О широте технических интересов М. свидетельствует поддержка им строительства в Новгороде на р. Волхов первой водяной мельницы, правда, окончившегося неудачей: мельница была смыта весенним паводком (ПСРЛ. Псковская I летопись. СПб., 1848. Т. 4. С. 297; Псковские летописи. Вып. 1 / Пригот. к печ. А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. С. 104).

В период новгородского архиепископства М. широко развернулась его литературная, книгописная и редакторская деятельность. Около 1539 г. по его инициативе был составлен так называемый Владычный свод Макария, продолжавший *Летопись Новгородскую IV*, и владычный свод архиепископа *Евфимия* (Н а с о н о в. История. . . С. 467—470); продолжение работы над этим сводом велось впоследствии в Москве. В 1540 г. вместе со священником *Агафоном* М. составил «Великий миротворный круг», в котором пасхалия была вычислена на 532 года вперед.

Опираясь на книгописные традиции кружка новгородского архиепископа *Геннадия*, используя постоянные связи с книгописным центром Иосифо-Волоцкого монастыря и литературное окружение,

представлявшее, по определению И. У. Будовница, «своеобразную академию XVI в.» (Русская публицистика. . . С. 194), М. к концу архиепископства осуществил идею собрать воедино «все чтомые» на Руси оригинальные и переводные книги, преимущественно агиографические и дидактические, и создал на их основе грандиозный 12-томный помесячный книжный свод ежедневного чтения (с расположением материала в порядке церковного календаря) — *Великие Минеи Четы*. В 1541 г. эта первая из трех редакций ВМЧ была передана им в библиотеку новгородского Софийского собора как вклад «на помин души» его родителей (известна как Софийский список). Позднее, в московский период деятельности М., на этой основе были созданы два других списка (редакции) ВМЧ.

16 (19) марта 1542 г. М. был поставлен митрополитом московским и «всей Руси». Близкий царскому двору еще в бытность новгородским архиепископом (особенно после его поездки в Москву в 1534 г. в связи со смертью Василия III, когда наследнику царского престола шел всего четвертый год), М. занял при *Иване IV* положение царского советника, участвовавшего в решении важнейших государственных проблем (бывали случаи, когда он даже подменял царя). С назначением М. митрополитом при московском великокняжеском дворе усилилось положение «иосифлянской» группировки, поддерживаемой Саввой Крутицким (Черным), новгородским архиепископом *Феодосием*, рязанским и муромским епископом *Леонидом* и др.

Московский период деятельности М. начался с осуществления доктрины, утверждавшей теократический характер царской власти и необходимость союза власти мирской с церковью, при главенствующей роли церкви. Впервые эту идею он провозгласил всенародно 16 января 1547 г. в своем Поучении, обращенном к царю, во время пышной церемонии венчания на царство Ивана IV. Поставление на царство было совершено по «Чину венчания на царство» (ДАИ. Т. 1. № 39), составленному самим же М. с привлечением текста «Чина поставления на великое княжение Димитрия Ивановича» (1498 г.), *Сказания о князьях владимирских* и выдержек из Второго послания Иосифа Волоцкого «На еретики» (З и м и н А. А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 177). 2 февраля этого же года М. вторично выступил с публичной напутственной речью, обращенной к царю и царице Анастасии, во время совершения свадебного царского обряда (ДАИ. Т. 1. № 40).

Происшедшие в июне 1547 г. в Москве всеобщие волнения («смущение»), вызванные пожарами (в одном из которых М. едва сам не погиб), боярскими мятежами, расправой над Ю. В. Глинским и завершившиеся царскими репрессиями, побудили М. предпринять неудавшуюся ему попытку удалиться со своего поста в Пафнутиево-Боровский монастырь, но уже 1 августа 1547 г. он рассылал свое «Окружное послание» о милостыне Святогорским старцам (АИ. Т. 1. № 300). После июньских пожаров М. сближается с *Сильвестром*, склонявшим тогда царя к участию во всеобщих публичных покаяниях москвичей в совершенных грехах и примирению представителей всех сословий. (С помощью «печалования» М. тогда смог добиться

царского помилования для князей В. М. Глинского и И. И. Турунта-Пронского). В сформировавшуюся околоправительственную группировку вошли, кроме М. и Сильвестра, *А. Ф. Адашев* и новые царские родственники, принадлежавшие старинному московскому боярскому роду Захарьиных; близок к ней был также *А. М. Курбский*.

Именно такой «покаянно-демагогический характер» носили и первые созданные по инициативе М. так называемые «соборы примирения» 1547, 1549, 1550 гг. (Ш м и д т С. О. Становление. . . С. 182—183, 193): для них было характерно произнесение покаянно-примирительных речей, с которыми выступали и сам глава русской церкви, и царь, и бояре, бившие челом освященному собору о своих «винах» и получавшие прощение. В духе подобных увещательных речей было выдержано и публичное выступление митрополита во Владимире в декабре 1549—январе 1550 г. перед войском во время первого неудачного похода Ивана IV на Казань, в котором М. осуждал царившие в армии местничество и беспорядки (ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. С. 460—461).

На соборах 1547 и 1549 гг. многочисленные местночтимые святые были канонизированы как общерусские (см.: Окружное послание М. 1547 г. об установлении празднования новым русским святым // ААЭ. Т. 1. № 213). Соборы эти способствовали централизации церковного управления и унификации церковных обрядов (о необходимости чего М. писал еще в грамоте 1543 г.). Пантеон общерусских святых при М. увеличился с 22 более чем на 30 имен, а после этих соборов — еще на 6 имен. Сбор материалов о «новых чудотворцах», необходимый для их канонизации, и написание житий и похвальных слов, к чему М. привлекал многих известных русских и иноземных писателей (таких как *В. М. Тучков*, *Лев Филолог*, *Василий—Варлаам* и др.), способствовали развитию в литературе той поры агиографического жанра.

Нововведением времен М. было обсуждение на церковных соборах вопросов «земского устройства», благодаря чему церковь получила возможность прямого вмешательства в дела светской власти, хотя и под видом поддержки ею политики примирения светских феодалов (Ш м и д т С. О. Становление. . . С. 194—195). Этой особенностью, очевидно, и объясняется интенсивность, с которой М. проводил соборы в кон. 1540—нач. 1550-х гг., созывая их почти ежегодно.

После прихода к правлению в кон. 1549 г. Избранной рады, поддерживающей секуляризационную политику правительства, между М. и Иваном IV произошел обмен посланиями по спорному вопросу о митрополичьих и монастырских слободах, а в феврале—августе 1550 г. в «Ответном послании» царю о «святительском суде» и о владении церкви недвижимым имуществом М. сделал попытку документально обосновать право церкви на землевладение. (Текст «Ответного послания» по списку ГБЛ, Волоколам. собр., № 522 был издан в 1863 г. Н. И. Субботиным; в 1960 г. Г. Н. Моисеева ввела в научный оборот еще два списка послания — ГПБ, Q.1.214, л. 364—386 и ИРЛИ, Печорское собр., № 7, л. 170—192 об., опубликовав по послед-

нему списку его «старшую редакцию»). Повторно М. обращался к этой теме в своей речи 1550 г. на соборе о монастырском землевладении и в «Наказной грамоте» 1551 г. Стоглавому собору.

В этом споре «иосифлян» с «нестяжателями» верх одержала группировка М., которая оказалась в большинстве на Стоглавом соборе, состоявшемся в 1551 г. Решение собора, содержащее ответы церковников на вопросы царя, было оформлено как уставной сборник из ста глав — *Стоглав*. Вопрос о степени участия М. в составлении Стоглава спорный; А. А. Зимин считает, что М. принимал участие в составлении только ответов царю, а в ряде глав Стоглава (гл. 3, 33, 35, 60, 62, 63, 75) лишь использованы его послания, грамоты и указы (З и м и н А. А. И. С. Пересветов. . . С. 93—94).

Серию соборов против «еретиков» открыл созванный М. в феврале 1549 г. собор, на котором за «еретичество» был «окончательно отлучен», разжалован и отправлен в ссылку архимандрит Чудовского монастыря *Исаак Собака*, ранее уже осуждавшийся за «порчу» книг вместе с *Максимом Греком*. Подготовительные материалы собора 1549 г., о содержании которых митрополит уведомлял царя (см.: Письмо М. Иоасафу 9 ноября 1548 г., исследованное Н. Н. Покровским // Судные списки. . .), свидетельствуют о том, что М. сумел дипломатично обойтись на соборном суде без упоминания имени опального Максима Грека. Сложность взаимоотношений М. с Максимом Греком раскрывается в их переписке 1546—1547 гг. Хорошо знакомый с сочинениями и переводами писателя, М. включил некоторые из них в состав ВМЧ, постоянно продолжая откликаться в своей книжной деятельности на поставленные в них филологические проблемы. Однако многие годы (до 1551 г., см.: Н а с о н о в А. Н. История. . . С. 393, 487) он на челобитные Максима Грека о помиловании ограничивался ответом: «узы твоя целуем, яко единого от святых, пособити же тебе не можем».

На церковных соборах, проведенных М. в течение октября 1533—января 1554 г., были осуждены за публичную критику пышной обрядности официальной церкви и идейные с ней расхождения Матвей Башкин и троицкий старец *Артемий* (суть «измены» Башкина и Артемия изложена в Соборной грамоте в Соловецкий монастырь — ААЭ. Т. 1. № 239). В 1554—1555 гг. М. созвал собор, осудивший как «еретика» Феодосия Косого. Однако попытку дьяка Посольского приказа *И. М. Висковатого* привлечь к обвинению по делу Башкина (1553 г.) также и Сильвестра, приписав ему поощрение неканонической росписи Благовещенского собора Московского Кремля, М. не поддержал. Он потребовал от Висковатого прекратить всенародные выступления на подобные темы, дабы никого «не возмущати», и письменно изложить свои претензии к иконописцам: «Пригож прийти. . . и правителем церковным извещение положить о своем мнении» (ЧОИДР. 1848. Кн. 2. С. 20). Текст «Розыска» по этому делу (Б о д я н с к и й О. Розыск, или Список о богоульных строках и о сумнении святых честных икон дьяка Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062 // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. С. 13, 28 и др.) свидетельствует, что М. сумел отстоять в споре с Висковатым «каноничность»

аллегорических образов иконографии, которым следовали новгородские и псковские мастера, появившие росписи Благовещенского собора под руководством Сильвестра.

Деятельность М. в 1552—1555 гг. связана с победоносным походом Ивана IV на Казанское царство (в это время царь оставлял митрополита в столице «вместо себя»). 1552 г. датируются два послания М. царю и боярам, содержащие призывы к единению подданных под властью самодержца для победы над врагами «неверными»: «Послание поучительно» в Свияжск 21 мая (АИ. Т. 1. № 159) и «Учительное послание» от 13 июля, обращенное к царю, которое царь «велел прочитати всем боярам и воеводам» (АИ. Т. 1. № 160). К этому же времени относятся его пламенные речи, обращенные к войску перед началом похода, перед штурмом Казани и по случаю торжественной встречи царя после одержанной победы (ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 180—183, 192—197; ср. также Казанскую историю). В 1555 г. М. провел церковный собор, на котором была образована новая Казанская епархия, а 3 февраля участвовал в поставлении первого казанского архиепископа Гурия. При поддержке М. создаются в эти годы грандиозные, пышные памятники архитектуры и литературы, в которых прославляется величие и сила русского самодержца (а с ним — и главы российской церкви), такие как храм Василия Блаженного на Красной площади, роспись Золотой палаты Кремля, *Летописец начала царства*. Та часть Летописца, которая повествует о событиях 1534—1553 гг., основана на материале Макарьевского владычного свода (см.: Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 13, ч. 1); в состав *Царственной книги* включены два послания М. 1552 г. (см.: ПСРЛ. Т. 13, ч. 2). В эти же годы завершается составительская и редакторская работа М. над двумя московскими списками ВМЧ — Успенским (предназначавшимся для Успенского собора Московского Кремля) и Царским (сделанным для царя Ивана IV).

С сер. 1550-х гг. происходит постепенное отдаление М. от правительственных дел. В 1553 г. во время болезни царя и споров о престолонаследии М. не поддерживал ни партии Дмитрия, ни партии Владимира Андреевича Старицкого. Собор, созданный М. в 1556 г. в связи с новым обострением межсословной борьбы, решал судьбы различных категорий служилых людей и разбирал случаи местничества с прежних традиционных позиций — примирения враждующих социальных прослоек. 30 января 1557 г. митрополитом и царем были направлены к константинопольскому патриарху, вместе с приезжавшим за «милостыней» греческим митрополитом Иоасафом, русские послы Ивашка Волков и архимандрит Евфимиевского монастыря Феодорит с целью получить от вселенского собора «Грамоту утвержденную» с «благословением» Ивана IV на право применять царский титул при оформлении международных дипломатических бумаг (ср. освещение этой темы в грамоте 1555 г. в Литву по поводу перемирия России с польским королем Сигизмундом—Августом: Карпов Г. О. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2. (1533—1560) // Сборник Русского

исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 470—478. № 31). В эти же годы М. был написан ряд наставительных посланий о церковных делах: послания новгородскому архиепископу *Пимену* от 18 декабря 1555 г. об иноке Авраамии Юрьева монастыря, служившем литургию без епитрахили, и от 6 февраля 1558 г. о священнике, не окончившем литургию из-за припадка (опубликовано вместе с предшествующим посланием (см.: ААЭ. Т. 1. № 253), а недостающее его начало издано А. Н. Поповым в «Библиографических материалах»).

В 1560 г. М. участвовал в соборе, заочно осудившем на казнь за «колдовство» руководителей Избранной рады А. Ф. Адашева и Сильвестра; он попытался было воспользоваться митрополичьим правом «печалования» и просил царя вызвать для участия в соборном суде самих обвиняемых, но получил отказ.

В последние годы жизни, начиная с 1560 г., М. руководил работой над *Степенной книгой*, создаваемой по его инициативе Афанасием (Андреем). Деятельность М. как инициатора, создателя и редактора многих «великих» по объему книжных сводов, признанных впоследствии своеобразными «энциклопедиями» XVI в., и возглавляемая им работа по собиранию, изучению и организации массовой многократной переписки накопленного веками рукописного наследия заметно стимулировали развитие книгописных центров и в городах (Новгороде, Москве, Пскове и др.), и в монастырях, а его самого побуждали способствовать открытию русской типографии (до выпуска первой печатной книги в 1564 г. он лишь немного не дождал).

М. скончался ночью 31 декабря и на следующий день был похоронен в Успенском соборе Московского Кремля. Согласно Е. Е. Голубинскому (История канонизации. . . С. 361), М. не был канонизован, но имя его было занесено в число святых «не почитаемых». В некоторых сборниках XVIII в. (см., например, ГПБ, собр. Титова, № 1526/3729, л. 101 и № 1550/3639, л. 206 об.) сохранились свидетельства о существовании иконы с изображением митрополита М., находившейся в Успенском соборе. С. О. Шмидт, который привлек к изучению текст повести 1564 г. «О свершении большия церкви Никитского монастыря», где М. дважды упомянут в одном ряду с московскими «чудотворцами» митрополитами *Петром*, *Алексеем* и *Ионой* (см.: Ш м и д т С. О. Становление. . . С. 239), считает, что канонизация М. предполагалась в 1564 г., но была отложена в связи с неблагоприятной обстановкой в стране. Вслед за В. О. Ключевским и Н. Г. Кунцевичем подготовительным материалом к созданию Жития М. было принято считать «Сказание о последних днях жизни митрополита». П. Веретенников (Памятники древнерусской литературы. . . С. 69) приводит шифр рукописного сборника, содержащего текст Жития М. (ГБЛ, ф. 256, л. 319—322), которое было создано без привлечения Сказания (Сборник описан И. И. Калигановым: Заметки о русской проложной редакции Жития Георгия Нового // Старобългаристика. 1979. № 1. С. 48—49).

По отзывам современников, в частности А. М. Курбского, М. был человеком весьма образованным и начитанным: под его наблюдением и по его выбору делались многочисленные переводы «иностранных

ских» книг с греческого и латинского языков (к примеру, перевод с латинского толкований на Псалтирь Брунона Вюрцбургского, выпущенный в 1535 г. толмачом *Дмитрием Герасимовым*, а также целый ряд новых переводов различных сочинений для ВМЧ); им оставлена читательская запись на греческой Триоди, принадлежавшей митрополиту Фотию (Ф о н к и ч Б. Л. Греческо-русские культурные связи. . . С. 17). По словам новгородского архиепископа Феодосия, «писание» митрополита было «умедвено Омировым именем, Афинейским мудрованием украшено» (Ж м а к и н В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Отд. приложений. С. 58—59). О высокой филологической культуре М. свидетельствует полнота выявленных памятников, включенных в его «энциклопедические» книжные своды (особенно — ВМЧ), приемы работы с текстами, редактирование и применение сложнейшей систематизации собранного материала. Близкий писательским кругам, М. в свои личные сборники включал первоначальные редакции текстов (таков по составу его так называемый Макарьевский сборник — ГБЛ, собр. Румянцева, № 204, содержащий «Просветитель» Иосифа Волоцкого, Слово похвальное инока *Фомы* и др.).

Сочинения М. полностью не выявлены. А. А. Зимин (И. С. Пересветов. . . С. 76, примеч. 37 и др.) приводит перечень 15 его посланий, поучений и грамот (упомянутых выше), исключив из списка грамоты делопроизводственного характера и дополнив сведения об изданных текстах указанием шифров неучтенных списков. Там же он, с большой долей сомнения, высказывает предположение о принадлежности М. еще одного неизданного поучения («Свиток сей положить на престол. . .») — ГБЛ, Фунд., № 28/224, л. 85—88). В. Жмакин атрибутировал М. и издал Поучение против разговаривающих в церкви («. . . аще кто с земным царем беседует»), созданное, по его мнению, не позднее 1563 г.; против его попытки приписать М. также и «Послание некоего новгородского архиепископа московскому митрополиту» выступил А. А. Зимин (И. С. Пересветов. . . С. 82), доказавший принадлежность этого послания преемнику М., новгородскому архиепископу Феодосию. Ряд ученых, к числу которых относятся Г. А. Розенкамф (Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. С. 535—596), Е. В. Барсов (Барсов Е. В. Предисловие // Горский А. В., Невоструев К. И. Описание Великих Четых-Миней Макария, митрополита всероссийского // ЧОИДР. 1884. Кн. 1, отд. 2. С. IV), Ю. К. Бегунов (Кормчая Ивана Волка Курицына // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 12. С. 145) и др., приписывают М. так называемую Сводную кормчую, между тем Б. М. Клосс обосновывает участие в ее составлении митрополита Даниила (Никоновский свод. . . С. 59 и др.). А. А. Зимин (И. С. Пересветов. . . С. 51—53) приводит дополнительные аргументы против отнесения митрополиту М. Послания царю Ивану Васильевичу из «Сильвестровской сборника» (ГПБ, Соф. собр., № 1281) и отмечает (Там же. С. 51) ошибку С. А. Щегловой, издавшей как текст М. сочинение Максима Грека (Щеглова С. А. Слово на победу над татарами в 1541 г. //

ИОРЯС. 1915. Т. 20, кн. 2. С. 106—124). Д. Скворцов приводит данные о существовании «макарьевского перевода» Требника, текст которого использовал Дионисий Зобнинский при исправлении текста Требника в 1616—1618 гг. (Скворцов Д. Дионисий Зобнинский, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря. Тверь, 1890. С. 206—207). Лишь путем специального исследования можно выявить сочинения М., включенные в ВМЧ. Автографы М., установленные к 1913 г., опубликованы Н. Поповым, однако и эта работа может быть продолжена.

М. известен как создатель особой макарьевской школы письма и как строгий последователь возобладавшего в XVI в. торжественно-вытветивающего, формализованного стиля «второго монументализма» («Л и х а ч е в Д. С. Развитие. . . С. 133—137). Инициатор «энциклопедических» сводов, которые предусматривали регламентацию круга чтения, тем и мыслей, М. стремился к соблюдению стилистической унификации и перед включением памятников в ВМЧ настаивал на стилистической переработке древнейших редакций. (Так, например, не отвечавшее этим требованиям Житие Петра и Февронии, написанное Ермолаем—Еразмом, не было включено в ВМЧ). Значение этих многотомных книжных сводов в истории русской культуры неоспоримо, так как в составе их сохранился некий репертуар русских оригинальных и переводных произведений, известных в рукописной традиции в сер. XVI в. М., как и ряд других древнерусских писателей, был «иконному писанию навычен»: в молодости участвовал в росписи Пафнутиево-Боровского монастыря (фрагменты этих росписей хранятся в ГИМ), возможно, расписывал каменную трапезную, построенную там в 1511 г.; затем в Новгороде, по-видимому, сам принимал участие в украшении Софийского собора, а на склоне лет (в 1555 г.) вместе с протопопом Благовещенского собора Андреем «обновлял» икону Николая Великорецкого (ПСРЛ. Т. 13, ч. 1. С. 254).

Познания в этой области позволили ему вести профессиональные споры об изобразительных приемах иконографии с И. М. Висковатым.

Изд.: ААЭ. Т. 1, № 184/IV, 213, 229, 253; АИ. Т. 1, № 159, 160, 172, 239, 292, 300; ДАИ. 1846. Т. 1, № 25, 28, 39, 40, 46; [Толстой Д. Н.] Описание евангелия, вложенного Макарием в Боровский Пафнутьев монастырь, с публикацией текста вкладной записи // Изв. Археол. об-ва. СПб., 1857. Т. 1, вып. 3. С. 179—182; С [убботин Н. И.] К материалам для истории Стоглава и его времени // Летописи Тихонравова. М., 1863. Т. 5. С. 126—136; Смирнов С. К. «Изложение соборное» Макария митрополита // ЧОЛДП. М., 1878. Ч. 1, № 1. С. 428—429; Жмакин В. Митрополит Дашил и его сочинения. М., 1881. Прил. С. 57—62, 84—85 (см. также: ЧОИДР. 1881. Кн. 2. Прил. С. 57—62, 84—85); Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами: С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси // ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. 49—90; Попов А. Н. Библиографические материалы. М., 1889. Вып. 18. С. 34—36; ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1. С. 159, 163, 180—183, 186, 192—197, 225—227, 252—254; Ч. 2. С. 479—482, 489—494; П-ий М. Об одном послании митрополита Макария новгородскому архиепископу Пимену // ИОРЯС. 1907. № 4. С. 141—145; Моисеева Г. Н. Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 466—472; В е р е т е н и к о в П. Первосвятительская деятельность

Макарий, митрополита московского и всея Руси // Вестн. Русского западно-европейского патриаршего экзархата. Париж, 1980—1981. № 105—108. С. 244—245, примеч. 104.

Лит.: К а л а й д о в и ч К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстова. М., 1825. 1 отд. С. 20, 72, 78, 162, 170—171; 2 отд. С. 218—219, 473—486, 539; Евгений [Болховитинов Е. А.] Словарь исторический о бывших в России писателях духовного сана греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 2. С. 10—22; Филарет. Обзор. С. 147, 153—155; Макарий [Булгаков]. 1) О новгородских Макарьевских Четвих-Мицеях; Заметки // Летописи Тихонова. М., 1859. Т. 1. Смесь и библиография. С. 68—73; 2) Московский митрополит Макарий как литературный деятель // Христ. чт. СПб., 1873. № 4. С. 597—657; 3) История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1874. Т. 6. С. 209—362; СПб., 1874. Т. 7. С. 71—73, 404—462; СПб., 1887. Т. 8. С. 43—63; Нильский И. Преподобный Максим Грек, исповедник просвещения в XVI веке // Христ. чт. СПб., 1862. Ч. 1. С. 366—378; Дополнительные объяснения к изданию Стоглава // ПС. 1862. Ч. 3. С. 297—339; Послание опального к новгородскому архиепископу Макарию // Там же. 1863. Ч. 3. С. 406—420; Тихонов Н. С. Заметка для истории Стоглава // Летописи Тихонова. М., 1863. Т. 5. отд. 3. С. 137—144; Николаевский П. В. Русская проповедь в XV—XVI вв. // ЖМНП. 1868. Ч. 137, № 2. С. 362, 370; Шишов А. Всероссийский митрополит Макарий и его заслуги для русской церкви // Странник. СПб., 1869. № 12. С. 75—106; Никитский А. Очерк внутренней истории церкви во Пскове // ЖМНП. 1871. Т. 55, № 5 (май). С. 61—62, 67—68; Ключевский В. О. 1) Древнерусские жития. С. 221—297; 2) Курс русской истории. М., 1906. Т. 2. С. 321; [Костомаров Н. И.] Отрывок из Летописи о временах царя Иоанна Васильевича Грозного: 1563—1567 гг. (№ 4) // РИВ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 198—205; Лебедев Н. 1) Макарий, митрополит всероссийский: (1482—1563) // ЧОЛДП. 1877. Ч. 2, № 9. С. 392—406; № 10. С. 444—478; 1878. Ч. 1, № 1. С. 391—429; 1880. Ч. 2, № 9. С. 286—310; 1881. Ч. 2, № 7. С. 47—69; 2) Стоглавый собор 1551 г.: Опыт изложения его внутренней истории // Там же. 1882. Ч. 1, № 1. С. 19—81; № 4. С. 419—454; Ч. 2, № 8. С. 87—102; Барсов Н. И. К вопросу об авторе «Послания к царю Ивану Васильевичу» Сильвестровского сборника библиотеки С.-Петербургской духовной академии // Сборник Археол. ин-та. СПб., 1880. № 4. С. 108—109; Заусцинский К. Макарий, митрополит всея России // ЖМНП. 1884. № 10 (окт.). С. 209—259; № 11 (нояб.). С. 1—38; Барсуков. Источники агрографии. Стб. 344—345; Строев. Словарь. С. 272—274; Васильев В. Соборы 1547 и 1549 годов // Христ. чт. СПб., 1889. № 1—2. С. 33—65; № 3—4. С. 266—292; Дьяконов М. А. Власть Московских государей: Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. С. 108—110, 128; Кунцевич Г. З. 1) Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // Отчет о заседаниях ОЛДП в 1897—1898 гг. СПб., 1898. Прил. С. 23—25 (ПДНИ. Т. 130); 2) Сказание о последних днях жизни митрополита Макария: 15 сент.—31 дек. 1563 г. // ИОРЯС. 1910. Т. 14, кн. 4. С. 155—164 (Доклад 18 февр. 1905 г. в ОЛДП; То же с публикацией текста: Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1907—1910 гг. СПб., 1911. С. 1—27 (ПДП. Т. 176)); Воронин Ф. [Макарий, митрополит московский и всея Руси, и литературная его деятельность] // Тр. Киевской духовной академии. 1900. № 4. Прил. С. 158—160; № 5. С. 161; Голубинский Е. Е. 1) История русской церкви. Т. 2, 1-я пол. С. 744—875; 2) История канонизации. С. 361; Сергий. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2. С. 566 (Прил. 3. Русские святые в полных рукописных святцах, канонизированные и нечтимые местно); Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. 5. Русские жития XV—XVI вв. и современные им направления русской религиозной мысли // РФВ. 1901. № 3—4. С. 63—128; Малигин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 599—610; Державин Н. С. Степенная книга как литературный памятник // Изв. XII Археол. съезда в Харькове: 15—27 авг. 1902 г. Харьков, 1902. С. 97—98; Павлов А. С. Курс церковного права. Троице-Сергиева лавра, 1902. С. 119—120; Готье Ю. В.

Первые земские соборы и их происхождение // Научное слово. 1903. № 3. С. 290; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 157, 170—171, 180—191, 217, 231 (Зап. ист.-филол. ф-та Петербургск. ун-та. Ч. 73); Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора // И. Н. Жданов. Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 171—172, 174, 176, примеч. 2; Бочкарев В. Н. Стоглав и история собора 1551 г.: Историко-канонический очерк. Южнов, 1906. С. 71—83, 231—233, 239; Иконников. Опыт по историографии. 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1727; Стефанович Д. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав: К истории памятников древнерусского церковного права. СПб., 1909. С. 3—11, 47—55; Макаровский Стоглавник // Тр. Новгородск. губернской ученой архивной комиссии. Новгород, 1912. Вып. 1. С. I—IV, 1—135; Попов Н. П. 1) Автографы митрополита Макария, собирателя Великих Мишей // ЛЗАК за 1912 год. СПб., 1913. Вып. 25, отд. 2. С. 1—12; 2) О возникновении Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 29—38; Георгиевский В. 1) Евангелие 1532 г. архиепископа новгородского Макария, хранящееся в Пафнутиевом Боровском монастыре // Светильник. М., 1915. № 1. С. 8—15, ил.; 2) Миниатюры Евангелия 1532 г. новгородского архиепископа Макария // Там же. № 3—4. С. 3—7, ил.; Смирнов И. Материалы для характеристики книжной деятельности всероссийского митрополита Макария // ВВ. 1916. № 5 (май). С. 163—189; № 6 (июнь). С. 275—291; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 287—291; Анисимов В. Митрополит Макарий (1482—1563) // Иав. Об-ва служащих в печатных заведениях. 1917. № 61—62. С. 752—756; Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530—1584). Пб., 1923. С. 54; Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК за 1926 г. Л., 1927. Т. 34, вып. 1. С. 89—90; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 313; Орлов А. С. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды // Докл. АН СССР. Сер. «В». 1931. № 3. С. 37—51; Андреев Н. Е. 1) О «Деле дьяка Висковатаго» // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1932. Т. 5. С. 191—242; 2) Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства // Там же. 1935. Т. 7. С. 227—244; Вицпер Р. Ю. Иван Грозный. 2-е изд. Ташкент, 1942. С. 42—43; Смирнов И. И. 1) Иван Грозный. Л., 1944. С. 24—25, 31; 2) Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. // ИЗ. 1953. № 43. С. 171—172; 3) Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 407—408, 420; 4) Максим Грек и митрополит Макарий // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 173—180; Бахрушин С. В. 1) «Избранная рада» Ивана Грозного // ИЗ. 1945. № 15. С. 34—35, 54; 2) Иван Грозный в свете новейших исследований // С. В. Бахрушин. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 334; Будовиц И. У. 1) Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 188—198, 230—232; 2) Словарь. С. 162, 248, 267; 3) Монастыри на Руси. С. 14, 55, 75—76, 228, 302—303, 319; Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 363—374, 475—479; 2) Культура русского народа X—XVII вв. М.; Л., 1961. С. 75—78; 3) Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы. V Международный съезд славистов. (София, сент. 1963 г.): Докл. сов. делегации. М., 1963. С. 47—70; 4) Принцип ансамбля в древнерусской эстетике // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 119—120; 5) Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 33—34 и др.; 6) Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 9—10, 97—103; 7) Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 130—137; Лурье Я. С. 1) Первые идеологи московского самодержавия // Учен. зап. ЛГПИ. 1948. Т. 78. С. 83—107; 2) Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 213, 283, 386, 458—507; P a s s a l P. Le metropolitain Macaire et ses grandes entreprises litteraires // Russie et Chrétienté. 1949. N 1—2. P. 7—16; Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 182—183; Спасский Ф. Г. Русское литературное творчество Макарьевского периода // Православная мысль. Париж, 1951. Вып. 8. С. 128—136; Змиин А. А.

- 1) О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 171, 176—177; 2) И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 29—31, 42—44, 51—53, 71—108, 111—112, 119—123, 127—132, 174, 220, 381—383, 395, 423, 452; Ш е п о л е в а Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 311—312; М у р а в ь е в Н. Митрополит Макарий как составитель Великих Четых Миней: К 400-летию составления Великих Четых Миней // Журнал Московской патриархии. 1953. № 5. С. 49—54; Д м и т р и е в а Р. П. 1) Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 111—120, 131—135; 2) Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 208, 211, 214—217, 221; М н е в а Н. Е. Макарий // История русского искусства. М., 1955. Т. 3. С. 572—578, 605—606; Н а с о н о в А. Н. 1) Летописный свод XV века: по двум спискам / Подгот. текста и вводная ст. // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 277—278; 2) Материалы и исследования по истории русского летописания // ПИ. М., 1958. Вып. 6. С. 248—249; 3) История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 253—254, 326—327, 336—337, 353—359, 390—393, 456—471, 487; М о и с е е в а Г. Н. «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 180; Т и х о м и р о в М. П. 1) Новый материал об Иване Грозном // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 247—255; 2) Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 314—315; Послания Носифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимица и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 19, 32, 93—96, 109—113, 118—121, 286, 290—295, 373; П о д о б е д о в а О. И. К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // ПИ. М., 1961. Т. 9. С. 313—314, примеч. 97; С е р г е е в В. И. Макарий // Сов. ист. энциклопедия. 1965. Т. 8. С. 919; У с е н к и й Л. Роль московских соборов XVI века в церковном искусстве // Вестн. русск. западно-европейского патриаршего экзархата. Париж, 1968. № 64. С. 217—250; П о к р о в с к и й Н. Н. 1) Сибирская находка: Новое о Максиме Греке // ВИ. 1969. № 11. С. 129—138; 2) Судные списки Максима Грека и Исака Собака / Изд. подгот. Н. П. Покровский; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971. С. 17, 35—42; К а з а к о в а Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 146, 187, 212—213; К л о с с Б. М. Деятельность митрополитской книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 318—338; Ф о н к и ч Б. Л. 1) Греческая рукопись митрополита Фотия // Там же. С. 191; 2) Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: Греческие рукописи в России. М., 1977. С. 14—19; Ш м и д т С. О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 22—26, 61, 77, 83—93, 105—107, 118, 140, 156, 161—169, 179—187, 194—196, 205—206, 209, 231, 239; А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 3—29; М о р о з о в В. В. Царственная книга и книга Степенная царского родословия // Конф. по истории средневековой письменности и книги: К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тез. докл. Ереван, 1977. С. 58—59; М а к а р и й [В е р е т е н и к о в П.]. 1) Святитель Макарий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова (1526—1542) // Журнал Московской патриархии. 1979. № 8. С. 69—79; 2) Новость о кончине всероссийского митрополита Макария // Wissenschaftliche Zeitschrift Martin-Luther Universität. Halle-Wittenburg. Gesellschafts und sprachwissenschaftliche Reihe. 1985. Bd 34. H. 3. S. 74—93; 3) Памятники древнерусской литературы, содержащие описание последних дней земной жизни подвижников XV—XVI веков // Журнал Московской патриархии. 1986. № 11. С. 68—72; M i l l e r D. S. The Velikie Minei Chetii and the Stepenaia Kniga of Metropolitan Makarij and the Origine of Russian National Consciousness // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1979. Bd 26. S. 274—383; Б о е в а Л. Традиции Търновской школы в болгарских и русских житиях XVI в. // Търновска книжовна школа. София, 1980. Т. 2. С. 253—265; Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. П. П. Зарубин; Подгот. к печ., примеч. и доп. А. А. Амосова. Л., 1982. С. 11—12, 43—44, 47—48, 91—93, 98—117.

Н. Ф. Дробленкова

Макарий (2-я пол. XVI в.) — епископ Вологодский и Великопермский, составитель Устава о соборной службе. Годы его управления вологодской епархией, по «Спискам» П. М. Строева, — 1571—1575 (первую дату «Азбучный указатель» исправляет на 1570 г.). Но в Вычегодско-Вымской летописи приводятся иные сведения, заметно удлиняющие срок владычества М.: смерть его предшественника Иоасафа и поставление М. датируются в этой летописи 7073 (1565) г., а о кончине епископа сообщается под 7085 (1577) г. Хронология Вычегодско-Вымской летописи находит подтверждение в *Житии Филиппа митрополита*. Здесь вологодский епископ упоминается в числе других владык, участвовавших в знаменитом соборе, на котором митрополит выступил против опричнины (ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 6, л. 61 об.); этот собор А. А. Зимин датирует 1568 г. (Зимин А. А. Опричнина. . . С. 248—253). Если верны сведения Вычегодско-Вымской летописи, то именно при М. был воздвигнут в Вологде Софийский собор (1568—1570 гг.). Вместе с другими иерархами вологодский епископ присутствовал на соборе 1572 г., разрешившем царю, вопреки каноническим правилам, вступить в четвертый брак (ААЭ. 1836. Т. 1. № 284. С. 329—332).

Устав о соборной службе, по-видимому, составлен М. для новопостроенного собора; памятник сохранился в единственном списке — БАН, Арханг. собр., Д. 219, л. 245—264 об. и носит заглавие «Пресвященного епископа вологодцаго и великопермьскаго владыки Макария и всего честнаго его собора начало соборней службе». Известны также чисто деловые акты с именем М. — жалованная грамота Кирилло-Белозерскому монастырю от 24 марта 1574 г. (ААЭ. Т. 1. № 287. С. 333—334) и благословенная грамота священнику Парфению Пантелеймонову от 14 сентября 1572 г. (Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 389. I. С. 410—411). На последнем документе сохранилась собственноручная подпись М.; автограф его имеется и на духовной Василия Шкуля (Там же. С. 458). Устав о соборной службе остается не опубликованным.

Лит.: Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 730; 2) Словарь. С. 198; Филарет. Обзор. С. 162; Азбучный указатель имен русских деятелей. СПб., 1888. Ч. 2 (Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 62). С. 3; Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 266; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 251, примеч. 1; Буланина Т. В. Риторика в Древней Руси: Сведения о теории красноречия в русской письменности XI—XVI веков: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1985. С. 17.

Т. В. Буланина

Макарий, игумен Спасо-Прилуцкого монастыря см. *Житие Дмитрия Прилуцкого*.

Максим Грек (в миру Михаил Триволис) (ок. 1470—12 XII 1555) — писатель, публицист, переводчик. И. Денисов доказал тождество М. Г. с малоизвестным до того греком-гуманистом Михаилом Три-

волисом, прояснив тем самым начальные страницы биографии писателя. М. Г. родился в Арте в аристократической греческой семье Триволисов (его отца звали Мануилом, а мать — Ириной). В 1490—1491 гг. М. Г. баллотировался (неудачно) в состав совета острова Корфу, а через год направился, подобно многим соотечественникам-эмигрантам, в Италию. Поначалу он обосновался во Флоренции, где познакомился с Анджело Полициано, Марсилио Фичино и другими знаменитостями, которыми была богата Италия эпохи Возрождения. Учился М. Г. также у прославленного гуманиста Иоанна Ласкариса, для которого он переписал греческий сельскохозяйственный трактат X в. «Геопоники». Побывал он также в Болонье, Падуе, Милане; в Венеции, где любознательный юноша жил с 1496 г., он «часто хаживал книжным делом» к известному типографу Альду Мануцию. В 1498 г. М. Г. поселился в Мирандоле, состоя на службе у Джованни Франческо Пико делла Мирандола, племянника знаменитого автора «Речи о достоинстве человека». Но из всех впечатлений, вынесенных из Италии, наиболее сильным оказалось впечатление от проповедей Джироламо Савонаролы, гибель которого М. Г. подробно описал, уже находясь в Московии («Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителъстве»). Очевидно, влиянием идей Савонаролы объясняется решение М. Г. постричься в доминиканском монастыре Сан Марко, который еще был полон воспоминаниями о великом реформаторе. В Сан Марко М. Г. пробыл недолго — с 1502 по 1504 г.; беспокойная душа не давала ему долго оставаться на одном месте. Он навсегда покидает Италию, с тем чтобы обосноваться на Афоне, где выученик итальянских гуманистов постригся в Ватопедском монастыре под именем Максима. Этот момент стал переломным в жизни М. Г.: отныне он отрекается от своих прежних увлечений, чтобы целиком предаться изучению богословия, хотя отзвуки культуры Ренессанса дают о себе знать во многих его позднейших сочинениях.

Покойная жизнь М. Г. продолжалась недолго: в 1516 г. по запросу великого князя *Василия III* он выехал в Москву для перевода Толковой Псалтири. Когда работа была завершена (по-видимому, в 1522 г.), М. Г. обратился к великому князю со специальным посланием, в котором просил отпустить его обратно на Святую Гору. Просьба ученого старца не была уважена: московские власти предпочли оставить его при себе, используя для перевода и исправления других книг. Для задержки М. Г. были, конечно, и другие мотивы, о которых афонскому старцу в порыве откровенности поведал один из его московских знакомых И. Н. Берсень Беклемисhev: «Пришол еси сюда, а человек еси разумной, и ты здесь уведал наше добрая и лихая, и тебе, там пришод, все сказывати» (ААЭ. 1836. Т. 1. С. 143). В Москве М. Г. собрал вокруг себя целый кружок образованных людей, которые приходили в его келью в Чудов монастырь «говаривать с ним книгами» (И. В. Токмаков, *В. М. Тучков-Морозов, И. Д. Сабуров* и др.). Тогда же М. Г. познакомился и сблизился с *Вассианом Патрикеевым*, возглавлявшим партию нестяжателей, и принял участие в обсуждении многих животрепещущих проблем русской

жизни того времени. Это предопределило его дальнейшую судьбу. В 1525 г. переводчик попал под следствие по делу Берсеня, а затем предстал и перед церковным собором, причем его обвинили в ереси, в сношениях с турецким правительством (в настоящее время благодаря находке сибирского списка судебного дела М. Г. доказана полная несостоятельность этого обвинения) и заточили в Иосифо-Волоколамский монастырь. Вторично, на этот раз — вместе с Вассианом, М. Г. был вызван на собор 1531 г., на котором ему предъявили новые обвинения, в частности в порче богослужебных книг. Теперь ученого грека сослали в Тверской Отроч монастырь под надзор тамошнего епископа Акакия. Тверская ссылка оказалась благодаря сочувствию епископа Акакия менее тяжелой для опального писателя — он получил возможность читать и писать. Липь в 1551 г. или, как убедительно предполагает Н. В. Сицицына, в 1547—1548 гг. по ходатайству игумена Троице-Сергиевой лавры *Артемия* М. Г. переводят в Сергиев монастырь, где он умер и где покоится его прах. Дата смерти писателя остается предметом споров. Обычно называемое число — 21 января 1556 г. определяется днем памяти М. Г. Но память многострадального афонца была приурочена к дню, когда церковь вспоминает его патрона — Максима Исповедника. Поэтому следует отдать предпочтение сообщению позднего Жития Максима (составленного в нач. XVIII в. С. Ф. Моховиковым) о его смерти в декабре 1555 г.

От итальянского периода жизни М. Г. сохранилось всего шесть писем (Николаю Тарскому, Иоанну Григоруло, Сципиону Картерромаху), от афонского — четыре эпитафии, одна эпиграмма и канон Иоанну Крестителю (все эти произведения обнаружены и опубликованы И. Денисовым). Наиболее интенсивная писательская деятельность М. Г. приходится на вторую половину его жизни, проведенную в России. По подсчетам А. И. Иванова (который, впрочем, неоправданно приписал ученому греку много не принадлежащих ему текстов), литературное наследие афонского старца насчитывает 365 номеров. Свою литературную деятельность в Москве М. Г. начал с перевода Толковой Псалтири, еще недостаточно хорошо владея русским языком, поэтому порядок перевода был такой: сначала он переводил Псалтирь с греческого на латинский, а затем толмачи *Дмитрий Герасимов* и *Влас Игнатов* переводили ее на русский язык. В дальнейшем М. Г. вполне освоил русский, хотя исследователи отмечают и в позднейших его произведениях языковые особенности, изобличающие автора-грека. Впрочем, есть основания думать, что какие-то тексты М. Г. первоначально писал по-гречески, и лишь потом он сам или его сотрудники переводили их на русский язык. В двух вариантах — греческом и русском — сохранилось его послание П. И. Шуйскому; недавно П. Бушкович обнаружил греческий, притом стихотворный, оригинал еще двух статей афонца — его «Слова о покаянии» и «Слова обличительного на еллинскую прелесть».

Литературная деятельность М. Г. весьма многогранна. Важное место в ней занимают переводы, среди которых на первом месте

стоят книги Священного писания и толкования на них, затем — сочинения древних церковных авторов, в особенности — Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста; многое также перевел М. Г. из сборника житий святых Симеона Метафраста и из византийской энциклопедии X в. — Лексикона Свида. Занимался он и исправлением уже существующих переводов, в том числе богослужбных книг. Свою практику книжной sprawy ученый старец обосновал в специальных сочинениях («Слово отвещательно о исправлении книг русских», «Слово отвещательно о книжном исправлении»), которые, кроме того, должны были опровергнуть возводимые на него обвинения в порче книг. Развернутое обоснование М. Г. своих принципов перевода позволило С. Матхаузеровой связать с его именем новую в Древней Руси — «грамматическую» теорию перевода. Афонский старец указывает на требования, которые должны предъявляться к тем, кто мнит себя знатоками греческого языка («О пришельцах философех»). К этой статье М. Г. приложил стихотворение «О том, како подобает входить во святяя божия храмы», причем претендующему на роль учителя греческого языка предлагалось перевести его и определить размер. М. Г. является автором сочинения по ономастике — «Толкования именам по алфавиту», которое было по достоинству оценено и использовано составителями *Азбуковников*. В рукописях ученому греку приписывается также целый ряд статей по вопросам грамматики, но принадлежность ему большей их части сомнительна.

Из оригинальных сочинений М. Г. наибольший литературный интерес представляют его публицистические произведения, в частности, доказывающие недопустимость монастырского землевладения («Стязание о известном иноческом жительстве», «Слово душеполезно зело впимающим ему» и др.); в качестве примера для подражания при этом указываются западные нищенствующие монашеские ордены («Повесть страшна и достопамятна. . .», послание о францисканском и доминиканском орденах). В других словах и посланиях М. Г. раскрывает свои взгляды на государственную власть («Главы поучительны начальствующим правоверно», «Слово к начальствующему на земли» и др.). Его политическим идеалом является гармония между светской и духовной властями; эта идея восходит к византийским теоретикам (Юстиниан, Агапит). Публицист требует, чтобы властодержец прислушивался к мнению своих советников и приближенных; образец правителя для М. Г. воплощает Александр Македонский (незаглавленный отрывок об Александре Македонском). Особенной известностью среди публицистики М. Г. пользуется «Слово, пространне излагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития», написанное в смутный период после смерти Василия III и представляющее собой развернутую аллегорию. Россию символизирует здесь жена, сидящая при пути в черной одежде вдовицы, окруженная дикими зверями. Жена объясняет автору, что имя ее Василия (т. е. царство), и она плачет, потому что ею правят властолюбцы и славолубцы, не пекущиеся о благе подданных. В целом цикле сочинений М. Г.

ополчается против астрологии и веры в фортуна («Слово противу тшацихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком», «Послание к некоему иноку, бывшему во игуменех, о немецкой прелести, глаголемой фортуне, и о колесе ея» и др.); он отстаивает свободу воли человека («самовластный дар»), которую упраздняет зависимость человеческой судьбы от звезд. Не оставил воинственный публицист без внимания и многие апокрифы, обращавшиеся на Руси (*Сказание Афродитиана, Луцидариус, Апокриф о иерействе Иисуса Христа* и др.), а также разного рода суеверия. В «Слове обличительном, вкупе и развращательном, лживаго писаниа Афродитиана, персянина зломудреннаго» М. Г. выставляет требования, которым должно удовлетворять истинное, неапокрифическое произведение: оно должно быть написано известным церковным автором, должно согласовываться со Священным писанием, и, наконец, в нем самом не должно быть противоречий.

Особое место среди публицистического наследия М. Г. занимают его сочинения, направленные против неправославных христиан (католиков, лютеран, армян) и адептов других религий (иудеев, магометан, эллинов-язычников). Наиболее яростно ополчается М. Г. против придворного медика и полемиста *Николая Булева*, который ратовал за соединение православной и католической церковей. Обращаясь к классическим памятникам византийской догматической публицистики (патриарх Фотий), М. Г. приводит все новые и новые аргументы, доказывающие основные заблуждения католической церкви: учение об исхождении святого Духа от Отца и Сына (*filioque*), веру в чистилище, употребление опресноков («латыньския три большия ереси»). К антилатинским произведениям афонского инока (в особенности к его «Слову на латинов») не раз обращались западнорусские полемисты 2-й пол. XVI—XVII вв. Велико также эпистолярное наследство М. Г., причем в его посланиях сказывается знакомство с византийской теорией письма. До нас дошли послания старца как высокопоставленным особам (Василию III, *Ивану Грозному*, митрополитам *Даниилу, Макарию*), так и неизвестным по имени инокам, послания, в которых он просит о помощи, сам предлагает советы и утешения, истолковывает разные понятия церковного и светского обихода.

Настоящий византийский книжник-энциклопедист, М. Г. оказал огромное влияние на культуру Древней Руси, на русских книжников, как на своих современников, общавшихся с ученым старцем, так и на последующие поколения, читавшие его творения. В разные годы он обучал греческому языку русских людей — инока *Силуана*, В. М. Тучкова-Морозова, *Нила Курлятева*. Сохранилась греческая Псалтирь (ГПБ, Соф. собр., № 78) — автограф М. Г., по которой он обучал Вениамина, ризничего тверского епископа Акакия. За разного рода справками к нему обращались такие начитанные люди, как *Вассиан Патрикеев, Ф. И. Карпов* и др. Горячими поклонниками М. Г. были и Троицкий игумен Артемий, и князь *А. М. Курбский*, рассматривавший свою переводческую деятельность на Волыни как

выполнение заветов ученого грека; ревностным почитателем его был и другой Троицкий игумен — Дионисий Зобниновский. М. Г. был объявлен преподобным, появляются *Сказания о Максиме Греке*, самое раннее из которых И. Денисов атрибутирует все тому же А. М. Курбскому. Особенно популярны стали афонский старец и его творения у старообрядцев, не в последнюю очередь потому, что два его сочинения (о сугубой аллилуии и двуперстном крестном знамении) укрепляли их позиции по отношению к православной церкви. Старообрядцем был и С. Ф. Моховиков, автор пространного *Жития М. Г.*, написанного в нач. XVIII в.

Первые рукописные собрания сочинений М. Г. (т. е. сборники с определенным набором его произведений, расположенных в определенной последовательности) составлялись еще при его жизни и под его непосредственным наблюдением; в четырех из них (ГБЛ, ф. 173, собр. МДА фонд., № 42; ф. 173. III, собр. МДА, № 138 (по временному каталогу); ф. 37, собр. Большакова, № 285; ф. 256, собр. Румянцева, № 264), как установила Н. В. Сеницына, сохранились автографы писателя — правка, написанные его рукой заглавия статей, маргинальные глоссы. После его смерти появляются новые собрания сочинений, которые включают новые произведения, в том числе ошибочно приписываемые М. Г. (последнее, самое обширное собрание составлено во 2-й пол. XIX в. Т. Ф. Большаковым). Первую попытку дать археографический обзор рукописей, содержащих творения М. Г., предпринял в конце прошлого века С. А. Белокуров. В настоящее время эта работа значительно продвинулась вперед: в книгах Н. В. Сеницыной и Д. М. Буланина (в Приложении, составленном совместно с А. Т. Шашковым) распределены по типам и описаны 128 сборников сочинений писателя (точнее назвать их единицами хранения, так как в одних случаях под тем же переплетом существует несколько собраний сочинений М. Г., в других — они разделены на две книги, а иногда собрание сочинений занимает лишь часть рукописи). Еще два сборника сочинений афонского старца хранятся: один — в Парижской Национальной библиотеке, Slav. 123 (постатейно описан в книге А. Лангелера), другой, содержащий выборку текстов из первого, — в Венской Национальной библиотеке, Cod. slav. 162 (постатейно описан в статье Г. Биркфеллнера). Оказалось, что из числа учтенных С. А. Белокуровым сборников сочинений М. Г. в современных хранилищах не выявлено лишь три (соответствия между их померами в книге С. А. Белокурова и современными шифрами приведены в книгах Н. В. Сеницыной и Д. М. Буланина; сборник, описанный в книге С. А. Белокурова под № 243, находится в Парижской Национальной библиотеке). Списки статей М. Г., рассеянные по сборникам смешанного содержания, пока не поддаются учету.

Яркое публицистическое дарование, разнообразие тематики сочинений и необычная трагическая судьба писателя обусловили интерес к его сочинениям и личности со стороны исследователей-медиевистов. Недавно М. Г. стал героем и художественного произведения — романа Мицоса Александропулоса «Сцепы из жизни

Максима Грека» (М., 1980). Насчитывающая много номеров библиография работ о М. Г., вышедших до 1969 г., приведена в книге А. И. Иванова, а потому в нижеследующем перечне литературы за этот период указано лишь несколько наиболее значительных трудов. Историографические обзоры литературы о М. Г., вышедшей в советское время, можно найти в статьях Р. Ризалити и Н. А. Казаковой. Со времени выхода в свет книги А. И. Иванова в изучении творчества афонского книжника достигнуты серьезные успехи, поэтому в библиографию включены по возможности все работы, посвященные М. Г. и вышедшие после 1969 г.

Хуже обстоит дело с изданием литературного наследия М. Г. Выпущенное в Казани в прошлом веке трехтомное собрание его творений не соответствует современным научным требованиям и давно уже стало библиографическим раритетом. Отдельные сочинения писателя печатались разными исследователями в разное время; но часть из них появлялась в малодоступных журналах, другие — издавались без предварительной текстологической работы, а значительное количество оригинальных текстов и переводов, вышедших из-под пера М. Г., и по сию пору остается в рукописях. Издание всего корпуса его творений — актуальная задача современной медиевистики. Нижеследующий перечень изданий М. Г. составлен следующим образом: за период до 1969 г. в него включены только публикации текстов, которых нет в Казанском издании (сведения об остальных можно почерпнуть в книге А. И. Иванова); публикации, появившиеся после 1969 г., перечисляются по возможности исчерпывающим образом.

Изд.: Филарет [Гумилевский]. Максим Грек // Москвитянин. 1842. № 11. С. 45—96; Геннадий Г. О типографском знаке альдинских изданий // Библиографическая летопись. 1858. Т. 1, № 6. С. 184—185; Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1859—1862. Ч. 1—3; 2-е изд. Казань, 1894—1897. Ч. 1, 3; то же в переводе на русский яз.: Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Свято-Троицкий Сергиев лавра, 1910—1911. Ч. 1—3; Строев. Словарь. С. 205—207; Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1895. Т. 1. С. 582—633; Лопарев Х. 1) Описание рукописей имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1899. Ч. 3. С. 186—227; 2) Заметка о сочинениях преп. Максима Грека // Библиографическая летопись. Пг., 1917. Т. 3. С. 50—70; Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Христ. чт. 1909. № 8—9. С. 1119—1125; Щеглова С. А. К истории изучения сочинений преп. Максима Грека // РФВ. 1911. Т. 66, № 3—4. С. 22—36; Бедрицкий Л. Л. Статья Максима Гр. о грамматике по рукописи Москов. Румянц. м. № 264 // РФВ. 1913. Т. 69, № 2. С. 482—487; Златарски В. Н. История на Българската държава през средните векове. София, 1918. Т. 1, ч. 1. С. 420—421; Ржига В. Ф. 1) Опыты по истории русской публицистики XVI века: Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 5—120; 2) Неизданные сочинения Максима Грека // Byzantinoslavica. 1935—1936. Т. 6. С. 86—109; Denisoff E. Maxime le Grec et l'Occident: Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris; Louvain, 1943 (с переводом греческих и славянских текстов на франц. яз.); Клибанов А. И. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека // ВВ. М., 1958. Т. 14. С. 148—174 (перевод греческих текстов на русский яз.); Синицына Н. В. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей // Там же. М., 1965. Т. 26. С. 110—136; Клосс Б. М.

Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 55—61; Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975 (Гранстрем Е. Э. [Рецензия] // ВВ. М., 1977. Т. 38. С. 252—254); Голышенко В. С. Неизданное полемическое сочинение Максима Грека в списке XVII в. // Памятники русского языка: Исследования и публикации. М., 1979. С. 239—253; Громов М. Н. Максим Грек. М., 1983 (отрывки в переводе на русский яз.); Булакин Д. М. 1) Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984 (Haneу J. V. [Рецензия] // The Slavonic and East European Review. 1986. № 2. P. 291—294); 2) Древнерусский перевод законов хана Крума // Старобългаристика. 1984. Год. 8. № 1. С. 47—58; ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 456—493, 739—744; Langeler A. Maksim Grek, byzantijn en humanist in Rusland. Amsterdam, 1986 (с переводом славянских текстов на голландский яз.) (Булакин Д. М. Голландская диссертация о литературном наследии Максима Грека. [Рецензия] // РЛ. 1987. № 1. С. 224—230).

Лит.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898; Соболевский И. Переводная литература. С. 260—279; Гудзий Н. К. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения // Университетские известия. Киев, 1911. № 7. С. 1—19; Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915; Дунаев Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916; Klostermann R. A. 1) Maxim Grek in der Legende // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1934. Bd 53,3. Folge 4. S. 171—228; 2) Legende und Wirklichkeit im Lebenswerk von Maxim Grek // Orientalia Christiana Periodica. 1958. Vol. 24. S. 353—370; Παπαμιχαήλ Γ. Μάξιμος ὁ Γραικός, ὁ πρῶτος φωτιστὴς τῶν Ῥώτων. Ἐν Ἀθήναις, 1951; Белоброва О. А. 1) К вопросу об иконографии Максима Грека // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 301—309; 2) К иконографии Максима Грека // ВВ. М., 1973. Т. 34. С. 244—248; Schultze B. Maksim Grek als Theologe. Roma, 1963 (Orientalia Christiana Analecta. N 167); Варацchi M. 1) Ricerche sull' opera di Maksim Grek // «Acme»: Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Milano. 1968. An. 21. Fasc. 2. P. 217—256; Fasc. 3. P. 261—325; 2) La lingua di Maksim Grek // Istituto Lombardo. Rendiconti. Classe di lettere e scienze morali e storiche. 1971. Vol. 105. P. 253—280; 1972. Vol. 106. P. 243—267; 3) Echi letterari italiani nella Moscovia cinquecentesca? (Confronto di uno «Slovo» di Maksim Grek con motivi e tecniche della «Divina Commedia») // Mondo Slavo e cultura italiana. Contributi italiani al IX Congresso Internazionale degli Slavisti. Kiev, 1983. Roma, 1983. P. 13—37; Иванов А. И. 1) Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969 (Tachiaos A.-E. [Рецензия] // Cyrillomethodianum. 1971. Т. 1. P. 214—215; Voodoo V. [Рецензия] // Revue de littérature comparée. 1971. An. 45. № 3. P. 408—441; Olmsted H. [Рецензия] // Kritika. 1971. Vol. 8. N 1. P. 1—27; Abramtsev D. F. [Рецензия] // One Church. Единая церковь. 1972. Vol. 26, № 2. P. 95—96); 2) Максим Грек и итальянское Возрождение // ВВ. М., 1972. Т. 33. С. 140—157; Т. 34. С. 112—121; М., 1973. Т. 35. С. 119—136; 3) О пребывании Максима Грека в доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции // Богословские труды. М., 1973. Сб. 11. С. 112—119; 4) Несколько замечаний по поводу издания нового списка «Судного дела Максима Грека» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 284—298; 5) Максим Грек как ученый на фоне современной ему русской образованности // Богословские труды. М., 1976. Сб. 16. С. 142—187; 6) Несколько замечаний к вопросу о лексиконе «Свида» // Там же. М., 1978. Сб. 18. С. 223—230; Фонкич Б. Л. 1) Новый автограф Максима Грека // Byzantinoslavica. 1969. № 1. С. 77—82; 2) Русский автограф Максима Грека // История СССР. 1971. № 3. С. 153—158; 3) Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977 (Гранстрем Е. Э. [Рецензия] // ВВ. М., 1981. Т. 42. С. 208—209); 4) Две палеографические заметки к изданию актов Кастамонита: (новые автографы Иоанна Евгенника и Максима Грека) // ИОЛЯ. 1979. Т. 38, № 4. С. 393—394; Покровский Н. Н. 1) Сибирская находка: (Новое о Максиме Греке) // ВИ. 1969. № 11. С. 129—138; 2) Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971 (Синицына Н. В. [Рецензия] // ВИ. 1973. № 2. С. 153—156; Казакова Н. А. [Рецензия] // История СССР. 1973. № 2. С. 176—179);

- 3) Максим Грек: загадки судьбы // Знание — сила. 1973. № 5 (551). С. 42—44;
- 4) Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 80—102; 5) Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 68—109; С и н и ц ы н а Н. В. 1) Приемы текстологического анализа собраний сочинений Максима Грека XVI—XVIII вв. // Тез. докл. на конф. по вопросам археографии и изучения древних рукописей. Тбилиси, 1969. С. 57—59; 2) Максим Грек и его место в литературе XVI—XVIII вв. // Совещ. «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII—XX веков». Тез. докл. Л., 1969. С. 9—10; 3) Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека: (К постановке вопроса) // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 259—266; 4) Ранние рукописные сборники сочинений Максима Грека: (кодикологическое исследование) // АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 130—140; 5) Максим Грек и Савонарола: (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 149—156; 6) Этический и социальный аспекты нестяжательских воззрений Максима Грека // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 159—170; 7) Русские автографы Максима Грека // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975 г. М., 1976. С. 7—15; 8) Les autographes russes de Maxime le Grec // Actes du XIV Congrès International des études byzantines. Bucarest, 1976. Т. 3. Р. 147—150; 9) Сборники сочинений Максима Грека с его автографами // Studia codicologica. Berlin, 1977. С. 451—455; 10) Максим Грек в России. М., 1977 (Б у л а н и н Д. М. [Рецензия] // РЛ. 1977. № 4. С. 222—224; Г р а н с т р е м Е. Э., К о в т у н Л. С. [Рецензия] // История СССР. 1977. № 6. С. 191—195; В а г а с с и М. [Рецензия] // Ricerche Slavistiche. 1977—1979. Vol. 24—26. Р. 197—206; П а н е у J. V. [Рецензия] // The American Historical Review. 1978, april. P. 487; П о к р о в с к и й Н. Н. [Рецензия] // ВВ. М., 1980. Т. 41. С. 269—273); 11) Максим Грек в России: Автореф. дис. . . докт. ист. наук. М., 1977; 12) Авторское самосознание в русской литературе и общественной мысли // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 213—220; К а з а к о в а Н. А. 1) Очерки по истории русской общественной мысли: (первая треть XVI века). Л., 1970. С. 155—243; 2) Максим Грек в советской историографии // ВИ. 1973. № 5. С. 149—157; 3) Максим Грек и идея сословной монархии // Общество и государство феодальной России. С. 151—158; Ш м и д т С. О. Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 129—141; З и м и н А. А. 1) Максим Грек и Василий III в 1525 г. // ВВ. М., 1971. Т. 32. С. 61—84; 2) Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 267—299, 323—330; К о в т у н Л. С. О стиле Максима Грека: (отбор лексических средств) // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972. Вып. 1. С. 21—27; К о в т у н Л. С., С и н и ц ы н а Н. В., Ф о н к и ч Б. Л. Максим Грек и славянская Псалтырь: (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М., 1973. С. 99—127; П а н е у J. V. From Italy to Muscovy: The Life and Works of Maxim the Greek. München, 1973 (Т h o m s o n F. J. [Рецензия] // Canadian Slavonic Papers. 1975. Vol. 17. N 2—3. P. 525—526; В у л а н и н Д. М. [Рецензия] // Slavic Review. 1975. Vol. 34. N 4. P. 872—873; V a s o l i C. [Рецензия] // Rivista storica Italiana. 1976. An. 88. Fasc. 4. P. 871—881); R i s a l i t i R. Massimo il Greco alla luce della più recente storiografia Sovietica // Umanesimo e teologia tra'400 e'500. P. 392—403 (Memorie domenicane. 1973. Nuova Serie. N 4); Б у л а н и н Д. М. 1) Античное наследие у Максима Грека: (к постановке вопроса) // Материалы XI науч. студ. конф., посвященной памяти В. И. Ленина. Филология. Тезисы. Новосибирск, 1973. С. 30—31; 2) Максим Грек — комментатор Григория Богослова // Древнерусская книжность: Резюме докл. на конф. молодых специалистов. Л., 1975. С. 5—6; 3) Комментарии Максима Грека к словам Григория Богослова // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 275—289; 4) К изучению переводческой деятельности Максима Грека // РЛ. 1978. № 3. С. 119—125; 5) Максим Грек и византийская литературная традиция: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1978; 6) Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 67—79; 7) Об одном из источников сочинений Максима Грека // Там же. С. 432—433; 8) Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека // Там же. Л.,

1979. Т. 34. С. 257—285; 9) Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека // *Источниковедение литературы Древней Руси*. Л., 1980. С. 174—180; 10) «Окружное послание» константинопольского патриарха Фотия в древнерусских рукописях XVI—XVII вв. // *Старобългаристика*. 1981. Год. 5. № 2. С. 35—54; 11) Послание патриарха Фотия архиепископу Аквилейскому в древнерусском переводе // *Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома*. Л., 1985. С. 220—229; Шапков А. Т. 1) Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции XVIII века // *Материалы XII всесоюз. науч. студ. конф., посвященной памяти В. И. Лепина*. Филология. Новосибирск, 1974. С. 38—39; 2) Максим Грек и поморские палеографы начала XVIII в. // *Древнерусская книжность: Резюме докл. на конф. молодых специалистов*. С. 38—40; 3) Поморский кодекс сочинений Максима Грека // *Источниковедение и археография Сибири*. Новосибирск, 1977. С. 93—123; 4) Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—начале XVIII в.: (Подделка и ее разоблачение) // *ТОДРЛ*. Т. 33. С. 80—87; 5) Максим Грек в старообрядческой рукописной традиции XVIII в. Урала, Поморья и Сибири // *Из истории духовной культуры дореволюционного Урала*. Свердловск, 1979. С. 28—39; 6) «Броня правды» Д. В. Ватова о подделке в сочинениях Максима Грека // *Изв. Сибирск. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук*. 1980. № 11. Вып. 3. С. 46—50; 7) «Обличение на Соловецкую челобитную» Юрия Крижанича и споры XVII в. вокруг наследия Максима Грека // *Сибирское источниковедение и археография*. Новосибирск, 1980. С. 59—72; 8) Афанасий Холмогорский и идейно-литературное наследие Максима Грека // *Русская и армянская средневековые литературы*. Л., 1982. С. 173—184; 9) Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—первой половине XVIII вв.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Новосибирск, 1982; 10) Тагильский сборник сочинений Максима Грека: (кодицилогические заметки) // *Рукописная традиция XVI—XIX в. на востоке России*. Новосибирск, 1983. С. 4—14; 11) Сборники сочинений Максима Грека в составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря в XVI—XVII вв. // *Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России*. Новосибирск, 1987. С. 5—11; C i o f f a r i G. Massimo il Greco e Savonarola: (A proposito dell'art. di A. I. Ivanov in: Bogoslovskie Trudy, n. 11) // *Nicolaus*. 1975. An 3. Fasc. 1. P. 199—208; К л о с с Б. М. Никонская летопись и Максим Грек // *ТОДРЛ*. Т. 30. С. 124—131; М а т х а у з е р о в а С. *Древнерусские теории искусства слова*. Прага, 1976 (Папченко А. М. [Рецензия] // *РЛ*. 1981. № 3. С. 203—208; К о в т у н Л. С., К о л е с о в В. В. [Рецензия] // *ТОДРЛ*. Л., 1983. Т. 37. С. 391—400; М о н ч е в а Л. [Рецензия] // *Език и литература*. 1984. № 4. С. 115—118); П о з д н я к о в а Н. И. Максим Грек — автор «Канона Параклиту» // *Литература Древней Руси*. М., 1978. Вып. 2. С. 57—66; Ч е б о т а р е в а А. Н. Устойчивые метафорические словосочетания в публицистических сочинениях Максима Грека // *Исследовании словарного состава русского языка XVI—XVII вв.* Красноярск, 1980. С. 19—27; F r e y d a n k D. *Sein und Werden im Kirchenslawischen des 16. Jahrhundert*. Zu Maksim Grek III, S. 421—423 // *Zeitschrift für Slawistik*. 1981. Bd 26, N 5. S. 710—714; O b o l e n s k y D. Italy, Mount Athos and Muscovy: The three Worlds of Maximos the Greek // *Proceedings of the British Academy*. 1981. T. 67. P. 143—161; B i r k f e l l n e r G. *Materialien zur russischen Literatur- und Geistesgeschichte: unbekanntes Maksim Grek-Überlieferung* // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1982. Bd 10. S. 21—42; Р а й ч и н о в С. Новооткрыт южнославянски препис от съчинение на Максим Грек // *Език и литература*. 1982. № 6. С. 89—92; Г р о м о в М. Н. Философские знания в древнерусской книге: (на примере творчества Максима Грека) // *Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги*. Межведомственный сборник научных работ. М., 1983. Вып. 2. С. 88—94; B u s h k o v i t c h P. Two Unknown Greek Texts of Maxim the Greek // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1984. Bd 32. H. 4. P. 559—561; П л и г у з о в А. И. Василий Тучков — собеседник Максима Грека // *Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв.* М., 1986. С. 62—93.

Д. М. Буланин

Мальцев Семен Елизарьев (2-я пол. XVI в.) — автор «речей» — обращения в 1569 г. из турецкого плена к московским послам в Крыму. М. происходил из семьи дипломатов. Его отец ездил с сыновьями к ногайским татарам в 1550-е гг.; по-видимому, Мальцевы владели татарским языком. Впервые М. участвовал в посольстве в Ногайскую орду в 1560 г. (Продолжение ДРВ. СПб., 1795. Ч. 10. С. 74, 87, 109, 112—113, 114, 184—185). В 1568 г. М. был направлен вновь послом к мирзе Улусу. В это время готовился поход крымцев и турок на Астрахань. В марте 1569 г. ногайские послы и М. с посольством (всего до 200 человек) достигли на пути в Москву переправы через Волгу — Переволоки у Царицына острова. Здесь на них напали азовские казаки и татары (отряд около 170 человек). М. из осторожности спрятал царский посольский наказ на острове в дупле дерева, но у других лиц остались письма ногайских правителей (мурз). Все московские люди были захвачены в плен и отвезены в Азов, где их продали в рабство. Раненого М. переправили на корабле в Кафу. Здесь ему пришлось служить в галерном флоте гребцом; одно время он был прикован цепью к пушке. Затем М. отправили в Бахчисарай. Здесь он составил отчет, или «речи», содержащие не только описание его личной судьбы, но главным образом важные сведения об астраханском походе татар. Этот отчет ему удалось вручить в ноябре 1569 г. московским послам в Крыму А. Ф. Нагому и Ф. А. Писемскому, которые доставили документ в Москву. «Речи» М. представляют собой образец деловой письменности XVI в. дипломатического характера. Опыт в составлении официальных отчетов позволил автору проявить не только наблюдательность (к датам, именам, названиям, количеству людей), но и продуманность в изложении событий, обстоятельств, диалогов. Хотя в «речах» еще не отражен бесславный конец похода на Астрахань, видна разобщенность в действиях ногайских татар и турок. Отчет написан ясным языком, с обычными ссылками на источники каждого известия («япычане-крестьяне, греки и волошане. . . мне сказывали», «послы пришли и мне сказывали», «а Мустафа кафинец мне сказывал сам. . .», «сказывал мне литовский гонец Ондрей Тараповский. . .»). Из «речей» нельзя узнать о дальнейшей судьбе М. Но судя по его участию в новом посольстве в Ногайскую орду в 1577 г., он благополучно возвратился в Москву из плена (Продолжение ДРВ. 1801. Ч. 11. С. 190—195).

Интерес к «речам» М. проявляли и делали из них выписки Н. М. Карамзин (История государства Российского. СПб., 1892. Т. 9. Примеч. 245, 246, 249, 250, 254), С. М. Соловьев (История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3, т. 6. С. 603—604). Наряду с ценностью содержащихся в нем исторических сведений отчет («речи») М. представляет определенный интерес как правдивый рассказ русского пленника XVI в., составленный в неволе и повествующий не о личных печалях, а о военной и дипломатической обстановке в Ногайской орде и в Крыму.

Изд.: Садилов П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. Приложение 1. «Речи» Семена Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань // ИЗ. 1947. № 22. С. 153—164.

О. А. Белоброва

Мануил Дмитриевич (2-я пол. XV в.) — переводчик. По происхождению грек. Совместно с *Феодором*, протопопом Благовещенского собора, перевел прение псевдо-Афанасия Александрийского с Арием. О личности М. ничего не известно. Поскольку из представителей греческих семей, появившихся в России в кон. XV в., М. Д. не мог быть ни Мануил Иванович Ралев, ни Мануил Иванович Ангелов (Доке), остается принять гипотезу А. Маркова (и, как кажется, А. Д. Седельникова), что М. Д. — это сын *Дмитрия Мануиловича Траханиота* и, следовательно, брат *Юрия Дмитриевича Траханиота*. То, что сообщается о нем в заглавии перевода («Аморенин, иже преидоша с царевною из Рима»), поддерживает эту гипотезу. В других источниках имя М. Д. не встречается.

Лит.: Марков А. Переводчик, благовещенский протопоп Феодор: (Библиографическая справка) // ИОРЯС. 1942. Т. 17, кн. 3. С. 223—224; Седельников А. Д. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI века // Докл. АН СССР. Сер. В. 1929. № 1. С. 17.

Д. М. Буланов

Маргарит — переводной сборник уставных чтений, состоящий из избранных слов, бесед и поучений раннехристианского писателя Иоанна Златоуста и получивший большое распространение на Руси в XV—XVIII вв. В древнерусскую литературу этот сборник пришел из Византии и сохранил греческое название — *Μαργαρίται*, что в переводе означает «жемчужины»: «Маргарит, сиречь бисер или жемчуг именуется. . . Словеса убо, яже суть в книзе сей, якоже в златом перстени драгии камень блистающа, веселит некако, взирающаго на нь. Сице и разум словес тех. . . воссия паче злата, благодати, луча независтная, озаряющи благочестивых сердца. . .». М. — сборник морально-учительного характера, сближающийся с другими четырьмя сборниками: *Измаргадом*, *Златой цепью*, *Златой Матицей* и др.

Византийские М. не имели строго определенного содержания, в разных списках помещались разные сочинения Иоанна Златоуста и количество их колебалось от 20 до 70—80 (см.: Архангельский А. С. Творения. . . С. 212). Древнерусский М. — сборник, обладающий устойчивым составом статей. Его прототипом, вероятно, послужил один из многочисленных вариантов греческого М., переведенный на церковнославянский язык. Литературную основу древнерусских М. составили 30 сочинений Златоуста, среди которых произведения экзегетические, догматико-полемические, а также слова общеморального и аскетического содержания, а именно шесть слов «о непостижимом», шесть слов против иудеев, шесть — о серафимах, пять слов о «богатом и Лазаре», три — о Давиде и

Сауле, четыре беседы о Иове (последние из подложных, или сомнительных, сочинений Златоуста — см.: Горский А., Невоструев К. Описание. . . Отд. 2, ч. 2. С. 119—124). Такого содержания М. 1499 г. и XVI в. в собрании ГИМ (см. по описанию Горского и Невоструева, № 126, 127), М. 1494 и 1567 гг. в собрании ГПБ (Ф. I. № 196, 213), М. XV—XVII вв. в собрании ГБЛ (см.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1878. Ч. 1. № 147—150) и др. Постоянный состав статей М. был закреплен печатными изданиями (из них первое вышло в Остроге в 1596 г.).

В некоторых рукописных и печатных М. после основного текста под заглавием «От книг, глаголемых Маргарите» помещается группа из пяти сочинений Иоанна Златоуста: 1) «О создании Адамова. . .»; 2) «О Адаме, яко прежде снести ему от древа разумнаго. . .»; 3) «Чего ради древо разумно добро и зло наречется. . .»; 4) «Слово о покаянии и усилении и яко скор бог в спасении. . .»; 5) «Оглашение к хотящим креститься и о притчи винограда». Наличие или отсутствие этой группы слов послужило В. М. Истрину основанием для разделения списков М. на полные и краткие. Объясняя заголовок пятичленной группы, В. М. Истрин предлагает считать ее остатком южнославянского М., более полного и более древнего, чем древнерусский, являвшегося переводом другого греческого варианта М. Эта группа слов была занесена на Русь, а так как и она называлась Маргаритом, то была механически присоединена к уже существующему в древнерусской письменности М.

В качестве дополнений к М. встречаются слова, посвященные праздникам солнечного и лунного календарей (неподвижным и подвижным), — сочинения Кирилла Александрийского, Епифания Кипрского, Григория Никомидийского и др.; поучения, жития святых, среди последних чаще других — *Житие Иоанна Златоуста*. Эти сочинения древнерусскими книжниками воспринимались именно как дополнения к данному типу книги, о чем свидетельствует тот факт, что во многих рукописных и печатных М. после 30 перечисленных выше слов Иоанна Златоуста, иногда после пяти слов «от книг, глаголемых Маргарите», следует приписка: «До зде скончашася книга слов блаженнаго Иоанна Златоуста, глаголема Маргарите» или: «Се же приписи в книге сей и се кроме Маргарита».

Время и место перевода М. на церковнославянский язык точно не известны. Некоторые сочинения М., вошедшие также в состав *Златоструя* болгарского царя Симеона, были переведены еще в X в., но в древнерусских М. этот древний перевод не использован. А. Горский и К. Невоструев считали, что перевод слов М. «не принадлежал к числу древних переводов» (Описание. . . Отд. 2, ч. 2. С. 126), но все же, по мнению А. С. Архангельского, он был выполнен не позднее XIII—XIV вв. А. И. Соболевский упоминает о южнославянском переводчике Дионисии, ученике болгарского патриарха Феодосия, который в XIII в. перевел М. (ПБЭ. 1905. Т. 6. Стб. 943; см. также: Соболевский И. Переводная литература. С. 8). Списки М. не встречаются в древнерусской письменности ранее XV в.

Перевод и распространение на Руси М. были обусловлены предписаниями уставов, древнерусские списки которых называют М. среди других сборников уставных чтений уже в XIV в. (И с т р и н В. М. Замечания. . . С. 478). Это, впрочем, не может служить доказательством существования древнерусских М. в данный период. Церковные уставы переводились с греческого языка, и, следовательно, упоминание в них М., во-первых, указывает на использование М. в православном культе, на наличие этого типа сборника в византийской литературе и, во-вторых, вероятно, могло послужить побудительной причиной перевода М. на церковнославянский язык. Время и порядок чтения сочинений, составивших древнерусские М., определены в предисловиях к печатным изданиям М.

В древнерусской литературе название М. иногда соотносилось не только с определенной типом книги, но вообще со сборником учительного содержания. Так, в XVI в. А. М. Курбский составил сборник из сочинений Иоанна Златоуста и других христианских писателей и назвал его «Новый Маргарит». В этот сборник Курбский включил разнообразные в жанровом и тематическом отношении произведения: торжественные слова, посвященные церковным праздникам, беседы, толкования, жития. С древнерусским традиционным М. по происхождению и содержанию «Новый Маргарит» Курбского не имеет общих черт.

Кроме религиозно-правственной дидактической направленности не имеет ничего общего с древнерусским М. и памятник нового времени: «Маргарит, или Избранный душевспасительный изречения, руководящая к вечному блаженству, с присовокуплением некоторых бесед, относящихся исключительно к женским обителям» (М., 1893, 1905).

Древнерусский М. как четкий учительный сборник занимал видное место в культурно-бытовом обиходе человека средневековья, сыграл заметную роль в истории древнерусской литературы. Сочинения Иоанна Златоуста, вошедшие в состав М., привлекали внимание совершенством формы, своей христианско-демократической направленностью и, вызывая многочисленные подражания, служили излюбленным чтением в Древней Руси на протяжении нескольких веков.

Изд.: Маргарит. Острог, 1596; М., 1641, 1698, 1764, 1773, 1890, 1901; Варшава, 1788; ВМЧ. Сент., дщи 14—24. СПб., 1869. Стб. 773—1193.

Лит.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2. ч. 2. С. 119—131; Архапгельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности // ЖМНП. 1888. Ч. 258, авг. С. 212; Истрип В. М. Замечания о составе Толковой Псалти // ИОРЯС. 1898. Т. 3, кн. 2. С. 478—491, 509—511; Соболевский А. И. Иоанн Златоуст в русской письменности // ПБЭ. 1905. Т. 6. Стб. 943.

Т. В. Черторицкая

Марк Левкенинский (XVI в.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, автор краткого летописца. Сохранилось два сборника (ГБЛ, Волоч. собр., № 515 и № 359), на которых имеется помета о владельце — «Сборник Марка Левкенинского». В дополнениях

к описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. под датой 28 апреля 1565 г. отмечено, что «после Марка Левкеинского» осталось пять рукописей (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. Прил. С. 21). В их число включены названные выше две рукописи. Краткий летописец, составленный М., находится в рукописи Волок. собр., № 515. В этот летописец, охватывающий события с 1409 г. до 1552 г., наряду с общерусскими известиями включены сведения местного характера: о Пафнутии Боровском, о Иосифове монастыре и лицах, связанных с ним, о волоколамских князьях (Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 223).

Изд.: Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // ИА. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 9—14.

Р. П. Дмитриева

Маркелл — инок, игумен Хутынский, автор житий Саввы Сторожевского и Новгородского епископа Никиты. Отрывочные биографические сведения о М., ограничивающиеся несколькими годами, имеются в летописях и в его собственных произведениях. Известность его в сер. XVI в., по всей видимости, была определена интересом к нему митрополита *Макария* как к писателю-агиографу. Сам М. сообщает, что он «повинуящеся повелению» Макария написал *Житие Саввы Сторожевского* (не позднее 1552 г.), которое включили в Успенский и Царский списки *Великих Миней Четьих*. М. называет себя «многогрешным иноком», но был ли он в это время иноком Сторожевского монастыря, остается неизвестным, в Новгородской летописи сделана неясная запись, по которой можно предположить его связь с Пафнутиево-Боровским монастырем (ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 157, примеч. «и»). Вскоре он становится игуменом новгородского Варлаамо-Хутынского монастыря (в 1551—1552 гг. игуменом еще был Гурий Коровиц). Видимо, М. занял влиятельное положение при Новгородском архиепископе *Пимене*. Вместе с ним в 1555 г. он участвовал в поставлении архиепископа Гурия в Казань (ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 13. С. 250) и вместе с ним вернулся из Москвы в Новгород. Последнее известие о М. зафиксировано в *Летописи Новгородской II*, где он ошибочно назван *Мартырием* (ПСРЛ. Т. 3. С. 157). В 1557 г. М. оставил игуменство и поселился в Антониеве монастыре, где прожил 6 месяцев и «сотворил» «житие Никите, епископу Новгородскому, и канун», после чего уехал в Москву (ПСРЛ. Т. 3. С. 158). О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно.

Житие Саввы Сторожевского М. написал по поручению митрополита Макария, к которому с просьбой обратились монахи Сторожевского монастыря («умолену бывшую отцы обители оная»). На скудость полученных фактических сведений указывает в своем произведении сам автор: «Мы же о рождении и о възпитании его не обретохом, токмо о пребывании его во мнишестве изыскавше, въкратце написахом» (ВМЧ. Дек. С. 68). Источниками и образцом для описания жизни Саввы в монашестве послужили *Житие Сергия Радонежского* и

Житие его ученика Никона. Следует обратить внимание на включение в текст Жития рассказа о победе князя Георгия Дмитриевича Звенигородского над болгарскими татарами и о разорении Казани. Эта тема была злободневной в то время, когда создавалось Житие. Житие сопровождается чудесами, которые составлены были, видимо, со слов монахов монастыря. Первые чудеса датируются временем игуменства Дионисия (1490 г.), кончаются же временем игуменства Арсения (1543—1549 гг.).

Житие епископа Никиты М. написал, видимо, в нач. 1558 г. (во всяком случае до открытия его мощей 30 апреля 1558 г., так как об этом событии в Житии ничего не сказано). Как и в случае с Житием Саввы Сторожевского, М. обнаружил литературную осведомленность, хотя и не отличался творческой индивидуальностью. Содержание написанного им Жития основано на Сказании *Поликарпа*, помещенном в *Патерике Киево-Печерском*. После известий о затворничестве Никиты в Житии рассказано об избрании его епископом Новгородским и о его чудесах. Житие завершается похвальным словом святому. После редакции М. в XVI в. было написано еще три редакции Жития Никиты (*Иоасафом*, игуменом Данилова монастыря, *Василием—Варлаамом*, *Зиновием Отенским*).

Житие Никиты в редакции М. не опубликовано (см. рукописи ГИМ, собр. Барсова, № 114, XVI в. и ГПБ, Соф. собр., № 1492, XVI в.). М. еще был известен как знаток крюкового пения (Филарет. Обзор. С. 154—155).

Изд.: ВМЧ. Дек., дни 1—5. М., 1901. Стб. 67—84.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 248, 264—265; Макарий [Булгаков]. История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1881. Т. 7. С. 429—431; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 391, 476—477; Строев. Словарь. С. 208—209.

Р. П. Дмитриева

Мартиниан Белозерский (в миру Михаил) (ок. 1400—11 I 1483) — игумен Троице-Сергиева монастыря, ученик *Кирилла Белозерского*; устные рассказы М. послужили *Пахомию Сербу* основой для Жития Кирилла; книгописец. Согласно местному преданию, М. происходил из рода крестьян Стомошаховых, потомки которых и сейчас живут в д. Березники (в 70 км от Вологды). Из Жития *Мартиниана Белозерского* известно, что он родился в д. Сяма — соседней с д. Березники. В юном возрасте М. был пострижен в монахи Кириллом Белозерским. По просьбе Кирилла грамоте его обучил живший вблизи монастыря мирской (по некоторым спискам монастырский) дьяк Алексей Павлов. После 1427 г. (когда умер Кирилл) М. основал Вожеозерский Спасский монастырь, а вскоре затем стал игуменом Ферапонтова монастыря. В 1447 г. М. оказал поддержку сосланному Димитрием Шемякой в Вологду *Василию II Темному* и был приглашен тем в Троице-Сергиев монастырь в качестве игумена. Имя М. стоит первым среди имен игуменов, подписавших обличительную грамоту русского духовенства Димитрию Шемяке 29 декабря 1447 г. (АИ. Т. 1. № 40). Сохранились жалованные грамоты

Василия Темного и его матери на имя М. — игумена Ферапонтова и Троице-Сергиева монастырей (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 192, 195, 197, 199, 200, 215, 217, 218, 219, 221, 225, 226, 237, 239, 240, 243, 245). В 1455 г. М. возвратился в Ферапонтов монастырь. В 60-е гг. Пахомий Серб, собирая материал для Жития Кирилла Белозерского, встречался с М. в Кирилло-Белозерском монастыре. Сохранилась также духовная грамота бежецкого вотчинника Григория Львова, написанная «игуменом Мартинианом», возможно М., в 1470-е гг. (Акты. . . Т. 1. № 472). Похоронен М. в Ферапонтовом монастыре у южной стены Рождественского собора, на которой в нач. XVI в. Дιονисий с сыновьями, расписывая этот собор, изобразили архангелов Михаила и Гавриила с коленапреклоненными Ферапонтом и М.

Известно пять книг, в создании которых М. принимал участие как писец. 1-й четв. XV в. датируются два его канонника (ГИМ, Музейск. собр., № 3711; ГРМ, гр. др., № 14, 1423 г.) и Сборник под названием «Богородечник» (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 19/1096, л. 143—155 об., 291—322 об.). Две другие рукописи с меньшей определенностью можно считать написанными им (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 762, Сборник 1450-х гг.; № 167, 1-я четв. XV в., Сборник, основную часть которого занимают «Лествица» Иоанна Синайского и поучения Аввы Дорофея). Два этих сборника определяются Р. П. Дмитриевой как энциклопедические. В первом из них содержатся статьи естественнонаучного характера («Галиново на Ипократа», «Громник», «О небеси» и др.). Статьи научно-прикладного назначения («Лунное течение», «Когда сеяти и садити и волосем урезати») встречаются и в канонниках М. Этими и некоторыми другими особенностями рукописи М. родственны книгам Кирилла Белозерского.

Для рукописей М. характерен пунктуационный знак — киноварная точка со штрихом над нею. Он встречается и в некоторых других книгах, написанных в нач. XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре, например: ГРМ, гр. др., № 17, Псалтирь; ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 16, 1423 г., Часослов.

Лит.: Амвросий [Орпатский]. История Российской иерархии. СПб., 1815. Т. 6, ч. 2. С. 851—853; Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850. Ч. 2. С. 14; Макарий. Описание Ферапонтовской волости // Вестн. имп. русского географического общества. СПб., 1854. Т. 3. С. 129—152; Варлаам, архимандрит. Обзорные рукописи собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского // ЧОИДР. 1860. Кн. 2. С. 1—69; Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XIV в.). М., 1875. С. 190; Барсуков В. Источники агиографии. Стб. 356; Строев. Словарь. С. 336; Толстой М. В. Книга, глаголемая описание о Российских святых // ЧОИДР. 1887. Кн. 4. С. 139—140; Бриллиантов И. Ферапонтов-Белозерский монастырь — место заключения патриарха Николая. СПб., 1899. С. 15—65; Дмитриева Р. П. 1) Светская литература в составе монастырских библиотек XV—XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского и Троице-Сергиева) // ТОДРЛ. М.; Л., 1968. Т. 23. С. 143—170; 2) Четыре сборника как жанр // Там же. Л., 1973. Т. 27. С. 150—160; Здорнов Г. И. Искусство лавры Древней

Мартирий (в миру Мина) (ум. 1 III 1603) — основатель Троицкого Зеленецкого монастыря в Тихвинском уезде, автор автобиографических Записок. Биографические сведения о М. содержатся в его Записках и позднейшем Житии. Как известно из Жития, М. родился в Великих Луках, родителей его звали Козьма и Стефанида. В возрасте восьми лет М. осиротел и воспитывался служителем храма Благовещения в Великих Луках Борисом, который после смерти своей жены принял постриг под именем Боголепа в обители Козьмы и Дамьяна, а затем стал строителем Троицкого Сергиева монастыря в Великих Луках. М. в автобиографических Записках сообщает, что был пострижен Боголепом в Троицком Сергиеве монастыре, выполнял там обязанности келаря, казначея и пономаря и имел ученика Авраамия. Из Записок известно также, что М. находился в этом монастыре семь лет, а затем попытался основать свой монастырь в шестидесяти верстах от Великих Лук. Для этого он тайно покинул Сергиев монастырь вместе с поваром «бельцем». Однако вскоре спутник оставил М., сообщив о нем «единому христианину», который стал приносить М. пищу. Некоторое время М. «пустынножительствовал», испытывая «великие страхования» от бесов. Затем он написал своему духовному отцу Боголепу, прося у него благословения жить на этом месте. Получив ответ Боголепа с повелением идти «жити во общее житие», М. покинул избранное место и пошел в Смоленск на поклонение иконе богородицы и чудотворцам Авраамию и Ефрему, которые, «явившись» М. во сне, указали, что ему следует «жити в пустыни». Из Смоленска М. направился в незадолго до того учрежденный (1560 г.) Тихвинский Успенский монастырь, где жил некоторое время в одной келье со своим учеником пономарем Авраамием, который пришел в Успенский монастырь ранее.

Собираясь по-прежнему основать свой монастырь, М. хотел идти в Поморье, но Авраамий рассказал ему о Зеленецком острове, расположенном среди болот, и о том, что над этим местом он видел сияющий крест. Житие М. содержит интересные подробности о приходе его на Зеленецкий остров: М. ушел из Тихвинского монастыря с благословения его игумена, взяв с собой две иконы — Троицы и Богородицы Одигитрии Тихвинской; сопровождал его крестьянин Иосиф из села Буборины, которое находилось на расстоянии четырех поприщ от Зеленецкого острова.

На Зеленецком острове М. удалось создать Троицкий Зеленецкий монастырь (основан в период 1565—1570 гг.: в писцовой книге Обонежской пятины 1564 г., составленной Андреем Лихачевым с товарищами, Зеленецкий монастырь не упоминается; в 1570 г. монастырь уже существовал, так как в этом году был казнен *Иваном Грозным* богатый новгородец Федор Сырков, который дал М. средства на строительство деревянной церкви Благовещения с трапезою). В автобиографических Записках М. сообщает (без хронологических указа-

ний), что принял сан игумена в Новгороде. По данным писцовой «Книги Оболенской пятины, Заонежской половины, писма Ондreja Васильевича Плещеева и подъячего Семейки Кузмина, 7091 года» можно заключить, что в 1583 г. М. уже был игуменом монастыря и имел 12 человек братии. В монастыре в это время существовали деревянные Троицкая и Благовещенская с трапезою церкви и деревянная ограда.

Из Жития М. известно, что в 1595 г. он был в Москве (этим годом датирована и жалованная грамота царя Федора Иоанновича Зеленецкому монастырю). По пути в Москву М. в Твери встретился с Симеоном Бекбулатовичем и воскресил его сына Иоанна. После этого Симеон пожертвовал средства на строительство в Зеленецком монастыре каменной церкви Богородицы Одигитрии Тихвинской с приделом Иоанна Златоуста. М. был погребен в собственноручно им вырытой могиле около каменной церкви Богородицы Одигитрии. В 70-х гг. XVII в. по приказу новгородского митрополита Корнилия эта церковь была разобрана, и мощи святого с той поры находятся под спудом в нижней церкви Иоанна Богослова, где Корнилий устроил гробницу М.

Автобиографические Записки М. известны по одному списку в составе сборника-конволюта ГПБ, О.І.424, л. 161—177. Список по филиграммам датируется 40—50-ми гг. XVII в. В рукописи Записки имеют название: «Повесть о житии преподобнаго отца Мартирия, жившаго во области Великаго Нова Града в Оболенской пятины в Зеленой пустыни тако нарицаемой, яже сам о себе исповеда отцу своему духовному и учеником своим, како и где жительствоваше прежде вселения в пустыню ту, и како обрете ю, како ж и вселися, и храмы созда, и обитель состави. Всели же ся он в пустыню ту при благочестивом царе и великом князе Иване Васильевиче, всея Руси самодержце, и жил многие лета. Преставися же в той же обители в царство Бориса Годунова». Записки, судя по их содержанию, были написаны в период 1570—1595 гг. В жанровом отношении они представляют собой духовную «помятцу вкратце», содержащую поучение к братии и дополненную более или менее самостоятельными рассказами о жизни и видениях М. Записки М. представляют большой историко-литературный интерес как один из первых в Древней Руси образцов автобиографии; замечателен и разговорный стиль произведения.

До 1670-х гг. (судя по тому, что сообщается о месте погребения М.) на основе автобиографических Записок М. было написано Житие Мартирия.

Изд.: Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897. С. 342—351.

Лит.: Амвросий. История российской перархии. М., 1812. Ч. 4. С. 155—182; Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских // Записки имп. русского географического общества. СПб., 1853. Кн. 8. С. 142; Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 391—394; История и древности третьеклассного Троицкого Зеленецкого монастыря Санкт-Петербургской епархии с приложением записи достохвальных событий, по преставлении преподобного Мартирия в нем случившихся. СПб.,

1866; Ключевский И. Древнерусские жития. С. 346; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 273; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 357; Тихомиров Е. А. Церковь и ее служители. М., 1882. Т. 1, март. С. 3—4; Фларет. 1) Русские святые, чтимые всюю церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Т. 1. С. 279—283; 2) Обзор. С. 254; Описание Зеленецкого Троицкого монастыря. СПб., 1883; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. 1, № 194. С. 145—146; Леонид. Святая Русь. СПб., 1891. № 219. С. 52—53; Томаков И. Ф. Краткий историко-статистический очерк Троицкого Зеленецкого мужского монастыря. М., 1904; Троицкий Зеленецкий монастырь и его основатель преподобный Мартирий. СПб., 1912; Zerkovskiy S. A. Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1956. Jhrg. 1. H. 3. S. 286—289; Будовиц. Монастыри на Руси. С. 334—336; Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: Творческая история текста. Л., 1974. С. 133, 161—163; Попырко Н. В. Житие Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 385—387.

Е. В. Крушельницкая

Маруша Нефедьев (сер. XVI в.) — печатник, предположительно работавший в первой московской так называемой анонимной типографии. Назван «мастером печатных книг» в актах от 9 февраля и 22 марта 1556 г. (ЛОИИ СССР, колл. 2, № 23, с. 348—349 об., 456, опубликованы: ДАИ. 1846. Т. 1. С. 148), где говорится, что он послан в Новгород «досмотрети камени, который камень приготовил на помост в церковь к Пречистой к Стретеню Федор Сырков». Мастер должен был определить пригодность камня для резьбы по нему: предполагалось на камне «лице» наложить, «как в Софе Премудрости божьей». М. Н. должен был также привезти в Москву новгородского мастера Васюка Никифорова, который «умеет резати резь всякую». Последний предположительно был гравером первой московской типографии.

Лит.: Немировскпй Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964.

Е. Л. Немировский

Матфей (2-я пол. XIV в.) — епископ Сарайский, автор Поучения. М. был рукоположен в епископа Сарайского митрополитом *Алексеем*, участвовал в его погребении в Москве (1378 г.). Сохранилось «Поучение владыкы Матфея Сарайского г детем моим» (нач.: «Чада моя милая, первое — имейте веру праву к Богу. . .»). Иногда оно встречается без его имени под названием «Поучение святых отец к всем крестьяном», иногда составляет начальную часть сборника *Златая цепь* — тоже без имени автора. В Златой цепи оно разбито на небольшие статьи заголовками, отражающими содержание наставлений: «О посте», «О суседе», «О монастырех», «О епископе», «О попех», «О князех», «О друзех», «О страсе», «О челяди». По стилю наставления эти безыскусны, просты и проникновенны своей сердечностью; внутренней связи между их темами нет. Считают, судя по началу и концу Поучения, что оно не было произнесено в церкви, а было разослано по епархии.

Изд.: Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1886. Т. 5. С. 165—170, 422—426; Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 19—20.

Лит.: Филарет. Обзор. С. 94, 46—47; Срезневский. Памятники. С. 237.

Г. М. Прохоров

Матфей, автор службы Мартианау Белозерскому см. *Житие Мартиниана Белозерского*.

Матфей Михайлов (род. 1375) — новгородский летописец, семейные записи которого сохранились в *Летописи Новгородской IV*. Среди этих записей — сообщения о времени рождения М. М. (1375 г.), о смерти его отца (1382 г.), смерти матери (1405 г.), женитьбе М. М. (1406 г.) и рождении его сына (1411 г.). А. А. Шахматов предполагал, что записи М. М. читались уже в своде 1448 г. — общем источнике *Летописей Софийской I* и НІVЛ и восходили к новгородскому источнику свода 1448 г. — Софийскому временику. Однако ни одной записи, относящейся к М. М., нет ни в СІЛ, ни в *Летописи Новгородской Карамзинской*, архетипной по отношению к НІVЛ. Очевидно, введение этих записей в свод — дело рук непосредственного составителя НІVЛ. Источником для него в данном случае послужила какая-то местная новгородская летопись, из которой в НІVЛ попал ряд известий о новгородских посадниках, происшествиях в городе и т. д. Летопись эту, как и НІVЛ в известной нам редакции, возможно, составлял сам М. М.; судя по данным его семейного летописчика, она относилась к кон. XIV—нач. XV в.

Изд.: ПСРЛ. 2-о изд. Пр.; Л., 1915—1925. Т. 4. С. 300—411.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9. С. 114—115; 2) Обзорение. С. 155—156; Присьелков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 143—144; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 80—82; Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 192—193.

Я. С. Лурье

Медоварцев Михаил (кон. XV в.—нач. 1530-х гг.) — книгописец. М. является одним из выдающихся писцов-профессионалов. Сведения о его биографии и книгописной деятельности дошли до нас по преимуществу в виде отрывочных упоминаний в различных источниках. Одним из таких источников являются его собственные записи в рукописях, над которыми он трудился. Н. В. Синецына обратилась сначала к кодикологическому изучению известных трех рукописей, содержащих автографы М., а затем уже, определив особенности почерка книгописца и его манеру книжного оформления, выявила девятнадцать новых рукописей, связанных с работой этого книгописца. Анализ каждой новой рукописи дает дополнительные сведения и о самом книгописце, и о литературно-культурной среде, с которой он был связан. Обучение книгописному делу М. прошел на своей родине, в Новгороде, во 2-й пол. XV в. (даты неизвестны). С кон. XV в. и вплоть до 1531 г. постоянным местом его книгописной деятельности был монастырь Николая Старого в Москве. Об этом сообщает

сам М. Так, в рук. ГБЛ, Кир.-Белоз. собр., № 30/1269 написано: «И с тоє книги написаны сия тетради в дому святаго Николы Старого на Москве, в келии Михаила Медоварцева». По мнению Н. В. Сивичевой, М., работая в монастыре, оставался светским человеком. Здесь М. уже в кон. XV в. трудится как один из ведущих мастеров, наряду с переписыванием занимается и художественным оформлением рукописей. Примерно с 20-х гг. он обычно выступает как руководитель, под его началом работает несколько писцов. Сам он правит и нумерует рукописи, иногда проставляет кнповарные заглавия. М. на протяжении около 30 лет постоянно трудился в мастерской при монастыре Николы Старого. Видимо, также достаточно постоянным был состав рядовых писцов. Во всяком случае один из них работал вместе с М. в 1505 г., и он же переписывал текст в одной из последних рукописей М. (ГИМ, Синод. собр., № 939).

Следует признать, что мастерская М. являлась одним из самых профессионально-квалифицированных центров книгописания, где в числе других выполнялись заказы знатных особ, начиная с самого великого князя. Возможно, в какой-то степени это объясняется местонахождением мастерской — в монастыре, близко расположенном к Кремлю в Китай-Городе, который до 1535 г. именовался просто посадом, на Никольской улице. Во время пожара 1473 г., когда сгорел митрополичий двор, митрополит *Филипп I* ушел в монастырь Николы Старого; по *Летописи Вологодско-Пермской* известно, что Соломонию, первую жену *Василия III*, постригал игумен этого монастыря Давид.

Уже в начале своей карьеры в Москве М. оказался в среде наиболее искусных мастеров по переписыванию и оформлению рукописей. Он работал совместно с таким известным книгописцем, как *Исаак Собака*; в оформлении рукописей вместе с ним принимал участие известный художник *Феодосий* (сын *Дионисия*). Большинство из дошедших до нас высокохудожественно оформленных рукописей нач. XVI в. были созданы в мастерской при монастыре Николы Старого (в работе над ними, как правило, принимал участие и М.).

Личность М. представляет интерес не только тем, что он был «доброписцем», а более всего тем, что в силу своих профессиональных обязанностей он оказался в центре литературно-публицистической жизни Русского государства 1-й трети XVI в. Он в той или иной степени был связан с самыми известными писателями, публицистами и политическими деятелями своего времени. Немалую роль в деятельности книгописца сыграло его знакомство с *Максимом Греком*. В 1518—1525 гг. под его руководством М. работал вместе с опытными переводчиками *Дмитрием Герасимовым*, *Власом Игнатовым*, *Силуаном*. Роковым в судьбе М. оказалось его знакомство с *Вассианом Патрикеевым*. На суде 1531 г. М. вслед за *Максимом Греком* называли «советником» *Вассиана Патрикеева*. О своих отношениях с *Вассианом Патрикеевым* и совместной работе с *Максимом Греком* М. выразился следующим образом: «А велел, господине, мне Максима во всем слушати, и писати, и заглаживати князь Васьян старец, как Максим велит. И яз, господине, по их велению так и чинил,

а блюлся есмь, господине, преслушати князя Васьяна старца, за-
неже был великой и временной человек у государя великого князя
ближний, и я так и государя великого князя не блюлся, как его
боялся и слушал» (Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки /
Изд. подгот. Н. Н. Покровский; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971.
С. 107). Стремясь оправдаться, М., видимо, здесь несколько преувели-
чил свое зависимое положение. Тем не менее в результате судеб-
ного разбирательства 1531 г. он тоже был признан виновным и был
послан «на Коломну владыце Васьяну в двор держати в крепости
в велицей неисходно» (Судные списки Максима Грека и Исаака Со-
баки. С. 74—75). Дальнейшая судьба книгописца неизвестна. Однако
сохранилась рукопись (ГИМ, Синод. собр., № 939), в которой рукой
М. переписан летописный текст, оканчивающийся известиями осени
1532 г. В написании этой рукописи принимал участие писец, который
работал вместе с М. в 1505 г. Это позволяет предполагать, что очень
скоро книгописца могли вернуть в Москву и позволить работать
в прежних условиях.

Свидетельством о непосредственной близости М. к той среде, где
создавались наиболее актуальные литературные и исторические
произведения, является сборник в составе рукописи БАН, Арханг.
собр., Д. 193 (л. 387—477). В последнее время в научной литературе
высказан ряд мнений, которые в целом подтверждают злободневность
произведений сборника. В нем представлены литературные, исто-
рические, генеалогические материалы, которые должны были слу-
жить для утверждения престижа великокняжеской власти как
в самом государстве, так и в международной практике. Имеются
в виду, главным образом, изложенная в *Сказаниях о князьях владимирских*
легенда о происхождении великих русских князей от им-
ператора Августа и противопоставленное ей родословие литовских
князей. Содержание сборника свидетельствует о том, что данная
тема в то время усиленно разрабатывалась, а у составителя его име-
лись возможности собрать вместе многие накопившиеся материалы.
Р. П. Дмитриева предположила, что этой темой мог интересоваться
Вассиан Патрикеев в период своей близости к великому князю.
Видимо поэтому, в сборнике М. оказались сводные тексты, выверен-
ные по разным вариантам, и дополненные исторические и генеалогиче-
ские статьи на ту же тему (Д м и т р и е в а Р. П. 1) К истории
создания «Сказания о князьях владимирских» // ТОДРЛ. М.;
Л., 1961. Т. 17. С. 342—347; 2) О текстологической зависимости
между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах
Мономаха // Там же. Л., 1976. Т. 30. С. 217—230). А. Л. Гольдберг
сделал наблюдение о том, что в данном сборнике особое внимание
уделено родословию Вассиана Патрикеева (Г о л ь д б е р г А. Л.
К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха //
ТОДРЛ. Т. 30. С. 212—213). Б. М. Клосс пришел к выводу, что
«родословным источником» *Летописи Никоновской*, работа над кото-
рой велась в 1526—1530 гг. по инициативе митрополита Даниила,
послужили статьи того же сборника Архангельского собрания.
Б. М. Клоссу представляется, что краткий русский летописец, вклю-

ченный в сборник М., «несет на себе признаки церковного, по-видимому митрополичьего, происхождения» (К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1960. С. 177—181). Конкретных фактов непосредственной связи М. с митрополичьей кафедрой не обнаружено, но безусловно, особенно в 1531 г., когда была завершена работа над сборником, а составитель его был осужден, сборник М. мог оказаться в руках самого митрополита.

В противоположность Б. М. Клоссу Я. С. Лурье считает, что краткий летописец М. «в основном опирается, очевидно, на московское великокняжеское летописание», в том числе и заключительная часть его. Но кроме того в нем в качестве одного из дополнительных источников использован какой-то летописец XV в. Так, в летописное повествование М. включен рассказ о боярине И. Д. Всеволожском, неизвестный по официальному летописанию. Наличие в летописце этого рассказа может свидетельствовать, по мнению Я. С. Лурье, о связи составителя сборника с московской знатью; кстати, помещенное в сборнике родословие Патрикеевых оканчивается упоминанием о сыне двоюродного брата Вассиана Патрикеева Михаиле Булгаке, который по матери был правнуком И. Д. Всеволожского (Л у р ь е Я. С. Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1977. М., 1977. С. 7—11).

О возможной связи М. с другим знатным лицом и видным политическим деятелем говорится в статье А. А. Амосова. Исследователь высказал предположение, что сборник Арханг. собр., Д. 193 был написан для князя Михаила Львовича Глинского, только этим обстоятельством можно объяснить то, что сборник оказался в составе библиотеки Антониево-Сийского монастыря (А м о с о в А. А. Из истории кодекса сборника Д. 193 Архангельского собрания РО БАН СССР // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР. Л., 1976. С. 34—42). О том, для кого писал этот сборник М., можно высказать и другое суждение. Рукопись не имеет парадного вида, тексты в ней написаны очень убористо, сделаны вставки на полях, что скорее всего должно свидетельствовать о принадлежности рукописи самому составителю.

На полях л. 460 об.—461 об. приписан рукою М. рассказ о проществе Михаила Клопского будущему новгородскому архиепископу Ионе, в этом рассказе имеется упоминание о Паталии Медоварцевой, матери Якова Медоварцева, отца книгописца (подробнее см.: С и н и ц ы н а Н. В. Книжный мастер. . . С. 313—314). В данном случае скорее всего отражен интерес к новгородской литературе самого составителя сборника. Не исключено, что содержание сборника отражает более всего интересы самого М., который многие годы находился в интеллектуальной среде и которому был доступен обширный круг современной ему литературы.

Лит.: Зацепина Е. В. К вопросу о происхождении старейшего фрагмента // Истоки русского книгопечатания. М., 1959. С. 134—135. Синицына Н. В. 1) Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское

Мелетий (кон. XVI в.) — игумен Псково-Печерского монастыря (1586—1592 гг.), автор описания чудес от богородичных монастырских икон Успение и Умиление («О чудесах пречистыя богородицы, от иконы честнаго ея Успенья, иже во Псковской области в Печерском монастыре, от иконы Умиления, зовомы Владимирьския»). Сочинение дошло в составе сборника XVII в. ГПБ, Соф. собр., № 1483, л. 82 об.—105, представляющего собой соединение различных сказаний о истории Печерского монастыря и его святых. Игумен М. составил свое описание чудес в 1587 г. в ответ на запрос боярина и воеводы Никиты Романовича Трубецкого (см. нач.: «В лето 7095 июня в 1 день пишет государя царя и великого князя Феодора Ивановича всея Русии боярин и воевода, князь Никита Романович Трубецкой в Печерский монастырь о чудесах пречистыя Богородицы от иконы честнаго ея Успенья, вопрошая тоя обители игумена Мелетия з братиею, аже в та лета содеяшася. Игумен же Мелетий з братиею вопрошания ради его пишут к нему сказание о чудесах пречистыя богородицы сице. . .»). Последними в описании приводятся чудеса, случившиеся в 1595, 1602, 1603 гг. Они, по всей вероятности, записаны уже другим лицом (следует отметить, что в описание чудес 1603 г. внесено послание псковского архиепископа Геннадия к печерскому игумену Иоакиму).

Лит.: Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 385; 2) Словарь. С. 211.

И. В. Поньрко

Мещерский Григорий Федорович (XVI в.) — князь, воевода, автор отписок посольства в Польшу. Служил при *Иване IV Грозном*, участвовал во взятии Казани в 1552 г.; воевода в лифляндском походе 1557 г. и в походе против крымских татар в 1559 г.; в 1550—1560-е гг. М. — голова в Нижнем Новгороде, Коломне, Муроме, Карачеве, воевода в Свяжске, Калуге, Туле, Путивле, Новгороде Северском, Чебоксарах; наместник в Путивле в 1564—1566 и 1575—1576 гг. В 1571 г. М. был вторым послом в Польшу (первый посол И. М. Канбаров умер в дороге) при подтверждении заключенного перемирия. Сохранились отписки этого посольства, подготовленные М. совместно с третьим послом князем Г. В. Путятиным и дьяком Петром Протасьевым, в частности «подлинной список литовских вестей». Согласно полученным от царя наказам, М. сообщал в Москву о наиболее важных международных событиях, в частности о захвате в 1570 г. турками у венециан острова Кипр, об отношениях польского короля с крымским ханом и с кизылбашским шахом, о дислокации «рати турецкой» близ Астрахани и на Днепре. В отписке М. сообщалось, что весной 1571 г. турки были изгнаны с острова Кипра, владения которого будто бы были возвращены «назад к Венеции». Этот ложный слух нашел отражение в литературных памят-

никах так называемого «кипрского цикла» — «О победе Кипрской» и «О Кипрском острове».

Изд.: Посольство от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду— Августу с князем Иваном Магметовичем Каибаровым и князем Григорием Федоровичем Мещерским с товарищи, для подтверждения заключенного перемирия // Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. 1560—1571 гг. СПб., 1892. № 25. С. 763—807 (Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 71).

Лит.: Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2, № 83; Азбучный указатель имен русских деятелей. Ч. 2. М.—О. СПб., 1888. С. 26 (Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 62); Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 123, 125, 128, 138, 166—167, 175—178, 183, 189, 190, 192, 193—195, 204—207, 211—215, 221, 223, 224—225, 241—242; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 14, 35, 53, 54, 67, 74.

О. А. Белоброва

Миней Четы Чудовские (Годуновские) составлены в правление **Бориса Годунова** в книгописной мастерской московского Чудова монастыря в 1600 г. Созданные после утверждения на Руси в 1589 г. патриаршества, М.Ч.Ч. следует, по-видимому, рассматривать как результат достигнутого Борисом Годуновым союза с церковью. (В этом отношении показательна также Годуновская Минейная общая, напечатанная в Москве 4 июня 1599—29 июня 1600 г.). Предисловие к М.Ч.Ч. предписывало читать их в московских кремлевских соборах и монастырях: «. . в монастыре пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовещения и великаго архистратига Михаила честнаго его чудеси, еже есть в Хонех, и великаго в чудесех иже во святых отца нашего Алексея, митрополита Киевского и всея России чудотворца, внутрь царствующаго града Москвы, в велицей Лавре, еже есть завомая Чудов». М.Ч.Ч. первоначально состояли из 12 книг («написаны сия дванадцать Миней-Четых»); потом, когда ноябрьскую книгу расплели на две, их стало 13. Подобно *Великим Минеям Четим Макария*, это были книги большого формата, в лист, но значительно меньшего объема. Так же, как и Макарьевские ВМЧ, открывавшаяся стереотипным Предисловием, в котором сообщалось о времени создания М.Ч.Ч., их составе и о том, где следует их читать.

Состав М.Ч.Ч. подробно раскрывается в Предисловии: «А сих книг Миней тринадцать (записе ноябрь месяц росилетен на двое), а в них писаны: праздничные слова, и пророческия проповеди, и апостольские мучения и похвалы, и всех святых жития, и мучения святых мучеников и святых мучениц, и жития и подвиги преподобных и богоносных отец, и святых преподобных жен страдания и подвизи, и с повыми чудотворцы. В них же и патерик Киевские пещеры, да иных книг: книга Григорей Богослов весь толковой в десть, да книга Златоструй в десть, да книга Лествица толковая в десть, да книга патерик Сипайский в десть, и в нем книга Василия Великаго о черноризическом житии, да в нем же Хожешие Данила

мниха о святом граде Иерусалиме, да в нем же книга Григория Амиритскаго Прение с Германом Жидовиным, да в нем же книга Яков Жидовин, да в нем же книга Григорий, папа римский, Беседовник, переплетены вместе» (ПДП. СПб., 1879. Вып. 3. С. 45—46).

Сравнительный анализ состава М.Ч.Ч. и Макарьевских Миней привел исследователей к заключению, что они «по содержанию их составляют среднюю редакцию между Метафрастовскими и Макарьевскими. От Метафрастовских отличаются они вводными статьями, Словами русскими, то есть Житиями русских святых и сощипениями отцов и пастырей церкви. От Макарьевских же Четых-Миней различаются заимствованием из Торжественников разных Слов. От этого встречаются пробелы в некоторых числах. . . С другой же стороны, Чудовские Миней заключают новые статьи». (Там же. С. 41—42). Этот вывод носит предвзятый характер, так как специальное текстологическое изучение М.Ч.Ч. еще не предпринималось, однако очевидно, что они представляют собой не просто механическое сокращение Макарьевских ВМЧ, но их основательную и вполне оригинальную переработку.

В Предисловии к М.Ч.Ч. сообщалось, что их создание было субсидировано «монастырскою казною». Как установила Л. М. Костюхина, занимавшаяся изучением почерков рукописей М.Ч.Ч., над их созданием работала специальная книжная мастерская московского Чудова монастыря в составе 22 писцов, среди которых некоторые были только переписчиками, а другие участвовали также в редактировании, сверке и исправлении текстов. Судя по сходу почерков, над созданием М.Ч.Ч. работало несколько писцов, ранее переписывавших тексты Макарьевских Миней (К о с т ю х и н а Л. М. Книжное письмо. . . С. 27, 28, 30). Вопрос об использовании текста М.Ч.Ч. при создании Миней Четий Германом Тулуповым, Иоанном Милютиным и Дмитрием Ростовским специально не исследовался.

Текст М.Ч.Ч. не издан и сохранился в рукописях не полностью. Две книги (за декабрь и 1-ю пол. ноября) были утрачены, очевидно, либо в кон. XVIII в., либо в Отечественную войну 1812 г.; в 1-й пол. XVII в., согласно «Описи книг степенных монастырей», в Чудовском книгохранилище еще были сохранены все 13 книг Миней 1600 г. Сохранившиеся книги М.Ч.Ч. соответствуют следующим шифрам Чудовского собрания ГИМ: за сентябрь — № 307, октябрь — № 308, ноябрь (с 17 числа) — № 309, январь — № 310, февраль — № 311, март — № 312, апрель — № 313, май — № 314, июнь — № 315, июль — № 316, август — № 317. Обзор русских статей М.Ч.Ч. дан в кн. Т. Н. Протасьевой, поштатейное описание январской Миней — в протоколах ПДП.

Лит.: 1) О Четых Миней // ПДП. 2) Протокол годового собрания ОЛДП, 26 апреля 1879 г. СПб., 1879. Вып. 3. С. 39—95; К о с т ю х и н а Л. М. 1) Книжное письмо в России XVII в. М., 1974. С. 7—11, 26—35, 126; 2) О некоторых принципах отождествления и типизации почерков в русских рукописях рубежа XVI—XVII веков // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 18—27; Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева,

Новосибирск, 1980. С. 177—186; Алексеев В. Н. Троицкий книгописец Герман Тулузов // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 127, 130—132.

Н. Ф. Дробленкова

Мисаил (в миру Михаил Андреевич Безнин, или Безднин) (2-я пол. XVI в.) — составитель монастырских документов, книгохранитель библиотеки Волоколамского монастыря. В 1550—1586 гг. он был думным дворянином и занимал видные политические посты (был воеводой, участвовал в посольствах). В 1586 г., видимо в результате ослы, постригся в монахи в Волоколамском монастыре. Став монахом, принял активное участие в административно-хозяйственной жизни монастыря. В 1591 г. занимал пост книгохранителя монастырской библиотеки (рукопись ИРЛИ, Древлехрапилище, отд. пост., оп. 26. № 20, л. 115). В рукописи ГБЛ, Волок. собр., № 593 сохранилась запись, где говорится о нем как о паставнике, следящем за назидательным чтением; в ней сообщается, что названную рукопись читал «по благословению игумена Иоасафа и старца Мисаила Безнина первый грешник перед богом Васюк Курицын», присланный в монастырь «на смирение» (ЧОИДР. 1881. Кн. 3, отд. 1. С. 246—247).

М. с 1590 г. играл активную роль в монастырской политике в проведении реформ по закреплению крестьян, составил ряд документов. В «Казначейской записи» 1591 г. находилась «Память» старца М. по раздаче денег в долг на «животный приплод» и образец кабалы на эти деньги (рукопись утрачена). Сохранился в дефектном виде приговор М. о принудительном кредитовании крестьян в 1591 г. (ЛЮИИ, колл. 15, № 1031а). В 1595—1596 гг. в результате ссоры с иосифлянами М. перешел в Троице-Сергиев монастырь. В 1598 г. он вместе с другими соборными старцами этого монастыря подписал грамоту об избрании на русский престол царя Бориса Годунова (ААЭ. 1836. Т. 2. № 7).

М. составил краткий летописец, начинающийся с 955 г. (крещение княгини Ольги) и доведенный до 1586 г. (списки: ГБЛ, ф. 92, собр. Долгова, № 3; ГИМ, собр. Барсова, № 1811; ГПБ, собр. Погодина, № 1573; ГИМ, Музейск. собр., № 2524). Являясь сторонником И. П. Шуйского, М. скорее всего составлял летописец с целью самооправдания и работал над ним, видимо, сразу же после пострижения. Летописец интересен описанием политических событий 80-х гг. XVI в., в нем содержатся важные факты по русской истории накануне Смуты. М. принадлежат также отписки из Пайды в Ревель (1574 г.), представляющие собой интерес своеобразием литературного стиля (изданы в РИБ).

Изд.: РИБ. СПб., 1894. Т. 15, № 99, 134—135. Стб. 201—204, 305—312; Корещкий В. И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 191—208.

Лит.: Тихомиров М. П. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 10; Змнин А. А. Феодалная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977. С. 34, 157—160, 310.

Р. П. Дмитриева

Мисаил (2-я пол. XVI в.) — старец соловецкий, автор канона Василию Блаженному (см. *Житие Василия Блаженного*). Канон, подписанный именем автора («Творение старца Мисаила Соловецкого»), находится в рукописи письма игумена Иосифо-Волоколамского монастыря *Евфимия Туркова* (1575—1587 гг.) — ГБЛ, Волок. собр., № 412, л. 4—14 («Месяца августа в 2 день преставление преподобнаго отца нашего Василия Пагова», нач.: «Яко же бо солнце и луна наготою своею не срамляются, тако и ты, угодниче. . .»).

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 319; Ст р о е в П. М. 1) Службы иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 182; 2) Словарь. С. 211; С п а с е к и й Ф. Г. Русское литургическое творчество. Париж, 1951. С. 231.

И. В. Поньрко

Митяй (в иноках Михаил) (ум. 1379) — нареченный митрополит Великой Руси, составитель подборки выписок из «Пчелы правоверия». Коломенский поп, ставший духовным отцом московского великого князя Дмитрия Ивановича и виднейших бояр, а также «печатником», хранителем княжеской печати. Основной источник сведений о нем — *Повесть о М.* По-видимому, князь заметил и приблизил к себе М., когда в 1366 г. в Коломне праздновал свою свадьбу. Начиная, по крайней мере, с весны 1376 г. великий князь стремится сделать М. наследником престарелого митрополита *Алексея*. Когда в декабре 1375 г. константинопольский патриарх *Филофей* рукоположил *Киприана* в митрополита Киевского, русского и литовского с правом после смерти митрополита Алексея обеднить под своей властью церковь всея Руси, великий князь Дмитрий, не желая принимать митрополита «литвица» (как он называл Киприана), начал продвигать к митрополичьему престолу М.: М. как бы насильно был пострижен в монахи (без этого он не мог стать митрополитом). После смерти митрополита Алексея (12 февраля 1379 г.) М. по приказу князя переселился на митрополичий двор, стал носить митрополичье облачение и присвоил прочие знаки митрополичьего достоинства, чем вызвал общественное недовольство и дал повод для обвинений своему конкуренту, Киприану. Против М. выступили и такие видные русские игумены, как *Сергий Радонежский* и его племянник *Феодор Симоновский*. М. почувствовал необходимость — чтобы поправить свое положение в глазах общества — стать епископом прежде путешествия в Константинополь к патриарху (для поставления в митрополиты). Опираясь на известный из летописи пример возведения на Руси в епископы *Климента Смолятича* при *Изяславе*, он побудил князя созвать собор русских епископов. Поставление М. в епископы было, однако же, сорвано решительным протестом *Дионисия*, епископа Суздальского, Нижегородского и Городецкого. Оказавшись не в состоянии получить епископский сан на Руси и тем нейтрализовать одно из главных обвинений своих противников (в том, что простой монах занимает митрополичье место), М., подобно Киприану, взялся за перо. В нач. 60-х гг. XIX в. академик *И. Срезневский* видел в библиотеке Синода рукописный

сборник под названием «Цветец духовный» в списке XVII—XVIII вв., где читал выписки из сочинений отцов церкви, «еже написа право воистинну митрополит Михчил от Пчелы правоверья, укорязны наводяче на Дионисия, еже о иноцех властолюбцех», как гласила предшествующая выпискам надпись. К сожалению, этот сборник обнаружить теперь не удастся. Но поскольку в сборниках изречений под названием «Пчела» специально об иноках и о властолюбии ничего нет, ясно, что «о иноцех властолюбцех» — не название того источника, откуда М. черпал свои «укоризны», а тема, которой он их объединял, т. е. суть его обвинерия в адрес Дионисия Суздальского и других своих противников-монахов. Дионисий вскоре после этого решил отправиться в Константинополь, М. же, боясь влияния Дионисия в патриархии, попросил великого князя задержать его. Князь исполнил просьбу, повелел силой задержать Дионисия (тот обещал без княжеского позволения не ходить в Царьград и в качестве поручителя назвал Сергия Радонежского; князь освободил Дионисия, а он, добравшись до своей епархии, тут же бежал вниз по Волге. На этом роль Дионисия в истории М. кончается). Вскоре, летом 1379 г., отправился в Константинополь в сопровождении большого посольства М. (26 июля переправился через Оку). Когда посольство проходило золотоордынские степи, М. был задержан Мамаем и получил от него ярлык, из которого следует, что М. обещал, когда станет митрополитом, молиться за золотоордынских правителей (эти моления, очевидно, были прекращены с началом «розмирия» между Русью и Ордой в 1374 г.), а те, со своей стороны, подтверждали свободу русской церкви от податей. Эти переговоры Мамая с М. и этот ярлык можно рассматривать как попытку Мамая восстановить подчинение Руси Орде дипломатическим путем. В Крыму М. сел на корабль, переправился через море и вблизи Константинополя внезапно умер. Песколько дней судно с мертвым М. на борту стояло в море (возможно, из-за проходивших в то время столкновений генуэзского и венецианского флотов и морской блокады Константинополя генуэзцами). На барке М. перевезли с корабля в генуэзскую Галату и похоронили там. Митяя можно считать первым в истории кандидатом в митрополиты В е л и к о й (а не «всея») Руси, поскольку один из спутников М., Пимен, поставления которого русские послы сумели добиться, использовав имевшиеся у Митяя чистые княжеские «харатии» (бланки княжеских грамот, снабженные печатью), был рукоположен в митрополиты именно Великой Руси.

Лит.: РНБ. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (Памятники XI—XV вв.). СПб., 1880. Прил. № 30, 33; С р е а н е в с к и й. Памятники. Стб. 238; Г о л у б и н с к и й. История церкви. 1900. Т. 2, 1-я пол. С. 226—251; Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, 1-я пол., ч. 1. С. 198—199; С о к о л о в П. Русский архиперей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913; Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 124—137; П р о х о р о в Г. М. Повесть о Митяе: (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1978.

Г. М. Прохоров

Михаил (сер. XVI в.) — инок Владимирского Рождественского монастыря, автор служб русским святым. О деятельности М. как писателя свидетельствуют только материалы, связанные с канонизацией русских святых в 1547 и 1549 гг. Он безусловно входил в число писателей круга митрополита *Макария*, усиленно трудившихся в сер. XVI в. по созданию и усовершенствованию отечественной церковно-служебной и агиографической литературы. М. были написаны службы Александру Невскому, муромскому князю *Константину* с сыновьями, он же написал дополнительные каноны к службе Петру и Февронии муромским. Принадлежность этих произведений М. зафиксирована во многих рукописных списках. В связи с этим определенный интерес представляет рукопись ГБЛ, собр. Румянцева, № 397, написанная в 50-х гг. XVI в., в которую среди прочих произведений включены службы многим святым, канонизированным собором 1547 г. Имена авторов этих служб записаны в заглавии в единообразной форме (например: «творение Василия прозвитера», «творение Никодимово»), характерной для времени митрополита Макария. Служба Петру и Февронье здесь сопровождается записью — «творение господина Михаила мниха». В заглавии службы Александру Невскому кроме того отмечено, что М. принадлежал к числу иноков Рождественского монастыря.

В том же Владимирском Рождественском монастыре, где был похоронен Александр Невский, в годы после собора 1547 г., но до 1552 г., была составлена новая редакция жития святого (по классификации В. Мансикки — третья), получившая название «Похвальное слово» (см. *Повесть о житии Александра Невского*). В предисловии к Житию сообщается о том, что оно написано было по поручению митрополита Макария. Именно эта редакция была включена в 1552 г. в ВМЧ. В отличие от более ранних редакций она написана витиевато, добавлены предисловие и послесловие. Кроме того, редактор включил в свое произведение описание 13 чудес, записанных со слов очевидцев, монахов Рождественского монастыря. Перечисленные данные по истории создания «Похвального слова» позволили некоторым исследователям предположить, что автором этой редакции был М. (Ключевский, Макарий). В. Мансикка отклонил это предположение. Тем не менее им же сделано наблюдение о связи между службой, написанной М., и данной редакцией Жития: и в службе, и в заключительной части Жития встречаются одни и те же выражения, что может служить еще одним аргументом для атрибуции последнего М.; сам В. Мансикка объяснял отмеченную связь заимствованием из одного произведения в другое. Если остается спорным авторство М., то факт создания «Похвального слова» в Рождественском монастыре подтверждается свидетельством агиографа того же времени *Григория*, который в похвальном слове русским святым отметил, что владимирские монахи описали «достойно добродетели» Александра Невского.

Существует предположение, что М. был автором не только службы, но также и *Жития Константина Муромского*. Дело в том,

что имеются совпадения в похвале святому из Жития Константина Муромского и в службе, посвященной ему (М и с а и л, архимандрит. Св. благоверный князь Константин Муромский и Благовещенский монастырь, где почитают мощи князя и чад его Михаила и Феодора // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1906. Кн. 8. С. 22—24). Научное издание служб М. отсутствует.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития. С. 238—239; Строев. Словарь. С. 211—213; Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1891. Т. 7. С. 421; Мансицка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913. С. 122—126, 15—31 (ПДП. Т. 180); Буланин Д. М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 72—73.

Р. П. Дмитриева

Мунехин Михаил Григорьевич (по прозвищу Мисюрь) (ум. 11, III 1528) — видный административный деятель времени *Василия III*, автор посланий и итинерария. А. А. Шахматов полагал, что М. в 1492—1493 гг. совершил путешествие на Восток, посетив Каир, Иерусалим, Царьград и другие города, и составил краткое описание своей поездки. Статьи о Ближнем Востоке встречаются в составе сборников, а также включены в конец отдельных списков *Хронографа Русского* редакции 1512 г. В некоторых сохранившихся списках автором статей о Египте назван «казначей Михаил Григорьев», в других — «Михаил Гирсев». Наличие некоторой близости в содержании статей о Востоке, включенных в *Хронограф*, и послания старца псковского Елеазарова монастыря *Филофея* «против звездочетцев и латинян», адресованного М., дало основание А. А. Шахматову считать, что статьи о Востоке были записаны Филофеем со слов М. Выводы А. А. Шахматова о причастности М. к созданию упомянутых статей о Востоке оспорил А. А. Зимин, который посчитал необоснованным отождествление М. с Михаилом Гиревым и Михаилом Григорьевым.

Первое вполне достоверное известие о М. относится к 1502 г., когда он присутствовал в качестве пристава на приеме посла султана Кафы Алакоза. В 1510 г., сразу после присоединения Пскова к Русскому государству, М. был оставлен в Пскове в должности дьяка при двух великокняжеских наместниках. Он оставался в этой должности постоянно, в то время как за этот же срок сменился целый ряд наместников. Он, по всей видимости, был в Пскове одним из самых доверенных лиц великокняжеской власти, при частой смене наместников управление в сущности было сосредоточено в руках дьяка. Он вполне удачно справлялся с административными, военными и внешнеполитическими делами. О вопросах дипломатических сношений с Западом Василий III вел переписку одновременно с М. Мунехинным и псковскими наместниками (Памятники дипломатических сношений. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 196, 211; Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 53. С. 71, 120—121, 148, 157—158). Он был посредником в военных и дипломатических действиях великокняжеской власти с пограничным Западом; в 1521 и

1523 г. вел самостоятельные переговоры с ливонскими представителями. Одновременно он сумел поддерживать отношения с местным населением; его помощником и посредником в этих сношениях был местный подьячий Артемий (Ортюша) Псковитин. Активная деятельность М. в Пскове отмечена в псковском летописании без оттенка неприязни к нему.

Правительство Василия III большое внимание уделяло строительству и укреплению оборонительных сооружений в Пскове. Активное участие в этом принимал М. Известно, что в 1525 г. по приказанию великого князя он занимался строительством каменной стрельбицы на Гремячей горе. Гремячая башня оказалась одним из наиболее значительных военных сооружений XVI в. Не случайно М. проявлял также большое внимание к Псково-Печерскому монастырю, находившемуся на самой границе с Ливонией. Благодаря своему влиянию и средствам он наделяет монастырь землями и способствует его укреплению. В 1519 г., когда «повелением великого князя» в самом Пскове было выстроено четыре церкви, М. не только строит новую церковь, но и перестраивает весь монастырь, взяв его под свое покровительство. На следующий год из монастыря в Москву к великому князю стали возить просфору и святую воду.

М. умер скоропостижно и был похоронен в Псково-Печерском монастыре, о чем сообщается в *Летописи Псковской* (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 105). Все средства, которые М. раздавал в Москве боярам и дьякам, великий князь забрал в свою казну, а помощника М. подьячего Ортюшу Псковитина подвергли пытке в Москве.

М. был не только удачливым и опытным администратором и политиком, но и образованным человеком, поддерживавшим связи с книжными людьми своего времени. Он состоял в переписке с *Дмитрием Герасимовым*, который в послании М. называет себя его «вскормленником». Его адресатами были *Николай Булев* и инок псковского Елеазарова монастыря Филофей. Послания самого М. не сохранились. О содержании их можно судить только по ответам его адресатов. Наиболее прочными были связи М. со старцем Филофеем. Сохранившиеся ответы Филофея на запросы М. Мунехина написаны в течение 20-х гг. XVI в. Первое дошедшее до нас послание Филофея по случаю мора, постигшего Псковскую землю, было написано в 1521 г. (М а л и н и н В. Старец. . . Прил. IV). Вскоре, видимо, в связи с усилением эпидемии в кон. 1521 г. или в самом нач. 1522 г. Филофей отправил М. второе послание, известное под названием «На противостоящих божией воле». Филофей в своих посланиях возражал против мероприятий, проводимых М. по борьбе с эпидемией, считая их оскорбительными для христианина. Переписка между М. и Филофеем о миротворении, об астрологических и астрономических вопросах («Послание против звездочетцев и латинян» // М а л и н и н В. Старец. . . Прил. VII) обычно датируется 1523—1524 гг. Послание Ф. было написано в ответ на запрос М. («Прислал ты, государь мой, ко мне свою грамоту, а в ней писано, чтобы мне внутрь в ней твой список истолковати»). Обращение М. к Филофею

с просьбой дать разъяснение по вопросам астрономии и астрологии связано с перепиской дьяка на эту же тему с Николаем Булевым (послание Булева М. не сохранилось). В своем ответном послании Филофей затрагивает вопросы миротворения, рассуждает о звездах, отвергая теорию Булева о влиянии звезд на ход земных событий, и высказывает мысль о необходимости отличать астрономические знания от астрологических предсказаний. Именно в этом послании Филофей излагает церковно-политическую концепцию «Москва — третий Рим», противопоставляя ее взглядам Булева о первенствующей роли католического Рима. Известно еще одно ответное послание М. — «Послание о покорении разума откровению». А. Л. Гольдберг считает этот текст особой редакцией «Послания против звездочетцев» (Гольдберг А. Л. Три «Послания Филофея»: (Опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 93).

Утрата личиней самого М. лишает исследователя возможности судить о литературном даровании этого способного политика и администратора, но, судя по ответным посланиям, его интересовали актуальные стороны современной ему интеллектуальной жизни русского общества.

Лит.: Шахматов А. А. Путешествие М. Г. М. Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. // ИОРЯС. 1899. Т. 4, кн. 1; Иконников. Опыт по историографии. Т. 2. С. 820—825; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря и его послания. Киев, 1901. С. 159—167, 239—247, 255—362; Соловский И. Переводная литература. С. 391—392; Масленикова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 135, 141—146; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике кон. XV—нач. XVI в. М.; Л., 1960. С. 484—490; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 359—362.

Р. П. Дмитриева

Н

Нафанаил (XVI в.) — инок Корнильева монастыря, автор Жития Корнилия Комельского. Имя автора и время создания памятника известны по приписке к Житию, сохранившейся в рукописи ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 562 (1630 г., Четья-Минея Германа Тулузова): «В лето 7097 мая в 22 при державе государя, благоверного царя и великого князя Феодора Ивановича, всея России самодержца, в лето шестое царства его, и при святейшем патриархе Иеве по благословению отца нашего игумена Лаврентия написано бысть житие преподобного во обители пречистыя Богородица Корнильева монастыря рукою многогрешного и последнего во иноцех Нафанаила Корнильевского». Н. был современником *Корнилия Комельского*, принял от него хиротонию («...мы бо аще и недостойни есмы

ученицы его парижатися, по убо рукоположению от святаго сподобихомся»), свою задачу агиографа он сформулировал как желание «писанию предати яже видехом и слышахом от уст святаго старца». Написанное в 1589 г. Житие в 1600 г. было представлено на церковный собор тогдашним игуменом Корнилиева монастыря Иосифом. После рассмотрения Жития и службы патриархом *Иовом* и царем *Борисом Годуновым* было постановлено: праздновать память Корнилию по всему Русскому государству. До указа 1600 г. память отмечалась в Корнилиевом монастыре, в вологодском соборном храме и по церквам Вологодского уезда (см.: Послание патриарха Иова к игумену Корнилиева монастыря Иосифу от 21 февраля 1600 г. // ААЭ. Т. 2. С. 379—380).

О Корнилии Комельском Житие сообщает, что он был уроженцем Ростова, сыном Феодора и Варвары. Брат Феодора, Лукиан, нес службу дьяка при великой княгине Марии (во ипокинях Марфе), по его инициативе семья Феодора переселилась в Москву, и там Корнилий был определен на службу ко двору княгини. Когда Лукиан постригся в монахи, уйдя в Кириллов монастырь, вслед за ним ушел в монастырь племянник Корнилий. Спустя семь лет Корнилий привел сюда и своего брата Акифия, постригшегося с именем Анфим. В Кириллове монастыре Корнилий занимался книгописанием, автор замечает по этому поводу: «свидетели же сим книги его в Кириллове и доныны». После пребывания в Кирилло-Белозерском монастыре Корнилий «вдал себя странничеству», обходя монастыри и пустыни. Оказавшись в Новгороде, он общался там с архиепископом *Геннадием*. Житие сообщает, что Геннадий ценил Корнилия за то, что тот был «премудростию, разумом и словом украшен», и хотел оставить его при себе. Но из Новгорода Корнилий ушел в пустынь, сначала — близ Новгорода, а потом — близ Твери. В 1497 г. он пришел в глухой Комельский лес и жил здесь сначала уединенно (в это время на него нападали разбойники и «ничтоже обретоша, разве книг»), а затем собрал вокруг себя братию и создал монастырь. Житие довольно подробно рассказывает о приемах руководства Корнилием монастырем (среди которых было и вечернее «обхождение», подобно *Феодосию Печерскому*, молчком келпч братии, и произнесение поучений к ипокам «на соборе», и учреждение устава для монастыря). В последние годы жизни Корнилий несколько раз пытался покинуть игуменство. Первый раз это случилось незадолго до путешествия великого князя *Василия III Ивановича* в Кирилло-Белозерский монастырь для богомолья о даровании наследника. Корнилий в это время, как повествует Житие, «не хотя славим быти от человек», удалился из монастыря «на место пусто». Когда, направляясь в Кирилло-Белозерск, великий князь пришел в Корнилиев монастырь, то, не застав там Корнилия, повелел через посланника, чтобы Корнилий ждал его на обратном пути у себя в монастыре. При встрече великий князь просил Корнилия вернуться в монастырь, а Корнилий просил позволения остаться в «пустыни» безмолвствовать. И Василий III, попросив Корнилия молиться о даровании ему потомства, «сотвори по воли его». Вскоре на новом месте своего «безмолвия»

Корнилий захотел создать церковь и отправился в Москву за получением разрешения на это дело от великого князя. Но князь, помня прошение брата Корнилиева монастыря о возвращении их игумена, не дал ему такого разрешения и повелел вернуться в свой монастырь. После этого Корнилий некоторое время укрывался в Троице-Сергиевой лавре и там безмолвствовал. Но когда обнаруживший его там великий князь снова стал понуждать его возвратиться в свой монастырь, тот повиновался ему. В другой раз Корнилий, покинув игуменство, ушел в Кириллов монастырь и, чувствуя себя «старостью и недугом обличаема и к концу приближающаяся», затворился там в келии. Братии снова удалось вернуть его, но Корнилий согласился на это при условии, что игуменом в монастыре будет другой, вручил старейшинство своему ученику Лаврентию, а сам вновь «затворился в келии и пребываше в безмолвии» до смерти.

Житие Корнилия не издано, списки его указаны Н. П. Барсуковым.

Лит.: Описание Комельского монастыря. Вологда, 1855; Ключевский И. Древнерусские жития. С. 303—304; Барсуков. Источники агрографии. Стб. 314—316; Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4, отд. IV. С. 85—94; Кадыловский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. Вып. 1—5. С. 297—306; Голубинский. История канонизации. С. 120.

Н. В. Понырко

Нестор Искандер (XV в.) — предполагаемый автор *Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.* (в этой статье дан и перечень изданий). В послесловии к тексту Повести в одном из ее списков (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 773, XVI в.) содержится имя ее автора — Н. И. Он сообщает о себе, что «измлады» был пленен и «обрезан», «много время пострадах в ратных хождениях», был очевидцем и участником осады и взятия Константинополя, при этом ежедневно записывал «творимая деяния вне града от турков», а после взятия города собрал сведения «от достоверных и великих мужей» и все это, «вкратце» изложив, передал христианам «на воспоминание преужасному сему и предивному изволению божию».

Исследователи по-разному отнеслись к достоверности этого авторского признания. Одни не сомневаются, что автором Повести был Н. И. (И. И. Срезневский, архимандрит Леонид), другие полагают, что в нынешнем ее виде Повесть представляет собой обработку записей Н. И. иным книжником (Г. П. Бельченко, Н. А. Смирнов, М. О. Скрипиль). Наконец, А. И. Соболевский и М. Н. Сперанский вообще сомневаются в достоверности сведений послесловия. С одной стороны, Повесть обнаруживает бесспорное стилистическое единство, препятствующее обоснованному расчленению ее на текст Н. И. и его редактора. С другой стороны, этот единый текст отличает большое литературное мастерство, хорошее знание источников; он написан традиционным для древнерусских книжников слогом. Трудно предположить, что всеми этими качествами мог обладать турецкий пленник, с молодых лет отторгнутый от славянской книжной куль-

туры. Малоубедительна версия о греческом происхождении Повести. Скорее всего автором является опытный и талантливый древнерусский книжник, оказавшийся в Константинополе во время осады или же хорошо информированный о всех ее перипетиях. В его распоряжении мог оказаться и какой-то документ, составленный Н. И., но он был в таком случае использован не текстуально, а лишь как источник сведений. Однако вычленив «текст» Н. И. в этом случае окажется почти невозможным. Не исключено и то, что послесловие — это литературная мистификация (подобная послесловию Казанской истории), призванная придать повествованию большую убедительность.

Лит.: Срезневский И. И. Повесть о Царьграде. СПб., 1855 (отд. отт. Учен. зап. II отд. имп. Академии наук. СПб., 1854. Кн. 1); Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора Искандера XV века / Сообщ. архимандрит Леонид. СПб., 1886 (ПДШИ. № 62); Дестунис Г. Новоизданный список повести о Царьграде // ЖМНП. 1887, февр. С. 373—374; Соболевский. Переводная литература. С. 13; Бельченко Г. П. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 507—513; Смирнов Н. А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // ВВ. М., 1953. Т. 7. С. 55—56; Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 166—170, 180—183; Серафимский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков // Там же. С. 138—151.

О. В. Творогов

Никифор Тараснев (2-я пол. XVI в.) — мастер книгопечатного дела, вероятно, один из авторов послесловия к Псалтири, выпущенной в Москве в 1568 г. В отличие от второго «друкаря» Псалтири — Невежи Тимофеева, чья издательская деятельность прослеживается вплоть до нач. XVII в. (если только согласиться с общепринятым отождествлением Невежи Тимофеева и *Андроника Тимофеева Невежи*; впрочем, в этом отождествлении усомнился последний исследователь Псалтири 1568 г. Ю. А. Лабынцев, а М. Н. Тихомиров считал Андроника сыном Невежи Тимофеева) и продукция которого представлена одиннадцатью книгами московской печати и двумя, выпущенными в Александровской слободе, единственная известная нам работа Н. Т. — это Псалтирь 1568 г. Никаких сведений о личности издателя не сохранилось. Поскольку в послесловии Н. Т. назван первым, думают, что он и возглавлял в 1568 г. типографию. Написанное в XVII в. «Сказание известно о воображении книг печатного дела» сообщает, что после *Ивана Федорова* и *Петра Мстиславца* «ученик их Андроник Тимофеев сын, прозвище Невежа, с товарищи начася мастер быти» (Протасьева Т. Н., Щепкина М. В. Сказание о начале московского книгопечатания // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 201). По-видимому, в числе этих «товарыщей» и был Н. Т. Преемственность Псалтири 1568 г. по отношению к изданиям Ивана Федорова подтверждается тем, что шрифт ее тождествен шрифту федоровских изданий, а заставки подражают работам первопечатника, хотя и оттиснуты с новых

досок. Правда, имя Ивана Федорова, жившего к тому времени в Заблудове, в послесловии книги 1568 г. не упомянуто.

Можно предположить, что Н. Т. и Невежа Тимофеев являются авторами послесловия к своему изданию — нового в древнерусской литературе жанра, канонизированного послесловиями Ивана Федорова. Некоторые устойчивые мотивы послесловия 1568 г., получившие развитие в последующей традиции, и прежде всего — создающие идеальный образ самодержца, отмечены в работе: Е л с о н с к а я А. С. Русские старопечатные предисловия и послесловия второй половины XVI—первой половины XVII в.: (патриотические и панегирические темы) // Русская старопечатная литература (XVI—первая четверть XVIII в.): Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 73, 85, 92. Послесловия к старопечатным книгам были важными государственными документами. В завершающем Псалтырь 1568 г. тексте это выразилось в том, что издатели вынуждены были совершить прямой подлог, заменив имя одного митрополита именем другого. Суть дела в следующем. Именно в 1568 г. произошел окончательный разрыв между *Иваном Грозным* и митрополитом *Филиппом*. Поэтому на какой-то стадии подготовки книги (она начала печататься 8 марта) Н. Т. и Невежа Тимофеев, по-видимому, получили указание убрать из послесловия имя опального митрополита, и они, вопреки действительности, написали, что издание было предпринято «повелением благочестиваго царя и благословеннем святейшаго митрополита Афанасия всея Руси». В действительности же *Афанасий* покинул митрополию «за немощь велию» за два с лишним года до выхода книги (19 мая 1566 г.).

После Псалтыри Н. Т. и Невежи Тимофеева в московском книгопечатании наступил длительный застой (до 1589 г.), прерванный на время лишь двумя книгами, выпущенными в кон. 1570-х гг. в Александровой слободе Андроником Тимофеевым Невежей.

Изд.: Псалтырь. М., 1568. Л. 290—292 (4-го сч.); Сигрв Н. [Снегирев И.]. О первой Псалтыри, напечатанной Невежею Тимофеевым и Никифором Тарасиевым при царе Иоанне Васильевиче // Вестник Европы. 1830, июль. № 13. С. 57—62; К а р а т а е в Н. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Т. 1. С 1491 по 1652 гг. СПб., 1883. С. 162—163; Сводный каталог и описание старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Описание старопечатных изданий кирилловского шрифта. Вып. 19. Типография Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева / Сост. Ю. А. Лабыщев. М., 1984. С. 28—32 (фототипическое изд.).

Лит.: Н е к р а с о в А. И. Книгопечатание в России в XVI и XVII веках // Книга в России. Ч. 1. Русская книга от начала письменности до 1800 года. М., 1924. С. 97; Б е р к о в П. И. Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова и его предшественников // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 106; З е р н о в а А. С. 1) Орнаментака книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952. С. 14—15; 2) Книжки кирилловской печати, издаваемые в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. С. 15, № 9; С и д о р о в А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 126—134; С а п у н о в Б. В. К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 439; Т и х о м и р о в М. П. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 97; В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. М., 1979. Вып. 4. С. 23, № 40; Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 527.

Д. М. Буланин

Нил (ум. 3 IV 1521) — епископ Тверской, автор посланий. Н. происходил из греческой фамилии Траханиотов, многие представители которой состояли на службе при московском дворе; однако из слов *Летописи Псковской I* о том, что будущий епископ «был того же роду» (что и Траханиоты), делается обычно неоправданное заключение, будто он прибыл в Россию в свите Софьи Палеолог в 1472 г. (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 74). Так или иначе между 1503 и 1506 гг. Н. был уже поставлен игуменом Московского Богоявленского монастыря, а 24 августа 1509 г. (по другим источникам — 20 августа: ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 345) — епископом Тверским; в этом сане Н. и скончался (С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 175, 442). В указаниях на день смерти тверского владыки между источниками обнаруживаются разногласия — в некоторых она показана под 30 марта (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 145). Отметив особое внимание Н. к лавре святого Афанасия Афонского в послании князю Георгию Дмитровскому, В. Г. Брюсова предположила, что Н. до приезда в Россию был иноком этой обители; однако не менее вероятно, что он приехал из Иверского или Ватопедского монастыря, о которых идет речь в другом послании (к тому же, будучи уже тверским епископом, Н. посылал грамоту в Ватопедский монастырь — игумену Мартирию). Встречающееся в старых работах сообщение о поездке Н. в Константинополь неверно, поскольку основано на ошибке в прежних изданиях описи царского архива.

Сохранилось два послания Н. — некоему вельможе Георгию Дмитриевичу об артосе (В. С. Иконников считает, что Георгий Дмитриевич — это Юрий Тютин: И к о н н и к о в В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 460) и князю Георгию Ивановичу Дмитровскому, который был также корреспондентом *Иосифа Волоцкого*. В изданном Н. К. Никольским послании Георгию Дмитриевичу Н., объясняя происхождение чина панатии, излагает сказание о странствовании апостолов и сообщает о посещении богородицей Афона и Кипра. Послание Н. почти дословно воспроизведено в первой части сочинения, надписанного именем *Максима Грека*: «Вопрошение известно от неких: почто от тридневнаго воскресения Христова до Фомины суботы не воздвизают пречистыя хлеба, токмо артус воздвизают, и глаголет диакон „Христос воскрес“ 3, и потребляют артус в Фомину суботу?» (Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862. Ч. 3. С. 109—115). Хотя возможны сомнения в принадлежности этой статьи Максиму, вопреки В. Г. Брюсовой нет достаточных оснований атрибутировать ее в целом (включая следующие за рассуждением об артосе *Сказание о иконе богородицы Иверской* и *Повесть о Ватопедском монастыре*) епископу Н. Послание князю Георгию Ивановичу, обнаруженное и опубликованное В. Ф. Ржигой (вторично опубликовано В. Г. Брюсовой), является ответом на письмо князя. При построении церкви в селе Покровском (близ Кашина) погиб плотник, и князь не знал, как совершить чин погребения. Исклая устранить смущение князя, Н. приводит рассказ о гибели Афанасия Афонского и излагает любопытный вариант

апокрифического сказания о Лоте, взрастившем крестное древо. В литературе отмечено три списка послания Георгию Дмитриевичу (ГБЛ, Волок. собр., ф. 113, № 520; ГПБ, Q. XVII. 64; ГБЛ, собр. Румянцева, ф. 256, № 362) и один — послания Георгию Ивановичу (ЦГАДА, ф. 196, № 642).

Из пяти грамот Н., учтенных в описи архива Посольского приказа 1626 г. (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 70—71), сохранилась лишь грамота тверского владыки некоему Василию Андреевичу; предполагают, что это — В. А. Коробов, отправлявшийся в Константинополь в 1515 г. (по А. Л. Хорошкевич, адресат ее — Василий Копыл). В грамоте перечислены подарки Н. константинопольскому патриарху Нахомию. (Исходя из того, что в 1515 г. патриарха Нахомию не было на престоле, и не зная об ошибке в издании описи царского архива, Н. П. Лихачев предложил другую интерпретацию грамоты: она будто бы обращена к дворецкому Василию Андреевичу Челяднину, а перечисленные в ней подарки должен был отвезти патриарху из великокняжеской казны сам Н.; при этой интерпретации грамоту, по Н. П. Лихачеву, следует датировать 1510 г.). Грамота неоднократно публиковалась: Продолжение ДРВ. СПб., 1790. Ч. 6. С. 1—4; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., б. г. Кн. 1, т. 1—5. Стб. 1708—1709; Лихачев Н. П. Палеографическое значение. . . Ч. 1. С. XXXI, примеч. 2.

Изд.: Никольский П. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Христ. чт. 1909. № 8—9. С. 1115—1119; Ржига В. Ф. Новый вариант сказания о Лоте // ИОРЯС. 1928. Т. 1, кн. 2. С. 499—506; Брюсова В. Г. Тверской епископ грек Нил и его Послание князю Георгию Ивановичу // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 180—187.

Лит.: Чередеев К. Биографии тверских иерархов. Тверь, 1859. С. 56—57; Филарет. Обзор. С. 136; Гитов А. А. Тверские епископы: Материалы для истории русской церкви. М., 1890. С. 47—48; Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. XXX—XXXI; Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. Т. 1. С. 193—194; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 45, 200, 230.

Т. В. Буланина

Нил (в миру Никифор Васильевич Полев) (XV—XVI вв.) — волоцкий монах, автор посланий и дарственных записей на книгах, книгописец. Его отец Василий Большой, или Темной, служил в Углице у князя Дмитрия Ивановича Углицкого, дед Федор Дмитриевич — у князя Бориса Васильевича Волоцкого (сына *Василия II Темного*) на Волоке Ламском, прапрадед Александр Борисович Поле (от которого и пошла фамилия Полевых), правнук смоленского князя Юрия Святославича, был боярином великого князя Василия I Дмитриевича Московского. В XV в. бояре Полевы имели поместья в Волоцком княжестве, иногда князь Борис Васильевич отнимал их у них, но в своем духовном завещании 1477 г. он их велит им отдать. У Н. было четыре младших брата: Иван Большой, Берсень, Иван Меньшой и Федор. Род Полевых продолжил из них только

Иван Большой, родивший двух сыновей, Ивана и Михаила (сын Ивана Богдан был владельцем села Малиновки, Полево, или Полевщина, с окрестными деревнями — в Звенигородском уезде, на р. Истре, в нескольких километрах от Новоиерусалимского Воскресенского монастыря). Первоначально Н. по примеру отца служил при дворе волоцкого князя Георгия, потом князя Дмитровского. В монахи был пострижен *Иосифом Волоцким* и сделался вскоре одним из ближайших учеников игумена Волоколамского монастыря. Вместе с другим высокородным постриженником Иосифова монастыря, происходящим из князей звенигородских, *Дионисием Звенигородским Лупой*, Н. был «благословлен», т. е. послан Иосифом Волоцким на своего рода разведку в северное Заволжье, где в то время жил и действовал *Нил Сорский* и под его влиянием развивалось скитское и отшельническое подвижничество: в этой среде идеи Иосифа Волоцкого о монастырском владении селами и о безжалостном истреблении еретиков встречали сопротивление. В одном из посланий Н. пишет о своей поездке в «Белозерския страны» как о неприятном для него послушании, подобном переселению библейского Авраама в Египет: «. . . и мы грубии потщихомся, какова наша сила, оставити отечество и свою землю и вместо Египта вселитися в Белозерския страны, хотяще терпети в незнаеме земле всякия скорби и беды от незнаемых человек». Н. и Дионисий Звенигородский — каждый из них основал в Белозерье собственную пустыньку. В связи с разразившимся конфликтом Иосифа Волоцкого с Новгородским архиепископом *Серапионом*, когда Иосиф со своим монастырем самовольно вышел из-под власти новгородского архиерея и волоцкого князя Федора Борисовича и передался под патронат великого князя московского *Василия III Ивановича* и митрополита *Симона* (1507 г.), а архиепископа Серапиона, наложившего за этот поступок на Иосифа запрещение, митрополит низложил (1509 г.), среди белозерских монахов, как и в других широких слоях общества, распространился взгляд на Иосифа и на его постриженников как на отлученных от церкви. Против этого мнения к одному из его выразителей и направлены два сохранившихся послания Н. Поводом к написанию первого из них было посещение автора Дионисием Звенигородским и принесенное им известие, что старец-отшельник Герман (очевидно, *Герман Подольский*, ученик Нила Сорского) считает произнесенное Серапионом отлучение действующим. От испытанной им от этого «зельная скорби» («почуяв твою к нам сущую нелюбовь», — пишет Н.) Н. и взялся письменно доказывать Герману обратное: «якоже отец наш игумен Иосиф, такоже и мы вси, его постриженници, благословени и прощени от святых правил, потом же и от всего собора русские митрополия такоже благословени и прощени». Доказывает он это с помощью выписок из «святых правил», среди каковых есть ссылка и на «Святаго Дионисиа Ареопагита, яко, „аще паче воля Божия отлучити святитель, не последует ему боожественный суд“». В этом послании Н. прибегает к провокационному приему побуждения адресата в лицо обличать князя и митрополита, которых он здесь — заметим — увеличительно называет царем и патриархом:

«Аще ли же глаголеши, яко патрeарх и весь собор побояся царя и соиде на слабость и неправо суди, и ты аще будешь мужествен и мног разум имаше от божественныхъ Писаний, и ты иди и обличи царя и весь собор, и тако станет всяк глагол по евангельскому словеси». Характерно, что при этом он приводит осуждающие того, кто на это решился бы, слова апостола Павла: «Сопротивляйся власти Богу сопротивляется» (Рим., XIII, 2). Из этого послания следует также, что адресат его, старец Герман, был противником осуждения и казней еретиков и говорил, что «судити не подобает никого — ни верни, ни неверни, но подобает молиться о них, а в заточения не посылати». Н. не был с этим согласен.

Второе послание было написано Н. тому же Герману после того, как тот прислал к нему «дьякона своего Илью и с ним грамотку свою», написанную, судя по всему, примирительно и содержащую просьбу о прощении за то, что он «чужая грехи глаголал». В ответ на это Н. жестко посоветовал ему попросить прощения у священника; что сам прощает, не написал. Здесь он продолжает осуждать архиепископа Серапиона за отлучение игумена Иосифа: надо было, пишет он, «отца нашего к себе позвати и вины его изязати»; Герману же повторяет, что «не подобно судити» других. На миролюбивые слова Германа о том, что «не подобает рабу господню сваритися», Н. заявляет, уподобляя себя апостолу Петру, извлечшему нож для защиты своего учителя, что он извлек «духовный нож» для защиты своего учителя (Германа это уподобление приравнивает к слугам, пришедшим с Иудой арестовывать Иисуса Христа).

По своему месту в истории русской литературы послания Н. представляют собой памятники борьбы двух направлений русской общественной мысли 1-й пол. XVI в. — так называемых исповлян и нестяжателей. В литературе указываются пять списков посланий Н. — три полных (один из них — в собственном сборнике Дионисия Звенигородского — ГБЛ, собр. МДА фонд., № 235/661) и два неполных, содержащих только первое из них (причем в одном случае не целиком).

Выполняя, видимо, главную задачу своей поездки в Белозерье, Н. и Дионисий Звенигородский направили со старцем Серапионом послание Иосифу Волоцкому с обвинением пустынников белозерских в «великой ереси» (Дионисий обнаружил у одного из них крест под постелью, а другой при неожиданном появлении у него Дионисия бросил какую-то книгу в печь). Через своего брата, ростовского архиепископа *Вассиана*, Иосиф Волоцкий передал этот донос великому князю, тот показал его *Вассиану Патрикееву*, после этого был подвергнут пытке доставивший донос старец Серапион и умер; разгневанный князь приказал пустыньки доносчиков сжечь, а их самих поместить под надзор в Кирилло-Белозерский монастырь. Там они жили какое-то время, как говорит «Письмо о пелюбках», «в велицей нужи и скорби». Полагают (А. В. Горский), что послания Н. были написаны именно в это время, но это не следует из их содержания; вполне вероятно и то, что они были написаны раньше. Пребывание разведчиков Иосифа Волоцкого в Кирилло-Белозерском

монастыре не было продолжительным, приблизительно в 1511—1512 гг. по приказу того же великого князя они возвратились в Иосифо-Волоколамский монастырь. При этом Н. каким-то образом захватил и увез с собой из Кирилло-Белозерской, а может быть, и из Нило-Сорской библиотеки целый ряд ценнейших книг, в том числе сочинения и автографы Нила Сорского, среди которых — отредактированный и переписанный Нилом Сорским трехтомный агиографический «Соборник» на весь год. На протяжении 1512—1514 гг. Н. жертвовал эти книги в библиотеку Иосифо-Волоколамского монастыря, ставя условием своего дарения молитву «по трех душах» — Ксении, инока Марка и инока Нила (т. е. его самого). В этих дарственных записях содержатся обращения к князю Арсению Галицину, в миру Андрею Андреевичу, князю ростовскому, тоже постриженнику Иосифа Волоцкого, к «старцу моему Ионе Голове», в миру приставнику к детям волоколамского князя Бориса, и к старцу Геронтию Никитину. Всего описи Иосифо-Волоколамской библиотеки упоминают четырнадцать книг Н.

Возможно, что некоторые послания из числа бесосновательно приписывавшихся Нилу Сорскому на деле принадлежат Н., но этот вопрос нуждается в изучении.

Год смерти Н. неизвестен. Поминовение его совершается 20 февраля. Кроме него в числе иноков Иосифо-Волоколамского монастыря значились: Серапион Полев, Симеон Полев и *Герман Полев* (архиепископ Казанский), но были ли они родственниками Н. — достоверных сведений нет.

Изд.: Жмакин В. Нил Полев // ЖМНП. 1881. Ч. 216. С. 185—199.

Лит.: Горский А. Отношения иноков Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастырей в XVI в. // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1851. Т. 10. С. 502—527; Леонид, архимандрит. Село Полево, или Полевщина, и ее владельцы, Полевы и Балк-Полевы // ЧОИДР. 1872. Кн. 4, смесь. С. 1—14; Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку московской Духовной академии // ЧОИДР. 1881. Кн. 3. С. 6, 134, 314; Клосс Б. М. 1) Нил Сорский и Нил Полев — «списатели книг» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 150—167; 2) Новый автограф Нила Полева // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1978. Вып. 39. С. 105; Прохоров Г. М. Автографы Нила Сорского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 37—54

Г. М. Прохоров

Нил Курлятев (XVI в.) — инок Троице-Сергиева монастыря, автор предисловия к Псалтири, переведенной по его просьбе *Максимом Греком*. Биографических сведений о Н. сохранилось мало. Князья Курлятевы принадлежали к московской знати, родоначальник их Василий Никитич приходился правнуком Константину Юрьевичу (убит в 1368 г.), от которого пошли и князья Оболенские (Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 434—435). Однако место Н. в родословном древе Курлятевых остается невыясненным. Сохранился сборник, частично переписанный рукой Н. (ГПБ, Соф. собр., № 1516, л. 268—407, 2-я пол. XVI в.), причем в своей записи на

л. 268 книжник отметил, что он был постриженником Павлова (скорее всего Павло-Обнорского) монастыря. В 1550-х гг., когда Н. сблизился с Максимом Греком, он уже подвизался в Троицкой лавре. Из описи царского архива явствует, что «дело старца Нила Курлятева и иных» хранилось в ящике 190 с соборными делами «на Ортемьевых учеников», которые относятся к 1557 г.; предполагают поэтому, что в это время Н. пострадал по делу Троицкого игумена *Артемия*. Чуть позже подверглись опале другие представители рода Курлятевых.

В предисловии к Псалтири Н. рассказывает, как он просил Максима Грека заняться переводом и как в процессе их совместных занятий он учился греческому языку. Предисловие подчеркивает достоинства перевода Максима, который одинаково хорошо владел греческим, латинским и русским языками. Прежние переводы, по мнению Н., были непонятны русскому из-за обилия южпославянизмов, так как авторы их «перевели ино гречески, ово словенски, и ино сербьски, и другаа болгарски». Особенно достается от Н. митрополиту *Киприану*, которого он считал (неосновательно) автором новой редакции Псалтири и который, как он был убежден, «по-гречески гораздо не разумел и нашего языка довольно не знал же», а потому «все по-сербьски написал». Далее Н. приводит примеры несоответствий в произношении (литургическом), орфографии и лексике между русским и «сербским» языком, из которых выясняется, что речь идет об особенностях среднеболгарского языка. Примеры лексических несоответствий заимствованы в предисловии Н., как установила Л. С. Ковтун, из древнего словаря к «*Лествице*» *Иоанна Синайского*. Выступление Н. против южпославянизмов в переводах нет оснований расценивать как стремление приблизить их к разговорному русскому языку, ибо «русским» языком книжник называет церковнославянский русского извода с присущими ему южпославянскими приметами, большинство которых не вызывает возражений Н.

Перевод Псалтири, второй из выполненных Максимом Греком (после перевода Толковой Псалтири), точно датирован в предисловии 1552 г. Однако, по мнению И. Денисова, само предисловие написано позднее, между 1556—1558 гг. На сегодняшний день оно известно в пяти списках и представлено двумя редакциями — краткой и пространной, из которых, по мнению И. Денисова и Л. С. Ковтун, первична краткая. В четырех списках предисловие сопровождает Псалтырь, а в пятом (ГИБ, собр. Погодина, № 1143) — соседствует с «псалтырными строками», представляющими собой, по определению Л. С. Ковтун, «поправки отдельных фраз и оборотов, которые предшествовали целостной обработке текста при втором переводе Псалтыри Максимом Греком и Нилом Курлятевым» (К о в т у н Л. С. Лексикография. . . С. 72). Согласно предположению Л. С. Ковтун, Н. является также автором толкования терминов «кафизма» и «стихология», которое читается в тех же рукописях, что и его предисловие. С небольшими купюрами предисловие издавалось в описаниях рукописей, полностью по трем спискам — Л. С. Ковтун.

Изд.: Строев П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие . . . И. Н. Царскому. М., 1848. С. 323—324; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. С. 19—20; Леоид, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 13—14; Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975.

Лит.: Амфилохий, архимандрит. Справедлив ли упрек монаха Нила Курлятевых в том, что митрополит Кириан по гречески гораздо не разумел и нашего языка довольно не знал же при исправлении Псалтири? // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1891. Т. 2. С. 1—6; Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 535—536; Denissoff E. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris; Louvain, 1943. P. 42, 55—62; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 43, № 2; Ковтун Л. С. Русские книжники XVI столетия о литературном языке своего времени // Русский язык: Источники для его изучения. М., 1971. С. 3—23; Толстой Н. И. Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI—XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. М., 1976. Вып. 1. С. 195—200; Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. Т. 2. С. 420; Кеирерт Н. Nil Kurljatev und die russische Sprachgeschichte // Litterae Slavicae Medii Aevi. F. V. Mareš sexagenario oblatae. München, 1985. S. 143—155.

Д. М. Буланин

Нил Сорский (ок. 1433—7VI1508) — организатор скита на р. Соре в Белозерском крае, автор посланий, Предания и Устава, завещания, молитвы, редактор и переписчик книг. Главными источниками сравнительно небогатых сведений о нем являются, во-первых, его собственные произведения, во-вторых, так называемое «Письмо о нелюбках», известное в списке 2-й четв. XVI в., и, в-третьих, Повесть о Нило-Сорском ските, дошедшая до нас в рукописи XVII в., написанной Иваком Ивановичем Плешковым, по-видимому, ее автором.

По слухам, сообщает Повесть, Н. родился в Москве и служил там как «судиям книгчия». Хотя это название должности заимствовано из Библии (Второзак., I, 15; Ис. Пав., VIII, 33), какую-то связанную с книгами и судом реальность оно, по-видимому, отражает. Согласно же записи в одной из рукописей Устава Н., он «родом бе от. . . Москвы, скорописец, рекне подъячей. . .». Во всяком случае ясно, что Н. с детства был грамотным человеком и жил до пострижения в Москве. Так что его самоуничижительные слова «невезжа и поселянин есмь» (в послании *Гурию Тушину*) нельзя понимать буквально. «Письмо о нелюбках» называет Н. «по реклу» Майковым, а из хроникальных заметок одного из его учеников и корреспондентов, *Германа Подольного*, знаем, что у Н. был брат Андрей, скончавшийся раньше его (в кон. 1502—нач. 1503 г.). По всей вероятности, это — известный дьяк великих князей московских *Василия II Васильевича* и *Ивана III Васильевича* Андрей Федорович Майко, во иночестве Арсений; в 1450—1490-х гг. он писал грамоты великого князя и княгини и был их посыльным в Спасо-Каменный, Кириллов и другие тамошние монастыри (см.: Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—начала

XVI в. М., 1952. Т. 1. № 549; 1958. Т. 2. № 249; 1964. Т. 3. № 266, 268, 270), в 1494—1501 гг. наряду с *Федором Васильевичем Курицыным* (уступая ему по значению) принимал послов и вел с ними переговоры, а в 1495 г. ездил с Борисом Кутузовым послом в Литву (см.: Л и х а ч е в Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 67, 68). В таком случае Н. был связан родством с высшими слоями московской служилой знати. Монашеский постриг Н. принял — по-видимому, еще в молодости — в Кирилло-Белозерском монастыре. Грамоты 1460—1470 и 1471—1475 гг. называют Н. среди старцев этого монастыря. «Письмо о нелюбках» сообщает, что учителем Н. в монашестве был *Паисий Ярославов*, восприемник великого князя Василия от купели крещения, и что «князь великий держал их в чести в велице». В 1489 г. Новгородский архиепископ *Геннадий* советовал Ростовскому архиепископу *Иоасафу* и сам намеревался обратиться за советом по поводу слухов о близящемся конце света и распространяющихся ересей к старцам Паисию и Нилу, лицам, как из этого видно, высоко для него авторитетным. Геннадий был сторонником жестокой расправы с еретиками, но собор 1490 г., на котором старцы Паисий и Н. присутствовали, обошелся с еретиками сравнительно мягко. В науке существует мнение, что, судя по тому, что о дальнейших отношениях между архиепископом Геннадием и старцами Паисием и Н. ничего не известно, его мнения о мерах против еретиков они не разделяли.

По-видимому, еще до этого собора Н. вместе со своим учеником *Инокентием Охлябинным* предпринял путешествие на Балканы, «был, — как сообщает «Письмо о нелюбках», — в Святей горе», побывал, как пишет он сам, «на святей горе Афонстей и в странах Цариграда» и там был «самовидцем» тому, как «духовные старцы» живут в «безмолвии» с одним, двумя или тремя учениками, и в «подобно время» встречаются с безмолвствующими поблизости монахами и «просвещаются беседами духовными». По сохранившимся в Кирилло-Белозерском монастыре слухам, Н. провел на Балканах «время не мало».

Вернувшись на Русь, Н. покинул показавшийся ему слишком суетным из-за гипертрофированных коллективно-хозяйственных забот и приходящей во множестве «мирской чади» Кирилло-Белозерский монастырь и какое-то время жил, соорудив себе келью, «вне близ монастыря». Но и близость многолюдного общежития мешала ему, и он, отойдя дальше, на расстояние около 20 километров от монастыря, поселился в глухом болотистом лесу на берегу неширокой речки Соры, — «понеже, — писал он Герману Подольному, — благодатию божиею обретох место моему угодно разуму, занеже мирской чади маловходно». Туда к нему стали переходить искавшие его духовного руководства монахи, «хотящи жителствовати» рядом с ним, собралось несколько человек, и образовался скит. В 1515 г., спустя семь лет после смерти Н., в нем жило 14 человек. При жизни Н. там их вряд ли было больше.

Организация жизни в ските (о ней мы знаем из Предания Н. и из Повести) позволяет представить довольно выразительный «ду-

ховный портрет» его организатора, индивидуалиста-созерцателя и нестяжателя. В кельях жили по одному. Лес на территории скита рубить запрещалось. Из одной кельи могло быть видно не более одной другой, но не должно было быть слышно, что там происходит. Ничего кроме книг, икон и самого пужного, скромного, «повсюду обретаемого и удобь купуемого» в кельях иметь не полагалось. Слуг не держали. Скота тоже не было. Питаться скитяне должны были «от праведных трудов своего рукоделия». «Рукоделием» же могли заниматься только таким, какое возможно делать под крышей своей кельи. Пользоваться «стяжаниями, иже по насилию от чужих трудов собираемыми», им возбранялось. Милостыню допускалось принимать лишь в крайних случаях и умеренную. Помогать другим людям в беде они могли не материальными благами, а «разсуждением духовным». «Нестяжание бо, — считал Н., — вышши есть таковых поданий». Встречались жители скита два раза в неделю, собираясь в церковь для всенощной в среду вечером и в воскресенье. Если же на неделе случался праздник, требующий всенощной, бдение со среды на четверг отменяли, чтобы число всенощных в неделю не превысило двух.

Этот распорядок (мы знаем о нем из Повести о Нило-Сорском ските) показывает, что, регламентируя жизнь в ските, Н. использовал «Предание уставом иже на внешней стране пребывающим иноком», древнейшие списки которого находятся в рукописях *Кирилла Белозерского* и один из списков которого сделан отчасти рукой самого Н. (ГИМ, Епарх. собр., № 349/509, л. 6—8 об.). Очевидно, уходя из большого общежительного монастыря в лес, Н. следовал во многом примеру Кирилла Белозерского, ушедшего из большого Московского Симонова монастыря в лесное Заволжье примерно на сто лет раньше; и вероятно, Н. сознательно руководствовался тем же «Преданием уставом. . .», каким, по всей видимости, пользовался Кирилл Белозерский на начальной, скитской стадии жизни своего монастыря. Эти наблюдения корректируют высказывавшееся в науке мнение, что Н. был первым на Руси организатором скитской формы монашеской жизни, что он познакомился с ней на Балканах и что он тем самым как бы порывал с традициями русского монашества.

От примера Кирилла Белозерского Н. отступил лишь в том, что поставил препятствия процессу перерастания своего скита в общежитие. Во-первых, он ограничил прием в скит требствием, чтобы человек предварительно прошел выучку в общежительном монастыре (в ските никого не постригали); и это показывает, что он не порывал с традиционной системой форм монашеского подвижничества, в которой скит является промежуточным звеном между полным отшельничеством и общежительным монастырем, осознавая свое направление — в согласии с «Лествицей» *Иоанна Синайского* — как «средний путь». Он противопоставлял не скит общежитию, а нестяжательную духовную жизнь, возможную, на его взгляд, и в общежитии, рассеивающей внимание и рождающей «страсти» жизни ведущего большое хозяйство и эксплуатирующего чужой труд коллектива. Жительство монахов не по «святым писаниям

и по преданию святых отецъ, но по своих волях и умыслениихъ человеческихъ», их преданность «стяжаниямъ сел и притяжаниямъ многихъ имений» — одна из постоянныхъ темъ его сочинений. С этимъ хорошо согласуется сообщение «Письма о нелюбкахъ» о томъ, что в 1503 г. на соборе в Москве П. поднялъ вопросъ о монастырскихъ владенияхъ: «. . пача. . глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукоделиемъ. А с нимъ — пустынники белозерские».

Но вообще путь борьбы за исправление пороковъ окружавшаго его общества, даже общества монашескаго, былъ чуждъ Н. Характерно, что Гурию Тупину онъ советовалъ просто удаляться отъ «мирская мудрствующихъ и упражняющихся в безсловеснаа попечения — яже в прибытки манастырскаго богатства и стяжанна имении», говоря, что «не подобаетъ же и на такихъ речми наскакати, ни понашати, ни укорити, но — богови оставляти сиа: силен бо есть богъ исправи ти ихъ».

С темъ, что Н. считалъ приемлемымъ и действительнымъ методомъ избежания «безсловесныхъ полечений», связано второе требование, какое онъ предъявлялъ желающимъ жить у него в ските, — быть грамотными. Из Повести о Нило-Сорскомъ ските известно, что неграмотныхъ в скитъ не принимали. Это известие отвечаетъ одной изъ основныхъ темъ в сочиненияхъ Н., а именно утверждаемой имъ необходимости жить «по божественныхъ писанияхъ и по преданию святыхъ отецъ», все вопросы репетать, «испытую божественная писания», постоянно «в писанияхъ божественныхъ поучатися». При этомъ Н. считалъ нужнымъ разборчиво относиться къ «писаниямъ»: «Писания бо многа, но не вся божествена суть». Само по себе требование отъ монаховъ грамотности заставляетъ вспомнить правила основателя общежительныхъ монастырей Пахомия Великаго (IV в.), согласно которымъ каждый в монастыре долженъ былъ знать грамоту. Но следуетъ также заметить, что постоянная устремленность испытующаго взгляда Н. в «писания» («в томъ животъ и дыхание мое имсю») сближаетъ его с караимами («читающими»), оказавшими, судя по всему, определяющее влияние на развитие современной ему новгородско-московской ереси «жидовская мудрствующихъ». Возможно, именно по причине этого сходства с еретиками Н. считалъ нужнымъ письменно засвидетельствовать свое полное принятие всех отвергаемыхъ еретиками церковныхъ догматовъ и святоотеческихъ писаний и предать проклятию «лжеименныхъ же учителей еретическая учения и предания вся».

Предание П. (в рукописной традици его заглавие несколько варьируется: «О жителстве святыхъ отецъ сие предание старца Нила Пустынника ученикомъ своимъ, и всемъ прикладно имети сие», «О жителстве скитскомъ отъ святыхъ писаний», «Сие предание старца Нила Пустынника ученикомъ своимъ, абие кто в пустыни его живетъ, таже и прочимъ пустынникомъ всемъ прикладно имети сие о жителстве святыхъ отецъ и т. п.), где находится это свидетельство, представляетъ собой поучение объ общихъ нормахъ жизни в его ските, обращенное, какъ онъ пишетъ, къ «братии моеи приснымъ, яже суть моего права», с убеждениемъ соблюдать заповеди, следовать святоотеческимъ пре-

даниям, без необходимости не выходить за пределы обители, быть умеренными в пище и нестяжательными, питаясь от выручки за свое рукоделие и ни в кельях, ни в церкви не допуская драгоценной утвари и украшений. По жанру Предание в значительно большей мере является монастырским уставом, нежели то сочинение Н., за которым закреплено в науке название «Устав» («От писаний святых отец о мысленем делании, чего ради нужно сие и како подобает тщатися о сем»).

Устав состоит из предисловия и 11 глав-«слов». Это самое большое из сочинений Н. Речь в нем идет главным образом о внутренней жизни подвижника — о борьбе со страстями, о том, что Н. называет «мысленным деланием», «деланием сердечным», «мысленным блюдением», «умным хранением», «хранением сердца», «умной молитвой» и т. п. Здесь говорится об этапах развития «страсти» в человеке и о видах «страстных помыслов». Следуя традициям византийской психологической, особого рода «научной», аскетической, литературы, ссылаясь на целый ряд авторов, из которых Н. особенно часто вспоминает и цитирует Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и Иоанна Лествичника, он различает «прилог» (когда «помысел прост или образ» или «каа-либо мысль на ум человеку принесена будет»), «сочетание» («приятие помыслу»), «сложение» («приклопение съсластно души к явьшемуся помыслу или образу»), «плененис» («егда пленен будет ум помыслы») и «страсть» (когда человек постоянно обуреваем «страстными помыслы»). «Страстных помыслов» Н. различает восемь: «чревообьястный», «блудный», «сребролюбивый», «гневный», «печальный», «унышиа», «тщеславный» и «гордостный». Как метод борьбы с ними Н. рекомендует самое «начало пришедшего помысла отсекаати» и «беспрестанно мояитися», чтобы «имети сердце безмолствующе от всякого помысла» и «молчати мыслию». Награда за этот труд — «неизреченная радость», пребывание «в непостижных вещах», «в изступлении», когда «кипит из сердца. . . сладость некаа», когда человек уверен, что «нести ино что небесное царство, точию се», и, «в сих быв, не токмо не хочет ис келиа изыти, но и в ров, под землю ископан, хочет съкровен быти». Такого рода темы в сочинениях Н. позволяют поставить его в ряд писателей-исихастов, «безмолвников», или «молчальников», на которых он и ссылается. Вероятно, Н. прошел какую-то школу «безмолвия» во время пребывания на Афоне, но главным его руководителем, как он говорит, были книги. Отсутствие хороших наставников, пишет он, тоже требует от желающих достигнуть «небесного царства» постоянного изучения «божественных писаний».

В послании «к брату, въпросившему его о помыслех» (*Вассиану Патрикееву*) Н. утешает и наставляет своего адресата, как кажется, недавно и поневоле простившегося с миром. В послании «иному о ползе» (Гурию Тушину) он отвечает на вопросы о борьбе с «блудным» и «худным» помыслами и о том, как «отступити от мира» и «не заблудити от истиннаго пути». В послании «к брату, просившу от него написати ему еже на ползу души» (Герману Подольному) Н. пишет о важнейшем правиле — «испытывать» божественные писания.

Маленькое четвертое послание — к «брату с вѣсточныя страны на поязу души» (неизвестному адресату) — написано в ожидании встречи, когда «пространнее будет беседа о всем, про все»; но и тут, в нескольких строках, Н. не упускает случая отметить главные, по его мнению, дела монаха: «в писаниих божественных поучатися, и в рукоделиих себе обучати, и безмолвие любити». В посланиях Н. есть текстуальные совпадения с его Уставом.

В Завещании Н. просит «повергнуть» тело его «в пустыни, да изъядят е зверие и птица, понеже съгрешило есть. . . много и недостойно есть погребения». Если же «господа и братиа, яже суть моего нрава», к которым он обращается, этого не сделают, то пусть они, пишет он, «ископавше ров, на месте, идеже живем, с всяким бесчестиемъ» погребут его.

Н. составил, отредактировал и собственноручно переписал на чисто трехтомный «Соборник» — расположенное по дням празднования, начиная с сентября и кончая августом, собрание переводных с греческого житий святых (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 684; Волок. собр., № 630; Государственный литературный музей (Москва), № 126 и ЦГАДА, Волок. собр., № 564). Он старался создать наиболее исправный текст произведений, сверяя разные их списки, редакции и переводы, в спорных случаях предлагая варианты чтений и приглашая к продолжению этой текстологической работы своих читателей. Об этом он пишет в предисловии и послесловии к «Соборнику». Судя по водяным знакам бумаги, этой работой Н. занимался в 80—90-х гг. XV в.

Кроме того, известны переписанные рукой Н. конец «Предания уставом иже в внешней стране пребывающим иноком», начало его собственного Предания, выписки из книг Ефрема Сирина, Симеона Нового Богослова, Иоанна Златоуста, патриарха Никифора, Аввы Дорофея, Василия Великого и др. (ГИМ, Епарх. собр., № 349/509, л. 6—15 об., 110—178 об.), а кроме того — два первых Слова, примерно две трети седьмого и далее восьмое, девятое и десятое Слова «Сказания о новоявившейся ереси», т. е. «Просветителя» Иосифа Волоцкого, целиком (ГПБ, Солов. собр., № 326/346, л. 47—51 об., 67—103 об., 215—287 об.). Древнейший датированный список «Просветителя», созданный при участии Н., оказывается, таким образом, красноречивым свидетельством положительного отношения Н. к л и т е р а т у р н о й борьбе *Иосифа Волоцкого* с еретиками.

Молитва Н. носит покаянный характер, содержание ее заимствовано из молитв перед причащением. Судя по тому, что Н. говорит в ней о своей телесной слабости и об ожидании смерти («Ум бо и тело имам изнемогше, и время живота моего скончается, и конец смертный приближися. . .»), написана она им незадолго до смерти.

Н. приписывались учеными еще некоторые произведения, но без достаточных к тому оснований. Среди них — так называемое Послание иноку-князю Константину-Кассиану Мангупскому, озаглавленное в списке (ГБЛ, МДА фонд., № 36 (185), 2-я пол. XVII в.,

л. 23—26) «Послание от божественных писаний во отоцех к скорбящему брату». Содержание послания не дает, однако же, оснований для атрибуции его Н. и не позволяет также признать греком его получателя (об этом человеке говорится как о недавно крещенном). Более основательно с Н. связывается большой период, повторяющийся в разных посланиях и роднящий их с так называемым «Посланием к иконописцу», которое послужило одним из источников «Просветителя» Иосифа Волоцкого (см.: Б о р о в к о в а - М а й к о в а М. С. К литературной деятельности. . .). Эта связь подкрепляется тем, что в древнейшем дошедшем до нас списке «Просветителя» Н. переписал как раз ту его часть, куда входит текст, основанный на «Послании к иконописцу».

Согласно «Письму о нелюбках» в 1503 г. в Москве Н. участвовал в работе собора, посвященного решению вопроса о вдовых полах. Поставленный Н. на этом соборе вопрос о правомочности монастырей владеть селами дал толчок длительным спорам между последователями Н., «нестяжателями», и последователями Иосифа Волоцкого, «иосифлянами», — спорам, продолжавшимся долгое время и после смерти Н. Похоронен Н. на территории основанного им скита.

Житие Н. до нас не дошло; в рукописях встречаются посвященные ему как преподобному тропари, кондак и икос.

Изд.: Преподобного Нила Сорского предание учеником своим о жительстве скитском. М., 1849; [Е г а л и н]. Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России, и устав его о жительстве скитском (в переводе на русский язык) с приложением всех других писаний его, извлеченных из рукописей. СПб., 1864 (то же: М., 1869; Кириллов, 1907); Преподобного о. н. Нила Сорского предание учеником своим о жительстве скитском. СПб., 1889; Н и к о л ь с к и й Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // ИОРЯС. 1897. Т. 2. С. 78—89; Б о р о в к о в а - М а й к о в а М. С. Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912 (ПДПИ. Т. 179); П р о х о р о в Г. М. Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 125—143.

Лит.: Горский А. В. Отношения иноков Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастыря в XVI веке // Прибавления к творениям святых отцов. Б. м., 1851. Т. 10. С. 504—508; О сношениях русской церкви с святогорскими обителями до XVIII-го столетия // Там же. 1854. Т. 13. С. 141—144; Ш е в ы р е в С. История русской словесности. Лекции. М., 1860. Т. 4. С. 177—196; Ф и л а р е т [Г у м и л е в с к и й]. Русские святые. Чернигов, 1862. Т. 4, апр. С. 15—23; Н и к о л а е в с к и й П. Ф. Русская проповедь в XV—XVI вв. // ЖМНП. 1868. № 4. С. 268—388; П а в л о в А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1. Попытки к обращению в государственную собственность поземельных владений русской церкви в XVI веке (1503—1580). Одесса, 1871; П - н о в. Из истории русского монашества в XVI в. // ЧОЛДП. 1872. № 9. С. 138—149; № 11—12. С. 349—357; П р а в д и н А. А. Преподобный Нил Сорский и устав его скитской жизни // Христ. чт. 1877. Ч. 1. С. 114—157 (С-в В л а д и м и р [Рецензия] // Странник. 1877, окт. С. 101—108); П а н о в И. Ересь жидовствующих // ЖМНП. 1877, февр. С. 277—295; Р о з а н о в Н. П. Спор иосифлян с белозерскими старцами // Странник. 1877, май. С. 156—172; С о л о в ь е в В. Религиозно-правственное состояние русского общества перед реформой Петра Великого // Там же. 1878, дек. С. 381—385; Ж м а к и н В. Митрополит Даниил и его сочинения // ЧОИДР. 1881. Кн. 1. С. 25—76 (З н а м е н с к и й П. [Рецензия] // Церковный вестник. 1884. № 27—28, № 29); А р х а н г е л ь с к и й А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в древней Руси. Ч. 1.

Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882 (ИДП. Т. 16) (Д. К. [Рецензия] // ЖМНП. 1882, сент. С. 205—207); Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1887. Т. 6. С. 127—135; Юстин, епископ. Преподобный и богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский. М., 1892; Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1894. С. 241—300; Пыпин А. 1) Вопросы древнерусской письменности. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский // Вестник Европы. 1894. Кн. 6. С. 746—759; 2) История русской литературы. СПб., 1916. Т. 2. С. 75—87; Левицкий Г. Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого о занятиях в 1889—1890 г. // Христ. чт. 1895. Вып. 2—3. Протоколы заседаний совета Санктпетербургской духовной академии. С. 287—345; Кноплев П. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4, отд. IV. С. 76—80, 94—95; Никольский Н. К. 1) О влиянии византийских ученых на Нила Сорского // ВВ. СПб., 1895. Т. 3. С. 192—195; 2) Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. СПб., 1897. Т. 1, вып. 1; 1910, вып. 2; 3) Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. С. XXXVII—XLII (ИДП. Т. 113); 4) Община и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII-го // Христ. чт. 1907, авг. С. 170—172, 182; Абрамцев А. Преподобный Нил Сорский и его устав скитского жития // Труды Киевской духовной академии. 1889. № 3. Прил. С. 226—234; Иустин, архимандрит. Преподобный и богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский, и Устав его скитской жизни. М., 1902; Кадуловский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых // РФВ. 1902. № 1—2. С. 68—85; Вилинский С. Послания старца Артемия (XVI в.) // Записки имп. Новороссийск. ун-та. Одесса, 1906. Т. 106. С. 386—414; Яцимирский А. П. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. СПб., 1906. С. CXVI—CXVIII (ИДП. Т. 162); Калестинов К. Великий старец: Очерк жизни преподобного Нила Сорского. СПб., 1907; Гречев Б. 1) Заволжские старцы в литературном решении спорных вопросов русской общественной жизни конца XV—XVI вв. // ВВ. 1907. Т. 2, № 7—8. С. 477—522; 2) Преподобный Нил Сорский и «заволжские старцы» — публицисты // Там же. 1908. № 5. С. 57—82; № 9. С. 49—66; № 11. С. 327—343; 1909. № 5. С. 42—56; Преображенский В. Славянорусский скитский патерик. Киев, 1909. С. 254—257; Боровкова-Майкова М. С. 1) Великий старец Нил, пустынник Сорский // РФВ. 1910. Т. 64, № 3—4. С. 62—78; 2) Нил Сорский и Паисий Величковский // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 27—33; 3) К литературной деятельности Нила Сорского. СПб., 1911 (ИДП. Т. 177); Покровский К. В. К литературной деятельности Нила Сорского // Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 32—34; Орлов А. С. Иисусова молитва на Руси в XVI в. СПб., 1914. С. 27—32 (ИДП. Т. 185); Инокников В. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 393—395; Смолчич И. 1) Великий старец Нил Сорский // Путь. Париж, 1929. № 19, нояб.; 2) Smolitsch I. Das altrussische Mönchtum (11—16. Jahrhundert) // Das östliche Christentum. Würzburg, 1940; 3) Leben und Lehre der Starzen. Cologne; Olten, 1952; 4) Das Russisches Mönchtum, Entstehung, Entwicklung und Wessen, 988—1917 // Das östliche Christentum. 10/11. Würzburg, 1953; Ржига В. Ф. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей» // Известия АН. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 9; Будовиц И. У. 1) Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947; 2) Первые русские нестяжатели // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Т. 5. С. 264—282; Grigoriev G. Kh. Traduction et commentaire d'un texte de Nils Sorsky. Paris, 1950; Fenell J. L. I. The Attitude of the Josefians and Trans-Volga Elders to the Heresy of Judaizers // The Slavonic and East European Review. 1951. V. 29. N 73; Meendorff J. Une controverse sur le rôle sociale de l'Église. Le querelle des biens ecclésiastique au XVIe siècle en Russie // Irenikon. Chevetogne, 1950. V. 00; Лурье Я. С. 1) Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлячества // ТОДРЛ. М.: Л., 1956. Т. 12. С. 123—126; 2) К вопросу об идеологии Нила Сорского // Там же. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 182—213; 3) Заметки к истории публицистической литературы конца XV—первой половины XVI в. 2. Мнимые послания Нила Сорского Паисию Ярославцу // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 460—463; 4) «Собрание на

лихонцев» — псевданный памятник русской публицистики конца XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 132—146; Liliénfeld F. V. 1) Der athonitische Hesychasmus des 14. und 15. Jahrhunderts im Lichte der zeitgenössischen russischen Quellen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1958. N. F. Bd 6. H. 4; 2) Josif Volockij und Nil Sorskij, ihre sogenannten «Schulen» und ihre Stellung im gesellschaftlichen und politischen Leben ihrer Zeit // Zeitschrift für Slavistik. Berlin, 1958. Bd 3; 3) О литературном жанре сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 80—98; 4) Nil Sorsky und seine Schriften. Die Krise der Tradition im Russland Ivans III. Berlin, 1963; Б о л ь ш а к о в С. Преподобный Нил Сорский // Messenger de l'Exarchat du Patriarch Russe en Europe Occidentale. 1960. T. 9. P. 46—58; К а з а к о в а Н. А. 1) Византизм Патриксеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 5—35; 2) Книгописная деятельность Гурия Тушина // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 179—180; М о и с е е в а Г. Н. Об идеологии нестяжателей // История СССР. 1961. № 2. С. 88—101; З п м и н А. А. Борьба политических группировок при дворе Ивана III и ошала Патриксеев в 1499 г. // Новое о прошлом нашей Родины. М., 1967. С. 91—103; M a l o n e y G. A. Russian Hesychasm: The Spirituality of Nil Sorsky. Paris, 1973; К л о с с Б. М. Нил Сорский и Нил Полев — «писатели книг» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 150—167; П р о х о р о в Г. М. 1) Автографы Нила Сорского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 37—54; 2) Повесть о Нило-Сорском ските // Там же. Ежегодник 1976. М., 1977. С. 12—20; Β α σ ί λ ε τ ο ς, μ ο ν α χ ὸ ς [Grolimund]. Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Νεΐλου Σύρτου ἀπαντα τὰ φιλόμενα ἀρχαία. Θεσσαλονίκη, 1985.

Г. М. Прохоров

Нифонт (конец XVI в.) — монах Новгородского Антониева монастыря, автор цикла произведений об Антонии Римляnine. Во время игуменства Кирилла Завидова (1580—1594 гг.) добивался открытия мощей и канонизации Антония (состоялась в 1597 г.). Последовал за Кириллом в Троице-Сергиеву лавру, где в 1598 г. написал повесть о чудесах святого Антония («О предложении тела святого Антония Римлянина иже во Великом Новеграде»), снабдив ее автобиографическим послесловием. Н. несомненно принадлежат также предисловие и Похвальное слово, обычно сопровождающие в рукописях *Житие Антония Римлянина*. Считают возможным Н. приписать часть II. составление или редакцию самого Жития Антония, но эта атрибуция не безусловна. Произведения Н. не изданы.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 306—311; Г о л у б и н с к и й. История церкви. 1904. Т. 1, 2-я пол. С. 590—595; В а л к С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 285—318; Т и х о м и р о в М. Н. О частных актах в древней Руси // ИЗ. 1945. Т. 17. С. 233—241; Я п и н В. Л. Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата // Вестник МГУ. История. 1966. № 3. С. 69—80.

Е. А. Фет

Нифонт Кормилицын (ум. 1561) — епископ Крутицкий и Сарский, автор послания *Василию III*, рассказов о походах на Казань, составитель сводной Кормчей, книгописец. Являясь постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря, Н. входил в число наиболее активных участников литературного круга иосифлян своего времени. Сведения о его жизни известны по упоминаниям в официальных документах и летописях, но его литературная деятельность вы-

является главным образом по рукописным материалам библиотеки Волоколамского монастыря. Известия о нем относятся ко времени, когда он стал занимать видные посты. В 1522—1543 гг. он был игуменом Волоколамского монастыря. При нем в заточении там находились *Максим Грек* и *Вассиан Патрикеев*. Сохранились письма митрополита *Даниила* и *Василия III* от 24 мая 1525 г. о соборном суде над Максимом Греком, адресованные властям Волоколамского монастыря (см.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971. С. 50). После посещения в 1533 г. смертельно больным *Василием III* Волоколамского монастыря Н. провожал его в Москву и там присутствовал при его пострижении.

В 1543—1554 гг. Н. занимал пост архимандрита Ново-Спасского монастыря. Этим обусловлено было его участие в казанском походе 1550 г. На церковном соборе 1549 г. он выступал свидетелем обвинения по делу *Исаака Собака* (Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. С. 138). В 1554 г. Н. был поставлен епископом Крутицким и Сарским («владыка на Крутицу» — ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, 1-я пол. С. 237), занимал эту должность по крайней мере до 1559 г. (рук. ГИМ, Епарх. собр., № 70 является его вкладом в Волоколамскую библиотеку 1559 г.). В 1555 г. владыка Крутицкий участвовал в торжественном поставлении *Гурия* архиепископом Казани (ПСРЛ. Т. 13, 1-я пол. С. 250).

Будучи игуменом Волоколамского монастыря, Н. самым активным образом стремился не просто увеличить библиотеку, но также собрать и сохранить в монастыре весь репертуар литературы, представляющей интерес для образованного круга иосифлян. По его заданию составляются сборники для общемонастырского пользования с произведениями самого широкого диапазона (например, рук. ГБЛ, Волок. собр., № 433, 659). Интерес иосифлян к сочинениям основателя монастыря и его сподвижников, выразившийся в постоянном переписывании этих произведений монастырскими книжниками, наглядно отразился в рукописях самого игумена: в одном из его сборников (ГПБ, Q. XVII. 64) было собрано восемнадцать статей, автором которых был *Иосиф Волоцкий*. Н. принадлежал к числу тех книжников, интересы которых были шире только узкоспециальной церковной тематики. Не без участия игумена Н. Волоколамский монастырь поддерживал связи с другими литературно-книжными центрами, что давало возможность знакомить постриженников монастыря с вновь появляющимися литературными и публицистическими произведениями. Примером является сборник ГБЛ, Волок. собр., № 659, составленный из статей, по преимуществу написанных в 20—30-е гг. XVI в. и привезенных из Новгорода и из Москвы. Сам Н. из этого сборника переписал несколько статей в две свои рукописи (ГПБ, Q. XVII.15 и Q. XVII.64). Не лишен был Н. интереса к светским повестям назидательного характера, появившимся в 1-й пол. XVI в. и бытовавшим в Волоколамском монастыре. Так, в его сборнике (ГПБ, Q. XVII. 64) оказалась переписанной *Повесть о Евстратии*.

До нас дошли материалы, свидетельствующие о литературных занятиях Н. По желанию митрополита Даниила Н., будучи игуменом Волоколамского монастыря, работал по составлению сводной Кормчей (рук. ГБЛ, собр. Ундольского, № 28). В те же годы Н. было написано послание Василию III «О преставлении старца Кассиана Босого» (ср. *Житие Кассиана Босого*; о кончине его имеется краткая запись в принадлежавшей *Игнатию Зайцеву* рук. ГБЛ, Волок. собр., № 362). Послание Н. дошло до нас только в составе сборника самого автора (ГПБ, Q. XVII.64). Г. З. Кунцевич высказал предположение о принадлежности Н. двух рассказов о походах на Казань в 1550 и 1552 гг., которые помещены один за другим в сборнике Q. XVII.64 на л. 99—105 об.; начало второго рассказа под названием «О Казанском взятии» вновь переписано во второй части сборника на л. 350 об.—351. В рассказе о походе 1550 г. о Н. упомянуто следующим образом: «И взял царь с собою спасскаго архимандрита Нифонта и воздвиженскаго игумена Сергия со кресты». Другие источники об участии спасского архимандрита в казанских походах ничего не говорят. Как установил Г. З. Кунцевич, рассказы в сборнике Н. не совпадают текстуально с известиями летописных сводов, они имеют самостоятельное происхождение. В других источниках о походе 1550 г. нет упоминания об обновлении церквей во Владимире и подробностей о приезде туда митрополита. Рассказы Н. не связаны также с рассказом об этих походах Адриана Ангелова, который тоже был участником походов. Скорее всего, как полагает Г. З. Кунцевич, Н. не принимал участия в походе 1552 г., а повествование о нем составил со слов очевидцев. Следует отметить, что если первому рассказу Н. нет соответствий в других источниках (хотя по содержанию он более или менее близок *Царственной книге*), то второй рассказ частично совпадает с отрывком, напечатанным в приложениях к *Летописи Софийской II* (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 303—315). В рассказе Н. более точными являются хронологические указания и мелкие подробности, что позволяет признать его оригинальным произведением, к которому восходит текст летописного отрывка.

В том же сборнике Н. (Q. XVII.64) имеется статья, которая озаглавлена «О святем мученице Иване, иже за Христа мучен во граде Казани» (см. *Житие Иоанна, мученика казанского*). Кроме Н. эту статью включил в свой сборник его современник, старец Волоколамского монастыря Мартин Рыков. Из сохранившихся списков наиболее ранними являются названные. В 50—60-е гг. многие волоколамские постриженники побывали в Казани, поэтому о казанских событиях они были хорошо осведомлены. Можно предположить, что возникновение этого небольшого сочинения о «мученике Иване», близкого к рассказам о чудесах святых, связано с писательской деятельностью если не Н., то какого-то другого иосифлянина.

Личная библиотека владыки крутицкого Н., по всей видимости, согласно его желанию попала в монастырь, откуда началась церковная карьера владельца библиотеки. На многих его рукописях имеются вкладные записи (ГПБ, Q. XVII.64; Q. XVII.15; ГБЛ, Волок.

собр., № 551; ГИМ, Епарх. собр., № 70). Владельческая запись в рук. ГБЛ, Волок. собр., № 551 опубликована (Библиографические материалы, собранные А. Поповым. XIV. Запись Нифонта, епископа Крутицкого // ЧОИДР. 1881. Кн. 2. С. 64; И о с и ф. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 168—169). В описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. перечисляются и другие вклады Н., в том числе «Книга в полдесть, а в ней собрано от божественных и священных правил вселенских седми соборах и поместных соборов, где и когда и како каждо их собра». Среди дополнительных статей описи имеется запись: «Лета 7069 дал Нифонт, бывший владыка крутицкий, в 4-х книгах Трест постный и цветцы к Николе на престол, выдавати их из монастыря по одной книге. Да Трехволей в полдесть» (Опись Иосифова Волоколамского монастыря 1545 (7053) года // Г е о р г и е в с к и й В. Т. Фрески Фералонтова монастыря. СПб., 1911. С. 20). Согласно этой записи, Н. в 1561 г. был еще жив, но уже не занимал поста владыки крутицкого п, видимо, жил на покое в Волоколамском монастыре. В той же описи темного выше, без указания даты сказано: «Осталось книг после владыки Нифонта: Книга Апостол в десть. Осифово списание на еретики на наугородцкие. Да двои правила постниковы в полдесть, одни кожею поволочены, а другие в затылке. Да псалмы Давидовы в полдесть с надписанием дача» (Опись. . . С. 20). Видимо, в том же году Н. скончался.

Изд.: О преставлении старца Кассиана Босого // ДАИ. 1846. Т. 1, № 218; К у н ц е в и ч Г. З. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 гг. // Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1897—1898 гг. СПб., 1898. Прил. С. 23—35 (ИДПИ. Т. 130).

Лит.: Р о з е н к а м п ф Г. А. Обзорные Кормчей книги в ее историческом виде. М., 1829. Прил. VII; К а л а ч е в П. О. О значении Кормчей в системе древнего русского права // ЧОИДР. 1847. № 3, отд. 1. С. 115; М а к а р и й [Б у л г а к о в]. История русской церкви. СПб., 1877. Т. 8. С. 149—150, 162—165; К у н ц е в и ч Г. З. 1) Малоизвестные записки о казанских походах 1550 и 1552 года // ЖМНП. 1898, июль. С. 135—145; 2) Исторический вестник. 1898. № 5. С. 689; И к о н н и к о в. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1094, 1286—1287; Б е г у н о в Ю. К. Кормчая Ивана Волка Курицына // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 144; Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и И. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 101—107, 133—134; Д м и т р и е в а Р. П. Волоколамские четья сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. . . 209, 217—222.

Р. П. Дмитриева

Новосильцев Иван Петрович (2-я пол. XVI в.) — посланник Московского правительства в Турцию в 1570 г., составитель статейного списка. В 1564—1565 гг. вел переговоры с черкасским (кабардинским) князем Темрюком Айдаровичем, с 1579 г. был назначен начальником Печатного приказа. Статейный список Н. насыщен фактическими данными о могуществе Турции, о событиях международной политики в районе Средиземноморья в эпоху *Ивана IV Грозного*. Статейный список опубликован в отрывках в 1947 г. и полностью в 1954 г.

Изд.: Садилов П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Изв. 1947. Т. 22. С. 164—166; Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 63—99, 351, 369—386.

Лит.: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. 1.

О. А. Белоброва

О

«О всей твари» — апокриф. Представляет собой учительное по тону произведение, направленное против ложных мнений об устройстве мира. Здесь осуждаются сами поиски знаний путем чтения книг: «Но что сего боле ищещи, блядословче неразумне, и лжеища и мудруясь пред человеки? Сам в ересь впадеши, а ины в нечаяние введеши, яко же древнии философи еретици быша, многи книги почитавъши, разуму добра не имеша: книгам бо учится друг у друга, а разум бог дает ему (же) хошет». Кроме того, здесь излагаются представления, которые кажутся автору истинными. Судя по изложению здесь мнению, что земля утверждена «ни на чем», автор, вероятно, был знаком с подборкой статей на естественнонаучные темы, созданной в XI в. Евстратием Никейским и ставшей известной в славянском переводе, по крайней мере, с нач. XV в. (старейший список в рукописи *Кирилла Белозерского*). При этом он с верой излагает и наивные народные представления сказочного или фольклорного характера, например об ангелах, которые снимают с солнца и надевают на него венец, и о других ангелах, которые вращают громовое колесо («... снимают венец и въскладает 300 аггели, а громным колом воротят 300 аггел. Сиде же и луна, и звезды, и ветри, — все то животно и бесплотно»), о том, что, возвращаясь под землю, солнце омывается в океане и тревожит гигантского петуха («Солнце же течет на въздух в день, а в ноци по окияну ниско летит, не омочась, но токмо 3-жды омывается в окияне. Глаголетъ писание: есть кур, ему же глава до небеси, а море до колена. Еда же солнце омывается в кияне, тогда же акияп въсколеблется, и начнут волны кура бити по перью, (он) же, очютив волны, и речет: „Кокореку!“ — протолкуется: „Светодавче, господи, дай же свет миру!“». Еда же то възпоет, и тогда вси кури възпоют во един год по всей вселенней»). Фантастическое же сообщение о земле за океаном, на которой помещаются рай и ад, заставляет тем не менее думать, что апокриф был написан после открытия и некоторого изучения Америки, ибо здесь говорится, что земля эта имеет форму половинки щита и широкой стороной обращена к океану: «За акияном же есть земля. на шей же рай и муки. Посреде же земля. на ней же тоя. — пропасть глубока, удо же течет река вогнаена. Земля та образом. яко вол щита. Пре-

лежит же широтою странаю к окияну. Таже рай во едином угле, а муки друзем земле тоя». Сверх того сообщается, что «в окияне стоит столп, зовеми Адамантин, ему же глава до небеси. К тому же столп привязан анти(христ) сотона диявол». Таким образом, представляется, что апокриф возник не ранее кон. XV в. Опубликован по рукописи 1531 г. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 774; нач.: «Пръвое приведе бог от небытия в бытие. . .»).

Изд.: Тихо правов. Памятники. 1863. Т. 2. С. 347—350.

Г. М. Прохоров

«О еже не впасти в ересь Варлаама и Акиндина, кир Давида мниха и философа изложение» — произведение, начинающее подборку сочинений византийского писателя XIV в. Давида Дисипата, встречающуюся в славянском переводе в болгарских и русских списках XV—XVII вв. За ним следуют «Тогожде сказание, како Варлаам изобрете и состави свою ересь» и «Сведетельства от святых, яко божество глаголется обьсиявый свет на Фаворе ученики на божественное господне преображение» (подборка выписок). В этих сочинениях говорится о спорах о том, что представляют собой «божественные действия», или «энергии», ведшихся в сер. XIV в. в Византии, с одной стороны, нападавшими на это понятие Варлаамом Калабрийским и Григорием Акиндином, а с другой — Григорием Паламой. Коротко о взглядах споривших сторон сказано в переведенном на славянский язык Чине православия (в главах, оглашавшихся в первую или во вторую неделю Великого поста); из произведений Давида Дисипата русский читатель мог узнать о развитии этих споров и о столкнувшихся в них теориях более подробно.

Давид был постригшимся в монахи отпрыском аристократической византийской фамилии Дисипатов, родственной императорской фамилии Палеологов; жил в монастыре Григория Синаита в Парории, в южной Болгарии (очевидно, был одним из его учеников). Принял участие в исихастских спорах на стороне Григория Паламы, защищавшего теорию «божественной энергии» и практику монахов-молчальников, исихастов, от нападок Варлаама Калабрийского. Литературная деятельность Давида имела ярко выраженный полемический характер и протекала в основном на втором этапе споров, во время гражданской войны в Византии (1341—1347 гг.), когда главным противником Паламы выступал уже не Варлаам (после осуждения на Константинопольском соборе 1341 г. он бежал обратно в Италию, откуда за десять с небольшим лет до этого прибыл), а Григорий Акидин, его ученик. Против Акиндина, пользовавшегося тогда поддержкой патриарха, и направлены все сохранившиеся произведения Давида Дисипата. Кроме переведенных на славянский язык сохранились в греческом оригинале и другие его сочинения: «Слово о кощунствах Валаама и Акиндина, посланное Кавасиле господину Николаю» и ямбическая поэма в 618 стихов с обличением ереси тех же Варлаама и Акиндина. Из переведенных же на славянский язык первое произведение — «О еже не впасти в ересь. . .» — до нас

по-гречески не дошло. Время написания этого памятника приходится на 1342 г. Второе в подборке «Сказание, како Варлаам изобрете и состави свою ересь» было написано в 1343 г. в ответ на просьбу вдовствующей императрицы Анны Савойской, обращенную ею к ряду лиц, ознакомить ее с сутью волнующих общество богословских разногласий. В период гражданской войны эти разногласия оказались тесно связаны с расхождениями политическими, а за интересом императрицы стояло желание найти путь к примирению с бравшим верх ее противником Иоанном Кантакузином — для этого она решила проявить интерес и сочувствие к убеждениям находившегося тогда в заключении за «кантакузинизм» Григория Паламы. «Сказание. . .» Давида характеризовалось его современниками как «ясное и доступное по слогу и глубокое по уму и смыслу», каковые качества (наряду со сравнительно небольшим объемом), очевидно, и привлекли к нему внимание славянского переводчика. Сведения о Давиде как о живом и действующем лице прекращаются вскоре после конца гражданской войны, примерно в нач. 2-й пол. XIV в. О Давиде Дисипате см.: Τσαμῆ Δ. Γ. Δαβίδ Δισυπάτου Λόγος κατὰ Βαρλαάμ καὶ Ἀκινδόνου πρὸς Νικόλαον Καβασιλάν. Θεσσαλονίκη, 1973 (В' ἐκδ.: Θεσσαλονίκη, 1976); В е у е г Н.-V. David Disypatos als Theologe und Vorkämpfer die Sache des Hesychasmus (ca. 1337—1350) // Jahrbuch der österreichischen Byzantistik. Wien, 1975. Bd 24. S. 107—128.

О Варлааме Давид говорит — и это соответствует тому, что мы знаем о нем из других источников (в том числе его собственных сочинений), — что он не верил в нетварность «фаворского света», «божественной энергии» и единственным божественным светом считал свет разума и древнегреческой философии; о Паламе — что он исходил из традиционного положения византийского богословия, согласно которому характер деятельности всегда точно отражает характер сущности («неразлучна бо суть действа от существа»); об Акиндине же — что то, что исихасты называли божественными действиями, он считал самым божественным существом, тем самым представляя это существо причастным, т. е. доступным, «всем тварем, словесным же и безсловесным, одушевленным же и бездушным, еже, — комментирует Давид, — всякого нечестия превыше». Отрицание деятельности, утверждает Дисипат, означает отрицание сущности.

Славянский перевод сочинений Давида Дисипата сохранился в Загребском сборнике Владислава Грамматика 1469 г. (здесь «Сказание, како Варлаам изобрете и състави свою ересь» распространено «дополнительными ругательствами в адрес Варлаама», см.: И в а н о в а - К о н с т а н т и н о в а К. Някои моменти на българо-византийските литературни връзки през XIV в.: (исихазмът и неговото проникване в България) // Старобългарска литература. Изследования и материали. София, 1971. Кн. 1. С. 219) и в ряде русских списков, старейшие из которых — 60—80-х гг. XV в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1032; ЦГАДА, собр. Оболенского, ф. 201, оп. 1, № 93). В XVI в. митрополит *Макарий* включил сочинения Дисипата в августовскую часть Успенского (Царского) списка *Великих Миней Четиих* (первый из указанных списков XVI в. л. 1397 об.—1402).

«О иконописце святом евангелисте Луке» — сказание [о евангелисте Луке, известное по двум спискам в сборниках кон. XV—нач. XVI в. (БАН, 4.3.15 и ГБЛ, Музейн. собр., № 3271). Оно восходит к византийским легендам VI—XIV вв., отразившимся в сочинениях Иоанна Дамаскина, Симеона Метафраста, Никифора Каллиста, и несколько отличается от рассказа, входящего в состав «Многосложного свитка» (см.: Сборник о почитании икон в 12 словах. М., 1642. Л. 170). Текст Сказания краток. Оно начинается неопределенной ссылкой «Глаголют же о нем» (Луке. — О. Б.) и сообщает о причастности евангелиста Луки к «живописательному художеству»: он первым написал иконы богородицы с младенцем и показал их ей («еще угодно быти ей»), а также изобразил апостолов. В Сказании дважды приводится прямая речь богородицы. В конце Сказания сообщается, что Лука был не только художником, но и писателем, и указывается, что он «списа благовестие» через 15 лет после «Христового вознесения». Сюжет этого рассказа отразился в древнерусском изобразительном искусстве. Известны два лицевых Евангелия XV—XVI вв. (новгородского происхождения) с миниатюрой, изображающей евангелиста Луку за работой иконописца; известны также иконы XVI и XVII вв. того же содержания. В пространной редакции рассказ о Луке-иконописце был опубликован по списку XVIII в. (ГПБ, собр. Вяземского, № 63).

Изд.: Сказание о иконе Божией матери Одигитрии. Facsimile из рукописи, принадлежащей князю П. П. Вяземскому, № 63. СПб., 1878 (ОЛДП. Вып. 19). Лит.: К а з а н с к и й П. Лука евангелист как иконописец // Древности. 1870. Т. 2. С. 46—51; П о к р о в с к и й Н. В. Сийский иконописный подлинник. СПб., 1895. Вып. 1. С. 17, 52—58 (ПДП. Вып. 106); У с п е н с к и й А. И. О художественной деятельности евангелиста Луки. М., 1904; К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 387; Р о з а н о в а Н. В. К вопросу об изображении художника в древнерусском искусстве // Государственная Третьяковская галерея: Материалы и исследования. Л., 1983. С. 18—33; С м л р о в а Э. С. Миниатюры двух новгородских рукописей // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 180—203.

О. А. Белоброва

«О победе Кипрской» (или «О приходе турецкого и сорочин на Кипрский остров») — сказание, возникшее в кон. XVI—нач. XVII в. в посольской среде Москвы и проникнутое сочувствием к борьбе киприотов против иноземных, в том числе венецианских и турецких, поработителей острова. В основе произведения лежат устные предания о военных событиях на Кипре. В сказании сообщается о приходе к Кипру в 6060 (552) г. турок и «срацын» с войском численностью «12 сот тысяч». Кипрский князь собрал христианское войско, в составе которого были «фряские и короли и князья», и расположил его под городом Талобот (искаженное Талабаис — Bella-Pais на севере острова). После кровавой битвы полки христиан возгла-

вил неведомый всадник «на сиве коне, лицом кошав» (Христос), который трижды оказывал чудесную помощь кипрскому войску; турки понесли огромные потери и выпуждены были снять осаду. Христиане погребают погибших воинов и разъезжаются по домам. В рассказе немало апахронизмов и допущений. Сказание сочетает черты воинских повестей и местных легенд, прославляющих крепости Кипра, в особенности северные. Апология борьбы киприотов и описание их побед над ипоземцами (турками и сарацинами) отчасти объяснимы распространением в кон. XVI в. непроверенных слухов об изгнании с острова вторгшихся вражеских полчищ (донесения московского посланника в Польше *Г. Ф. Меццерского*). Сказание известно в двух редакциях, всего в трех списках.

Изд.: Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972.

Лит.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 318; Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 385; Георгиевский Г. П. Собрание П. С. Тихонравова. 1. Рукописи. М., 1913. С. 50.

О. А. Белоброва

«О премудром и многотрудном Максиме, иноке Святыя горы»
см. *Сказания о Максиме Греке*.

«О преставлении старца Антония Галичанина» — рассказ патеричного типа, созданный не позднее 20—30-х гг. XVI в. и посвященный описанию кончины некоего старца Антония Галичанина, случившейся в 1526 г. в Павловой пустыни. Ведется он от лица очевидца событий. Все известные списки его своим происхождением связаны с Иосифо-Волоколамским монастырем. Впервые в Волоколамском монастыре рассказ был переписан в сборнике *Дионисия Звенигородского* Луны (ГБЛ, Волок. собр., № 661) вскоре после описываемого события. В этой рукописи он не имеет заглавия. *Нифонт Кормилищын* поместил его в своих сборниках — ГПБ, Q. XVII.15; Q. XVII.64; в одном из списков он дал тексту заглавие «О преставлении. . .». В рукописях Мартина Рыкова (ГБЛ, Волок. собр., № 520) и старца *Фотия* (ГБЛ, Волок. собр., № 491) рассказ помещен под заглавием «Повесть страшна и zelo полезна». Какого происхождения этот рассказ, читался ли он где-нибудь, кроме Волоколамского монастыря, остается неизвестным. Видимо, следует сопоставить его с другим малоизвестным произведением, тоже бытовавшим в XVI в. в Волоколамском монастыре, — «О святем мученице Иване, иже за Христа мучен во граде Казави» (см. *Житие Иоанна мученика Казанского*), а также со статьями в *Патерике Волоколамском*. Рассказ о смерти Антония остается неопубликованным.

Лит.: Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 219—220.

Р. П. Дмитриева

О Риме (в рукописях без названия, нач.: «До града² Ферары путь писан напреди, а от Ферары до Рима. . .») — заметка из цикла произведений о Ферраро-Флорентийском соборе, представляющая первое в русской литературе описание Рима. Автором заметки является тот же неизвестный суздалец, который написал *Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг.*; это подтверждается начальной фразой заметки, указывающей на существование другого, ранее написанного тем же автором труда о «пути» «до града Ферары», и наличием стилистических совпадений в обоих памятниках. Разделение произведений самим писателем объясняется разными их назначениями: *Хождение во Флоренцию* представляло полуофициальный дневник поездки русского посольства во главе с митрополитом *Исидором*, который побывал во Флоренции и Ферраре, но в Риме не был, а заметка о Риме отразила личные впечатления писателя от этого города.

Известно 4 списка памятника в сборниках XVI—XIX вв.: ГБЛ, собр. Румянцева, № 35, л. 16 об.—17 об.; ГПБ, Соф. собр., № 1465, л. 246—246 об.; БАН, 16.8.13, л. 135—136; ГБЛ, Музейн. собр., № 939, л. 58—58 об. Н. А. Казакова, подготовившая критическое издание текста, доказала, что описание Рима с самого начала возникло как отдельный памятник и было включено в состав *Хождения* лишь в поздней рукописной традиции. Исследовательница опровергает гипотезу Г. Штекля, предполагавшего, что описание Рима являлось фрагментом *Хождения во Флоренцию* и было занесено в его состав автором этого путевого дневника на основании записок какого-то другого участника русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор, а впоследствии было выделено в особую статью.

Изд.: Востоков. Описание. С. 41; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Прил. С. 88; Казакова Н. А. Заметка о Риме русского путешественника середины XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 252—255.

Лит.: Reisebericht eines unbekanntes Russen (1437—1440) / Übers. eingeleit. und erkl. von G. Stökl // Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Graz; Wien; Köln, 1954. S. 180—182, anm. 70 (Byzantinische Geschichtsschreiber, hrsg. von E. V. Ivánka, Bd 2); Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 52—55.

Н. Ф. Дробленков

Оболенский Ноготков Михаил Андреевич (ум. до 1577) — князь, помощник А. М. Курбского в его переводческой деятельности. Отъехал с женой в Литву до 1568 г., когда получил «привилей» от короля Сигизмунда Августа (этот «привилей» полностью воспроизведен в жалованной подтвердительной грамоте 1577 г., выданной Стефаном Баторием вдове О. Феодоре Федоровне Мироновой, вышедшей к этому времени вторично замуж за князя Станислава Юрагу Гедройта; см.: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 3. С. 216—218). С. Б. Веселовский устанавливает связь между бегством О. и казнью его отца Андрея Васильевича (Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 294, 419). Не довольствуясь пожалованным ему именем, в 1577 г.

О. своевольно захватил королевские «кгрунты» Обельские (Л а п о И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). Т. 1 // Записки историко-филологического ф-та имп. С.-Петербургского ун-та. СПб., 1901. Ч. 61. С. 396, примеч. 2). В 1571 г. царские послы доносили из Литвы: «А князь Михайлишко Ноготков Оболенской был у Курбского, а ныне вести про него нет, жив ли будет или здох» (Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71. С. 807). Неосведомленность послов объясняется из письма А. М. Курбского Марку Сарыхозину, в котором беглый князь сообщает, что по его настоянию О. отправился учиться: «Он же послушал мя, и изнурих три лета в Кракове в школе, и потом совершения ради до Влох ехал, оставя дом, жену и детки, и тамо аки два лета пребыл; а ныне благодатию божиею возвратился к нам»; А. М. Курбский считает О. еще молодым человеком: «во младом еще будущий веце» (РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 417). Из подтверждающей грамоты 1577 г. ясно, что в это время О. уже не было в живых. А. Б. Лобанов-Ростовский (Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 2. С. 38) сообщает ошибочные сведения об О.

О. помогал А. М. Курбскому при переводе «Богословия» Иоанна Дамаскина, на что содержатся ясные указания в написанном беглым князем предисловии к этому переводу («Предисловие Андрея, грехми исполненаго»); см.: *Оболенский М.* О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина // Библиографические записки. 1858. Т. 1, № 12. Стб. 359. А. С. Архангельский датировал этот перевод 1575—1579 гг., но верхней датой должен быть 1577 г., ибо в 1579 г. О. уже не было в живых. Возможно, О. принимал участие и в других переводах А. М. Курбского, прежде всего — в переводе «Диалектики» Иоанна Дамаскина, осуществленном вскоре после «Богословия». Переводы эти в большинстве своем, включая книги Иоанна Дамаскина, остаются неизданными.

Лит.: Архангельский А. С. К изучению древнерусской литературы: Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888. С. 109—112; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1, ч. 2. С. 383; СПб., 1907. Ч. 3. С. 527; Беляева Н. П. Материалы к указателю переводных трудов А. М. Курбского // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 125—128.

Т. В. Буланина

Огарков Михаил Федорович (кон. XVI—1-я четв. XVII в.) — дьяк, посол, наряду с *Трифоном Коробейниковым* предполагаемый автор Хождения в Царьград в 1593—1594 гг. Биографические сведения об О. основаны на тексте отчета Трифона Коробейникова «в розданной царской милостыне» и его так называемого второго «Хождения» на Восток в 1593—1594 гг., а также актовых материалах рубежа XVI—XVII вв. Первое упоминание о нем относится к августу 1586 г., когда после торжественной встречи в Москве правительством царя Федора Ивановича антиохийского патриарха Иоакима О., бывший тогда подьячим, сопровождал знатного гостя в Константинополь,

Александрию и на Афон с царской милостыней по душе царевича *Ивана Ивановича*. Он путешествовал вместе с купцом Федором Андреевым и Иваном Дежмандурой с сопроводительной царской грамотой, в которой сообщалось, что он вез с собой «царскую милостыню» 375 рублей и ехал одновременно затем, чтобы выкупить своего сына из турецкого плена. В 1593 г., вслед за посольством купца Ивана Кошурина (отправленного в 1592 г.), О., уже в должности дьяка, снова был направлен на Восток, на этот раз в Иерусалим, но уже в качестве главного члена посольства вместе с Трифоном Коробейниковым и подьячим Сыдавным Василием. Посольство выехало из Москвы 19 января с богатой «здравной милостыней» по случаю рождения царевны Феодосии Федоровны (5564 венгерских золотых и множество пушиного товару), которую оно должно было раздать в Царьграде, Антиохии, Иерусалиме, Египте и на Синае. При *Борисе Годунове* О. участвовал в посольстве в Крым вместе с князем Григорием Волконским (Гневушев А. М. Акты. . . С. 241).

В 1603—1604 гг. О. — дьяк Галицкой чети и ему, «по боярскому приговору, для Иваногородской посылки» дано жалование «наперед иных дьяков» (Сухотин Л. М. Четвертки. . . С. 6). С 14 мая 1604 г. по 1605 (1606) г. О. — дьяк в Ивангороде. Примерно с 1611 г. по 5 июня 1613 г. О. — дьяк в Галиче. В 1613 г. он как участник выборов на царство Михаила Романова «приложил руку» к Утвержденной грамоте (СГГД. 1813. Ч. 1, № 203. С. 639). С 22 апреля 1614 г. по 11 января 1619 г. О. — дьяк Владимирской чети, а с 1615 (1616) по 1616 (1617) г. он также — дьяк «в объездах по Москве». На этом сведения об О. обрываются.

Как дьяк и главный член посольства 1593—1594 гг. О. является предполагаемым автором Хождения в Царьград наряду с Трифоном Коробейниковым (перечень изданий см. в статье о нем).

Лит.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностраньями. СПб., 1852. Т. 2. С. 789; Книги разрядные, по официальным оним спискам издаанные II Отделением собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1853. Т. 1. С. 197, 407, 939; Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. С. 1218, 1221; Кантерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. М., 1885. С. 38 (Лопарев Х. М. Рец. на: Долгов С. О. Второе Хождение Трифона Коробейникова // ЧОИДР. 1887. Кн. 1 // ЖМНП. 1887. № 9. нояб. С. 137—140; Белокуров С. А. Разрядные записки за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 218; Иконников. Опыт по историографии. 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1886—1887; Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14, ч. 2. С. 45; Веселовский С. Б. 1) Новые акты Смутного времени: Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. М., 1911. С. 105, 163, 173, 186; 2) Акты писового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. М., 1913. Т. 1. С. 20 (№ 12), 35 (№ 24), 43 (№ 32), 95 (№ 72), 104 (№ 78); 3) Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 382; РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 1; Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604—1617 гг.). М., 1912. С. 6; Гневушев А. М. Акты времени правления царя Василия Шуйского: (1609 г. 19 мая—17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 241; Будовиц. Словарь. С. 197, 359; Семанн К. Д. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976. S. 288—289, 296—297.

Н. Ф. Дробленкова

Онуфрий Исаков (XVI в.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, автор записки о смерти *Дионисия Звенигородского* Лупы. Единственным источником известий об О. является рукопись ГБЛ, Волок. собр., № 577, имеющая запись: «Сборник Ануфрия Исакова, Денисьева ученика Звенигородского». Дионисий Звенигородский, книжный человек, интересы которого распространялись и на повествовательную и историческую литературу, видимо, оказал влияние на развитие кругозора своего ученика. В сборнике О. собраны произведения сравнительно широкой тематики, которые бытовали среди иосифлян, в том числе *Повести о Евстратии и о Меркурии Смоленском*. Только в этом сборнике сохранилась первоначальная, наиболее пространная редакция краткого летописца, содержащего биографические сведения о *Иосифе Волоцком*. Запись о смерти Дионисия О. поместил в конце сборника.

Лит.: И о с и ф, перомонах. Опись рукописей, перепесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 231—234; Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1887—1888. Ч. 1—2. С. 62 (Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 60); Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // *ГОДРЛ. Л.*, 1974. Т. 28. С. 210—212.

Р. П. Дмитриева

«От коих частей создан бысть Адам» — апокрифическое произведение, встречающееся в древнерусских рукописях отдельно или в составе вопросо-ответных сборников, таких как *Беседа трех святителей* или «Разумник». Был ли текст этого произведения выделен из такого рода сборников или, наоборот, самостоятельное произведение внесено в подборки, решить невозможно до полного текстологического исследования как самого апокрифа, так и вопросо-ответных сборников.

Сюжет о создании первого человека входит составной частью в рассказ о мироздании. Именно в таком контексте читается апокриф в рукописях, опубликованных Н. С. Тихомировым (сербская рукопись XV в. из собр. Григоровича и Измарагд XVI в. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 794): «В неделю сотвори бог небо и землю, день и ночь и всю вселенную. . .». В Беседе трех святителей также включен вопрос о сотворении Адама. В апокрифе о создании Адама показана связь макрокосма — земли — с микрокосмом — человеком. Текст апокрифа несколько варьируется: в русских рукописях обычно перечисляются 8 частей, из которых составлен был Адам: тело от земли, кости от камня, очи от моря, мысль от скорости ангельской, душа и дыхание от ветра, разум от облак, кровь от росы и от солнца (ср. вариант в рукописи *Ефросина*, ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 11/1088, л. 279 об.—280 об.—кровь от «Черного моря», очи от солнца). Иногда сначала перечисляются элементы макрокосма, а затем уж их присутствие в человеке (см. другой сборник *Ефросина* — ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 22/1099, л. 512 об.). Далее, основной сюжет толкуется различным образом, например: «от земли хужше всех части, от моря — доброта, от солнца — красота, от облак — ле-

гота, . . . от ветра — зависть» (в сборнике Кир.-Белоз. собр., № 22/1099); или поясняется, как влияют составные части Адама на качества других людей: тот, в ком преобладает семя от моря, — лăком, от солнца — мудр, от «камения» — милостив, и пр.; или как разделилась доброта Адамова: Аврааму — «гостолубство», Самсону — сила, Иосифу — «лепота» и т. д. (в списках, опубликованных Тихопратовым).

Апокриф «От коих частей. . .» часто соседствует со сходными по содержанию произведениями. Так, в первой из названных рукописей Ефросина ему предшествует фрагмент о создании человека от четырех составов, в славянском переводе читавшийся уже в *Изборнике 1073 г.* (см. л. 245 об., гл. 108 «Феодорита от того еже о святей Троици»): от огня теплота, от воздуха «студенство», от земли сухота, от воды мокрота. Подборка завершается самостоятельным рассказом об изобретении имени первого человека. Бог послал ангелов в разные концы земли, где они заимствовали начальные буквы из названий звезд: Анатоли, Дисис, Артос, Месеврия, из которых сложилось имя АДАМ. Источником этого сюжета принято считать еврейско-талмудическое сочинение, использованное в греческой книжности. Здесь имя Адам соотнесено с греческими названиями частей света Ἀνατολή (восток), Δύσις (запад), Ἄρκτος (север), Μεσημέρια (полдень). В русской версии части света превратились в звезды.

В латиноязычной литературе аналогичный апокриф о создании человека из восьми элементов появился в X в. В XI—XIV вв. он был переведен на англосаксонский, древненемецкий и французский языки. Источник славянских изводов этого произведения — сербского, болгарского, древнерусского — не установлен.

В апокрифическую книгу Еноха, появившуюся на Руси в XII в., и в апокриф о Тивериадском море вошла версия о создании человека из семи элементов: «от земли тело, от камени кости, от моря кровь, от солнца очи, от облак мысли, от ветра дыхание, от огня теплота» (или кровь от росы и солнца, очи от бездны морской).

Греческий и ранний русский списки отреченных книг не упоминают апокрифа «От коих частей. . .». По наблюдению А. Н. Пыпина, это сочинение впервые упомянуто в индексе Кирилловой книги, изданной в 1644 г., на л. 7 об. (см. также: Пыпин А. Н. Для объяснения статьи о ложных книгах // ЛЗАК. СПб., 1862. Вып. 1. С. 54). Несмотря на это апокриф, по-видимому, был известен на Руси довольно рано, возможно, в XII в., если и не в виде самостоятельного произведения, то в составе Книги Еноха или Беседы трех святителей.

Самые ранние списки памятника находятся в сборнике Ефросина XV в. Но то обстоятельство, что Ефросин в двух сборниках переписал две, несколько отличающиеся друг от друга версии, указывает на существование до XV в. определенной истории текста. Сам факт компиляции памятников говорит о вторичном характере этой подборки XV в. Кроме того, в легенде об имени Адама названия звезд настолько искажены, что из них не составляется нужное имя. В поздних русских рукописях, например БАН, 32.16.19 (XVII в.)

и ГПБ, Солов. собр., № 868 (XIX в.), к апокрифу о создании Адама присоединены и другие легенды Адамова цикла — о том, как он давал имена животным и был первым пророком, видел во сне распятие Христа в Иерусалиме и казнь апостолов Петра и Павла в Риме (см. публикацию этих текстов: Срезневский В. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение имп. Академии наук в 1902 г. СПб., 1905. Прил. С. 218; Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные. С. 245—246).

Сюжет о создании человека из восьми (или семи) взятых у природы элементов бытует и в фольклоре. В. Ягич слышал на эту тему народные загадки сербохорватов; В. Мочульский указывает на влияние апокрифа на стихи Голубиной книги.

Изд.: ПЛ. 1862. Вып. 3. С. 12—14; Тихонов. Памятники. Т. 2. С. 443—444, 448—449.

Лит.: Ягич В. История сербо-хорватской литературы. Казань, 1871. С. 108; Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные. С. 5, 12—13, 37—38, 97—98; Мочульский В. 1) Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С. 54—91; 2) Следы народной библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893. С. 70—72; Брац Г. М. Следы иудейских воззрений в древнерусской письменности // Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете. Византийское отделение. Хроника. Одесса, 1894. Т. 4. С. 16—18; Соколов М. И. Славянская книга Еноха Праведного: Текст, латинский перевод и исследование // ЧОИДР. 1910. Кн. 4, отд. 2. С. 151; Иванов И. Богомилски книги и легенди. София, 1925 (фототипическое переиздание: София, 1970). С. 177, 260, 291, 297; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 105, 185.

М. Д. Каган

II

Павел Высокий (ум. 1 I 1383) — старец основанного Дионисием Суздальским Нижегородского Печерского монастыря. В Летописце Рогожском и Летописи Симеоновской в связи с его преставлением сказано о нем как о «книжном, грамотном, чудном старце, пожившем добрым житием святым, . . . и вся братия по нем плакаша, яко и самому Дионисию прослезити по нем». В Летописи Никоновской характеристика эта развита, говорится, что он «писаше книги учительныя и к епископом посылаше». Каких-либо сочинений с его именем до нас не дошло. Однако же Филарет Гумилевский, базируясь на этих словах и полагая, что сочинения П. В. имели учительный характер и были написаны в виде посланий, приписывает ему предположительно, как «по языку и содержанию современные учительному Павлу», ряд встречающихся в рукописях безымянных поучений:

1) «Поучение избрано от книг, како жити крестьяном» (рекомендуется иметь страх божий, быть неленивым к церкви, сердцем, мечом и головой служить своему князю и не быть лихоимцем); 2) «Поучение ко всем православным христианом»; 3) «Слово ко всему миру»; 4) «Поучение отца духовного к детям»; 5) «Поучение некого отца духовного к сыну, како творити милостыни»; 6) Поучение о лихоимстве и пьянстве; 7) Поучение о праздновании духовном и пьянстве; 8) Слово о умерших; 9) «Слово о хрестьянстве» (о недозволренности таких «поганских дел», как «плясание, плескание рук, сатанины песни» и т. п.).

Лит.: Филарет. Обзор. С. 82—83.

Г. М. Прохорова

Паисий Ярославов (ум. 22 или 23 XII 1501) — игумен Троице-Сергиева монастыря, автор Сказания о Спасо-Каменном монастыре, постриженником которого он был. Как известно из Сказания, в последней четв. XIV в. возродил этот существующий с XIII в. на острове Кубенского озера монастырь и ввел там афонский общежительный устав пришелец из Константинополя, постриженник Святой Горы Дионисий, посланный туда в качестве игумена Дмитрием Донским. П. мог учиться там у нескольких поколений учеников святогорца. Далекий от мира и один из авторитетнейших по традициям, Спасо-Преображенский островной монастырь давал прекрасные возможности для развития внутренней молитвенной сосредоточенности. «Письмо о нелюбках старцев Кириллова и Иосифова монастыря» называет учеником П. «Нила по реклу Майкова», *Нила Сорского*. Возможно, Нил был учеником П. на Каменном острове, но кажется более вероятным, что П. какое-то время был «старцем» (значит, был вправе иметь учеников) в Кирилло-Белозерском монастыре (судя по всему, месте пострижения Нила). Когда в 1446 г. изгнанный из Москвы Шемякой *Василий II Васильевич Темный* приплывал в Спасо-Каменный монастырь молиться о возвращении ему великого княжения Московского, он мог встретить и узнать там П. С П. тогда же мог сблизиться его сын, пятнадцатилетний *Иван III Васильевич*, который в 1452 г. еще раз посетил монастырь после карательной экспедиции в земли Шемяки. Во всяком случае, став великим князем, Иван III выказывал П. свое уважение, в частности просил его крестить своего сына *Василия III* (1479 г.). Об этом сказано в древнейшем списке Сказания: «И крести великого князя Василиа Ивановича вся Руси самодержца» (ГПБ, Соф. собр., № 1457, сер. XVI в., л. 208). О том, что П. был «приемник великого князя Василиа от святых купели», известно и из «Письма о нелюбках». Это Письмо говорит также, что старцев П. и Нила «князь великий держал в чести в велице». Вследствие ли этого уважения или по каким-то другим причинам П. оказался в Троице-Сергиевой лавре, а в 1479 г. стал ее игуменом. Вскоре после этого, на рубеже 70—80-х гг. XV в., он выступал истцом от лица Троице-Сергиевой лавры против игумена Кирилло-Белозерского монастыря Нифонта в споре из-за земельных владений (Акты социально-экономической истории

северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. 1, № 467). В 1481 г. П. отказался от игуменства по причине падения дисциплины среди иноков Троице-Сергиева монастыря. Где он после этого поселился, в точности неизвестно, но вероятно, что он вернулся в Спасо-Каменный монастырь, незадолго до того погоревший, и именно тогда написал о нем: последнее известие в Сказании, о построении каменной церкви, датировано как раз 1481 г. В 1484 г. П. снова был в Москве, где великий князь Иван III Васильевич щетно уговаривал его занять место вызвавшего княжеское неудовольствие митрополита *Геронтия* (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 189—190). В 1489 г. архиепископ Новгородский *Геннадий* в послании архиепископу Ростовскому Иоасафу рекомендовал старцев П. и Нила как людей авторитетных, предлагая вызвать их, чтобы посоветоваться относительно мер против еретиков и разговоров о приближающемся с завершением седьмой тысячи лет конца света. Отсюда можно сделать вывод, что П., как и Нил, жил в это время опять в Заволжье. В 1490 г. оба старца, учитель и ученик, участвовали в соборе против «жидовская мудрствующих» новгородско-московских еретиков в Москве (ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 158). В науке существует, но и оспаривается мнение, что сравнительная мягкость решений, принятых собором, есть результат влияния этих двух старцев (Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба. . . С. 311—312).

Согласно «Письму о нелюбках», П. и Нил Сорский участвовали также в московском соборе 1503 г. (в «Письме» собор датирован 7012 (1504) г.). Там сначала обсуждался вопрос о праве вдовых попов и дьяконов служить, а потом было поставлено под сомнение право монастырей владеть селами, что вызвало своего рода раскол между сторонниками этого права — последователями *Иосифа Волоцкого*, *иосифлянами*, и *пестяжателями* — последователями Нила Сорского и, очевидно, П. Однако же существуют две авторитетные записи XVI в., согласно которым П. скончался за два года до собора. Одна из них сообщает, что старец «Пасея Ерославов» преставился; на Москве «в лето 7010 декабря 23 в четверток в час дни» (ГПБ, собр. Погодина, № 1554, л. 21), а другая: «Пассей преставися месяца декабря 22 в четвер(ток) на втором часу дни или на 3-ем, десятого лета» (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 101/1178, «Германов сборничек», л. 253 об.). Более точной из этих записей кажется первая, так как 22 декабря в 1501 г. было не четвергом, а средою.

Сказание П. о Спасо-Каменном монастыре известно, по крайней мере, в 16 списках XVI—XVIII вв. Как сказано в его заглавии, «приспономнимый» старец П. «после пожару Каменскаго монастыря от старых книг собра» его. Сказание изобилует хронологическими неточностями. Заметив это, В. О. Ключевский сделал вывод, что его составитель использовал также устные монастырские предания и собственную память. Текст Сказания разделен заголовками: «Начало Каменскаго монастыря», «О игумене Дионисии Цареградском», «О преподобном Дионисии Глушицком», «О Александре иже на Куште», «О возведении на епископство игумена Дионисия Каменскаго

во граде Ростове», «О Дионисии Глушицком игумене», «О игумене Касияне», «О пострижении благоверного князя-инока Иосафа Каменского», «О пожаре Каменного монастыря» и «О поставлении церкви каменной». Сказание является ценным источником по истории Спасо-Каменного монастыря, но также по истории монастырской колонизации и христианизации Вологодского края; оно содержит сведения (легендарного характера), объясняющие некоторые топонимы Вологодской земли; сведения о пришедшем из Константинополя при Дмитрии Донском святогорце Дионисии, первом спасо-каменском игумене, впоследствии епископе Ростовском; о юношах Дмитрие и Алексее, уроженцах Вологды, постригшихся у Дионисия, впоследствии знаменитых основателях собственных монастырей в районе Кубенского озера Дионисия Глушицком и Александре Кушитском; о «море на люди» в Ростове; о политической борьбе вокруг великого княжения Московского в XV в., о посещении монастыря Василием Темным и о том, как он принес туда икону Спаса Эммануила, доставленную некогда Дмитрию Донскому из Константинополя; об игумене Кассиане, постриженнике Спасо-Каменного монастыря, который «в Кирилове монастыре игуменил много лет и житию Кирила Чюдотворца свидетель», ходил от князя Василия Васильевича и митрополита *Ионы* в Царьград «о церковном исправлении к патриарху», а затем с княжескими дарами вернулся «в пострижение свое на Каменной»; о судьбе князя Андрея Дмитриевича Заозерского, внука Василия Ярославского, постригшегося в возрасте 12 лет в Спасо-Каменном монастыре и через пять лет умершего там; об участии князя Андрея Васильевича Меньшикова-Вологодского в построении в 1481 г. в погоревшем монастыре церкви из камня, который возили «изо Твери и из Старицы-городка». Следующая за этим известием фраза «Монастырь же сий от древних зовом Каменное» как бы подводит итог всему Сказанию. В некоторых списках за ней идет сообщение: «Князь Адрей Васильевич Углецкой дал Деисус Дионисиева писма» — последняя фраза, которую мог бы написать П. Дальнейшие приписки к Сказанию относятся уже к XVI и XVII вв. Стиль Сказания простой, повествовательный, без риторических ухищрений. Для некоторых произведений, написанных в XV—XVII вв., Сказание послужило источником фактических сведений. Так, в сер. XVI в. его использовал неизвестный автор при создании *Жития Иосафа Каменского*, часто предшествующего в рукописях Сказанию. Сказанием или этим житием воспользовался выявленный М. Н. Тихомировым краткий летописец XVI в. (см.: В а с и л ь е в Ю. С. Летописное наследие Поморья // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. 11. С. 37). Из Сказания почерпнуто известие о том, как князь Глеб Борисович понал «на островок, Каменное зовом», завершающее подборку выдержек летописного характера в списке 60-х гг. XVI в. (БАН, Арханг. собр., № 193, сборник-конволют, часть 1560-х гг., л. 481 об.; наблюдение Д. О. Цыпкина). Во 2-й пол. XVII в., не позже 1700 г., Сказание было использовано жившим в Вологодской земле продолжателем Уваровского летописца (К а з а к о в а Н. А. Вологодское летописание XVII—XVIII вв. // Вспомогатель-

ные исторические дисциплины. Л., 1981. Т. 12. С. 83). Письменными источниками Сказания (по-видимому, не им самим) воспользовался в 1495 г. *Иринарх Глушицкий*, автор Жития Дионисия Глушицкого.

Старцу Паисию «Серапонского», или Фералонтова, монастыря приписывается в некоторых рукописях *Повесть о втором браке Василия III*. По этой причине в науке высказывалось мнение о принадлежности Повести П., однако же в настоящее время это мнение оставлено (Повесть говорит о событиях более позднего времени).

В составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря есть две рукописи, которые могут быть связаны с П. Первая — ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 4/1081, сборник кон. XIV—нач. XV в., называемый Паисиевским (С р е з н е в с к и й. Сведения и заметки. Т. 2. № LVI. С. 298—304). Как следует из записи на нижнем поле л. 8—42 (по букве на листе) — «князя Стефана Васильевича Комрина, 6920 год», в 1412 г. эта книга Кирилло-Белозерскому монастырю еще не принадлежала. Не связано ли ее появление там с П.?

Вторая книга — ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 275/532, сборник-часослов кон. XV—нач. XVI в., весь исписанный по полям выписками из монашеско-исихастской учительной литературы — той самой, что была обильно использована Нилом Сорским в его сочинениях. А в конце рукописи (л. 365 об.) помечено: «Часослов был у старца у Паисе(я), изписал его он».

Среди рукописей Троице-Сергиевой лавры тоже есть книги, которые могут быть связаны с П. Во-первых, это рукопись ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, ф. 304, № 748 (1647), сборник 1-й пол. XV в., названный записью (л. 456 об.) «Сборник Пасеевской». Он содержит жития Иоанна Дамаскина, Павла Фивейского, Макария Египетского, ряд «слов», а также Житие и сочинения Григория Синаита (см.: *А р с е н и й и И л а р и й*. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1879. Ч. 3. № 748 (1647). С. 143—145). Во-вторых — ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, ф. 304, № 747 (1660), сборник, 1445 г.; на его л. 463 об.—464 — приписка «священноинока Макарьища», завершающаяся словами: «А писал есмь сей Съборник Паисию старцу Сергеева монастыря». Если упомянутый здесь Паисий — П., значит, он был старцем Троице-Сергиева монастыря уже в 1445 г. Сборник содержит жития святых с разными добавлениями, в том числе такими, которые ясно указывают на созерцательно-исихастский склад ума и характер интересов создателей и владельца этой книги.

В литературе обычно с П. связывается третья рукопись из того же собрания. — ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, ф. 304, № 764, сборник четых материалов на июнь, XV и XVI вв. Книга считается его автографом, так как после окончания начинающего ее Жития Кирилла Белозерского читается мелкая запись: «Господину моему Спиридону Живоначалныя Троица сие надписание от руки грешна инок Паисея. От усердия с любовью. Аще и неудобренно, но от жалания». Спиридон был игуменом Троицкого Сергиева монастыря в 1467—1476 гг. Затруднительно только признать автографами П. приписки на полях сборника-часослова и одновременно этот список Жития

Кирилла Белозерского: они написаны разными почерками (хотя надо учитывать, что в одном случае это записки для себя, а в другом — список для преподнесения игумену).

Рукопись же ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, ф. 304, № 533 (543), Минея служебная, XV в., как показывает запись в ее конце — «Книга сия старцю келарю Саве и игумену Паисею», предназначалась монастырскому начальству, в том числе, вероятно, самому П., уже как игумену.

Крестник П., Василий III, умирая, завещал «крест Паисиской», очевидно, полученный им при крещении от П., своему годовалому сыну Юрию (см.: ПЛДР. Середина XVI в. М., 1985. С. 38, 575).

Изд.: Сказание известно о Каменном монастыре преспомятнана старца Паисея свягата Ярославова // ПС. 1861. Ч. 1. С. 197—216.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 189—192; А р х а н г е л ь с к и й А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Т. 1. Нил Сорский // ПДШ. СПб., 1881. Т. 25. С. 15—18; К о п о п л с в Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4, отд. IV. С. 38—42; Н и к о л ь с к и й Н. К. Речь тонкословия греческого: Русско-греческие разговоры XV—XVI века // ПДШ. СПб., 1896. Т. 114. С. X—XII; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 25—338 (см. указатель).

Г. М. Прохоров

Палея историческая — переводной памятник, излагающий библейскую историю от сотворения мира до времени царя Давида. В отличие от *Палеи толковой* П. И. не содержит толкований и полемических отступлений. В списках носит наименование «Книга бытия небеси и земли». Источниками П. И. помимо собственно библейского текста явились апокрифы, Великий канон Андрея Критского, слова Иоанна Златоуста и Григория Богослова. Русский текст ее восходит, как это установлено М. Н. Сперапским и Т. А. Сумниковой, к среднеболгарскому переводу с греческого, осуществленному в 1-й пол. XIII в. Сходный греческий текст (который не может быть, однако, признан непосредственным оригиналом перевода) опубликован А. Васильевым (В а с и л ь е в А. Anecdota graeco-byzantina. М., 1893).

Влияние П. И. обнаруживается в сочинении *Ермолая—Еразма* о Троице, в *Хронографе Русском* распространенной редакции 1617 г., а также в особой переработке П. И., изданной А. Поповым под названием *Сокращенная палея русской редакции по списку ГПБ, Соф. собр., № 1448* (описание списка см.: ЛЗАК за 1864 г. СПб., 1865. Вып. 3, разд. 3. С. 17—20). Перечень известных в настоящее время списков П. И. см. в работе Т. А. Сумниковой.

Изд.: П о п о в А. Книга бытия небеси и земли: (Палея историческая с приложением Сокращенной палеи русской редакции) // ЧОИДР. 1881. Кн. 1.

Лит.: Ж д а н о в И. П. Палея // Киевские унив. известия. 1881, окт. С. 309—322 (перепечатано в кн.: Сочинения И. Н. Жданова. СПб., 1904. Т. 1. С. 470—483); В е р е в с к и й Ф. Русская историческая палея // Филологические записки. Воронеж, 1888. Т. 2. С. 1—18; С п е р а п с к и й М. П. 1) Историческа Палея, њени преводи и редакцие у старој словенској књижевности // Споменик. Београд, 1892. Т. 16. С. 1—15; 2) Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 77—85, 104—147; С у м н и -

Палея хронографическая — памятник, по своему характеру и составу сочетающий черты палеи и хронографа. Как установлено В. М. Истриным, П. Х. представляет собой переработку *Палеи толковой*. Различаются две разновидности П. Х. — Полная и Краткая.

Полная П. Х. в первой своей части (до описания событий времен царя Соломона) текстуально близка к Палее толковой, но текст последней дополнен новыми материалами: извлечениями из Библии (их сводный перечень, к сожалению с пропусками, см. в табл. III, приложенной к тексту статьи В. М. Истрина «Редакции Толковой палеи»), апокрифическими легендами о Ламехе (см. *Апокриф о Ламехе*), Мельхиседеке (см. *Апокрифы о Мельхиседеке*), Исаве и Иакове, Моисее (см. *Апокрифы о Моисее*), Соломоне (см. *Апокрифы о Соломоне*) (включены апокрифические Суды Соломона, апокриф о Соломоне и Китоврасе), фрагментами из *Хроники Георгия Амартола* и, в меньшей степени, из *Хроники Иоанна Малалы*, из *Александрии хронографической* второй редакции, из Толкований Ипполита на Книгу Даниила, и др. Начиная с повествования об израильских и иудейских царях Полная П. Х. восходит, видимо, к *Хронографу по великому изложению* и использует также памятники из его «конвой» (см.: Т в о р о г о в О. В. Древнерусские хронографы. С. 66—67), сближаясь во многих фрагментах с Краткой П. Х., *Хронографом Троицким* и второй редакцией *Летописца Еллинского и Римского*. Описание состава хронографической части Полной П. Х. см. в книге «Древнерусские хронографы» (с. 239—262).

Исчерпывающие археографические разыскания о списках Полной П. Х. не произведены. В настоящее время известны ее списки: ГИМ, Синод. собр., № 210 и 211; Чуд. собр., № 348/46; ГБЛ, собр. Румянцева, № 453 (первые листы входят в сборник № 361 того же собрания); собр. Ундольского, № 719; ГПБ, собр. Погодина, № 1435. Список Синод. собр., № 211 (изданный под неточным определением «Толковая палея») украшен миниатюрами. Существует предположение, что Полная П. Х. создана в XV в. во Пскове.

Краткая П. Х., почти тождественная с Полной П. Х. в своей второй хронографической части, существенно отличается от нее в первой части, совпадающей с Толковой палеей: в Краткой палее текст значительно короче, опущены толкования и полемические рассуждения, входившие в состав Толковой палеи и сохраненные в Полной П. Х. Поэтому этот вид палеи по своему типу приближается к хронографу. Краткая П. Х. известна в списках: БАН, 24.5.8 (так называемый «список Срезневского»); ГПБ, собр. Погодина, № 1434; F.IV.603. Списки ГПБ, собр. Погодина, № 1436 и Солов. собр., № 866/976 близки друг к другу, но существенно отличаются по составу от перечисленных выше. В. М. Истрин отмечал возможное влияние на их текст *Палеи исторической*.

Полностью П. Х. не опубликована. Издание 1892 г. включает только половину текста; фрагмент Полной П. Х. напечатан В. М. Истриным. Отдельные апокрифические тексты из П. Х. напечатаны в ПЛ, книгах Н. М. Тихонова и И. Я. Порфирьева.

Изд.: ПЛ. 1862. Вып. 3. С. 9—10, 20—21, 24—49, 51—58; Тихонов в. Памятники. Т. 1. С. 17—18, 24—25, 254—258; Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные. С. 204—208, 221—241; Толковая палея 1477 года: Воспроизведение Синодальной рукописи № 210. СПб., 1892. Вып. 1; Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1922. Т. 2. С. 109—113.

Лит.: Истрин В. М. Редакции Толковой палеи // ИОРЯС. СПб., 1905. Т. 10, кн. 4. С. 135—203; СПб., 1906. Т. 11, кн. 1. С. 1—43; Кн. 2. С. 20—64; Кн. 3. С. 418—450 (отд. отт.: СПб., 1907); Карянский Н. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909. С. 1—62; Рыбаков Б. А. «Окна в исчезнувший мир» // Доклады и сообщения истор. фак-та МГУ. 1946. Вып. 4. С. 50—51; Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 164—165; Клосс Б. М. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 370—379; Творогов О. В. 1) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // Там же. 1974. Т. 28. С. 99—113; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975. Гл. 2, 3, 5.

О. В. Творогов

Памфил (XV—нач. XVI в.) — игумен Псковского Елеазаровского монастыря, автор послания псковским наместникам о праздновании дня Рождества Иоанна Предтечи. Основные биографические сведения о нем содержатся в древней редакции *Жития Евфросина Псковского*, написанного в то время, когда игуменом Елеазаровского монастыря был П. Неизвестный автор *Жития Евфросина* сообщает, что П. происходил из семьи, в которой четыре брата (Игнатий, Харлампий, П., Мартирий) и отец стали постриженниками Елеазаровского монастыря. Первым игуменом монастыря и духовником *Евфросина* был старший брат П. Игнатий, после него — Харлампий, затем, уже после смерти Евфросина (1481 г.), — П. Точное время игуменства П. не установлено. Во второй редакции *Жития Евфросина*, написанной в 1547 г., ее автор, псковский агиограф *Василий*, говорит, что беседовал в Елеазаровском монастыре с иноком Маркелом, постриженным в монахи при игумене П. 50 лет тому назад; следовательно, и в 1497 г. игуменом Елеазаровского монастыря был П.

Послание игумена П. наместнику великого князя в Пскове содержит единственное в древнерусской литературе подробное описание купальных обрядов. Древний языческий праздник в честь Купалы совпал с днем Рождества Иоанна Предтечи. Возмущенный тем, что Рождество великого Иоанна Предтечи встречают по-прежнему бесовскими играми, чародейством и «блудом», П. обращается к псковскому наместнику и напоминает ему об обязанности искоренять остатки языческих обрядов. Послание имеет две редакции — Краткую и Летописную. Летописная редакция помещена под 1505 г. в *Летописи Псковской I* (встречается и в сборниках, например ГПБ, собр. Погодина, № 1571, л. 67—69 об.); Краткая редакция читается в сборниках (ГПБ, собр. Погодина, № 1572; Q. XVII.50). Считается,

что обе редакции принадлежат П. Первым было написано Послание в Краткой редакции, однако оно не выполнило своей задачи — псковские наместники не приняли мер по борьбе с остатками языческих обрядов. Тогда П. пишет второе Послание (Летописная редакция). Описание купальных игрищ в обеих редакциях почти дословно совпадает, в Летописной редакции оно сопровождается примерами и цитатами из Священного писания, придающими весомость и обоснованность словам П. В разных списках Летописной редакции Послания великим князем называется то Иван Васильевич, то Василий Иванович, без имени употребляется форма множественного числа «государей великих князей наместнику». Это указывает, что Послание написано в последние годы жизни *Ивана III* (1502—1505 гг.), когда его сын *Василий III Иванович* был объявлен соправителем с титулом великого князя. Составитель III редакции поместил Послание под 1505 г. и адресовал его наместнику Дмитрию Владимировичу Ростовскому, жившему в Пскове с 1504 по 1507 г. (в Послании Летописной редакции, когда она находится вне состава летописи, нет заголовка с датой и именем наместника). Датировка Послания в III редакции принимается всеми исследователями. Краткая редакция Послания была адресована, вероятно, предшественнику Дмитрия Владимировича и написана до 1504 г. При упоминании великого князя в ней также употребляется форма множественного числа, других датирующих данных в тексте Послания Краткой редакции нет.

Изд.: АИ. 1846. Т. 1, № 22; ЧОИДР. 1846. № 4 (заседание 27 апреля 1846 г.). С. 59—62; ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 278—281; М а л и н и н В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. Прил. С. 1—6; Руководство для сельских пастырей. 1860. № 17. С. 439—443 (пер. на рус. яз.); Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Пасонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 90—91.

Лит.: С е р е б р я к с к и й Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле. М., 1908. С. 485—486; Л и х а ч е в Д. С. Литература времени образования национального Русского государства (1460-е—1530-е гг.) // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 409.

В. И. Охотникова

«Паралипомен» Иоанна Зонары см. *Хроника Иоанна Зонары.*

Парфений Уродивый см. *Иван IV Васильевич Грозный.*

Патерик Волоколамский — сборник житий монахов Иосифова Волоколамского, Пафнутиева Боровского и других монастырей, составленный по образцу аналогичных древних переводных и оригинальных сборников — *Патериков Синайского, Скитского, Киево-Печерского* и др. Автор П. В. пишет о себе: «Изволих же писаниемъ предати о жительстве отца Пафнутия. . . елика от него слышахом и от ученик его бывшая в его обители и инде же он исповеда учеником своим, также и ученика его отца Иосифа надгробными словесы почтохом и мало объявихом. . . еже от него слышахом и сами видехом. . .». Автором надгробного слова *Иосифу Волоцкому* был его племянник *Досифей Топорков*; он же был редактором Синайского пате-

рика и, по-видимому, составителем первоначальной редакции *Хронографа Русского*, ряд статей которого совпадает с П. В. Есть поэтому достаточные основания считать создателем П. В. Досифея Топоркова.

Начав свое повествование с истории Новгородской земли, к пределам которой принадлежал Волок Ламский, составитель П. В. упоминал о том, что город этот никогда не был «взят от агарян», и это давало автору повод привести рассказы (читающиеся также и в *Хронографе*) об архангеле Михаиле, преградившем Батыю путь в Новгород, и о гибели Батия от «богоданной секиры». Источником этих преданий были, по его словам, рассказы Пафнутия Боровского — внука крещеного татарского баскака Мартина. Дальнейший текст П. В. разделяется на две части — рассказы, восходящие к Иосифу Волоцкому, и «Повести отца Пафнутия». Несомненно, что уже сам Иосиф Волоцкий думал о создании патерика русских подвижников XV—нач. XVI в.: теме этой было посвящено «Сказание вкратце о святах отцах, иже в Русей земли сущих», включенное в пространную (мипейную) редакцию его Монастырского устава (10-я глава).

Идеологическая острота многих рассказов П. В. определялась тем, что он составлялся в тот период, когда борьба между последователями Иосифа Волоцкого и их противниками еще далеко не завершилась. Для защиты иосифлянских позиций особое значение имела повесть, рассказанная в патерике самим «старцем Иосифом» со слов иконописца Феодосия (сына знаменитого Дионисия). Речь шла об одном из еретиков — участнике разгромленного в 1504 г. еретического движения. Этот еретик служил в церкви и, привлеченный к следствию «на безбожных еретики», заявил, будто оставил «размышление еретическое». Но он раскаялся не искренне, а для того, чтобы избежать наказания. Отпущенный и впоследствии поставленный в священники, бывший еретик совершил кощунство: принеся после литургии домой чашу для причастия, вылил ее в печь. Внезапно жена еретика увидела в огне печи отрока и услышала голос: «Ты меня зде огню предаде, аз тебе тамо вечному огню предам». Это — не только довольно распространенный рассказ о чуде оскверненным причастием (встречающийся и в византийской духовной литературе), но и важное для иосифлян напоминание о недостаточном полном искоренении новгородско-московской ереси («жидовствующих») и необходимости самых суровых мер против еретиков. Аналогичный рассказ, прямо направленный против «кирилловских старцев» и *Вассиана Патрикеева*, читается в *Житии Иосифа Волоцкого*, написанном Саввой; сходный сюжет — но не с причастием, а с книгой — излагается и в «Письме о нелюбках» — двух памятниках, помещенных в одном сборнике с П. В.

Сходный полемический смысл имел и помещенный в П. В. рассказ «отца Иосифа Волоцкого» о подвигах основателя Калязинского монастыря Макария. Уже в «Сказании вкратце о святах отцах» (в Уставе) Иосиф, полемизируя с «велехвальным» и «величавым» оппонентом — Вассианом, ссылаясь на Макария Калязинского;

в последующие годы иосифлянская церковь стремилась канонизовать Макария — эти попытки вызывали иронические замечания того же Вассиана.

Ряд рассказов первой части П. В. посвящен инокам Волоколамского монастыря — братьям Голениным, Елевфею Волинскому, Борису Обобурову и др.

«Повести отца Пафнутия» многими мотивами перекликаются с рассказами Иосифа Волоцкого. Как и в первой части, здесь описываются видения умерших и вновь вернувшихся к жизни людей, принеших известия с того света. В ряде случаев политический смысл таких рассказов очевиден. Так, согласно рассказу некой инокини, умершей от чумы и затем воскресшей, среди людей, встреченных ею в раю, оказался московский великий князь Иван Калита. Он занимался несколько странным для рая делом — раздавал милостыню нищим. Тут же давалось весьма благоприятное для него объяснение его прозвища: «бе бо милостив зело и ношаше на поясе калиту (кошель) всегда насыпану сребрениць и куда шествуя, даяше нищим сколько вымется». Одновременно П. В. чернил великого князя литовского Витовта — завоевателя Смоленска, отвоеванного русскими в нач. XVI в. Монахиня видела Витовта в «месте мучениа», стоящего в пламени рядом со страшным «мурином» (арапом), который вынимал «клещами из огня златицы и в рот мечуща ему, и глаголюща сице: „Насытися, окаашно“».

П. В. представляет значительный интерес не только как публицистический, но и как литературно-художественный памятник. Ряд рассказов сборника связан с фольклором. Таков, например, рассказ о войне и его жене, захваченной во время монголо-татарского нашествия. Взяв пса и секиру, воин пошел за ними и обнаружил в одном из сел «варваров», упившихся от «множества пития», и среди них свою жену, лежащую «на одре» с татарским князем, «также от многого пьянства спящу». Женщина проснулась первой и сразу же разбудила «варвара». Тот занес нож над ее мужем, но его спас верный пес. Воин встал, убил «варвара», забрал «жену свою, новую Далилу, отиде и сотвори ей, елико восхоте».

Наряду с этим сюжетом П. В. развивает и еще одну тему, популярную в средневековой литературе, — проблему загробной судьбы добродетельных, но не просвещенных крещением людей. Вопрос этот, ставившийся в ряде западных средневековых памятников (вплоть до «Божественной комедии» Данте), беспокоил и русских книжников — он отразился, например, в *Александрии сербской*. Одна из «Повестей отца Пафнутия» об инокине, побывавшей в загробном мире, рассказывала о том, что, не дойдя до «места мучного», монахиня увидела «одр и на нем пса лежаща, одеяна шубою соболиею». Проводник объяснил ей, что этот пес — милостивый «гарянин» (агарянин), выкупавший христиан, плененных в Орде, и творивший другие добрые дела, но не крещенный «водою и духом»: «зловериа ради его в пещем образе, милостики же честное многоценною шубою обявьи».

П. В. дошел в списке ГИМ, Синод. собр., № 927 — одним из сборников, составленных *Вассианом Кошкой*, бывшим волоколамским

монахом, учеником старца *Фотия*, и архимандритом Тверского Возмицкого монастыря; в том же сборнике Вассиана помещено Житие Иосифа Волоцкого, составленное Саввой, «надгробное слово» Иосифу, произнесенное Досифеем Топорковым, ряд сочинений Иосифа Волоцкого и других иосифлянских авторов. Время пребывания архимандрита Вассиана в Возмицком монастыре не установлено (известно только, что он был там до 1563 г.); во всяком случае Вассиан Кошка, составивший (или переписавший) сборник Синод. собр., № 927 во 2-й пол. XVI в., не был автором П. В. и других статей, относящихся к кон. XV—нач. XVI в.

Изд.: Волоколамский патерик. Семипарий по древнерусской литературе Московских высших женских курсов. М., б. г. № 5; Волоколамский патерик // Богословские труды. М., 1973. Т. 10. С. 177—222 (с купорами).

Лит.: К л о ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 294—295; В е с е л о в с к и й А. Н. Разыскания в области древнерусского духовного стиха. XI—XVII. СПб., 1889. С. 146—147; Ирл. С. 103—106 (Отд. отд.: Сборник 2-го отд. Академии наук. 1890. Т. 46); С е д е л ь н и к о в А. Д. Досифей Топорков и Хронограф // Известия АН СССР. VII сер. Отд. гуманитарных наук. 1929. №. 9. С. 758—773; Нослания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 116; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 410—414; З и м и н А. А. Крупная феодальная вотчина и социальнo-политическая борьба в России. М., 1977. С. 116, 163, 276, 285; Д у ж е в I. The Paterikon of Volokolamsk and the Heresies // Canadian American Slavic Studies. Spring—Summer 1979 (To Honor N. Andreyev). Vol. 13, N 1—2. P. 121—125.

Я. С. Лурье

Пафнутий (кон. XVI в.) — соловецкий монах, предполагаемый автор догматической статьи и *Жития Филиппа митрополита*. В рукописи ГПБ, Q.I.262, XVII в., на л. 231 об.—243 (по новой пагинации л. 237 об.—249) переписано произведение, озаглавленное «Спискательнo от глубочайшаго разума премудрых богословных книг». Начало его: «Вопрос: Что есть исповедати, а не пытати трoичныи божества корень? Вопрос: Како мудрствовать в вере, еже бы не власти в ересь? Ответ: Единицу не пресекателну существом и началом такоже и не слиателну имяны по постаньми, яко же бо едино солнце иметь же из себе три действа: светлость, и лучю, и теплоту». В оглавлении к рукописи произведение названо «Премудрость богословных книг, что есть исповедати, а не пытати». Филарет Гумилевский определил названное произведение как послание П. к игумену Соловецкого монастыря *Иакову* «с ответами на богословские вопросы». Дело в том, что в конце произведения сказано: «Сия вопрошения и толк ко игумену *Иакову* пеключимаго инока *Пафлотия* во акиане обители отока Соловецкаго». Указаний о принадлежности этой рукописи Соловецкому монастырю в самой рукописи не обнаружено.

По мнению Филарета, П. был также и автором Жития митрополита Филиппа, так как оно было составлено при том же игумене *Иакове* после перенесения мощей *Филиппа II* из Тверского Отроча монастыря в Соловецкий в 1584 (или в 1591) г. Видимо, Филарет полагал, что в пользу этого же говорит и предисловие к Житию, в котором автор сообщал о своей работе над ним по принуждению иноков Соловецкого монастыря, со слов некоторых из них он и написал это произве-

дение. П. же Филарет атрибутировал и службу Филиппу. Мнение Филарета не было поддержано в последующих исследованиях, посвященных Житию митрополита Филиппа.

Лит.: Филарет. Обзор. С. 165, № 150.

Р. П. Дмитриева

Пахомий Серб (Логофет) (ум. после 1484) — составитель и редактор ряда житий, похвальных слов, служб и канонов, переводчик и писец. С Афона в звании иеромонаха в возрасте не моложе тридцати лет П. прибыл в Новгород при новгородском архиепископе Евфимии II (1429—1458 гг.). Сохранилась рукопись с творениями «священноинюка Пахомия Логофета» (ГПБ, Соф. собр., № 191, пергаменная Минья на ноябрь месяц), датированная 1438 г., значит, он прибыл в Новгород до 1438 г. В Новгороде П. пробыл по нач. 40-х гг. В этот период своей деятельности по поручению архиепископа Евфимия II он создал комплекс произведений, посвященных Варлааму Хутынского, — новую редакцию *Жития Варлаама Хутынского*, похвальное слово и службу, а также похвальное слово и службу празднику Знамения Богородицы в Новгороде в 1170 г. (похвальное слово издано в кн. В. Яблоцкого). Кроме того, возможно, в это время он записал Повесть о путешествии новгородского архиепископа Иоанна на бесе в Иерусалим.

В 1440—1443 гг. П. поселился в Троице-Сергиевой лавре и прожил там до 1459 г. В это время он работал над *Житиями Сергия Радонежского* и Никона, *Алексея митрополита*, а также посвятил им похвальные слова и службы. В 1459—1461 гг., в начале архиепископства *Ионы* (1459—1470 гг.), П. был во второй раз в Новгороде. По заказу Ионы он дополнял свои старые произведения и писал новые, в частности Житие прежнего своего заказчика, новгородского архиепископа Евфимия II, Похвальное слово на Покров Богородицы (издано в ВМЧ), службу Антонию Печерскому.

В кон. 1461—нач. 1462 г. П. ушел из Новгорода в Москву, откуда по поручению великого князя *Василия II Васильевича* (ум. в 1462 г.) и митрополита *Феодосия* (1461—1464 гг.), значит, еще в 1462 г., отправился в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы собрать там материалы для Жития Кирилла, основателя этого монастыря. В 1463 г. П. вернулся, по-видимому, в Троице-Сергиеву лавру, но между 1464 и 1470 гг. вновь должен был быть в Новгороде, где по поручению архиепископа Ионы написал или отредактировал Житие Саввы Вишерского и создал службу святому Онуфрию, которому был посвящен храм в Отней пустыни, месте пострижения Ионы. В 1472 г. великий князь *Иван III* и митрополит *Филипп I* в связи с перенесением мощей митрополита *Петра* по причине перестройки Московского Успенского собора повели «Пахомию Сербину, мниху Сергиева монастыря», «канон принесению мощем учинити и слово доспети», и он написал «слово» и два канона (изданы В. Яблоцким). «А в слове том написа, — говорит *Летопись Софийская II*, — яко в теле обрели чудотворца неверия ради людскаго, занеже кой толкю не в теле лежит, тот у них не свят. . .». Так как в 1474 г. новый

Успенский собор рухнул, в 1479 г., при следующей его перестройке, состоялось новое перенесение мощей Петра, по поводу которого тоже — возможно, тем же П. — были написаны похвальные слова. Не позже 1473 г. П. создал свою редакцию Жития князя Михаила Черниговского и боярина Федора (см. *Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского*). В 1473 г. в Москве по просьбе пермского епископа Филофея (1472—1501 гг.) П. составил канон *Стефану Пермскому*. После этого он по крайней мере еще раз побывал в Новгороде и написал там *Жития Иоанна* (хотя в данном случае есть сомнения в его авторстве) и *Моисея* (не ранее 1484 г.), новгородских архиепископов. Вскоре затем он умер.

Всего перу П. принадлежит десять или одиннадцать житий (Варлаама Хутынского, Сергия Радонежского, Никона Радонежского, митрополита Алексея, Кирилла Белозерского, Михаила Черниговского и боярина Федора, Саввы Вишерского, новгородских архиепископов Евфимия II, Моисея и, возможно, Иоанна и Ионы, причем некоторые из них не в одной редакции), ряд похвальных слов и сказаний (на обретение мощей митрополита *Алексея*, на перенесение мощей митрополита Петра, на Покров Богородицы, празднику Знамения Богородицы в Новгороде, Варлааму Хутынскому, Сергию Радонежскому, Клименту Римскому, о гибели Батя), четырнадцать служб (Варлааму Хутынскому, Знамению Богоматери в Новгороде, Сергию Радонежскому, Никону Радонежскому, митрополиту Алексею, Евфимию Новгородскому, Антонию Печерскому, Кириллу Белозерскому, Савве Вишерскому, митрополиту Ионе, Михаилу Черниговскому и боярину Федору, Стефану Пермскому, на перенесение мощей митрополита Петра, Димитрию Прилуцкому) и двадцать один канон (Варлааму Хутынскому, Покрову, Знамению, Сергию Радонежскому, Никону Радонежскому, митрополиту Алексею, Евфимию Новгородскому, Антонию Печерскому, Савве Вишерскому, Михаилу Черниговскому и боярину Федору (2 канона), *Кириллу Белозерскому* (2 канона), на перенесение мощей митрополита Петра (2 канона), Стефану Пермскому (2 канона), Евфимию Новгородскому, Петру и Февронии, московскому митрополиту Ионе, русским святым, а сверх этого, может быть, преподобному Онуфрию и пророку Или). Службы и каноны П. изданы в служебной книге. Судя по количеству произведений, П. — один из плодовитейших писателей Древней Руси. Он был писателем, профессионально работавшим на заказ и получавшим за свою работу плату (он об этом пишет сам). Составляя по заказу жития, слова и службы с канонами, П. имел в виду главным образом практические — церковно-служебные цели. Он хорошо владел стилем славянской богослужебной литературы и не видел ничего предосудительного в заимствованиях из чужих произведений (как то: Слово на обповление храма великомученика Георгия Аркадия Кипрского, Похвальное слово Клименту Римскому епископа Климента, жития Афанасия и Петра Афонских, сочинения *Григория Цамблака* и митрополита *Киприана*), в повторения самого себя (во вступлениях к ряду житий), в создании своих редакций — путем небольшой переработки (сокращения одних мест

и расширения других), мозаичного соединения или просто дополнения предисловием и заключением чужих произведений. Но при этом он пользовался и устными источниками, и некоторые его жития (например, Кирилла Белозерского) созданы почти исключительно на основании записанных им рассказов современников-очевидцев.

Прозаические произведения П. строятся обычно по четкой схеме: предисловие, основная часть и заключение. В предисловиях говорится о важности прославления праздников или святых, о трудности для человека этого дела и об извиняющих автора в этом его начинании обстоятельствах. Основная часть членится на ряд эпизодов (если это Житие, речь начинается, как правило, с родителей святого), прерывается разговорами и размышлениями действующих лиц, наставительными авторскими замечаниями и похвальными восклицаниями, иногда довольно пространными, и завершается цепочкой рассказов о чудесах. В повествовании о событиях язык П. прост, ясен и деловит. Опираясь на большое количество устных преданий и предшествующих письменных произведений, жития П. богаты легендарным историко-литературным и историческим материалом и потому представляют большой интерес как для историков литературы, так и для собственно историков. Новым элементом, привнесенным П. в русскую агиографию, (по оценке Г. Орлова) является пейзаж, оцениваемый автором эстетически. Он замечает и красоту монастырей (например, в Житии Кирилла Белозерского говорит о Ферантоповом монастыре: «... и есть монастырь на месте том zelo красен. . .»). Но, разумеется, это ни в коей мере не сказывается на жанровой природе этих произведений: они не становятся от этого ни беллетристическими новеллами, ни биографиями тех, о ком в них идет речь, но остаются вполне житиями, т. е. рассказами о проявлениях вечного во времени.

В риторических вступлениях, отступлениях, похвалах и т. п. язык П. искусственно усложнен, витиеват и приближается к стилю гимнографической литературы — стихир, канонов и акафистов (со стилем акафистов, в частности, его роднят многочисленные хайре-тизмы, т. е. обращения, к прославляемому лицу, начинающиеся словом «радуясь»). В некоторых богослужебных произведениях П., до сих пор мало исследованных, встречается, по образцу византийской гимнографии, акrostих, хотя и несколько своеобразный, образуемый не только первыми буквами, но также и слогами и целыми словами и распространяющийся не на все произведение, но лишь на его часть, на 7-ю, 8-ю и 9-ю песни канонов. Так, в службе Антонию Печерскому первые слова и слоги в тропарях этих песен составляют фразу: «Повелением святейшаго архиепископа Великаго Новаграда владыки Ионы благодарное сие пение принесется Антонию Печерскому рукою многогрешнаго Пахомия иже от Святыя Горы», а в канонах Стефану Пермскому начальные слова, слоги и буквы тех же тропарей позволяют прочесть: «Повелением владыки Филофея епископа рукою многогрешнаго и непотребнаго раба Пахомия Сербина».

К Житию Варлаама Хутынского, чтимого в Новгороде основателя монастыря (ум. 1193 г.), П. обращался неоднократно, начиная с пер-

вого своего приезда в Новгород. Как сообщает он сам в тексте Жития, он написал его по рассказам тамошних старцев, получив от владыки Евфимия повеление «прийти во обитель святого тамо своим ушима слышати бывшаа и бывающаа чудеса от раки богоносного отца». Но наряду с устными рассказами П. использовал текст письменного произведения — 2-й редакции Жития Варлаама, опирающейся, в свою очередь, на краткую проложную, существовавшую, по крайней мере, с 1-й четв. XIV в. От первоначальной краткой редакции 2-я отличается добавлением ряда чудес и очевидной зависимостью двух ее мест от принадлежащей *Епифанию Премудрому* редакции Жития Сергия Радонежского (по причине этой зависимости Н. С. Тихопратов считал, что автором 2-й редакции был сам П.). П. предварил текст 2-й редакции своим вступлением, подверг его значительной стилистической — «риторической украшающей» — обработке и тоже дополнил рассказами о чудесах. Впоследствии по инициативе архиепископа Ионы это произведение было еще дополнено рассказом о чудесном воскресении у гроба Варлаама в 1460 г. постельничего московского великого князя Григория Тумтана. Дополнение было сделано также на основании уже существовавшего письменного произведения, принадлежавшего московскому митрополитскому дьяку *Родиону Кожуху*. Допускают (Л. А. Дмитриев), что П. принадлежит также вставка в Житие рассказа о спасении Варлаамом на новгородском мосту осужденного на казнь преступника и об отказе его спасти от смерти певнино осужденного. По мнению других исследователей (В. О. Ключевский, В. Яблонский), этот рассказ является позднейшим наслоением. В более поздней так называемой Распространенной редакции Жития сочинение П. пополнилось новым большим рядом эпизодов, среди которых наряду с позднейшими чудесами у раки святого есть и такие, датировка которых указывает на их современность П. Во-первых, это рассказ о вскрытии гробницы с останками Варлаама архиепископом Евфимием II в 1440 г. (как о свидетеле этого события там говорится о иподьяконе Иоанне Караимане, умершем в глубокой старости в 1526 г.). И во-вторых, это эпизод с «чюдом о великом князе Иване Васильевиче всея Руси», захотевшем в 1471 г. вскрыть гроб Варлаама: когда княжеское повеление начали выполнять, из гробницы пошли дым и огонь, и затем огонь стал появляться в тех местах, где великий князь касался своим жезлом земли, так что, брося жезл, князь в страхе ушел из монастыря. Если в чуде с постельничим Григорием можно было (как считает Л. А. Дмитриев) видеть своего рода свидетельство благосклонного к москвичам отношения Варлаама, то чудо 1471 г., вне сомнений, должно было свидетельствовать о противоположном. Ясно, что запись о нем была сделана в Новгороде, и скорее всего до утраты им самостоятельности.

Житие Варлаама Хутынского дошло до нас в большом числе списков, из которых древнейший (ГБЛ, собр. Пискарева, № 131) датируется кон. XV — нач. XVI в.

Похвальное слово Варлааму Хутынскому, по мнению В. О. Ключевского, было написано П. после 1460 г.; на взгляд же В. Яблонского — не позднее 1438 г.; Л. А. Дмитриев допускает даже, что оно

было сочинено П. ранее его редакции Жития с целью дополнения уже существовавшей 2-й редакции. В связи с вопросом о датировке Похвального слова заслуживает внимания тот факт, что в его заглавии перед указанием автора отмечено: «в нем же имат нечто на иудея», а в тексте содержится негодующее обращение к «иудею», который «печалует» и «разпыхается», видя «нас», поклоняющихся мощам святого. Если считать, что это было написано до 1438 г., следует думать, что имеются в виду еретики-стригольники, если же после 1460 г., то — «жидовская мудрствующие» еретики-новгородцы. Слово содержит также обращение к Варлааму как к «твердому основанию отечеству своему» с просьбой сохранять его и дальше. В этом возможно видеть намек на угрозу свободе города.

Работая над Житием Сергия Радонежского, П. также использовал существующее произведение — Житие, написанное Елифаном Премудрым в 1417—1418 гг. Целью осуществленной П. переработки было приспособление Жития к литургическим нуждам и пополнение его чудесами, случившимися после открытия мощей Сергия в 1422 г. По сравнению с изощренным в высшей степени экспрессивно-эмоциональным панегирическим стилем «плетения словес» Елифания стиль П., третьего (после митрополита Киприана и Епифания) видного представителя этого стилистического направления в агнографии, несколько более умерен и безлично официален. П. значительно сократил пространное произведение Елифания, в том числе удалил места, позволяющие судить об антимосковском настроении автора, пополнил Житие цитатами из Священного писания, из византийских агнографических произведений, а также из *Жития митрополита Петра*, написанного митрополитом Киприаном. П. переделывал Житие Сергия не однажды; разные исследователи насчитывают разное число принадлежащих ему редакций — от двух (В. О. Ключевский) до семи (В. Яблонский). Есть также точка зрения (В. П. Зубов), что ни Елифаниев, ни Пахомиев первоначальный вид текста Жития не дошли до нас целиком, но только — в виде инкрустаций в составе множества позднейших переработок, начиная с переработок самого П. Эти переработки были обусловлены, полагают, с одной стороны, различными практическими целями и потребностями, а с другой — цензурными соображениями в связи с такими политическими событиями, как борьба великого князя Василия Васильевича в 40-х гг. XV в. с Дмитрием Шемякой, Флорентийский собор (1438—1439 гг.), где была заключена уния церквей, падение Константинополя под власть турок (1453 г.) и приобретение московскими митрополитами независимости от константинопольского патриарха. Древнейший список редакции П. (ГИМ, Синод. собр., № 637) датируется 1459 г., последним годом первого периода пребывания П. в Троице-Сергиевой лавре.

Написанное П. в тот же период Житие Никона Радонежского, умершего незадолго перед этим (1427 г.), судя по всему, не имело произведения-предшественника и написано только на основании собранных самим автором устных рассказов «еще в теле обретавшихся тояже обители иноков, свидетелей известных», в первую очередь

Игнатия. Это Житие представляет большую ценность как исторический источник: в нем говорится, в частности, о том, как пострадал монастырь при нашествии Едигея, о строительстве Никоном церкви в лавре над гробом Сергия и ее росписи, способной «всех зрящих удивити», выполненной приглашенными им живописцами Даниилом Черным и Андреем Рублевым; при этом П. заодно сообщает, что, исполнив заказ игумена Никона и расписав после этого только церковь Спаса в Московском Андрониковом монастыре, художники вскоре затем один за другим умерли (это обнаруживает прозорливость Никона, поторопившего их пригласить). Житие имеет две редакции — пространную и краткую; в краткой авторство П. указано. Согласно В. Яблонскому, лучший список пространной редакции — ГПБ, F.1.278, XVI в. (по которому оно им и издано), краткой — ГПБ, Соф. собр., № 1384, 1490 г.

Житие митрополита Алексея было создано П. в 1459 г. по воле великого князя Василия Васильевича и по благословению митрополита *Ионы*, установившего всецерковное празднование памяти героя этого Жития. Источниками П. послужили как устные рассказы очевидцев и слухи, так и «писания архимандрита Питирима, иже последи бысть Перми епископ». Как пишет П., *Питирим* «нечто мало о святом списа и канон тому, и хвалу изложи, слышав известно о его житии, паче же и от самех чудес, бывающих от раки богоносного отца, прочая же не после, времени тако зовущу». Питирим, создававший этот богослужебный комплекс произведений после обретения в 1431 г. мощей митрополита Алексея, по-видимому, воспользовался как главным источником для составления «чтения», или краткой «памяти», о святом (после 6-й песни канона) летописным рассказом «О Алексее митрополите», находящимся в *Летописце Рогожском*, *Летописи Симеоновской* и читавшимся в *Летописи Троицкой*. Распространяя, по сути дела, этот рассказ, П. воспользовался и другими летописными данными, а также Житием Сергия Радонежского и написанным им же ранее, очевидно, одновременно со службой, Словом на обретение мощей митрополита Алексея. Это Житие тоже имеет ряд редакций, созданных самим П. Старшая из них дошла до нас в рукописи 70-х гг. XV в. (ГИМ, Синод. собр., № 948; по словам В. А. Кучкина, автограф П.). Сохранились и другие списки этого Жития, принадлежащие XV в. (например, ГПБ, Солов. собр., № 518). Издано ОЛДП, Н. Шляковым, В. А. Кучкиным.

Житие новгородского архиепископа Евфимия II П. написал по просьбе его друга и преемника владыки Ионы. В данном случае П. не пользовался письменными источниками, но опирался на собственные воспоминания и рассказы других знавших Евфимия людей. Помимо обычных для житий П. кратких сведений о родителях и детстве святого здесь содержатся ценные данные о возникновении Вяжищского монастыря, о появлении в Новгороде у архиепископов (при архиепископе Симеоне) иноков-казначеев (прежде казначеями были миряне), поставлении Евфимия в архиепископы в Смоленске «рукою преосвященного Герасима», литовского православного митрополита (1433—1435 гг.), носившего, как мы узнаем из Жития, титул

«Киевского и всяя Росии»; об обыкновениях и строительной деятельности Евфимия, о его предсмертном послании в Москву к митрополиту Ионе, и др. Любопытно, что большинство посмертных чудес, которыми, как обычно, завершается Житие, оказываются исцелениями больных «студеной болезнью», или «трясавицей». Житие сохранилось в не очень большом числе списков XVI—XVII вв. Издано в ПЛ и «Новгородских епархиальных ведомостях».

Другим Житием, написанным П. впервые по словам «самовидцев», а не путем редактирования или дополнения чужих произведений, является Житие Кирилла Белозерского. Единственным письменным источником послужила в данном случае духовная грамота Кирилла, включенная в Житие с некоторыми пропусками и поправками (она дошла до нас и в подлиннике). Главными же информаторами автора, собиравшего сведения о Кирилле в самом Кирилло-Белозерском монастыре, были тогдашний игумен монастыря Кассиан (1448—1469 гг.) и *Мартиниан*, ученики Кирилла. Это Житие, состоящее из более чем сорока рассказов, рисуящих духовный облик основателя монастыря, представляет собой самое большое из произведений П. и — несмотря на неизбежную для этого жанра стилизацию и типизацию лиц и событий — самое насыщенное конкретными историческими сведениями, обстоятельствами и именами. Здесь гораздо подробней, чем в других житиях, говорится о молодости святого, о периодах его жизни, об окружавших его людях (его родственнике-воспитателе Тимофее Васильевиче Вельяминове, жене того Ирине, Стефане Махрицком, Сергии Радонежском, *Феодоре Симоновском*, Михаиле Смоленском, Ферапонте Белозерском и др.). Некоторые исследователи (В. О. Ключевский, А. И. Копанев) указывают на то, что П. умолчал о земельных приобретениях Кирилла и выразил его устами нестяжательские взгляды на право монастырей владеть селами. Существуют две редакции произведения, одна несколько более пространна по стилю и полнее по составу, чем другая. Пространная редакция была закончена П. после марта 1462 г. (смерть великого князя Василия Васильевича) и до 13 мая того же года (хиротония в ростовского архиепископа третьего преемника Кирилла игумена Трифона), возможно, уже по возвращении П. в Троице-Сергиеву лавру. Древнейший сохранившийся список ее сделан там рукой некоего *Паисия* (*Ярославова?*) не позже 1474 г. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 764). Вторая редакция, представляющая собой механическое сокращение первой, появилась, по всей вероятности, под пером самого П., действовавшего в литургических целях, не позже 1474—1475 гг. Кроме того, известно краткое проложное Житие Кирилла, составленное, по-видимому, на основании пространной редакции П. вскоре после ее появления и имеющее черты оригинальности; сохранился его список, сделанный в Кирилло-Белозерском монастыре в кон. XV—нач. XVI в. рукой *Гурия Тушина* (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 142/1219, л. 265—274). В 1615 г. на основании Жития Кирилла Белозерского П. Иоасафом была создана еще одна его редакция.

Житие Саввы Впшерского, который умер в 1460 г., было написано П. «повелениемъ и благословениемъ» новгородского архиепископа

Ионы между 1464 и 1472 гг.: в 1464 г. основу этого Жития создал преемник Саввы в управлении монастырем священноинок *Геласий*, а в написанном в 1472 г. Житии Иошы Новгородского Житие Саввы упоминается. Это произведение П. несравнимо более бедно фактами, чем Житие Кирилла. Списки его немногочисленны, древнейшие датируются XV в. (ГПБ, Q.1.999). Издано в «Новгородских епархиальных ведомостях». В XVI в. Житие пополнилось пятью чудесами, в XVII в. — сведениями из родословной книги о роде Бороздиных, которому принадлежал Савва.

Из известных пяти редакций Жития князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора, убитых в Орде, П. принадлежит третья. Она опирается на вторую, принадлежащую некоему отцу Андрею или епископу Иоанну. П. перефразировал и несколько распространил эту редакцию, из фактических данных добавив к ее началу лишь известие об умерщвлении князем Михаилом в Киеве послов хана Батыя, а к концу приложив Повесть «Об убиении злочестивого царя Батыя» в Венгрии, основанную на народной южнославянской песне о Батые. Это было сделано П. до 1473 г., так как в жизнеописании ярославского князя Феодора, написанном в 1473 г., заметно знание Повести об убиении Батыя (см. *Антоний*, иеромонах Спасо-Ярославского монастыря). Списков Жития сохранилось много, древнейшие — XV в. (ГПБ, Солов. собр., № 518, 1494 г., л. 296; ГПБ, Q.1.999, л. 45 об.). Издано в ВМЧ.

По Житию новгородского архиепископа Моисея (ум. 1363 г.) устанавливается, что его автор, П., был жив еще в 1484 г., так как там говорится о случившемся в это время чуде с архиепископом Сергием, поставленным в Новгород из Москвы. Житие это составлено из отрывочных известий и преданий, в основе его лежит летописное сказание о Моисее, которое распространено риторикой и рассказами о чудесах. П. принадлежат, вероятно, две редакции — пространная, известная по двум поздним спискам (XVII—XVIII вв.), и краткая, известная по десяти спискам (начиная с XVI в.). Краткая содержит известие, повторенное в Похвальном слове Моисею, о его борьбе против ереси стригольников, что позволяет думать о их появлении в Новгороде до 1359 г., когда он перестал быть архиепископом (летопись впервые говорит о стригольниках лишь под 1376 г.). Житие Моисея издано в ПЛ. Существуют и другие, более поздние переработки этого Жития.

Житие Иоанна Новгородского (ум. 1185 г.) — предположительно усвояемый П. памятник. О принадлежности его П. свидетельствуют только один или два списка XVII в., в остальных имени П. нет. Несколько необычен для П. общий план этого Жития, распадающегося на три самостоятельных «слова». В первой части-«слове» после риторического вступления сначала, как обычно, говорится о родителях и основных событиях жизни святого, а затем идет рассказ о чуде от иконы Знамение Богородицы во время битвы суздальцев с новгородцами в 1170 г.; завершается эта часть сведениями о строительной деятельности архиепископа Иоанна. Вторая часть-«слово», вполне самостоятельное произведение, представляет собой

рассказ о путешествии Иоанна на бес в Иерусалим, мести беса и оправдании архиепископа; этот рассказ заканчивается сообщением о смерти и погребении Иоанна. О возникновении его в 70-е гг. XV в., в последние дни воли новгородской, позволяют думать слова в предсмертном поучении Иоанна новгородцам: «И князя бойтесь еже о благочестии православнаго, яко бога. . . За иноворнаго же и нечестиваго князя не предавайтесь». В третьем «слове» говорится о нечаянном (камень упал и разбил надгробную плиту) обретении мощей архиепископа Иоанна в 1440 г. при архиепископе Евфимии II. По мнению исследователей, и эта часть Жития возникла в письменном виде в 70-х гг. XV в., не раньше других. Если П. и приложил руку к созданию состоящей из этих трех частей Основной редакции Жития Иоанна, то лишь как скромный собиратель и оформитель уже существовавших рассказов, письменных и устных. Древнейший список Жития датируется XV в. (ГПБ, Солов. собр., № 617/500). Издано в ВМЧ, «Изборнике» (фрагмент), ПЛДР (фрагменты). Оно подвергалось переработкам и в дальнейшем.

Сомнения существуют также относительно Жития новгородского архиепископа Ионы, заказчика ряда работ П. С одной стороны, сам П. в Слове о перенесении мощей митрополита Петра как будто обещает описать посмертные чудеса архиепископа, а в Житии довольно много говорится об отношениях Ионы как заказчика к «Пахомию Сербину, от Святыя горы прищелцу», — что он одаривал его «множеством сребра, куны же и соболми», прося «житие с похвалным словом и канон преподобному Варламу списати, еще же и великому Ануфрию, такоже последование бдению списати повеле, . . . повеле же капоны и жития списати и еще блаженныя княгини Ольги, . . . и преподобному Саве, . . . и преж его бывшему архиепископу блаженному Еуфимию, не пощадев имения множество истощевати. . .», просил написать и службу с капоном недавно скончавшемуся (1461 г.) московскому митрополиту Ионе, а кроме того, «много же понуждаше Пахомиа Иона, утешая его златом и соболми, да спишетъ ему и еще капон преподобному Сергию. . .» («Пахомие же не рачи послушати архиепископа, но готовящеса сам ити в Московския страны»). Автор обнаруживает хорошее знание творчества П., отмечая наличие и смысл акростиа в каноне митрополиту Ионе («. . . назнамена в краех тропарем, яко повелением архиепископа Ионы списа каноны митрополиту Ионе. . .»). Здесь сообщается также, что Иона просил П. написать *Житие Михаила Клопского* и канон ему и другим почитаемым им людям, но «не возможе его припудити писати». Все это говорит как будто в пользу авторства П. Но, с другой стороны, все три известные редакции этого Жития возникли, как считают (В. О. Ключевский, В. Яблонский), после соборов 1547—1548 гг. Замечают также, что известные каноны и жития княгини Ольги по всем признакам не принадлежат П. Несомненно, однако же, что в основе известных редакций Жития Ионы Новгородского лежит произведение современника, о чем свидетельствуют такие, например, конкретные детали повествования, как известия о невыполненных П. заказах архиепископа, о том, что, когда Иона

состарился, «нозе ему тажестне быша зело», что, «и второму лету уже исходящу по успеши его», он так и не засмердел. По последнему из этих сообщений и заключают, что написано оно в 1472 г. Помимо данных о самом Ионе Новгородском это Житие содержит много сведений о политических и церковно-политических отношениях на протяжении XV в. Новгорода, Литвы, Москвы, Орды. В частности, здесь говорится о пророчестве и молитвах Ионы об освобождении Руси при великом князе Иване III от власти ордынских царей. Издано в ПЛДР. В своей книге В. Яблонский указывает большое число других сомнительных по принадлежности П. и ложно приписанных ему литературных памятников; в числе последних — Степенная книга, *Хронограф Русский* и *Общерусский летописный свод*.

Как переводчик с греческого языка, каковой как святогорец он должен был знать, П. известен по так называемому Пророчеству о судьбах «Семихолмного», полное название которого такое: «Стиси хризизмии. Надписание, начертано от неких святых прозорливых отец, изображено еллииска художества знаменни и на мрамори ископано над гробом Костянтина, пръваг царя христианскаго, во граде Никомидийстем. Преведесе на руский язык от священноинока Пахомиа Святыя горы». Текст издан А. И. Яцимирским.

Автографами П. являются, по-видимому, рукописи: ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 180, Симеон Новый Богослов, 1443 г. (запись на л. 103: «Многогрешного и последнего Пахомис в лето 6951») и в той же рукописной книге — Палея, 1445 г. (запись на л. 355 об.: «В лето 6953, круг луны 17»); собр. МДА, № 23, Псалтирь, 1459 г. (запись на л. 225); собр. Тр.-Серг. лавры, № 116, Апостол толковый, XV в. (на л. 167 запись писца: «Мо(на)х Пахомио»), в числе приложений к Деяниям апостолов и их толкованиям в этой рукописи находятся сочинения П.: «Житие и жизнь Сергия Радонежского, съписася от священноинока Пахомиа Святыя Горы» (л. 355—397), Служба Сергию Радонежскому (причем на поле л. 401 об. отмечено: «Творение священноинока Пахомиа») (л. 397 об.—412), «Память преподобнаго отца нашего Сергия» (л. 412—415), Житие Никона Радонежского (л. 415—421); и, возможно, ГИМ, Синод. собр., № 948, сборник, 70-е гг. XV в., л. 4—175, где тоже содержится ряд произведений П. (л. 118 об.—175).

Над.: ПЛ. 1862. Вып. 4. С. 10—26, 27—35; ВМЧ. Сент., дни 1—13. СПб., 1868. Стб. 327—347; дни 14—24. СПб., 1869. Стб. 1298—1308; Окт., дни 1—3. СПб., 1870. Стб. 17—23, 26—38; Ноябрь., дни 1—12. СПб., 1897. Стб. 198—222; Житие митрополита всея Руси святого Алоксиа, составленное Пахомием Логофетом. СПб., 1877—1878. Вып. 1—2 (ОЛДН. № 57); Житие Варлаама Хутынского в двух списках. СПб., 1881. С. 1—97 (ОЛДН. № 41); Тихоново в Н. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. Отд. 2; Миняе. СПб., 1895. Сент. Л. 172 об.—180, 212 об.—225; Окт. Л. 15 об.—20; Ноябрь. Л. 39 об.—47, 125—131, 255 об.—274; Февр. Л. 109 об.—120; Март. Л. 50—55; Апр. Л. 104—112; Июнь. Л. 44 об.—52, 81 об.—90, 140 об.—147; Июль. Л. 158—163; Авг. Л. 195 об.—204; Святые подвижники и угодники новгородские // Новгородские епархиальные ведомости. 1897. Т. 2, № 7, часть неофиц. С. 501—515; 1899. Т. 2, № 7, часть неофиц. С. 449—460; Яцимирский А. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской

и русской литературе. XI // ИОРЯС. 1906. Т. 11, кн. 2. С. 295—296; Яблонский В. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908; Шляков Н. Житие святого Алексея митрополита московского в Пахомиевой редакции // ИОРЯС. 1914. Т. 19, кн. 3. С. 85—152; Кучкин В. А. Из литературного наследия Пахомия Серба: (Старшая редакция жития митрополита Алексея) // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 242—257; Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 404—413; ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 448—463; Вторая половина XV века. М., 1982. С. 350—375.

Лит.: Евгений [Болховитинов]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 154—155; Ключевский И. Древнерусские жития. С. 113—167; Влияние Сербии и Афона на русскую литературу в XIV и XV веках: Отрывок из исследования о Пахомии Сербе, писателе XV в. // Заря. 1871. № 5; Некрасов И. Пахомий Серб, писатель XV века. Одесса, 1871; Петров И. И. Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и русскими в образовании и литературе. Речь, произнесенная в торжественном собрании Киевской духовной академии 28 сентября 1876 г. Киев, 1876; Строев. Словарь. С. 225—234; Филарет. Обзор. С. 112—113; Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1891. Т. 7. С. 164; Шахматов А. А. К вопросу о происхождении хронографа. СПб., 1899; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 171—188; Никольский Н. К. К вопросу о Пахомии Сербе. Замечания на магистерском коллоквиуме 23 ноября 1908 года. СПб., 1908; Серебрянский. Княжеские жития. С. 119—141; История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 238—240; Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. Париж, 1951. С. 101—131; Зубов В. И. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб: (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского») // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 145—158; Číževskij D. History of Russian Literature. From the Eleventh Century to the End of the Baroque. Hague, 1962. P. 180—184; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1968. С. 248—254; Орлов Г. Пахомије Србин и његова књижевна делатност у Великом Новгороду // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд. 1970. Књ. 36. Св. 3—4. С. 214—239; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 209—232; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. М., 1973. С. 13—184; История русской литературы X—XVII веков. М., 1980. С. 220—222; История русской литературы. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 162—163.

Г. М. Прохорова

Пахомий (XVI в.) — монах, автор Жития ярославских князей Василия и Константина. Житие, или Повесть о князьях Василии и Константине, написано было им при митрополите *Данииле* и великом князе *Василии III Ивановиче*, значит, между 1526 и 1533 гг., по благословию архиепископа Ростовского и Ярославского Кирилла. Из сопровождающего Житие рассказа следует, что в 1501 г. после пожара в Ярославле под полом сгоревшего собора были обнаружены нетленные в нестлелшей же одежде тела князей Василия и Константина (XIII в.); их имена установили по надписям на плитах; около тел стали совершаться чудеса, что и послужило причиной прославления князей. Сведения, что князья — братья, сыновья Всеволода Константиновича, почерпнуто было, по-видимому, из местного предания. Как установил В. О. Ключевский, при выполнении заказа архиепископа П. воспользовался созданным в 1471—1473 гг. иеромонахом Спасо-Ярославского монастыря *Анто-*

нием *Житием Феодора Ярославского*. Антоний, в свою очередь, опирался на произведения *Пахомия Серб* (*Житие митрополита Алексея, Повесть о смерти Батя*). Вследствие этого *Житие Василия и Константина* оказалось близким к произведениям *Пахомия Серб*. Антониеву характеристику князя Феодора Черного П. применил к своим героям. Кроме того, он воспользовался летописью, откуда взял сообщение об основании церкви Успения во Владимире в 1215 г. князем Константином Всеволодовичем, но не тем, которого он прославлял, а дедом того. Также ошибочно в *Житии* сообщается, что князья-братья Василий и Константин погибли при взятии Батием Ярославля: по летописи известно, что Василий умер в 1249 г., оказавшись случайно во Владимире; оттуда перенесен в Ярославль; о судьбе Константина летописных известий нет. В некоторых списках *Жития* попутно говорится, что Батый стоял под Ярославлем два года, отыскивая своего отца, «быше бо той окаянный царь Батый родом града Ярославля от веси Череможския», и что погиб Батый в Болгарии, — как у *Пахомия Серб* и *Антония*. Кроме рассказа об обретении мощей *Житие* сопровождает рассказ о совершившихся около них пятнадцати чудесах. Сверх того, по-видимому, тем же автором была написана «Служба святым страстотерпцам благоверным князем Василию и Константину, Ярославским чудотворцем», состоящая из стихир, чтений, тропарей, седальнов, двух канонов, первый из которых с азбучным акростихом, кондака и светильнов, и отдельные стихиры 6-го гласа на день убийства Василия и Константина 3 июля. Князья воспеваются во всех этих произведениях как «пролившие крови своя за божественныи церкви и за свое отечество» и потопившие «Батя зломысленнаго» «течением кровей». И *Житие*, и весь комплекс посвященных Василию и Константину произведений не имеют в рукописях широкого распространения; встречаются в списках XVI—XVIII вв., например: ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 698, 677; собр. Удольского, № 582, 294; ГПБ, собр. Вяземского, № 191. Не изданы.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 175—177; Барсуков. Источники агнографии. Стб. 95—97.

Г. М. Прохоров

Пересветов Иван Семенович (XVI в.) — писатель и публицист, выходец из Западной (Литовской) Руси. Сведения о П. содержатся в его сочинениях, главным образом в Малой и Большой челобитных, обращенных к *Ивану IV*; кроме того, имя писателя упоминается в описи царского архива.

Сочинения П. сохранились в списках начиная с 20—30-х гг. XVII в. Они были известны в русской науке уже с нач. XIX в., но подлинность их вызывала сомнения. Так, Н. М. Карамзин считал весьма подозрительным тот факт, что в своих сочинениях П. советовал юному *Ивану IV* сделать все «великое и хорошее, что было уже сделано» в последующие годы, объявлял «эпистолу *Ивашки Семенов* *Пересветова* *Ивану Грозному «мнимой»* и «сочиненной, без сомнения, уже гораздо позже сего царствования». К точке зрения

Н. М. Карамзина присоединились С. М. Соловьев, А. П. Понов и ряд других авторов. Впервые взгляд на сочинения П. как на подлинные сочинения XVI в. высказали известный археограф архимандрит Леонид и М. И. Соколов (указавший на запись о П. в описи царского архива); наиболее развернутое исследование творчества П. дано в нач. XX в. В. Ф. Ржигой, а в советской науке — А. А. Зиминым.

Вопреки Н. М. Карамзину сведения, которые сообщает о себе П. в челобитных, не содержат анахронизмов и подтверждаются рядом источников. Профессиональный «воинник», П. в кон. 20-х гг. XVI в. поступил вместе с рядом польских дворян на службу к венгерскому королю Яну Заполе и служил у него три года; в нач. 30-х гг., в связи с переменной позиции польского короля Сигизмунда I по отношению к Габсбургам, П. перешел на службу к противнику Заполю — «чешскому королю» Фердинанду I Габсбургу. Затем П. переехал в Молдавию, где служил у господаря Петра IV. В кон. 30-х гг. П. приехал в Москву. Первоначально ему было поручено организовать здесь мастерскую «гусарских щитов», однако в обстановке «боярского правления» этот проект был забыт, и П. оказался без дела. В Большой челобитной П. утверждает еще, что он передал тогда же Ивану IV (точнее, правившим за малолетнего государя лицам) «речи изо многих королевств государьские и от Петра Волоскаго воеводы, и дела. . .», но и эти «речи и дела» были забыты. Все основные сочинения П., как видно из их текста, были написаны и частично переданы Ивану IV (уже ставшему к этому времени царем) через 11 лет после приезда П. в Россию — в кон. 40-х гг. XVI в.

До нас дошли следующие сочинения П. в составе сборников Полной (содержащей все сочинения) и Неполюной (опускающей часть сочинений) редакций: Сказание о книгах, Сказание о «Магмете салтане», Первое предсказание философов и докторов, Малая челобитная, Второе предсказание философов и докторов, Сказание о царе Константине и Большая челобитная. Кроме того в начале сборников помещена Повесть о Царьграде *Нестора Искандера* в обработке П. (в Неполюной редакции дан только отрывок из нее), а перед Большой челобитной, после всех остальных сочинений П. — особая «концовка» (в Неполюной редакции — сокращенная).

Идеология П. довольно сложна. П. был решительным противником самоуправства «вельмож»; все его произведения посвящены обличению «ленивых богатых» и прославлению бедных, но храбрых «воинников». Ненависть к вельможам, мечта о «грозной» царской власти — все эти черты идеологии П. сближают ее с настроениями дворянства (нижней части класса феодалов) и побуждают видеть в нем, как это обычно делают историки и литературоведы, идеолога московского самодержавия. Но в сочинениях П. встречаются и такие смелые идеи, которые вовсе не соответствовали взглядам дворян и идеологии самодержавного государства. П. напоминает, что все люди, независимо от происхождения, «дети Аламовы», осуждает закабаление и порабощение; утверждает, что всякое закабаление происходит от дьявола; считает, что «правда» (справедливость)

выше «веры», и указывает, что пока еще в Московском царстве нет «правды» — «а коли правды нет, то и всего нет». Вопреки мнению Карамзина советы П. вовсе не совпадали с тем «великим и хорошим», что было сделано в царствование Ивана IV. П. действительно призывал к завоеванию Казанского царства, и это завоевание было осуществлено в 1552 г., но борьба за Казань велась почти непрерывно уже с кон. XV в., и предсказать ее было нетрудно. Пожелание П. о создании «судебных книг» может быть сопоставлено с составлением Судебника 1550 г. Однако выступление П. против всякого «прикабалывания» и «прихолопивания» вовсе не соответствовало реальной политике Ивана Грозного: в Судебнике ограничивался только прием в «холопы» «детей боярских служилых и их детей», да и то «опричь тех, которых государь от службы отставит». С другой стороны, призыв П. не «прикабалывати» и не «прихолопивати» людей, «а служити им доброволно» прямо совпадает с выступлением еретика, сына боярского Матвея Башкина, который, ссылаясь на евангельскую проповедь, «изодрал» все имевшиеся у него «кабалы» «полные» (т. е. грамоты об обращении в холопство) с тем, чтобы зависящие от него люди служили «доброволно».

Сочинения П. разнообразны по своему жанровому характеру. Малая челобитная — это действительно челобитная, имевшая конкретную практическую цель (восстановление мастерской щитов, создание которой было поручено П.), Большая челобитная — развернутый политический трактат в форме челобитной. Легендарно-публицистический характер имели Сказание о книгах и оба «предсказания философов и докторов». Сказание о Магмете салтане» и Сказание о царе Константине имеют форму повестей, хотя и откровенно публицистического характера. Заслуживает внимания положительная оценка, данная П. царству «Магмета салтана» (Мухаммеда II — завоевателя Константинополя), и отрицательная характеристика правления царя Константина (Константина XI Палеолога, последнего византийского императора). Размышления о причинах завоевания Царьграда турками были одной из излюбленных тем русской публицистики 2-й пол. XV и XVI вв.; недаром П. предварил сборник своих сочинений Повестью о Царьграде. Характерной особенностью рассуждений П. по этому вопросу было сугубо светское решение этой темы: Царьград погиб из-за «вельмож» Константиновых, «ленивых богатых», которые «укоротили» царя «от воинства» (сделали его кротким, разорвали его связь с «воинниками»), установили неправый суд, подорвали мощь государства. Отрицательный взгляд П. на царскую «кротость» резко противостоял взглядам таких идеологов, как *Максим Грек*, утверждавший, что византийские цари погубили свою державу тем, что «хищачу неправедне имения подручников, презираху свои бояры», и противопоставивший такой «гордости» царей «к подручникам кротость». В противоположность Константину Магмет, согласно П., хотя и был «кровопивцем и нехристом» (впрочем, П. приписывал ему намерение перейти в христианство), сумел установить в своем царстве «правду», «добровольную» службу (вместо «порабощения») и справедливый суд.

В сочинениях П. явно обнаруживается влияние фольклора и устной речи. Афоризмы П. строились как поговорки: «Как конь без узды, так и царство без грозы», «Бог не веру любит — правду», «Воинника держати, как сокола кредити, и всегда ему сердце веселити». Обнаруживается в сочинениях П. и своеобразный мрачный юмор. Когда царь Магмет узнал, что судьи его берут взятки — судят «по посулом», он не стал их особенно осуждать, «только их велел живых одирати» и сказал так: «Естьли они обростут опять телом, ино им вина та отдастся».

Многими чертами произведения П. напоминают Повесть о Дракуле, памятник XV в., наиболее вероятным автором которого можно считать еретика Федора Курицына. Как и автор Повести о Дракуле, П. верил в великие достоинства «грозной» власти и ее способность искоренять «зло»: «А не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». Но, как и идеи Курицына, идеи П. (осуждение «прикабаливания» и «прихолопливания», утверждение об отсутствии «правды» в Московском царстве) во многом должны были быть неприемлемыми с точки зрения официальной идеологии.

С этим, по-видимому, и связана судьба П. и его сочинений. В какой-то степени пересветовская идея «грозной власти» могла повлиять на сочинения Ивана Грозного, но ни в этих сочинениях, ни в других памятниках нет ссылок на П. В описи царского архива Ивана IV (ящик 143) упоминается находившийся там «черной список Ивашка Пересветова да Петра Губастого. . .». Многие исследователи понимали эту запись как указание на сочинения П., хранившиеся в царском архиве. Но «списки черные» в архиве часто означают судебно-следственные дела о каких-то лицах; в другом ящике того же архива содержатся «списки черные Матвея Балпкина» — дело о Балкине. Если «списки черные» — это следственное дело П. и неизвестного Петра Губастого, если П. в сер. XVI в. стал жертвой репрессий, это объясняет умолчание о нем других источников и относительно поздний характер рукописной традиции его сочинений. В XVII в. идеи П. вновь привлекли к себе внимание, об этом свидетельствует появившаяся в 20—30-х гг. XVII в. переработка его сочинений — «Сказание о Петре воеводе Волосском».

Изд.: Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А. А. Зямин. М.; Л., 1956; Scritti politici di Ivan Semenovic Peresvetov a cura di G. M. Basile. Milano, 1976; ПЛДР. М., 1984. Вып. 6. С. 596—625, 755—763.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. Примеч. 849; Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 85—87; Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. С. 17—21, 232—234; Соколов М. И. Краткое изложение спец. курса 1899 г. // Очерк десятилетия научной деятельности Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1902. С. 51—52; Яворский Ю. К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI в. // ЧИОНЛ. Киев, 1908. Кн. 20, вып. 3; Ржигла В. Ф. 1) И. С. Пересветов, публицист XVI в. СПб., 1908 (отд. отд.: ЧОИДР. 1908. Кн. 1); 2) И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда // ИОРЯС. 1911. Т. 16, кн. 3; Вилинский С. Новые труды по изучению деятельности Ивана Пересветова //

ЖМШ. 1908. № 10; В а л ь д е н б е р г В. Предшественники славянофилов: Иван Пересветов // Славянские известия. 1913. № 19; П л е х а н о в Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. 1. С. 150—167; P h i l i p p W. Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches // Osteuropäische Forschungen. Königsberg; Berlin, 1935. N. F. Bd 20; С а к е т т и А. Л. Политическая программа Пересветова // Вестник Москов. гос. ун-та. 1951. № 1; П о л о с и н И. И. О челобитных Пересветова // Учен. зап. Москов. гос. пед. ин-та. 1946. Т. 35; З и м и н А. А. И. И. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958 (Л у р ь е Я. С. [Рецензия] // ИОЛЯ. 1959. Т. 18, вып. 5); D a n t i A. Ivan Peresvetov: Osservazioni e proposte // Ricerche Slavistiche. 1964. Vol. 12. P. 3—64.

Я. С. Лурье

Петр Тимофеев Мстиславец (вариант: Мстисловец) (ум. после V 1577) — мастер книгопечатного дела, вероятно, автор послесловий к двум вилеским изданиям и, также предположительно, в соавторстве с *Иваном Федоровым* написавший послесловия к трем книгам московской печати и предисловие к заблудовскому Учительному Евангелию (последнее — от имени Г. А. Ходковича). Жизненный путь П. Т. М. почти не отражен в современных ему источниках, скудость которых восполняется в исследовательской литературе многочисленными, не всегда обоснованными предположениями. Прозвище издателя, как думают, указывает на его происхождение из белорусского города Мстиславля (И. С. Свенцицкий бездоказательно утверждал, что П. Т. М. был родом из Смоленска: С в е н ц ь и к и й И. Початки книгопечатания на землях України. У Жовкві, 1924. С. 51). Белорусское происхождение П. Т. М. навело некоторых ученых на мысль, что он познакомился с типографским искусством в Польше или Литве, а следовательно, при организации книгопечатания в Москве первоначально принадлежало ему, а не Ивану Федорову (Г о л у б и н с к и й Е. К вопросу о начале книгопечатания в Москве // БВ. 1895. № 2. С. 236; I l j a s z e w i c z T. Drukarnia. . . S. 25—29). Догадка эта маловероятна, ибо в послесловиях и предисловии к совместным с *Иваном Федоровым* изданиям имя П. Т. М. всегда стоит на втором месте, а в «Сказании известном о воображении книг печатного дела» он назван «клевретом» первопечатника (П р о т а с ь е в а Т. Н., Щ е п к и н а М. В. Сказание о начале московского книгопечатания // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 200). Тем более нет никаких оснований считать П. Т. М. учеником Франциска Скорины (эта соблазнительная выдумка прельстила многих специалистов и любителей славянских древностей). Столь же неосновательно мнение о том, что до прибытия в Москву П. Т. М. подвизался в Новгороде (I l j a s z e w i c z T. Drukarnia. . . S. 28; А н у ш к и н А. На заре. . . С. 54). Е. Л. Невмировский думает, что оба первопечатника трудились в московской анонимной типографии (Н е м и р о в с к и й Е. Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 269), но его точка зрения разделяется далеко не всеми. Трудно доказать и гипотезу Я. Д. Исасевича, будто П. Т. М. самостоятельно напечатал среднешрифтное Евангелие (И с а е в и ч Я. Д. Першодрукар. . .

С. 30). Приходится признать, что о занятиях П. Т. М. до начала работы над первопечатным Апостолом, увидевшим свет в 1564 г., достоверных сведений нет.

Не известно также, как распределялась работа между Иваном Федоровым и его соратником при подготовке Апостола к печати. Основываясь на ошибочной датировке 1576 г. так называемого виленского «Апостола с привилегией», для которого была изготовлена копия московской гравюры апостола Луки, А. А. Сидоров атрибутировал П. Т. М. и виленскую, и московскую гравюры. Поскольку А. С. Зернова убедительно доказала, что «Апостол с привилегией» выпущен в 1590-е гг., аргументация исследователя теряет силу. После выхода Апостола 1564 г. «клевет» первопечатника по-прежнему трудился с ним бок о бок — в 1565 г. они выпустили два издания Часовника. Между 29 октября 1565 г., когда закончилось печатание второго издания Часовника, и 8 июля 1568 г., когда Иван Федоров и П. Т. М. приступили к публикации Учительного Евангелия в Заблудово, зачинатели русского книгопечатания по неизвестным причинам покинули Москву. Исследователи пытаются уточнить время отъезда Ивана Федорова и его «клеветы». Буквально понимая рассказ послесловия львовского Апостола 1574 г. о торжественном приеме московских «друкарей» королем Сигизмундом Августом («въсприяша нас любезно благочестивый государь Жикгимонт Август»), Г. Я. Голенченко полагает, что встреча с королем состоялась на Виленском сеиме, продолжавшемся с 18 ноября 1565 г. по 11 марта 1566 г. (Г о л е н ч е н к о Г. Я. Русские первопечатники и Симон Будный // Книга. М., 1965. Сб. 10. С. 146—161). Считая, что в книге королевских счетов за 1566 г. в числе получивших вспомоществование москвитов назван Иван Федоров, Е. Л. Немировский относит прибытие первопечатников в Люблин к осени этого года (Н е м и р о в с к и й Е. Л. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979. С. 71).

В Литве прибывшие из Москвы «друкари» первоначально обосновались в Заблудово, имении великого гетмана литовского и ревнителя православия Г. А. Ходкевича, и выпустили здесь в 1569 г. Учительное Евангелие. Но тут пути Ивана Федорова и его «клеветы» разошлись: они расстались летом 1569 г. (между 17 марта, когда была закончена работа над Учительным Евангелием, и 26 сентября, когда Иван Федоров в одиночку начал готовить к печати Псалтирь с Часословцем). П. Т. М. направил свои стопы в Вильно, где на средства православных купцов братьев Кузьмы и Луки Мамоничей оборудовал новую типографию; помощь в этом деле оказали ему также богатые горожане Иван и Зиновий Зарецкие. Вопреки утверждению Т. Ильяшевича (Drukarnia. . . S. 42—43) ничего не известно об участии П. Т. М. в постройке под городом бумажной мельницы. В «доме Мамоничей» московский печатник выпустил три книги — Евангелие (1575 г.), Псалтирь (1576 г.) и Часовник (между 1574 и 1576 гг.). Вскоре, однако, между «друкарем» и финансировавшими его предпринятиями Мамоничами произошел разрыв. Как отмечается в протоколе заседания Виленского городского суда от мая 1577 г., еще в марте

1576 г. суд рассматривал тяжбу между Кузьмой Мамопичем и П. Т. М. по разделу типографии и постановил все пераспроданные экземпляры изданий оставить Мамопичу, а типографское оборудование отдать печатнику; поскольку в течение года виленский купец не выполнял решения суда, П. Т. М. вторично вызвал его в ратушу и призвал к ответу. Документов о дальнейшем течении дела не сохранилось, но, судя по тому, что в позднейших изданиях Мамоничей не встречается ни шрифта, ни досок из орнамента П. Т. М., местный богач все же удовлетворил иск. По-видимому, вскоре после разрешения тяжбы с Мамоничами московский «друкарь» умер; во всяком случае о его последующей деятельности не сохранилось никаких сведений.

А. С. Зернова проследила дальнейшую судьбу типографского материала П. Т. М. Оказалось, что его виленским шрифтом были напечатаны две книги острожской типографии — «Книга о постничестве» Василия Великого (1594 г.) и Часослов (1602 г.), а также титульный лист Азбуки 1598 г. В целом ряде острожских изданий встречаются оттиски с досок П. Т. М. Кроме того, исследовательница обратила внимание на одинаковую плотность набора в виленских книгах и двух названных острожских изданиях. Все это позволило ей высказать предположение, что из Вильно П. Т. М. перебрался в Острог и продолжал там трудиться до нач. XVII в.; впрочем, она не исключает, что острожские издания — работа учеников виленского печатника.

Какое участие принимал П. Т. М. в написании послесловий к московским изданиям и предисловия к заблудовскому Учительному Евангелию (т. е. совместным с Иваном Федоровым работам), сказать трудно. Что касается послесловий к виленским Евангелию и Псалтири, то с литературной точки зрения они остаются неизученными. А. С. Зернова отметила близость их по стилю к предисловиям Ивана Федорова (З е р н о в а А. С. Первопечатник. . . С. 88); Е. Л. Немировский обнаружил в послесловии к Евангелию 1575 г. заимствование из послания *Артемия*, игумена Троицкого (Н е м и р о в с к и й Е. Возникновение книгопечатания в Москве. С. 50), а Н. К. Гаврюшин нашел в послесловии к Псалтири цитату из «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Сратник Ивана Федорова был таким же разносторонне одаренным человеком, как сам первопечатник. А. С. Зернова приводит остроумные доказательства того, что П. Т. М. принадлежат гравюры в его виленских изданиях; она атрибутирует ему и гравюру с изображением Василия Великого из «Книги о постничестве». В. Ф. Шматов приписывает П. Т. М. изображение герба Г. А. Ходкевича в заблудовском издании 1569 г. (Ш м а т о в В. Ф. Художественное оформление заблудовских изданий // Иван Федоров и восточнославянское книгопечатание. С. 103—104).

В нижеследующем перечне изданий с послесловиями и предисловием, в написании которых, как можно думать, принимал участие П. Т. М., новейшие перепечатки этих текстов не учитываются. О совместной деятельности Ивана Федорова и П. Т. М. см. дополнительную литературу в статье: *Иван Федоров*.

Изд.: Апостол. М., 1564. Л. 260—261; Часовник. М., 29.IX.1565. Л. 171—173 (без фоліації); Часовник. М., 29.X.1565. Л. 170—172 (без фоліації); Евангеліе учительное. Заблудово, 1569. Л. 2—4 (1-го сч.); Евангеліе. Вильно, 1575. Л. 393—395; Псалтирь. Вильно, 1576. Л. 249—250.

Лит.: Русакова Е. «Клеврет» первопечатника // Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. 1583—1883. СПб., 1883. С. 10—12; Документ касательно древней Виленской Русской типографии Луки Мамонича, по претензии к оной Петра Мстиславцева / Изд. И. Спрогис // Литовские эпихиальные ведомости. 1883. № 41, неофиц. отдел. С. 366—368; Л а п л о И. И. К истории русской старопечати: Виленская типография Мамоничей // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. 1. С. 161—182; I l j a s z e w i c z T. Drugarnia domu Mamoniczów w Wilnie (1575—1622). Wilno, 1938. S. 24—56; Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 112—113, 118—126; B a r n i c o t J. D. A., S i m m o n s J. S. G. Some Ungrecorded Early-printed Slavonic Books in English Libraries // Oxford Slavonic Papers. 1951. Vol. 2. P. 107—108, N 9; Зернова А. С. 1) Типография Мамоничей в Вильне (XVII век) // Книга. М., 1959. Сб. 1. С. 167—223; 2) Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец // Там же. М., 1964. Сб. 9. С. 77—111; П р а ш к о в и ч М. І. Культурна-асветніцкая роля друкарні Мамонічаў // 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968. С. 155—169; А п у ш к и н А. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970. С. 54—61; Н а р о в ч а т о в С. Печатное дело на Руси // Наука и жизнь. 1972. № 6. С. 62—68; Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. / Сост. В. И. Лукьяненко. Вып. 1 (1523—1600 гг.). Л., 1973. С. 34—37, № 4; С. 39—45, № 6; С. 45—48, № 7; С. 49—50, № 8; В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. М., 1979. Вып. 4. С. 21, 22, 23, 25, 26, № 31, 35, 36, 41, 55, 56, 58; І с а с в и ч Я. Д. Першодрукар Іван Федоров і віннікненія друкарства на Україні. 2-е вид., перероб. і доп. Львів, 1983. С. 37—38; Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 363; Я л у г и н Э. В. Иван Федоров и Петр Мстиславец // Иван Федоров и восточнославянское книгопечатание. Минск, 1984. С. 137—145; Л а б ы н ц е в Ю. А. Виленские издания Петра Мстиславца в собрании Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина // Там же. С. 170—179; Г а в р ы ш и н Н. К. Русские первопечатники — читатели «Диалектики» Иоанна Дамаскина // Федоровские чтения. 1983 г. Великий русский просветитель Иван Федоров. М., 1987. С. 70—72; Ш м а т о в В. Ф. Художественное наследие и традиции Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца в белорусской книжной графике XVI—XVII вв. // Там же. С. 203—204.

Д. М. Буланін

Пимен (по прозвищу Черный) (ум. 24 или 25 IX 1571) — архиепископ Новгородский и Псковский, автор посланий. П. был возведен в сан из клириков Кирилло-Белозерского монастыря (согласно другим источникам — из старцев Адриановой пустыни: ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, 1-я пол. С. 228; 2-я пол. С. 526; Т. 29. С. 214); в его назначении на место прежнего новгородского владыки — осифлянина *Феодосия* А. А. Зимин усматривает влияние на царя благовецкого священника *Сильвестра* (З м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 111). Поставленный в архиепископы 20 ноября 1552 г., 6 декабря П. был уже в Новгороде и сразу же проявил себя как деятельный и рачительный иерарх: «Еще смертоносное поветрие не престало в Новгороде, он же нача служити во святей Софии и поставляти по обителим игумены, а по всем церквам священники, и отгоде нача милость божия быти, помале и поветрие преста» (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 147—148, 333).

Характеристика нравственного облика П. в источниках неоднозначна. В таком беспристрастном памятнике, как *Житие Филиппа митрополита*, Новгородский архиепископ выставлен в самом зловещем свете — интриганом и честолюбцем. Он, согласно Житию, первым внял клевете, порочившей митрополита *Филиппа*, и изрек вместе с другими: «Како царя утверждает, самому же нестоваая творящу». В ответ гонимый митрополит будто бы пророчески заявил П.: «И тщишия чужий престол восхитити, но и своего помале извержен будеши» (ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 6, л. 78). Однако страдания, которые претерпел П. во время новгородского похода *Ивана Грозного*, способствовали его реабилитации в глазах современников. Резкий в своих оценках *А. М. Курбский* не решается безоговорочно осудить главу новгородской церкви: с одной стороны, «глаголют его похлебовати мучителю, и гонитель был вкупе на Филиппа митрополита», но, с другой стороны, «был Пимин чистаго и зело жестокаго жительствова» (РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 319). Так или иначе в течение длительного времени царь мирволил к новгородскому владыке. Будучи в русской церкви вторым лицом после митрополита, П. должен был принимать участие в ответственных государственных делах. В начале памятного 1565 г. не кто иной как архиепископ наряду с чудовским архимандритом *Левкием* возглавил делегацию в Александрову слободу, которая просила *Ивана IV* вернуться к власти.

По неясным вполне причинам главой новгородских «заговорщиков» царь считал именно П. В хранившемся в Посольском приказе статейном списке «из сыского из изменного дела 78-го году» его имя стояло на первом месте, причем архиепископу инкриминировалось желание «Новгород и Псков отдати литовскому королю» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 480). На П. на первого излился царский гнев во время новгородского погрома 1570 г. При въезде в Новгород царь не только отказался принять благословение архиепископа, но и публично обвинил его в измене. Расправа *Ивана Грозного* с ональным владыкой произвела большое впечатление на современников, о чем свидетельствуют не только летописные известия (Новгородские летописи. С. 341, 399), но и рассказы иностранцев (Записки о Московии XVI века сэра *Джерома Горсея*. СПб., 1909. С. 46; Новое известие о России времени *Ивана Грозного*. «Сказание» *Альберта Шлихтинга*. Л., 1934. С. 29—30; *G u a g n i n u s A. Omnium regionum Moschoviae monarchae subiectarum. . . descriptio // Rerum moscoviticarum auctores varii. Francofurti, 1600. P. 191—192*). Если верить сообщению *Шлихтинга*, царь, надругавшись над саном П., сказал, что ему не пристало быть архиепископом, но следует стать скomorохом и жепиться. Воплощая в жизнь свою жестокую шутку, царь велел посадить архиепископа на кобылу, которую назвал его женой, и вручил святителю музыкальные инструменты — атрибуты скomorоха (ср.: *У с п е н с к и й Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 331*). П. отравили в Александрову слободу, а затем, лишив сана,

сослали в Никольский Веневский монастырь под Тулой, где несчастный вскоре скончался. В летописях приводятся различные даты смерти опального иерарха — 24 или 25 сентября (ср.: Т и х о м и р о в М. Н. Малоизвестные летописные памятники // М. Н. Тихомиров. Русское летописание. М., 1979. С. 198; Новгородские летописи. С. 107). А. М. Курбский в своей «Истории» утверждал, будто царь еще в Новгороде повелел утопить архиепископа в реке.

За семнадцать с лишним лет правления П. много сделал для успешения вверенной ему епархии. Активная деятельность архиепископа по укреплению престижа новгородской церкви отчасти объясняется тем, что именно при нем получила распространение ересь Феодосия Косого. Энергичный иерарх закладывает и освящает новые церкви и устраивает монастыри (в 1554 г. заложил церковь Пантелеймона над гробом блаженного Николая Кочанова; в 1560 г. основал Тихвинский Успенский монастырь; в 1566 г. освятил новую церковь Рождества Богородицы на Волотовском погосте, а в 1568 г. — новую церковь Николая Чудотворца), заботится о старых храмах (в 1557 г. «обложил» Никитинскую церковь; в 1558 г. поновил придел Иоакима и Анны в Софии, а через два года устроил в соборе царское и святительское места; в 1560 г. освятил придел Козмы и Дамиана в Андреевской церкви на Щитной улице), распространяет славу новгородских икон (в 1558 г. организовал доставку и торжественную встречу чудотворных икон, взятых царским войском в Нарве; в 1561 г. провожал три образа, затребованных царем из Софийского собора), отлиывает колокола и т. д. При П. 30 апреля 1558 г. произошло открытие нетленных мощей Новгородского епископа Никиты, и по его распоряжению игумен Даниловского монастыря *Иоасаф* написал вторую редакцию Жития святителя.

Сохранилось два сочинения, подписанных именем П. Это, во-первых, послание во Псков от 20 августа 1556 г., содержащее различные *наставления священнослужителям*. Из послания следует, что еще раньше архиепископ отправил во Псков не дошедшую до нас грамоту, в которой говорилось о выборе поповских старост «по соборному уложению», т. е. согласно решению Стоглавого собора. Послание известно в единственном списке XVI в. ГИМ, собр. Хлудова, № 82, где оно завершает текст Стоглава. По этому списку сочинение и опубликовано в издании *Стоглава* Н. Субботина (еще раньше отрывок из него напечатал А. Н. Попов). Во-вторых, архиепископ П. является автором послания царю Ивану Грозному, «еже побарати храбре противу безбожия Литвы и прескверных лютор», которое датировано 24 января 1563 г. и послано «под град Полтеск». Признаком достоинств последнего послания является то, что оно полностью включено в состав летописи. В посланиях П. проявил себя начитанным книжником. Если в первом из них угадывается влияние слов *Серапиона Владимирского*, то второе обнаруживает прямые заимствования из послания на Угру *Вассиана Рыло*. Историкам новгородской церкви известно было Евангелие руки П. (З д р а в ъ о м ы с л о в К. Я. Иерархи. . . С. 33—34). В числе книг келейной библиотеки благовещенского попа Сильвестра сохранился

автограф П. — переписанный им «Масленик соборной» (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 519/776).

Соч.: АИ. 1841. Т. 1, № 302. С. 549—551; Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 215—216; Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах (Стоглав) / Изд. Н. Субботин. М., 1890. С. 416—424; ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13, 2-я пол. С. 351—353 (репринт: М., 1965); М., 1965. Т. 29. С. 306—308.

Лит.: Амвросий, епископ. История российской иерархии. 2-е изд. М., 1822. Ч. 1. С. 77—78; Макарий [Булгаков]. История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 6. С. 313; Тихомиров П. И. Кафедра новгородских святителей со времени покорения Новгорода Московской державе в 1478 году до кончины последнего митрополита новгородского Иова в 1716 году. Новгород, 1895. Т. 2, вып. 1. С. 171—195; Здравомыслов К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Краткие биографические очерки. Новгород, 1897. С. 32—34; Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 183—184; Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке: Очерк социально-экономической и политической истории русского города. Харьков, 1957. С. 235—236; Будовниц. Словарь. С. 249; Скрынников Р. Г. Опричный террор // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1969. Т. 374. С. 40—43, 88—90.

Д. М. Булагин

Писемский Федор Андреевич (2-я пол. XVI в.) — посланник Московского правительства (совместно с подьячим Неудачей Ховралевым) в Англию в 1582—1583 гг., дворянин и наместник Шацкий, составитель статейного списка. Ранее, с 1564 по 1573 г., П. был послом в Крыму, его дипломатический опыт высоко ценил царь Иван IV Грозный. Статейный список П. насыщен ценными фактическими сведениями и наблюдениями, важными для внешнеполитических интересов Московской Руси XVI в.

Изд.: Северный архив. 1822. Ч. 1, кн. 4. С. 310—321; Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 38. С. 1—70; Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 100—155, 330, 352—355, 386—402.

Лит.: Гамель И. Х. Англичане в России в XVI—XVII вв. СПб., 1865—1869. С. 117—118; Алексеев М. П. 1) Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. // Учен. зап. ЛГУ. 1947. Сер. истор. наук. Вып. 15. С. 49; 2) Русско-английские литературные связи (XVIII—первая пол. XIX в.). М., 1982. С. 32, 50, 77, 93 (Лит. наследство. Т. 91).

О. А. Белоброва

Письмовники — сборники образцовых посланий (или наиболее этикетных частей письма — прескрипта и клаузулы), распространенные во всех странах средневековой Европы, а в Древней Руси появившиеся не позднее XV в. Теории письма, как и теории литературы вообще, в виде определенного комплекса правил и рекомендаций в Древней Руси, как известно, не существовало; преимущество эстетических традиций осуществлялась благодаря ориентации писателей на набор произведений, которые считались образцовыми. Эта особенность русской средневековой эстетике прояви-

лась и в П., включавших послания, максимально абстрагированные от конкретной ситуации, предлагавшиеся для подражания. П. были первыми в средневековой Руси сводами литературных образцов, и в этом их историко-культурное значение (в XVII в. писались также образцовые проповеди, стихотворения-образцы и т. д.). Содержа послания типизированные, отвлеченные от примет времени, П. знаменовали собой конец эпохи, когда образцами служили конкретные памятники со всеми их индивидуальными особенностями, и вплотную подводили к учебникам поэтики, в которые по традиции включался раздел об эпистолографии (Петров Н. И. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году // Труды Киевской духовной академии. 1868. № 3. С. 496—505). Изучение теории и истории письма в Древней Руси немыслимо поэтому без исследования П., содержащих в воплощенном виде эпистолярную теорию. Между тем до сих пор не выяснены ни причины появления древнерусских П., ни их связь с произведениями современных им и позднейших эпистолографов, отсутствует также археографическое описание и серьезная классификация П.

Хотя для первых П. не найдены иноязычные образчики, не исключено, что они возникли под влиянием подобных сборников, широко распространенных в греческой средневековой письменности (K r u m b a c h e r K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897. S. 452—454). Однако как структурное единство, как цельные своды П. несомненно являются оригинальными славянскими памятниками. Популярность их в Древней Руси, особенно в XVI в., обусловлена своеобразием исторической эпохи. Заслуживает внимания прежде всего то, что судьба П. в древнерусской письменности параллельна истории формулярников, они нередко соседствуют в одних и тех же рукописях, причем разница между этими сборниками не всегда четко прослеживается: формулярники обычно носят деловой и официальный характер, в то время как П. — это образчики частных и вместе с тем литературно украшенных писем. Синхронность развития П. и формулярников наводит на мысль, что одной из причин распространения и тех, и других явилось усложнение в XV—XVI вв. государственного и церковного аппарата и связанная с этим необходимость упорядочения переписки. Потребность в П. возникла, по-видимому, и вследствие чисто литературных закономерностей: для этого периода в истории древнерусской литературы характерен процесс канонизации жанровых форм наряду с возросшей популярностью и общественным статусом эпистолярного жанра.

Примечательно также, что П. XV—XVI вв. дошли преимущественно в рукописной традиции «осифляч» — законодателей литературных вкусов эпохи. См., например, сборник новгородского архиепископа (будущего митрополита) *Макария* ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 204; сборник новгородского архиепископа *Феодосия* ГИМ, Синод. собр., № 791; сборники игумена Волоколамского монастыря *Нифонта Кормилицына* ГПБ, Q.XVII.15; Q.XVII.64; сбор-

ник игумена того же монастыря *Евфимия Туркова* ГПБ, Q. XVII. 50 и др. Во всяком случае ни образцы гуманистического письма, представленные в XVI в. посланиями *Ф. И. Карпова* и *А. М. Курбского* (Freudank D. 1) Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus // Zeitschrift für Slawistik. 1968. Bd 13. S. 98—108; 2) *А. М. Курбский* und die Epistolographie seiner Zeit. Offene Fragen der Kurbskij-Forschung // Ibid. 1976. Bd 21. S. 319—333), ни ориентирующиеся на византийские нормы послания *Максима Грека* (Булакин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 95—123) не оказали определяющего влияния на первые древнерусские П.

Единственным исследователем, кто пытался систематизировать многочисленные древнерусские П., остается А. С. Демина; в своих трудах он учитывает около 170 рукописей, включающих те или иные редакции П. Недавняя статья о П. М. Шмюкер-Брелоер также преимущественно основывается на материалах, собранных А. С. Деминым в неопубликованной части его работы. Ученый выделил следующие разновидности памятника: 1) неозаглавленный П. с 6—8 образцовыми посланиями; 2) «Посланием начало, егда хочещи кому послати: к вельможам или ко властным людем, — кому ся ни есть имя рек» с 6 большими посланиями; 3) «Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку» с 60—70 маленькими посланиями; 4) различные другие П., не получившие как нечто целое широкого распространения и сохранившиеся обычно в единственном списке. До сих пор публиковались лишь П. третьего разряда (см. издания в ВОИДР, 1-м вып. ЛЗАК), а также П. индивидуального состава (т. е. четвертого разряда), чаще всего — отдельные образцы из них; нижеследующая библиография не может, естественно, учесть все публикации подобных выдержек.

Неозаглавленный П., сохранившийся в двух редакциях — ранней и поздней, по мнению А. С. Демина, был составлен в Новгороде и датируется 1475—1477 гг., его возникновение исследователь связывает с московско-новгородскими распрями 2-й пол. XV в. Наиболее ранний его список, содержащий, правда, лишь фрагменты П., читается в формулярнике ГИМ, Синод. собр., № 562, причем фрагменты эти восходят уже к третьей редакции памятника, которая, согласно А. С. Демину, появилась не позднее 1492 г. Однако заключение А. С. Демина о новгородском происхождении неозаглавленного П. находится в противоречии с выводами исследователей митрополичьего формулярника. Согласно Л. В. Черепнину, привлекаемая А. С. Деминым рукопись ГИМ, Синод. собр., № 562 характеризует второй этап в истории формулярника (первый его вид, который историк датирует 1470-ми гг., отразился в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 512) и в основной своей части воспроизводит архив московского митрополита *Симона*; утверждение об оппозиционном, антимосковском характере П., лежащего в основе фрагментов сборника Синод. собр., № 562, последний исследователь формулярника А. И. Плигузов называет «парадоксальным». Как выясняется, первый П. появился в древнерусской письменности много

раньше, чем предполагал А. С. Демина: два его варианта, находящиеся в рукописях 1-й четв. XV в. (ГИМ, Музейск. собр., № 1009 и Ярославский государственный музей-заповедник, № 15231), подготовлены к печати А. А. Туриловым и А. И. Плигузовым. Неозаглавленным П. интересовался П. И. Мельников-Печерский, изготовивший его список в 1841 г.

По данным А. С. Демина, в годы боярского правления, между 1539—1541 гг., был составлен второй П. — «Посланием начаю», включенный уже в Софийский комплект *Великих Миней Четиих* под 31 августа. Этот П. замечателен тем, что он включает цитаты и изречения (из Священного писания, «Ицель»), которыми рекомендуется украшать послания. А. С. Демина обнаружил общие чтения в П. «Посланием начаю», с одной стороны, и в «Молениях» *Даншила Заточника* и некоторых посланиях XVI в., с другой стороны, однако необходимо еще выяснить, какие из совпадающих текстов проникли из одного памятника в другой, а какие восходят к общему источнику. В XVI в. (по А. С. Демину, до учреждения патриархии, т. е. до 1589 г.) создан был и третий П., наиболее текучий по составу, — «Сказание нечертанию епистолиям», в котором образцы распределены по алфавиту (отсюда его другое название — Азбучный П.). Интересны в Азбучном П. образцы «ругательных» посланий — «недругу», «непостоянному другу с посмехом», «к другу прежде-бывшему» и т. д. В составе этого П. дошли известные сатирические произведения XVII в. — «Послание дворянское недругу» и «Послание дворянина к дворянину». В кон. XVII в. «Сказание начертанию епистолиям» было переработано в новый П. — «Каким образом писати и х кому письма».

В XVII в. П. — важный элемент эпистолярной культуры. Следует отметить, что нередко в рукописях они совершенно растворяются среди соседствующих с ними посланий, сохранившихся в первоизданном виде; в особенности это относится к П. четвертого разряда (по классификации А. С. Демина). Прозаические образцы писем часто переписывались вместе с виршевыми посланиями. П. оказались исключительно гибким жанром, который, претерпевая изменения, мог удовлетворить разные литературные вкусы, мог приспособляться к новым литературным направлениям. Симптоматично, что второй книгой, напечатанной гражданским шрифтом, был П. — «Приклады, како пишутся комплементы» (М., 1708), выдержавший еще два издания.

Сохранившиеся южнославянские П. — в основном поздние, наиболее ранний из них — Слещенский датируется 1-й пол. XVI в.: Р а д о н и ћ J. Епистолар манастира Продрома (Слеще) // Споменик. 1910. Књ. 49. С. 56—66; И в а н о в Й. Български старини из Македонија. Софија, 1970. С. 484—487; подробно о нем см.: А н г е л о в Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. Софија, 1978. Кн. 3. С. 197—204. Известны также три молдавских П. XVI и XVII вв. (Я ц и м и р с к и й А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам. Вып. 1. 1—11. СПб., 1908. № 10. С. 28—32; № 21. С. 73—78; № 25. С. 88—91;

№ 39. С. 142—148; второй из них опубликован также в кн.: Я ц и м и р с к и й А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек // СОРЯС. СПб., 1905. Т. 79. С. 360—362, третий — почти полностью в работе: Я ц и м и р с к и й А. И. Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Молдавии // Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1898. Т. 2. С. 18—20), два сербских XVII в. (Н о в а к о в и ћ С. Један стари свјетовни зборник ћириловски // Гласник српског ученог друштва. У Београду, 1869. Књ. 8 (св. 25 старога реда). С. 45—63; М о ш и н В. Ћирилски рукописи у Повијесном музеју Хрватске. Колитарева збирка словенских рукописа и Цојсов ћирилски одломак у Љубљани. Београд, 1971. Т. 1. С. 173—175. № 24). Утврђјение А. С. Демина о влияния на южнославянские П. древнерусских нуждается в проверке. Остаются неизученными украинские П. Ср.: Г р и н ч е н к о Б. Д. Старинный малорусский письмовник: «Книга глаголема Я Листовня». Чернигов, 1901.

Изд.: Алфавит Илариона, инока заточеннаго, надписание епистолиам, яко всякому в предсловие по азбѣце человеку послати // Сообщ. С. К. Смирнов // ВОИДР. 1851. Кн. 10. С. 23—28; М о р д о в ц е в Д. О русских школьных книгах XVII века // ЧОИДР. 1861. Кн. 4. С. 71—78; К а л а ч о в Н. Азбуки-прописи // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый П. Калачовым. СПб.; М., 1861. Кн. 3. С. 13—14; С в я р е л и н А. Старинная азбука // Владимирские губернские ведомости. 1862. Часть неофиц., № 30. С. 129—130; № 31. С. 131—132; Старинные «формулярники» / Сообщ. А. Ф. Бычковым и Н. В. Калачовым // ЛЗАК за 1861 г. СПб., 1862. Вып. 1. С. 34—49; Формулы писем и просьб // ЛЗАК за 1862—1863 гг. СПб., 1864. Вып. 2. С. 96—97; Р ж и г а В. Ф. К вопросу о западном влиянии в русской литературе первой половины XVI века // Юбилейный сборник на пошану академика М. С. Грушевського. Ч. Историко-литературна. У Києві, 1928. С. 230—236; Л и х а ч е в Д. С. Любимое письмо XVII века // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1948. Т. 67. С. 38—39; Г о л у б е в И. Ф. Два прозаических послания из письмовника XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 183—187; Д е м и н А. С. 1) Демократическая поэзия XVII в. в письмовниках и сборниках выршевских посланий // Там же. С. 74—79; 2) Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI—XVII вв. // Там же. С. 188—193.

Лит.: Петров А. Н. Об Афанасьевском сборнике конца XVII в. и заключающихся в нем азбуковниках // Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1895—1896 году. СПб., 1896. С. 78—101 (ИДП. Т. 120); М а л и н и н В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 73—78; Ч е р е н и н Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 18—25; З и м и н А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 81—82; Д е м и н А. С. 1) Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв.: (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 90—99; 2) О литературном значении древнерусских письмовников // РЛ. 1964. № 4. С. 165—170; 3) Об одном письмовнике XVI века // Учен. зап. Азербайджанск. гос. ун-та им. С. М. Гирова. 1964. Сер. истор. и философ. наук. № 5. С. 91—97; 4) Русский письмовник XV века // Учен. зап. Азербайджанск. пед. ин-та языков им. М. Ф. Ахундова. 1964. Сер. XII. Язык и литература. № 1. С. 68—77; 5) Русские письмовники XV—XVII вв.: (к вопросу о русской эпистолярной культуре): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1964; В е р е о f f G. B. 1) L'epistolografia russa antica e il suo rapporto con quella bizantina // Mondo Slavo e cultura italiana. Contributi italiani al IX Congresso Internazionale degli slavisti. Kiev, 1983. Roma, 1983. P. 55—77; 2) Gattungs- und Stilprobleme der altrussischen Briefliteratur (XI—XV Jh.) //

Gattungsprobleme der älteren slavischen Literaturen (Berliner Fachtagung 1981). Berlin, 1984. S. 102—103; Schmücker-Breloer M. Zur Bedeutung der «Pis'movniki» in der altrussischen Epistolographie // Ibid. S. 146—166; Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века / Предисл. А. И. Плигузова. М., 1986. Ч. 1. С. 16—17.

Д. М. Буланин

Питирим (ум. 19 VIII 1455) — епископ Пермский, автор одной из редакций *Жития Алексея митрополита* и служб на память митрополита Алексея и на обретение его мощей. О П., как и о других пермских епископах XV в., сохранилось мало известий; почти ничего не знали о них уже в кон. XVII в., как следует из письма иерея Благовещенской Усть-Вымской церкви Евтихия, который обратился к епархиальному начальству в Вологде с просьбой сообщить хоть что-нибудь достоверное о пермских чудотворцах-епископах (*Жития святых*. . . С. 409—410). Согласно краткому *Житию Питирима*, святитель был уроженцем Ярославля, в первые годы иноческой жизни был наставляем неким великим старцем Кириллом. Прежде чем стать во главе Пермской епархии, П. состоял архимандритом Чудова монастыря; в 1440 г. он крестил новорожденного наследника *Василия II Темного* — будущего великого князя *Ивана III*. Пермским владыкой П. стал между 1441 г., когда Пермской церковью еще руководил его предшественник Герасим (АИ. 1841. Т. 1, № 39. С. 74), и 1447 г., когда П. уже в качестве Пермского епископа вместе с другими иерархами составлял в Москве увещевательное послание Дмитрию Шемяке (Там же. № 40. С. 75; Е. Бударин и И. Верюжский полагали даже, что текст этого послания принадлежит именно П.). Вычегодско-Вымская летопись датирует его поставление 1444 г. (Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 261). По-видимому, П. оставался в Москве до кон. 1448 г., ибо 15 декабря этого года в числе других представителей высшего духовенства он поставил в митрополиты рязанского епископа *Иону*. В феодальной войне сер. XV в. П. выступал последовательным противником Дмитрия Шемяки. Это явствует и из упомянутого соборного послания, и из рассказа Вычегодско-Вымской летописи о том, как Шемяка понуждал П. освободить его от «проклятого слова» (Документы по истории коми. С. 261), и, наконец, из сообщения *Пахомия Серба*, что Пермский владыка от «братоубийствепою кровию руже осквернившего. . . много лютая подъят» (*Житие митрополита всея Руси святого Алексея*, составленное Пахомием Логофетом. СПб., 1877—1878. Вып. 1. С. 5 (ОЛДП. № 57)). О мучениях, которые П. претерпел в Устюге от Шемяки, глухо упоминает и *Житие П.* Будучи четвертым епископом в новообразованной епархии после *Стефана Пермского*, П. ревностно продолжал миссионерский подвиг последнего, за что и пал жертвой озлобленных этой его деятельностью вогуличей (манси), которые во главе со своим князем Асыкой убили П. то ли в Усть-Выми, то ли в Чердыни. *Житие П.* в отличие от других источников датирует гибель святителя 15 августа.

Начало местного празднования памяти П. Е. Е. Голубинский относит к царствованию Василия Шуйского, так как в 1607 г. была написана икона, изображающая трех пермских епископов (Герасима, П., Иону), и водружена над их телами в Благовещенской церкви в Усть-Выми. Память пермских епископов отмечается церковью 29 января.

В написанном Пахомием Логофетом Житии митрополита Алексея сообщается, что основным источником сведений о святом автору послужило произведение П., который «нечто мало о святем списа и канон тому в похвалу сложи» (Житие митрополита всея Руси святого Алексия. . . Вып. 1. С. 6). На основании этого заявления историки приписали П. включающуюся в летописи статью «О Алексее митрополите», считая, что это и есть памятник, о котором говорит Пахомий. Однако указанная статья читается в *Летописце Рогожском* и *Летописи Симеоновской*, восходя в них к своду 1408 г. (*Летопись Троицкая*); Г. М. Прохоров полагает, что статья «О Алексее митрополите» написана одновременно с *Повестью о Митяе* (Прохоров Г. М. *Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы*. Л., 1978. С. 150—156). Поскольку П. писал свое произведение после обретения мощей митрополита Алексея (1431 г.), атрибутировать ему летописную статью не представляется возможным. По-видимому, сочинение сербского агиографа полностью вытеснило из рукописной традиции написанное П. наспех (по свидетельству Пахомия) Житие, как это случилось и с *Житием Сергия Радонежского*, принадлежащим перу *Епифания Премудрого*. Время сохранило лишь написанную П. службу на обретение мощей московского митрополита, которая читается в минеях под 20 мая. П. принадлежит и служба на память митрополита Алексея (12 февраля); при этом В. Яблонский установил, что в печатные минеи вошла служба, уже отредактированная Пахомием Логофетом. Как сообщает третья редакция сказания о обретении мощей митрополита Алексея, гимнографическое творчество П. получило санкцию собора русских епископов во главе с митрополитом Ионой. Научное издание и той, и другой служб П. отсутствует.

Если верить местным преданиям, П. читал по-гречески и был незаурядным оратором; перед смертью он обратился к своей пастве с утешительным и напутственным словом (Михайлов М. Устьвым // Вологодские губернские ведомости. 1850. Часть неофиц., № 32. С. 366). Сохранилась рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 264, вложенная П. в Благовещенскую церковь в Усть-Выми, как сообщает запись по листам, сделанная в XVI в. (Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 101).

Епископу П. приписана одна из поздних редакций Повести о Петре и Февронии, сохранившаяся в единственном списке кон. XVII—нач. XVIII в. ГИБ, собр. Титова, № 2085 (Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 204—205); атрибуция эта, разумеется, совершенно неосновательна.

Лит.: Евгений [Болховитинов]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 167—168; Жития святых Российской церкви. Также иверских и славянских. Месяц январь. СПб., 1857. С. 405—428; Макарий [Булгаков]. 1) Материалы для истории русской церкви. IX. Житие св. Алексия, митрополита русского, составленное, вероятно, архимандритом Питиримом (прежде 1439 г.). Примеч. // Духовный вестник. Харьков, 1862. Т. 1. С. 47; 2) История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1886. Т. 5. С. 243—244; СПб., 1887. Т. 6. С. 324—325; Суворов Н. Исторические сведения об иерархах древне-Пермской и Вологодской епархии // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1865. № 17. С. 695—696, 700—706; Будрин Е. Очерк истории Пермской епархии // Пермские епархиальные ведомости. 1868. Отд. неофиц., № 24. С. 403—410; Ключевский И. Древнерусские жития. С. 134—137; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местю чтимых. Вологда, 1880. С. 332—342; Пермская летопись с 1263—1881 г. Первый период. С. 1263—1613 / Сост. В. Шишонко. Пермь, 1881. С. 20—23; Строев. Словарь. С. 235—236; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 28—29, 32; Филарет. Обзор. С. 108; Азбучный указатель имен русских деятелей. СПб., 1888. Ч. 2. С. 156 (Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 62); Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 78; Шлякин И. А. Св. Питирим, епископ Пермский // ЖМНП. 1894. Ч. 292, № 3. С. 135—145; Голубинский Е. Е. 1) История церкви. М., 1900. Т. 2, 1-я пол. С. 527—529; 2) История канонизации. С. 121—122; Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 164—169; Шляков Н. В. Житие св. Алексия, митрополита московского, в Пахомиевской редакции // ИОРЯС. 1915. Т. 19, кн. 3. С. 85—97; Будовиц. Монастыри на Руси. С. 94—95; Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 228.

Д. М. Буланин

Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г. — цикл древнерусских произведений, посвященный осаде и падению Константинополя: это П., приписываемая *Нестору Искандеру*, «хронографическая» П., краткая П. «О взятии Царьграда от безбожных турчан» и так называемый «Плач о падении Царьграда». К этим источникам восходят поздние переработки — в составе Степенной книги (см.: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, 2-я пол. С. 490—504), П. в составе *Хронографа Русского* в его редакциях XVII в.

Искандеровская редакция известна в единственном списке XVI в. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 773). Текст не имеет заголовка. В конце П. имеется запись, в которой автором ее назван Нестор Искандер. П. начинается рассказом об основании Константинополя, затем следует обстоятельное описание осады и взятия города турками. Завершается текст изложением пророчества о судьбе Константинополя. Среди литературных источников П. — *Летописец Еллинский и Римский*, из которого заимствованы сведения об основании города и через посредство которого в ней отразилось *Сказание о построении храма святой Софии*. Кроме того, в П. использовано «Откровение» *Мефодия Патарского*, апокрифическое «Откровение» Даниила, пророчества Льва Премудрого. Отмеченные М. Н. Сперанским параллели с древнерусским переводом *Истории Иудейской*

войны» Иосифа Флавия могут свидетельствовать о знакомстве автора П. и с этим памятником.

М. Н. Сперанский предполагал существование общего источника у Троицкого списка («искандеровской» редакции) и «хронографической» редакции, текстуально близкой к первой, но более краткой. Хронографическая редакция входит в состав многих списков Русского хронографа в его редакции 1512 г., а также читается в сборниках. Обнаружение С. Н. Азбелевым фрагмента «хронографической» редакции в рукописи XV в. (ГПБ, Q.IV.544) позволяет датировать создание архетипного текста П. XV в.

В списках Западнорусской редакции Русского хронографа находится П. «О взятии Царьграда от безбожных турчан» (нач.: «В лето 6961 обращаше уже в мысли своей Амуратов сын Моамеф. . .»), являющаяся, как установлено В. Ф. Ржигой и Б. М. Клоссом, переводом латинской повести Энея Сильвия, осуществленным *Максимом Греком*. Эта П. также встречается в сборниках.

В Русском хронографе редакции 1512 г. в качестве заключительной главы читается повествование о взятии Царьграда, получившее в науке условное наименование «Плач о падении Царьграда» (в Хронографе глава называется: «О взятии Царьграда от безбожного турьскаго царя Магмета Амуратова сына»; нач.: «Хочу глаголати повесть, еже не точию человеки, но и нечювьственное камене. . .»). Стилистический анализ «Плача» позволяет считать его автором составителя Хронографа.

Кроме того в сборниках наряду с П. о взятии Константинополя читаются «Сказание о происхождении Византии», «Сказание о происхождении Царьграда», статья о происхождении «турских царей». П. о Царьграде читается и в составе *Летописей Никоновской* (ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 78—108), *Воскресенской* (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 125—144), Голицынского тома *Летописного свода Лицевого*.

П. о взятии Константинополя (в «искандеровской» или «хронографической» редакции) оказала большое влияние на русское историческое повествование XVI—нач. XVIII в. Ей подражает *Казанская история*, *Летописец начала царства*, «Повесть книги сея от прежних лет», приписываемая И. М. Катыреву-Ростовскому, Авраамий Палицын в своем Сказании, составитель одной из переработок Повести о начале Москвы. «Хронографическая» редакция П. вошла в «Скифскую историю» А. Лызлова (1692 г.), а через ее посредство в книгу «История о разорении последнем святого града Иерусалима от римскаго цесаря Тита сына Веспасианова, вторая о взятии славнаго столичнаго града греческаго Константинополя (иже и Царьград) от турскаго султана Махомета втораго» (М., 1713), переиздававшуюся в 1716, 1723, 1745, 1765, 1769 гг. и далее, до нач. XIX в. К этому изданию восходит болгарская повесть, встречающаяся в составе «Дамаскинов» 2-й пол. XVIII в. На древнерусских источниках основывался и автор «Истории Царьградской» И. В. Паузе (ум. 1735). В нач. XVIII в. сюжетные мотивы П. были использованы автором анонимного сочинения «О зачатии и здании царствующаго града

С.-Петербурга» (см.: Предтеченский А. В. Основание Петербурга // Петербург Петровского времени. Л., 1948. С. 42—44). Сюжет «знамения» — борьба орла со змеей — широко использовался в памятниках прикладного искусства XVII—нач. XVIII в.

Изд.: Яковлев В. Сказания о Цареграде по древним рукописям. СПб., 1868; Поцов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 83—91, 160—165; Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора Искандера XV века / Сообщ. архимандрит Леонид. СПб., 1886 (ПДПН. Вып. 62); Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 443—460; Русский хронограф. Хронограф западнорусской редакции // ПСРЛ. Пг., 1914. Т. 22, ч. 2. С. 205—207; Повесть о взятии Царьграда турками // Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958. С. 55—78, 218—243, 386—397; Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // ПДПН. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 216—267, 602—607.

Лит.: Срезневский И. И. Повесть о Царьграде // Учен. зап. Кнгоп. имп. Академии наук. СПб., 1854. Кн. 1, разд. 3. С. 99—137; Дестунис Г. Новоизданный список повести о Царьграде // ЖМНП. 1887, февр. С. 366—383; Погодин П. Д. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году // Там же. 1889, авг. С. 243—253; Орлов А. С. 1) Особенности формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Кн. 4. С. 1—50; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. // ИОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 4. С. 347—355, 371, 373, 379; 3) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 100—130; Соболевский А. И. Эней Сильвий и Курбский // Serta Borysthenica. Сб. в честь заслуженного профессора имп. ун-та св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911. С. 1—17; U n b e g a u n B. Les relations vieux-russes de la prise de Constantinople // Revue des études slaves. Paris, 1929. Т. 9, N 1—2. P. 13—38; Бельченко Г. П. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 507—513; Ржиган В. Ф. Кто перевел краткую повесть о взятии Константинополя турками? // Slavica. Praha, 1934. Roč. 13. Seš. 1. С. 105—108; Масленникова Н. Н. Идеологическая борьба в исковой литературе в период образования Русского централизованного государства // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 18. С. 200—202; Смирнов Н. А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // ВВ. М., 1953. Т. 7. С. 50—71; Сперанский М. Н. 1) Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 136—165; 1956. Т. 12. С. 188—225; 2) Повесть о взятии Царьграда турками в «Скифской истории» А. Лызлова // М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 211—224; Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера // ТОДРЛ. Т. 10. С. 166—184; Азбелев С. И. К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками // Там же. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 334—337; Мамеев К. К. «Видение Царьградское» в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера и его интерпретация в некоторых памятниках прикладного искусства // Там же. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 342—352; Клосс Б. М. 1) О времени создания русского Хронографа // Там же. Л., 1971. Т. 26. С. 244—245; 2) Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975. С. 55—61; Моисеева Г. Н. «История царьградская» Поганна Вернера Наузе — неизвестное сочинение начала XVIII в. // Культурное наследие древней Руси. Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 205—210.

О. В. Творогова

Повести о нашествии Едигея — летописные повести о нашествии на Русь осенью 1408 г. ногайского хана Едигея, фактически пра-

вившего Золотой Ордой в нач. XV в. Едигею не удалось захватить московский «град» (Кремль), но он сжег московские посады, уничтожил Переяславль, взял Ростов, Юрьев, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец и ушел после получения 3000 рублей «окупа».

Рассказом о нашествии Едигея завершился рассказ *Летописи Троицкой*, однако текст этого рассказа, в отличие от текста Троицкой до 1391—1392 гг., не может быть реконструирован по *Летописи Симеоновской* и *Летописцу Рогожскому*: приведенные Н. М. Карамзиным цитаты из рассказа о Едигее в Троицкой свидетельствуют о том, что там читался иной текст, чем в Симеоновской и Рогожском летописце. Почти все цитаты Карамзина совпадают с рассказом, помещенным как отдельная статья в летописных сборниках, содержащих тексты великокняжеского летописания, близкие к *Летописям Никаноровской* и *Вологодско-Пермской*, и включенным впоследствии в текст этих летописей и Московского свода. Судя по Карамзину, П. начиналась в Троицкой с перечисления татарских «царевичей» и князей, пришедших на Русь с Едигеем, приход к Москве датировался 1 декабря; было указано, что за великим князем Василием Дмитриевичем, отступившим в Кострому, был послан царевич Тегрибердей. Далее упоминается осторожное поведение великого князя Ивана Михайловича Тверского, связанного вассальной зависимостью и с Ордой, и с великим князем Василием I: «. . ни Едигея разгнева, ни князю великому погруби, обоим обоего избежа. Се же створи уменски, паче же истински». К рассказу Троицкой восходит и содержащееся в московских летописях описание того, как татары вели по сорок человек связанных москвичей; единственная цитата из П. у Карамзина, не обнаруженная в более позднем летописании, это упоминание о том, что богатые и сильные люди, дававшие обеты во время нашествия, их затем не выполнили и солгали перед богом.

В составе Симеоновской и Рогожского летописца читается другая П., восходящая, очевидно, к той особой редакции свода 1408 г., которая была доведена до 1412 г. и составлена, по всей видимости, в Твери. Связь с Тверью обнаруживается в П. Симеоновской и Рогожского летописца в указаниях, что войска Едигея «тферскаго настоявания дому святаго Спаса взяша волость Клиньскую и множество людей посекоша, а иных в плен поведоша». В основном же П. отражает скорее позиции человека, тесно связанного с московским великокняжеским двором, но осуждающего политику Василия Дмитриевича в нач. XV в. (М. Д. Приселков предполагал, что этот рассказ был «составлен в Твери едва ли не со слов отъехавшего в Тверь какого-то московского политического деятеля»). Автор не столько информирует о событиях (он не приводит точной даты прихода Едигея, не упоминает размеров данного в конце осады «окупа»), сколько оценивает их. Безусловно отрицательно относится он к военному союзу, заключенному в 1406 г. Василием I с Едигеем. Он ссылается при этом на неких «старцев» (старших советников Василия I), говоривших: «Добра ли се будет дума юных наших бояр иже приведоша половець на помощь?». Именование ордынцев «половцами» связано здесь, очевидно,

с упоминанием о древних киевских и черниговских князьях, тоже поднимавших «половци на помощь»: «. . . да не будет ли си пакость земли нашей на прочия дни, егда измаильте, усмотревши наряд наша земля, на ны приидуть». «Яко же и събысться», — прибавляет автор. Все это рассуждение о союзе с Едигеем, читающееся в Симеоновской летописи и Рогожском летописце, дословно совпадает с текстом, помещенным в *Летописи Тверской*, где оно читается, однако не в рассказе о Едигее (в Тверской летописи кратком), а в *Повести о Плаве*, и такое совпадение еще раз подтверждает тверское происхождение П. в Симеоновской и Рогожском летописце. Но осуждая великого князя и его «юных» советников за союз с татарами (против Витовта), автор в такой же степени не одобрял и слишком значительные уступки литовским католическим князьям, переходившим на русскую службу, — в частности, он был возмущен тем, что князь Свидригайло Ольгердович, который «лях бе верою», получил в удел «многославный Володимерь. . . град пречистые богоматери» — «и таковаго града не помиловавше москвичи, вдаша в одержание ляхов!» Этот поступок, доказывает автор, был не только греховным, но и губительным: когда Едигей пошел на Русь, «храбрии наши ляхове, иже величаве дрѣжаще град пречистыа богоматере, мужественаа их лысты токмо на бег силу показаша. . .». И в этом случае автор ссылается на авторитет «старцев», осудивших великого князя, и объясняет такую ошибочную политику советом «юных» бояр. В конце П., отвечая тем, кто мог заподозрить его в желании «досаждать» или «завидовать чести» своих противников, автор ссылается на «Начального летописца киевского», «оного великаго Селивестра Выдобыжского» (*Сильвестра Выдубицкого*), составителя редакции *Повести временных лет*, помещенной в *Летописи Лаврентьевской*, который писал правду, «не украшая пишуцаго».

В своде, лежащем в основе *Летописей Новгородской Карамзинской*, *Новгородской IV* и *Софийской I* (своде 1448 г.), вместо пространной П. помещено краткое сообщение о нашествии Едигея (приход его к Москве датирован 23 ноября), но оно сопровождается текстом грамоты Едигея Василию (сохранившимся только в Новгородской Карамзинской и НІVІ и в более поздних сводах). Текст этот перекликается с П. в своде 1412 г. (Симеоновской и Рогожском летописце): Едигей также упрекает Василия I за невнимание к советам «бояр старейших» и «старцев земских», представителем которых он считает боярина Федора Кошку, и за следование «слову и думе» сына Кошки — казначея Ивана Федоровича. Однако в отличие от свода 1412 г. в этом тексте Едигей объявляет «старейших бояр» сторонниками подчинения хану, а их преемников — противниками. Существует ли какая-либо прямая связь между П. в своде 1412 г. и грамотой Едигея? Был ли рассказ свода 1412 г. своеобразным полемическим ответом на ярлык (не дошедший до нас вне летописной традиции, но, по всей видимости, подлинный), имевшим целью доказать, что губительная политика «юных» бояр заключалась не во враждебности, а, напротив, в излишней близости к Едигее? Или же свод 1448 г., помещая ярлык Едигея, тем самым ставил под сомнение

версию свода 1412 г.? Мы не можем ответить на этот вопрос, но несомненно одно: в 1-й пол. XV в. на Руси шли острые споры по вопросам внешней, и в частности ордынской, политики.

Из более поздних летописных рассказов о Едигее следует отметить рассказ *Летописи Новгородской I* младшего извода (откуда свод 1448 г., возможно, почерпнул дату осады 23 ноября), а также Летописи Тверской. Приход Едигея отнесен в Тверской летописи к 30 ноября, поименно перечислены князья и бояре, оставшиеся в Москве во время осады, и описывается сожжение Едигеем Переяславля и Ростова.

В основе П. в великокняжеском летописании лежало краткое сообщение свода 1448 г. (без грамоты Едигея); к нему был добавлен, как было отмечено, рассказ Троицкой. В Московском своде по сравнению с Троицкой немного изменена похвала осторожному поведению Ивана Михайловича Тверского: вместо «створи уменски, паче же истински» сказано: «премудре бо сия сотвори». Сокращенная версия рассказа Московского свода (без упоминания о «премудрости» тверского князя) читается в *Летописях Типографской* и *Ермолинской*; в последней добавлено только (из свода 1448 г. или ранней версии великокняжеского свода, связанной с Летописью Софийской I) упоминание о присылке Едигеем грамоты Василию I. *Летопись Никоновская* содержит наиболее обширный текст, копирующийся три ранние редакции П.: рассказ Троицкой (Московского свода), поучение свода 1412 г. (Симеоновской) со ссылкой на «Сельвестра Выдобожского» и текст грамоты Едигея из свода 1448 г. Никаких текстуральных совпадений между П. в своде 1412 г., П. в Московском великокняжеском своде (основанной, очевидно, на тексте Троицкой) и П. в Софийской I и Новгородской IV летописях не обнаруживается. Очевидно, перед нами не разные версии одного памятника, а разные рассказы о нашествии Едигея.

Далее в разделе *Изд.* приводим издания следующих повестей и рассказов о Едигее: I — свода 1412 г.; II — Московского великокняжеского свода и зависимых от него летописей; III — Новгородской I летописи; IV — Софийской I и Новгородской IV и зависимых от них летописей; V — Тверской летописи; VI — Никоновской летописи.

Изд.: I. ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 155—159; 2-е изд. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 177—186; ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 244—255; За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков. М., 1981. С. 396—413; II. ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 82—84; СПб., 1910. Т. 23. С. 142—143; Пг., 1921. Т. 24. С. 174—175; М., 1949. Т. 25. С. 238—239; III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 400—401; IV. ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 257; 2-е изд. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 406—407; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 175—177; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 95—96; V. ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 482—484; VI. ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 205—211.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 5. Примеч. 203—209. С. 118—124; Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9. С. 148; Приселков М. Д. 1) Летописание XIV века // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 34—35; 2) О реконструкции

текста Троицкой летописи 1408 г., сгоревшей в Москве в 1812 г. // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена. 1939. Т. 19. С. 16—19; 3) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 115—116; 4) Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 468—471; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 297—302; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 715—734; Лурье Я. С. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 48, 54; 2) Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ГОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 285—298; Греков И. Б. Варианты «Повести о нашествии Едигея» и проблема авторства Троицкой летописи // Исследования и материалы по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 219—238.

Я. С. Лурье

Повести о присоединении Новгорода — летописные повести о походах 1471 и 1477—1478 гг., закончившихся окончательным присоединением Новгорода к Русскому государству. П. о походе 1471 г., восходящая к официальному великокняжескому летописанию, читается в составе *Летописей Никаноровской и Вологодско-Пермской*, отражающих великокняжеский свод нач. 70-х гг., и в составе *Летописных сводов — Московского великокняжеского 1479 г., Московского великокняжеского кон. XV в.* и официального летописания XVI в. П. написана в традициях летописных повестей о борьбе с «неверными» (ср. *Повесть о Куликовской битве, Повесть о житии Александра Невского* и т. д.); использование мотивов этих повестей в рассказе о войне с новгородцами оправдывалось тем обстоятельством, что новгородцев, часть из которых хотела, чтобы новый новгородский архиепископ признал верховную власть киевского (а не московского) митрополита, обвиняли в «латинстве», в сговоре с польско-литовским королем, а следовательно, в «отступничестве». Как подобает «неверным» врагам, новгородцы гордятся и «ярятся», забыв библейские поучения; великий князь скорбит, проливает слезы, молится и только тогда, когда чаша его долготерпения переполняется, вступает в бой. Победа над новгородцами имеет здесь черты чуда: «Мы видехом вас безчисленное множество, грядущее на нас, не токмо против нас идущии, но и еще иные полки видехом в тыл нас пришедших, знамена же имут жолты и большие стяги и скипетры, и говор людский мног, и топот конский страшен, и тако ужас нападе на ны, и страх объят ны, и прият нас трепет», — заявляют в П. сами новгородцы.

Близок к П. о присоединении Новгорода великокняжеского летописания и рассказ, помещенный в нескольких летописях под названием «Словеса избранна от святых писаний о правде и смиренномудрии, еже сотвори. . . благоверный великий князь Иван Васильевич всея Руси. . . и о гордости величавых мужей новгородских. . .». «Словеса избранна» следуют в *Летописи Софийской I* младшей редакции за основным летописным текстом; они помещены также в *Летописях Софийской II* и *Львовской* и в *Летописи Новгородской Дубровского*. В этом рассказе, проникнутом такой же враждебностью к Новгородской республике, как и великокняжеский свод, споры об архиепископе объявляются частью некоего единого заговора,

отражением которого считается и приглашение в Новгород князя Михаила Олельковича, двоюродного брата *Ивана III*, состоявшего в вассальной зависимости от польско-литовского короля. Но в великокняжеском своде утверждалось (вопреки действительности), что Михаил Олелькович был приглашен в ходе этого спора, а «Словеса избранны» признавали, что Михаил приехал «преже того». С другой стороны, в «Словесах» резче, чем в великокняжеской летописи, были выражены церковные мотивы. «Дьявольское прельщение» новгородцев доказывается, в частности, тем, что в роли их предводителя выступает «окаанна жена» — вдова посадника Марфа Борецкая, о которой почти ничего не сообщают другие летописи и которая стала популярной в историографии именно благодаря «Словесам избранным». Марфу, несмотря на ее почтенный возраст, автор «Словес» обвинял в намерении выйти замуж за «литовского пана королёва», чтобы владеть вместе с ним «всею Новгородскою землею»; он сравнивал ее с Иезавелью, Иродиадой и другими «злыми женами». Весь поход московского войска сопровождается в этом рассказе чудесами: по божьей воле пересыхают болота, москвичи переходят вброд полноводные реки, новгородцы при виде великокняжеского войска колеблются, «яко пьяны», и обращаются в бегство, побиваемые не человеческими руками, «но невидимого силою живаго бога и помощью великого архангела Михаила». Один из мотивов «Словес избранных» — «чудесное» пересыхание озер и болот — был заимствован более поздней версией великокняжеской летописи — сводом 1479 г.

В отличие от московских великокняжеских П. о присоединении Новгорода новгородский рассказ о событиях 1471 г. совершенно лишен этикетных черт. Рассказ этот сохранился в одной из редакций *Летописи Новгородской IV*, доведенной до 70-х гг. XV в. (Строевский список). Он составлен очевидцем событий, осуждающим распри между «большими» и «меньшими» людьми и непоследовательную политику «больших», начавших «рать» и не сумевших отстоять Новгород. В рассказе упоминается «мятежь мног» и прямая измена в городе: осуждается, в частности, некий Упадыц, заколотивший новгородские пушки; указывается, что архиепископ, которому по традиции подчинялась новгородская конница, не согласился на ее выступление против московских сил, а лишь против союзников Москвы — псковичей. Во время самой Шелонской битвы новгородцы, по рассказу летописи, «вопили» на больших людей, то требуя решительного сражения, то ссылаясь на недостаток вооружения: «Аз человек молодой, испротеряхся конем и доспехом». Кроме двух основных московских и новгородского рассказов, о походе 1471 г. повествовали и другие летописи. В большинстве из них изложение имело промосковский характер, но в некоторых (в своде, лежащем в основе Летописи Ермолинской и *Летописного свода Сокращенного*, в *Летописях Псковских*) упоминалась жестокая казнь побежденных новгородцев. Кроме того, Псковские летописи упоминали, что Михаил Олелькович приехал еще до споров о новом архиепископе, а уехал до московско-новгородской войны.

Победа 1471 г. не привела еще к прямому уничтожению независимости Новгорода. Формально прежняя новгородская конституция не была отменена, сохранялись вече, посадник, выборная администрация; великий князь подтверждал свое обязательство «держать» Новгород «в старине, по пошлине, без обиды». Именно поэтому великокняжеский свод нач. 70-х гг. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи), опираясь на СЛ, тщательно устранял из ее текста все упоминания о том, что такая «старина» когда-то давала возможность новгородцам изгонять своих князей (вместо «выгнаша», «выведоша», «показаша путь» здесь всюду говорится о том, что князь «изыде», «выеха» и т. д. «по своей воле»).

Развернутый рассказ о победе 1478 г. и уничтожении новгородской самостоятельности читается в Московском своде 1479 г. и в следующих за ним официальных летописях кон. XV и XVI в. Рассказ о походе 1477—1478 гг. начинается в Московском своде с сообщения о приезде в Москву весной 1477 г. новгородского посольства, назвавшего Ивана III «государем», об ответном московском посольстве с вопросом, какого «государства» хочет Новгород, и о «мятеже» новгородцев, отрекшихся от своих слов; этот «мятеж» и был объявлен причиной похода на Новгород в 1478 г. Сопоставление с фрагментом из свода 1477 г., сохранившемся в «Летописце от 72-х язык», обнаруживает, что первоначально в великокняжеской летописи не было известия о том, что новгородские послы назвали Ивана III «государем», — очевидно, этот эпизод был введен задним числом в летописный рассказ для обоснования похода 1477—1478 гг. Самый рассказ о походе почти лишен этикетно-литературных черт — он имеет скорее характер официального документа, развернутой разрядной записи. Новгород, в сущности, не оказывал сопротивления великому князю, «бил челом» и просил только об освобождении арестованных Иваном III бояр. Великий князь, исходя из того, что новгородцы якобы сами называли его «государем», требовал, чтобы они указали, какого хотят «государства великих князей» в Новгороде; он заявлял: «Восхощет нам, великим князем, бити челом наша отчина Великий Новгород, и они знают, как бити челом». Город был взят в осаду, и на новое челобитье князь ответил прежней формулой: если Новгород хочет «бити челом», то «они знают, отчина наша, как им нам, великим князем, бити челом». Только в декабре великий князь сообщил наконец свои условия: «государство», как «в Низовской земли на Москве», «вечю колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти». Архиепископ и другие новгородские правители согласились на отмену веча и посадничества, и споры велись только о «животах» — земельных владениях новгородских феодалов. Новый порядок был окончательно введен 15 января 1478 г.

Последний новгородский свод времени независимости — НІVІІ по Строевскому списку — заканчивается известием сентября 6985 (1476) г.; рассказа о событиях 1477—1478 гг. здесь нет. Но в *Летописи Устюжской* нач. XVI в., зависимой от новгородского летописания, сохранился рассказ о московском посольстве 1477 г. по поводу признания великого князя «государем» и о волнениях

в городе по этому поводу. Но никакого продолжения этот рассказ не имеет; возможно, что этим известием и заканчивалось независимое летописание Новгорода. Далее в разделе *Изд.* отмечаем издания трех основных повестей о походе на Новгород в 1471 г.: московской (I), «Словес избранных. . .» (II) и новгородской (III), а также московской повести о походе 1477—1478 гг. (IV).

Изд.: I. ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 284—291; 1962. Т. 27. С. 129—135; ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 376—403; II. ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 1—15; III. ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 446—448; ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 404—409; IV. ПСРЛ. Т. 25. С. 309—323.

Лит.: История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 331—332, 335—336; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 356—362; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 271—273; Лурье Я. С. К истории присоединения Новгорода в 1477—1479 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 89—95.

Я. С. Лурье

Повести о стоянии на Угре («О цари Ахмате, како приходил на Угру»; «Угорщина») — летописные повести о последнем столкновении русских войск с силами хана Большой Орды Ахмата в 1480 г., приведшем к окончательному падению ордынского ига.

До нас дошел ряд самостоятельных рассказов об «Угорщине»; лишь некоторые из них текстуально связаны между собой. Одной из наиболее ранних повестей следует считать П., отразившуюся в летописном своде 80-х гг. XV в., связанном с ростовскими архиепископами и дошедшем в *Летописи Типографской* и близких к ней в этой части Прилуцком и Уваровском видах «*Летописца от 72-х язык*».

По своей идеологической направленности П., содержащаяся в Типографской летописи, совпадает с общими тенденциями этого свода, сочувствующего великокняжеской власти, но независимого от нее, и перекликается с Посланием на Угру ростовского архиепископа *Вассиана Рыло*, призывавшего *Ивана III* к решительной борьбе с ханом. П. начинается с упоминания о соглашении Ахмата с польско-литовским королем Казимиром и о том, что Иван III, услышав о походе Ахмата, отправил на Оку своего сына *Ивана Молодого* и брата *Андрея (Меньшого) Вологодского*; упоминание об этом содержится и в предшествующем тексте Типографской летописи — до начала П. Получившаяся в результате этого дублировка, а также ошибочная вставка годовой даты 6989 (1481) г. уже после ноябрьских известий (год в Типографской летописи начинается с 1 сентября) дают основание предполагать, что П. об Угре существовала первоначально вне свода, а затем уже была введена в его состав.

В П. рассказывается, что Ахмат, не решившись вступить в бой со стоявшими на Оке войсками, продвинулся на запад, к Литовской земле, и стал на одном из притоков Оки — реке Угре. Иван III тем временем отправился в Москву, где митрополит *Геронтий*, архиепископ *Вассиан* и другие умоляли его стоять «крепко за православное

христианство противу бесерменству». Иван III стал в Кременце, к северу от Угры, а Ахмат стоял к югу, ожидая помощи от короля, но король не пришел к нему на помощь из-за «усобиц» и нападения крымского хана Менгли-Гирея на польско-литовскую Подолию. Тем временем братья Ивана III Андрей (Большой) Углицкий и Борис Волоцкий, выступившие незадолго до похода Ахмата против великого князя, заключили соглашение с ним и присоединились к великокняжеским войскам. Между русскими и татарскими войсками, стоявшими на Угре, шла перестрелка, а когда Угра замерзла, Иван III приказал своим войскам отступить к Кременцу. Автор П. склонен объяснять поведение великого князя влиянием советников — «злых человек, сребролюбцев богатых и брюхатых, предателей христианских, а ровников бесерменских», призывавших Ивана III бежать и не вступать в битву. Но войска хана, полагавшие, что русские отступили для того, чтобы начать битву, сами обратились в бегство (об этом бегстве Типографская сообщает дважды — до и после упоминания о «богатых и брюхатых» — это также, по-видимому, вторичная черта версии Типографской летописи); бегство татар рассматривается в П. как чудо богородицы. После упоминания о гибели Ахмата от руки нагайского царевича и о договоре Ивана III с братьями, скрепленном крестным целованием, автор П. завершает ее тройной концовкой (с троекратным повторением «Аминь»), в которой предаются проклятию «кровопивцы христианские», бегавшие вместе с Софьей Палеолог на Белоозеро; «добрые и мужественные» воины призываются к борьбе «за православное христианство противу бесерменству», и, наконец, автор призывает храбрых «сынов русских» уберечь свое отечество от той участи, которая постигла земли, завоеванные турками.

Версия ростовского свода (Типографской летописи), по-видимому, лучше всех остальных (хотя и не совсем точно) отражает первоначальный текст П. Тот же текст использован и в *Летописном своде Московском великокняжеском кон. XV в.*: ряд мест (отход Ахмата от Оки и переход на Угру, поездка Ивана III в Москву, поход Ахмата по Литовской земле, перестрелка на Угре, приказ князя об отступлении к Кременцу) совпадает дословно. Однако здесь гораздо резче, чем в Типографской, подчеркнута отрицательная роль братьев Ивана III в нашествии Ахмата; указано, что Ахмат пошел на Русь, «слышав, что братья отступиша от великаго князя»; в Московском своде кон. XV в. (Уваровском списке) говорится даже, что Ахмат пошел «по совету братии великого князя, князя Андрея и князя Бориса» (в других летописях, даже близких Московскому своду, последних слов нет). Нет в Московском своде и характерного для ростовского свода утверждения, что уход Ахмата был следствием не человеческих усилий, а божьей помощи; из концовки сохранена только первая часть, где осуждается София Палеолог; все остальное опущено.

П., содержащаяся в Московском своде кон. XV в., была усвоена последующим официальным летописанием, но с некоторыми изменениями. Наиболее близок к Московскому своду текст Погодинского

вида *Летописного свода Сокращенного*, в текстах Мазурийского вида того же свода, *Летописей Новгородской Хронографической* и *Симеоновской* содержится несколько иная версия того же рассказа: снято упоминание о том, что нападение Менгли-Гирея помешало Казимиру помочь Ахмату, выпады против Софии Палеолог еще более сокращены, чем в Московском своде (или совсем опущены), выпущены слова о «крестном целовании» Ивана III братьям (эту присягу великий князь в 90-х гг. нарушил).

В неопубликованном Лихачевском виде «Летописца от 72-х язых» содержится текст П., близкий к Московскому своду, но более короткий: после упоминания о приходе братьев к Ивану III и об отказе Казимира от помощи Ахмату сразу же говорится о «страхе», нашедшем на хана, и его бегстве по Литовской земле (упоминания о «богатых и брюхатых», колебаниях Ивана III и концовки нет). Но видеть в этом рассказе первоначальную версию великокняжеского летописания, независимую от текста П., сохранившегося в Типографской, едва ли возможно, так как совпадения с П., присущие Московскому своду (кроме описания перестрелки на Угре, приказа об отступлении и осуждения Софии Палеолог в конце), обнаруживаются и здесь. Как и в версии, сохранившейся в Симеоновской и других летописях, известие о нападении Менгли-Гирея на Подолью вынесено здесь за пределы рассказа об Угре и не связано с ним (см.: ЛОИИ, ф. 238, оп. 1, № 365, л. 851—852 об.).

Текст П., близкий к Типографской, сохранился и в своде 1518 г., отразившемся в *Летописях Софийской II* и *Львовской*. Но ростовский рассказ оказался в Софийской II — Львовской лишь одним из компонентов мозаичного и сложного рассказа об Угре (эта мозаичность привела к тому, что в нем обнаруживаются повторы: например, о поездке Ивана III в Москву сообщается дважды). Другим дополнительным источником, кроме ростовского рассказа, здесь было Послание на Угру ростовского архиепископа Вассиана Рыло. Основной же рассказ об Угре в своде 1518 г. принадлежал его главному источнику — оппозиционному летописному своду 80-х гг. Последний рассказ обнаруживает прямую враждебность великому князю: отправление им «княгини Римлянки» и «казны» на Белоозеро связывается с намерением самого великого князя, в случае, если хан перейдет Оку, «бежати к Океану морю». В рассказе оппозиционного свода 80-х гг. упоминаются «бояре богати», выступавшие против войны с Ордой, — Иван Ощера и Григорий Мамон (им приписывается весьма обидное для московских князей упоминание о том, что предки Ивана III обычно уклонялись от борьбы с ханом). В этой версии говорится о двухнедельном пребывании Ивана III под Москвой (в Красном сельце), особо подчеркивается роль посала — «гражан» в организации отпора Ахмату, упоминаются переговоры Ивана III с ханом во время стояния на Угре. Главной причиной отступления Ахмата рассказ оппозиционного свода объявляет приход братьев Ивана III, согласившихся (после того как великий князь «на всю волю их дая ся») выступить против хана, и плохое снаряжение ордынских войск — «бяху бо татары наги и боси, ободралися».

Особый, довольно подробный рассказ об Угре содержится в *Летописи Вологодско-Пермской*, связанной, очевидно, с епископами Пермскимп. Рассказ Вологодско-Пермской текстуально не связан с П., сохранившейся в Типографской летописи и Московском своде, но здесь также упоминается о ссоре Ивана III с братьями и его колебаниях по поводу того, вступать ли в прямое столкновение с ханом. Более резко, чем в других вариантах, в рассказе Вологодско-Пермской подчеркивается подстрекательская роль Казимира в нашествии Ахмата (рассказ был создан, вероятнее всего, в 1499 г., во время войны с Литовским государством). В текст рассказа здесь также введено Послание Вассиана, и о поездке Ивана III в Москву сообщается дважды. Краткий, но также самостоятельный по тексту рассказ об Угре содержится в *Летописи Устюжской*: здесь тоже подчеркивается роль Казимира, а главной причиной отхода Ахмата объявляется выступление братьев на помощь Ивану III.

Еще более краткие сведения об Угре содержатся среди заметок в заключительной части Летописца Владимирского XVI в.: здесь приведен ряд конкретных дат отдельных событий, но достоверность их в ряде случаев сомнительна.

Своеобразный рассказ об Угре, созданный в кон. XVI в. и изданный Я. С. Лурье, содержится в кратком летописце ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 14/139 — в основе его лежит Послание Вассиана на Угру, но изложение сильно беллетризировано (речи Ахмата, матери Ивана III, самого великого князя).

Далее в разделе *Изд.* приводим издания следующих повестей и известий об Угре: ростовской повести (I), повести великокняжеского летописания (II), Лихачевского вида (III), свода 1518 г. (IV), Вологодско-Пермской летописи (V), Устюжской летописи (VI), Владимирского летописца (VII) и Краткого кирилловского летописца (VIII).

Изд.: I. ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 199—202; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 149—151, 314—316; ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 514—521. II. ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 4. С. 153—154; 1913. Т. 18. С. 267—269; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 326—328; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 282—284, 355—357; III. Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси / Тексты подгот. Б. М. Клоссом и В. Д. Назаровым. М., 1983. С. 58—59; IV. ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 223—224; СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 336—345; V. ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 262—274; VI. ПСРЛ. М., 1965. Т. 37. С. 48—49, 94—95; VII. ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 137; VIII. Лурье Я. С. *Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре»* // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 292—293.

Лит.: Шахматов А. А. 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 82—83, примеч. 3; 2) *Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.* М.; Л., 1938. С. 295—297; Пресняков А. Е. Иван III на Угре. Сборник в честь С. Ф. Платонова. СПб., 1911. С. 280—286; Лурье Я. С. 1) *Из истории политической борьбы при Иване III* // Учен. зап. ЛГУ. 1941. Вып. 11. № 20. С. 78—88; 2) *Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе* // РЛ. 1982. № 2. С. 52—69; Кудрявцев П. М. *Угорщина в памятниках древнерусской литературы* // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 23—67; Базилевич К. В. *Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в.* М., 1952. С. 134—147, 156—157; Павлов П. Н. *Действительная роль архиепископа Вассиана в событиях 1480 г.* // Учен. зап. Красноярск. цед. ин-та. 1955. Т. 4, вып. 1. С. 202—212; Насонов А. Н.

История русского летописания XI—нач. XVIII в. М., 1969. С. 310—315; Каргалов В. В. Конец Ордынского ига. М., 1980. С. 132—134; Назаров В. Д. Конец Золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10; Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании кон. XV в. // Древнерусское искусство. XIV—XV вв. М., 1984; Алексеев Ю. Г. 1) Владимирский летописец и победа на Угре // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. 16; 2) Московские горожане в 1480 г. и победа на Угре // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1985. Вып. 9.

Я. С. Лурье

Повести о Шевкале — летописная повесть и другие повествования о восстании в Твери против ханского наместника Шевкала (Щелкана, Чол-хана) в 1327 г. Наиболее обширная П. читается в *Летописце Рогожском* и *Летописи Тверской*, содержащих за 1285—1375 гг. тверской летописный текст; судя по дате окончания этого сходного текста, он восходит, очевидно, к тверскому своду посл. четв. XIV в. П. помещена здесь под 6834 (1326) г.; под следующим годом рассказывается о карательном татарском походе на Тверь и бегстве тверского князя Александра в Псков.

Первая часть П. повествует о «диавольских» советах «безбожных татар» и «беззаконного Шевкала» татарскому царю (хану Узбеку) «разорить христианство» и погубить великого князя Александра Михайловича Владимирского и Тверского. Послушавшись этого злого совета, царь отправляет Шевкала в Тверь, где татарский наместник прогоняет «князя великого со двора его», сам поселяется на великокняжеском дворе и воздвигает «гонение велико на христиане насильством, и граблением, и битием, и поруганием». Александр, «видя озлобление людей своих и не могы их оборонити», призывает тверичей терпеть. Этикетный, традиционный характер этих речей свидетельствует о том, что первая часть П. не была непосредственной записью событий, а имела вторичное, литературное происхождение. Иной характер носит вторая часть П. Это вполне конкретный рассказ о событиях, приведших к восстанию 15 августа, — о лошади диакона Дудко, захваченной татарами, о драке между тверичами и татарами, об избивании всех татар (спаслись только татарские пастухи, находившиеся за городом — они-то и принесли в Орду весть о восстании). Эта часть рассказа имеет все признаки современной записи.

Однако соединение этих двух частей П. было уже, очевидно, присуще тверскому своду посл. четв. XIV в., поскольку оно обнаруживается в обеих летописях, отражающих этот свод, — Рогожском летописце и Тверском сборнике. Тесно связан с этим рассказом, но, очевидно, составлен уже позже краткий рассказ о восстании против Шевкала внутри «Предисловия летописца княжения Тверского. . .», обращенного к тверскому князю Борису Александровичу (1425—1461 гг.) и помещенного в Тверской летописи после 6910 (1402) г. (в Рогожском летописце его нет).

В новгородском и московском летописании XIV—нач. XV в. (см. *Летопись Троицкая*) содержится лишь краткое упоминание о восстании против Шевкала. В своде 1448 г. (протографе *Летописей*

Софийской I и Новгородской IV) П. близка к *Летописям Псковским I и III* и основана, очевидно, на псковском рассказе (в Псков после 1327 г. бежал Александр Тверской). Московское летописание последующего времени основано на рассказе свода 1448 г. Известная из устной традиции не ранее XVIII в. (Кирша Данилов) историческая песня о Щелкане Дудентьевиче включает ряд неисторических и часто фольклорных мотивов (убийство Щелканом своего сына в доказательство верности царю Азбяку (Узбеку), счастливый исход восстания), но сохранила очень яркую картину татарских насилий в Твери (см.: *Исторические песни XIII—XVI вв.* / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 76—89).

Далее в разделе *Изд.* отмечаем издания трех основных повестей о Шевкале: тверской (I), псковской (II), свода 1448 г. (III), а также исторической песни о нем (IV).

Изд.: I. ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 415—416; 2-е изд. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 42—47 (фототип, перензд. обоих памятников: М., 1965); На с о н о в А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 37—38; ПЛДР. XIV—середина XV в. М., 1981. С. 62—65; II. ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 217—218; Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 261; III. Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 16; М., 1955. Вып. 2. С. 90; IV. *Исторические песни XIII—XVI вв.* / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 76—89.

Лит.: Т и х о м и р о в И. О сборнике, именуемом Тверской летописью // ЖМНШ. 1876. Ч. 188, № 12. Отд. 2. С. 281; Л у р ь е Я. С. 1) Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. 1939. Сер. истор. Вып. 3, № 36. С. 102—109; 2) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 103; В о р о н и н Н. Н. Песня о Щелкане и Тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 78—79; И л ь и н М. А. Тверская литература XV в. как исторический источник // Тр. Истор.-архивн. ин-та. М., 1948. Т. 3. С. 41—42; Б у д о в н и ц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 88—89; Ч е р е п н и н Л. В. Источники по истории антимонгольского восстания в Твери в 1327 г. // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 37—53; К о н я в с к а я Е. Л. Литература Твери XIV—XV вв.: (Текстология, проблематика, жанровая структура): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1984. С. 6—8.

Я. С. Лурье

«Повесть Никифора Каллиста о вечерах Христовых» (нач.: «Вечеря же господа нашего Исуса Христа едина бысть в дому Симона прокаженного») представляет собой отрывок из «Церковной истории» византийского хрониста XIV в. Никифора Каллиста Ксанфопула, патриарха константинопольского (1350—1362 гг.). Целиком «Церковная история» была переведена на русский (по всей вероятности, с латинского оригинала) только в самом кон. XVII в. (около 1700 г.) Палладием Роговым. Но несколько отрывков из нее зафиксированы в русских рукописях уже с XV в.; среди них была и П., которую А. И. Соболевский включал в перечень произведений, появившихся в русской литературе после сер. XIV в. Старший русский список П. дошел в составе Торжественника 1473—1477 гг. книгописца Ефросина — ГИМ, собр. Уварова, № 338 (894) (365), л. 63 об.—64 об. (см.: Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина //

ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 221); другой список XV в. находится в рук. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 760 (1852), л. 217—217 об. (см.: [И л а р и й и А р с е н и й]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1879. Ч. 3. С. 166). Известны также списки XVI—XVII вв.: ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 188 (1576), л. 107 об., XVI в.; № 425 (1344), л. 392, XVI в.; № 793 (1639), л. 19 об., XVI в.; ГПБ, Солов. собр., № 367 (1053), л. 287, 1600 г.; Соф. собр., № 1457, л. 79 об., XVI в.; № 1460, л. 473 об., XVI в.; № 1479, л. 185, XVI в. (перечень может быть продолжен).

Вопрос о месте и времени перевода П. на церковнославянский язык не изучен. А. И. Соболевский высказал предположение, что перевод этого отрывка «Церковной истории», как и еще нескольких других (отрывка «От повести святого Никифора Каллиста. Глаголется парда пистикии. . .» и др.), сделан, вероятно, в Болгарии в XIV в. В сербской книжности известен список П., датируемый 1-й четв. XV в.

В XVI в. А. М. Курбский переводил с латинского оригинала, к тому времени, по его словам, «ново з грецка на латынска прелаженаго», другие отрывки из «Церковной истории» Никифора Каллиста Ксанфопула (см.: Б е л я е в а Н. П. Материалы к указателю переводных трудов А. М. Курбского // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 130—131).

Изд.: Novaković St. Srpsko-slovenski zbornik iz vremena despota Stefana Lazareviča // Starine. Zagreb, 1877. Kn. 9. S. 13—14.

Лит.: С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 21, 86—87, 273, 281.

Н. В. Поньрко

Повесть о Амурате — анонимное произведение, вошедшее в *Летопись Никоновскую* под 1389 г. в составе поздней, так называемой Полной (или Никоновской) редакции Хождения в Царьград *Игнатия Смольнянина*. Однако Игнатию Смольнянину П. не принадлежит и как самостоятельное сюжетное произведение, по-видимому, была оформлена при включении в Никоновскую летопись. П. посвящена истории родственных связей и отношений армянских, греческих и турецких властителей; излагает легенду о возникновении «армянской ереси» и канонически трактует вопрос, как следует относиться ко всем «еретическим» отклонениям, в полном соответствии с общей направленностью взглядов редактора летописи, митрополита *Данила*.

Материалом для создания П., как установил А. Н. Попов, послужила 19 глава Жития господина деспота Стефана Лазаревича Константина Философа (Константина Костенческого), через посредство статей *Хронографа Русского* 1512 г. — «Великое княжение Сербское» (гл. 202) и «О Темире, иже победы Баозита» (гл. 203, 2). Кроме П., помещенной под 1389 г., в Никоновской летописи имеется еще и дословная выписка об Амурате из *Хронографа*, восходящая к Житию, которая помещена под 1392 г. Автор П. об Амурате неизвестен,

однако очевидно, что это образованный книжник, искушенный в законах сюжетного повествования: позаимствовав из Хронографа отдельные фразы, выражения, имена и обрывки преданий, он сумел придать этой инкрустации композиционную стройность и четкую идейную направленность.

Изд.: Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11 (фототип, переизд.: М., 1965). С. 97—98, 148—149; см. также библиографию к статье об Игнатии Смольнянине.

Лит.: Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 45—47, 50—51; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 182—185; Клосс Б. М. Никоновская летопись и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 168.

И. Ф. Дробленкова

Повесть о Андрее Критском — анонимное произведение, входящее в группу древнерусских повестей о кровосмесителе (ср. Повесть о папе Григории и Сказание Иеронима о Иуде Предателе). В рукописной традиции встречаются разные варианты заглавия П.: «Слово святого Андрея, епископа Крицкаго»; «Месяца июля в 4 день. Житие иже во святых отца нашего Андрея, архиепископа Критского»; «Слово на память иже во святых отца нашего Андрея Критского»; «Месяца июля в 4 день иже во святых отца нашего Андрея Критского слово о рождении и о житии его»; «Слово о Андрее Критском в четверток 5 недели Великого поста»; «Чудо. . . Андрея Крицкаго от рождения его и до смерти»; «Слово святого Андрея Крицкаго чюдотворца»; «Житие святого Андрея Критского, како уби отца и взя за себя матер»; «Сказание о Андрее Критском, како отца своего убил, а мати свою себе взял».

По классификации В. Я. Проппа, П. представляет собой особый тип инцестуального сюжета, наиболее полный и близкий Эдипу (Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 260). В отличие от других повестей о кровосмесителе появляется не ранее XVI в. (так датируется древнейший список П. — ЦИВ АН УССР, ДА/17.581) и только у восточных славян. П. активно переписывалась до сер. XIX в. — в настоящее время выявлено 47 списков.

Вопрос о происхождении П. в дореволюционных исследованиях (после 1915 г. специальных работ о памятнике не появлялось) решался двояко. Ряд исследователей (В. Дидерихс, А. Н. Веселовский, М. П. Драгоманов) считали ее источником недошедший византийский оригинал, а также пересказ этого оригинала на славянском юге, основывая свои предположения лишь на «нерусском имени» отца главного героя П. (Поуливачь) в единственном известном в то время списке, опубликованном Н. И. Костомаровым в ПЛ. Н. К. Гудзий, напротив, допускал возможность создания П. на русской почве. Все эти предположения строились на основании случайного списка, без привлечения данных текстологии. Текстологическое изучение П. (на основании 35 списков) показало, что имя Поуливачь является особенностью только двух, явно вторичных списков (ГПБ, собр. Буслаева, О. XVIII.57, нач. XVIII в. и ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 68,

нач. XIX в.). Наиболее близка к архетипу памятника его краткая редакция (в чистом виде представленная древнейшим списком П.), где имена вообще отсутствуют, кроме имени главного героя.

Краткая редакция — лаконичное, сухое, почти конспективное повествование — в жанровом отношении близка к религиозной легенде. Возникла она в результате осложнения сюжетной схемы Сказания Иеронима мотивами Повести о папе Григории и сюжетами о кающемся разбойнике — «Разбойник Мадей» и «Два великих грешника» (см. статью Н. К. Гудзия) и была затем приурочена к имени византийского церковного писателя VII—VIII вв. Андрея, архиепископа Критского, под влиянием мотивов его самого известного творения — Великого покаянного канона (освященная церковью биография святого, вошедшая в Великие Минеи Четьи под 4 июля, не имеет ничего общего с Эдиповым сюжетом). Вероятно, именно исповедь безмятного грешника (многие мотивы которой перекликаются к тому же с эпизодами религиозной легенды) — героя канона, отождествленного с его автором, — послужила отправным толчком к созданию апокрифической биографии Андрея Критского. В дальнейшем к тексту Великого канона неоднократно обращаются создатели последующих редакций П.

Недостаточная изученность других предполагаемых источников П. о Андрее Критском — Сказания Иеронима, Повести о папе Григории, литературных и фольклорных обработок сюжетов о кающемся разбойнике — не позволяет дать окончательный ответ на вопрос о происхождении памятника. Однако ясно, что ко времени появления легенды о Андрее Критском эти произведения были известны на Руси: есть указания на русские списки XVI в. Повести о папе Григории и Сказания Иеронима (Н а з а р е в с к и й. Библиография. С. 88 и 104), а литературные обработки сюжетов о кающемся разбойнике входят в состав *Патерика Синайского* (слово 156-е) и *Пролога*. Некоторые мотивы легенды можно найти и в других произведениях древнерусской литературы и в памятниках фольклора, например в *Измаразде* («Слово о некоем человеке блудном»), духовном стихе о святом Георгии, в былинах. Все это, а также отсутствие в тексте легенды иностранных реалий или варваризмов, неясное представление ее создателя о месте действия П. (отсюда появление мифического «града Крита»), явственно ощущаемый в П. сказочный элемент придают убедительность гипотезе Н. К. Гудзия о русском происхождении произведения.

Дальнейшее развитие П. в XVII—XVIII вв. было обусловлено острой занимательностью ее сюжета, допускающего детализацию и распространение отдельных эпизодов, а также влиянием других произведений о кровосмесителе и фольклорных обработок того же сюжета. Распространенная редакция П. (дошла в 30 списках, наиболее ранний — нач. XVIII в.), возникшая на рубеже XVII—XVIII вв. и представленная одиннадцатью вариантами, характеризуется детализацией эпизодов, психологической мотивировкой поступков персонажей, активным введением прямой речи. В результате рельефнее становится богословская идея произведения (всесильность

покаяния), неоднократно варьирующаяся в ходе повествования, и одновременно приобретает отчетливость и индивидуальность характер главного героя. Вторичные особые редакции памятника («саратовская» и «московская»), представленные каждая одним списком (Саратовский гос. университет, собр. Шляпкина, № 7 и 12 (379), кон. XVIII в. и ГИМ, собр. Вахрамеева, № 436, 2-я пол. XVIII в.), являются независимыми друг от друга вольными обработками распространенной редакции (возможно, через устные пересказы). Авторы их интересуют светские эпизоды П., мирские и даже предосудительные описания, а богословская идея отступает при этом на второй план. Сильной фольклоризации подвергается сюжетная схема краткой редакции (независимо от списков распространенной редакции) в сохранившейся лишь в составе авторского сборника ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, № 252, 1-й трети XVIII в. особой редакции П. (уцелела лишь первая половина ее текста).

В дальнейшем П. о Андрее Критском, оказавшая влияние на поздние редакции Повести о папе Григории (Г у д з и й Н. К. Новые редакции повести о папе Григории // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 178, 181) и «вторую редакцию» Сказания Иеронима с последовательной положительной трактовкой главного героя (Ф р а н к о. Апокрифы. 1899. Т. 2. С. 346—348), становится достоянием фольклора, причем изначальная христианская идея произведения исчезает, и оно окончательно превращается в занимательный рассказ. Устные варианты на сюжет П. см.: Мария Египетская // Ч у б и н с к и й П. П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. . . Юго-Западный отд. СПб., 1872. Т. 1. С. 182—183; Сила покаяния. Кровосмеситель. (Андрей Первозванный) // Д р а г о м а н о в М. Малороссийские народные предания и рассказы. Киев, 1876. С. 130—131; Андрей Критский // Р о м а н о в Е. Р. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4. С. 162; А6 Андреи Критским // Д о б р о в о л ь с к и й В. Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 269—270; И6 Андреи Привозванным // Там же. С. 270—272; Грихы // Г р и н ч е н к о Б. Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895. Вып. 1. С. 63—66; Убийник владного батька // Етнографічний збірник. Львів, 1902. Т. 13. С. 145—146; F e d e r o w s k i M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1902. Т. 2, ч. 1. S. 310—311; Грим // Матеріяли до української етнології. Львов, 1909. Т. 11, вып. 2. С. 12—15; Про купецкого сына // Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / Изд. А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 2. С. 526—528.

Образ главного героя П., сочетающего в себе потенциальные возможности как великого грешника «паче всех человек», так и «избранного сосуда божия», интересен как одна из первых в русской литературе попыток изобразить многомерный и противоречивый человеческий характер, не скованный рамками этикетных формул.

Изд.: ПЛ. 1860. Вып. 2. С. 415—417; Г у д з и й Н. К. К легендам об Иуде Предателе и Андрее Критском // РФВ. 1915. № 1. С. 3—34.

Лит.: Костомаров Н. П. Легенда о кровосмесителе // Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 1. С. 303—311; Diederichs V. Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Steine und der Sage von Judas Iscariot // Russische Revue. 1880. Bd 17, H. 9. S. 119—146; Веселовский А. Н. Андрей Критский в легенде о кровосмесителе и сказание об апостоле Андрее // ЖМНП. 1885. Т. 239, № 6. С. 231—237; Драгоманов М. П. Славянские преправки на Едиповата история. София, 1891 (отд. отт.: Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 5, 6, 11); Фотинский О. А. К литературной истории южнорусских апокрифов // Волинский историко-археологический сборник. Житомир, 1896. Вып. 1. С. 5; Св. Андрей Критский по церковному преданию и народному легендарному сказанию // Руководство для сельских пастырей. 1900. № 1. С. 254—257; Сколов М. И. Резюме доклада о принадлежатем ему сборнике повестей нач. XVIII в. // Древности. 1902. Т. 3. С. 4; Яцимирский А. И. К славянским легендам о кровосмешении // Пошана. Сб. Харьковск. Ист.-филол. об-ва, изданный в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909. Т. 18. С. 404—411; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 244—246; Назаревский. Библиография. С. 43—45; Мимонова М. Н. К проблеме происхождения повести о Андрее Критском // Материалы Всесоюз. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс» (апрель 1977, Филология). Новосибирск, 1977. С. 115—125; Климова М. Н. 1) Опыт текстологии Повести об Андрее Критском // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 46—61; 2) Повесть об Андрее Критском и фольклор: (некоторые аспекты сопоставительного анализа) // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 27—38; 3) О художественном своеобразии Повести об Андрее Критском // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 41—51.

М. Н. Климова

Повесть о белом клобуке — легендарно-публицистическое сочинение, сохранившееся в рукописной традиции 2-й пол. XVI в. и последующего времени. П. дошла в краткой и пространной редакциях (последняя — в двух видах); кроме того, в некоторых списках памятника помещены еще «Посыльная грамота Дмитрия Грека Толмача» и «Написание Геннадия», где рассказывается о том, как автор П., приехав в Рим и Флоренцию по поручению архиепископа *Геннадия* Новгородского, добыл там эту П. В П. рассказывается о священническом облачении — белом клобуке, подаренном первым христианским царем *Константином папе Сильвестру*. После того как церковь в Риме впала в ересь, папа по приказу ангела, явившегося ему во сне, переслал клобук константинопольскому патриарху. Но патриарху тоже явился ангел и приказал ему переслать клобук в Новгород, где он становится частью облачения новгородских архиепископов: «Ветхий бо Рим отпаде славы и от веры Христовы гордостию своею волею, в новом же Риме, еже есть в Коньстянтинеграде, насилом агарянским также христианская вера погибнет; на третьем же Риме, еже есть на Русской земли, благодать Святого духа возсия».

Вопрос о времени написания П. вызывал споры в науке. Легендарный и анахронистический характер «Посыльной грамоты» и «Написания Геннадия» (смешение «Дмитрия Грека Толмача» с *Дмитрием Герасимовым*, заимствование из одного из *Сказаний о Максиме Греке*) очевиден. Что касается двух редакций П., то они датировались по-разному. Часть исследователей считала, что краткая редак-

ция, сохранившаяся в списках XVI в., первичнее пространной, дошедшей только в рукописях XVII в.; «предсказание» установления патриаршества на Руси, содержащееся в пространной редакции, могло быть сделано, очевидно, только после действительного установления патриаршества в 1589 г. Часть исследователей склонна, напротив, считать первоначальной пространную редакцию, датируя ее кон. XV в. Однако ряд данных свидетельствует в пользу того, что памятник в целом едва ли мог быть составлен ранее сер. XVI в.: когда в 1564 г. на церковном соборе был поставлен вопрос, почему новгородские архиепископы носят белый клобук, оказалось, что «писания тому нет же, которого для случая архиепископы новгородские белые клобуки носят». Предсказание в пространной редакции, что «патриарший чин . . . дан будет Рустей земли во времена своя» (конкретное указание, а не просто почетное именование московского митрополита патриархом), также свидетельствует о том, что эта редакция была создана в кон. XVI в., когда было учреждено московское патриаршество. Кроме того, в пространной редакции П. отражено послание о «Москве — третьем Риме» *Филофея* в редакции не ранее 2-й пол. XVI в. Пространная редакция П. напечатана в ПЛ, а краткая — А. А. Назаревским.

Далее в разд. *Изд.* отмечаем краткую (I) и пространную (II) редакции повести.

Изд.: I. Назаревский А. А. Отчет о занятиях в Воронежском губ. музее // Киевские универс. изв. 1912. № 8. Прил. С. 36—40; П. ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 287—300; ПЛДР. Середина XVI века. М.; Л., 1985. С. 198—233 (публикация П. Н. Розова, относящего памятник, однако, к кон. XV в.).

Лит.: С [убботи]н Н. Как у нас издаются книжки о расколе // Русский вестн. 1868. № 5; Павлов А. Подложная дарственная грамота Константина Великого // ВВ. СПб., 1896. Т. 3. С. 49—52; Sedelnikov A. D. Vasilij Kalika: l'histoire de la legende // Revue des études slaves. 1927. Т. 7, F. 3—4. P. 234—235; Розов Н. Н. 1) Повесть о белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 178—219; 2) «Повесть о новгородском белом клобуке» // Учен. зап. ЛГУ. 1954. № 173. Сер. филол. наук. Вып. 20. С. 307—327; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 229—234; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 149—150; Гольдберг А. Л. Историко-политические идеи русской книжности XVI—XVII вв.: Автореф. дис. . . . докт. ист. наук. Л., 1978. С. 21—23.

Я. С. Лурье

Повесть о битве на реке Воже — летописная повесть о сражении русской (московской и суздальско-нижегородской) рати под предводительством великого князя Дмитрия Ивановича Донского с ордынской ратью под предводительством Бегича на реке Воже в августе 1378 г.; сражение окончилось победой русских войск. Темник Мамай, фактически правивший в это время Ордой, ответил на поражение на Воже падением на Рязанскую землю и походом 1380 г., окончившимся Кудиковской битвой.

Первоначальный текст П. читается в *Летописце Рогожском* и *Летописи Симеоновской* и, судя по цитатам Н. М. Карамзина, читался

в *Летописи Троицкой*. Из Троицкой летописи П. была, очевидно, заимствована «сводом 1448 г.» — протографом *Летописей Новгородской IV и Софийской I*. При этом в тексте была сделана лишь одна существенная перестановка: в Троицкой за рассказом о битве следовало описание набега Мамай на Рязанскую землю, а затем уже упоминалось о том, что «егда бысть побоище на Воже с Бегычем, изнима на той войне некого попа от Орды пришедша», посланного Иваном Васильевичем (сыном тысяцкого Вельяминова); у попа нашли «зелий лютых мешок» и сослали его в «заточенье на Ляче озеро, идеже бе Даниил Заточник». Это известие, свидетельствующее о достаточно широкой известности Моления (или Слова) *Даниила Заточника* в письменности кон. XIV—нач. XV в., едва ли было в Троицкой органически связано с П.; своеобразным продолжением этого эпизода было известие Троицкой за 1379 г. о казни Ивана Васильевича Вельяминова по повелению Дмитрия. Но в «своде 1448 г.» известие о поимке попа стало непосредственным завершением П.; известие это обрело особенно важное значение благодаря тому, что уже под 1375 г. «свод 1448 г.» сообщил о бегстве Ивана Васильевича Вельяминова из Москвы в Тверь, а оттуда в Орду с многозначительным пояснением: «Се же писах того ради, понеже оттоле возгоряся огнь». Из СИЛ П. проникла во все московские общерусские летописи. Известия о битве на Воже и связанных с нею событиях подверглись изменениям и дополнениям только в *Летописи Никонской*, где вместо окольного Тимофея сподвижником Дмитрия в битве назван Андрей Полоцкий (в этой роли он упоминается только в одной летописи — в *Летописи Тверской*). Наиболее подробно описана здесь судьба Ивана Васильевича Вельяминова: рассказывается и о бегстве в Тверь и Орду в 1375 г., и о казни в 1379 г. (с дополнительной деталью: «обольстивше его и преухитривъше, изымаша в Серпухове»).

Сходство некоторых выражений в П. и в *Повести о битве на реке Пьяне* дало основание для предположения, что «рассказ о битве на Воже явился своеобразным публицистическим ответом на рассказ о битве на Пьяне» (Л. В. Черепнин). Едва ли можно с этим согласиться. Действительно, в обеих повестях упоминается, что перед боем Дмитрий «собра воя многи» и пошел «в силе тягже»; в *Повести о Пьяне* говорится, что татары напали, «бьюще и колюще и секуще», многие русские «истопоша в реце»; в П. «бьют», «секут» и «колют» — русские, «в реце истопоша» — татары. Но приведенные обороты вообще принадлежат к числу обычных формул воинских повестей; в Троицкой летописи те же выражения употреблены и в *Повести о Куликовской битве*: «собрав воя многы», «бьюще — секуще» и т. д. Если даже считать совпадение в наборе таких оборотов специфическим, то оно свидетельствует скорее о том, что *Повесть о Пьяне*, П. и краткая повесть о Куликовской битве принадлежали одному автору — составителю Троицкой летописи (свода 1408 г.) или ее протографа.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 74; СПб., 1863. Т. 15; СПб., 1897. Т. 11. С. 42—43, ср. с. 22 и 45; СПб., 1913. Т. 18. С. 126—127; 2-е изд. Пг.,

1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 309—310, ср. с. 300—301; 2-е изд. Пг., 1922. Г. 15, вып. 1. С. 134—135; Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 415—416, ср. с. 417—418.

Лит.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 593—596; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 217—218; Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести о Куликовской битве» // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 3, 25; Назаров В. Д. Русь накануне Куликовской битвы // ВИ. 1978. № 8. С. 112—113; Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 108—110.

Я. С. Лурье

Повесть о битве на реке Ворскле см. Повесть о побоище Витовта с Темир-Кутлум.

Повесть о битве на реке Пьяне — летописная повесть о сражении суздальско-нижегородских и пришедших им на помощь московских войск с ордынской ратью на реке Пьяне в августе 1377 г.; сражение окончилось разгромом русских войск и гибелью суздальского княжича Ивана Дмитриевича.

Первоначальный текст П. читается в *Летописце Рогожском* и *Летописи Симеоновской* и, судя по цитатам Н. М. Карамзина, идентичен с рассказом в *Летописи Троицкой*. Рассказ имеет характер острой сатиры, направленной против «небрежения», проявленного русскими военачальниками, знавшими о приближении татар, но не припавшими никаких мер: «Поведоша им царевича Арапшу на Волчьи воде. Они же оплошися и небреженьем хожаху, доспехи своя вскладоша на телеги. . . а ездить порты своя с плечь спускав, а петли ростегав, аки роспрели: бяше им варно; а где наехаху в зажити мед или пиво, испиваху. . . по истине за Пьяною пьяни». Высказывалось предположение (Л. В. Черепнин) о том, что в основе летописного рассказа лежит «памфлет», вышедший «из среды нижегородских горожан», однако из городской среды скорее мог выйти устный источник, использованный летописцем кон. XIV—нач. XV в. В своем письменном виде рассказ 1377 г. представляет собой органическую часть свода митрополита Киприана, лежащего в основе Троицкой летописи. Рассказ этот начинается некрологом литовскому великому князю Ольгерду — покровителю Киприана до его приезда в Москву. В некрологе подчеркивалось, что Ольгерд (хотя и «зловерный и безбожный») был мудрым правителем и великим завоевателем, «попе пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла»; следовавшая вслед за этим картина разгрома «за Пьяною пьяных» войск, представитель которых утонул в реке «в оторопе», приобрела благодаря этому особую сатирическую выразительность. Самый каламбур «за Пьяного пьяни» соответствовал стилю Троицкой летописи, где под 1375 г. встречается сходная игра слов в известии о костромском воеводе Плещееве: «. . . выдав рать свою. . . , подав плещи, Плещеев побже». Из Троицкой летописи П. была заимствована протографом *Летописей Новгородской IV и Софийской I* — «сводом 1448 г.». В НВЛ рассказ сохранился почти без изменений; но в СИЛ подробности

беззаботного поведения и пьянства войск, слова «за Пианую пиани» и упоминание о «ловах» (охоте), которыми развлекались воеводы перед битвой, были опущены. Тексту СЛ следовали позднейшие московские великокняжеские своды; в несколько сокращенном виде тот же рассказ передан и в *Летописи Ермолинской*. В *Летописном своде Сокращенном* кон. XV в. известие о сражении на Пьяне также кратко, но формула «за Пианую пиани» приводится с пояснением: «и пословка и донныне зовется».

Подробный текст П. читается лишь в одной летописи XVI в. — *Летописи Никоновской*. В основе его лежит рассказ Троицкой (Симеоновской), но слова «за Пианую пиани» опущены; вместо этого русским войскам приписывается похвальба: «Может един от нас на сто татарин ов ехати, поистинне никто не может противу нас стати». Авторские сентенции против «взношения» воевод, забывших «смирение мудрости, яко бог дает смиренным благодать, и яко вси есмь Адамовы внуци», едва ли могут рассматриваться как выражение антифеодальной «идеологии горожан»; осуждение аристократических тенденций и утверждение равенства всех подданных перед богом характерно и для самодержавной идеологии XVI в., одним из создателей которой был редактор Никоновской летописи митрополит *Даниил*.

Изд.: ЦСРЛ. 2-е изд. Пг., 1915. Т. 4, вып. 1. С. 307—308; СПб., 1851. Т. 5. С. 236; СПб., 1897. Т. 11. С. 27—28; 2-е изд. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. С. 118; СПб., 1913. Т. 18. С. 118; СПб., 1910. Т. 23. С. 120—121; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 193; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 124; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 70—71, 248—249, 330—331; *Приселков* М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 402—403.

Лит.: История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 194; *Лихачев* Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 302—303; *Черепнин* Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 587—590; *Лурье* Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 46—47; *Кучкин* В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 105—106.

Я. С. Лурье

Повесть о битве при Молодях — рассказ о победе, одержанной царскими войсками над ратью крымского хана Девлет-Гирея летом 1572 г. Ни в одном из одиннадцати списков П., известных ее исследователю В. И. Буганову, у произведения нет специального заглавия, подобно летописным повестям она начинается словами: «В лето 7080-го. . .», «Тово же году. . .», «Того же лета. . .» (название «Повесть о бою воевод московских с неверным ханом», под которым текст был известен в прежней историографии, присвоено ему в кон. XVIII—нач. XIX в. в старшем списке кон. XVI—нач. XVII в. ГИМ, Синод. собр., № 963). П. составлена, по-видимому, по свежим следам событий — в 1572—1573 гг., о чем свидетельствует не только хорошая осведомленность автора о ходе кампании, не только возведение героя битвы князя М. И. Воротынского, казненного летом 1573 г., но и патриотическое одушевление летописца, естественное для последних лет правления *Ивана Грозного*, когда военные удачи

были не столь уже частым явлением. Последним фактором объясняется и гиперболизация урона, причиненного татарам. По жанру произведение ближе всего стоит к летописным повестям, сочетая, как и они, протокольную точность (не случайно большинство списков П. находятся в составе разрядных книг) со свободным изложением фактов, включая вымышленные речи героев, отдельные формулы воинских повестей и т. д. По наблюдениям С. К. Шамбинаго, содержание П. отразилось в исторических песнях о царствовании Ивана Грозного (песни о Кострюке-Мастрюке).

Литературная ценность П. невелика, зато она является очень важным историческим источником, рассказывающим о событиях 1572 г. по дням: сообщается о появлении 26 июля крымского войска на берегу Оки, о переправе на следующий день вспомогательного отряда ногайцев во главе с мурзой Теребердеем у Сенькина перевоза, о неудачной попытке основных татарских сил перейти реку в районе Серпухова и об их переправе через Оку в ночь с 27 на 28 июля у того же Сенькина перевоза, далее детально прослеживаются решающие сражения, в результате которых 2 августа Девлет-Гирей обратился в бегство, потеряв на поле брани большую часть своих воинов. В. И. Буганов, проследивший историю текста П., различает три ее редакции, причем во второй редакции, где произведение контаминировано с разрядными записями, иногда нарушается логика повествования (вместе с тем отдельные фактические дополнения второй редакции находят подтверждение в других источниках); третья редакция представляет собой сокращенный пересказ второй. Научное издание трех редакций по всем спискам осуществил тот же исследователь в статье 1962 г. (до этого он напечатал П. по списку второй редакции — ГИМ, собр. Щукина, № 496); его предшественникам произведение было известно в одном только — Синодальном списке.

Изд.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 9. Примеч. С. 78—79, № 391; Шамбинаго С. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 79—90; Буганов В. И. 1) Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // ИА. 1959. №. 4. С. 179—180; 2) Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 259—275.

Лит.: Андрей Лызлов. Скифская история. 2-е изд. М., 1787. Ч. 2. С. 61—67; История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 476—477; Буганов В. И. Разрядные книги как памятник русской культуры // Вестник истории мировой культуры. 1959. № 6 (18). С. 109; Бурдей Г. Д. Молодинская битва 1572 года // Из истории мусульманских культурных связей. М., 1963. С. 48—79 (Учен. зап. Института славяноведения. Т. 26); Скрынников Р. Г. Опричный террор // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ви-та им. А. И. Герцена. 1969. Т. 374. С. 167—174; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 101.

Д. М. Буланин

Повесть о благочестивом рабе («Слово от патерика, яко не до-стоит итти от церкви, егда поют») — рассказ о том, как некий отрок, проданный отцом ради спасения от голодной смерти в рабство, при-лежно исполнял заповедь отца не отходить от церкви во время литур-

гии и тем самым был спасен от смерти, на которую его обрекла госпожа как случайного свидетеля ее неверности мужу. Посланный к епарху дабы быть убитым, отрок по пути задержался в церкви, чтобы дослушать до конца литургию, а убрус, который нес епарху, передал с другим рабом, посланным ему вслед. Оказалось, что убрус знаменовал обреченного на смерть, и вместо благочестивого отрока был убит раб, явившийся к епарху с убрусом.

В основе сюжета П. лежит распространенный в мировой литературе мотив спасения героя, замедлившего выполнение задания своего господина для того, чтобы дослушать до конца литургию. На Руси были известны и другие сюжеты с этим мотивом: Сказание о богатом купце (см.: Белоброва О. А. Сказание о богатом купце // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 259—265) и легенда из Великого Зеркала «Преподобная Богородица раба своего, иже божественную литургию с радостию послушаше, от огня избави и на носящего же зло обрати». Сопоставление этих трех произведений см.: Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть: (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—нач. XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 164—174. Вероятно, П. является переводной, но дата и обстоятельства перевода пока неизвестны. В заглавии П. указывается на Патерик как на источник, однако указание это ничем не подтверждается и является, по-видимому, ложным.

П. входит в состав двух нравоучительных сборников — Измарагда (см., напр.: ГПБ, ОСПК, F. I.209, XV в., гл. 39, л. 27 об.—29; ГИМ, собр. Уварова, № 309 (740) (691), XVI в. и др.) и печатного Пролога под 30 апреля.

Известны два варианта П. (оба опубликованы в ПЛ). Один из них — тот, что читается в составе Измарагда и Пролога, другой — в сборнике смешанного состава ГПБ, собр. Погодина, № 1350, XVII в., л. 269—272 об., где П. помещена в ряду нескольких других статей из Пролога. Читающийся здесь текст — вторичная, «украшенная» редакция. Здесь заметно стремление автора сделать текст более риторичным и эмоциональным: сцена прощания отца с сыном, например, распространена и стала экспрессивной, в текст добавлены многочисленные эпитеты, введена прямая речь персонажей.

Изд.: Пролог. М., 1643. Под 30 апреля; см. также Пролог 1660, 1666, 1677 и др. годов; Повесть о благочестивом рабе // ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 81—83; Из Патерика о проданном отроке // Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978. С. 238—239; Слово от Патерика, яко не достоин отитти от церкви, егда поют // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 58—60.

Л. В. Соколова

Повесть о Бове — наиболее ранняя из древнерусских рыцарских повестей. Сказания о Бово д'Антоне возникли в средневековой Франции, но впоследствии распространились по всей Западной Европе. В XVI в. лубочные итальянские издания поэтических и

прозаических произведений о Бове проникли в Дубровник (см.: Jigeček K. Beitrage zur ragusanischer Literaturgeschichte // AfslPh. Berlin, 1898. Bd 21. S. 513—514). Видимо, здесь и был осуществлен перевод П. на сербский язык, что косвенно подтверждается наличием сербизмов в старейшем из известных ныне славянских списков — белорусском списке Познанской библиотеки (см.: Щапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Ч. 2. С. 82—83). В Познанском списке имеется помета: «из книг сэрпских». К этому списку (переводу) восходят и русские списки П.

Повествование о Бове — типичный рыцарский куртуазный роман, с обилием приключений, военных схваток, битв, поединков, любовных коллизий. В основном те же черты сохраняет и русская П., однако от редакции к редакции сюжет и стилистика П. все более сближают ее с богатырской сказкой. Сказочных элементов в сюжете П. немало: Бова совершает богатырские подвиги с семи лет, одолевает в битвах десятки тысяч вражеских воинов, после богатырских подвигов или, напротив, в критические моменты своей судьбы Бова спит по несколько суток сряду; в П. фигурируют такие сказочные атрибуты, как меч-кладенец, богатырский конь, чудовище Пожкан — полупес, получеловек, волшебные зелья и т. д.

На Руси П. получила широкое распространение, появившись здесь, по мнению В. Д. Кузьминой, не позднее сер. XVI в. В. Д. Кузьмина выделяет четыре редакции П. Первая представлена упомянутым выше белорусским списком и пятью русскими: ЦГАЛИ, колл. Шляпкина, № 225/476А, 1675 г.; № 226/477, 1670-х гг.; ГИМ, Музейск. собр., № 431; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1060; собр. Тихонравова, № 611. Три последних списка — XVIII в., причем лишь 3-й и 5-й русские списки полные, остальные — отрывки текста. Пятью списками представлена вторая редакция П., отличающаяся русификацией языка и незначительными изменениями сюжета, приближающими ее к жанру любовно-авантюрного повествования. Третья и четвертая редакции представлены бóльшим числом рукописей. При этом замечаются две тенденции изменения сюжета и поэтики П., тесно связанные с теми читательскими кругами, в которых распространялись списки: в крестьянской среде П. о Бове приобретала черты, сближающие ее с богатырской сказкой, в городской — с галантной «гисторией». Известно, что П. находилась среди «потешных» книг царевича Алексея Петровича («потешная книга в лицах в десть о Бове королевиче»). П. о Бове пользовалась большой популярностью в читательской среде в течение всего XVIII в. М. Чулков приводит слова приказного, живущего перепиской книг, что он уже сорок раз переписал историю Бовы-королевича, дающую ему доход бóльший, чем переписка драматических произведений (см.: И то и сье. 1769. Март, неделя десятая). С другой стороны, писатели высокой литературы (А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков) отзываются о П. с высокомерием и презрением.

Начиная со 2-й пол. XVIII в. получают распространение дубочные издания П., продолжающие выходить вплоть до нач. XX в.

В. Д. Кузьмина (Рыцарский роман. . . С. 251—258) сообщает данные о 225 изданиях текста П. и 88 изданиях «забавных листов» с изображением ее персонажей. Записано множество вариантов устных сказок о Бове, восходящих к названным лубочным изданиям. К сюжету сказки о Бове обращались русские писатели XVIII—нач. XIX в., используя его для политической сатиры, — А. Н. Радищев в поэме «Бова», А. С. Пушкин в стихотворении «Бова (отрывок из поэмы)». В XX в. к сюжету П. обращается А. М. Ремизов (см.: Грачева А. М. «Повесть о Бове Королевиче» в обработке А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 216—222).

Изд.: Булгаков Ф. Сказания про храброго витезя про Бову Каралевича // ПДП. 1879. Вып. 1. С. 45—81; Веселовский А. Н. Из истории романа в повести. Вып. 2. Славяно-романский отдел // СОРЯС. СПб., 1888. Т. 44, № 3. С. 229—305. Прил. С. 129—172, 237—262; Дунаев В. И. Сказания про храброго витезя про Бову Королевича. М., 1914; Деркач Б. А. Перекладна українська повість XVII—XVIII століть. Київ, 1960. С. 50—62, 101—128; Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969. С. 516—541, 770—771.

Лит.: Бодянский О. М. О поисках моих в Познанской публичной библиотеке // ЧОИДР. 1846. Кн. 1. С. 27, 29—30; Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 244—249; Галахов А. История русской словесности. 2-е изд. СПб., 1880. С. 100—101 (раздел написан А. Н. Веселовским); Халанский М. К вопросу об отражении сказания о Бове в сербском эпосе // РФВ. 1889. № 2. С. 260—282; Потин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 680—692; Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1900. Т. 1. С. 191—199; Павлова Н. Г. 1) «Рахлейское царство» в сказке о Бове-королевиче // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 127—136; 2) Сказка «Бова» у Радищева и Пушкина как вид политической сатиры // Звенья. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 513—539; Лотман Л. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 33. Сер. филол. наук. Вып. 2. С. 134—147; Андрианова-Черетц и Покровская Я. Древнерусская повесть. С. 154—160; Кузьмина В. Д. 1) Сказка о Бове в обработке А. Н. Радищева // Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М.; Л., 1940. С. 257—291; 2) Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. // Старинная русская повесть. М.; Л., 1941. С. 83—134; 3) Французский рыцарский роман на Руси, Украине и Белоруссии: («Бова» и «Петр Златые Ключи») // Славянская филология. М., 1958. Т. 2. С. 355—396; 4) Русская сказка о Бове королевиче в лубочных изданиях XVIII—нач. XX века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 148—192; 5) Советские сказки о Бове королевиче // ИОЛЯ. 1963. Т. 22, вып. 3. С. 217—227; 6) Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 3—132, 237—264; 7) Бой Бовы с Полканом на муравленых изразцах: (Из истории белорусско-русских связей в первой половине XVII в.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1968. Т. 23. С. 253—260; Алексеев М. П. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова» // Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950. С. 158—213; Назаревский Б. Библиография. С. 52—54; Деркач Б. А. 3 історії перекладної літератури на Україні: (Повість про Бову-королевича) // Радянське літературознавство. 1960. № 2. С. 91—98; Астахова Г. М. Відгомін переказу про Бову-королевича в Російському билинному епосі // Тез. доп. VI Української славістичної конф. (13—18 жовтня 1964 р.) Чернівці, 1964. С. 182; Васильков Я. В. Индийский эпос и рыцарский роман Европы: Сходные мотивы // Индия 1985—1986. Ежегодник. М., 1987. С. 250—269.

М. А. Салмина

Повесть о Борисоглебском Ростовском монастыре («Повесть о Борисоглебском монастыри от коликих лет и како бысть ему

начало») — произведение сер. XVI в., созданное в местной монастырской среде на основе преданий и рассказов позднего времени. По мнению В. О. Ключевского, П. «восполняет отсутствие жития основателей» монастыря Феодора и Павла. П. известна в списке XVI в. (ГБЛ, ф. 304, № 782, л. 449—461), нач.: «Еже исперва от древних старец слышахом. И мало писания обретох. . .». В ней излагается история обители, возникшей в малообжитой местности: «. . .леса же бысть на сем месте изначала черныа, а дорога проходила к Каргополю, из Бела озера, и из иных градов, к царствующему граду Москве, и к Ростову. . .». В этом произведении отражен процесс роста угодий и владений монастыря и особенно ярко охарактеризована его застройка. Рассказывается, как основатели монастыря Феодор и Павел заботились, «чтобы им в сей пустыни воздвигнути церковь и монастырь строити», как Сергей Радонежский в 1363 г. выбирал для этого место, как в помощь строителям (среди которых были не только монахи, но и «мирская чядь», «древодели в помощь делу») явились чудесным образом два воина — Роман и Давид (т. е. Борис и Глеб), как были воздвигнуты деревянные церкви и кельи, как велось в XVI в. каменное строительство.

В кратком тексте П. упоминаются реальные исторические лица: великий князь Дмитрий Иванович Донской; его сын Андрей Дмитриевич Можайский и Белозерский, по разрешению которого отводится место для Никольского монастыря «на усть Ковжи реки»; великий князь *Василий II Темный* и его мать «великия княгиня Софья», одарившие Борисоглебский монастырь; наконец, *Василий III*, в правление которого была заложена в 1522 г. Благовещенская церковь «с трапезой», а также получена жалованная грамота на земли, богатые известью, и т. д. Здесь же последовательно перечислены игумены Борисоглебского и Никольского монастырей, упоминается Ростовский архиепископ Иоанн и др. Наряду с именами великих князей и игуменов назван и архитектор — ростовец Григорий Борисов, причастный к строительству не только церковных, но и оборонительных крепостных сооружений монастыря и хорошо помнивший местные предания.

В литературном отношении П. особенно ничем не выделяется, ее автор явно опирается на агиографическую традицию.

Изд.: Повесть о Борисоглебском монастыре, коликих лет и како бысть его начало // Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 3. Часть неофиц. С. 17—21; Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI века / Сообщ. Хр. Лопарева. СПб., 1892 (ПДПИ. Вып. 86).

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 280—281; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 593; Б у д о в н и ц. Монастыри на Руси. С. 146—149.

О. А. Белоброва

Повесть о Валтасаре Вавилонском — древнерусское сочинение, рассказывающее о том, как вавилонский правитель был убит своими стражниками, по предречению пророка Даниила. В рукописной традиции П. встречается под различными заглавиями: «Слово о Вал-

тасаре царе», «О Валтасаре, царе Вавилонском», «Сказание о царе Лавтасаре, как во Царьграде царствовал и как преставися». В составе произведений, посвященных византийскому императору Михаилу, она носит названия: «Слово о благочестивом царе Михаиле», «Сказание о древе златом и о царе Левтасаре», «Сказание о древе златом, и о златом попугае, о царе Михаиле, да о царе Левкасоре». Следует отличать текст П. от Повести о Валтасаре-королевиче кон. XVII в. Литературная история П. не изучена. Издания ее текстов осуществлены по случайным и довольно поздним переработкам. Изучая цикл повествований о царе Михаиле, «златом древе и попугае», М. Н. Сперанский указал некоторые источники П., к числу которых относятся переводы византийских хроник (*Хроники Георгия Амартола*, *Хроники Константина Манассии* и др.), хронографы и библейские тексты (3-я гл. книги пророка Даниила).

Возникновение П., по-видимому, следует связывать с именем *Максима Грека*. Она читается в составленных в XVII в. Троицком собрании сочинений писателя и собрании в 151 главу (списки см. в кн.: *С и н и ц ы н а* Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 273—275; *Б у л а н и н* Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 234—236). Известно, что Максим Грек обращался к тексту *Хроники Георгия Амартола*, в сборниках его сочинений встречаются также и выписки из книги пророка Даниила.

Из Троицкого собрания П. попала в Поморское собрание сочинений Максима, составленное в нач. XVIII в., и Большаковское, составленное в XIX в. (перечень списков см. в кн.: *Б у л а н и н* Д. М. Переводы и послания Максима Грека. С. 239—249).

Во 2-й пол. XVII в. П. о Валтасаре Вавилонском была включена в состав Повести о благочестивом царе Михаиле в виде второй ее части; при этом текст ее подвергся существенной переработке в стиле занимательных «историй» назидательного характера (типа фаций), так что Валтасар превратился в царя Царьграда, якобы правившего после царя Михаила, причем он был наделен чертами царя-пропойцы; в П. было включено и новое действующее лицо под именем Дарий «Мендепис», или Дарий «Мелденик» (прототип его — Дарий Мидянин, введенный в П. под влиянием византийской хронографической литературы). Характерно, что один из списков этой редакции (ГБЛ, собр. Ундольского, № 943) входил в состав сборника, принадлежавшего Кариону Истомину.

Изд.: Отрывок из Сборника XVIII века с лицевыми изображениями и крюковыми пометами «На реках Вавилонских» // ОЛДП. СПб., 1877. Л. 94—394 об. (ПДП. Т. 15); *Л о п а р е в* Х. М. Описание рукописей ОЛДП. Ч. 3. Рукописи в осьмушку // ОЛДП. СПб., 1899. Т. 114. С. 141—144, № СХХХII; *С п е р а н с к и й* М. Н. Эволюция русской повести в XVII веке // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 160—161, 165—170.

Лит.: *П о п о в* А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 163; Описание славянских рукописей библиотеки св. Троицкой Сергиевой лавры / Сост. Иларием и Арсением. М., 1878. Ч. 1. С. 205; *Б ы ч к о в* И. А. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1891.

Вып. 1. С. 143; Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 400; Рыстенко А. В. Рукописи, принадлежащие библиотеке Одесского общества истории и древностей. Вып. 1. Рукописи церковнославянские и русские, документы и письма. Одесса, 1910. С. 77; Сперанский М. Н. Собрание рукописей И. Е. Забелина. (Приложение II к Отчету Гос. Исторического музея за 1916—1925 гг.). М., 1926. С. 12; Андрианова-Перетц и Покровская Я. Древнерусская повесть. С. 249—251; Назаревский Я. Библиография. С. 118—119; Повести о начале Москвы /Исслед. и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 80; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека: Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969. С. 66—67, 201, № 66, 67, 68, 345.

Н. Ф. Дробленкова

Повесть о варяжской божнице — повесть из числа тех новгородских литературных памятников, в основе которых лежат устные легенды местного происхождения. Немцы просили у новгородцев разрешения поставить в Новгороде церковь по своей «вере и обычаю». Новгородцы не согласились на это. Тогда «немецкие послы» по совету посадника Добрыни, которому они дали «посул велик», стали говорить, что если в Новгороде «храму святых верховных апостол Петра и Павла не быти», то будут закрыты православные церкви новгородцев в тех западных городах, с которыми новгородцы ведут торговлю. Приходится просьбу немцев выполнять. Они выбирают для своего храма «место посреди града, в торгу, где стоит церковь деревяна святаго Иоанна Предотечи». Посадник Добрыня приказал церковь Иоанна перенести в другое место, а немцы поставили на этом месте свой храм. За этот поступок посадник Добрыня был жестоко наказан: когда он переезжал в насаде через Волхов, то вихрь поднял насад высоко над водой и обрушил его в реку, посадник Добрыня утонул. Во второй части П. (некоторые исследователи склонны рассматривать эту часть как самостоятельную повесть) рассказывается о дальнейшей судьбе немецкой божницы. На стене ее, без благословения новгородского архиепископа, по заказу немцев новгородскими иконописцами был изображен Спасов образ. Однако как только сняли по окончании работы покров с фрески, неожиданно появилась туча и сильным дождем с градом смыло не только фреску со Спасовым образом, но и левкас — грунт под ней.

П. о варяжской божнице ярко отражает особенности новгородского быта. Новгород был тесно связан торговыми отношениями со многими западными странами, и торговые интересы заставляют новгородцев поступиться своими религиозными убеждениями. Сторонникам чистоты веры трудно примириться с этим, и возникает легенда, связанная с находившейся на Торговой стороне города «варяжской божницей» — римско-католической церковью для приезжих купцов. Церковь эта неоднократно упоминается в новгородских летописях (первое упоминание в *Летописи Новгородской I* под 1152 г. — варяжская церковь названа среди сгоревших девяти церквей во время большого пожара на Торгу). В ННП под 1184 г. в сообщении о построснии «немецкой ропаты» на месте церкви Иоанна Предтечи рассказывается о чуде с посадником Добрыней. Но данное сообщение

поздней новгородской летописи само восходит к легенде о посаднике Добрыне и историческим критерием в данном вопросе служить не может. Тем не менее, как отмечает историк Новгорода В. Л. Янин, «существуют заметные признаки достоверности этой легенды» (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 88, примеч. 173). Посадник Добрыня исторически реальное лицо: он был последним из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.), умер в 1117 г. В. Л. Янин считает, что ранняя история церкви Ивана на Опоках выглядела так: «Первоначальная деревянная церковь построена при епископе Никите (1096—1107 гг.). В 1110-х годах она перенесена на новое место. В 1127—1130 гг. построена в камне при Всеволоде Мстиславиче. В 1184 г. превращена в собор, что неизбежно потребовало создания новой постройки в соответствии с новым характером храма» (Там же). Таким образом, можно предполагать, что в легенде о посаднике Добрыне нашли отражение события 1110-х гг. и легенда, вероятно, возникла в близкое к этим годам время.

П. дошла в трех редакциях. Одна из них, по которой П., в сущности, и известна в литературе, датируется довольно точно. В этой редакции, назовем ее условно первой, сказано, что автору историю варяжской божницы рассказал игумен Островского Никольского монастыря Сергей, духовный отец «нынешнего» игумена Спасо-Хутынского монастыря Закхей. Имя Закхей упомянуто в грамоте 1477—1478 гг. (см.: К о р е ц к и й В. И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 450). Имя Сергия встречается в грамотах 50—70-х гг. XV в. (см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 173, 175). Таким образом, написание этой редакции П. уверенно можно датировать сер.—2-й пол. XV в. С. О. Шмидт датирует возникновение П. 1440 гг., так как именно в это время произошел конфликт немецких купцов с архиепископом Евфимием II из-за церкви Петра и Павла. Вторая редакция П. входит в состав Жития Иоанна Предтечи и, как считает издатель этой редакции П. А. И. Никольский, предназначалась для чтения в церкви во время службы этому святому. По мнению Е. А. Рыбиной, вторая редакция возникла раньше первой. Вопрос этот требует дальнейшего рассмотрения. Третья редакция представляет собой совершенно самостоятельную (вероятнее всего, позднюю) переработку легенды о варяжской божнице. Эта редакция с двумя другими редакциями П. текстуально никак не связана. (Текст этой редакции не издавался, и в работах, посвященных данному произведению, она не фигурирует).

Автором П. был человек из среды, близкой к демократическим кругам, — в произведении очень сильно проявляется антибоярская тенденция: виноватым оказывается посадник, и он один терпит кару (все люди, пльвшие с ним в насаде, были спасены). В настоящее время известно 9 списков П.: 6 — первой редакции, 2 — второй редакции и 1 — третьей редакции.

Изд.: Крамз и Н. М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 3. Примеч. 244; Северный архив. СПб., 1827. Ч. 26. С. 196—200; ПЛ. 1860.

Вып. 1. С. 249—253; Никольский А. И. Сказания о двух новгородских чудесах из Жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя господня // ИОРЯС. 1907. Т. 12, кн. 3. С. 98—116; Шмидт С. О. Предания о чудесах при постройке новгородской ронаты // Историко-археологический сборник (к 60-летию А. В. Арциховского). М., 1962. С. 319—325.

Лит.: Прозоровский Д. Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892; Лихачев Д. С. Литература Новгорода второй половины XV—первой половины XVI в. // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 375; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; Рыбиа Е. А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 79—85; Голышев Н. К. В. С. Сборник XVII в. из собрания Института русского языка АН СССР // Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979. С. 222.

Л. А. Дмитриев

Повесть о Ватопедском монастыре — предание об основании Ватопедского монастыря на Афоне. П. была известна в Древней Руси не менее, чем в трех вариантах, причем два из них, в свою очередь, распространялись в отличных друг от друга версиях. Все разновидности объединены сходным мотивом — чудесным спасением отрока на месте будущего Ватопеда. Этот мотив увязывается с ложной этимологией названия святогорского монастыря, которое толкуется как «куст отрока»: ἡ βάτος — «терновник», τὸ παιδίον — «дитя» (в действительности в древних актах монастырь именуется *Βατοπεδίον*, причем название его производят от τὸ πεδίον — «равнина»: Pischon. Die Mönchsrepublik des Berges Athos. Leipzig, 1860. S. 87, Anm. 3 (Historisches Taschenbuch. Herausgeg. von F. von Raumer. 4. Folge. 1. Jhrg.); Порфирий [Успенский]. История Афона. Ч. 2. С. 54; Dawkins R. M. The Monks of Athos. P. 111). В большинстве версий спасение отрока приводит к обнаружению самой известной ватопедской иконы богородицы — так называемой Ктисторской (или Алтарницы), празднование которой приходится на 21 января.

Первый вариант П. («Повесть о Ватопедском монастыре, иже во Святой горе пресвятыя богородицы бывшем чудеси, в субботу пятую Великого поста», нач.: «Некий купец. . .») появился в древнерусской письменности не позже 2-й пол. XV в., ибо он вошел (под заглавием «О Ватопедском монастыре в Святой горе чудо») в один из сборников (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 22/1099) книгописца *Ефросина*. Здесь рассказывается о купце, который путешествовал вместе с женой и малолетним сыном и причалил к Афону, чтобы запастись пресной водой. На берегу его сын потерялся, и все поиски пропавшего оказались безрезультатны. Когда же через год купец пристал на то же место, он обнаружил своего сына живым и здоровым, но тот не признал родителей и укрылся в «кушине» (кусте терновника). Куст был вырублен, и там вместе с отроком нашли «камень велий. . ., на нем же въобразися пречистая богородица въплочение». Ее и считал отрок своей матерью, кормившей и оберегавшей его целый год. Пораженный чудом купец устроил на том месте Ватопедский монастырь и постригся в иноки вместе с сыном. В списках к П. присоединяется рассказ о том, как богородица явилась отшельнику, не поспевавшему в Ватопедский монастырь на пение акафиста, и дала ему «златицу»

(ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 22/1099, л. 275—276; Солов. собр., № 704/812, л. 2—2 об.; № 487/506, л. 198—199); сокращенный вариант этого рассказа под заглавием «Чудо пресвятыя богородица в Святей горе в монастыри в Ватопеде» встречается в списках и отдельно от П. (см., напр.: ГПБ, Соф. собр., № 1418, л. 58—59; БАН, 21.10.19, л. 264—264 об.).

Иная версия того же варианта (нач.: «Бысть в Римстем граде купец некий вельми богат. . .»), напечатанная С. О. Шмидтом, появляется в рукописях XVI в. вместе с другими рассказами об афонских святынях (см., в частности, *Сказание о иконе богородицы Иверской*) — Государственный архив Ярославской области, № 1265; ГИМ, Чуд. собр., № 34. Сюжет П. здесь остался тот же; добавлено лишь, что купец происходил из Рима, в купине обнаруживают не камень, а икону с горящей перед ней свечой, наконец, приводится и ложная этимология названия Ватопед. В дальнейшем эта версия разделила судьбу Сказания об Иверской иконе богородицы: в нач. XVII в. она попала в Троицкое собрание сочинений *Максима Грека* (под заглавием «О монастыре Ватопеди»), что дало повод А. И. Иванову приписать ему данный текст (оснований для этого недостаточно, атрибуции П. Максиму препятствует и язык памятника, по определению А. И. Соболевского, «церковнославянский, с русизмами», и наличие в составе надписанной именем Максима Грека компилятивной статьи «Вопрошение известно от неких: почто от тридневнаго воскресения Христова до Фомины суботы не воздвижают пречистыя хлеба, токмо аргус воздвижают, и глаголет диакон „Христос воскрес“ З, и потребляют аргус в Фомину суботу?» третьего варианта), позднее она переписывалась как в сборниках разнообразного состава, так и в собраниях сочинений Максима, зависимых от Троицкого. Кроме перечисленных версий известно переложение того же сюжета в рукописи XVII в. ГПБ, Q.XVII.321 («Повесть о чудеси пресвятыя владычицы нашея богородицы о отроце», нач.: «Бысть некий купец силен. . .»), где присутствуют особенности и первой, и второй версий, а также контаминация двух версий П. в рукописи 1622 г. ГИМ, собр. Уварова, № 40 («Чудо пречистыя богородицы о Ватопедском монастыри, чти в суботу 5-ья недели поста», нач.: «Бысть в Римстем граде некий купец в кораблях ходя. . .»). Взаимотношение всех текстов первого варианта П. нуждается в специальном исследовании. По-видимому, различные версии легенды о возникновении Ватопедского монастыря записывались на Руси со слов афонских иноков; не лишено в этом смысле интереса, что в примыкающем к П. рассказе об отшельнике, получившем «златицу», говорится: «яко обычай есть тамо», т. е. на Афоне (на это обратил внимание С. О. Шмидт).

Согласно второму варианту П., бытование которого на Афоне засвидетельствовано паломниками (см., в частности, в «Проскинитарии» Иоанна Комнина, переведенном иеродиаконном Чудова монастыря Дамаскиным и напечатанном архимандритом Леонидом), Ватопед был основан еще Константином Великим, а обновлен императором Феодосием в память о чудесном спасении богородицей его

сына Аркадия, упавшего с корабля в море подле берегов Афона. Аркадия будто бы обнаружили в целостности и сохранности на суше под кустом. Древнерусских книжников с этим вариантом познакомил Стефан Святгорец в книге «Рай мысленный», изданной в Иверском Валдайском монастыре в 1658—1659 гг. (см. *Рай III*). Впрочем, предание в интерпретации Стефана имеет ряд особенностей, которые перепечатавший его в 1877 г. Порфирий Успенский склонен был рассматривать как наиболее отвечающие исторической действительности. Здесь, например, говорится, что на Афоне спасся сын не Феодосия, а его брата Овата (по Порфирию Успенскому — Гонория), который и занялся устройением Ватопедской обители. В иных версиях Ватос (имена Оват и Ватос созданы, чтобы объяснить название монастыря) сам оказывается племянником Феодосия, а на корабле плывет его безымянный сын (см. в кн. Г. Гельпера и Р. Даукинса). Любопытно, что с рассказом Стефана Святгорца перекликается послание об афонских монастырях Максима Грека, согласно которому Ватопедский монастырь создал «Ватос некто от Испания, брат Великаго Феодосиа» (С и н и ц ы н а Н. В. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей // ВВ. М., 1965. Т. 26. С. 130).

Промежуточное положение между первым и вторым вариантами занимает третий. Здесь сохранен в неприкосновенности сюжет первого варианта, но чудо случается не с купеческим сыном, а с сыном испанского «царя», когда он плыл на корабле к своему брату — царьградскому «царю». Третий вариант читается в составе надписанной именем Максима Грека статьи «Вопрошение известно от некихх...», которая в полном виде входит в один лист сборник сочинений Максима 1660 г. — ГПБ, Солов. собр., № 495/514, причем есть основания сомневаться в ее принадлежности ученому монаху (см. в статье Сказание об Иверской иконе богородицы). Правда, заслуживает внимания, что в третьем варианте, как и в послании Максима Грека об афонских монастырях, героем предания сделан сын правителя Испании (не сохранилось ли тут воспоминания о том, что Аркадий родился в Испании, откуда происходил и сам Феодосий?). Третий вариант П. опубликован в Казанском издании сочинений Максима Грека и перепечатан Порфирием Успенским, решительно отвергшим атрибуцию П. святоторцу.

Изд.: Рай мысленный. Иверский мон., 1658—1659. Л. 9—10 об.; Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862. Ч. 3. С. 113—115; П о р ф и р и й [У с п е н с к и й]. История Афона. Ч. 2. Афон христианский, мирский. Киев, 1877. С. 146—147; Ч. 3. Афон монашеский. СПб., 1892. Отд. 2. С. 456—457; Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иеродиакона Дамаскина (1701—1706) / Сообщ. архимандрит Леонид. СПб., 1883. С. 23—24 (ПДП. Т. 43); Ш м е д т С. О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 361—362.

Лит.: Куст отрока (Афонское предание) // Духовная беседа. 1859. № 38. С. 412; M i l l e r E. Le Mont Athos. Vatopédi. L'île de Thasos. Paris, 1889. P. 64; Вышний покров над Афоном, или Сказания о святых чудотворных на Афоне прославившихся иконах. 9-е изд., испр. и доп. М., 1902. С. 66—68; С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 332; G e l z e r H. Vom Heiligen Berge und

aus Makedonien. Leipzig, 1904. S. 11—12; D a w k i n s R. M. The Monks of Athos. London, 1936. P. 111—112, 289—292; И в а н о в А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. № 328. С. 197; К а г а н М. Д., П о н ы р к о Н. В., Р о ж д е с т в е н с к а я М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 68—69.

Д. М. Буланин

Повесть о взятии Царьграда см. *Нестор Искандер; Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г.*

Повесть о видении пономаря Тарасия см. *Видение хутынского пономаря Тарасия.*

Повесть о втором браке Василия III — рассказ о событиях 1525 г., когда *Василий III* развелся с бесплодной женой Саломонией Сабуровой, насильно постриг ее в монахини и через два месяца женился на Елене Васильевне Глинской, будущей матери *Ивана Грозного*. В старшем списке нач. XVII в. ГПБ, Q.XVII.134 П. озаглавлена «Выпись из святогорские грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичю о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради. Творение Паисеино, старца Серапонтского монастыря». Памятник был впервые опубликован О. Бодянским в 1847 г. по списку сер. XVII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1597, где грамота названа «государевой», а Паисий старцем «Ферапонтова» монастыря. Это дало основание первым исследователям (Филарету, Иконникову, Строеву) отождествить старца Паисия с писателем кон. XV в. *Паисием Ярославовым*. В 1870 г. Макарий подверг эту атрибуцию сомнению, а в 1902 г. о невозможности авторства Паисия Ярославова заявил А. Архангельский. Вопрос этот мог быть окончательно решен после установления в 1897 г. Н. Никольским даты смерти Паисия Ярославова — 22 декабря 1501 г. (Н и к о л ь с к и й Н. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897. С. XXXVII).

П. подробно рассказывает о том, как Василий советуется со старцем Симонова монастыря *Вассианом Патрикеевым* — представителем знатного боярства, «от роду кралеца», посылает грамоту к четырем вселенским патриархам с просьбой разрешить ему второй брак, наконец, получает послание от афонских старцев (не оконченное). Все, хотя и понимают необходимость для великого князя иметь наследника, считают второй брак незаконным. Иерусалимский патриарх Марк предвидит, что родившийся от такого брака наследник будет царем-мучителем, разрушителем царства, грабителем чужого имения: «И наполнится твое царство страсти и печали, и будут в та лета убивания, и муки величеству сарападасийских родов, и юнош нещадение, и ово на кола, а иным усечение главное и затоцы без милости, и мнози гради огнем попрани будут». Афонские инокки также, по-видимому, запрещают Василию второй брак, хотя особенно заинтересованы в укреплении Русского государства, подерживающего их богатыми подарками и защищающего монастыри от нападения турецких султанов. Василий III «исполнился ярости

и гнева» на Вассиана и его единомышленников — *Максима Грека*, *Савву Святогорца*, *Михаила Медоварцева* и других, подверг их опале и после осуждения на соборе разослал по монастырям. Развод и второй брак был одобрен митрополитом *Даниилом*.

Произведение мало соответствует своему заглавию: о грамоте святогорских монахов речь идет только в последней, третьей его части; первая часть — собственно П., обсуждающая обстоятельства развода Василия III, а вторая часть — рассказ о послании четырех патриархов и пророчество иерусалимского патриарха Марка.

С одной стороны, П. излагает исторические факты, приводит подлинные имена (кроме людей из круга Вассиана Патрикеева в ней фигурируют Досифей Сарский, Вассиан Топорков, Гык Трифон Ильин, посол Иван Колычев, Гавриил, прот Святой Горы в 1527 г., турецкие султаны — Баязет, Сулейман, Селим; точно названы афонские монастыри). С другой стороны, в П. много неточностей. Вассиан Патрикеев был сослан не после собора 1525 г., а после собора 1531 г.; еще пять лет после развода Василия III он занимал влиятельное положение, и, следовательно, не отношение его к разводу и второму браку великого князя было причиной опалы. Грамоту от патриархов в Москву вряд ли мог привезти посол Иван Колычев, уехавший в Крым в 1522 г., когда вопрос о разводе еще не стоял. Вообще никаких грамот патриархов Василию III до нас не дошло. Эта двойственность заставляла одних (например, Бодянского) видеть в П. подлинный исторический документ, других — публицистический памфлет, возникший гораздо позже тех событий, о которых в ней повествуется. Так, уже Н. М. Карамзин считал памятник «любопытным, но едва ли достоверным». Пророчество патриарха Марка о царе-мучителе явно имело в виду Ивана Грозного и, по словам Макария, относило П. ко времени не ранее 2-й пол. XVI в., а, может быть, и к периоду после смерти Ивана Грозного. Макарий полагал, что автор пользовался устными преданиями, изукрашенными и искаженными. В некоторых работах была высказана мысль о документальной основе произведения и даже об использовании в нем документов Посольского приказа (у С. Н. Чернова). М. Н. Тихомиров и С. О. Шмидт связывали предсказание Марка с казнями и пожарами начала царствования молодого Ивана IV и датировали П. 40-ми гг. XVI в. Н. А. Казакова считала более вероятным ее появление во время опричнины — в 70-х гг. XVI в. А. А. Зимин датировал памятник кон. XVI—нач. XVII в. Столь же противоречивые мнения высказывались относительно автора. М. Н. Тихомиров, видя в заглавии указание на Афонский Ксеропотамский монастырь, считал старца Паисия одним из иноков этого монастыря. Н. А. Казакова переносила возникновение П. на русскую почву, в среду оппозиционного боярства, пытавшегося связать свой протест против правления Грозного и опричнины с борьбой бояр и удельных князей против Ивана III и Василия III.

Исследователи отмечали сходство П. с сочинением *Андрея Курбского* — «Историей о великом князе Московском». В обоих памятниках высказана одна и та же версия о причинах опалы Вассиана;

склонность Грозного к тирании объяснялась преступным браком его отца. В зависимости от датировки П. делались предположения: она ли повлияла на сочинение Курбского или, напротив, сама испытала влияние «Истории».

Представляется убедительным, что произведение, направленное против самого факта рождения Ивана Грозного, появилось уже после смерти царя, в кон. XVI или нач. XVII в. В нем, возможно, осуждался не только второй брак Василия III, но и многие браки самого Ивана IV. П. могла отражать отношение представителей старого боярства к новым династиям (*Бориса Годунова* или Романовых), пытавшимся обосновать свои права на престол родством с Иваном IV. Это несомненно русское произведение, автор которого решил приписать далеко не безопасное в политическом отношении сочинение вымышленному афонскому иноку. Вероятно, в целях мистификации автор вводит в грамоту «святогорцев» слова, близкие к тюркским. Они не бессмысленны, как считалось до сих пор. По определению А. Д. Желтякова, если «урдюкели» — христиане — действительно трудно связать с каким-либо термином, то «ялдарила» — шапка Мономаха — может быть трансформацией слова со значением «сверкающий», «сияющий», употребленного применительно к определению власти («ялдырак», «ялдырык»), а названия племен соответствовать абиссинцам («хабяши»), албанцам («ароуны», «оруны»), жителям Тифлиса или вообще Картли («тефлизи»). Возможно, что автор познакомился с тюркскими словами на Востоке. Однако стиль и язык П. заставляют видеть в нем не служащего Посольского приказа, а скорее церковного деятеля, связанного с митрополичьей или патриаршей канцелярией.

П. была довольно популярна в XVII в., которым датируются восемь известных ее списков. Она привлекла внимание церковно-политического деятеля, сподвижника патриарха Никона Арсения Суханова: текст П., связанный с историей Максима Грека, помещен в принадлежащем ему Хронографе (ГПБ, Ф. XVII.17). Текст памятника был использован в так называемой компилятивной редакции «Истории о великом князе Московском» Курбского (кон. XVII — нач. XVIII в.) (Рыков в Ю. Д. Редакции «Истории» князя Курбского // АЕ за 1970 г. М., 1972. С. 130—134) и в статье, посвященной Максиму Греку, в сборнике ГБЛ, собр. Пискарева, № 160 (Белокуров в С. О библиотеке. . . Прил. С. СС).

Изд.: ЧОИДР. 1847. № 8. С. 1—10; Белокуров С. О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1898. Прил. С. V—XIV; Змиив А. А. Выписи о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 132—148.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 7. Примеч. 277; Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1870. Т. 7, кн. 1. С. 173—174, примеч. 242; Строев. Словарь. С. 221—222; Филарет. Обзор. С. 119; Голубинский. История церкви. 1900. Т. 2, 1-я пол. С. 732—733; Иконников В. С. 1) Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 900; Т. 2, кн. 2. С. 1809—1810; 2) Максим Грек и его время. 2-е изд. Киев, 1915. С. 455—456; Черно в С. Н. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 49, 55—56; Тихомиров М. Н. К вопросу о Выписи о втором браке царя Василия III // Сборник статей в честь академика А. И. Собо-

левского. Л., 1928. С. 21—94; К а з а к о в а Н. А. 1) *Вассиан Патрикеев и его сочинения*. М.; Л., 1960. С. 68—71; 2) *Очерки по истории русской общественной мысли*. Первая треть XVI в. Л., 1970. С. 115—120; Ш м и д т С. О. *О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III // Новое о прошлом нашей страны*. М., 1967. С. 110—122; Н а с о н о в А. Н. *История русского летописания XI—начала XVIII в.* М., 1969. С. 486—487; З и м и н А. А. 1) *Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.)*. М., 1972. С. 277—278, 294; 2) *О методике изучения повествовательных источников XVI в. // Источниковедение отечественной истории*. М., 1973. Т. 1. С. 196—205; С и н и ц ы н а Н. В. *Максим Грек в России*. М., 1977. С. 144—145.

М. Д. Казан

Повесть о Выдронуской иконе богородицы см. Токмаков Г. И.

Повесть о грешной матери — средневековая церковная легенда. В рукописях П. называется по-разному: «Повесть зело полезна, како сын матерь свою избави от муки» (ГПБ, собр. Погодина, № 1603), «О иноке, избавльшем матерь свою от вечного мучения блудно живущую, а свою руку опалившем в смраде, в ней же горе она» (ГПБ, собр. Погодина, № 1383), «Повесть о некоем странном человеце, иже матерь свою молитвою избави от муки милостыни ради» (ГПБ, Солов. собр., № 315/295), «Повесть полезна о некоем, иже левою рукою ядыше» (ГПБ, Ф. I. 323).

П. призвана была служить свидетельством того, что молитвою и милостынею можно спасти от вечных мук грешные души усопших. В ней рассказывается о некоем благочестивом христианине, который после смерти своей блудной матери раздал церквям и нищим всежитое ею грешным путем богатство. Желая удостовериться в том, что он избавил этим мать от адских мук, благочестивый муж приходит в пещеру, к старцу, прославившемуся даром прозрения. Простояв по совету старца семь суток в очерченном посохом круге, благочестивый муж увидел по левую сторону от себя смрадное болото, в котором вместе с другими грешниками находилась и его мать. Схватив мать за волосы, сын вытащил ее из болота и перенес направо, в купель чистой, благоуханной воды. Запаханная в смрадном болоте правая рука сына смердила, но старец посоветовал ему не огорчаться, так как это лучшее свидетельство того, что все виденное им — действительность. Отрезав часть своей святой мантии, старец обвязал смердящую руку, и смрад сменился благоуханием.

Самый ранний из известных списков П. датируется XVI в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1287, л. 178 об.). В этой рукописи П. объединена с тремя другими повестями общим заглавием: «Повести душеполезны писаны ис Патерика». А. Ф. Бычков (*Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. публичной библиотеки*. СПб., 1882. Ч. 1. С. 12) уточняет источник: «Четыре сказания из Скитского Патерика». Это указание, однако, еще нуждается в проверке.

В кон. XVI—нач. XVII в. П. была включена в *Синодик* (см. *Синодик* этого времени из собр. Ундольского, № 156), где богато иллюстрировалась. В рукописи ГПБ, Ф. I. 323 число миниатюр к ней достигает 20. Е. В. Петухов (*Очерки... С. 201*) считал, что в *Синодик* П. попала

из «Великого Зеркала», однако это неверно, так как в Синодик она включена раньше, чем в сборник «Великое Зерцало», который был переведен с польского в 1677 г. и в который П. была добавлена уже на русской почве (В л а д и м и р о в П. В. «Великое зеркало». С. 49). В сборнике «Великое Зерцало» П. не имеет постоянного места. В списке ГПБ, собр. Погодина, № 1383 она приписана последней, 909-й главой, а в списке ГИМ, собр. Уварова, № 412 (55) П. занимает 113-ю главу с указанием: «Выписано из Цветословия». П. В. Владимирова полагал, что в «Великое Зерцало» П. попала из Пролога («Великое Зерцало». С. 49), однако это утверждение тоже нуждается в проверке.

Изд.: ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 99—100.

Лит.: В л а д и м и р о в П. В. «Великое Зерцало»: (из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884. С. 49, 50, 85; П е т у х о в Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 143, 201.

Л. В. Соколова

Повесть о двух посольствах — литературно-публицистическое произведение, возникшее на рубеже XVI—XVII вв. Темой ее послужили подлинные посольства времени *Ивана IV*: в 1570 г. — посольство Андрея Ищеина-Кузьминского к турецкому султану в Константинополь, в 1576 г. — князя Захария Сугорского и дьяка Андрея Арцыбашева к Максимилиану II Габсбургу в Регенсбург, в 1577—1578 гг. — Ждана Квашнина к цесарю Рудольфу в Вену. На этой исторической основе были созданы вымышленные (как их принято было называть «подложные») статейные списки.

Стержнем П., состоящей из трех в известной мере самостоятельных частей, служит тема титулов. Андрей Ищеин послан к султану с жалобой на его «посаженника» — вассала крымского хана. Турецкий султан угрожает царю тем, что велит «Русь пленить» и «Москву засесть», а русского царя взять в плен. В ответ на оскорбительные речи Андрей Ищеин кидается на султана «з будеем» — кинжалом. Султанские паши, схватив посла, приговаривают его к казни, однако султан «не велел его вредить ничем» и поставил его смелый поступок в пример своим приближенным: «. . . тако за своего государя изволил умерети, и вы мне тако ж служите и за меня умирайте». Султан упрекнул русского царя за неверное титулование: он одинаково титулует и турецкого султана, и независимого от него крымского хана и «тем себя безчестит». Посольство к цесарю Максимилиану послано за тем, чтобы узнать, «коим обычаем» пишет свои титулы турецкий султан к европейским государям. Дается описание города «Ведны», императорского дворца, цесарского двора, самого цесаря. Цесарь принимает русского посла с великою честью, передает ему слова мудрых философов об Иване Грозном, «что он подобен храбростью и ратью Александру царю Макидонскому», а «возрастом и досужеством» — царю Константину. Однако Максимилиан предсказывает, что в Русской земле будет «смятение великое» из-за несогласия властей, которое продлится лет десять. К пророчеству Максимилиана примыкает и его рассказ о «подручнике» Михаиле, вырезанном из

чрева мертвой матери, очень близкий к некоторым апокрифическим текстам. Максимилиан предсказывает, что спасенный в разрушенном землетрясением городе Мелхиле и воспитанный им Михаил станет царем в «великой области». Если трудно представить себе, кто имелся в виду под этим именем в момент создания П., то несомненно, что впоследствии читатели видели в нем намек на Михаила Романова, избранного на царство в 1613 г. Турецкая тема рассказа о посольстве Сугорского опирается на подлинные исторические события, ибо именно с посольством Сугорского и Арцыбашева связывали Габсбурги надежду на заключение широкого общеевропейского союза против турок. Третья часть П. — обмен дипломатическими грамотами между русским царем и турецким султаном.

В основе П. лежат подлинные дипломатические документы. Использование их в литературно-публицистических целях продолжает традиции публицистики XVI в. Но если челобитные *Ивана Пересветова* и послания царя *Ивана Грозного* были одновременно и документами, и публицистическими произведениями, рассчитанными на широкий круг читателей, то в XVII в. документальная форма полностью теряет свое деловое назначение, становясь литературным приемом. П. относится к жанру посольских повестей, предшественниками которых в древнерусской литературе можно считать *Сказание о Вавилоне* и *Сказание о Индийском царстве*. Политические идеи П. почерпнуты в государственной теории *Сказания о князьях Владимирских* и в политической доктрине «Москва — третий Рим», сформулированной в сочинениях старца *Филофея*. П. непосредственно восходит к политическим идеям челобитных *Ивана Пересветова*, текст которых, по всей видимости, был знаком ее автору. Из современных П. произведений очень близко к ней по теме и по жанровым признакам *Сказание о Кипрском острове*. На композицию П. оказал влияние фольклор. Так, центральный эпизод смелого посольства *Андрея Ищенина*, совпадающий и с аналогичным эпизодом посольства *Захарии Тютчева* к *Мамаю* в распространенной редакции *Сказания о Мамаевом побоище*, восходит к устному преданию «Про *Мамаю* безбожного», в котором также смело ведет себя перед *Мамаем* посол *Дмитрия Донского* *Захария Тютрин*. У *Генриха Штадена*, *Исаака Массы*, *Конрада Буссова*, *Самюэля Коллинза* встречаются рассказы о дерзких посланиях турецкого султана или крымского хана русскому царю и об издевательских подарках, отправленных в ответ, о смелом поведении послов при дворе *Ивана Грозного*. Возможно, что подобные рассказы бытовали в посольской среде в качестве устных легенд, составляли своеобразный «посольский фольклор», который и был использован в П. П. несомненно возникла в среде Посольского приказа, ставшего в XVII в. литературным центром.

П. распространялась в списках на протяжении XVII и XVIII вв. и известна в четырех редакциях. Первая редакция, краткая, сохранилась в списках нач. XVII—XVIII вв. Вторая редакция, распространенная, возникла вскоре после появления краткой редакции П. Ее ранние списки также датируются нач. XVII в. Текст несколько увеличен за счет стилистического распространения фраз, по содержа-

нию ее можно определить как этикетно-дипломатическую. Списки распространенной редакции, датирующиеся нач. XVII—XVIII вв., делятся на пять текстологических групп, каждая из которых отличается своими экспрессивно-повествовательными чертами. Во 2-й пол.—кон. XVII в. возникают третья и четвертая редакции П., третья — на основе текста распространенной редакции, четвертая — на основе текста третьей редакции. В младших редакциях тема посольств теряет свое значение, уступая место теме пророчеств. Третья редакция — сочинение антигодуновское, несущее на себе печать идеологии новой династии Романовых, стремившихся доказать законность наследования ими русского престола. Старообрядческая четвертая редакция отличается отрицательной характеристикой царя Алексея Михайловича; сборники, ее содержащие, по своему репертуару и происхождению связаны со старообрядческой средой.

Особой обработке подвергся текст П. в летописных компиляциях XVII в. В сложную летописную компиляцию 1-й пол. XVII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 184) попал текст распространенной редакции, в летописную компиляцию, основанную на выборках из *Летописи Никоновской* (ГПБ, собр. Погодина, № 1408), — текст краткой редакции, в летописно-хронографическую компиляцию 2-й пол. XVII в. (ГПБ, Ф.XVII.17, рукопись, принадлежавшая Арсеню Суханову) — третья редакция. В каждом из этих случаев текст П. приспособлялся к структуре и повествовательным особенностям летописного изложения. Текст П., а именно центральный эпизод о посольстве Ищеина — его покушение на султана, послужил источником для другого сочинения — вымышленного посольства Шарана Веригина, дошедшего до нас всего в нескольких списках 2-й пол. XVII в.

Изд.: К а г а н М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 218—254.

Лит.: З и м и н А. А. Пересветов и его современники. М.; Л., 1958. С. 236, 251, 440—441, 476; Л и х а ч е в Д. С. 1) Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 50—51; 2) Развитие русской литературы X—XIII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 54, 70—71, 130—133, 162—163; В и н о г р а д о в В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 24; Б е л о б р о в а О. А. Кипрский диак в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 3—4, 25—26, 54; К а г а н М. Д. Посольские повести: (Из истории литературной деятельности Посольского приказа в начале XVII века): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1978.

М. Д. Каган

Повесть о Дмитрие Басарге и его сыне Борзосмысле (в списках также: «Сказание о трех царей: Оркадии, о царе Несмеяне Гордом и о царе Борзосмысле Дмитриевиче»; «Сказание-повесть о царе Борзосмысле Дмитриевиче и о мудрых его загатках»; «Слово о богатом купце и о сыне премудром и о рабе его»; «Сказание рускаго купца Дмитрия, како божиим повелением уби нечестиваго царя. . .»; «Повесть о киевском купце Димитрия и о семилетнем его сыне Васили»; «Повесть о некоем купце богобоязливом и о детище его» и др.) — повесть, созданная русским книжником на основе популярного «ми-

рового сюжета» о жестоком правителе, загадывающем трудные загадки, и о подставном лице, мудром «простаке», отгадывающем их вместо того, кому они были заданы (анекдот об императоре и аббате»; по международной классификации А. Аарне — сюжет № 922). В П. роль жестокого правителя играет царь Несмеян Гордый, а мудрого «простака» — сын кушца Басарги семилетний Борзосмысл.

П. о Дмитрие Басарге дошла до нас в нескольких десятках списков XVII—XIX вв. (наиболее ранний список нач. XVII в., находившийся в Соловецком монастыре, был известен исследователям до 1915 г., но местонахождение его в настоящее время неизвестно), в связи с чем ее иногда относят к XVII в. Однако такая датировка не представляется обязательной. Целый ряд литературных памятников весьма древнего происхождения (например, *Девгениево деяние*) дошел также в списках не ранее XVII в.; в рукописной традиции большинства произведений светской беллетристики наблюдается характерный перерыв в XVI в. Дошедшие до нас списки П. распадаются на несколько редакций, причем древнейшей из них может считаться «антиохийская редакция», в которой купец Басарга с сыном попадает в Антиохию, где царствует царь «латинянин» Несмеян. Антиохия в Малой Азии была захвачена католическими крестоносцами в кон. XI в., борьба за Антиохию между «латинянами» и православными (Византией) происходила в XII—XIII вв. С кон. XV в. на Ближнем Востоке началось наступление турок; в нач. XVI в. они завоевали Антиохию. Ситуация, описанная в П., с этого времени совершенно потеряла свою актуальность; очевидно, П. была создана до кон. XV—нач. XVI в. С этим же периодом связывают «Повесть о Дмитрие Басарге» и ее «антилатинский» пафос, близость ее к «писаниям, еже на латыню» и к легендарно-политическим повестям времени складывания Русского государства (*Сказание о князьях Владимирских*, *Сказание о Вавилоне* и т. д.).

Важной особенностью П. является явная и заведомая вымышленность ее героев: купец Дмитрий Басарга (от турецко-болгарского «базарган» — купец), его сын Борзосмысл, царь Несмеян Гордый — все они явно не исторические, а скорее сказочные персонажи. Такие персонажи не были совершенно неизвестны русской литературе XV в. (три отрока в *Сказании о Вавилоне*, безмянный старец из *Повести о старце, просившем руки царской дочери*, сказочные звери в переводных повестях, например в *Стефаните и Ихнилате*), но представляли собой довольно редкое явление в письменности того времени. Традиционным нормам литературного этикета противоречило и поведение персонажей. Борзосмысл был не по-детски мудр, но в отличие от житийных героев он вовсе не обнаруживал отвращения к «играм детским» и «пустошным забавам»: когда его отец пришел на корабле с печальной вестью о приказе царя Несмеяна решить три загадки или же обратиться в «латинство» под угрозой смертной казни, сын его скакал на палубе верхом «на древе» (палочке), «яко на кони».

Связь П. с беллетристическими памятниками, появившимися на Руси в XV в., обнаруживается в центральной сцене П. — когда

юный Борзосмысл вместе с отцом и рабом является к Несмеяну для того, чтобы разгадать загадки: царь приказывает поднести каждому из пришельцев по чаше с медом; Борзосмысл и его спутники не отдают их назад, а прячут «в недра своя». Этот мотив заимствован из *Александрии сербской*, где таким же образом поступал царь Александр, явившийся к персидскому царю под видом посла; но в Александрии этот эпизод имел сюжетное значение, потому что спрятанные чаши служили потом Александру своеобразным пропуском, когда он убежал из дворца. В П. нет истории с бегством, и весь этот мотив представляется неоправданным и явно заимствованным.

С памятниками сюжетного повествования Древней Руси связывает П. и тема разгадывания загадок, фигурирующая во многих произведениях древнерусской беллетристики (*Повесть о Акире Премудром*, *Апокрифы о Соломоне*, *Повесть о Петре и Февронии*). Загадки решает Борзосмысл за своего отца Басаргу. Первая из них: «Как далеко от востока до запада?» (отгадка — день пути солнца); вторая: «Чего в мире десятая часть убывает за день и пребывает за ночь?» (отгадка — десятая часть воды в морях, реках и озерах). Для решения третьей загадки («чтобы поганые не смеялись. . . православным христианом») мальчик просит дать ему царские одежды и меч и собрать весь народ Антиохии. Борзосмысл спрашивает народ, в какую веру они хотят верить, народ высказывается за православие, Борзосмысл отрубает голову Несмеяну и сам становится царем.

Окончание П. различается в разных ее версиях. В списке ГБЛ, ф. 236, № 71, отражающем, по-видимому, первоначальный текст антиохийской редакции, П. кончается воцарением Борзосмысла и освобождением из заточения антиохийского патриарха. В других списках той же редакции появился дополнительный мотив, заимствованный из поздней версии цикла Сказания о Вавилоне, — о «роге с маслом», вскипевшем над головой Борзосмысла, когда патриарх ввел его в церковь. Появляется здесь и новая концовка — о том, что после воцарения Борзосмысла его отец Басарга «под ним бысть вторым царем», — концовка эта, возможно, отражает взаимоотношения между Михаилом Федоровичем, избранным на царство в 1613 г., и его отцом — патриархом Филаретом. Текст антиохийской редакции с интерполяциями лег в основу «киевской редакции» (где Басарга именуется русским кушцом из Киева, приезжающим в некий «град»), породившей, в свою очередь, более поздние редакции — «басурманскую» (где злой царь оказывается не «латинянином», а «басурманом») и «венецианскую» (где Басарга приплывает не в Антиохию, а в Венецию).

Изд.: Русские повести XVII—XVIII вв. / Под ред. и с предисл. В. В. Сиповского. СПб., 1905. Т. 1. С. 296—297; Повесть о купце Дмитрие Басарге и сыне его Борзосмысле // Русские повести XV—XVI веков. Л., 1958. С. 79—84, 244—250, 398—406; Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исслед. и подгот. текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969 (Л у р ь е Я. С. [Рецензия] // ИЮЛЯ. 1970. Т. 29. С. 348—352); ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 566—576.

Лит.: Крамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 7. С. 223; Пыпин А. Очерк литературной истории старинных повестей и

сказок русских. СПб., 1857. С. 95—99; В е с е л о в с к и й А. Н. 1) Повести // Г а л а х о в А. История русской словесности, древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1. С. 426—427; 2) Несколько данных к Повести о Басарге // ИОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 2. С. 63—73; П е р е т ц В. П. Отзыв о сочинении на тему «Повесть о купце Басарге» // Университетские известия. Киев, 1914. № 9. С. 33—36; A n d e r s o n W. Kaiser und Abt. Helsinki, 1923 (русский текст первой части этой книги см.: А н д е р с о н В. И. Император и аббат: История одного народного анекдота. Казань, 1916. Т. 1); Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 363—365, 372—375, 383—386; Ш а й к и н А. А. «Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле» и народная сказка // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 214—222.

Я. С. Лурье

Повесть о Довмонте — памятник псковской литературы, неоднократно перерабатывалась, дошла до нас в нескольких летописных и внелетописных редакциях XIV—XVII вв. Жизнеописание Довмонта, чье тридцатитрехлетнее княжение (1266—1299 гг.) было для Пскова временем побед над внешними врагами и началом политической независимости от Новгорода, составлено во 2-й четв. XIV в. Это был значительный момент в экономическом развитии Пскова, в борьбе за церковную и политическую самостоятельность. В это время закладываются основы псковской историографии, в псковских летописях с первых десятилетий XIV в. появляются регулярные записи и обширные историко-литературные рассказы псковского происхождения. С работой по сбору и обработке исторического материала, развернувшейся в Пскове во 2-й четв. XIV в., связано и составление П. Первоначальная ее редакция дошла до нас в составе *Летописи Псковской I*, где П. является своеобразным вступлением, и в сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 279.

Композиция П. проста, она состоит из нескольких рассказов и сообщений о походах Довмонта в литовские и ливонские земли, о победах князя у стен Пскова. В 1266 г. литовский князь Довмонт вместе с дружиной прибежал в Псков, ибо «побихася Литва межю собою», крестился (христианское имя — Тимофей) и был посажен на псковский стол. Сразу же после избрания на псковское княжение Довмонт совершил поход в земля литовского князя Герденя, взял в плен его жену и двух детей, на реке Двине состоялась битва с литовской погоней, закончившаяся победой псковичей. В 1268 г. Довмонт участвует в походе русских князей во главе с Дмитрием Александровичем на Раковор, а затем самостоятельно идет в Поморье и возвращается с богатой добычей. «И славна бысть вся земля его во всех странах страхом грозы храбрѣства князя Дмитрея, и зятя его князя Довмонта, и мужи ею новгородцов и пскович», — с гордостью завершает свое сообщение об этом походе автор П. Когда вскоре ливонцы стали разорять псковские земли, Довмонт, «не терпя обидим быти», выезжает в погоню и на реке Мироповне побеждает врагов. Услышав о мужестве Довмонта, к Пскову едет магистр Ливонского ордена. Довмонт с малою дружиною, «во множестве ярости мужьства своего», выезжает на битву и обращает ливонцев в бегство. Вновь ливонцы совершают насилия над псковскими землями, а Довмонт,

«не терпя обидим быти», едет в их земли и пленяет их. 4 марта 1299 г. ливонские рыцари разоряют псковский посад, убивают монахов, жен и детей, осаждают сам Псков. Довмонт в битве у церкви Петра и Павла «на бреге» вновь одерживает победу. Далее в П. следует похвала Довмонту, в которой автор описывает христианские добродетели князя и его воинскую доблесть, сравнивает его ратные успехи с победами Александра Невского и Дмитрия Александровича. Затем следует сообщение о болезни, смерти (20 мая) и погребении князя, о «жалости великой» псковичей.

По своей тематике и структуре П. — жизнеописание князя, уже в XIV в. почитавшегося в Пскове святым. Однако на житие П. не похожа, ее отличает прежде всего светский идеал князя, в котором нашли отражение псковские представления о «благом» князе: это в первую очередь воин, готовый в любую минуту встать на защиту города. Из всех достоинств князя главными оказываются активность, решительность, обостренное чувство чести, горячность, бесстрашие. Не житиен и стиль жизнеописания Довмонта, П. лишена назидательности и отвлеченности, повествовательную манеру ее автора характеризует стремление к конкретности, обстоятельности. П. свойственно непосредственное отражение событий, что характерно для летописного стиля. С псковскими летописными статьями 1-й пол. XIV в. П. сближает множество общих формул в описании силы, оснащения и намерений врага, самого хода битвы, есть в них и прямые цитаты из П. (боевой призыв Довмонта). Роднит П. и псковские летописи любовь к меткой пословичной речи. Автор П. был хорошо знаком и с традициями княжеских жизнеописаний и ориентировался на непсковские литературные образцы — Первую редакцию *Повести о житии Александра Невского*, Проложное житие князя Владимира (с ним совпадает рассказ о крещении Довмонта), но главным литературным источником для автора П. была Особая редакция Жития Александра Невского. По прориси рассказа о шествии шведов и битве на Неве составлено описание битвы Довмонта с магистром Ливонского ордена, сообщение о походе Довмонта в Поморье сходно с описанием похода Александра Невского на Емь, по мотивам Особой редакции составлена заключительная похвала Довмонту. Литературные заимствования и параллели должны были подчеркнуть историческое значение деятельности псковского князя, уподобить его ратные успехи победам Александра Невского и его сына Дмитрия Александровича.

Проложная редакция П. (кон. XIV в.) дает очень краткую, в несколько строк, характеристику жизни и деятельности Довмонта. Текст Проложной редакции обнаруживает сходство с первоначальной редакцией (ПІІ) и редакцией ПІІІ, определенно решить вопрос о том, восходит ли Проложная редакция к первоначальной или, наоборот, сама является ее источником, невозможно.

П. в составе ПІІІ (кон. XV в.) значительно отличается от редакции ПІІ. В редакции ПІІІ не читаются заключительная похвала Довмонту, описание похода в Поморье, которое заканчивается словословием храбрости Дмитрия Александровича и Довмонта, дается

иной вариант сообщения о Раковорском походе, во многих эпизодах исключены упоминания о «мужах псковичах». Эти изменения можно объяснить московскими симпатиями и антивечевой позицией редактора ПИЛ (свод 1486 г.). Деятельность Довмонта в изображении автора редакции ПИЛ выглядела независимой от власти великого князя, столь явное возвеличивание заслуг Довмонта не могло удовлетворить редактора ПИЛ, чьи политические симпатии были на стороне князей московских, поэтому он и устранил из П. те фрагменты, которые не отвечали его представлениям о должных отношениях между псковским князем и великими князьями. Антивечевая позиция редактора ПИЛ проявляется в стремлении придать деятельности Довмонта большую независимость от воли и советов «мужей псковичей». Если в редакции ПИЛ «мужи псковичи» сажают князя на псковский стол, дают ему советы, сопутствуют во всех походах, то редактор ПИЛ часто опускает упоминания об участии «мужей псковичей» в делах князя. Кроме того, редактором ПИЛ в тексте П., как и в тексте всей летописи, сделаны стилистические сокращения и поправки.

П. в составе ПИЛ близка редакции ПИЛ, основное отличие заключается в расстановке дат, вызванной включением П. в хронологический ряд, в более полной титулатуре святых, несколько иной редакции цитат из Священного писания.

В сер. XV в. П. вошла в состав общерусского летописного свода, протографа *Летописей Софийской I* и *Новгородской IV*, его редактор почти полностью включил в состав памятника текст П., близкий редакции ПИЛ, разбил его на погодные статьи, соединил с известиями о Довмонте *Летописи Новгородской I* старшего извода, внес некоторые изменения, вызванные идейно-политическими тенденциями памятника, общерусского по своему характеру. В своде сер. XV в. не читалась, по-видимому, похвала Довмонту, ее нет ни в СИЛ, ни в новгородских летописях, ни в одной другой летописи XV—XVI вв. Более полное представление о П. в составе общерусского свода сер. XV в. дает СИЛ, в новгородских летописях (НИЛ, ПИЛ и др.) текст П. сокращен, исключены молитвы, характеристики князя, описания встреч князя псковичами и другие детали литературно-эпического характера. После всех изменений подробные описания событий превратились в лаконичные погодные записи. Движение текста П. в составе летописей XV—XVI вв. повторяет основные этапы развития русского летописания, соответствует общей схеме взаимоотношений летописных сводов.

Хронографическая редакция П. составлена в XVI в. (после 1538 г.), ее текст почти полностью совпадает со статьями о Довмонте в НВЛ по спискам Погодинскому и Академическому. Собственно составителю Хронографической редакции принадлежит краткое описание кончины и погребения князя, плача Пскова, а также сообщение о чуде у раки Довмонта (исцеление слепой), датируемое 1538 г.

Средняя редакция П. восходит к общему с Хронографической редакцией протографу. Изменения, внесенные в текст составителем Средней редакции, тенденциозны, они выдают в ее авторе псковича,

который не очень почтительно относился к московским князьям, не хотел придавать особого значения участию новгородцев в победах Довмонта и указывать на зависимость псковского князя от великих князей. Автор Средней редакции вводит в текст П. сообщения о строительстве Довмонтом церквей, дает иную датировку событий, сообщает много живых деталей и подробностей, о которых мог знать, кажется, только участник событий. Новые подробности в описании событий, в которых Н. И. Серебрянский видел отражение древних записей, внесены составителем Средней редакции, являются его собственными разъяснениями поступков, слов, ситуаций, их причин и смысла. Пояснения автора Средней редакции отличаются житейской разумностью, они далеки от условно-литературных распространений, свойственных редакциям XVI в. Стилистических изменений автор Средней редакции не вносит, повествование остается столь же лаконичным, простым, неукрашенным, как и в его источнике, восходящем к летописи. Одно из важных дополнений Средней редакции — это рассказ о литовском периоде жизни Довмонта, его родословной и причинах побега в Псков. Более полно об этом повествуется в «Сказании о блаженном и приснопамятном князе Вышелеге Литовском, брате благоверного князя Доманта», отдельном произведении, которое можно считать дополнением к П.; Сказание читается либо до, либо после Средней редакции П.

Распространенная редакция П. (кон. XVI—нач. XVII в.) представляет собою типичное житие князя, композиция Распространенной редакции, трактовка исторических событий, сам образ князя полностью отвечают агиографическим канонам XVI в. Начинается Распространенная редакция традиционным для жития вступлением, заканчивается описанием трех чудес и молитвенным обращением к святому; рассказы о победах князя сопровождаются пафосными комментариями и пространными агиографическими характеристиками; поступки Довмонта, его походы получают религиозную мотивировку. Книжная лексика, несколько искусственный синтаксис, ритм которого тяжеловат, но торжествен, яркие воинские формулы, из которых складываются картины битв, библейские цитаты, аналогии и уподобления — такие особенности отличают рассказ о Довмонте в Распространенной редакции. В художественном отношении это памятник, автору которого свойственна высокая культура владения словом и стилем, канонами жанра.

Распространенная редакция представляет собою наиболее полный свод всех существовавших в XVI в. сведений о Довмонте. Однако автор Распространенной редакции не стремится к исторической точности, он свободно обращается с историческим материалом, обрабатывая и объясняя его согласно своим агиографическим задачам. Основным источником для автора Распространенной редакции была не дошедшая до нас редакция П., которая частично отразилась в рассказе о Довмонте Сокращенной литовской летописи (БАН, Арх. собр., № 193; ЦГАДА, собр. МГАМИД, ф. 181, № 365). По-видимому, редакция П., положенная в основу Распространенной редакции, была весьма своеобразной как по содержанию, так и по форме. Там, где

кончается рассказ о Довмонте Сокращенной литовской летописи (поход Довмонта в Литву), Распространенная редакция обнаруживает сходство в одних фрагментах с П. в редакции ПЛ, ППЛ, в других — с Хронографической редакцией, в третьих — с известиями о Довмонте общерусских летописей (СЛ и близких ей). Не исключено, что автор Распространенной редакции П. пользовался несколькими источниками.

Об обстоятельствах составления Распространенной редакции и ее авторе в тексте нет никаких указаний. Относительно автора существует мнение Н. И. Серебрянского, что им был Григорий, псково-печерский монах. Однако сопоставление произведений, принадлежащих Григорию, с Распространенной редакцией П. показывает, что они не могут принадлежать одному лицу, у их авторов разные представления о литературном каноне, разные требования к стилю. Григорий не так самостоятелен по отношению к источникам и не так изощрен в их обработке, как автор Распространенной редакции.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 180—183; 1851. Т. 5. С. 6—8; Некрасов И. Пахомий Серб, писатель XV в. Одесса, 1871. С. 69—70; Серебрянский И. Княжеские жития. С. 267—275. Прил. С. 138—156; Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 1—5; М., 1955. Вып. 2. С. 16—18, 82—87; ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 50—57; За землю Русскую: Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков. М., 1981. С. 224—233; Военские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 136—145; Охотников В. И. Повесть о Довмонте: Исследования и тексты. Л., 1985. С. 188—230.

Лит.: Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII—XIV столетиях. СПб., 1858; Орлов А. С. 1) Древнерусская литература XI—XVI вв. М.; Л., 1937. С. 227—229; 2) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 64—66; Андрианова-Перетц В. П. Повесть о Довмонте // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 138—142; Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ИЗ. М., 1946. Т. 18. С. 255—294; Скрипиль М. О. Литература второй четверти XIII века—1380-х годов // История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 165—167; Вегингов J. K. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavistik. 1971. Bd 16, H. 1. S. 88—103; Грабмüller H.-J. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur Russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975. S. 138—148, 160—167; Охотникова В. И. 1) Повесть о псковском князе Довмонте: К вопросу об источниках и авторе Распространенной редакции // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 261—278; 2) Летописная редакция Повести о Довмонте в сборнике из собрания Уварова // Там же. Т. 34. С. 116—126; 3) Повесть о Довмонте и псковские летописи: К вопросу о датировке Повести // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1980. С. 182—191; 4) Повесть о Довмонте и княжеские жизнеописания XI—XIV вв. // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 115—128; 5) Повесть о Довмонте в составе псковских летописей: К вопросу о старшей редакции Повести // Там же. С. 129—142.

В. И. Охотникова

Повесть о Дракуле см. Курицын Федор Васильевич.

Повесть о Евстратии — повесть кон. XV—нач. XVI в., которая, как установлено Н. П. Дубовик, создана в Волоколамском монастыре в кругах, близких к Иосифу Волоцкому, и может быть гипотетически атрибутирована ему самому: она включалась в сборники его сочинений, в ней использованы те же источники, что и в написанном

им «Просветителей», для П. характерны те же литературные приемы, что и в сочинениях, бесспорно принадлежащих Иосифу. В рукописях носит заглавия: «Слово от история о некоем мужи, бывшем воеводе в велицем Риме», «От история от Златоустовы кринице о воеводе в Риме», «От история о мужи, бывшем воеводе в Риму, от Златоустовы криницы».

П. композиционно состоит из двух частей. Первая, меньшая, ее часть повествует о Евстратии, в прошлом полководце, но затем оклеветанном и превратившемся в нищего слепца. Царь, узнав о судьбе Евстратия, хочет облагодетельствовать его, но тот отказывается. Большая часть текста П. — это пространный ответ Евстратия царю, по словам П. А. Сакулина — «обстоятельный трактат по аскетической философии», призы к покаянию и терпению. П. известна в 18 списках (перечень их см. в статье Н. П. Дубовик «К изучению. . .». С. 339—340). Исследовательница опровергла традиционное отождествление Евстратия с византийским полководцем Велизарием, установив, что поводом для него послужила обнаруженная А. Х. Востоковым глосса в одном из поздних списков П.

Изд.: Сакулин П. Н. Русская повесть о воеводе Евстратии: (К литературной истории саги о Велизарии) // Под знаменем науки. Юбилейный сб. в честь Н. И. Стороженка. М., 1902. С. 481—487.

Лит.: Восток в. Описание. С. 557; Кудрявцев И. М. Сборник последней четверти XV—нач. XVI в. из Музейного собрания: Материалы к исследованию // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 276; Дмитриев в Р. П. 1) Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 165; 2) Изучение русских рукописных четких сборников XV—XVI вв. // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 94; Лурье Я. С. Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 398, 403, 404; Дубовик Н. П. 1) К изучению Повести о воеводе Евстратии // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 335—344; 2) К проблеме атрибуции Повести о Евстратии // Там же. Л., 1974. Т. 29. С. 198—206.

О. В. Творогов

Повесть о Куликовской битве летописная — литературный памятник, посвященный битве «за Доном» «на усть Непрядвы», дошел в составе летописных сводов под 1380 (6888) г. Создание П. исследователи относили обычно к кон. XIV в. (С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматов, Л. В. Черепнин и др.). Спорным был лишь вопрос, какой из видов П. — краткий или пространный — считать первоначальным. В настоящее время представляется доказанным, что П. составлена на основе краткого рассказа «О побоище иже на Дону», отразившегося в *Летописце Рогожском* и *Летописи Симеоновской*. Первоначальные и наиболее полные тексты П. содержатся в *Летописях Софийской I* и *Новгородской IV* (а также в НВЛ, *Летописи Новгородской Карамзинской*). Все остальные ее тексты, подвергшиеся переработке — сокращению или распространению — восходят к тексту П. в составе этих летописей.

П., включившая в себя фактические данные рассказа «О побоище иже на Дону», содержит ряд новых подробностей: так, например,

наряду с главенствующей ролью в битве великого князя Дмитрия Ивановича подчеркнута и роль его двоюродного брата, князя Владимира Андреевича Серпуховского, сообщается о приходе на помощь Дмитрию сыновей литовского великого князя Ольгерда — Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского, рассказывается о гибели Мамае в Кафе. Автор П. опирался как на собственно исторические источники (в частности, на рассказ «О побоище иже на Дону» и на Синодик — перечень убитых), так и на источники литературные — *Повесть о житии Александра Невского* и краткую (паремийную) версию Чтения о Борисе и Глебе (см. *Нестор*): оба эти произведения о князьях-войнах давали автору П. материал для исторических аналогий. Кроме того, в тексте постоянно встречаются библейские цитаты; в описании скорби русских женщин использован фрагмент из апокрифического Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов.

В отличие от краткого рассказа «О побоище иже на Дону» П. обладает всеми чертами литературного повествования: событийная канва в ней дополнена новыми сюжетными линиями, шире использованы этикетные формулы, речи героев насыщены риторическими фигурами, изложение повышено эмоционально (особенно в изображении отрицательных героев). П. — произведение публицистическое, направленное в защиту объединения русских сил против врагов Русского государства. М. А. Салмина, исследовавшая П., датировала памятник кон. 40-х гг. XV в., однако вывод этот нельзя считать окончательным. Не исключено, что П. была создана много позднее (см. *Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго*).

Изд.: ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 311—320; Л., 1925. Вып. 2. С. 321—325; СПб., 1853. Т. 6. С. 90—98; *Летописная повесть о побоище на Дону* / Подгот. текст В. Ф. Ржиги // *Повести о Куликовской битве*. М., 1959. С. 29—40; Поле Куликово. Сказания о битве на Дону / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост., подгот. текстов, послесл. и примеч. Л. А. Дмитриева; Пер. Л. А. Дмитриева и В. В. Колесова. М., 1980. С. 51—59, 61—105; *Летописная повесть о Мамаевом побоище* / Пер. Л. А. Дмитриева // *На поле Куликовом: Рассказы русских летописей и воинские повести XIII—XV веков*. М., 1980. С. 131—152; *Летописная повесть о Куликовской битве* / Подгот. текста, пер. и коммент. М. А. Салминой // ПИДР. XIV—середина XV в. М., 1981. С. 112—131, 549—552; *Задонщина. Сказание о Мамаевом побоище* / Предисл. Б. Рыбакова; Послесл. Л. Дмитриева. М., 1981; *Краткая Летописная повесть* / Подгот. текст Л. А. Дмитриев // *Сказания и повести о Куликовской битве*. Л., 1982. С. 14—15; *Пространная Летописная повесть* / Подгот. текст Л. А. Дмитриев // Там же. С. 16—24.

Лит.: Ш а м б и н а г о С. К. *Повести о Мамаевом побоище*. СПб., 1906. С. 48—83, 92—94, 133—134, 142—165 (Ш а х м а т о в А. А. [Рецензия] // *Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премии митрополита Макария в 1907 г.* СПб., 1910); Т и х о м и р о в М. Н. *Куликовская битва 1380 года* // *Повести о Куликовской битве*. С. 345—376; Ч е р е п и н Л. В. *Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках*. М., 1960. С. 596—620; С а л м и н а М. А. 1) «*Летописная повесть*» о Куликовской битве и «*Задонщина*» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 344—384; 2) К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 98—124; 3) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 3—39; А з б е л е в С. Н. 1) *Повесть о Ку-*

ликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 164—172; 2) Об устных источниках летописных текстов: (на материале Куликовского цикла) // Там же. 1976. М., 1976. С. 78—101; Г р е к о в И. Б. 1) Восточная Европа и уадак Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 128—148, 314—341, 397—401, 418—421, 433—364; 2) Заключительная часть Троицкой летописи и проблема авторства летописного свода 1409 года // Сов. славяноведение. 1982. № 2. С. 43—48; Г р и х и н В. А. Отражение событий Куликовской битвы в «Летописной повести о побойце на Дону» // Вестн. Москов. ун-та. 1980. Филология. № 5. С. 3—10; Р о б и н с о н А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 10—38; Х о р о ш к е в и ч А. Л. О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4. С. 94—98, 101, 105; К и р и ч н и к о в А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 3—9; Д м и т р и е в Л. А. 1) Куликовская битва 1380 года в литературных памятниках Древней Руси // РЛ. 1980. № 3. С. 3—29; 2) Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 306—359.

М. А. Салмина

Повесть о Луке Колоцком (в рукописной традиции известна под названиями: «О явлении чудотворного образа пречистыя богородицы и о начале монастыря ея Колочскаго»; «Сказание о явлении чудотворного образа пречистыя богородицы, иже на Колоче»; «Слово о явлении чудотворного образа пречистыя богородицы и о начале монастыря ея Колочскаго»; «Повесть о явлении чудотворных икон пречистыя владычицы наша богородицы и присно девы Марии в Можайских пределах») — памятник литературы кон. XV—нач. XVI в. П. рассказывает об основании одного из можайских монастырей; в основе ее сюжета лежат события 1413 г. на Колоче, в 15 верстах от Можайска, где простому поселянину явилась икона божией матери. М. О. Скрипиль приводит П. в качестве примера такого жанра древнерусской литературы, который «стоит на грани церковной легенды и светской историко-бытовой повести» (С к р и п и л ь М. О. Опыты изучения древнерусской историко-бытовой повести. Докт. дис. Машинопись. С. 444—445). В комментарии к изданию П. 1958 г. М. О. Скрипиль ограничивается общими замечаниями о ней. Он пишет, что памятник появился не позднее 1-й пол. XVI в. и что в основе сюжета лежит устное сказание.

Зерно фабулы П. сохранили почти все общерусские летописи XV в. Большой интерес к событиям на Колоче проявили летописи независимого характера, потому что «чудесами и видениями защищались областные сепаратисты от наступления централизующей московской власти» (А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 гг. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 9). Летописные материалы XV в. свидетельствуют о том, что к формированию сюжета П. имел отношение Кирилло-Белозерский монастырь, патрональный монастырь можайских князей, который в последней четв. XV в. был замешан в конфликте великого московского князя с митрополитом *Геронтием*. Полный текст П. дают лишь летописи XVI в. *Летопись Никонская* под 1413 г. рассказывает о том, что «некий человек, именем Лука, простых людей, ратоев убогих, последний в нищете сый, на некоем древе, в некоем месте наиде икону», что от нее многие исцели-

лись, и ходил Лука из Колочи к Можайску, где «изыде во сретение князь Андрей Дмитриевич», а «оттуда поиде Лука со иконою к Москве и сретоша ея митрополит со епископы». Так ходил Лука «от града во град, и все давали ему имени многа в милостыню» и стали чтить его, «яко апостола». Возвратившись в Колочу, он построил церковь и дом себе «созда, яко некий князь, и в житие неполезное» пустился: стал грабить сокольников, ловчих князя Андрея Дмитриевича. «Князь же Андрей Дмитриевич терпяше вся сия, иногда же и посылаше к нему, он же к нему сурово и жестоко отщещеваше, князь Андрей же Дмитриевич с смирением и терпением умлщаваше». Лука же «начал ловчих князь Андреевых бити и грабити, и медведи с ларми взимае к себе». Но один ловчий князя решил проучить дерзкого Луку: однажды он «улови медведя, велми зла и люта суща, и повеле его вести близ двора Лукина. . . Ловчий же лукавство сътвори над Лукою и в той час пусти медведя, Луке не отшедшу. И прииде медведь на Луку и едва отняша Луку от медведя, точию дыхание в ноздрех имуща». Князь Андрей Дмитриевич, видя живого Луку, обращается к нему с речью о «неполезном» житии Луки и о законном наказании, его постигшем: «. . . почто еси бесовское позорище и плясание възлюбил и пианству совокупился? како тя бог прославил своєю матери богородици образом чудотворным, ты же сия ни во что же положи, но к неполезному к мирскому житию шшел еси, так тебе и случися». Лука раскаивается, просит князя распорядиться его богатством, князь строит монастырь, Лука в нем постригается и живет до своей кончины.

II. вошла в состав крупных летописных сводов XVI—XVII вв. и представлена в них тремя редакциями. Никоновская летопись, Румянцевская (ГБЛ, ф. 256, № 255), Архивский летописец (ЦГАДА, ф. 181, № 11) содержат редакцию Летописную 1 (*Л-1*), свод 1533 г. (ГИМ, собр. Черткова, № 115; ЦГАДА, ф. 201, № 48) — редакцию Летописную 2 (*Л-2*), свод кон. XVI в. (ГИМ, Музейск. собр., № 3058), свод 1652 г. (ГБЛ, собр. Большакова, № 423) — редакцию Летописную 3 (*Л-3*). В своем развитии II. утрачивала беллетристические элементы и приобретала окраску церковной легенды, мотив явления иконы привлекал большее внимание книжников и тщательнее ими выписывался. Рассказ о Луке, подробно переданный в *Л-1*, в следующих редакциях сокращается, сюжет II. начинает трактоваться с точки зрения христианской морали. Так, в *Л-2* редактор объясняет, что князь терпел бесчинства Луки «шречистыя ради богоматере», образ смиренного и терпеливого князя оправдывается его боготерпимостью, тогда как в *Л-1* потомок московских князей оказывается бессильным в конфликте с убогим земледельцем. *Л-2* оказалась наиболее перспективной в литературной истории II., она легла в основу следующей редакции, которая вошла в Степенную книгу (редакция *Ст*), где сюжет еще более нивелировался в духе прославления предков великих московских князей и норм христианской морали, а наказание Луки получает следующее объяснение: «Человеколюбивый бог, иже судьбами своими хотяи спастися и в разум истинный приити и тако и сего Луку не презре в нечювствии пребывающа, но прежде

конца на покаяние обрати его сидевым образом». В таком виде П. вошла в состав многочисленных сборников смешанного состава XVI—XX вв.

На основе редакции *Ст* складываются в XVII в. Краткая редакция (*К*), Синодальная (*Синод*), Проложная (*Пр*). В *К* нет рассказа о неправедной жизни Луки, весь сюжет построен на мотиве явления иконы; *К* вошла в печатный Пролог 1662 г., Латухинскую степенную пространной редакции и в сборники XVII—XVIII вв. *Пр* известна в одном списке (ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1296, кон. XVII в.), главной особенностью этой редакции является сокращение беллетристических элементов. Единственным списком представлена *Синод* (ГИМ, Синод. собр., № VI-1200, 2-я пол. XVII в.), которая отличается чертами местного сказания. Завершает летописную историю П. *Л-З*. Эта редакция текстологически связана с *Л-2*, но уделяет большее внимание религиозным мотивам, что отличает и другие редакции XVIII в. Списки П. в сборниках XVII—XX вв. не позволяют выделить особых вариантов и редакций, так как не имеют существенных различий и восходят к *Ст*. В это время П. представляла собой уже «мертвый» текст, который переписывался в сборниках, составлявшихся по теме: сказания об иконах, явившихся на Руси.

Изд.: Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 221—223; Книга Степенная царского родословия // Там же. СПб., 1908. Т. 21, ч. 2. С. 446—448; Мазуринский летописец // Там же. М., 1968. Т. 31. С. 99—100; Русские повести XV—XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1958. С. 116—118; Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М., 1982. С. 309—317; ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 52—57.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 5. Примеч. 254. С. 163; Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. 1. Нил Сорский. СПб., 1882. С. 204 (ПДП. Т. 26); Никольский К. Материалы для истории исправления богослужебных книг // ОЛДП. СПб., 1896. № 115. С. 44; Бахрушин С. В. Княжеское хозяйство XV и 1-й половине XVI в. // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 588; Иконников В. С. Опыт по историографии. Киев, 1911. Т. 2, ч. 1. С. 1801; Голубинский. История церкви. 1911. Т. 2, ч. 2. С. 601—603; Полный православный богословский энциклопедический словарь. Б. м., б. г. Т. 1. Стб. 1414; Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XVI—XVII вв. М., 1957. С. 270—271; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. 4. С. 499—450; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 151; Журова Л. П. 1) Известия о Луке Колоцком в летописных сводах XV в. // Сибирская археология и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 28—36; 2) Ранние редакции Повести о Луке Колоцком // Сибирское источниковедение и археология. Новосибирск, 1980. С. 5—17; 3) Из литературной истории Повести о Луке Колоцком // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 143—154.

Л. И. Журова

Повесть о Меркурии Смоленском (в рукописях: «Главизна изъявляется от чудес дивнейшей заступницы нашей и великую ее милость святую и бывшую и бывающую тогда и ныне на граде нашем неисчетно от госпожи владычицы нашей богородицы и матери Христа бога нашего. И память сказуется ея святого Меркурия иже есть гроб

его в Смоленске, граде нашем, бывших от него чудес»; «В той же день от чудес дивнейшей заступницы нашей. . .»; «Сказание о чудесах дивнейшия заступницы нашей. . .»; «Месяца ноября в 24 день. О проявлении чудесе от иконы пресвятеи богородицы святому мученику Меркурию и о нахождении безбожного царя Батыя») — одно из произведений древнерусской литературы, посвященных нашествию Батыя. По поэтической структуре П. примыкает к традиционным легендарно-историческим повестям (чудо от иконы). Кроме того, сюжет о Меркурии Смоленском входит в ряд мировых сюжетов «о безголовых» (см. работу Н. К. Гудзия). П. дошла до нас в значительном количестве списков (около 80).

Чаще всего она встречается в составе Миней четких. Самые ранние списки Минейной редакции (о редакции см. в работах Белецкого и Бахтиной) датируются 30—50-ми гг. XVI в., например: ГПБ, Солов. собр., № 507/526; Q. XVII.15; ГИМ, Синод. собр., № 988, 176; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1254. Под 24 ноября П. помещена в *Великие Минеи Четии* (Успенский и Царский списки). В некоторых минейных сборниках П. читается под 28 июля (празднование иконы Смоленской Одигитрии): «Месяца июля в 28 день. Воспоминание великаго чудесно, бывшее от иконы заступницы нашея пречистыя богородицы Смоленския угодником ея святым Меркурием еже ести и до днесь мощи его святыя во граде Смоленску» (вариант: «Месяца июля в 28 день. Повесть от древних писаний сложена, являючи преславное чудо, бывшее иконою пречистыя владычицы нашея богородицы, како избави град Смоленск крепким своим заступлением и милостивою рукою угодника своего Меркурия от нашествия безбожных агарян»). П. напоминает житие с его традиционной трехчастной структурой — вступление, рассказ о подвиге святого и посмертные чудеса, но обращают на себя внимание нетипичное для миней название «Главизна изъявляется от чудес. . .» (без календарной формулы: «месяца того же», «в той же день»), употребление в самом тексте летописных конструкций: «В лето 6745. . .», «в то лето. . .», упоминание во вступлении Минейной редакции о взятии татарами Киева, Москвы (в некоторых списках Владимира), о гибели в Орде Михаила Черниговского с боярином Федором. Это позволяет увидеть связь П. с летописной *Повестью о нашествии Батыя*. Вступление Минейной редакции о Меркурии Смоленском, представляющее собой обработку эпизода Хронографической редакции, повествует об ужасах татарского нашествия в «традиционных» стилистических формулах, которые находим в описаниях взятия Рязани, Владимира и других городов в летописях, в поучениях *Серапиона Владимирского*.

Хронографическая редакция П. («О Смоленске граде»; «Явление пресвятыя богородицы и о святем Меркурии») является частью хронографической «Повести умильной о нашествии безбожного Батыя на Русскую землю». Хронографическая редакция читается в составе Русского временника (ГИМ, собр. Черткова, № 115а, б; ЦГАДА, ф. 201, собр. Оболенского, № 46; ЛОИИ, собр. Лихачева, № 513; ГПБ, F.IV.244) и Летописца Хворостинина (ГИМ, собр. Уварова, № 116).

В одном списке (ГИМ, Синод. собр., № 908) известна Жулевская, или «Народная», редакция («Слово о Меркурии Смоленском»), наиболее полно сохранившаяся, как считают многие исследователи, легендарную основу П. (см. о ней в работе Ф. И. Буслаева). Вариант устной легенды о Меркурии был записан в XIX в. В. Н. Добровольским (Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 379).

В 1882 г. С. П. Писарев опубликовал список П. Западнорусской редакции: «Месяца ноября в 24 день. Повесть о святом и добропобедном мученике Меркурии Смоленском чудотворце, како победи царя Батюга и свободи град Смоленск от безбожных агарян в лета 6746 году, прежде славенского языка на полски язык преведено, ныне же паки с полскаго языка на славенский язык преложено в лето 7164» (варианты заглавия: «Месяца ноеврия 24 дня. Повесть о святом и победоносном мученику Меркурию, чудотворцу Смоленском»; «Житие и чудеса святого великомученика Меркурия Смоленского»). Лишь некоторые списки этой редакции имеют в заголовке помету о переводе на польский, а затем с польского языка на славянский. А. И. Соболевскому не был известен польский оригинал П. (С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 217—218). Л. Т. Белецкий высказал предположение, что протограф Западнорусской редакции был написан «латиницей», но доказательств этому не найдено. Сравнительный анализ известных к настоящему времени списков Западнорусской (ЦГИА, собр. архива Синода, № 1318; ГИМ, собр. Уварова, № 136; ГПБ, Ф. XVII.16; ГБЛ, Музейн. собр., № 735) и Минейной редакции показал, что протограф Западнорусской редакции отразил неизвестный вид Минейной редакции, существование которого тем не менее подтверждает служба Уваровской редакции (ГИМ, собр. Уварова, № 681; ГБЛ, Рогож. собр., № 829; ЦГИА, собр. архива Синода, № 829).

О службах Меркурию Смоленскому как о «лирической редакции» П. впервые написал Ф. И. Буслаев. К настоящему времени известно 10 списков служб (ГПБ, собр. ОЛДП, Q. 71; Солов. собр., № 1079/1188; ЦГАДА, ф. 381, № 263 и др.; один список — Смоленской духовной семинарии, № 78 утрачен в годы Великой Отечественной войны), выделено три редакции. Некоторые списки Варсонофиевской редакции службы (например: ГПБ, собр. ОЛДП, Q. 71) содержат указания на то, что канон Меркурию составлен по повелению смоленского епископа Варсонофия (1509—1514 гг.). Списки ГИМ, собр. Уварова, № 681; ГБЛ, Рогож. собр., № 829 содержат и Варсонофиевскую, и Уваровскую редакции службы. Одним списком представлена Архивная редакция службы (ЦГИА, собр. архива Синода, № 1318). По свидетельству Л. Т. Белецкого, служба в списке Смоленской духовной семинарии, № 78 была близка списку службы из архива Синода, № 1318.

П. Летописной редакции («О Меркурии Смоленском», «О Меркурии Смоленском, како убиен бысть») входит в состав летописного свода 1652 г. и его протограф — по А. Н. Насонову, свод 1592 г. (Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII вв. М., 1969. С. 483—486). Известно 14 списков Летописной

редакции: ГБЛ, собр. Большакова, № 423; ГИМ, Музейск. собр., № 3058 и др.; особый список — ГБЛ, собр. Румянцева, № 379. Список ЦГАДА, ф. 181, № 818/1384 («И святого мученика, богатыря Смоленского») представляет собой пересказ текста Летописной редакции. Выборкой из Летописной редакции являются два отрывка о Меркурии (без заглавия) в списке: ГПБ, собр. Вяземского, F.112. П. входит также в состав Новгородской Забелинской летописи, образуя Новгородскую Забелинскую редакцию (ГИМ, собр. Забелина, № 261; ГБЛ, Музейн. собр., № 733). Новгородская Забелинская редакция П. встречается и вне летописного свода (см., например: ГБЛ, собр. Румянцева, № 437).

Датировка П. осложнена тем, что это легендарно-историческая повесть. Одни исследователи (С. П. Писарев) считают, что она возникла вскоре после описанных в ней событий (XIII в.), другие (Ф. И. Буслаев, П. Миндалев) видят в ней древнюю эпическую основу, большинство же авторов (вслед за М. О. Скрипилем) считают ее поздней (XVI в.) обработкой устной легенды о спасении Смоленска. Трудно решить вопрос и об авторе П. Самая распространенная Минейная редакция, представленная наиболее ранними списками, уже использовала летописный источник, возможно, смоленского происхождения, но обработка при включении в ВМЧ была произведена в Новгороде или в Москве. Это подтверждает история создания ВМЧ, в частности, ноябрьского тома (К у ч к и в В. А. О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86—101).

Сюжет о Меркурии Смоленском отразился в новой литературе — «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского (Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14—15. С. 42), «Суходоле» И. А. Бунина (Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 3. С. 139—140). Известна картина Н. Рериха «Меркурий Смоленский» (хранится в частном собрании).

Изд.: Никитин П. История города Смоленска. М., 1948. Прил. V. С. XIII—XVI; Писарев С. П. Рукописные памятники Авраамиевского монастыря // Филологические записки. Воронеж, 1881. Кн. 1. С. 1—14; 1882. Кн. 2—3, 5. С. 25—44, 45—52; Миндалев П. П. К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 258—280; Белецкий И. Т. Литературная история Повести о Меркурии Смоленском // СОРЯС. 1922. Т. 99, № 8. С. 55—93; Русские повести XV—XVI вв. / Сост. М. О. Скрипиль. М., 1958. С. 106—107; Бахтина О. Н. 1) К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском: (Хронографическая и Минейная редакции) // Книга в Сибири XVII—нач. XX в. Новосибирск, 1980. С. 164—174; 2) Новгородская Забелинская редакция Повести о Меркурии Смоленском // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 153—158; ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 204—209; Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М., 1982. С. 117—124.

Лит.: Буслаев Ф. И. Смоленская легенда о св. Меркурии и ростовская о Петре царевиче Ордынском // Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 155—198; Кадыбуевский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 44—107; Белецкий И. Т. К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском // ЖМНП. 1914. дек. Ч. 4. С. 358—370; Скрипиль М. О. Повесть о Меркурии Смоленском // История русской литературы. М.: Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 357—361; Гудзий Н. К. Мотив усеченной головы в татарской легенде об Азисе // Известия Гаврической ученой архивной комис-

син. Симферополь, 1967. № 56. С. 98—103; I a k h i o w s k i W. Pismiennictwo okresu powstania panstwa moskiewskiego // Literatura rosyjska. Warszawa, 1970. T. 1. S. 100—101; Б а х т и н а О. Н. Повесть о Меркурии Смоленском в литературном контексте XV—XVII вв.: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Томск, 1982.

О. Н. Бахтина

Повесть о Митяе — летописный рассказ о претенденте на русский митрополичий престол, ставленнике великого князя московского Дмитрия Ивановича. Выдвижение *Митяя* князем явилось, судя по времени, реакцией на известие о поставлении в Константинополе патриархом Филофеем в митрополиты всея Руси *Киприана* (1375 г.) еще при жизни митрополита *Алексея*. Митяй как был насильно («как нужно») был пострижен в монахи и сделан архимандритом одного из московских монастырей (1376 г.). До того Митяй был «белым» попом, духовным отцом и печатником великого князя. После смерти митрополита Алексея (1378 г.) по приказу князя Митяй (в монашестве он получил имя Михаил) взял на себя руководство русской церковью и присвоил знаки митрополичьего достоинства. Поскольку западной частью русской церкви в это время управлял Киприан, резиденцией которого был подвластный литовцам Киев, произошло фактическое разделение митрополии «всеа Руси» на митрополии Малой и Великой Руси. После безуспешной попытки водвориться в Москве против воли великого князя (1378 г.) Киприан написал Сергию Радонежскому и *Феодору Симондовскому* и послал на Русь обширное послание, в котором делал упор на то, что на митрополичьем престоле в Москве находится простой чернец. Чтобы упрочить свое положение, Митяй попытался стать епископом с помощью собора русских епископов. Князь созвал собор, но избрание Митяя было сорвано протестом епископа *Дионисия Суздальского*, Нижегородского и Городецкого. Митяй вынужден был отправиться для поставления на митрополию в Константинополь простым монахом. Предвидя необходимость сделать заем у католиков или у мусульман, великий князь снабдил Митяя чистыми грамотами, «харатьями», со своею печатью. Поблизости от Константинополя Митяй неожиданно скончался на корабле. Сопровождавшие его послы решили подделать княжеские грамоты и представить патриарху и императору вместо Митяя одного из них, переяславского архимандрита Пимена, как великокняжеского кандидата в русские митрополиты. С помощью подкупа этот план удался, и Пимен стал митрополитом Великой Руси. Однако же по возвращении на Русь — а к тому времени уже произошла Куликовская битва (ей в летописи посвящен особый рассказ) и митрополичий престол в Москве занимал приглашенный Дмитрием Донским из Киева Киприан — Пимен был арестован и сослан (1381 г.). Но осенью 1382 г., после нашествия на Москву Тохтамыша (как и Куликовской битве, в летописи ему посвящен отдельный рассказ), Киприан был удален князем из Москвы, а на митрополичий престол возведен Пимен. Последнее, о чем сообщает П., — возвращение Пимена из Чухломы, где он год был в ссылке, но еще не в Москву, а — предварительно — в Тверь. О переводе Пимена из Твери в Москву П. не говорит, что и

дает основание думать, что она была создана до этого события, осенью 1382 г.

Древнейший вид П. имеет в *Летописце Рогожском*, *Летописи Симеоновской* и имела в погибшей *Летописи Троицкой*. Ее автором был русский летописец, решительный сторонник митрополита Киприана, весьма вероятно, *Епифаний Премудрый*: в П. обнаруживается ряд несомненных стилистических параллелей к характерным для него приемам письма; как и его *Житию Стефана Пермского*, П. свойственна ирония над церковными карьеристами. Иронизируя, автор использует образ попа-царя Ивана из Сказания об Индийском царстве. Возможно, что своей окончательный вид, некоторую публицистическую отделку, П. получила под пером самого митрополита Киприана. Ироничность, черты памфлета, ощутимая недоговоренность, оппозиционный политический подтекст и само содержание — история церковно-политических интриг — выделяют эту повесть в древнерусской исторической литературе. Путешествие ее героя в Константинополь — своего рода «антихождение». Обладая публицистическими чертами, П. представляет собой ценный источник для изучения идеологической борьбы в Москве в эпоху Куликовской битвы. В XV в. П. подверглась стилистической обработке (стилистика упрощена) и в нее были влиты записи на ту же тему из летописных погодных статей. В этом виде (вторая редакция) П. находится в *Летописном своде Московском великокняжеском кон. XV в.*, так называемой Ростовской летописи, а также в *Летописях Типографской и Воскресенской*. В XVI в. при создании *Летописи Никоновской* возникла третья редакция П. Она создана на основе первой с привлечением *Жития Сергия Радонежского*; она самая большая и самая красочная из редакций, но также и самая недостоверная, так как редактор существенно расширил текст не столько за счет дополнительных источников, сколько за счет «этикетных» для литературы того времени распространений, чем воольно или невольнo искажил смысл произведения (его публицистическую направленность). Ряд других *летописей* — *Ермолинская*, свод 1497 г., Уваровская, *Львовская*, *Летописный свод Сокращенный* 1493 г., *Летописец Владимирский* — содержит то или иное сокращение второй редакции.

Изд.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1978.

Лит.: Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв. // Учен. зап. Московск. гос. пед. ин-та. 1970. № 363. Литература Древней Руси и XVIII в. С. 128—134; Прохоров Г. М. 1) Летописная Повесть о Митяе // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 238—254; 2) Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 116—118.

Г. М. Прохоров

Повесть о московском пожаре 1547 г. (в рукописях: «О великом и сугубом пожаре и о милостивом защищении, иже на воздухе заступлением пречистые богородицы») — произведение, рассказывающее о пожаре в Москве в апреле и июле 1547 г. П., известная ранее исследователям в составе Степенной книги под названием «О страшных и сугубейших пожарах и блаженном Василии Уродивом и о явлении пречистыя богородицы и о образе ее чудо и о покаянии людь-

«тем», была обнаружена А. А. Зиминым в числе дополнительных статей к *Хронографу Русскому* редакции 1512 г. в рукописи ГБЛ, Рогож. собр., № 82, 1609 г., а также в рукописях ГБЛ, собр. Большакова, № 213; ГИМ, собр. Уварова, № 1336/419 и 1044/320; ГПБ, Соф. собр., № 1516/98. А. А. Зимин считает, что в данных рукописях представлен первоначальный текст П., который при включении в Степенную книгу подвергся редакционной правке. П., по мнению А. А. Зимина, написана между 1547—1563 гг., она входит в цикл повестей о иконе Владимирской богородицы и принадлежит, по видимому, кому-либо из окружения митрополита *Макария*. Во введении к циклу (в который помимо П. входит еще *Повесть о нашествии Магмет-Гирея* и *Чудо о церковном воре*) неизвестный автор указывает, что писал он «повелением господина нашего преосвященного Макария, митрополита всея Руси». Цикл повестей ставил своей целью поднять престиж церкви, излагая легенды о помощи и заступничестве патрональной иконы богородицы. В то же время П. содержит ряд важных исторических подробностей и является значительным памятником публицистики XVI в. П. издана А. А. Зиминым по рукописи Рогож. собр., № 82.

Кроме того, в летописном сборнике ЦГАДА, ф. 181, № 365/815, XVII в. читаются статьи «О великом московском пожаре» (апрельском) и «О другом великом пожаре, о Московском» (июньском, так!), которые представляют собой другую редакцию описания Московского пожара 1547 г. Вторая статья интересна тем, что в ней использованы фрагменты *Повести о нашествии Тохтамыша*. Статьи изданы И. А. Жарковым.

Изд.: Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, 2-я пол. С. 635—638; Зимин А. А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 198—203; Жарков И. А. К истории московских пожаров 1547 г. // ИА. 1962. № 3. С. 223—226.

Лит.: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 86—91.

М. А. Салмина

Повесть о нашествии Тохтамыша — литературный памятник, дошедший в составе летописных сводов под 1382 (6890) г. В П. рассказывается о внезапном появлении «царя» Тохтамыша на Руси, его походе на Москву, осаде им Москвы, героизме ее защитников, возглавляемых литовским князем Остеем, и о захвате города. С болью описывает автор разграбление Москвы, гибель горожан.

Старейшие тексты П. содержатся в *Летописях Новгородской IV и Софийской I*, *Летописи Новгородской Карамзинской*. Все ее остальные тексты, сокращенные или распространенные, восходят к тексту П. в составе этих летописей. П. составлена на основе краткого летописного рассказа о нашествии Тохтамыша, входившего в состав *Летописца Рогожского* (см.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 15, вып. 1. С. 143—146) и *Летописи Симеоновской* (см.: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 131—133). Кроме того при составлении П. были использованы библейские

книги и, возможно, апокрифическое «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов». II. — публицистическое произведение. Нарисованная автором яркая картина разгрома и разграбления Москвы, опустошения других городов Русской земли татарами должна была не только вызвать чувство сострадания у читателя, но и обратить внимание на причины, приведшие к этому бедствию, — «неодиначество» русских князей, братоубийственные распри между ними. Исследовавшая П. М. А. Салмина датировала ее кон. 40-х гг. XV в., однако не исключено, что возникновение II. следует относить к более позднему времени (см. «Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго»).

Помимо издания в составе ПСРЛ II. издавалась по Летописи Новгородской Карамзинской — М. А. Салминой, по СІЛ — Ю. К. Бегуновым, по Летописи Ермолинской (и СІЛ) — Н. И. Тотубалиным, по краткому летописцу XVII в. — М. Н. Тихомировым.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 98—103; Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 326—339; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // ПА. М., 1951. Т. 7. С. 213—217; Тотубалин Н. И. Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша // Русские повести XV—XVI веков. Л., 1958. С. 366—375; За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков / Сост. Ю. К. Бегунов. М., 1981. С. 358—377; ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 190—207 (подгот. текста, пер., коммент. М. А. Салминой); Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 270—289 (подгот. текста, пер., коммент. М. А. Салминой).

Лит.: Шамбинаго С. К. Исторические повести // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 206—208; Тихомиров М. Н. 1) Древняя Москва. М., 1947. С. 192—193; 2) Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957. С. 247—249; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 324; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 633, 637; Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 9—16; Лурье Я. С. Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XV вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 266—269; Греков И. Б. 1) Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 157; 2) Значительная часть Троицкой летописи и проблема авторства летописного свода 1409 года // Сов. славяноведение. 1982. № 2. С. 47; Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 134—151; Гребенюк В. П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 52—71.

М. А. Салмина

Повесть о Никифоре Фоке — повесть об убийстве заговорщиками, руководимыми Иоанном Цимисхием и императрицей Феофаной, византийского императора Никифора Фоки (963—969 гг.), возникшая, как полагают, в Византии в кон. XII—нач. XIII в. Действительная история гибели Никифора приобретает в ней многие фольклорные черты (называются восемь братьев императора, убитых будто бы вместе с ним, тогда как в действительности у него было лишь два брата; рассказывается о поисках невесты для императора — девушки,

которой подойдет специально изготовленная маленькая обувь; в действительности же Никифор женился на вдове своего предшественника — императора Романа, и т. д.), вопреки историческим фактам императрица, согласно П., убивает и самого Цимисхия.

Славянский перевод П. (по мнению П. Сырку, он сделан с греческого до завоевания Болгарии турками, в самой Болгарии) известен в двух вариантах в нескольких южнославянских списках (Народная библиотека «Кирил и Методий» (София), № 326, 677, 681; Библиотека Румынской Академии наук, № 740; Народная библиотека в Белграде, № 104, 198, 738 (по сообщению болгарской исследовательницы А. Милтеновой), 828; Библиотека Югославской Академии в Загребе, № III. а.10; монастырь Николац (Черна Гора) в Югославии, № 82 (по сообщению А. Милтеновой)). О южнославянских списках П. см. в книге Э. Турдеану. В литературе отмечены два русских списка П.: ГПБ, Q.XVII.79 («Слово о Тэфане корчемнице, како цесаря Фоку погуби и братию его во едину ноц», нач.: «В та времена царь Фока беаше у братии своих. . .») и ГПБ, Q.XVII. 128 («Слово о Тэфане корчемнице, како царя Фоку погуби и братию его во едину ноц», нач.: «В та времена царь Фока имяше 8 братии своих. . .»). П. А. Сырку (К истории исправления книг. . . С. 539) указал, что П. входит в состав Копенгагенского сборника XVII в., описанного И. И. Срезневским (Сведения и заметки. № 61. С. 353—357).

Изд.: Сырку П. Византийская повесть об убийстве императора Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе. СПб., 1883; Начов Н. А. Тиквешки рукописи // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1892. Т. 8. С. 304—395; Сперанский М. Н. 1) Заметки о рукописях белградских и софийской библиотек // Изв. Истор.-филол. ин-та в Нежине. М., 1898. Т. 16. С. 48—59; 2) Белградские рукописи // Библиографическая летопись. Пг., 1915. Т. 2. С. 12—14; 3) Болгарская повесть об убийстве Никифора Фоки в русской старинной литературе // Юбилейный збірник по пошану акад. М. С. Грушевського. У Києві, 1928. С. 220—229; Цонев Б. С. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1923. Т. 2. С. 216—221; Turdeanu E. Le dit de l'empereur Nicéphore II Phocas et de son épouse Théophano. Thessalonique, 1976.

Лит.: Веселовский А. Н. Болгарские повести Букурештского сборника // ЖМНП. 1884, янв. С. 78—90; Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. 538—546; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 106—107; Мечев К. Възмездие за жестокостта: Към въпроса за идейната характеристика и времепоаятата на средновековния български апокрифен разказ за убийството на византийския император Никифор Фока от кръчмарката Теофана // Литературна мисъл. 1975. № 2. С. 115—136.

М. А. Салмина

Повесть о Петре, царевиче ордынском — повесть, посвященная основателю Ростовского Петровского монастыря, ордынскому царевичу, племяннику хана Берке, принявшему христианство и перешедшему на службу к ростовскому князю. Завершается П. семейной хроникой рода царевича Петра — его детей, внуков и правнуков. В основу П. положена легенда об ордынце — основателе монастыря или церкви. По мнению М. О. Скрипиля, этот тип легенды в сложившемся виде стал существовать на Руси с XV в. При написании второй

части П., как полагает М. О. Скрипиль, были использованы летописные записи, ведшиеся при Петровском монастыре.

Написана была П. в Ростовской земле, имевшей в XIV—XV вв. свою богатую литературную среду. Однако говорить об авторе ее трудно, поскольку П. до сих пор остается неизученной; прежде всего требуется проведение текстологического анализа сравнительно большого числа ее списков, значительно отличающихся друг от друга. В научной литературе датировка П. колеблется в пределах от сер. XIV в. (В. О. Ключевский) до кон. XV в. (М. О. Скрипиль), причем и в том, и другом случае время создания ее определяется исторической и политической обстановкой Ростовского княжества, нашедшей отражение в самой П. Следовательно, необходим другой аспект исследования для выяснения времени создания произведения. Отметим, что большинство исследователей склонно его датировать разными периодами XV в. (Ф. И. Буслаев, Филарет, Л. А. Дмитриев).

Литературный талант автора П. проявился прежде всего в том, что он сумел органично объединить названные источники, создав взаимосвязь между всеми частями повествования. На первый взгляд кажется, что рассказ строится только путем нанизывания в хронологической последовательности событий из жизни рода царевича Петра. Однако эта хронологическая подборка сочетается автором П. с рядом достоверных фактов из истории Ростовского княжества в пределах от 50-х гг. XIII в. до 20-х гг. XIV в. Кстати, следует отметить, что в исторических документах не упоминается ни имя самого Петра, ни его потомков.

Не менее интересным авторским решением является достигнутая сюжетная взаимосвязанность разных частей произведения, при этом «острота и литературная увлекательность этого сюжета создается искусным построением перипетий, наличием в повествовании сложных ситуаций, „сильных деталей“» (Д м и т р и е в Л. А. Сюжетное повествование. . . С. 245). Сюжетно обусловлена в произведении мысль о праве потомков Петра и монастыря на земли, приобретенные царевичем Петром возле Ростова. Ростовский князь, проникнувшись дружескими чувствами к царевичу Петру, сам предложил выдать грамоту на подаренные ему возле Ростовского озера земли. И в дальнейшем эта грамота сыграет не последнюю роль в тяжбе между потомками Петра и ростовскими князьями. Неоспоримость прав потомков Петра на земли, записанные в грамоте, доказывается в П. остроумным решением ханским послом спора о ловле рыбы в озере, предложившим ростовским князьям снять воду с земли, которую они считают своею. Спор завершается в пользу потомков Петра: «И присуди по земле и воду внуку Петрову Юрию посол царев: „Како есть купля землям, тако и водам“».

Симпатии автора на протяжении всей П. явно на стороне Петра и его потомков. П. была написана не только для прославления Петровского монастыря и его основателя, но и с целью утвердить права на земельные угодья потомков Петра и монастыря. По отношению к ростовским князьям автор П. проявляет несколько недружелюб-

ное и пренебрежительное отношение. Это позволяет исследователям считать, что произведение должно было быть написано в то время, когда ростовские князья теряли свою власть и авторитет, а Москва все больше и больше овладевала ростовскими землями.

Любопытно обратить внимание на следующую особенность П. В ней ни разу не назван ни один ростовский князь по имени. По летописям и документальным материалам хорошо известен князь Борис Васильевич, который при *Кирилле* (ум. 1262), епископе Ростовском (после 1237 г.), стал ростовским князем и скончался только в 1278 г.; известны имена его внуков и правнуков, о которых говорится во второй части. Возможно, это тоже своего рода выражение пренебрежительного отношения автора к ростовским князьям. Напротив, ростовским владыкам в П. оказывается большое внимание. Упоминание их имен и позволяет связывать описываемые события с конкретной исторической обстановкой. В П. также названы по именам внуки и правнуки Петра, однако достоверность их нельзя проверить. При рассмотрении описываемого в П. соотношения между князьями и потомками Петра и известными датами жизни упомянутых в П. исторически достоверных лиц легко устанавливаются хронологические несовпадения. Поэтому надо признать, что автор П. пользовался письменными источниками, повествующими о церковной жизни Ростовской епархии в XIII—XIV вв., и совершенно вольно передавал историю династии ростовских князей, не пользуясь документальными материалами.

Наблюдения над содержанием П. позволяют считать, что автор ее был близок церковной среде, и вполне вероятно, что, как полагает В. О. Ключевский, он мог входить в число иноков Петровского монастыря. Этот наделенный литературным талантом человек был также и хорошо образован, он легко и свободно включает в свой текст цитаты и приводит аналогии из книг Священного писания. В. О. Ключевский предположил, что П. и *Житие Игнатия Ростовского* написаны одним лицом. Это предположение основано на добавлении, сделанном в списках П. в составе *Великих Миней Четких*, там после сообщения о смерти Игнатия сказано: «О сих же чудесах святителя инде скажем». Однако это предложение скорее всего было добавлено именно составителем ВМЧ как отсылка к Житию Игнатия, тоже включенному в ВМЧ. Кстати, надо заметить, что П. в ВМЧ (рукопись ГПБ, Соф. собр., № 1322, л. 230—233) включена в переработанном виде (*Истоки русской беллетристики*. С. 422). П. была напечатана в ПС по рукописи ГПБ, Солов. собр., № 854 и трижды по рукописи ГПБ, Соф. собр., № 1364.

Изд.: ПС. 1859. Ч. 1, февр. С. 356—376; Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958. С. 98—105; Die Erzählung über Petr Ordynskij. Berlin. 1979 (пер. на нем. яз.); Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М., 1982. С. 142—146; ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 20—37.

Лит.: Летописи Тихонова. М., 1859. Т. 2, ч. 1. С. 17—25, 28—30; Буслаяв Ф. Смоленская легенда о св. Меркурии и ростовская о Петре царевиче ордынском // Ф. Буслаяв. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 155—169; Ключевский В. О. Древнерусские жития. С. 38—43; Филарет. Обзор. С. 112. № 94; Дмитриев Л. А.

Повесть о Плаве — летописная повесть о столкновении московской и тверской рати с литовскими войсками в кон. 1407 (6916) г. В московских и более поздних общерусских летописях эта П. не читается — здесь содержится лишь краткое сообщение о походе Василия Дмитриевича на Витовта и о примирении между ними. Особая П. читается лишь в *Летописи Тверской*. Здесь повествуется о том, как в Москву пришел двоюродный брат Витовта Шватрегайло (Свидригайло) Ольгердович и великий князь «да ему стальной град Володимер», после чего Василий I пошел на Витовта и призвал себе на помощь Ивана Михайловича Тверского. Великий князь тверской отказал ему, ссылаясь на давние обиды московских князей тверским, много лет княжившим «на великом княжении на Володимерском». В сентябре 1407 г. москвичи заключили мир с Литвой, но в конце октября московский князь вновь обратился к тверскому, заявляя, что «Витовт грядеть с немци и ляхи, ведый с собою на христианы на землю нашу». На этот раз тверской князь послал войска; Василий призвал на помощь также татар, но дело вновь закончилось перемирием. Тверской автор особо подчеркивает, что, заключая перемирие, Василий I не только не предупредил об этом тверичей, но в перемирной грамоте написал имя Ивана Михайловича «нечестно» — после имен своих братьев, удельных князей. Разгневанные тверские князья ушли с Плавы «и оттоле не въсхоте помогати москвичем», когда Василий I в третий раз позвал их на помощь. П. включает (в Забелинском и Погодинском списках — в Толстовском их нет) обращения к некоему адресату, которого именует «отце боголюбивый Варламе», и заканчивается словами: «Ты же зри сих, о боголюбивая главо (в Толстовском списке — «христоименитый народе»), како ти от единого малосамочинна толика беда и пакость христианству въведется: ибо московские князья неравны к себе почетше братию свою, тверския князья. . . , и тую вещь не въсхотеша помагати москвичем, якоже и бысть».

В научной литературе отмечалась близость П. к *Житию Михаила Александровича* и особенно к предисловию к нему, помещенному в *Летописи Новгородской IV* и в Тверском сборнике (в последнем — под заглавием «Предисловие летописца княжения Тферскаго благоверных великих князей тферьских»). В П. адресат именуется «боголюбивая главо», «освященная главо»; в *Житии Михаила* — «твое боголюбие (боголюбство)», «честная главо» (Тверской сборник и НІVЛ), «освященная главо» (Тверской сборник), «прощение да прием. . . от священнаго верха» (НІVЛ). В П. и *Житии Михаила* (Тверской сборник) в одинаковых выражениях говорится, что диавол «межи самими Христовыми человеки неприязненные гордостные мрежа. . . прешинает. . . , да. . . углебших от него порадоватися вело хочет»; в обоих памятниках встречается выражение «тверстии сыны».

Но кроме совпадения с Житием Михаила П. обнаруживает теснейшую связь с другим памятником — с *Повестью о нашествии Едигея*, содержащейся в тверской редакции 1412 г. общерусского свода нач. XV или кон. XIV в. — в *Летописце Рогожском и Летописи Симеоновской*. В начале Повести об Едигее, как и в П., рассказывается как раз о том, как незадолго до нашествия 1408 г. «татарове придоша к Плаве в помощь Руси. . .». А далее в обеих повестях приводятся слова «старцев»: «Добра ли се будет дума юных наших бояр, иже приведоша татар (Повесть о нашествии Едигея: «половецъ») на помощь? Не сих ли ради и Киеву и Чернигову беды приключишася, иже когда имуща брань со собою и подымаючи половець навожаху на ся. . .? Да не будет той пакости и нашей земли на прочая дни, да не како татарове (Повесть о нашествии Едигея: «измаильте») съемотрет наряда земля наша и въсхотят сами приити на пы». Следующая за этой речью «старых бояр» фраза «Яко же бысть ся» прямо связывает П. с рассказом о нашествии Едигея (не сохраненном, однако, в Тверском сборнике в той редакции, которая читается в Рогожском и Симеоновской, а помещенном после явно более поздних известий в иной, краткой редакции). Связь П. в Тверском сборнике с *Повестью о нашествии Едигея* в своде 1412 г. видна и из того, что в П., как и в Повести о нашествии. . ., осуждается передача «стольного града Володимера» литовскому князю Свидригайло.

Все эти совпадения дают основание предполагать, что П., как и повесть о нашествии Едигея, принадлежала составителю тверской редакции 1412 г. общерусского (московского) свода и отражала характерные для этой редакции тенденции к единству Северо-Восточной Руси.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 474—477.

Лит.: Тихомиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью // ЖМНП. 1876. № 12. С. 282—284; Шахматов А. А. 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о 40-м присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 228 (Записки Академии наук по историко-филологическому отд. Т. 4, № 2); 2) Общерусские летописные своды XIV—XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9. С. 148; Пасоков А. Н. Летописные памятники Тверского княжества: Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. // Изв. АН СССР. 1930. № 9. VII сер. Отд. гуманитарных наук. С. 745; История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 247 (ст. С. К. Шамбинаго); Ильин М. А. Тверская литература XV в. как исторический источник // Труды Историко-Архивного ин-та. М., 1947. Т. 3. С. 46—54; Дубеницов Б. И. «Повесть о Илале» и «Летописец княжения Тверского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 176—182; Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 295—298.

Я. С. Лурье

Повесть о побойце Витовта с Темир-Кутлуем — летописная повесть о сражении в 1399 г. на реке Ворскле между литовским войском под предводительством Витовта и силами Золотой Орды, во главе которых стоял вассал Тимура (Темир-Аксака) хан Тимур-Кутлуг (Темир-Кутлуй), окончившемся полным поражением Витовта.

Наиболее ранняя версия общерусской П. дошла до нас в составе *Летописей Софийской I* и *Новгородской IV*, отражающих свод 1448 г. Возможно, что эта П. читалась уже в *Летописи Троицкой*, судя по цитате из Троицкой (слова Витовта Тохтамышу: «аз ти посажу в Орде на царстве, а ты мя посадишь на княженъи великом на Москве», известие о присылке Темир-Кутлуем ярлыка тверскому князю в том же году), приведенной Н. М. Карамзиным; однако в *Летописи Симеоновской* и *Летописце Рогожском*, на основе которых реконструируется текст Троицкой, этой П. нет (текст Симеоновской и Рогожского летописца после 1390 г. мало сходен с Троицкой). Общерусская П., заимствованная из СИЛ, содержится во всех московских общерусских сводах начиная со 2-й пол. XV в. Кроме общерусской П. рассказ о сражении Витовта с «цесарем» Темир-Кутлуем читается также в *Летописи Новгородской I* младшего извода; однако, вопреки мнению А. А. Шахматова, рассказ СИЛ не был заимствован из свода 1448 г.: он не имеет совпадений с П. и обнаруживает совсем иные тенденции (здесь зачинщиком битвы выступает Темир-Кутлуй, а не Витовт, как в П.).

Общерусская П. проникнута резкой враждебностью к Витовту как к гордому и самонадеянному завоевателю. Вместе с царем Тохтамышем, изгнанным в то время из Орды Тимуром, а также с «немцами, лихами, жемотью», «волоками и подолянами» он идет на Темир-Кутлуя, «похвалися»: «пойдемъ, пленимъ землю Тотарскую, победимъ царя Темпръ-Кутлюя, възмемъ царство его, и разделимъ користь его, и посадимъ во Орде на царстве его царя Тахтамыща, а самъ сяду на Москве, на великомъ княженни на всей Руской земли, а Великий Новгород с Псковомъ мой будеть» (последние слова — в НИВЛ). «Надолзе биющимъ им, и поможе богъ тотаромъ» — битва оканчивается бегством Витовта и Тохтамыша. После битвы татары захватывают Киев и Печерскую лавру, и «многу погибель царь створи в земли Литовской»; в П. перечисляются имена убитых литовских (западнорусских князей).

Текст общерусской П. из свода 1448 г. передан без существенных изменений всеми московскими летописями, включая *Летопись Воскресенскую*. Однако в *Летописи Никоновской* эта П., как и многие другие, была расширена и дополнена многочисленными подробностями (смирение Темир-Кутлуя, его готовность подчиниться Витовту, приход Едигея и разгром литовских войск).

Лит.: ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 384—386; СПб., 1851. Т. 5. С. 251—252; СПб., 1856. Т. 7. С. 72—73; СПб., 1897. Т. 12. С. 172—174; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 229; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 89—90; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 394—395.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1892. Т. 5. С. 101—105, примеч. 177; Шахматов А. Обзорение. С. 163; Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 450—451; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 91, примеч. 76, 96, 107.

Я. С. Лурье

Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого — литературное произведение XVI в., известное в единственном не-

полном списке в составе летописного сборника ГИМ, Синод. собр., № 645, л. 423—427. В П. рассказывается, как московским правительством Елены Глинской был устранен удельный князь Андрей, брат умершего великого князя *Василия III*. Эти события освещены также под 1537 г. в *Летописях Воскресенской* (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 292—295) и *Вологодско-Пермской* (ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 322—323) и в других источниках. В отличие от официальных известий П. полна сочувствия к своему герою и к его сторонникам.

В П. отсутствует заголовок, выделены только кинovarью начальные строки сохранившихся в списке частей текста: «О князе Ондрии Ивановичи, егда бысть гоним гневом божиим грех ради наших» и «О изменниках князю Ондреевых Ивановича». Отсутствует в списке и конец. П. была замечена еще Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым, а опубликована М. Н. Тихомировым, с условным названием. И. И. Полосину и Р. Г. Скрынникову принадлежит истолкование П. как источника по истории опричнины *Ивана Грозного*. И. И. Смирнов и А. А. Зимин, исследуя мятеж 1537 г., также обращались к этому литературному произведению.

П. носит черты зависимости от летописного жанра: события излагаются со ссылкой на даты («В лето 7045-го», «И того же месяца в 12», «Того же лета майя в 2», «В то время»), лаконично и выразительно. В первом отрывке автор П. сообщает о замыслах малолетнего Ивана IV и его матери Елены, «как бы им князя Ондрия Ивановича зымать и . . . людей его от него отвести», об отсылке из Старицы на Коломну воеводы и детей боярских; рассказывает он и об аресте в Москве Ф. Д. Пронского, посланного туда князем Андреем Старицким. Сам Андрей Иванович, «истерпевшись от своих великих обид», оставляет Старицу и на пути делает первую остановку в Бернове.

Вторая часть П. начинается с побега к Москве дворянина В. Ф. Голубова, оповестившего перед этим дьяка великого князя о выступлении Андрея Ивановича из Старицы. По мере следования князя от Старицы к Новгороду подобные побеги учащаются. Поиманного беглеца Андрея Залуева по приказу старичьего князя подвергли пытке («повеле . . . связати руце и нозе и вергоша его в озерко») и допросу об участниках измены. Перечисление «многих» привело к тому, что Андрей Старицкий не стал никого из названных лиц наказывать, «понеже не всех тех переветати». На подмогу Андрею Ивановичу направляется из-под Коломпы его воевода князь Юрий Оболенский, «утоясь у воевод великого князя и детей у боярских». Встреча воеводы и старичьего князя происходит на «Новгородской дороге, на речке на Березас». Андрей Иванович обрадован приездом воеводы, он осыпает его «дарами многими». Но вот на пути князя Андрея в селе Тухолех предстают московские воеводы с И. Ф. Телепеневым-Оболенским Овчинной во главе. Андрей Иванович готов вступить в первую борьбу: «и восхотеша с воеводами с великого князя битися». Но москвичи предлагают князю вступить в переговоры, обещаю отпустить его «невредимо» по воле великого князя Ивана Васильевича и великой княгини Елены. За ночь до начала переговоров из лагеря

Андрея Старицкого бегут князь К. Ф. Пронский-сын, шут Гаврила Воеводич и даже ключник погребной Волк Ушаков. На другой день московские воеводы подтверждают безопасность старицкого князя «и съ его бояры и з детьми з боярскими со всем невредимо». Князь Андрей направляется к Москве. На пути, у Хлынска, люди из окружения старицкого князя, названные в П. «столпниками» (видимо, «стольники»), обсуждают возможность «сложити с собою князю Ондрею Ивановичу крестное целование, убоявся поиманья от великого князя». С твердостью отказывается от этой возможности Иван Иванович Колычев Умный. На этом месте текст П. обрывается. Заканчивалась она, по-видимому, теми же известиями, что и рассказ об Андрее Старицком в летописях: описанием ареста и гибели князя Андрея и заточения его жены и сына. Наиболее существенным отличием П. от рассказа летописи является отсутствие в ней сообщения о попытке князя Андрея бежать в Литву, «за рубеж». Не объяснено также в П., и в чем состояли «великие обиды» Андрея Ивановича на московских правителей.

Весьма вероятно, что П. не мыслилась как самостоятельное произведение и создавалась в качестве дополнения к летописным статьям. Возникла она, по-видимому, в кругах, близких последнему удельному князю Андрею Старицкому. По мнению М. Н. Тихомирова, автор был близок к князьям Оболенским. Время возникновения П. вероятнее всего относить к 1530-м гг., вскоре после гибели Андрея Ивановича Старицкого.

Изд.: Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Изд. М., 1941. Кн. 10. С. 84—87 (то же в кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 220—224); ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 356—357.

Лит.: Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 53—74; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 243—247; Полосин И. И. Повесть о поимании князя Андрея Старицкого — источник для истории опричнины Грозного // И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963. С. 58—63; Скрынников Р. Г. Начало опричнины // Учен. зап. Лeningr. гос. пед. ин-та им. Герцена. 1966. Т. 294. С. 27, 69 и др.

О. А. Белоброва

Повесть о посаднике Добрыше см. Повесть о варяжской божице.

Повесть о посаднике Шиле (в рукописях: «Сказание о Шилове монастыре, еже в великом Новеграде»; «Повесть, содеяшася в великом Новеграде, о избытии иза ада посадника Шила»; «О создании Шилова монастыря»; «Чудо о новгородском посаднике Шиле» и пр.) — произведение с явными приметами новгородского происхождения, рассказывающее о возникновении Шилова монастыря. Новгородский посадник Шил (или Шил), давая купцам деньги в рост, решил на прибыль построить церковь Покрова на берегу Волхова. Архиепископ Иоанн отказывается освятить церковь, воздвигнутую «от лихвенного собрания», и велит Шилу надеть саван и лечь в гроб

во вновь построенной церкви. Во время отпевания гроб проваливается. Архиепископ велит иконописцам написать на церковной стене «ваши», изображающие Щила в аду, сыну же Щила — пребывать в посте и бдении, 40 дней в 40 церквях служить сорокоусты, а также давать милостыню. Через 40 дней на «стенном писании» голова Щила была уже вне ада, еще через 40 дней он был вне ада до пояса, а еще через 40 дней — весь вне ада. Одновременно из пропасти появился гроб посадника, что означало его прощение. «И оттоле устроися монастырь нарицаемый Щилов».

П. находит подтверждение в новгородских летописях, сообщающих под 1310 г. об основании в трех верстах от Новгорода на правом берегу Волхова в урочище Дубно, или Дубенки, монахом Олоном (Леонтием) Щилом монастыря и построении церкви Покрова. В НИПЛ об этом же сообщается вторично под 1410 г., что, как доказал С. Н. Азбелев, произошло под влиянием П. и объясняется желанием летописца привести в соответствие дату построения церкви с именем архиепископа — Иоанн. В 1310 г. новгородским архиепископом был Давид (1309—1325 гг.), в 1410 г. — *Иоанн II*. На самом деле Щилов монастырь существовал уже в XIV в., так как известно, что в 1386 г. он в числе других 24 монастырей был сожжен новгородцами в оборонных целях перед походом на Новгород Дмитрия Донского (ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 346; СПб., 1851. Т. 5. С. 241). Летописное известие не является источником П. Скорее всего, уже в XIV в. сложилась устная легенда, связанная с основанием Щилова монастыря, которая и послужила литературным материалом автору памятника. Отголоски устной легенды можно усмотреть в ссылке автора: «И оттоле устроися монастырь Щилов, идеже и до ныне стоит. Пации же глаголют, архиепископ заповеда сыну Щилову 3-жды на год по сту литургий петн в три лета». В сочетании с изображением Щила, в три этапа выходящего из ада, эти детали тяготеют к традициям устного повествования. Само наказание грешника ввержением в пропасть также является характерным фольклорным мотивом. Наконец, имя архиепископа — *Иоанн* — может быть воспоминанием о новгородском архиепископе *Иоанне I* (1165—1186 гг.), герое *Жития Иоанна* и новгородских легенд, чьи мощи были открыты в 1439 г.

Большинство исследователей относят появление П. к XV в.; некоторые к первой его половине (А. де Витт, Н. А. Казакова), другие — к сер. (И. П. Еремин, Н. К. Гудзий) или даже к кон. XV — нач. XVI в. (В. О. Ключевский). Существуют попытки датировать П. и более точно: М. Бердников — между 1388 и 1416 гг., Л. В. Черепнин — 40-ми гг. XV в., В. Л. Янин — не ранее 1462 г. (на основании соответствия новгородской и московской денежных систем. Посадника Щила В. Л. Янин пытается отождествить с новгородским посадником Богданом Обакумовичем, возможно проведенным последние годы в монастыре под именем Феодосия и умершим в 1415 г.), П. В. Пятнов — между 1471 и 1491 гг.

Социальное значение П. также оценивается по-разному. И. П. Еремин и Н. А. Казакова связывали появление произведения с секу-

ляризационной политикой светской власти. Недовольство крупным церковным землевладением, вкладами «по душе», молитвами по усопшим высказывали в XIV в. новгородские еретики стригольники, чье влияние было еще сильно в 1-й пол. XV в. Поэтому автор П., церковный деятель, помимо борьбы с ростовщичеством, ратует за необходимость заупокойных молитв и вкладов «по душе», составлявших значительную статью доходов церкви. Л. В. Черепнин считал, что П. могла отражать интересы купеческих кругов, страдавших от ростовщичества боярской олигархии, однако еще больше опасавшихся народных волнений, отсюда несколько консервативный характер произведения.

П. дошла до нас в рукописной традиции XVII—XIX вв. Самый ранний список относится к 1-й четв. XVII в., хотя, возможно, написан на бумаге кон. XVI в. (ГПБ, Q. XVII. 67, см.: К а л а й д о в и ч К., Ст р о е в П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей графа Ф. А. Толстого. М., 1826. С. 343—353). Исследователи и публикаторы XIX—нач. XX в. делили известные им списки на 3 редакции. И. П. Еремин, привлечший к исследованию 80 списков (в настоящее время их известно десятка на полтора больше), определил 6 редакций П. Из них вторая, возникшая в нач. XVII в., по всей вероятности вне Новгорода, и проникшая в состав Синодика, приобрела большую популярность и представлена 6 вариантами. Третья редакция относится к 1-й пол. XVII в. и является компиляцией первых двух. Она в кон. XVII в. (после 1677 г.) вошла в состав Великого Зеркала и была переработана в стиле его повестей, став четвертой редакцией. Пятая и шестая редакции возникают в кон. XVII и XVIII вв. Пятая перерабатывает текст 3-го варианта второй редакции в дидактическую новеллу, а шестая, основанная на тексте первой редакции, приспособливает текст П. к подписям под лубочными картинками. П. В. Пятнов определяет краткую запись о Щиле, читающуюся в Пискаревском летописце (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 99), седьмой редакцией и считает ее близкой к тексту сказки, записанной Д. К. Зелениным в Вятской губернии; по мнению И. П. Еремина, текст сказки сопоставим с 3-м вариантом второй редакции (см.: З е л е н и н Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии // Записки русского географического общества по отделению этнографии. 1915. Т. 42. С. 282—283, № 22; Зеленин соотносил сказочный сюжет с П. о Щиле). В младших редакциях текст претерпевает в основном стилистические изменения: он заметно распространяется, в П. вводятся диалоги. Частично трансформируются и сюжетные детали: Щил, лежащий в гробу, умирает, иногда это объясняется его внезапной болезнью; изображение на стене не претерпевает изменений и становится совершенно ненужным в развитии сюжета, а из пропасти постепенно высвобождается сам гроб Щила; подробно описано, как архиепископ Иоанн, вернувшись после заложения церкви в дом святой Софии, обратился к священным книгам, после чего и усомнился в правомочности построения церкви на ростовщические деньги. Эта сцена дала повод М. Бердникову усмотреть в авторе писца при Софийском доме, выполня-

ющего разные поручения владыки по летописанию и переписке книг. Однако исследователь не учел, что подробность эта характерна для поздних редакций П. В одном из вариантов второй редакции история Щила датирована 1186 г., т. е. редактор отнес ее к последнему году правления архиепископа Иоанна I; в другом варианте посадник получил имя Михаил, скорее всего потому, что редактор знал: с 1309 по 1311 г. новгородским посадником был Михаил Павшинич. Так составители редакций хотели увязать события П. с историческими реалиями.

Существует предположение, что Щилов монастырь был основан не в 1310 г., а гораздо раньше, в XII в. Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что в старшем изводе *Летописи Новгородской I*, представленном Синодальным списком, под 1310 г. говорится не о построении монастыря, а о постройке каменной церкви, обычно ставившейся в Новгороде на месте старой деревянной. В Синодальном списке не упоминается и Щил. В НИЛ младшего извода (списки XV в.) к тексту Синодального списка — «поставиша церковь на Дубенке Покров святыя Богородицы стяжанием роба божия Олония мниха» добавлены слова: «нарицаемого Шкила, и бысть монастырь христианом прибежище», что могло быть влиянием П., уже существовавшей при архиепископе Иоанне I (Л и х а ч е в Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 140). Известие о построении церкви Покрова Олонием без приписанного ему прозвища Щил сохранила и первая, Пространная, редакция НИЛ (см.: А з б е л е в С. Н. Новгородские летописи... С. 91, примеч. 13).

П., приспособляясь к литературным вкусам читателей, существовала в рукописной традиции несколько столетий, пережив Щилов монастырь, упраздненный в 1725 г.

Изд.: ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 21—24; Л о с а р е в Х. М. Описание рукописей Общества любителей древней письменности. СПб., 1892. Т. 1. С. 302—308; Т и т о в А. Повести о Щиле (новгородское сказание). М., 1911; Е р е м и и И. П. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле: (Исследования и тексты) // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 59—151; Г у д з и й Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе. 5-е изд. М., 1952. С. 213—215.

Лит.: К а л а й д о в и ч К. Ф. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских: Из древних русских летописей. М., 1821. Дополнение. С. 303—305; Б у с л а е в Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861. С. 58—61; П е т у х о в Е. В. Очерки литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 147—148, 220—228, 293 (ОЛДП. № 108); В и т т А. де. Повесть о новгородском посаднике Щиле // ИОРЯС. 1913. Кн. 2. С. 88—114; К л ю ч е в с к и й В. О. Боярская Дума древней Руси. 5-е изд. Пб., 1919. С. 180—181; Б е р д н и к о в М. Легенда о новгородском посаднике Щиле // Сборник работ студентов-выдвиженцев, аспирантов и научных работников Леп. гос. историко-лингвистического ин-та. Л., 1931. С. 111—127; А д р и а н о в а П е р е т ц и П о к р о в с к а я. Древнерусская повесть. С. 256—263; История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 267—268, 386; Г у д з и й Н. К. История древней русской литературы. 4-е изд. М., 1950. С. 263—264; Н а з а р е в с к и й. Библиография. С. 172—174; К а з а к о в а Н. А.

Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 49—50; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 448—451; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 91—92; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 239—241; Пятнов Н. В. Жанры новгородской литературы XIII—XV веков: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1982. С. 11—15.

М. Д. Казан

Повесть о построении Благовещенской церкви Иоанном и Григорием — одно из литературных произведений, посвященных первому новгородскому архиепископу *Иоанну*. П. в ряде списков присоединена к *Житию Иоанна Новгородского*, но встречается и в отдельных списках («Сказание от новгородского летописца о Благовещенской церкви и монастыре, иже противу Аркажа монастыря. В том же Благовещенском монастыре чудный муж Сергей поведа о том монастыре и о церкви»; «Чюдо о том же архиепископе Иоанне и о брате его Григории. Тъй же ми чудный муж Сергей поведа о Благовещенской церкви монастыря Благовещениа, юже създаша два брата по плоти Григорий и Иоанн, потом же оба быша архиепископи Великому Новуграду и Пскову»; «Ина повесть Иоанна и Григория, архиепископов новгородских чудотворцов о Благовещенском монастыри, иже близь Великого Новаграда за 3 поприща. 6687 (1172)»). П. — самостоятельное произведение, возникшее независимо от *Жития Иоанна*, и присоединение ее к последнему — факт дальнейшей литературной жизни обоих произведений. П. носит сказочный характер, несмотря на связь сюжета с церковной жизнью Новгорода. В тексте нет ни риторических отступлений, ни цитат из церковно-религиозных текстов. Решающую роль в событии, описываемом в П., играет божественное провидение, но рассказано об этом не как о религиозном чуде, а как о чуде сказочном. Начинается П. с сообщения о том, что Иоанн и Григорий (его мирское имя — Гавриил) — братья, сыновья благочестивых и богатых родителей. Получив по смерти родителей богатое наследство, они решают на эти средства создать монастырь в честь Благовещенья богородицы. Основав монастырь с деревянной церковью, братья надумали вместо деревянного храма возвести каменный. Когда церковь была достроена «до рамен» (до плеч), на дальнейшее строительство «не доста сребра». Братья молятся богородице о помощи. Она является им во сне и обещает помочь. И вот утром, уже «не в мечтании, но наяве», братья видят перед монастырскими воротами чудесного, сказочного коня, у которого по обе стороны золотого седла висят «два чемоданца не мала. . . полна суца». С трепетом берут братья «мещца она с седла оба». Конь в тот же миг исчезает, а в мешках оказывается золото и серебро. Братья достраивают храм, покупают монастырю села, сами принимают иночество и добродетельно живут в монастыре. За свою добродетельную жизнь они «един по единому» были возведены на архиепископство в Новгороде, после смерти их погребли в «соборной церкви святяя Софья». В конце к этому рассказу добавлено, что в Благовещенском монастыре «в церкви положен бысть архи-

епископ Феоктист: бе бо ис того же монастыря взят бысть на престол той великий».

В основе сказочной легенды лежат действительные исторические факты: в 1170 г. Иоани, будучи уже архиепископом, и его брат Григорий (Гавриил) основали Благовещенский монастырь с деревянной в нем церковью. В 1179 г. братья построили в монастыре каменную церковь. После смерти Иоанна (ум. 1186) по его благословию архиепископом Новгорода был избран его брат Григорий (ум. 1193). О том, когда возникла легенда о чудесной помощи братьям в построении каменной Благовещенской церкви, сказать ничего нельзя, во всяком случае — после 1179 г. Более определенно можно судить о времени создания П. Упоминание в конце П. архиепископа Феоктиста свидетельствует о том, что она была написана после 1310 г. — года смерти Феоктиста. В заглавии П. рассказчиком ее назван «чудный муж Сергий». Эта П. в ряде списков входит в подборку новгородских повестей, рассказчиком которых назван игумен Островского Никольского монастыря Сергий, духовный отец «нынешнего» игумена Спасо-Хутынского монастыря Закхей. Имя Закхея упомянуто в грамоте 1477—1478 гг. (см.: К о р е ц к и й В. И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // АБ за 1957 год. М., 1958. С. 450). Имя Сергия встречается в грамотах 50—70-х гг. XV в. (см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 173, 175). П., таким образом, создана либо в 50—70-х гг. XV в., если считать, что впервые как литературное произведение она была записана со слов Сергия, либо ее можно датировать отрезком времени с 1310 по 1470-е гг.

П. представлена единственной редакцией. В одном из списков (ГПБ, Соф. собр., № 1428, л. 436 об.—438 об., XVIII в.) к фразе о том, что Иоани и Григорий — дети благочестивых и богатых родителей, добавлено: «. . .отца именем Николы, матери же Христины. И прежде реченный убо брат Илия, мирское имя, сей священствовал у священномученика Власия на Волосове улице и потом бысть черноризец. И наречени убо быста во иноцех имяна им Илия — Иоани, а Гавриил наречен бысть Григорий». В переработанном виде П. включена в основной состав некоторых редакций Жития Иоанна Новгородского, но это уже текст Жития, а не отдельной повести.

Изд.: ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 255—256; ВМЧ. Септ., дни 1—13. СПб., 1868. Стб. 345—347; ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 464—467.

Лит.: Д м и т р и е в Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVIII вв. Л., 1973. С. 169—177, 286—287. См. также литературу к статье *Житие Иоанна Новгородского*,

Л. А. Дмитриев

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков см. Василий, автор Повести о приходе Стефана Батория на град Псков.

Повесть о происхождении винокурения («Отчего уставися вино душепагубное»; «Легенда о происхождении винокурения») — анонимный текст, известный начиная с XVI в. Представляет собой само-

стоятельное развитие апокрифической легенды о Ноевом ковчеге, в которой повествуется, как дьявол наущает жену Ноя с помощью хмеля разузнать у мужа, где тот строит ковчег, и затем разрушает построенное (ср. мотив опьянения Адама и Евы в «Снискании и собрании о божестве и о твари и како созда бог человека» протопопа Аввакума). П. открывается отсылкой к легенде о Ное: пьяный бес рассказывает сатане о некоей траве, с помощью которой была прельщена «Ноева жена до потопа на Аравийских горах...». Бес обзудается сыскать эту траву и, выполнив обещание, передает тайну винокурения нищему в Палестине. Тот демонстрирует обретенное им умение царю и вельможам. П. принадлежит к жанру этиологических легенд и завершается рассказом о распространении винокурения по всему свету: «Разнесся то пьяное питье в Кесарию и Литву, и по всем царствам и странам, и потом же на кончину века сего и к нам, в русскую страну, на погибель душам христианским и на муку вечную».

Изд.: ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 137—138; Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность. М., 1878. С. 224—225 (Труды Этнографического отд. имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. 5, вып. 2).

Лит.: Буслаяев Ф. Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 567—569; Пыпин А. Н. История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 2. С. 533.

И. П. Смирнов

Повесть о Псково-Печерском монастыре — рассказ о возникновении и истории Псково-Печерского монастыря, неоднократно перерабатывавшийся и дополнявшийся начиная с 1531 г. и до 1620-х гг. П. дошла до нас в большом количестве списков. В истории текста П. многое проблематично, не выявлены основные ее списки, не определены редакции, состав, время написания, авторы.

Первая редакция П. была составлена в 1531 г. игуменом Псково-Печерского монастыря *Корнилием*. В 80-е гг. XVI в. работу продолжил *Григорий*, он распространил рассказ Корнилия о начальной истории Псково-Печерского монастыря легендами о Марке, первом старце Печерском, довольно обстоятельно рассказал о деятельности самого Корнилия, составил описание осады Пскова и Псково-Печерского монастыря войсками Стефана Батория в 1581 г. В конце П. Григорий в цифровой тайнописи сообщил свое имя и указал, в какое время он работал над ней: при игумене Никоне (до 1587 г.), по благословению Тихона, архиепископа Казанского (с 1583 г., до этого был игуменом Псково-Печерского монастыря). В чистом виде текст в редакции Григория встречается редко (ГПБ, собр. ПДА, № 432; ЦГАДА, ф. 181, № 470), в большинстве списков П. в редакции Григория либо сокращена (не читается тайнопись с именем автора), либо дополнена новыми главами, написанными в более позднее время.

Довольно большая группа списков П. (ИРЛИ, собр. Потоцкого, № 1; ГБЛ, ф. 299, № 587; ЦГАДА, ф. 181, № 639, и др.) имеет следующий состав: к тексту в редакции Григория добавлено пять глав — «О предложении мощей начальных старцев Печерских» (рассказ о том,

как в 1600 г. были переложены в новые гробницы останки Марка, Ионы и Вассы); «О крестохождении ко святой и живоначальной Троице во град Псков в неделю седьмую по Пасхе по завету осадных людей в Печерском монастыре» (переписка 1601 г. между игуменом Иоакимом и Псковским епископом Геннадием об установлении крестного хода с Печерскими иконами в Псков); «О крестохождении в чину и уставе писано сице» (чин крестного хода); «Второе уложение во время глада» (описание голода 1602 г. и рассказ о крестном ходе с Печерскими иконами, встрече их священниками и псковичами в Камно, молебне «о плодах земных и теплоте солнечной»); «О монастыре» (подробное описание монастыря, всех его зданий, служб, башен, стен, ворот и т. д.). В последней главе «О монастыре» описание пещер заканчивается словами о том, что число погребенных в них «по настоящему сие по 7111 лето яко до 500 и более» (ИРЛИ, собр. Потоцкого, № 1, л. 410). Следовательно, можно предположить, что П. подобного состава была написана в 1603 г. при игумене Иоакиме и, вероятно, по инициативе и при поддержке Псковского епископа Геннадия, поскольку ему уделяется очень большое внимание при описании монастырской жизни 1600—1603 гг. В некоторых списках (ГПБ, Солов. собр., № 609/628; собр. Погодина, № 902) описание монастыря предшествует всему тексту и даже вынесено за общий заголовок П. Возможно, такой порядок глав в редакции 1603 г. первоначален. Последующие редакторы, как правило, не включают главу «О монастыре» в текст П. Вероятно, она воспринималась ими как самостоятельный и не входящий в произведение текст.

Следующая группа списков (ГПБ, Эрмитажн. собр., № 484; ГБЛ, ф. 236, № 61; ф. 200, № 69, и др.) представляет собою редакцию П. с чудесами. К тексту редакции 1603 г. (но, как правило, без описания монастыря) присоединяется новая глава «О чудесах пречистыя богородицы от иконы честнаго ея Успения, иже во Псковской области в Печерском монастыре, от иконы Умиления, зовомой Владимирския» (ГБЛ, ф. 236, № 61, л. 259 об.; название в разных списках несколько варьируется). Первый этап работы над описанием чудес можно отнести к кон. 80-х гг. XVI в.: в ответ на письмо 1587 г. князя Н. Р. Трубецкого игумен же Мелентий з братьею вопрошания ради его пишут к нему сказание о чудесах пречистыя богородица сице» (там же, л. 259 об.—260). Списки П. с описанием чудес в редакции «Мелентия з братьею» пока не выявлены. Обычно глава «О чудесах» содержит рассказ о 50—52 чудесах, последние из них датируются 1606 г., его можно считать годом составления окончательной редакции П. с чудесами. И сами чудеса, и рассказ о них традиционны; документальность, точность, конкретность описания позволяют почерпнуть из него много сведений о повседневной жизни псковичей. Глава «О чудесах» пополнялась новыми рассказами в более позднее время. Так, в списке ГБЛ, ф. 200, № 69 читаются, кроме 50, два новых чуда — 1693 и 1708 гг. В 1710 г. П. переписал псаломщик Псково-Печерского монастыря Евдоким, он же является героем и автором рассказа о чуде 1708 г. Тот факт, что книжник Псково-Печерского монастыря в 1710 г., дополняя раздел чудес,

использовал текст в редакции 1606 г., еще раз подтверждает мысль о том, что П. в редакции с чудесами составлялась приблизительно в 1600-е гг. и после этого глава «О чудесех» долгое время не редактировалась и не дополнялась.

В 20-е гг. XVII в. П. была дополнена главой «О нашествии ино-племенник к Печерскому монастырю» (ГПБ, Q.XVII.34; Соф. собр., № 1483), в которой рассказывается о трехмесячной защите монастыря от войск Ходкевича в 1611 г. Описание осады монастыря довольно бесхитростно и простодушно, большое внимание автор уделяет различным знамениям и чудесам, и в то же время подробно, со знанием деталей рассказывает о многочисленных штурмах монастырских стен и башен, о стойкости, мужестве монахов, воинов, простых жителей, защищавших монастырь.

П. в редакции Корнилия издал Н. И. Серебрянский, научного издания других редакций нет. В книге, выпущенной Синодальной типографией и неоднократно переиздававшейся, П. напечатана по неизвестному списку, в стиле имеются явные поновления. Печатный текст П. близок редакции с чудесами, однако композиция частей совершенно иная, чем в известных рукописных списках: рассказ об истории монастыря, об осаде Пскова и монастыря войсками Стефана Батория продолжен главой «О крестохождении», она соединяет в себе рассказы о всех крестных ходах из монастыря в Псков; далее следует глава «О чудесех» с описанием шести чудес, последнее — 1589 г.; после этого идут главы «О преподобном Марке Печерском», «О предложении мощей начальных старец Печерских». Отдельно было издано описание чудес Псково-Печерских икон в редакции Евдокима 1710 г.

Изд.: Повесть о начале и основании Печерского монастыря, взята из древних летописцев, обретающихся в книгохранилище оного монастыря. М., 1807; то же: М., 1831; Псков, 1849; Выписка из Повести о Псково-Печерском монастыре, с благословения Псковского и Порховского епископа Павла издаваемая. О чудесех пречистой богородицы от иконы честнаго и славнаго ея Успения, иже во Псковской области в Печерском монастыре, и от иконы Умиления пречистой богородицы, зовомой в Руси Владимирскою. Псков, 1881; С е р е б р я н с к и й Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 545—552.

Лит.: Евгений [Болховитинов]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 340; Ключевский, И. Я. Древнерусские жития. С. 250, 315; Строев. Словарь. С. 378—380.

В. П. Охотникова

Повесть о псковском взятии — рассказ о событиях 1510 г., когда в процессе централизации русских земель Псков потерял свою былую самостоятельность и подчинился власти великого князя московского; было упразднено вече, снят и увезен в Москву вечевой колокол, символ былой воли и независимости, из города были выселены 300 семей, князь *Василий III* назначил в Псков своих наместников и дьяков. П. дошла до нас в двух основных независимых друг от друга редакциях — московской и псковской. События 1510 г. по-разному воспринимались современниками. Автор или редактор летопис-

ной статьи 1510 г. в *Летописи Псковской III* (считают, что им мог быть *Корнилий*, игумен Псково-Печерского монастыря) с гневом пишет о коварстве Василия III и его нововведениях в Пскове, сравнивает московского князя с антихристом.

Неизвестный автор П., которая читается в составе ПЛ, придерживался иных взглядов. Никаких сведений о нем не сохранилось, но ясно, что он был псковичем, очевидцем событий. Его рассказ отличается обстоятельностью, простотой, искренностью тона. П. очень лирична, все события освещены сложными и противоречивыми авторскими эмоциями. Автор сожалеет о былой воле Пскова и не может без скорби, слез и грусти писать о конце «славы псковской». Однако его нельзя считать яростным противником московской власти, он осознает закономерность присоединения Пскова к Москве, считает Псков старинной вотчиной великих князей и вспоминает о том, что псковичи издавна клялись великим князьям следовать их воле. Он видит и вину самих псковичей и упрекает их в том, что они предались «злым и лихим поклепам и у вещи кричанию», «а не ведуще глава, что язык глаголеть, не умеюще своего дому строити, а градом наряжати». Но и к новой княжеской власти автор относится весьма критически, хотя не обвиняет самого Василия Ивановича, считая, что в «неправде московской» повинны в основном наместники великого князя: «И у наместников и у их тиунов и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетело на небо и кривда начаша в них ходити, и быша немилостивы до пскович, а псковичи бедныя не ведаша правды московския». Автор П. обнаруживает знание многих произведений древнерусской литературы, он органично вплетает в свое повествование мотивы и образы из Библии, проповедей *Серапиона Владимирского*, *Девгениева деяния*. В самых драматических эпизодах (арест псковских послов в Новгороде, вече, на котором дьяк Третьяк Долматов излагает требования великого князя, снятие вечного колокола, выселение псковичей) его рассказ исполнен истинного лиризма и вдохновения, особо нужно выделить плач Пскова о своей былой славе: «О славнейший во градах великий Пскове, почто бо сетуеши, почто бо плачешь? И отвеца град Псков: како ми не сетовати, како ми не плакати? Прилетел на мене многокрыльный орел, исполнь крыле нохтей, и взя от мене кедра древа ливанова, попустившу богу за грехи наша, и землю нашу пусту сотвориша, и град наш разорися, и люди наши плениша. . .».

Московская П. написана неизвестным автором в 40-е гг. XVI в., сохранилось несколько списков П., старший из них датируется кон. 20-х—нач. 30-х гг. XVI в. (БАН, Арханг. собр., Д. 193). Московская П. лишена того лиризма, который свойствен псковскому произведению, стиль московского автора суховат, деловит, объективен. Как считает Н. Н. Масленникова, московская П. основывается на документальных материалах, по всей видимости, автору были известны записанные жалобы князя Репни-Оболенского на псковичей и псковичей на князя, грамоты и речи псковских послов, ответы и обращения к псковичам великого князя. При изложении речей, грамот автор использует прямую речь, усиливая впечатление пре-

дельной объективности и правдивости. Событийная основа московской П. сходна с псковской, однако трактовка событий совершенно иная. В изображении псковича попустики и решения великого князя выглядят иногда не очень благородно, не случайно псковский автор, описывая возвращение псковских послов из Новгорода, замечает: «князь великий дар их честно принял, а сердечный никто же весть, что князь великий здумал на свою отчину». В московской П. события изображаются таким образом, что решения, речи, действия великого князя кажутся единственно возможными и целесообразными в данной ситуации. Иначе изображены и псковичи. Как справедливо отмечает Н. Н. Масленникова, московская П. свидетельствует о том, что в Пскове не было единства: «. . . тогда в Пскове быша мятежи, и обиды, и насилие велико черным и мелким людем от посадников псковских и бояр», московский автор прямо говорит о междоусобных бранях, в то время как псковский автор сглаживает, затеняет противоречия внутри псковского веча, между посадниками, между черными людьми и посадниками, боярами. Картина социально-политических противоречий изображена московским автором, человеком со стороны, более объективно. Существенным образом отличается реакция псковичей на происходящее, московский автор ни разу не упоминает о чувствах и настроениях псковичей, все решения и приказания великого князя они принимают как должное, не выражая никаких эмоций, самые острые моменты для псковичей — речь на вече дьяка, снятие вечаемого колокола — он описывает очень кратко.

П. московской и псковской редакций отразилась в русском летописании XVI—XVII вв., история ее в летописных сводах, их дополнительные источники, характер редакторской правки не изучены с достаточной полнотой. Следует особо отметить П. в составе Бальзеровского и Горюшкинского списков *Летописи Софийской I*, она сходна с псковской П., но более категорична в отрицательных оценках деятельности псковской администрации и нового политического устройства в Пскове. В сопоставлении с другими редакциями не изучен своеобразный текст П. по списку ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, № 373.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 282—287; Псковские летописи / Пригот. к печ. А. Насонов. М.: Л., 1941. Вып. 1. С. 92—97; Вып. 2 (под ред. А. Н. Насонова). М., 1955. С. 253—259, 293—299, 300—301; Масленникова Н. И. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 185—194; Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 176—179; П.ЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 364—375.

Лит.: Костомаров П. И. Северо-русские народоправства. СПб., 1863; Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873; Герасимова В. И. Присоединение Пскова к Московскому централизованному государству // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена. 1948. Т. 78; История русской литературы. М.: Л., 1945. Т. 2, ч. 2. С. 401—406; Кукушкина М. В. Новый список Повести о псковском взятии // ТОДРЛ. М.: Л., 1960. Т. 16. С. 463—476.

В. И. Охотникова

Повесть • разгроме Новгорода Иваном Грозным (в раннем варианте: «О приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича и како казнил Великий Новгород, еже оприщина и разгром именуется») — летописная повесть, рассказывающая об одном из трагических эпизодов правления *Ивана Грозного*, о Новгородском походе 1570 г. Воспользовавшись слухом о желании новгородцев во главе с архиепископом *Пименом* предаться польскому королю Сигизмунду-Августу, Иван IV в январе 1570 г. отправился с карательной экспедицией в Новгород во главе опричного войска. Сначала ограблению подверглись новгородские и окрестные монастыри, белое новгородское духовенство, затем обвинения были предъявлены Пимену, после службы и трапезы была конфискована владычная казна, драгоценная церковная утварь, иконы, алтарные Курсунские ворота; той же участи подверглась казна, иконы, колокола новгородских церквей. Конфискации сопровождалась пытками и казнями новгородцев. Кроме духовенства пострадали представители приказной администрации, дворяне, купцы. Были разграблены дома посадских людей, новгородский торг; то, что нельзя было увезти, опричники сжигали. Погром был диким и бессмысленным: опричники ломали в домах ворота и окна, в деревнях убивали скот. П. говорит о гибели нескольких десятков тысяч новгородцев, хотя цифра эта явно преувеличена. Архиепископ Пимен был арестован, увезен в Александровскую слободу; после суда с него был снят сан и он был отправлен в заточение.

П. представляет собой историческое произведение, написанное новгородцем, осуждающим царя. Однако царский гнев автор с самого начала объясняет клеветой: «Наущением зломысленных богоотступников и злых человек вложипа во ум и во уши царевы неприязненныя и сопротивныя глаголы, изменныя на архиепископа новгородского Пимина и на его владычных бояр, и на лутчих людей посадских и именных, еже о предании Великого Новаграда иноплемненным. . .». Владея стилем лаконичного делового повествования, неизвестный новгородец выступает и искусственным писателем, умело рисующим сцены погромов и казней. Дважды вводит он в рассказ речи *Ивана Грозного* (гневную, обращенную к встречавшему его на мосту Пимену, и примирительную, к уцелевшим новгородцам). Историки начиная с Н. М. Карамзина использовали П. в качестве достоверного источника при описании разгрома Новгорода в 1570 г. Действительно, рассказ П. подтверждается записками иностранцев-современников — Г. Штадена, А. Шлихтинга, И. Таубе и Э. Крузе, показаниями официального Синодика *Ивана IV*, другими документами. Значение этого события для судьбы Новгорода и истории Московского государства оценивалось по-разному. Р. Г. Скрынников считал основной целью похода пополнение истощенной войной царской казны и сведение счетов с отдельными политическими противниками, сторонниками князя *Владимира Старицкого*; что касается политической самостоятельности Новгорода, то она была уже ликвидирована после походов *Ивана III* и официального присоединения Новгорода к Московскому государству. А. А. Зимин придавал этому событию более широкий политический смысл, видя в нем осуществление мероприятий по

уничтожению последних уделов в Московском государстве; по его мнению, только после разгрома 1570 г. Новгород из соперника Москвы превратился в рядовой город Русского централизованного государства, всецело подчиненный московской администрации.

Текст П. существует в двух редакциях — Краткой и Пространной. Все дальнейшие модификации текста П. основаны на этих редакциях; первоначальный текст дошел до нас в составе Новгородских летописей — Новгородской Уваровской (НУвЛ) и созданной на ее основе ННПЛ (70-е гг. XVII в.). По определению С. Н. Азбелева, П. вставлена в летописный текст. Действительно, перед ней в летописях уже кратко сообщается о походе Ивана Грозного, а затем это же событие подробно изложено П. Так как основная часть НУвЛ датируется кон. XVI в., то и саму П. можно датировать 80—90-ми гг. XVI в. Ее автор мог быть очевидцем события или писать со слов очевидца. В ННПЛ читается тот же текст с небольшими отличиями: так, в НУвЛ не сказано, в какой монастырь был заточен Пимен, а в ННПЛ этот монастырь назван. Следующий этап в истории текста П. связан с Новгородской Забелинской летописью (НЗабЛ — 80-е гг. XVII в.), созданной на основе ННПЛ. В тот же краткий текст П. вставлены летописные фрагменты, читающиеся в НУвЛ и ННПЛ перед П., — об убийстве князя Владимира Старицкого, о гибели в Тверском Отрочем монастыре опального митрополита Филиппа II и разгроме Твери, об убийстве игумена Антониева монастыря Галасия, о снятии со святой Софии большого «пиминовского» колокола и отсылки его в Александровскую слободу. Эти фрагменты в НЗабЛ читаются только внутри П., при этом разбивают единое изложение текста Краткой редакции. Другой особенностью Забелинской редакции П. является дважды приведенное начало — известие о том, что царь послал в Новгород «наперед себя изгоном предний полк». Все это указывает на вторичность текста Забелинской редакции по сравнению с Краткой. Замысел редактора понятен: он стремился включить П. в летописное изложение, вставив в нее в хронологическом порядке другие события. При этом убийство Владимира Старицкого попало под 6 января 1570 г., в то время как оно произошло до похода царя в Новгород — 9 октября 1569 г.

Нельзя согласиться с С. А. Морозовым, считающим Забелинскую редакцию П. первой, полной, а Краткую — второй, Сокращенной (по его терминологии). Искусственность такого построения тем более наглядна, что наличие летописных фрагментов в более ранних, чем Забелинская, летописях — НУвЛ и ННПЛ С. А. Морозов объясняет выведением их из текста П. Не избежал исследователь и других противоречий, например, датируя Забелинскую редакцию П. по НУвЛ, в которой читается не Забелинская, а Краткая (по Морозову — Сокращенная) редакция П.

По-видимому, в Новгороде после похода Ивана Грозного возникло предание, стремящееся отвести от новгородцев подозрение в измене. Клеветником в нем был изображен некий Петр Вольнец, изготовивший подложную челобитную новгородцев польскому королю. Возможно, что в основе этой легенды и лежал какой-то реальный факт

(В. Б. Кобрин обнаружил в описи Царского архива запись о челобитной, поданной в ноябре 1569 г. на «Петрово имя Вольтинского»; см. рецензию В. Б. Кобрин на кн. «Описи Царского архива XVI века. . .» — ВИ. 1962. № 4. С. 146). Легенда о Петре Вольтинце опубликована А. Ф. Бычковым по Летописцу XVIII в. Николо-Дворищенского собора (Новгородские летописи. С. 468—469). В списке кон. XVIII в. БАН, 17.8.25 рассказ о Петре Вольтинце соединен с П. Забелинской редакцией, образовав текст, названный С. А. Морозовым Фольклорной редакцией. Рукопись БАН представляет собой особый вид Новгородской Погодинской летописи (НПоГЛ), следующей в генеалогии новгородских сводов за НЗаБЛ; особенностью этого списка являются обширные вставки, к которым, вероятно, относится и Фольклорная редакция П. (в основных видах НПоГЛ рассказа о походе Ивана Грозного на Новгород нет). Возможно, на возникновение Фольклорной редакции повлияла связь НПоГЛ с Летописцем Николо-Дворищенского собора, прослеженная С. Н. Азбелевым (см.: А з б е л е в С. Н. Новгородские летописи. . . С. 126). Таким образом, модификации П., основанные на тексте Краткой редакции (Краткая — Забелинская — Фольклорная), соответствуют генеалогии Новгородских летописных сводов кон. XVI—XVII вв. (НУвЛ — НШЛ — НЗаБЛ — НПоГЛ).

Пространная редакция П. основана на тексте Краткой редакции. Она предваряется обширным традиционным вступлением и распространяет стилистическими дополнениями текст Краткой на всем его протяжении. Стилистическое распространение коснулось и этикетного титулования Ивана Грозного, что было расценено А. С. Морозовым как «приглушение» обвинительных антицарских мотивов. Дополненная эпизодами из *Жития Филиппа митрополита* Пространная редакция включена в свод Никона 1652 г. (этот вид текста назван А. С. Морозовым Компильтивной редакцией). По предположению А. Н. Насонова, в своде Никона был использован Новгородский летописец кон. XVI в., оразившийся в рукописи ГИМ, Музейск. собр., № 3058 (Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 483). Таким образом, и Пространная, и Компильтивная редакции также скорее всего новгородского происхождения. Один из ранних списков Пространной редакции датируется В. И. Бугановым 10—20-ми гг. XVII в. (ЛОИИ, к. 238, колл. Лихачева, оп. 1, № 11 — см.: Б у г а н о в В. И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 259—275). Не исключено, что и сама Пространная редакция возникла на рубеже XVI и XVII вв.

П. была широко распространена в древнерусской письменности. С. А. Морозов зафиксировал свыше 80 списков разных ее редакций в составе летописных сводов, исторических сборников, в Латухинской Степенной книге.

Изд.: НСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 254—262; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 337—345, 393—404; Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси / Публ. и коммент. Ю. К. Бегунова. М., 1969. С. 477—483, 764—765.

Лит.: Маркс К. Обзор истории Скандинавии и России до начала Тридцатилетней войны // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1946. Т. 8. С. 165; Крамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. С. 145—146, 148—152, примеч. № 288—291; Соловьев С. История России с древнейших времен. М., 1856. Т. 6. С. 226—229; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 5, 30, 82, 126, 260; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 293—305; Скрынников Р. Г. 1) Опричный террор // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1969. Т. 374. С. 25—76; 2) Иван Грозный. М., 1975. С. 145—160; Крупица А. А. Предания о времени Ивана Грозного. 1. Предания об опричнине // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 208—243; Морозов С. А. 1) Обзор списков редакций Повести о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 268—274; 2) Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI века: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1979. С. 19—24.

М. Д. Каган

Повесть о ропате см. *Повесть о варяжской божнице.*

Повесть о смерти Василия III — летописная повесть о болезни и последних днях великого князя *Василия III Ивановича* в 1533 г. Первоначальная версия П., составленная вскоре после смерти Василия, читается в *Летописи Новгородской Дубровского*, Воскресенском списке *Летописи Софийской II* и *Летописце Постниковском*. Здесь содержится ряд живых деталей, несомненно записанных свидетелем болезни и смерти князя. Описывается болезнь Василия («мала болячка на левой стране на стегне. . . в булавочную голову», приведенная к заражению крови), предсмертный разговор князя с врачом «Миколаем» (*Николаем Булевым*), признавшим болезнь Василия III «непособной» (неизлечимой), и его прощание с малолетним сыном — будущим *Иваном Грозным*. Рассказ был составлен в правление вдовы Василия Елены Глинской (управлявшей за малолетнего Ивана IV), и ей приписывалась в нем особо почетная роль: великий князь поручал ей управление «по достоянию, как прежним великим княгиням». В совсем ином свете выступали те лица, которые попали при Елене в опалу, — ее дядя Михаил Глинский, брат Василия Андрей Иванович и другие. В предсмертной речи, содержащейся в П., князь напоминает своим приближенным, что Михаил Глинский «человек к нам приезжий», и требует от него беспредельной преданности малолетнему Ивану IV и великой княгине; Андрей Иванович пытается воспрепятствовать пострижению в монахи умирающего князя (за что его сурово осуждает митрополит *Даниил*). Заканчивается рассказ описанием вынесения тела умершего Василия III и лишившейся сознания великой княгини.

П. подверглась значительному сокращению и переделке в *Летописи Воскресенской* — своде 1542 г., составленном после смерти Елены — в правление Шуйских. Из предсмертной речи Василия III были исключены упоминания о важной роли, которую он предназначал своей вдове; вместо этого великий князь, передавая скипетр сыну, прославлял своих бояр и говорил об их неизменной верности своему государю. За описанием смерти Василия III следует здесь рассказ об измене его брата Юрия, где говорится, как Юрий сразу

после смерти великого князя стал подговаривать боярина Андрея Шуйского изменить малолетнему государю; Шуйский, напомнив Юрию о присяге, данной умирающему князю, с негодованием отверг это предложение; вероломный Юрий подвергся заслуженной каре.

Новым переделкам П. (в краткой версии) подверглась в *Летописце начала царства*, составленном в 50-х гг. XVI в. и включенном в Патриарший список *Летописи Никоновской*. В отличие от большинства летописей Летописец начала царства излагал не всю русскую историю, а лишь историю царствования Ивана IV и начинался он рассказом о смерти Василия III. Основанный на Воскресенской летописи, новый вариант, однако, отвергал ее пробоярские тенденции: из речи Василия, благословляющего сына на царство, были исключены похвалы боярам и вставлено упоминание, что отец вручил малолетнему Ивану IV вместе со скипетром венец и диадемы Мономаха; были вновь включены похвалы Елене. Существенно изменилось в Летописце начала царства и описание междоусобной борьбы после Василия III: виновниками ее оказывались теперь те самые Шуйские, которые прославлялись в предшествующей версии.

После опалы *Адашева* в нач. 60-х гг. XVI в. была составлена новая редакция Никоновской летописи (а также «свод 1560 г.», отражившийся в *Летописи Львовской*), где текст П. из Летописца начала царства был снова заменен текстом из Воскресенской летописи (с осуждением Юрия и прославлением А. Шуйского).

И наконец, последняя переработка П. содержится в *Царственной книге*, которая должна была завершить *Летописный свод Лицевой*. Составитель Царственной книги вернулся к пространной редакции П., помещенной в Новгородской летописи Дубровского, Постниковском летописце и Софийской II летописи по Воскресенскому списку. Однако в отличие от первоначальной версии пространной редакции предсмертные речи Василия III имели здесь развернутый и этикетный характер; умирающий князь говорил о необходимости «держать» руку православных христиан «высоко» не только над «бесерменством», но и над «латыньскими» (это было, очевидно, связано с начавшейся уже Ливонской войной); обширное дополнение было посвящено также регалиям Мономаха, которые умирающий князь вручал сыну. Из Воскресенской летописи были включены известия, направленные против братьев Василия III — Андрея и Юрия (ставшие актуальными в связи с преследованием сына Андрея — Владимира Андреевича). Особый интерес составителя Царственной книги к рассказу о болезни Василия III был связан, очевидно, с тем, что в конце этой летописи был помещен аналогичный рассказ о болезни в 1533 г. Ивана IV, требовавшего от бояр присяги своему малолетнему сыну.

Кроме летописей, пространная редакция П. была включена также в Степенную книгу (в сокращенном виде) и в *Великие Минеи Четик*.

Высокие художественные достоинства П., богатство живых деталей неоднократно привлекали к ней внимание исследователей. Советская писательница В. Ф. Павова положила этот памятник в основу своей исторической повести «Кто умирает?» (Павова В. Лики на заре. М.; Л., 1969. С. 204—239).

Далее в разделе *Изд.* отмечает издания: I — первоначальной версии пространной, II — поздней версии, III — краткой редакцией П.

Изд.: I. ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 267—276; Л., 1925. Т. 4, вып. 2. С. 552—564; М., 1978. Т. 34. С. 18—24; ПЛДР. Середина XVI в. М., 1985. С. 18—47; II. ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 409—420; СПб., 1913. Т. 21, 2-я пол. С. 612—615; М., 1965. Т. 29. С. 117—128; III. ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 285—286; СПб., 1904. Т. 13. С. 75—79 (левая колонка — «Летописец начала царства», правая — новая редакция Никоновской); М., 1965. С. 9—11.

Лит.: Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 72—77; *История русской литературы*. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 448—449; *Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе*. Л., 1970. С. 436—437; З и м и н А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 390—395; Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1979. С. 61—77.

Я. С. Лурье

Повесть о создании и полении Тройском — повесть, рассказывающая о событиях Троянской войны и созданная, вероятнее всего, составителем первой редакции *Хронографа Русского* на основе двух источников: рассказа о Троянской войне в *Хронике Константина Манассии* (главы «Зде поведует, како вечернии елини и восточнии междусобнуя рать сътвориша велику некогда») и южнославянского перевода повести о Троянской войне: текст ее под заглавием «Повести о известованных вещей еже о кралех причя и о рождених и пребываних» (в литературе повесть именуется обычно «Притча о кралех») известен в составе Ватиканского и Софийского списков болгарского перевода *Хроники Константина Манассии*. (Он издавался в составе текста *Хроники*, а также отдельно, см., например: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 2. Славяно-романский отдел // СОРЯС. 1888. Т. 44, № 3. С. 25—124). Искусно соединив в цельное повествование фрагменты из обоих текстов, древнерусский книжник создал свой самостоятельный рассказ о событиях Троянской войны. Повествование начинается рассказом об основании Трои, затем излагается история Париса (в П. он именуется Александр Фариж) и похищения Елены, описывается поход греков на Трою, осада и взятие города, сообщается о последующей судьбе героев (по этой версии Менелай отрубает головы Елене и Парису). П. вошла в состав 106-й главы *Хронографа* редакции 1512 г.; она читается также в составе *Хронографа* Западнорусской редакции и *Хронографов* редакции 1599 и 1601 гг. В редакциях *Русского Хронографа* XVII в. эта П. была заменена другим рассказом о Троянской войне, восходящим к *Хронике Мартина Бельского* (Повестью о златом руне волшебного овна). Известно несколько списков П. в составе рукописных сборников XVII—XVIII вв., куда она была выписана из *хронографа*. Кроме того, П. вошла в состав первого тома *Летописного свода Лицевого* (ГИМ, Музейск. собр., № 358, л. 1003—1028 об.), где она соседствует

с другим памятником, посвященным рассказу о событиях Троянской войны, — переводом «Троянской истории» Гвидо де Колумна. П. была наиболее распространенным в древнерусской литературе произведением по мотивам Троянского эпоса (помимо названных произведений см. также *Хронику Иоанна Малалы*).

Изд.: Иынин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 50—56, 306—316; Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 218—224; Русский хронограф. Хронограф Западнорусской редакции // ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 22, ч. 2. С. 37—43; Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Подгот. текста и ст. О. В. Творогова; Комментар. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972 (сер. «Литературные памятники»).

Лит.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 124—126; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 118—123; Назаревский. Библиография. С. 162—163; Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 277—281.

О. В. Творогов

Повесть о старом муже и молодой девице — анонимный памятник, созданный не позднее кон. XVI в. (в «Хрестоматии по древней русской литературе» Н. К. Гудзия П. ошибочно отнесена к XVII в.). История текста изучена недостаточно.

Следует различать две редакции этого произведения — старшую и младшую, сложившуюся в XVII в. и подхваченную низовой народной литературой (лубочные повести «О жематом волоките», «Седина в бороду, а бес в ребро»). Старшая редакция (опубликована В. Н. Перетцем) отличается назидательным характером, комическое начало в ней проявлено слабо; младшая редакция (издана Х. А. Лопаревым) насыщена просторечной лексикой и вульгаризмами, обнаруживает текстуальные совпадения с повлиявшим на нее Сказанием о молодце и девице.

П. построена в форме диалога-перебранки между сватающимся стариком и отказывающейся «содеяти утеху» с ним «прекрасной девицей». Отвергая посулы жениха, девица советует ему задуматься о «будущем веде» — спасти душу постом, раздать золото нищим и убогим, отпустить на свободу рабов, самому постричься в монахи и угрожает семейными неурядицами, если брак все же состоится. Не внемля предостережениям, любвеобильный старец вступает в брак, который оказывается несчастливым: «Стару молода жена — людям корысть, а тебе папасть, и старость, и сухота, и безвечие». В концовке младшей редакции П. — иное чтение: неудачливый жених «три года бегал да удавился».

Диалог, который ведут персонажи П., разворачивается таким образом, что в величальных репликах жениха невеста сопоставляется с символами гармонического единства («словеса сия сложила, аки древа листьям украсила»), тогда как в ответах героини ее партнер объединяется с разнообразными символами отверженности, одиночества и болезни: «. . . а тебе у меня, старому смерду, спать на полу или на кутнике на голых досках с собаками, а в головы тебе из под

жернов дресваной (т. е. в мелких трещинах, нечистый) камень (. . .) а тебе, старому смерду, поберещенной (по-видимому, производное от «береста») рожке, неколотой потылице, жаравной шее, лещевым скорыньям («скорынья» — челюсть) . . . понырой свинье, раковым глазам, подхилому гузну, опухлым пятам, синему брюху (. . .), сидел бы ты на печи (ср. образы печи и золы в сказочном и былевом фольклоре в связи с присутствующими там мотивами социально обездоленного героя), чтобы у тебя, смерда, в шее скрыпело, а в роте храпело, а в носе сопело, а в гузне шипело, жил бы ты, что жук в г. . ., что желна в дупле, что черв за корою, что сверчок за опечью. . .». По существу диалог представляет собой чередование двух стилистических фигур — гиперболы (преувеличение возможностей невесты), которыми располагает жених) и литоты (уменьшение этих возможностей невестой). Реплики, которыми обмениваются старик и девица, пронизаны прихотливыми звуковыми повторами: «Аще ли уноша убог будет, ино бог богат своею милостию. . .»; «. . . а в место тебе место старому смерду, мостолыга старые коровы, и та недоварена. . .».

Элементы канонического свадебного обряда подвергаются в П. комической переоценке, снижению. Если в свадебных величаниях жених и невеста обычно именуется «князем» и «княгиней», то в П., напротив, девица называет сватающегося к ней героя «старым смердом» (в старшей редакции памятника слышны отзвуки и других обрядов, например ритуала «подогревания покойника»: «Твою плот рязкизает теплостью творити, аки мертву, и вся уды твоя ослабеют: тогда начнешь тужити и плакати от безумия своего. . .»). В целом П. может быть понята как реализация подспудно содержащейся в ней архаической метафоры свадьба — битва, переведенной в план словесного поединка героев (эта метафора в такой же модификации известна и былевому эпосу, охотно обращающемуся к мотиву брачных состязаний).

Комическая тема «неравного брака», введенная в русскую литературу П., повторялась затем в словесном искусстве неоднократно (ср. хотя бы сватовство Степана Трофимовича Верховенского в «Бесах» Достоевского; ср. также жанровую живопись Федотова).

Изд.: ПЛ. 1860. Вып. 2. С. 453—454; Л о п а р е в Х. Сказание о молодце и о девице: Вновь найденная эротическая повесть народной литературы. СПб., 1894. С. 10—11, 25—28 (ИДП. № 99); П е р е т ц В. П. Из истории старинной русской повести // Университетские известия. Киев, 1907. № 9. Прил. С. 77—83.

Лит.: П е р е т ц В. П. 1) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 13—28 февраля 1911 года. Киев, 1912. С. 46—47; 2) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 года. Киев, 1912. С. 6—7, 46—47.

И. П. Смирнов

Повесть о старце, просившем руки царской дочери — один из наиболее ранних памятников русской беллетристики (светского сюжетного повествования). В основе П. лежат два популярных фольклорных сюжета: новеллистическая сказка о женитьбе на царской дочери (ср. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 862-Аарне-Андреев, *841¹) и волшебная сказка

о духе в бутылке (№ 331). В П. рассказывается, как некий старец был смущен словами Евангелия от Матфея: «Голците — отврзется вам, просите — дасться вам, ищите — обрячете». Он добрался до царских врат и толкнул дверь; царь пустил его. Обрадованный подтверждением первой части евангельских слов, старец просит царя дать ему дочь в жены. После однодневного размышления царь не отказывает старцу в его просьбе, но предлагает добыть сперва «камень драгий самоцветной». В пещере мертвого отшельника в Лукоморье старец находит стеклянный сосуд, в котором «нечто борчит, акы муха». В сосуде оказался бес, запечатанный положенным сверху крестом (мотив, встречающийся и в житийной литературе). Старец согласился выпустить беса из сосуда, если тот пообещает ему добыть из моря драгоценный камень. Бес, ставший огромным, бросился в море, вынес камень и отдал старику. Испытание, задуманное старцем, тем самым как будто заканчивается; евангельские слова подтвердились; но П. этим не заканчивается — она продолжается в соответствии с сюжетом волшебной сказки. Старец спрашивает беса, может ли он опять уменьшиться, чтобы залезть в сосуд, — бес уменьшился и вскочил ему на ладонь; старец снова запечатал его крестом. Конец П. оказывается неожиданным для читателя. Верный обещанию царь, получив от старца драгоценный камень, соглашается отдать ему свою дочь, но старец отказывается: он хотел только проверить верность евангельских слов. Он оставляет царю и драгоценный камень, и дочь и возвращается в пустынь. П. дошла до нас в нескольких редакциях. Древнейшая ее редакция — краткая (по классификации Н. Н. Дурново) — сохранилась в единственном списке ГПБ, Соф. собр., № 1478, составленном не позднее 1-й трети XVI в.; наиболее вероятная дата написания П. — кон. XV в.

Фольклорное происхождение предопределило ряд стилистических особенностей П. В отличие от большинства письменных памятников того времени в П. действуют анонимные персонажи, не претендующие на историчность. Речи действующих лиц лаконичны и непосредственно связаны с действием. «Царю господине! есть у тебя дщи — дай ми ее!», — просит герой П. — старец. «На утрие ответ дам ти, старче», — столь же лапидарно отвечает царь. «Дщи твоа тебе, и камень драгий тебе», — заявляет старец в заключение П. Необычное поведение старца — его сватовство к царской дочери — в краткой редакции в соответствии с принципами сказочной поэтики никак не мотивируется. Все это никак не соответствовало дидактическим принципам обычных в духовной литературе «полезных повестей».

Дальнейшая судьба П. предопределялась ее литературным своеобразием. От XVI в. кроме Софийского не дошло больше ни одного списка П. Две последующие редакции — обычная и сводная — относятся к XVII и следующим векам; пространная редакция представлена только списками XIX в.; в XIX в. был записан также ряд устных версий П.

Редакторы XVII и последующих веков пытались устранить необычные черты П., усилить этикетные черты и придать ей тради-

дионный учительный, дидактический характер. Они дали имена анонимным героям: в обычной редакции старец стал именоваться «преподобным Варлаамом», царь — Феодосием, и даже бес получил имя Телокх (или Гелокх). Получило разъяснение и странное сватовство старца к царевне: в обычной редакции царь выражал удивление по этому поводу: «Искушаеши мя, что сия глаголеши, яко неудобно есть чернецу жепитися»; в сводной и пространной редакциях старец тут же цитирует Евангелие, лишая тем самым сюжет его загадочности и занимательности. В краткой редакции бес, как и положено в сказке, был одурачен; в обычной редакции он заранее догадывался, для чего старец (уже получивший сокровище) просил его уменьшиться: «Что мя искушаеши, старче? Хочещи мя опять в корчагу сию вогнати?», — спрашивает он и тем не менее, хотя и постепенно, засовывая руки, ноги, голову, влезает в корчагу. «Старец мя обманул и в корчагу по пояс уже посади», — замечает бес, но продолжает влезать. В пространной редакции была сделана даже попытка справедливого разрешения коллизии между сдержавшим свое обещание бесом и коварным старцем: вернувшись в пустынь, старец обращается с молитвой о прощении заточенного беса: «Аз, грешный, . . . кляхся ему свободити его, но и он, прелестник, . . . клятву свою не преступил, а я того беса в ковчеге паки загородил. . .». Ходатайство старца возымело действие. «. . . услышана бысть молитва твоя перед богом», — сообщают ему.

Вопрос об авторстве и о месте создания II. также не исследован.

Изд.: Дурново Н. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе. Ч. 3. Повесть о старце, просившем руки царской дочери // Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. С. 103—152, 322—326; ПЛДР. Конец XV—начало XVI в. М., 1984. С. 48—51; Коммент. С. 674—675.

Лит.: Дурново Н. Н. Повесть о старце, просившем руки царской дочери // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 344—357; Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 361, 375—376, 384—385; Демкова Н. С. Принципы сюжетной организации текста в извествоательной литературе XVII в. // Вопросы сюжета и композиции. Межвузовский сборник. Горький, 1984. С. 33—41.

Я. С. Лурье

Повесть о Темир-Аксаке — одно из произведений, посвященных борьбе русского народа против монголо-татарских завоевателей. Рукописная традиция донесла до нас около 200 списков произведения XV—XIX вв. Интерес читателей к произведению объясняется его сюжетным своеобразием. С одной стороны, это — воинская повесть, рассказывающая о первой бескровной победе русских войск после страшного Тохтамышева разорения, с другой — сказание о чуде иконы Владимирской богородицы, спасшей столицу Русского государства от нашествия жестокого азиатского завоевателя Тимура.

Несмотря на эту особенность произведения, еще в дореволюционной историографии его относили к жанру повестей. Так оно определяется в большинстве списков: «Месяца августа 26, вегда великое

паче надежда избавление наше бысть преславным образом богоматере от нашествия безбожных агарян. Повесть полезна, от древняго списания сложена, являющи преславного бывшего чудеси о иконе пресвятыя богородици, егда нарицается Владимирская, како прииде от града Владимира в боголюбивый град Москву и избави нас и град наш от безбожного и зловерного царя Темирь-Аксака» (ГБЛ, собр. МДА, ф. 173, разд. III, № 54/86. Торжественник кон. XV в., л. 414 об.—417). Но встречаются варианты, где П. именуется и сказанием, и словом: «Месяца августа 26 день. Чудо от иконы пресвятыя девы владычицы нашея богородицы и присно девы Мария. Внегда великое и паче надежды избавление наше бысть преславным образом от нашествия безбожных агарян, от Темирь-Аксака в лето благочестиваго и великаго князя Василья Дмитриевича. Сказание о Темирь-Аксаке, откуда бысть» (ГПБ, ОРК, Q.1.1126. Сборник 3-й четв. XVII в., л. 17—26 об.); «Месяца августа в 26 день. Слово на стретение чудотворныя иконы Владимирския, юже списа Лука евангелист» (ЦГАДА, собр. МГАМИД, ф. 181, № 740. Сборник слов, поучений, сказаний кон. XVII в., л. 45 об.; см. также название П. в *Летописном своде Московском великокняжеском кон. XV в.* — ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 222). Есть списки П. с кратким вступлением, как например в *Летописи Вологодско-Пермской*: «Месяца августа в 26 день. Чудо, бывшее на встрече иконы святыя богородицы, нарицаемыя Владимирские» (ПСРЛ. М.; Л., 1969. Т. 26. С. 242), но в большинстве летописных списков П. вступление отсутствует (см. в *Летописях Типографской, Софийской II, Прилуцкой, Холмогорской* и др.).

Многочисленные списки произведения один из последних его исследователей В. П. Гребенюк делит на 11 редакций. Из них он особо выделяет две первоначальные редакции А и Б. Следуя классификации исследователя, к редакции А относим летописные (рассказ в *Летописях Си, Львовской, Холмогорской, Тверской, Духовно-Академическом списке Типографской*) и более ста нелетописных списков П.; к редакции Б — только летописные списки П. в составе *Летописей Софийской I* по списку Царского, Московского летописного свода, *Воскресенской, Пискаревской, Ермолинской, Уваровской, Прилуцкой* и *Летописном своде Сокращенном 1493 г.* Самостоятельные редакции образуют: Типографская П. (читается в списках Типографской летописи, кроме Духовно-Академического, в *Летописи Устюжской* и в рукописных сборниках); Вологодско-Пермская П. (читается в Вологодско-Пермской летописи и в рукописных сборниках); Хронографическая П. (читается в *Хронографе Русском, Летописи Никоновской* под 1392 г. и в рукописных сборниках); Никоновская П. (читается в Никоновской летописи под 1395 г. и в рукописных сборниках). Выделяются кроме того сокращенный и проложный варианты П. (в рукописных сборниках). О времени создания П. существует несколько мнений. И. И. Срезневский датировал ее 1-й пол. XV в. А. А. Шахматов пришел к выводу, что произведение создавалось для свода митрополита *Фотия*, составленного в 1418—1423 гг. Вплотную к событиям 1395 г. приблизил появление П. С. К. Шам-

бинаго, считая, что она возникла в кон. XIV в. Разделяя основные выводы своего предшественника, Н. И. Тотубалин, а впоследствии и Б. Н. Путилов отодвинули датировку П. к нач. XV в. Сопоставив все известные ему летописные повествования о Тимуре, Л. В. Черепнин выделил две версии произведения. С первой, более ранней, он связывал рассказ Ермолинской и Воскресенской летописей, полагая, что П., читающаяся в первой летописи, появилась сразу после похода Тимура, а П. во второй — в 1-й пол. XV в. Создание второй версии произведения, сохранившейся в СИЛ, Львовской и Типографской летописях, исследователь относил не ранее чем к сер.—2-й пол. XV в. Тем самым автор первым указал на существование двух редакций П. В. П. Гребенюк назвал их первоначальными редакциями Б и А и уточнил время их появления. По его мнению, редакция А была создана между 1402—1408 гг., а редакция Б — не позднее 1408 г. для *Летописи Троицкой*. Этот вывод исследователя принимает В. В. Колесов, на него ссылается и Л. А. Дмитриев. Однако литературная история произведения противоречит заключению В. П. Гребенюка. При сопоставлении текстов П. выявляется вторичность редакции А и первичность редакций Б и Типографской. В Троицкой летописи, как показывают сходные с ней *Летопись Симеоновская*, *Летописцы Рогожский* и *Владимирский*, П., вероятнее всего, не было, и о нашествии Тимура упоминалось только в краткой записи. Это подтверждают летописи, ближе всего расположенные к Троицкой, в которых П. отсутствует (*Летописи Московско-Академическая*, СИЛ старшего извода). По-видимому, впервые П. в виде краткого рассказа появилась в летописном памятнике, созданном в промежутке между 1408—1446 гг. (Ж у ч к о в а И. Л. «Повесть о Темир-Аксаке». . . С. 106, 107).

В 70—80-х гг. XV в. создаются основные редакции произведения: расширенный вариант П. (редакция Б) для *Летописного свода Московского великокняжеского 1479 г.*, на его основе — Типографская редакция, которая перерабатывается и сокращается составителем редакции А. Выводы В. П. Гребенюка о политической направленности произведения, как и датировка ранних редакций, являются спорными. Исследователь считает, что редакция А возникла при дворе великого князя, а редакция Б — в кругах митрополита. Если мнение В. П. Гребенюка о политической ориентации создателя редакции А вполне оправданно, то его точка зрения о митрополищем происхождении редакции Б не находит подтверждения. Назидательная речь церковного иерарха, обращенная к великому князю, которая является основанием для выводов исследователя, читается только в Московском своде и тождественном ему тексте П. Воскресенской летописи и не обнаруживается в других первоначальных вариантах произведения редакции Б, сохранившихся в Ермолинской, Уваровской и Прилуцкой летописях. Вероятно, целью автора этой версии было как можно точнее воспроизвести ход событий, показать значимость чудесного избавления новой столицы Русского государства от нашествия сильного и жестокого завоевателя. Идея П. о божественном покровительстве столице и всему Русскому государству нашла

отражение в ряде произведений, рассказывающих о нашествиях на Русь татарских завоевателей: Повести об Ахмате (см. ГИМ, Синод. собр., № 965 (542), сборник кон. XVII в., л. 11—14), Повести о нашествии Магмет-Гирея (см. ЦГАДА, Рукописное собр. Саровской пустыни, ф. 357, № 88, сборник, не позднее 1738 г., л. 1—12 об.), Сказания о чудесах иконы Донской богородицы и создании Донского монастыря, рассказывающем о нашествии хана Казы-Гирея в 1591 г. (см. ЦГАДА, Рукописное собр. Саровской пустыни, ф. 357, № 146, Служба и сказание о чудесах иконы Донской богородицы, 3-я четв. XVII в., л. 36—81 об.). В этих произведениях, как и в П., грозные завоеватели побеждаются с помощью божественного вмешательства. Сближают произведения не только сходство сюжета и поэтических образов, но и отдельные словосочетания и обороты. Еще с большей силой мысль о небесном покровительстве Москве и ее богоизбранности звучит в созданном в сер. XVI в. компилятивном *Сказании о иконе богородицы Владимирской*, основным идейным и композиционным центром которого явилась П.

П. испытала воздействие некоторых более ранних произведений древнерусской литературы. Образцом при ее написании послужила *Повесть о нашествии на Царьград персидского царя Хоздроя* (см. ГИМ, собр. Уварова, № 1794/351/373, сборник 1-й трети XVI в., л. 181—192 об.). Эти произведения объединяют не только сходство сюжета и однородность мотивов, но и текстуальная близость. Отдельные эпизоды своего оригинала создатель П. переписал почти без изменений. Наряду с заимствованиями из беллетристической литературы в произведении неоднократно встречаются цитаты из Библии, приводятся сведения о Тимуре и его завоеваниях, очевидно, известные автору П. из рассказов купцов и путешественников. Подробности военной биографии Тимура были почерпнуты из *Жития Стефана Лазаревича Константинопольского* (см. ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, ф. 304, № 686, сборник житий сербских святых кон. XV—1-й трети XVI в., л. 192—195). На П. могло повлиять и *Сказание о битве новгородцев с суздальцами*. В Сказании, как и в П., та же схема построения сюжета, тот же набор повествовательных средств. В произведениях наблюдается сходство не только отдельных словосочетаний и фраз, но и целых отрезков текста. По-видимому, не случайным является совпадение дат в П. и *Повести о нашествии Тохтамыша*. В обоих произведениях решающее событие происходит 26 августа, но в Повести о Тохтамыше — это день захвата и разорения Москвы, а в П. — день бегства Тимура из Руси и избавления столицы от разорения. В первой повести — поражение и скорбь, во второй — победа и всенародное ликование. Научного издания памятника пока не существует. Опубликованы только тексты Типографской редакции (Н. И. Тотубалиным) и I группы редакции А (В. В. Колесовым), не считая изданий П. в составе летописей.

Изд.: Повесть о Темир-Аксаке / Публ. Н. И. Тотубалина // *Русские повести XV—XVI веков* / Сост. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1958. С. 49—54, 378—385; Повесть о Темир-Аксаке / Публ. В. В. Колесова // ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 230—243, 563—565.

Лит.: Срезневский И. И. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. СПб., 1857. С. 9—15; Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XV—XVI вв. // ЖМНП. 1901, нояб. С. 62—63; Шамбанаго С. К. Исторические повести // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 220—222, гл. 2, § 2; Утилов Б. Н. Литература конца XIV—XV веков: Развитие исторических жанров и зарождение историко-бытовой повести // История русской литературы. Т. 1. Литература X—XVIII веков. М.; Л., 1958. С. 185—186; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 673—682; Гребенюк В. П. 1) Повесть о Темир-Аксаке // Сборник студенческих работ филол. фак-та Уральск. гос. ун-та. Свердловск, 1968. Вып. 1. С. 116—124; 2) «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 185—206; 3) Лидево «Сказание об иконе Владимирской богородицы» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 338—362; 4) Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 52—71; Дмитриев Л. А. 1) Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV—середина XV в. // История русской литературы. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / Под ред. Д. С. Лихачева и Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 182—183; 2) Литература конца XIV—первой половины XV в. // История русской литературы X—XVII вв. / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 244—246; Жучкова И. Л. «Повесть о Темир-Аксаке» в составе летописных сводов XV—XVI вв. (редакция В) // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 97—109.

И. Л. Жучкова

Повесть о Тимофее Владимирском — литературный памятник, датируемый кон. 60—нач. 70-х гг. XV в. Как отмечает исследователь П. М. О. Скрипиль, развязка П. «лучше всего соотносится со временем между 1467 г. и 1473 г., т. е. первым неудачным походом Ивана III на Казань и смертью митрополита Филиппа I» (Скрипиль М. О. Повесть. . . С. 289). До нашего времени П. дошла в списках XVII—XVIII вв. («Притча о прозвиторе, впадшем в великий грех в тяшкий»; «Повесть о некоем презвитере, впадшем в великий грех тяшкий»; «О некоем презвитере, содеявшем грех з девицею в церкви, и отехав в Казань, порудив христианскую веру, и гонитель христианом, и тако покаявшеся умре» и т. п.). М. О. Скрипиль делит все известные ему списки П. (24) на две редакции. Основное различие между ними в разном окончании и в некотором сокращении второй редакции. В первой редакции, более близкой к архетипу, в конце говорится: «Сия же повесть многа лет ненаписана бысть, но тако в людех в повестех попашесе. Аз же слылах от многих сие и написах ползы ради прочитающим. . .». П. относится к типу древнерусских повестей о великих грешниках, прощенных после раскаяния. В годы княжения великого князя *Ивана III Васильевича* Московского и митрополитства *Филиппа* священник одной из церквей Владимира Тимофей во время исповеди некоей «зело» красивой девицы, дочери знатных родителей, впал во искушение «и падеся з девицею в церкви, не убояся божия суда и вечнаго мучения лютаго». Устрашившись содеянного, Тимофей переодевается воином и бежит «на чуждую страну в поганую землю Татарскую, в Казань». Там он припимает «срацинскую злую веру», становится воеводой у казанского царя,

и царь часто посылает его воевать Русскую землю. Однажды, возвращаясь после похода на Русь с большим полоном, Тимофей отстает от своего отряда и наедине «поюще умильно красный стих любимый пресвятей богородице». Это пение слышит спрятавшийся «в дубраве по страну пути того» отрок-пленник, бежавший из Казани. «И мнѣ поюще стих быти русина», он безбоязненно выходит на дорогу. Тимофей хочет убить беглеца, но разжалобленный слезами и рассказом отрока о своей судьбе вспоминает о родине и сам начинает горько рыдать. Тимофей рассказывает отроку о себе, и тот уговаривает его покаяться. Тимофей просит отрока в условленный срок снова приехать на это место и привезти ему письменное прощение от митрополита и великого князя. Отрок исполняет просьбу Тимофея. Желая испытать Тимофея, отрок, видя его приближающимся к условленному месту, прячется. Тимофей, думая, что отрок не выполнил данного слова, «плакася вельми горко. . . и не можаше от плача утешится». Отрок выходит навстречу к Тимофею и отдает ему привезенную грамоту, скрепленную печатями митрополита и великого князя. Тимофей воссылает к богу благодарственные молитвы за свое прощение; «и абие внезапно пад на землю. . . обретеса мертв». Отрок с плачем погребает Тимофея. Тот является ему во сне и велит взять себе приведенных им коней и все богатства, которые он вез на этих конях. Отрок возвращается на Русь и рассказывает о всем случившемся великому князю Московскому и митрополиту. Завершается повествование правоучительной фразой: «. . . да не отчаюся согрешившии спасения своего, но притекут ко всемиловитому богу истинным покаянием и отпущение грехов получат».

Моралистически-церковная идея П. о силе покаяния выражена достаточно сильно, и все же не это является главным в ее содержании. Автор П. стремится показать определенное проявление личностного начала в своем герое, эмоциональность, человеческие страсти приводят Тимофея к тяжкому греху и ко всем последующим событиям. «Герой как личность со своим индивидуальным характером, особенности которого сказываются на его поступках и на его судьбе, — вот то новое, что с особой выразительностью обнаруживается в повести. . . От первого преступления и до смерти, наступившей от радостного волнения, Тимофей встает перед нами как цельная личность, как определенный характер» (С к р и п и л ь М. О. Повесть. . . С. 293—294). М. О. Скрипиль отмечает, что П. примыкает к кругу легендарно-политических сказаний. В П. нашли отражение и черты быта той эпохи, и политическая ситуация времени.

Изд.: ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 195—197; Русские повести XV—XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль; Ред. Б. А. Ларин. Л., 1958. С. 119—123, 291—295, 460—464; П ЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 58—67, 677—678.

Лит.: С к р и п и л ь М. О. Повесть о Тимофее Владимирском // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 287—307.

Л. А. Дмитриев

Повесть о христоробивом кушце («Слово о христоробивомъ кушцѣ, ему же сотвори бѣсъ пакость, милостыни его не терпя, бла-

гый же Богъ, добродѣтели его ради, отъ недуга исцѣле и дѣтища, заколаннаго его ради, чюдо дѣя, въскреси») — одно из многочисленных произведений о том, как бог вознаграждает за добрые дела, а дьявол им противится. В нем рассказывается о купце, раздававшем щедрю милостыню нищим и пораженном за это дьяволом язвами, от которых тщетно пытался излечиться, потратив на лечение все свое состояние. Разорившегося и измученного болезнью купца спас человек, обязанный ему своим богатством и благополучием; он не только приютил купца, но и кровью своего первенца излечил его язвы. Божиим произволением был не только исцелен нищелюбивый купец, но и воскрешен убитый младенец.

Время появления П. в русской литературе пока не установлено. Известные списки датируются XVI—XVII вв. Список ГПБ, собр. Погодина, № 1287, л. 9 датируется сер. XVI в. (филигрань: Лихачев, № 2718, 2719). По списку XVI в. П. опубликована в ПЛ без указания шифра рукописи. Кон. XVI—нач. XVII в. датируется список ГПБ, Соф. собр., № 1459, л. 258—261, указанный Д. С. Лихачевым (Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. С. 235). Есть основание предполагать, что П. была переведена в составе *Патерика Скитского*. В сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1287 П. объединена с тремя другими сказаниями общим заглавием: «Повести душеполезны писаны ис Патерика». А. Ф. Бычков (Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 12) уточняет источник: «Четыре сказания из Скитского Патерика». Справедливо ли это указание — еще предстоит проверить. В XVII в. П. была включена в состав печатного Пролога под 28 октября.

В П. отразилось древнее восточное поверье, распространившееся и среди европейских народов, будто кровь младенца, особенно первенца, очищает от проказы (см. об этом поверье в Примечании к изданию повести: ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 119).

Изд.: В той же день слово о купце христолюбивем, ему же сотвори беса напасть, милостыня его не терпя // Пролог. М., 1641. Под 28 окт.; Легенда об умерщвленном младенце // ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 117—118; О купце // Литературный сборник XVII века. Пролог. М., 1978. С. 190—192.

Л. В. Соколова

Повесть о царе Казарине и о жене его — древнерусская повесть на сюжет византийской истории. В 695 г. в империи произошел переворот: император Юстиниан II был низвергнут, ему отрезали нос и выслали его в Херсон. Он бежал в Хазарию, женился на сестре (или дочери) хакана Феодоре, затем привлек на свою сторону болгарского хана Тервеля, с болгарским войском подступил к Константинополю и овладел им. Узурпатор Леонтий был казнен. В П. исторические факты изменены: император без оснований назван хазарином, рассказывается, что Леонтий будто бы был убит, когда ехал на охоту, что, вернув себе царство, Юстиниан отверг жену-хазарку и женился вторично. Покинутая жена прибыла в Константинополь, явилась во дворец и попросила встречи с императрицей. В ответ на

ее упреки новая жена Юстиниана ответила: «Твой еси муж, и не обижу тебе», покинула дворец и постриглась в монахини. Н. А. Мещерский, исследовавший П., отметил в ней русские черты. Отдельные сюжетные мотивы позволяют, по его мнению, утверждать, что в П. отразились устные легенды: так, название места казни Леонтия, пригорода Константинополя, именовавшегося Кинигий, что буквально значит «псовая охота», послужило, вероятно, источником версии, что Леонтий был убит, когда «ехал на ловы».

П. читается в составе сборников и как дополнительная статья после текста хронографа и летописи, при этом в ряде случаев она соседствует с *Повестью о царице Динаре*. Возможно, это объясняется тем, что не сам Казарин, а его настойчивая жена представлялась истинной героиней П. П. о Казарине читается после текста *Летописца Еллинского и Римского* второй редакции (списки БАН, 33.8.13; ГБЛ, собр. Пискарева, № 162; ГИМ, Синод. собр., № 86), после текста *Летописи Псковской* в рукописи БАН, 33.4. 22, после текста хронографа в рукописи БАН, 17.9.9, после текста *Летописи Новгородской Дубровского* (ГПБ, F.IV.238), после текста хронографа (ГПБ, Q.IV.96), а также в сборниках: ГБЛ, собр. ОЛДП, № 286, сборнике из библиотеки земли Вюртемберг в г. Штутгарте и др. Текст во всех просмотренных списках сходный.

Изд.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 94—95; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля, 1912 г. // Киевские университетские известия. 1913. № 1. С. 23—24; Мещерский Н. А. К вопросу о византийско-славянских литературных связях // ВВ. М., 1960. Т. 17. С. 57—69; Демкова Н. С. Древнерусские рукописи в некоторых собраниях ФРГ // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 380—381.

О. В. Творогов

Повесть о царе Никифоре Фоке см. *Повесть о Никифоре Фоке*.

Повесть о царице Динаре — древнерусская повесть XVI в. в рукописях называется: «Слово и дивная повесть зело полезно о девице иверскаго царя дщери Динари царицы»; «Писание о Динаре царевне, дщери царя Александра Мелека иверскаго, како власть иверскую правяше и како победи перьскаго царя и прия власть его»; «О приходе царя перскаго на иверскаго царство царствующий тогда Иверским царством царевне Динаре по смерти же отца своего Александра»; «Чюдо пресвятяя богородицы иверския о Динаре царице, дщери иверскаго царя»; «Повесть о царевне Динаре Иверския земли»; «Дивна повесть мужества и храбрости и мудрость целомудренна девица Динары царицы, дщери иверскаго царя Александра»; «Слов о девице, како царство соблюди»; «О Динаре царице иверьской»; «О девице Динаре Иверскаго града, како победи перскаго царя». П. широко распространена в рукописной традиции XVI—XIX вв.: к настоящему моменту известно более 130 списков (не считая списков особой редакции П., включенной в *Казанскую историю*).

Наиболее ранние списки памятника, относящиеся к кон. 40—50-м гг. XVI в., находятся в сборниках литературного содержания

(ГПБ, Соф. собр., № 1471; ГБЛ, Волок. собр., № 627). В кон. 50-х гг. формируется новая редакция П., содержащая дополнительный фрагмент-вставку (ГИМ, Синод. собр., № 356); значение редакции со вставкой заключается в публицистическом переосмыслении памятника. В 60-е гг. XVI в. П. была включена в прибавления к *Хронографу Русскому* редакции 1512 г. (Сокращенного вида) вместе со Сказанием о крещении Афона и кратким русским летописцем (ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 4013; ГПБ, Солов. собр., № 437/51 и др.), а в 90-е гг. XVI в. отредактирована для 2-й редакции Казанского летописца. Анализ прибавлений к *Хронографу* как литературного контекста П., а также характер обработки П. для Казанской истории, как и наблюдения над редакцией со вставкой, свидетельствуют о публицистическом прочтении П. в литературе XVI в.

XVII век — время наибольшего распространения П.; к этому времени относятся около 90 списков памятника. Публицистическое звучание П. в XVII в. резко ослабевает, и на первый план выдвигается религиозно-дидактическое. Об этом позволяет судить состав сборников XVII в., включающих П.: в большинстве своем они имеют нравоучительный характер. Кульминацией религиозно-дидактического прочтения П. следует считать создание новой редакции, представленной в единственном списке XVII в. ГБЛ, собр. Овчинникова, № 579: историческое сказание о войне грузинской царицы с персами преобразовано здесь в назидательную повесть или слово. В XVII в. распространено было также отношение к П. как к историческому повествованию; об этом свидетельствует включение ее в сборники вместе с воинскими повестями, летописцами и создание редакции без концовки (списки ГБЛ, собр. Румянцева, № 457; ГИМ, собр. Щукина, № 698; ГБЛ, Музейн. собр., № 4166). Различное восприятие памятника объясняется характерной для П. слитностью «чудесного» и воинского начал. В XVII в. зарождается интерес к занимательной стороне памятника. В списках ГПБ, Q.XVII.143; БАН, 17.5.6 в тексте П. изъяты развернутые сравнения, пространные назидания, подробности в описании битвы; сюжет прояснен, восприятие его облегчено. Расчленение текста на главки с названиями, отразившими основные этапы развития сюжета П. (список ГПБ, Q.XVII.143), также говорит об интересе к занимательной стороне сочинения. Одновременно происходит переосмысление сюжетной схемы П., связанное с отмеченным вниманием к событийному плану. В серии текстологически независимых друг от друга списков XVII в. (с усеченной концовкой) сведения о судьбе Грузии после победы Динары выводятся за рамки повествования; сочинение о царствовании Динары сводится к рассказу об одном событии — войне с персами.

XVIII век отмечен спадом интереса к П.: резко уменьшилось по сравнению с XVII в. число сохранившихся списков, которые в большинстве своем представляют собой почти дословные копии более ранних протографов. П. попадает теперь преимущественно в исторические сборники, а также в сборники, тяготеющие к занимательному повествованию. Именно стремление сделать сюжет П. дидактичней, занимательней привело к созданию единственной новой

редакции XVIII в., отразившейся в списке ГБЛ, собр. Тихонравова, № 54. В XIX в. создаются две новые редакции П.; одна из них принадлежит И. С. Мяндину. Анонимная (распространенная) редакция XIX в. сохранилась в списке ГПБ, Q.I.1081. Поздние редакции П. представляют две тенденции в отношении старообрядческих книжников к древнерусскому литературному наследию: с одной стороны, стремление продлить жизнь раннего памятника, приблизив его к вкусам современников (редакция Мяндина), с другой — попытка сохранить архаичный стиль древнего текста (анонимная редакция).

Вопрос о датировке П. в научной литературе решается неоднозначно. А. И. Соболевский, сконцентрировав внимание на языковых особенностях памятника, относил возникновение его к домонгольскому периоду. В последнее время эту точку зрения поддерживает Т. П. Буачидзе. Большинство исследователей датируют П. XVI в., исходя из идеологической основы памятника (М. Н. Сперанский, Л. С. Шепелева, А. А. Зимин), а также из общих тенденций развития повествовательной литературы в XVI в. (Я. С. Лурье). Текстологическое сличение всех выявленных списков П. не дает оснований значительно отодвинуть ее датировку от времени возникновения ее древнейшего списка (ГПБ, Соф. собр., № 1471) — кон. 40—нач. 50-х гг. XVI в.

Социальной средой, в которой возникла П., большинство исследователей признают московские правительственные круги. М. Н. Сперанский мотивирует свое мнение тем уровнем образованности, который необходим был для создания подобного памятника, Т. П. Буачидзе — близостью концепции П. политическим установкам московских официальных кругов. Подтверждение полного соответствия П. официальной идеологии Московского государства Г. Г. Пайчадзе видит в популяризации П. русскими правящими кругами (включение во 2-ю редакцию Казанской истории, обилие списков памятника, использование его сюжета в настенной росписи царицыной Золотой палаты в Кремле, наличие иконы Динары). Л. С. Шепелева, А. А. Зимин, Я. С. Лурье предполагают, что П. была создана в кружке митрополита *Макария*.

Жанровые особенности П. были проанализированы М. Н. Сперанским. Исследователь сближает ее с такими воинскими повестями, как *Повесть о Темир-Аксаке* и *Сказание о Мамаевом побоище*. Рассказ об историческом событии (битве Динары с персами) облечен в П. в форму чуда богородицы; основные публицистические идеи (призыв подняться на борьбу с иноверцами, объединившись вокруг царицы, мысль о преемственности царской власти от бога и нераздельности Грузии, и др.) сконцентрированы в монологе Динары — речи к грузинскому войску.

Сюжет П. отразился в изобразительном искусстве. 80-ми гг. XVI в. Е. С. Овчинникова датирует стенопись царицыной Золотой палаты Московского Кремля, посвященную деяниям четырех христианских цариц: Ольги, византийских цариц Ирины и Феодоры, Динары (в 4-х композициях). Создание иконы Динары, происходящей из Донского монастыря, Е. С. Овчинникова относит к 90-м гг.

XVI в. и предполагает ее зависимость от росписи царицыной палаты. Единственный лицевой список П., относящийся к XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 867), не дописан до конца: переписанной здесь части текста соответствует 5 миниатюр, в то время как, по расчетам М. Н. Сперанского, полному тексту П. соответствовало бы не менее 25. Раскрытые от слоя поздней записи фрагменты стенописи, относящиеся к истории Динары, опубликованы Е. С. Овчинниковой, икона и миниатюры Уваровского списка — М. Н. Сперанским.

Изд.: Brosset M. 1) Notice sur deux relatifs à l'histoire de la George au XIII-e siècle, sous le règne de Thamar // Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersburg. СПб.; Лейпциг, 1852. Т. 9, № 19. P. 289—304; 2) Сведения о грузинской царице Тамаре в древней русской литературе // Учен. зап. имп. Академии наук по I и III отделениям. 1853. Т. 1, вып. 4. С. 478—490; ПЛ. 1860. Вып. 2. С. 373—376; Хронограф по списку библиотеки князя П. П. Вяземского. СПб., 1888. С. 151—157 (ОЛДП. № 66—89); Я ц и м и р с к и й А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. XI // ИОРЯС. 1911. Т. 16, кн. 2. С. 233—242; Русские повести XV—XVI вв. / Сост. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1958. С. 88—91; К и р к и н с к а я (Т р о и ц к а я) Т. С. 1) Сибирский список повести о царице Динаре (XVI в.): (Текстологические заметки) // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. Вып. 19. С. 78—82; 2) Поздняя рукописная традиция Повести о царице Динаре // Книга в Сибири XVII—начала XIX вв. Новосибирск, 1980. С. 135—138; 3) Повесть о Динаре в редакции И. С. Мяндина // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 36—47.

Лит.: Соболевский А. И. 1) Особенности русских переводов домонгольского периода // СОРЯС. 1910. Т. 88, № 3. С. 175; 2) Из истории древнеславянской письменности: К повести о царице Динаре // ИпОРЯС. 1928. Т. 1. С. 391—395; Сперанский М. Н. Повесть о Динаре в русской письменности // ИОРЯС. 1926. Т. 31. С. 43—92; Шепелева Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVIII веках // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 297—322; З и м и н А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 102—108; О в ч и н и к о в а Е. С. Повесть о царице Динаре в русском изобразительном искусстве // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 222—238; Б у а ч и д з е Т. П. Из истории литературных взаимоотношений. Тбилиси, 1968. С. 114—195 (на груз. яз.); Л у р ь е Я. С. Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 401—402; П ф а ъ ч а д з е Г. Г. Повесть о Динаре: (критический обзор истории изучения памятника) // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1976. С. 260—272; Т р о и ц к а я Т. С. 1) Древнерусская повесть о царице Динаре: (Проблема включения в сборники различного характера) // Материалы республиканской конференции. Тарту, 1976. С. 3—13; 2) Ранние этапы литературной истории повести о Динаре (XVI в.) // Древнерусская книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 28—45; 3) Литературная история повести о Динаре (XVI—XIX вв.): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Томск, 1982; 4) Жанровые трансформации Повести о Динаре в XVI в. // Проблемы литературных жанров. Томск, 1983. С. 11—12.

Т. С. Троицкая

Повесть о чуде посадника Добрыни см. Повесть о варажской божице.

Повесть о явлении Святогорских икон рассказывает об истории основания Святогорского Успенского монастыря в Псковской земле (ныне — пос. Пушкинские Горы). Отрок Тимофей увидел на Си-

ничьей горе икону богородицы Умиление, «стоящу на воздухе», через шесть лет здесь же ему явилась на сосне икона Одигитрии. На месте явлений была построена часовня, после пожара и чудесного спасения двух икон на Синичьей горе по повелению царя *Ивана Васильевича* в 1566 г. был основан Успенский монастырь. Литературная история памятника представлена в книге Н. И. Серебрянского, его наблюдения и выводы были сделаны на основе изучения трех списков П. (один — XVII в., два — XIX в.). П. довольно часто встречается в рукописных сборниках (ГПБ, собр. Погодина, № 902, л. 102—113, XVII в.; № 901, л. 6—18 об., XVII в.; № 903, л. 97—122 об., XVII в.; ГБЛ, ф. 299, № 378, л. 568—573, XVII в.; ф. 79, № 40, л. 12 об.—23, XVII в.; ф. 37, № 38, л. 34—40, XVII в. и др.), их изучение, возможно, внесет уточнения в историю текста П.

Редакция 60-х гг. XVI в. в списках не известна, но во всех сохранившихся текстах П. говорится, что о явлении иконы на Синичьей горе и чудесах от них было сообщено псковскому наместнику князю *Георгию Ивановичу Токмакову*, он обо всем «возвести писанием. . . царю государю и великому князю Иоанну Васильевичу всеа Росии». Это «писание», по мнению Н. И. Серебрянского, представляло собою более или менее подробный рассказ о событиях на Синичьей горе, о личности Тимофея. Редакция 20-х гг. XVII в. восходит, вероятно, к записям XVI в. Датируется по упоминанию архиепископа Псковского, участвовавшего в крестном ходе с иконами (т. е. не ранее 1616 г., времени установления псковской епископии). Состав П.: рассказы о явлении икон, о жизни Тимофея, об устройстве монастыря, краткая заметка о первоначальном установлении крестного хода с иконами в Псков, молитва к богородице. Рассказы отличаются полнотой, точностью описания места, внешней обстановки, автор сообщает множество подробностей из жизни Тимофея, проявляет интерес к его настроениям и психологическим состояниям. Во 2-й пол. XVII в. в связи с установлением в 1647 г. нового порядка крестного хода была составлена другая редакция П.; она является дополнением к редакции 20-х гг. XVII в. Рассказы о явлении икон и жизни Тимофея были распространены здесь некоторыми литературными деталями и риторическими оборотами, запово составлено описание чудес и порядка крестохождения в Псков. Описание чудес сделано, вероятно, по рассказам очевидцев и личным наблюдениям автора, оно отличается конкретностью и точностью. Завершается П. молитвой к богородице, которая является более пространством вариантом молитвы из редакции нач. XVII в. Редакция сер. XVII в. издана в книге Н. И. Серебрянского, который считает, что П. перерабатывалась и в более позднее время, даже в XIX в.

Изд.: Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 66—73, 354—358. Прил. С. 552—561.

В. И. Озотникова

Подлинник иконописный — руководство для древнерусских художников-иконописцев. Различаются П. и. лицевые (состоящие из

контурных прорисей иконописных изображений) и толковые, или «теоретические» (с описанием икон). Встречаются также П. и., сочетающие черты толковых и отчасти лицевых. Литературные, в том числе греческие, источники П. и. изучены недостаточно. Списки П. и. преимущественно датируются XVII и XVIII вв.; от XVI в. известны единичные экземпляры. Расположение иконописного материала в соответствии с уставом Саввы Освященного (или уставом иерусалимским) свидетельствует о сравнительно позднем возникновении этого памятника (после замены Студийского устава иерусалимским). Известны различные редакции П. и.: в одних материал расположен в календарном порядке, в других — по алфавиту имен и названий (иногда русские святые перечислены отдельно), в кратком или более пространным изложении. Необязательную часть П. и. составляют технические рекомендации, упоминание «греческих образцов». В П. и. XVIII в. нередко для изображения церковного праздника или святого предлагается несколько вариантов (сводный П. и.). В то же время рекомендации довольно однообразны, схема изображения святого складывается из характеристики его возраста и одежды. Чаще всего возрастная примета персонажа передавалась с помощью бороды («св. муч. Доримедот млад, аки Георгий»; «св. муч. Гордый — брада токмо зачатие, еще не выросла»; «св. Вавила: брада седа, подоле Николины» и т. д.). Нередки случаи зависимости статей П. и. от древнерусских житий (например, в П. и. ГПБ, О. XIII.6 читается: «шреп. о. н. Ефросина Псковского чуд., брада Иванна Дамаскина, риз преподобниче, сед, а в житии его пишет подобие лица, средний телом, и сухисте плотию, главу име круглу, брови же окружени, лице долго, благодатию святаго Духа просвещено, в лущене скрании тихи име очи, браду име продолговату, доле персей, к концу двоилась, тмяна искра неизгуста седины украшена»). П. и. нужны были прежде всего профессионалам — это своеобразное дополнение к *Прологу* и мисеям четьям, служившее пособием для иконописцев и нередко переходившее из рода в род (см., например, П. и. ГПБ, Соф. собр., № 1523, XVI в., на последнем листе которого записан род старца Матфея Никифорова, по-видимому, иконописца). Иногда П. и. составлялись в монастырях, где имелись иконописные мастерские. Таков Сийский лицевой П. и. (ГПБ, собр. ОЛДП, F.88), включивший разновременный изобразительный материал XVII—нач. XVIII в., в том числе прорисы и «переводы» икон парского иконографа Симона Ушакова, Василия Кондакова, чернеца Никодима, Федора Зубова, Семена Спиридонова Холмогорца и др.; таков и толковый Сийский П. и. (БАН, Арханг. собр., С. 205, кон. XVII в.) с рисунками чернеца Никодима, в составе которого находятся и четьи статьи. В XVIII—XIX вв. П. и. входили в обиход русских иконописцев, в том числе в старообрядческой среде. П. и. до сих пор не подвергались текстологическому и кодикологическому изучению, долгое время на них смотрели только как на устойчивые иконографические руководства. Обилие списков, разнообразие типов и вариантов П. и. показывают, что этот памятник постоянно дополнялся, изменялся и отражал быт и художественные запросы современного ему общества.

Изд.: П е р ф и р и й, епископ. Сказания о внешнем виде св. мужей и жён и о возрасте их, извлеченные из разных рукописей // Труды Киевской духовной академии. 1867. № 1; Строгановский иконописный подлинник. М., 1869; Иконописный подлинник новгородской редакции / Изд. Г. Д. Филимонова. М., 1873; Сводный иконописный подлинник XVIII в. по списку Г. Д. Филимонова. М., 1874.

Лит.: Б у с л а е в Ф. И. Общие понятия о русской иконописи // Сборник общества древнерусского искусства. СПб., 1866; Григоров Д. А. Русские иконописные подлинники. СПб., 1888; Покровский Н. В. 1) Сийский иконописный подлинник. СПб., 1895—1898. Вып. 1—4 (ПДПИ. Вып. 106, 113, 122, 126); 2) Лицевой иконописный подлинник и его значение для современного церковного искусства. СПб., 1899 (ПДПИ. Вып. 134); 3) Очерки памятников христианской иконографии и искусства. 2-е изд. СПб., 1900. Гл. XVI. С. 439—459; С и м о н и П. К. К истории обихода книгописца, перешлетчика и икононого писца. СПб., 1906. Вып. 1. С. 160—167.

О. А. Белоброва

Позняков Василий (2-я пол. XVI в.) — путешественник по странам Ближнего Востока, автор Хождения. По поручению *Ивана IV Грозного* П. выехал из Москвы в составе посольства с денежными средствами и грамотой для православных духовных властей Синайской горы (в ответ на обращение александрийского патриарха Иоакима в Москву в 1556 г.). Хождение П., посланного с архидиаконом Новгородского Софийского собора Гепнадием (умер в пути), длилось с 1558 по 1561 г.; паломник посетил Царьград, Александрию, Каир, монастыри Синайской горы, Иерусалим и его окрестности. Сведения о П. немногочисленны; они содержатся в тексте Хождения. П. был родом из Смоленска и вел торговые дела в Москве. По дороге на Восток у П. были отняты крупные денежные суммы и ценные товары, но он продолжал путешествие. Хождение П. открывается посланием московского царя патриарху александрийскому, в котором сохраняется полная царская титулатура и указывается объем «поминков», или «милостыни», направляемой из Москвы. Встреча посольства с патриархом (названным «паной») описывается в духе статочных списков, с воспроизведением вопросов и ответов, в том числе о здравии царя, царицы, митрополита московского, о православной вере на Руси, о храмах и о богослужении, о еретиках и иноверцах. П. проявил наблюдательность: он заметил, что в палате у патриарха александрийского не было сидений, описал оустевший и заброшенный Каир («Египет»), обычай снимать обувь при входе в один из наиболее почитаемых синайских храмов, своеобразие церковной утвари и убранства и т. д. Хождение П. насыщено легендарно-апокрифическими элементами; особая глава посвящена легенде о споре христианна с иноверцем — рассказу о чуде патриарха Иоакима (этот рассказ получил самостоятельное распространение в древнерусской письменности XVII и XVIII вв.), другая толкует чудо «о огне небесном»; искусно вплетено в речь патриарха Иоакима предсказание о падении Ромейской державы с помощью «русого рода» (Московской державы). При упоминании города Раифы излагается легенда о кораблях, построенных «без железного гвоздя» чтобы избежать воздействия магнита в водах Красного (Чермного) моря. В основе Хождения П. лежит переводный путеводитель «Поклоненье святого

града Иерусалима» наряду с легендами и некоторыми впечатлениями паломника. Текст Хождения, известный ныне в 9 списках, уже в кон. XVI в. подвергся литературной переработке и получил широкое распространение (до 400 списков) под именем *Трифона Коробейликова*.

Изд.: Послание царя Ивана Васильевича к александрийскому патриарху Иоакиму с купцом Васильем Позняковым и Хождение купца Познякава в Иерусалим и по иным Святым местам 1558 года / Предисл. И. Е. Забелина // ЧОИДР. 1884. Кн. 1; Хождение купца Василия Познякава по Святым местам Востока / Под ред. X. М. Лопарева // ППС. СПб., 1887. Т. 6, вып. 3 (Веселовский и А. Н. [Рецензия] // ЖМНП. 1888. № 2. С. 504—509).

Лит.: Голубцова М. А. К вопросу об источниках древнерусских хождений в св. землю // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. С. 1—78; Адрианова-Перетц В. П. Путешествия XVI в. // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 512—514; Seeman K. D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 281—288, 436, 451.

О. А. Белоброва

Полубенский Александр Иванович (ум. ок. 1608) — князь (Полубенские-Полубиньские считались потомками Гедимины), воевода Новогрудский (это звание он унаследовал в 1586 г. от своего отца), староста Вольмарский и Зегевольдский, правитель (dzierzawca) Вилькийский и Поюрский, автор посланий и дневника-отчета. Уже с 1560 г. П. играл активную роль в Ливонской войне, сражаясь как против русских, так и против шведских войск (занявших ряд эстонских крепостей). В 1569 г. вместе с двумя перебежчиками из России, Т. Тетериним и М. Сарыхозиним, он обманом захватил на короткое время псковскую крепость Изборск. 9 июля 1577 г., в начале большого ливонского похода, *Иван IV* написал П. послание — одно из наиболее язвительных произведений царского пера. Враждебность царя П. объяснялась, по-видимому, не только его военной деятельностью, но и русскими связями. Он был свойственником *А. М. Курбского* и помогал последнему добыть его вещи, оставленные во время бегства, действовал вместе с Тетериним и Сарыхозиним, возможно, был связан и с московским родом Квашниных (представители которого носили мирские имена, совпадающие с теми бранными прозвищами, которые адресовал Иван IV П. в послании, — Дуда, Пищаль, Самара, Разлада).

Но уже в то время, когда царь писал и отправлял свое послание П., его адресат был захвачен в плен жителями города Вольмара (Валмиера) и выдан вассалу («голдовнику») царя, принцу Магнусу, который затем передал его русским. 1 августа П. предстал перед царем. Однако поведение Грозного по отношению к своему пленнику оказалось неожиданно милостивым. Иван IV уже заранее передал ему, «чтоб он не опасался ничево» и что «царское величество милость ему покажет, пожалует, к королю его отпустит». 10 октября П. действительно был отпущен к королю (по его утверждению, за выкуп). Такое поведение Ивана Грозного объяснялось не только тем, что в это время царю изменил и был низложен Магнус, в плен к которому первоначально попал П., и что после завоевания всего Подвинья царь стремился к миру с польским королем Стефаном Баторием, но, по всей видимости, также тайными действиями са-

мого П. Согласно ливонским источникам, главный предводитель польских войск в Ливонии Ян Ходкевич знал о тайных переговорах Магнуса со Стефаном Баторием и известил об этом П., который заранее сообщил об измене Магнуса царю. Бесспорно во всяком случае, что, став русским пленником, П. содействовал успехам Ивана Грозного, призывая ливонцев покориться царю. После возвращения в Польско-Литовское королевство П. лишился звания старосты Вольмарского и Зегевольдского, но оставался правителем Вилькийским и Поюрским, а с 1586 г. стал каштеляном Новогрудским.

Литературное творчество П. представлено несколькими посланиями, написанными по-русски, и дневником-отчетом, адресованным королевским ревизорам (в связи с тем, что П. истратил доходы от старосты Вольмарского и Зегевольдского на свой выкуп) и написанным на смешанном польско-русском языке. Послание П. Ивану Петровичу Челяднину 1562 г. (издано в Сборнике Русского исторического общества) вызвано решением польского короля Сигизмунда II Августа принять под свою «оборону» Ливонскую землю, что неизбежно приводило к войне с русскими и шведскими силами, уже находившимися в Северной Ливонии. Польский король стремился избежать этой войны и особенно опасался русско-шведского союза. В связи с этим П. повторил основные мотивы, характерные для польских дипломатических документов кон. XV—XVI вв. и встречавшиеся еще в грамотах польской королевы (тетки Ивана IV) *Елены Ивановны*: «Годится государей христьянских у мир зводити. . . лучей поганина с одного боронитися, пезелю самим межн собою бранити. . . ». П. просил Челяднина убедить Ивана IV «отступиться» от Ливонии и «головами разворачиваться напротив поганина с одного, а свейского своего холопа великий князь чтоб не направлял, ни дружился с ним, через свою землю дороги ему не давал водою и землею».

Совсем другой характер и стиль присущи посланию П. юрьевским служилым людям Якову Шабликину и Игнатию Огибалову, отправленному вскоре после бегства Курбского в Литву в 1564 г. (издано в РИБ). Письмо это лишено всяких риторических украшений, оно резко, откровенно, почти цинично: «Здесь у нас, Яков, твой человек взят, а Игнатьева жена, да сын, да сноха, и будет тебе, Яков, человек надобен. . . а тебе, Игпатий, будет надобе жена, да сын, да сноха. . . », — сообщает П. и предлагает условия обмена. В обмен на «человека» (холопа) Шабликина П. требует книг, оставленных Курбским во время бегства (сочинения *Максима Грека*, жития Михаила Черниговского и блаженного Августина, и др.), в обмен на жену, сына и сноху Огибалова — драгоценные доспехи Курбского; если книги не сохранились, П. предлагает заказать их списки у печерского старца Вассиана Муромца — давнего корреспондента Курбского.

В третьей роли выступал П. в грамоте в ливонский город Трикат (Триката), написанной им в сентябре 1577 г., когда он был «вязнем» (пленником) Ивана IV (издано в «Военном журнале»). Выполняя на этот раз волю царя, П. призывал польских воевод, находившихся

в городе: «Государь царь православный и все города ливонские мощью величества своего и чрез огонь и огнем побрал. . . И вы б ся государю царю не противили, видечи такую мощь государя самого. . . А присяга от нас уже прочь, и потуль есте боронились, поколь по себе отсека (защита) была. . .». В случае, если защитники Триката его не послушают и останутся «сесть по своей воле», П. угрожает им судьбой Кеси (Цесиса, Вендена), где гарнизон взорвал себя, не желая сдаваться, а оставшиеся в живых жители были перебиты.

В отличие от этих посланий дневник-донесение П. (он именуется в нем «каштеляном Новогрудским», — очевидно, оно написано после 1586 г.; издано в Трудах 10-го Археологического съезда) дошел до нас на польском языке (в списке кон. XVI в.), хотя обилие русизмов побуждало издателя памятника поставить вопрос, не было ли подлинное донесение П. написано «польско-русским языком и позднее выправлено польским переписчиком»; более вероятным, однако, представлялось издателю, что русизмы сознательно употреблялись П., чтобы передать речь его собеседника — Ивана Грозного. Дневник фрагментарен, содержит множество пропусков (начинается с 24 мая, но нет известий за июль) и умолчаний: П. упоминает измену Магнуса задним числом, ничего не рассказывая о том, как он узнал о ней, умалчивает о своем поведении в роли «взяня», когда он убеждал других польских военачальников, что они не могут «отдержатися» и должны сдать ся царю. Но несомненный интерес представляют в дневнике описания речей Ивана Грозного; первая из них (с упоминанием происхождения русских государей от Августа кесаря и победы Дмитрия Донского над татарами) совпадает с посланием Грозного П. — может быть, царь прочел или изложил ему свою недавно написанную грамоту. В другой речи, приведенной П., Грозный упоминал, «как у него в молодых годах, а именно, когда ему было три года, умер отец, а когда было восемь — мать», — и в этом случае слова царя в дневнике П. совпадают с текстами его сочинений — Первого послания Курбскому и вступительного «писания» Стоглавому собору.

Изд.: Ливонский поход царя Ивана Васильевича Грозного в 1577 и 1578 гг. // Военный журнал. 1853. № 6. С. 91—92; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71. С. 81—82; Труды 10-го Археологического съезда в Риге в 1896 г. М., 1900. Т. 3. С. 117—138; РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 495—496 (Сочинения Курбского. Т. 1).

Лит.: Busse K. Rembert Geilsheim: Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Riga; Leipzig, 1842. Bd 2. H. 3. S. 419—425, Anm. 36; 430, Anm. 40; Scriptores Rerum Livonicarum. Riga; Leipzig, 1848. Т. 2. Р. 270; Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни. Акты, изданные Временною Комиссиею, высочайше утвержденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев, 1849. Т. 1. С. 157; Сборник материалов по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3. С. 271—272; Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca XIV-ego wieku. Warszawa, 1895. S. 376—377; Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. М., 1925. С. 94; Послания Ивана Грозного. М.: Л., 1951. С. 197—204, 506—508; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 240, 244—246, 261; Паченко А. М. «Дудино племя» в послании Ивана Грозного князю Полубенскому // Культурное наследие древней Руси. Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 151—154.

Постник Губин (известен по прозвищу, настоящее имя — Федор Никитич Моклоков) — дьяк, предполагаемый автор Летописца. П. Г. принадлежал к роду потомственных великокняжеских дьяков (его отец имел прозвище Губа, Постник — его собственное прозвище), был дьяком Разрядного приказа в 1542—1558 гг., а также дьяком Новгородской четверти. По предположению М. Н. Тихомирова, П. Г. мог быть автором Летописца, которому М. Н. Тихомиров присвоил название Постниковского (ЦГАДА, собр. Оболенского, № 42; написан, видимо, во 2-й пол. XVI в.). Летописец представляет собой отрывок летописи за 1503—1547 гг. Имя П. Г. упоминается в Летописце дважды под 1542 и 1546 гг. Автор Летописца хорошо осведомлен о внутренних и внешних делах России за 1533—1547 гг. Источниками Летописца являются *Летописи Софийские I и II*, но он содержит и много оригинальных известий.

Изд.: Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. // Изд. М., 1954. Т. 46. С. 278—288; Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 3, 8—30.

Лит.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 143, 144, 163, 256, 272, 273, 275; Указатель. С. 51; Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 112; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 346.

М. А. Салмина

«Поучение» Агапита («Поучение благаго царьства» — в первом переводе; «Изложение совещательных глав царю Иустиниану, сложенных Агапитом, диаконом святейшиа божиа великиа церкви» — во втором переводе) — одно из византийских «зерцал» (наставлений правителю), переводы которого получили широкое распространение в Древней Руси и у южных славян. Об авторе «зеркала», датирующегося обычно промежутком между 527 и 548 гг., известно лишь то, что сообщается в акростихе, связывающем в греческом подлиннике 72 главы памятника (τῷ θειοτάτῳ καὶ εὐσεβεστάτῳ βασιλεῖ ἡμῶν Ἰουστινιανῷ Ἀγαπητὸς ὁ ἐλάχιστος διάκονος); списки одной из ветвей рукописной традиции указывают, кроме того, что Агапит был диаконом Константинопольской Софии. П. («Ἐκθεσις κεφαλαιῶν παρανετηκῶν») обращено к императору Юстиниану и представляет собой азбуку византийской императорской доктрины. Легко запоминающиеся формулы, выставляющие величие императорской власти, ее божественное происхождение, но вместе с тем и обязанности правителя по отношению к подданным, насыщенность П. общественно-политической топикой (сравнения императора с солнцем, кормчим и т. д.), изысканный язык Агапита, в числе источников которого выделяют тексты Платона, псевдо-Исократы, Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского, — все это сделало его сочинение наиболее популярным во всей средневековой Европе учебником по *ars gubernandi* (наиболее подробный анализ содержания П. см.: Ненгу III P. A Mirror for Justinian: The «Ekthesis» of Agapetus Diaconus // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1967. Vol. 8. P. 281—308).

Впрочем, своеобразие памятника, лишенного примет времени и места, позволяло, посредством легкого изменения акцентов, противникам неограниченной царской власти также использовать его авторитет. Благодаря правоучительному пафосу П. оно прочно вошло в круг монашеского чтения. Если добавить к этому, что П. служило пособием для изучающих греческий язык, понятно будет влияние книги константинопольского диакона на самые разные слои общества Восточной и Западной Европы. Одних греческих списков П. насчитывают около сотни (неполный перечень их см. в кн.: В е l l o m o А. *Agapeto diacono e la sua scheda regia*. Bari, 1906), немногим меньше зарегистрировано и изданий наставления Агапита (печатался и оригинал, и переводы — на латынь и на народные языки). Книга Агапита была под руками у царственного автора другого «зеркала» — византийского императора Мануила II Палеолога, ее переводил с латинского на французский король Луи XIII, она находилась в поле зрения Эразма Роттердамского (ср. возражения Н. Е. Копсова: «Наставление» Агапита и западноевропейская политическая мысль XVI—XVII вв.: (Агапит и Эразм) // ВВ. М., 1982. Т. 43. С. 90—97) и Гуго Гроция.

Древность первого славянского перевода Агапита удостоверяется тем, что обширные извлечения из него вошли уже в *Изборник 1076 г.* И. Шевченко приводит ряд доказательств принадлежности П. к числу преславских переводов (наиболее близок он к текстам Супрасльского сборника); одно из важных свидетельств южнославянского происхождения перевода — наличие в сербской рукописи XIV в. (Народная библиотека «Кирил и Методий» в Софии, № 1037) выборки из П., почти идентичной той, которая вошла в *Изборник* (настаивая на русском происхождении перевода, М. Т. Дьячок не рассматривает этого аргумента И. Шевченко). Кроме *Изборника 1076 г.*, других следов бытования в Киевской Руси книги Агапита не сохранилось, хотя отдельные ее фрагменты были известны — из «Пчелы» (отсюда взято в *Летописи Лаврентьевской* под 1175 г. знаменитое впоследствии изречение Агапита «Естьством бо земным подобен есть всякому человеку царь, властью же сана, яко бог» — ПСРЛ. М., 1962. Т. 1., Стб. 370) и из *Повести о Варлааме и Иоасафе*, в которую вошли два отрывка из сочинения константинопольского диакона (по мнению К. Прехтера, идентичные места П. и Повести восходят в этих памятниках к общему источнику: P r a e s c h t e r К. *Der Roman Barlaam und Joasaph in seinem Verhältnis zu Agapets Königsspiegel* // *Byzantinische Zeitschrift*. 1893. Bd 2. S. 444—460); кроме того, из фрагментов П., находящихся в *Изборнике*, составлена статья «К судьям» в «Мериле праведном», включенная затем в сочинение «О судьях и властелех», приписанное Василию Великому. Наиболее ранний русский список П., где оно присвоено Иоанну Златоусту, датируется XIV в. (ГИМ, собр. Уварова, № 589); в других ранних списках (ГИМ, собр. Уварова, № 249; Синод. собр., № 489; ИРЛИ, оп. 24, № 26) П. примыкает к сборнику изречений аскетического характера — «Книга, глаголемая кормчий, рекше правитель душевный; вместе с этим сборником, в соседстве с которым П. воспринималось не как

политический манифест, а как назидательное душеполезное чтение, перевод вошел в *Великие Минеи Четии* под 29 февраля (Горский А. В., Невоструев К. И. Описание Великих Четых-Миней Макария, митрополита всероссийского // ЧОИДР. 1886. Кн. 1. С. 136—137).

В рукописях XVI в., прежде всего осифлянкой традиции, появляется новый перевод П. Агапита (возможно, сильно переработанный прежний перевод), в котором памятник, как и в оригинале, членится на 72 главы (в первом переводе текст состоял из 66 или 67 глав). Здесь П. чаще всего соседствует с другими наставлениями правителю, что свидетельствует об актуализации политических рецептов Агапита. Не случайно публикации XVI в. особенно охотно обращаются к авторитету константинопольского диакона — в числе их *Иосиф Волоцкий, Феодосий, архиепископ Новгородский, Иван Грозный*; с меньшей уверенностью можно говорить о знакомстве с Агапитом *Максима Грека*; как показал И. Шевченко, речи, которые вкладывает в уста своего героя *Житие Филиппа митрополита*, построены на заимствованиях из П. (правда, по наблюдениям Г. Г. Латышевой, главы Агапита появились в Житии на позднем этапе его истории — во второй редакции; см.: Л а т ы ш е в а Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 31).

В XVII в. византийское «зерцало» по-прежнему воспринимается в двух ракурсах — как урок царям и как моралистическая книга общечеловеческого значения. С одной стороны, к П. обращается Иван Тимофеев и, кажется, патриарх Никон, с другой — в качестве правоучительного трактата ее печатает в Киеве Петр Могила. Для издания 1628 г. Петр Могила пересмотрел и сверил с греческим оригиналом существующие переводы Агапита. Киевская редакция текста вторично, с несущественными заменами, появилась в сборнике «Анфологион», выпущенном московским Печатным двором в 1660 г.; к московскому изданию, в свою очередь, восходит датирующийся кон. XVII в. румынский перевод П. Активность восприятия книги Агапита древнерусскими книжниками XVI—XVII вв. подтверждается появлением двух отличных друг от друга сокращенных версий второго перевода (ГБЛ, Волок. собр., № 530; ГПБ, Соф. собр., № 1480).

Политические и душевспасительные рассуждения Агапита не утратили своей актуальности и в XVIII в., на что указывает издание трех различных переводов П., из которых один до сих пор не обнаружен. Кроме того, Агапита переводил И. И. Ильинский (см.: М а й к о в Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира // СОРЯС. 1903. Т. 73. № 1. С. 308), позднее — Николай Буйдий (ГИМ, собр. Черткова, № 203; см.: Описание рукописей собрания Черткова / Сост. М. М. Черниловская, Э. В. Шульгина. Новосибирск, 1986. С. 51). Киевское издание Агапита было в библиотеке Петра I (Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978. С. 57. № 294), а список П. — в библиотеке Паисия Велич-

КОВОСКОГО (Я ц и м и р с к и й А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек // СОРЯС. 1905. Т. 79. С. 555). Научное издание П. отсутствует; опубликованный С. Новаковичем сербский список XVII в. (здесь сохранилось только начало памятника, ибо, как отметил писец, «не преписахъ въсего, поне же поиде братъ на путь, въ него же беше изводъ»), как показывает сличение текстов, восходит к киевскому изданию наставления Агапита.

Изд.: Изложение главизн поучительных, написанное от Агапита, ⁷диакона святейшиа божиа Великия церкви. Киев, 1628; Анфологон. М., 1660. С. 82—114 (3-го сч.); Н о в а к о в и ч С. Прилози к историји српске књижевности. III // Гласник српског ученог друштва. 1869. Књ. 8 (св. 25 старога реда). С. 39—43 (отрывок); Š e v č e n k o I. Ljubomudřejšij Kjuč" Agapit Diakon: On a Kiev Edition of a Byzantine «Mirror of Princes». With a facsimile Reproduction // *Recensija*. Review of Soviet Ukrainian Publications. 1974. Vol. 5, N 1. Supplement.

Лит.: В а л ь д е н б е р г В. Е. 1) Древнерусские учения о пределах царской власти. Пр., 1916. С. 79; 2) Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности // ВВ. Л., 1926. Т. 24 (1923—1926). С. 27—34; 3) Печатные переводы Агапита // Докл. АН СССР. 1928. Сер. В. № 13. С. 283—290; Š e v č e n k o I. 1) A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // *Harvard Slavic Studies*. Cambridge, Mass., 1954. Vol. 2. P. 141—179 (то же: The Structure of Russian History. New York, 1970. P. 80—107); 2) On Some Sources of Prince Svjatoslav's Izbornik of the Year 1076 // *Orbis scriptus*. D. Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. P. 723—732; 3) Agapetus East and West: The Fate of a Byzantine «Mirror of Princes» // *Revue des études sud-est européennes*. 1978. Т. 16. N 1. P. 3—44; Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зиминой, Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 90—93, 260—262, 283; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 475—478; П о к р о в с к и й Н. Н. Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 86—87; Д ь я ч о к М. Т. О месте и времени первого славянского перевода «Наставления» Агапита // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 5—13.

Д. М. Булакин

Прение живота и смерти — произведение на популярную в литературе и искусстве позднего средневековья тему — спор человека со смертью. В кон. XV в. был сделан русский перевод одного из немецких диалогов жизни и смерти. В старшем своем виде он имел заглавие «Двоесловие живота и смерти, сиречь стязание животоу со смертию», в последующих редакциях произведение получило название П. Оригиналлом перевода послужил текст немецкого стихотворения, напечатанного в Любеке не позднее 1494 г. и перевезенного в Новгород типографом Бартоломеом Готаном. О Б. Готане известно, что он был связан с русскими дипломатами и для них делал переводы дипломатических документов. Сохранилось известие, что в Новгороде он служил при дворе архиепископа Геннадия. Это позволяет предположить, что Б. Готан был связан с кружком архиепископа Геннадия и наряду с другими его участниками занимался переводами. Видимо, с деятельностью этого кружка надо связывать появление первоначального варианта П. Эсхатологическая тема была популярной в кон. XV в., и в Геннадиевском кружке она была важной в борьбе с еретиками.

Дословный перевод в силу лаконичности и сжатости, а также нередко страдавший чуждыми русскому языку конструкциями фраз, был труден для русского читателя. Поэтому уже вскоре после появления он неоднократно переделывается и в дальнейшем утрачивает свою первоначальную форму диалога. Наиболее ранние две редакции, появившиеся в 20—30 гг. XVI в., еще близки оригиналу, сохраняют форму диалога. Своим происхождением и бытованием они связаны с той средой церковников ортодоксального толка, центр которой находился в Волоколамском монастыре. С этой же средой связано появление другого переводного произведения, близкого по тематике П., — *«Сказания о смерти некоего мистра великого, сиречь философа»*. Эти церковные круги считали своим долгом воздействовать на читателя не только чисто религиозной литературой, но и такой светской, которая соответствовала идеологическим установкам официальной церкви.

Примерно в сер. XVI в. появилась новая (четвертая) редакция П., которая положила начало вариантам повести распространенного типа. В ней наметился переход от диалога к повествовательному изложению, отвлеченный образ «живота» приобрел более реальные черты — человека, война-удальца. Автор-создатель четвертой редакции, оставшийся для нас неизвестным, проделал значительную работу, перевел изложение диалога в ту идейно-стилистическую традицию, в которой он привык воспринимать тему спора жизни и смерти в хорошо знакомой ему славяно-русской литературе. Он заново пересказал речи участников спора, используя преимущественно учительную литературу, а также назидательную лирику «стихов покаянных». В итоге четвертая распространенная редакция П. может считаться новым произведением — русской обработкой иноземного памятника, своим идейно-стилистическим обликом родственной традиционной религиозно-дидактической литературе. На основании этой обработки в том же XVI в. была написана пятая редакция, в еще большей степени приблизившаяся к повествовательному жанру, в котором диалог уже вливается в авторский рассказ. Многочисленные списки П. XVII—XVIII вв. показывают большую популярность именно этого вида произведения. Новые редакторы в меру своей начитанности развивали далее по преимуществу тему покаянных размышлений человека перед лицом наступившей его смерти.

Как бы ни менялся стилистически облик П., в целом это произведение во всех его вариантах стремится внушить читателю мысль о необходимости покаяния, призывает обеспечить себе спасение в загробном мире. Поэтому-то памятник был так популярен в среде воинствующих церковников XVI в. Однако напоминание о равенстве всех — и богатых, и знатных — перед смертью придавало ему в какой-то степени демократическое звучание, поэтому интерес к П. обнаруживают разнообразные слои общества, что особенно характерно для XVII в.

Изд.: Тихонравов Н. С. Повести о преия живота со смертию: Текст и историко-литературные сличения // Летописи Тихонравова. М., 1859.

Т. 1, кн. 2, отд. III. С. 183—193; Повести о споре жизни и смерти / Исслед. и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964.

Лит.: Буслаяев Ф. И. 1) Повесть о Горь-Злочастии // Русский вестник. 1856, июль. № 14. С. 309; 2) Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 635—637; Добротворский С. Притча о древнерусской духовной письменности // ПС. 1864. Ч. 1. С. 375—415; Веселовский А. Отрывки византийского эпоса в русском // Вестник Европы. 1875, апр. С. 767—769; Жданов И. Н. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881 (Веселовский А. Н. [Рецензия] // ЖМНП. 1884, февр. Ч. 231, отд. II. С. 359—396); Гудзий Н. К. «Прение живота и смерти» и новый украинский его список // РФВ. 1910. № 3—4. С. 315—336; Арсеньев С. В. О любком типографике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV в. // ЧОИДР. 1909. Кн. 4. Смесь. С. 17—20; Петц В. Н. К истории древнерусской лирики // Slavia. 1932. Roč. 9. Seš. 3—4. S. 477—478; Raab H. 1) Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schriftums // Zeitschrift für Slawistik. 1958. Bd 3. S. 323—335; 2) Новые сведения о печатнике Варфоломее Готане // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 339—351; Lewandowski T. Das mittelniederdeutsche Zwiegespräch zwischen dem Leben und dem Tode und seine altrussische Übersetzung. Köln; Wien, 1972.

Р. П. Дмитриева

Притча о кралех см. *Повесть о создании и полении Тройском.*

Пророчества еллинских мудрецов — статья, встречающаяся в хронографах и сборниках XVI—XVIII вв. и представляющая собой собрание предсказаний античных философов и писателей — Аристотеля, Платона, Гомера, Менандра, Еврипида и др., а также Сивилл и некоторых библейских персонажей (например, Иисуса Сирахова, волхва Валаама) о грядущем воплощении Иисуса Христа, рождении его от девы Марии. Источниками статьи являлись, очевидно, известный переводной памятник, содержащий псевдоизречения «еллинских мудрецов» (статьи с приписываемыми им изречениями известны в греческих рукописях), а также *Сказание Афродитиана*, *Сказание о Ермии*, *Палея историческая*, *Сказание о Сивиллах*. Форма статьи — собрание пророчеств различных лиц — делала состав ее подвижным и легко изменяемым. Несмотря на это представляется возможным разделение сохранившихся списков на две редакции: хронографическую, находящуюся в составе *Хронографа Русского* редакций 1512 и 1617 гг., и редакцию сборников, раньше всего читающуюся в сборнике ГПБ, Соф. собр., № 1468, написанном рукою *Гурия Тушина* в 1523—1526 гг. Отличительными признаками хронографической редакции являются отсутствие в ней предсказаний Сивилл и обоснование устами «еллинских мудрецов» не только учения о воплощении Христа, но и догмата Троицы. Характерные черты второй редакции — включение в текст пророчений Сивилл и акцент на теме воплощения Христа. В появлении и распространении в русской литературе П. проявилось стремление русской церкви использовать античное наследие в своих интересах — подкрепить одно из основных положений христианской религии авторитетом деятелей античности. И хотя при этом учение и взгляды античных философов и писателей извращались, тем не менее обращение к их именам свидетельствовало о наличии в русском обществе XVI—XVII вв.

интереса к античной культуре и ее обаянии даже в глазах идеологов русской феодальной церкви. В сер. XVI—XVII вв. изображения «еллинских мудрецов» и Сивилл появляются в росписях некоторых церквей (раньше всего — в 1564 г. — в галерее Благовещенского собора в Кремле). «Еллинские мудрецы» изображены с развернутыми свитками в руках, в которых помещены приписываемые «мудрецам» предсказания о воплощении Христа. Внесение в росписи церквей изображений античных философов и писателей было обусловлено теми же мотивами, что и появление статьи П. Изображения «еллинских мудрецов» известны и в стенописи Балкапских стран.

Изд.: Кириллова книга. М., 1644. Л. 115 об.—117 об.; Франко. Апокрифы. 1899. Т. 2. С. 33—35; ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 164—165; Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 367—368.

Лит.: Щеголев П. Е. Очерки истории отечественной литературы: Скандинавие Афродитиана. СПб., 1899—1900. С. 89—93; Дуйчев И. Древнеэзические мислители и писатели в старата българска живопис. София, 1978; Сергеев В. Н. О надписях к изображениям «еллинских мудрецов» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 326—330.

Н. А. Казакова

Протасий (сер.—2-я пол. XVI в.) — игумен Чухломского Покровского монастыря, составитель Жития Авраамия Галицкого (Чухломского). Весьма скудные и в значительной степени предположительные сведения о Протасии реконструированы В. О. Ключевским. Ключевский предполагает, что в 40-х гг. XVI в. П. был игуменом Павлова Обнорского монастыря и при нем в 1546 г. были открыты мощи Павла Обнорского. До игуменства в Павловом Обнорском монастыре П. составил записи о Сергии Нуромском (не сохранившиеся), на основе которых инок *Иона* в 1584 г. написал Житие Сергия Нуромского. Из Павлова монастыря П. перешел в Успенский монастырь около Галича, а потом в Покровский монастырь около Чухломы. Оба этих монастыря — два из четырех монастырей, основанных Авраамием в Галичской земле в сер.—2-й пол. XIV в. (Авраамий умер в 1375 г.). Из грамоты Покровского Чухломского монастыря 1551 г. видно, что игуменом монастыря в это время был П. (АИ. Т. 1. С. 185). В близкое к этому году время П., по-видимому, и составил Житие Авраамия Галицкого, которое носит заглавие: «Месяца июля в 20 день, житие и жизнь и преставление преподобнаго и богоноснаго отца нашего Авраамия, игумена городецкаго чудотворца, в Чухломском уезде, на Городке, и о явлении ему чудотворных икон пречистыя богородицы, и о составлении обители, в нем же имать и от божественных чудес его». П. пишет, что в основу составленного им Жития он положил имевшиеся в монастыре старые записи: «И вопросившу ми иноков тоя святыя обители благоговейных и многолетних, есть ли каково списание о житии и о пришествии на место сие преподобнаго Авраамия. Иноцы же тоя святыя обители принесоша ми мало нечто написано о житии преподобнаго Авраамия ветхо и издранно, аз же едва прочтох и известно изверихся о житии преподобнаго. Не токмо же от писания сего, но и сам своима очима

видех от святого его гроба многая чудеса». С. П. Розанов обнаружил в одном из списков Жития Авраамия Смоленского такие сведения об Авраамии, которые, как он считает, относятся не к Авраамии Смоленскому, а к Авраамии Галицкому (Чухломскому). По мнению Розанова, обнаруженный им текст — отрывки из первоначального вида Жития Авраамия Галицкого, который лег в основу сочинения П. Розанов предполагает, что П. был также автором *Жития Павла Обнорского*. Текст Жития Авраамия не издаи, оно не исследовано.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 276; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 6—7; Строев. Словарь. С. 318—319; Розанов С. П. Отрывки из неизвестной древнейшей редакции Жития Авраамия Галицко-Городецко-Чухломского // РФВ. 1912. № 3 (отд. отт. 11 с.); Бу до в и ц. Монастыри на Руси. С. 149—152.

Л. А. Дмитриев

Р

Рай — несколько литературных памятников Древней Руси, по происхождению и содержанию никак не связанных друг с другом.

Р ай I — древнерусский календарный сборник уставных чтений. Календарь Р. охватывает часть триодного цикла: от недели мытаря и фарисея до страстной недели включительно — пространная редакция Р.; с 3—4-й недели поста до страстной недели включительно — сокращенная редакция Р. Примером пространной редакции может служить сборник 1512 г. Древлехранилища ИРЛИ, колл. Величко, № 1; сокращенной редакции — сборники 2-й пол. XVI в.: ГПБ, Свф. собр., № 1273; ГИМ, собр. Уварова, № 539; Единоверч. собр., № 28. Тематику сборника Р. определили евангельские и ветхозаветные сюжеты, использованные Иоанном Златоустом и другими византийскими и славянскими писателями в дидактических и торжественных словах. Кроме статей, непосредственно связанных с библейскими текстами, в Р. вошли и другие сочинения, наставляющие, как надо готовиться к посту и Пасхе, декларирующие христианские добродетели, а также сочинения, в которых с назидательными целями вспоминаются события церковной истории («избиение в болгарех христиан», *Мучение Феодора Тирона* и др.). Слова и поучения, составившие древнерусские Р., принадлежат широко известным византийским, южнославянским, древнерусским авторам, таким как Андрей Критский, Афанасий Александрийский, Григорий Антиохийский, Ефрем Сирий, Елифаний Кипрский, Иоанн Дамаский, Иоанн Златоуст, Никифор Каллист, Феодор Студит, Климент Охридский, Кирилл Туровский, Григорий Цамблак и др.

По календарной приуроченности, тематике и дидактической направленности сочинений Р. сближается с триодным *Торжествен-*

ником и постным *Златоустом*. С первым типом сборника Р. роднит еще и жанровая природа большинства статей — произведений эпидейктического рода красноречия. Отличительной особенностью Р., кроме собственно календарных признаков, может служить и необыкновенно большая насыщенность сборника словами на страстную неделю: так, например, в упомянутых выше списках Р. соответственно 35 слов (из общего числа статей в сборнике 85), 40 (из 47), 19 (из 28), 39 (из 46) слов посвящены событиям «страстной седмицы». Среди этих произведений есть и древнерусские редакции общеизвестных переводных гомилий, и оригинальные сочинения, свидетельствующие о том, что книга Р. несомненно возникла на русской почве. Характерной особенностью списков Р. является также наличие в них предисловия, объясняющего название сборника, раскрывающего его тематику: «Рай бо сад овощны нарицается. К дверем бо рая земнаго, аще пришед увидеши, много различни сади тамо узриши, от двоих или трех вкусившу ти насытишися. Сия же книги, аще усердием отверзаеши, плоды небесныя обрящеши, и аще с разумом ясти начнеши, николи же насытишися. Самого бога Христа трапезу предложено обрящеши, служителя трапезе Луку и Матфея евангелисты имуща, врата же трапезе отворяющи и вводящи приходящая питатися Иоанна Златоустаго имуща; отсюда же исходящу ти, в другаа врата увидеши, и тамо Давида пророка и царя трапезу обрящеши, духовную пищую изобилно исполнену, и тамо златословеснаго служителя имуща, в третия же врата входящу ти, апостольския плоды сладки обрящеши, их же изначала веровавшим изобилно предложима. По сих же рай святых отец обрящеши, много различныя и благоуханныя цветы имуща; сего ради рай книга сия наречеса».

Списки Р. до нач. XVI в. не известны. И в XVI—XVII вв. этот тип сборника не был широко распространен в древнерусской письменности. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что только в 60-е гг. XVI в. с этой книгой впервые ознакомился *Андрей Курбский*, человек для своего времени высокообразованный.

Систематического исследования древнерусских Р. до сих пор проведено не было, поэтому относительно литературного прототипа и происхождения Р. можно высказать пока только предварительные суждения. На наш взгляд, наиболее вероятным источником для формирования Р. послужил триодный Торжественник 1-й редакции. В процессе эволюции, накопления нового литературного материала триодный Торжественник разрушается, отдельные его части получают самостоятельное развитие, тематическую и жанровую специализацию. Так произошло со сборником *Златоуст*, продолжившим дидактическую линию, с пятидесятным Торжественником, развившим тематику пасхального и послепасхального циклов. Подобным образом при переработке Торжественника составители Р. за основу своего сборника взяли события «страстной седмицы». В составе нового сборника увеличено количество эпидейктических слов на одну тему (в данном случае — на тему «страстей господних»). Это дало возможность древнерусским авторам и составителям показать и свою

творческую фантазию, умение пользоваться традиционным литературным материалом для выражения собственных мыслей и чувств, продемонстрировать многообразие доступных им средств выражения и жанровых форм литературы XVI в. Сборник Р. не издавался.

Лит.: Седел ь н и к о в А. Книга «Рай» — особый вид Златоустника // Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 95—99 (СОРЯС. Т. 101. № 3).

Р а й II — так называется в послесловии Сборник, изданный в Москве в 1647 г. календарный сборник уставных чтений.

Р а й м ы с л е н н ы й III — сборник преданий об Афонских монастырях и о святынях Иверского Богородичного монастыря Новгородской епархии, основанного патриархом Никоном в 1653 г. на острове Валдайского озера. Составлен сборник при участии патриарха Никона в целях прославления Иверского монастыря, пропаганды и «исторического» обоснования политических идей Никона. Напечатан в том же монастыре в 1659 г. под заглавием: «Книга глаголемая Рай мысленный, в ней же различные цветы. Преподобным Стефаном Святоторцем собраны. . .». Начинается сборник с предисловия к читателю от имени иверского архимандрита Филофея «с братиею». В предисловии особо выделена роль Никона при строительстве монастыря и кратко охарактеризовано содержание книги. После «Сказания о горе Афонской, како бысть жребий пресвятой владычицы нашей богородицы. . .» (особый вариант «*Воспоминания отчасти Святыя горы Афонския*»), после сказания об Иверском Афонском монастыре и Портайтской иконе следуют русские сочинения, тенденциозно подчеркивающие преемственность славы и святости Афона новосозданным русским монастырем. Первое слово «о создании монастыря пресвятой богородицы Иверския», в память митрополита *Филиппа II* и на перенесение мощей Иакова Боровского, «списано смиренным Никоном патриархом, в той же обители будущи». Два других русских сочинения, включенных в состав Р. мысленного, безымянны: слово похвальное богородице и о чудесах при водворении Иверской иконы в монастыре русском и слово о явлении мощей Иакова Боровского чудотворца, о перенесении мощей из Боровиц в Иверский монастырь на Святом Озере.

Издание 1659 г. было единственным. В кон. XVII и в XVIII вв. сборник распространяется в рукописных списках, причем к основному тексту делаются всевозможные добавления (см.: ГПБ, Солов. собр., № 990/1099; ГБЛ, ф. 304. II, отд. 1, № 51).

Изд.: Рай мысленный. Иверский монастырь, 1659; Б у с л а е в Ф. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 1121—1124 (отдельные тексты).

Р а й IV, или Едем — сочинение Кариона Истомина, учительный, религиозно-нравственный сборник, известный под заглавием: «Едем, си есть сладость прохлаждающая и вразумляющая человека зрением духовным и известно сотворение и спасение людем в иконах знание в стихописании творит». Сочинение написано в 1693 г. и поднесено в дар царевичу Алексею Петровичу.

Изд.: Браиловский С. П. Один из «пестрых» XVII-го столетия // Записки имп. Академии наук. VIII сер. Истор.-филол. отд. СПб., 1902. Т. 5. С. 419—422 (выдержки).

Рай V — сборник, состоящий из 99 дидактических четверостиший, в общедоступной форме утверждающих нормы христианской морали и преимущества монашеского образа жизни. Напечатан в Анфологионе 1660 г. в переводе Арсения Грека под заглавием: «Главы, преведенныя от книги нарицаемая Рай о деянии и житии преподобных отец, Нилом иноком, нецыи же глаголют Иною Геометром списаны быти прослеиацки». Метафорическое название сборника в известной мере раскрывается в 1-й главе «Яко безсмертна есть читающим польза»:

Цветущий рай святых лик есть,
уже благоухания сладка концы земныя исполняет,
тем же всяк уже страстьми уязвися
любовною душею зде да примет нетления цветы жнйя.

Каждая из 99 глав имеет свою тему, которая четко сформулирована в названии: «яко прощение есть удобно» (гл. 2), «яко самим страхом Божиим заграждается язык» (гл. 3), «яко прилежнейша в нощи есть молитва» (гл. 5), «яко полезно есть в келии пребывати» (гл. 6), «яко от великих ничтоже бывает кроме дерзновения» (гл. 7), «яко недужному исцеляти иных несть лепо» (гл. 11), «яко должно есть щедроты к нищым имети» (гл. 12), «яко несть лепо богу работать и мамоне» (гл. 15), «яко тщетно есть чревообъядатися» (гл. 19), «яко ум нежели плоть блюсти достоинь» (гл. 20), «яко подобает от ближних познавати себе» (гл. 21), «яко падает и сила от нерадения» (гл. 22), «яко делом нежели словом поучатися» (гл. 23), «яко многообразен есть злобы навет» (гл. 27), «равша суть морю настоящаго жития волны» (гл. 29), «яко вся к созиданию ближняго творити» (гл. 32), «яко не велемудрствовати лепо» (гл. 40), «яко послушание паче всего» (гл. 44), «яко клястися зло есть» (гл. 52), «яко постничество богом учимо есть» (гл. 57), «яко праздность есть греху любовна» (гл. 79), «яко молитвы памятозлобных не приятны» (гл. 93) и т. д.

Изд.: Анфологион. М., 1660. Л. 1—18 (особый счет листов).

Лит.: Соболевский Я. Переводная литература. С. 311.

Рай VI — сборник поучений и правил для монастырского духовенства, составленный Каллистом Ксанфопулом, патриархом Константинопольским, и Игнатием Ксанфопулом в XIV в. Полное название сборника таково: «Художество и правило. . . о изволяющих безмолвно пожити и иночески и о пребывании и жителстве и пици их и о еже еликих благ виновно безмолвие бывает проходящим е. Разделися же настоящее слова сего списания на сто глав. Глаголется же наименование книги сея Рай, яко мало не от всего божественнаго писания обдержит в себе свидетелство». Сочинение Каллиста и Игнатия Ксанфопулов читается в составе книги «Добротолубие, или Словеса и главизны священнаго трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отец», издававшейся в XVIII—

XX вв. в России несколько раз (в переводе Паисия Величковского — М., 1793, 1822, 1840, 1851, 1857; в переводе епископа Феофана «иждевлением русского на Афоне Пантелеймонова монастыря» — М., 1883—1890, 1895—1900, 1901—1905, 1913).

В России и в других славянских странах создавались и рукописные списки книги Р. Ксанфопулов, так, например, А. И. Яцимирский называет 8 списков XVIII в. (Яцимирский и А. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. С. 573).

Изд.: Добротолюбие. . . М., 1793. Ч. 2. Л. 48 об.—113 об.

Р а й VII — так иногда называли *Патерик азбучный и иерусалимский* или выписки из него (см.: Леонид, архимандрит. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св.-Троицкой духовной семинарии в 1747 году. М., 1887. Вып. 1. С. 100, 105; ПБЭ. 1904. Т. 5. Стб. 813).

Т. В. Черторицкая

Родион Кожух (2-я пол. XV в.) — митрополичий дьяк, предполагаемый автор ряда житийных повестей, вошедших в состав летописного свода, отразившегося в *Летописях Софийской II и Львовской*. Дьяческая деятельность Р. К., судя по дошедшим до насграммотам, относится к 1461—1482 гг. Вероятно поэтому, что летописный свод, в который первоначально были включены его сочинения, был неофициальным летописным сводом 80-х гг., связанным с митрополией и резко оппозиционным по отношению к великокняжеской власти; возможно, что сам Р. К. был составителем или одним из составителей этого свода; однако Б. М. Клосс и В. Д. Назаров считают, что этот свод был составлен при Успенском соборе. Именем Р. К. подписаны в летописях Сказания о знамении в Москве под 6968 (1460) г. и об умершем отроке.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 182—184, 320—325.

Лит.: Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951. Т. 1. № 121, 137, 152; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1962. Т. 1. № 457, 499; Насопов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 305—307; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 246; К л о с с Б. М., Н а з а р о в В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV—XV вв. М., 1984. С. 308—311.

Я. С. Лурье

Роман (посл. четв. XV в.—1554) — игумен Перекомского монастыря под Новгородом, автор Жития Ефрема Перекомского, или Верендского, основателя и первого игумена Перекомского (Верендского) монастыря. (Название монастыря объясняется тем, что для снабжения его водой был выкопан канал (перекоп) из реки Веренды в озеро Ильмень). О Р. известно только, что после смерти Ефрема (кон. XV в. или 1523 г.) он стал игуменом Перекомского монастыря и оставался им, по П. М. Строеву, до 1554 г. Видимо, в том же году он скончался. Житие Ефрема приписано ему в самом памятнике: «Списано тоя же обители Романом игуменом, учеником святого». В науч-

ной литературе указано лишь 3 списка Жития Ефрема Перекомского. Один из них, известный П. М. Строеву и находившийся в свое время в Перекомском монастыре, — XVII в., два других (ГИМ, собр. Уварова, № 1248 (911) (136) и ГБЛ, собр. ОИДР, № 45) — XIII в. Текетологического анализа их нет.

Время составления Жития точно не установлено; Филарет в «Обзоре» бесосновательно называет 1530 г. В. О. Ключевский считает, что Житие не могло быть написано ранее 1552 г., так как в тексте его сказано, что, умирая, Ефрем предоставил выбор игумена из назначенных им четырех кандидатов (в числе которых был и Р.) архиепископу *Пимену Черному*, а последний был архиепископом Новгородским с 1552 по 1570 г. Однако в таком случае и дату смерти Ефрема следовало бы отнести к 1552 г., что противоречит всем прочим сведениям о нем. Дело в том, что дата смерти святого вызывает споры. Согласно Житию, Ефрем умер в 1486 г., прожив 80 лет. Но, по Житию же, он родился в 1412 г. и если бы прожил 80 лет, то должен был умереть в 1492 г. Не совсем ясное указание на этот же год находим в Святцах. В. О. Ключевский предполагал, что Ефрем умер не в кон. XV, а в нач. XVI в. Тем самым, по его мнению, «устраняются основные несообразности в рассказе жития». П. М. Строев в «Списках иерархов» считает годом смерти святого 1523 г., видимо основываясь на известии о том, что перенесение мощей Ефрема состоялось в 1545 г., спустя 22 года после его смерти (об этом известии см.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 263). Имя Пимена названо в Житии ошибочно, как предположил Амвросий еще в 1813 г. Амвросий показал, что «в продолжении всей... рукописной повести (о Ефреме Перекомском. — Л. С.) упоминаются архиепископы новгородские несоответственно тем годам, в которые они были» (История российской иерархии. Ч. 5. С. 467). Не является, на наш взгляд, указанием на время создания Жития и то, что «житие говорит о праздновании памяти святого, которое, как известно из другого источника, установлено было в 1549 г.» (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 263). Вполне возможно, что сообщение о праздновании памяти святого было внесено в Житие после канонизации его. Само же Житие написано скорее не после канонизации, а до нее, с целью «представить документацию, необходимую для канонизации подвижника» (Б у д о в н и ц. Монастыри на Руси. С. 211). Можно предположить, что толчком к созданию Жития послужило перенесение мощей Ефрема 16 мая 1545 г. (см. о нем: Словарь исторический о святых... С. 113). Ранее этого года оно не могло быть создано, поскольку написано, как отметил В. О. Ключевский, по канве Жития Александра Свирского, датированного 1545 г. (см. *Иродион*). Но оно не могло быть написано и после 1554 г. — года смерти Р.

Сомневаться же в том, что Житие было написано игуменом Р., у нас нет достаточных оснований. Такие сомнения высказывал В. О. Ключевский, указывая, что в Житии Ефрема много противоречий, ошибочных дат, искажений действительных событий, чего, по мнению Ключевского, не мог допустить ученик святого Ефрема.

Однако ошибки эти вполне мог допустить и Р.: Житие составлялось спустя 22 года после смерти Ефрема, и задача автора из-за недостатка материала была трудной. Не случайно поэтому он, по словам Ключевского, «почти целиком переписал житие Александра Свирского, поставив только другие имена лиц и мест и кое-где легко изменив ход рассказа». Житие не опубликовано. Пересказано Филаретом (Русские святые. . .) и в «Житиях святых российской церкви, также иверских и славянских, и местно чтимых подвижников благочестия» (СПб., 1858, май. С. 281—294).

Лит.: А м в р о с и й. История российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 466—478; Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836. С. 11—113; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 263—264; С е р г и й, архимандрит. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. С. 128. 258; М а к а р и й [Б у л г а к о в]. История русской церкви. СПб., 1877. Т. 8. С. 44; С т р о е в П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 113, № 61; 2) Словарь. С. 240; Б а р с у к о в. Источники агиографии. Стб. 197—198; Ф и л а р е т [Г у м и л е в с к и й]. 1) Русские святые, чтимые всю церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882, сент. С. 158—160; 2) Обзор. С. 208; Б у д о в и ц. Монастыри на Руси. С. 211—213.

Л. В. Соколова

Рукописание Магнуша, короля Свейского — вымышленное завещание, в котором шведский король Магнус вспоминает о военных неудачах шведов в борьбе с новгородцами и русскими князьями за Приладожье. В попытках завоевать Ижору, Неву, город Орехов шведские князья Биргер, Маскалка и сам Магнус терпели поражения. Нарушение мирного договора и крестного целования с новгородцами и русскими князьями обернулось для Магнуса бедой: его земля страдала от голода, мора, междоусобиц, сам он терял рассудок и дважды терпел кораблекрушения. Во второй раз он три дня и три ночи плавал по морю, «пригвоздившись» мечом к корабельным доскам, пока ветром не вынесло его к монастырю святого Спаса, где монахи постригли его под именем Григория. В завещании, «отходя сего света», Магнус приказывает своим наследникам не нападать на Русь.

Р. помещено в *Летописях Софийской I* и *Новгородской IV* под 1352 (6860) г. Присутствие Р. в СІІІ и НІVІІ указывает на то, что оно читалось уже в их общем протографе, объединившем общерусские известия с новгородским, тверским, псковским, суздальско-ростовским летописанием. Новгородские реалии, на которых построен сюжет Р., не противоречат его общерусскому значению: как политическая сторона в легенде фигурируют не только новгородцы, но и русские князья — Александр Ярославич Невский (1220—1263 гг.), его сын Андрей Александрович (ум. 1304 г.), его внук Юрий Данилович (1281—1325 гг.) и вся Русь. Отсутствие этого текста в новгородском источнике общерусского свода — *Летописи Новгородской I* говорит о том, что Р. могло быть сочинено специально для этого свода, последовательно проводившего мысль о необходимости объединения русских княжеств в борьбе с внешними врагами. Легендарное Р. как нельзя более отвечало этой тенденции.

Текст Р. в НІВЛ и СІЛ почти идентичен, за исключением нескольких случаев. Так, в НІВЛ князья названы без отчеств и без титула «великий». В СІЛ отчества и титулы добавлены. «Наместникам» и «немцам», посаженным в русских городах, согласно СІЛ, в НІВЛ соответствуют «мужи». В НІВЛ сообщается, что перед бегством за море Магнуш уничтожил осадные орудия — «пороки посекл»; в СІЛ этого сообщения нет. В СІЛ Магнуш, потерпев кораблекрушение, «створихся плавая на дне кораблем исторцънем» в НІВЛ в этом месте читается «стрек мечем пригвоздихся», т. е. острием меча. Несколько пространнее в НІВЛ по сравнению с СІЛ концовка: «А кто наступит на крестном целовании, на того бог и крест животворящий, и сила господня, и огонь, и вода, и казнь, коею ж и мене бог казнил за мое злосердыство и высокоумство, а все то бог сътворил своим промыслением к моему спасению» (ср. в СІЛ: «А кто наступит, на того бог и огонь, и вода, им же мене казнил, а все ми створид то бог к моему спасению»). Благодаря этим различиям и нескольким перестановкам текст НІВЛ представляется первичным по отношению к СІЛ. Особенности текста НІВЛ присущи и *Летописи Новгородской Карамзинской*, архетип которой является непосредственным протографом НІВЛ и занимает промежуточное положение между НІВЛ и общерусским сводом 1448 г., к которому восходит и СІЛ. Поэтому можно предположить, что там Р. выглядело так же, как в Новгородской Карамзинской и НІВЛ.

Из НІВЛ и СІЛ Р. переходило в более поздние летописи, сохраняя черты либо «новгородского», либо «софийского» вида. Так, *Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г.* (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 178—179) и *Летопись Вологодско-Пермская* (ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 115—116), восходящие к СІЛ, воспроизводят Р. софийского вида. НІВЛ, представляющая собой вариант НІВЛ кон. XV в., дает обработку новгородского вида; но в НІВЛ из текста Р. исключены слова «стрек мечем пригвоздихся» и место это читается «а сам створих плавая на дни корабля» (ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1917. Т. 4, вып. 1. С. 262—263). Такое же чтение этого места находится в *Летописи Никоновской* (ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 224—225), для которой НІВЛ является непосредственным источником. Однако Никоновская летопись испытала на себе влияние и СІЛ (см.: К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 148), что сказалось и на тексте Р. Так, в нем нет упоминания о том, что Магнус «порубил пороки», князья названы с отчествами, хотя великими — только Андрей Александрович и Юрий Данилович; влияние СІЛ чувствуется и в концовке: «А кто наступит на Рускую землю и преступит крестное целование, на того господь бог, и огонь, и вода, им же меня казнил. . .».

В целом же текст Р. в Никоновской летописи можно считать второй редакцией, изменившей заглавие, включившей в памятник новые эпизоды, местами распространившей и дополнявшей фразы. Р. носит здесь название «Духовная грамота Магнуша, короля Свейского», наставление Магнуша в начале и конце дополнено перечислением присущих ему пороков («отбегати от всякаго лукавства, неправды. . .».

и пьянства, и всякаго игrania бесовского», «несть бо такова чело- века на сем свете, яко же аз горд, и лукав, и грехолюбив, и пострадах злаа того ради. . .»); нападение на Русь Магнуш объясняет желанием крестить местное население в свою веру; сын Магнуша, Сакун, приехавший из Мурманской (Норвежской) земли, нашел своего безумного отца иссохшим и почерневшим, очи Магнуша «яко в яму впадши», кожа «к костем прилнуша», голос «яко исхудевшиа пчелы»; Сакун при виде отца бился головой о землю и плакал. Все эти добавления, драматизируя текст, придают ему эмоционально-экспрессивное звучание, более присущее литературному произведению, в отличие от Р. первой редакции (НІVЛ и СІЛ), воспроизводящей стиль делового документа.

Р. Магнуша не знает вымышленных персонажей. В легендарном произведении фигурируют исторические политические деятели — русские князья, участвовавшие в XIII и XIV вв. в борьбе со шведами, шведские военачальники и короли: Биргер, противник Александра Невского, Торгель Кнутсон, регент малолетнего дяди Магнуса, чье придворное звание марскалка превратилось под пером новгородского писателя в имя собственное Маскалка (Ламмаксалка — в Московском своде 1479 г.), сам Магнус Эриксон, король шведский и норвежский (1319—1363 гг.), в результате междоусобной борьбы свергнутый с престола и оказавшийся пленником избранного на его место Альберта Мекленбургского, сын Магнуса Гаакон VI (Сакун), правивший Норвегией вместе с отцом с 1345 г. В Р. излагаются реальные исторические события. В 1300 г. Торгель Кнутсон основал в устье Невы крепость Ландскрону. В 1323—1326 гг. московский князь Юрий Данилович заключил со шведами и норвежцами договор в Орехове, по которому между шведами и новгородцами были поделены земли, воды и ловища. Но в 1348 г. шведский и норвежский король Магнус начал войну за берега Ладожского озера и Невы, взял крепость Орехов и, оставив там небольшой гарнизон, пошел в Карелию. Новгородцы вернули себе Орехов. В 1350 г. Магнус предпринял новый поход, однако новгородцы перешли в наступление и осадили Выборг. Война окончилась миром, который длился 30 лет. Шведские войны сопровождалось обращением в католичество карел и ижорцев. Это обстоятельство отразилось в новгородских летописях — НІЛ и других: под 6855 (1347) г. в них сообщалось о посольстве Магнуса к новгородскому владыке *Василию* с предложением перейти в католичество: «не пойдете в мою веру. . ., хоцү пти на вас со всею силою своею».

Изд.: ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1. С. 281—282; СПб., 1851. Т. 5, С. 227; ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 58—61, 537—539 (подгот. текста и коммент. П. С. Демковой).

Лит.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Эфрон. 1892. Т. 14. С. 883—884; 1894. Т. 35. С. 383; 1903. Т. 77. С. 335—336; История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 118—119, 376—377; Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. 2. (XIV—XV вв.). М., 1953. С. 207, 626—628; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—121; Ш а с к о л ь с к и й И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 142—166.

М. Д. Каган

«Рыдание» Иоанна Евгеника — переводное лирическое произведение 2-й пол. XV в., является откликом на покорение Константинополя войсками турецкого султана Махмета II 29 мая 1453 г. после длительной и тяжелой осады города. Автор Р. — византийский писатель XV в. Иоанн Евгеник, создатель многочисленных риторически украшенных «экфрасисов»-описаний красот природы его родного города Трапезунда, Коринфа, острова Имброса, а также ямбических стихов и других произведений. Р. (в греческом оригинале памятник называется «Рыдание о взятии великого града») — самое значительное из всех его сочинений. В определении времени создания памятника исследователи несколько расходятся: Н. А. Мещерский считает, что оно написано не позднее 1461 г., а И. С. Дуйчев, установивший факт личного участия Иоанна Евгеника в трагедии 1453 г., полагает, что «оно было составлено непосредственно во время события или вскоре после него» (Д у й ч е в И. О древнерусском переводе. . . С. 200).

По своему жанру Р. — плач-монодия. В нем не описывается ход исторических событий, это плач о «прекраснейшем городе земли», столице Византийской империи, «оке вселенной», городе, потерявшем независимость и подпавшем под иго врагов-иноверцев, мусульман. Противник унии с римско-католической церковью, Иоанн Евгеник оплакивает падение Царьграда как гибель центра православия: падение древнего Иерусалима — ничто в сравнении с падением этого Нового Сиона, Нового Рима.

Р. — первый в русской литературе отклик на захват Турцией в 1453 г. Константинополя. Время создания древнерусского перевода «отделено от появления оригинала не более как 10-летним промежутком» (М е щ е р с к и й Н. А. «Рыдание» . . . С. 80) и устанавливается с помощью записи на Царском списке январского тома *Великих Миней Четких* (ГИМ, Синод. собр., № 178, л. 929), копирующей более раннюю запись 1468 г. Содержание записи 1468 г. свидетельствует, что к этому времени Р. уже бытовало в Новгороде совместно с *Историей Иудейской войны* Иосифа Флавия, в которой повествовалось о падении Иерусалима. Распространение Р. в Новгороде накануне утраты им политической самостоятельности объясняется исторической аналогией между судьбами Новгорода и Иерусалима, между императором Титом Веспасианом и Иваном III. Появление перевода Р. на Руси было свидетельством сохранившихся в 50—60-е гг. XV в. связей (очевидно, через Афон) между русским духовенством и разоренной православной Византией. (Н. А. Мещерский при этом обращает внимание на любопытный факт, что греческие списки Р. уроженца грузинского Трапезунда сохранились именно в Иверском монастыре Афона). Выявленные в языке древнерусского перевода многочисленные восточнославянизмы позволили Н. А. Мещерскому сделать заключение, что переводчик «не принадлежал к южным славянам», хотя и стилизовал свою речь «искусственными болгаризирующими формами» в духе официального литературного языка XV в.: вероятно, он был уроженцем южной Руси. Перевод, сделанный с большим мастерством, точно следовал грече-

скому подлиннику, опуская лишь античные и мифологические реминисценции (упоминания «Илиады», «жилища муз») и развивая библейские цитаты.

Литературная история древнерусского перевода Р. не изучена, и текст его не издан. Н. А. Мещерский, проведший сопоставление русского перевода памятника с его греческим оригиналом, указывает шифры 9 русских списков XV—XVII вв. Во всех списках текст Р. встречается в одном и том же литературном окружении: он помещен после перевода так называемой Отдельной редакции «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и перед добавленной к «Истории» главой «О втором создании Иерусалима и Церкви», заимствованной из *Хроники Георгия Амартола*. Русский перевод памятника отразился в целом ряде русских литературных произведений XV—XVII вв.: в «Повести о взятии Царьграда» Нестора Искандера, в Послании великому князю *Василию III Ивановичу* старца Елеазарова монастыря *Филофея*, в Плаче о пленении и конечном разорении Московского государства.

Лит.: Строев. Словарь. С. 401; Мещерский Н. А. «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод // ВВ. М., 1953. Т. 7. С. 72—86; Дуйчев И. О древнерусском переводе «Рыдания» Иоанна Евгеника // ВВ. М., 1957. Т. 12. С. 198—202.

Н. Ф. Дробленкова

С

Савва (2-я пол. XV в.) — инок, автор «Послания на жидов и на еретики», написанного в 1488 г. и адресованного боярину Дмитрию Васильевичу Шеину. Биографические данные о С. могут быть извлечены только из вступительной части его Послания. С. именует себя иноком «Сенного острова», — очевидно, речь идет о Троицком Сеновском монастыре, находившемся в Вотской пятине Корельского уезда (Карельский перешеек). Предположение о тождестве С. с автором Послания о Мономаховом венце, бывшим митрополитом *Спиридоном—Саввой*, никак не обосновано и представляется сомнительным. Поводом к написанию Послания С. была поездка посла *Ивана III* Дмитрия Шеина в Крым, в ходе которой он должен был вести переговоры с неким Захарием Скарой Гуил Гурсисом, проживавшим в северном Причерноморье и намеревавшимся перейти на русскую службу. Захария Скару до 1488 г. считали в Москве «евреянином»; в те же годы архиепископ *Геннадий* обнаружил в Новгороде еретиков, которым он приписывал, среди прочих заблуждений, склонность к «жидовскому мудрствованию». В связи с этим С. и направил Шеину свое Послание, представляющее собой компиляцию

из противоиудейских разделов *Палеи Толковой* и «Слова о законе и благодати» киевского митрополита *Илариона*.

Послание С. не представляется нам сколько-нибудь значительным источником по истории идеологической борьбы кон. XV в. Наиболее оригинальными представляются в Послании С. выступления в защиту церковного имущества («десятина Мелхиседека») и характерные для обличителей еретиков кон. XV в. высказывания против неблагочестивых государей: «Аще бо царь, или князь, или богат, или сильный, аще и мнится, гордяся величеством маловременным сим, а не поклоняется богу нашему Спасу господу Иисусу Христу, написанному образу его на иконе и не причащается тела и крови Христовы, — той воистину раб есть и проклят». В Захарии Скаре, упоминаемом С., некоторые исследователи видели лицо, идентичное «жидовину Скарии», которого *Иосиф Волоцкий* объявил в нач. XVI в. в «Просветителе» главным зачинщиком новгородской ереси. Но Захарий Скара Гуил Гурнис был идентичен Захарии Гвизольфи — властителю Тамани (Мартеги) и представителю древней генуэзской католической семьи. Представление о нем как о «жидовине», которое дало повод С. к написанию его Послания, по-видимому, было ошибочным — во всяком случае после 1488 г. Иван III стал именовать Захариию «князем Таманским», а не «евреянином». Связь между Посланием С. и «Просветителем», возможно, заключалась в ином: используя выписки из Палеи, содержащиеся у С., Иосиф Волоцкий мог заимствовать у С. и имя «жидовина», присвоив его соаврателю новгородских еретиков.

Изд.: Послание инока Саввы па жидов и на еретики / Предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1902. Кн. 3, отд. II. С. 1—94.

Лит.: Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 59—60; Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 80; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 131—135, 224—225, 239; Голейшова Е. К. Заметки о Дионисии // ВВ. М., 1971. Т. 31. С. 177.

Я. С. Лурье

Савва Черный см. *Житие Иосифа Волоцкого.*

Семьдесят имен богу — переводное апокрифическое сказание; оно содержит перечень имен бога (Власть, Сила, Слово, Дом, Риза, Творец, Саваоф и др.) и перечень имен богородицы (Кунина, Жезл, Корень, Земля свята, Огнь и др.) с толкованиями их смысла, обычно путем приведения выдержек из книг Священного писания, где такие наименования встречаются и поясняются. Апокриф утверждает, что прочитавший сто будет непобедим в бою, избегнет врагов и неожиданной смерти. М. Н. Сперанский сближает этот апокриф с другим апокрифическим текстом, изданным Н. С. Тихонравовым по сербской рукописи XV в. (Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 345): «А се имена аггельска, иже обладают и винограда, и градинами», считая оба текста переведенными с греческого («апокрифами-амулетами», отражающими веру в чудодейственную силу имени).

Апокриф о именах бога извлечен Н. С. Тихонравовым из сборника ГБЛ, Волок. собр., № 181 (554). Границы апокрифа спорны: издатель начинает его со слов: «Сиа знамена, егда видиши и спа имена, егда прочитаеши. . .», тогда как составитель описания (см.: Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии, иеромонаха Иосифа. М., 1882. С. 210) считает заголовками фразы, непосредственно предваряющие перечни имен: «А сеи имена господня, числом 72, да еже их имат и носит с собою честно, от всякого зла избавлен будет» и «А сеи имена пресвятыей богородице, числом 72», и, таким образом, видит здесь два разных апокрифических предания.

Изд.: Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 339—344.

Лит.: Сперанский М. Н. Книги отреченные // ПБЭ. СПб., 1910. Т. 11. Стб. 420.

М. А. Салмина

Серапион (ум. 1516) — архиепископ новгородский с 1506 г., автор Послания митрополиту Симону. До поставления в архиепископы он был монахом и настоятелем Успенского Стромьинского монастыря, а в 1495—1506 гг. — игуменом Троицкого монастыря. Как и его предшественник по новгородскому владычному престолу *Геннадий*, С. отстаивал право монастырей на крупные земельные владения и спорил в связи с этим с *Иваном III* на соборе 1503 г., обославшем этот вопрос. Назначенный архиепископом на место сосланного в 1504 г. *Геннадия*, С. продолжал политику своего предшественника. С этим, очевидно, связано столкновение С. с *Иосифом Волоцким*, начавшим после расправы великого князя над еретиками в 1504 г. сближаться с великокняжеской властью. Когда *Иосиф Волоцкий*, столкнувшись с удельным князем Волоколамским, покушавшимся на монастырские земли, отдал свой монастырь под власть великого князя *Василия III*, С. не признал этого акта (совершенного без его ведома) и отлучил в 1509 г. *Иосифа* от церкви. В ответ на это церковный собор во главе с митрополитом *Симоном* отлучил и лишил сана самого С.; он был сослан в Андроников, затем в Троицкий монастырь. Однако эта опала вызвала горячие споры даже среди лиц, покровительствовавших *Иосифу Волоцкому*. В 1511 г. *Василий III* повелел митрополиту *Симону* примириться с С. и снять с него отлучение от церкви. Вскоре после этого *Симон* умер; новый митрополит *Варлаам* не был связан с *Иосифом Волоцким*. *Василий III* выразил желание, чтобы *Иосиф* «блг челом» С., но примирение между ними не состоялось: в 1515 г. умер *Иосиф Волоцкий*, а вскоре и С. В 1559 г. С. был канонизован как местный святой; от этого времени дошло *Житие Серапиона*.

До нас дошло и публицистическое сочинение самого С. — его Послание митрополиту *Симону* против *Иосифа Волоцкого*, сохранившееся как в составе *Жития* С., так и вне его. По своему стилю Послание С. резко отличается от *Жития* архиепископа, написанного в обычной этикетной манере; для Послания характерны черты просторечия, оно резко и энергично. «Что, господине, сказываετε, что

аз не назнаменал вины прехвальному нашему Иосифу?», — спрашивал С. митрополита. «Ино ему первая вина, что из моего предела от святых церкви Божия Премудрости изскочил. . . Вы же, господине, что усмотрели? Какову правду его обыскали? . . .». С. обвинил Иосифа Волоцкого в том, что «в. . . его лжах злых мнози от государя в темницах заключены», — имея в виду, очевидно, бесчисленные аресты лиц, заподозренных в сочувствии разгромленной в 1504 г. новгородско-московской ереси; он дал ему прозвище «ябедник», сохранившееся в памятниках вплоть до XVII в. (патриарх Никон).

Изд.: Послание Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.: Л., 1959. С. 331—333 (ср.: Там же. С. 266—267).

Лит.: Ундольский В. М. Славяно-русские рукописи. М., 1870. С. 252; Ключевский В. М. Древнерусские жития. С. 290—291; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 502—508; Строев. Словарь. С. 241—242, 344; Филарет. Обзор. С. 128—129; Леонид архимандрит. Святая Русь. СПб., 1891. С. 140—141; Житие святителя Серапиона, архиепископа Новгородского / Изд. В. П. Сергиев Посад, 1912; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 428—436; Егуннов Ю. К. «Слово инос» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 351—364; Моисеева Г. Н. Житие Новгородского архиепископа Серапиона // Там же. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 147—165; Казаква Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 75—77; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977. С. 70, 80—94; Дмитриева Р. П. Житие новгородского архиепископа Серапиона как публицистическое произведение XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41.

Я. С. Лурье

Серапион см. Василий, автор Повести о приожении Стефана Батория на град Псков.

Сергий (XVI в.) — соловецкий монах, автор Слова похвального русским святым. Слово находится в рукописи ГПБ (собр. Русского археологического общества, № 15, XVI—XVII вв., 6 л.), носит название «Сергия смиренного черпоризца обители Пантократоровы, иже на отоке Соловецком, на польнощной стране сущем понта Окияна, похвальное преподобным отцем в России в посте просиявшим. Евлогисон патеро». В начале Слова идет общее рассуждение о необходимости почитания святых, здесь упоминается Антоний Печерский, прославивший свой родной город Любеч; затем автор выражает чувство собственного «недостойнства»; эта часть написана ритмической прозой: «Хощу же убо к похвале отец язык подвигнути, и ужасаюся. Хощу оных помянути, и недоумение объемлет мя. Хощу тех в среду привести, и весь умом изступую. Помышляя оных высокое, и ни от иного бываю, и непостижения покрывает мя облак. И убо желание не оставляет, нудай, недостойнство же безгласнем связует язык». Далее речь идет о будущем блаженстве праведных. Конец рукописи, а вместе с тем и Слова недостает. Заканчивается отрывок словами: «По возвратим слово на повесть, отнюду жу изыде. Аще бо и невежда есмь, и груб, и поселяник. . .». Слово С. остается неопубликованным.

Лит.: Прозоровский Д. Опись древних рукописей, хранящихся в музее имп. Русского археологического общества. СПб., 1879. С. 35.

Г. М. Прохоров

Сергий Старый (кон. XV в.) — инок Троице-Сергиева монастыря, автор молитвы Сергию Радонежскому. Из нескольких молитв, обращенных к Радонежскому чудотворцу, которые были в ходу в русской перкви и печатались в богослужебных книгах (см. о них в работе Е. Е. Голубинского), молитва С. — древнейшая. В списках она обычно завершает написанное *Епифанием Премудрым* Похвальное слово Сергию (см., например, ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, ф. 304, № 663, 698) и начинается словами: «О священнаа главо, преподобне отче преблаженный авва Сергие великий!». Первая часть творения С. заимствована из молитвы, помещенной в конце Похвального слова (ср. по изданию Похвального слова в кн.: ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 424). В учтенных в литературе списках отсутствует указание на имя составителя молитвы, лишь в одной рукописи (ГИМ, собр. Уварова, № 405, л. 141) она озаглавлена: «Молитва к преподобному Сергию чудотворцу, сътворена бысть в обители его священноиноком Сергием Старым в лето 7006-е».

Изд.: Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца. Литографированное изд. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1853. Л. 377—378; Леоид, архимандрит. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. СПб., 1885. С. 166—167 (ПДПИ. Т. 58).

Лит.: Строев П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. П. Царскому. М., 1848. С. 51; [Иларий и Арсений]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1879. Ч. 3. С. 3, 60—61; Филарет. Обзор. С. 122; Леоид, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 2. С. 400; Голубинский Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра: Жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по лавре // ЧОИДР. 1909. Кн. 2. С. 71. Примеч. 1; Бодовниц. Словарь. С. 286.

Д. М. Буланин

Силуан (1-я пол. XVI в.) — переводчик и книгописец. В записи на одном из списков Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна сказано, что он был «старорусец», т. е. происходил из Старой Руссы (Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. С. 161). Впоследствии С. был монахом Троице-Сергиевой лавры. В качестве писца и самостоятельного переводчика С. сотрудничал с *Максимом Греком* в 1518—1525 гг. О его судьбе после собора 1525 г., осудившего Максима Грека, ничего достоверного неизвестно. Согласно *А. М. Курбскому*, С. был умерщвлен митрополитом *Даниилом* вскоре после собора; другие источники («Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека», которое И. Денисов приписывает Исаею Копинскому; запись, предваряющая Беседы Иоанна Златоуста, — перевод С.) сообщают, что С. уморили дымом в Иосифо-Волоколамском монастыре; наконец, в *Повести о втором браке Василия III*

говорится, что С. был сослан в Соловецкий монастырь после собора 1531 г. Известно, что в царском архиве хранились присланные С. перед смертью греческие грамоты.

Благодаря сотрудничеству с Максимом Греком С. выучил греческий язык. С. принадлежит перевод Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, осуществленный под наблюдением Максима («разумом же и наказанием премудрейшаго старца Максима») в 1524 г. В послании Максима Грека, обнаруженном Н. Б. Тихомировым в одном из ранних списков Бесед (ГБЛ, собр. Егорова, ф. 98, № 920), ученый монах высоко оценивает достоинства С. как переводчика; Н. В. Сяницына выявила в том же списке собственноручные глоссы Максима. В рукописях перевод сопровождается предисловием, написанным С., в котором он, между прочим, указывает на сложность греческого языка и говорит, что при переводе следует исходить из смысла написанного (издано И. В. Ягичем и Б. Ангеловым). Перевод Бесед на Евангелие от Матфея получил широкое распространение в рукописной традиции не только в России, но и у южных славян; в 1664 г. он был издан в Москве. Из предисловия С. к этому сборнику сделаны выписки в предисловии к грамматике Мелетия Смотрицкого (М., 1648). Относительно участия С. в переводе другого сборника, столь же распространенного, как и первый, и также изданного в Москве в 1665 г. — Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, показания рукописей разноречивы. Остается неясным, какое участие принимал С. в переводе Бесед на Евангелие от Иоанна: был ли он самостоятельным переводчиком, помощником Максима Грека или просто писцом. Пропуски в переводах Максима Грека и С. (45-я беседа на Евангелие от Матфея, 22—23, 44—47-е беседы на Евангелие от Иоанна) восполнены в московских изданиях, как и в некоторых списках, переводами А. М. Курбского. Как явствует из Судных списков Максима Грека, С. переводил вместе с ним Житие богородицы Симеона Метафраста (Судные списки Максима Грека и Исака Собака. М., 1971. С. 100—102). М. А. Голубцова высказала предположение, что Максим Грек или С. являются переводчиками «Поклоненья святого града Иерусалима»; предположение это нельзя считать достаточно обоснованным (см.: Г о л у б ц о в а М. А. К вопросу об источниках древнерусских хождений во св. землю. «Поклоненье св. града Иерусалима» // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. С. 36—38).

Н. В. Сяницына считает, что почерк трех рукописей можно гипотетически рассматривать как почерк С.: ЦГАДА, ф. 381, № 196 (один из наиболее ранних списков перевода Бесед Иоанна Златоуста); московскую часть сборника-конволюта ГПБ, Соф. собр., № 1498; ГБЛ, Волок. собр., ф. 113, № 544. А. И. Плигузов усматривает автографы С. еще и в других рукописях (П л и г у з о в А. И. Текстологическая история «Собрания некоего старца» // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 15).

Изд.: Я г и ч И. В. Рассуждения южнославянской и русской старинны о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1895.

Т. 1. С. 626—631; Ангелов Б. Руско-южнославянски книжовни връзки. София, 1980. С. 84—101.

Lum.: Denissoff E. Une biographie de Maxime le Grec par le métropolite Isaïe Korinski // Orientalia Christiana Periodica. 1956. Vol. 22. P. 162—163; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1963. № 6, 7. С. 48—49; Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975. С. 11—14; Сидицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 14, 65—66; Цеханович А. А. К переводческой деятельности князя А. М. Курбского // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 110—114.

Т. В. Буланина

Сильвестр (в иноках Спиридон) (ум. до 1577) — священник Кремлевского Благовещенского собора, автор посланий, Жития княгини Ольги, автор или составитель «Домостроя», владелец келейной библиотеки. Едва ли о каком деятеле XVI в. высказывались в научной литературе настолько взаимомключающие суждения, как о С.: одни считали его идеологом боярской оппозиции, другие — торгово-посадских кругов, одни писали о его близости к нестяжателям, другие — о его связях с осифлянами, одни просвещенным влиянием С. объясняли счастливые перемены в характере *Ивана Грозного*, другие полагали, что С. привил молодому царю религиозный фанатизм. Такие разнящиеся оценки объясняются противоречием между скудостью источников о жизни и деятельности благовещенского священника и рано сложившейся легендой о его всемогуществе. Творцом этой легенды был сам царь, красочно живописавший в первом послании *А. М. Курбскому* всевластие и своеволие С. и *Алексея Адашева*; таким же всеильным временщиком, к тому же убежденным сторонником князей Старицких, предстает С. на страницах *Царственной книги*. О том, как быстро привилась данная царем оценка ситуации при дворе в 1540—1550-х гг., свидетельствуют «История» *А. М. Курбского*, где все «полезное земле» творят все те же «мужие два» — С. и Адашев, и Летописец Пискаревский, согласно которому именно они «справили Рускую землю». Едва ли можно построить объективную характеристику деятеля прошлого на основе столь тенденциозных источников. *А. Н. Грбовский* показал, какие несообразности порождает чрезмерное доверие к словам Грозного и Курбского, в изображении которых царь в кон. 1540—1550-х гг. был лишь игрушкой в руках могущественной «партии» С. и Адашева. Вместе с тем точка зрения исследователя, считающего благовещенского священника ничего не значащей при дворе фигурой, представляется иной крайностью; в книге «Иван Грозный и Сильвестр» не учтены некоторые источники, которые свидетельствуют об активном участии С. в культурной политике сер. XVI в. И все же факт остается фактом: если головокружительная карьера Адашева хорошо документирована, роль С. на политической арене, полностью определявшаяся его личным влиянием на юного государя, почти не отложилась в современных источниках. Начав службу при дворе благовещенским попом, он и через пятнадцать лет, отправляясь в добровольное изгнание, носил этот сан. Мнение о том, что С. был благовещенским протопопом и, следовательно, царским духовником, должно быть оставлено (в 1540—1550-х гг. духовниками царя состояли Феодор

Бармин, Иаков Дмитриевич, наконец, Андрей, будущий митрополит *Афанасий*, — все протопопы Благовещенского собора); впрочем, И. В. Курукин допускает, что С. был вторым духовником царя. Достоверно принадлежащие С. сочинения, за исключением послания Анфиму, носят столь отвлеченный характер, что не дают возможности составить отчетливое представление о его политической платформе, если у него и была таковая. Единственное, о чем можно говорить, — это об участии С. в годы фавора в идеологических мероприятиях сер. XVI в., направленных на упорядочение жизни московского общества («Домострой»), на оформление идеи «святорусского царства» (Степенная книга).

Уроженец Новгорода, С. еще на родине занимался подготовкой квалифицированных иконников, каллиграфов, певчих и других мастеровых, о чем он сам рассказывает в послании сыну. Если пренебречь сообщением Царственной книги о том, что «промыслом» С. в 1540 г. был освобожден князь Владимир Старицкий с матерью, то первым известием о пребывании писателя в Москве будет вкладная запись на рукописи ГБЛ, собр. Тихонравова, № 629, которая датирована 1546 г. и в которой вкладчик называет уже себя благовещенским попом. Высказывалось предположение, что С. явился в столицу в свите митрополита *Макария* в 1542 г. Трудно сказать, сколько правды в словах Ивана Грозного о «детских страшилах», которыми будто бы в 1547 г. С. пугал царя и благодаря которым он «прельстился» самодержца и втерся к нему в доверие (Грозному в данном случае вторит князь Курбский, намекающий на какие-то «чюдеса» благовещенского попа). Столь же трудно оценить правдивость рассказа Царственной книги о поведении С. в критической ситуации 1553 г., когда он якобы высказался в поддержку Владимира Старицкого. Во всяком случае признаков царской «остуды» к благовещенскому попу до кон. 1550-х гг. не заметно. С другой стороны, нет оснований не доверять рассказу царя о судьбе С. и его сына в послании А. М. Курбскому: «Попу же Селивестру, видевше своих советников ни во что же бывше, и сего ради своею волею отоиде, пам же его благословне отпустившим. . . Того ради и чаду его сотворих и по се время во благоденстве пребываети; точию убо лица нашего не зря». Документально подтверждается, что царь Иван не лукавил по крайней мере в последнем заявлении: в 1561—1566 гг. Анфим Сильвестров благополучно служил дьяком в Смоленске. Если бы он умер в опале, едва ли род Анфима попал бы в Синодик Успенского собора (М и р т о в П. Знаменитый древнерусский священник. С. 551, примеч. 1). Стало быть, фаворит Ивана Грозного добровольно удалился в изгнание (по А. Л. Гробовскому, разрыв между ними произошел в августе 1560 г. или несколько позже (см.: Иван Грозный и Сильвестр. С. 195)); он постригся в Кирилло-Белозерском монастыре. В одном из «сказов» к «Новому Маргариту» А. М. Курбский рассказывает, что С., «исходяще во изгнание пророчествовалъ, иж восхощет бог казнь огнем поустить воскорю на едину часть града. . . яко и бысть» (Архив ельскій А. С. К изучению древнерусской литературы: Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888. С. 76).

Согласно другому сочинению Курбского — его «Истории», после собора 1560 г., созванного специально для осуждения Адашева и его сподвижника, бывший благовецкий поп был сослан в Соловецкий монастырь. Сообщение беглого князя наводит на серьезные размышления. Коль скоро Грозный заточил своего фаворита в северный монастырь, почему он не обмолвился об этом ни словом в первом послании беглецу и почему тот не уличил во лжи царя, подчеркнувшего добровольность изгнания С.? Почему в Кириллов перешла богатая келейная библиотека С.? Почему сюда же поступил посмертный вклад его и его сына? Таким образом, есть основания отнести известие Курбского о ссылке С. на Соловки к числу основанных на ложных слухах несообразностей его исторического сочинения. Тот факт, что в своем послании в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.) Иван Грозный упоминает С. («другой на вас Селивестр наскочил»), подтверждает, кажется, обоснованность сомнений в осведомленности А. М. Курбского. Отвечая на второе царское послание (1577 г.), А. М. Курбский упрекает своего державного корреспондента в том, что тот не перестает клеветать на С. даже после его смерти: «Се тако ли воздаеш ему и по смерти?». Так определяется время кончины благовецкого священника.

С полной уверенностью можно атрибутировать С. лишь три текста: послание казанскому наместнику князю А. Б. Горбатову, Житие княгини Ольги, Послание и наказание от отца к сыну, входящее 64-й главой во вторую редакцию «Домостроя». Послание А. Б. Горбатову представляет собой ответ на адресованное С. «честное писание» князя и написано между 26 февраля и июнем 1553 г. (Г р о б о в с к и й А. Л. Иван Грозный и Сильвестр. С. 43); благовецкий священник наставляет здесь наместника, указывая на обязанности правителя только что присоединенной Казани. Послание читается в одном из сборников келейной библиотеки С. (ГПБ, Соф. собр., № 1281), где ему предшествует анонимное Послание Ивану IV (точнее назвать этот текст Словом, так как в нем нет признаков эпистолярного жанра), а далее читается анонимное же послание некоему вельможе. И то и другое произведения с большим или меньшим основанием усвоятся С. Впрочем, Послание царю настолько лишено примет времени, содержа лишь общеморальные наставления, что были попытки приписать его митрополиту *Даниилу* (атрибуция многих ученых XIX в.), *Вассиану Топоркову* (Б а р с о в Н. И. К вопросу об авторе «послания к царю Ивану Васильевичу», Сильвестровского сборника С.-Петербургской Духовной академии // Сборник Археологического ин-та. СПб., 1880. Кн. 4. С. 90—130), *Троицкому игумену Артемию* (К о н о н о в Н. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава // БВ. 1904. № 4. С. 674—677), митрополиту *Макарию* (М а к а р и й [Б у л г а к о в]. История. . . Т. 7. С. 360, примеч. 293; С м и р н о в И. И. Очерки. . . С. 233—240); наконец, в списках ГИМ, Синод. собр., № 935 и Пермской публичной библиотеки (К у р у к и н И. В. Сильвестр. . . С. 12—13) сочинение, точнее его переделка, приписано *Максиму Греку*. Послание Ивану IV послужило одним из источников *Стоглава*, из чего

следует его датировка периодом до 1551 г.; впрочем, влияние его на текст Стоглава признается не всеми (ср.: Курюкин И. В. Заметки о «нестяжательстве» и «иосифлянстве»: (Историографическая традиция и источники) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Дооктябрьский период. М., 1981. С. 65). Последнее из посланий Софийского сборника адресовано какому-то опальному вельможе, обратившемуся к автору с просьбой о ходатайстве при дворе («требуеши помощи от моя худости»). Что С., когда был в случае, действительно «печаловался» перед царем, подтверждает направленное благовещенскому священнику послание Максима Грека, в котором афонский старец просит временщика «помянуть» царю о детях покойного Никиты Борисовича — по-видимому, Никиты Борисовича Туренина (Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1860. Ч. 2. С. 379—381). Соседство в рукописи анонимного послания и послания А. Б. Горбатуму навело некоторых на мысль, что и первое из них адресовано впадшему в немилость казанскому чаместнику. Следует отметить, что не все согласны с атрибуцией С. третьего послания: установив, что основная часть текста восходит в нем к посланию старца *Филофея*, В. Малинин считает его же автором послания в Софийском сборнике (М а л и н и н В. Старец. . . С. 170—186; оба послания изданы параллельно в приложении к этой книге). Послания С. свидетельствуют о его широкой образованности: он прекрасно ориентируется в Священном писании, знает историю Византии, упоминает Александра Македонского и царя Тиридата, из произведений своих соотечественников использует Послание на Угру *Вассиана Рыло*, к которому, между прочим, восходит и изречение Демокрита, заимствованное ростовским архиепископом из *«Пчелы»*.

Такому грандиозному предприятию, как составление Степенной книги, которая в целом считается трудом митрополита Афанасия и датируется 1560—1563 гг., должны были предшествовать какие-то подготовительные работы, в которых, как видно, принимал непосредственное участие ученый благовещенский священник. На это недвусмысленно указывает рукопись кон. XVI в. ГПБ, собр. Погодина, № 744, содержащая Житие княгини Ольги; на нижнем поле первого листа здесь читается: «Списано любомудрецом Селивестром, прозвитером царствующаго града Москвы». Написанное С. прежде всего на основе *Летописи Никоновской Житие Ольги* в переработанном виде вошло в Степенную книгу в качестве ее вступительной статьи. Недавно И. В. Курукин привел некоторые соображения в пользу того, что С. работал и над составляющим первую степень Степенной книги Житием князя Владимира. Все это, однако, не дает повода для пересмотра вопроса об авторе Степенной, значительную часть которой А. И. Соболевский в свое время приписывал С.

Помимо Степенной книги С. без достаточных оснований пытались атрибутировать и другие тексты. В частности, Д. П. Лебедев считал его автором «Слова благодарственного к господу нашему Иисусу Христу о бывшей преславней победе на крымского пса. . .», в действительности принадлежащего Максиму Греку (Л е б е д е в Д. П.

Неизвестный московский проповедник половины XVI в. // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. М., 1895. Т. 2. С. 175—182). Сообщение Стоглава о том, что С. входил в состав делегации, возившей в Троицкий монастырь проект постановлений собора на утверждение бывшему митрополиту *Иоасафу*, явилось толчком для разного рода домыслов об участии благовещенского священника в решениях Стоглава. Д. Стефанович старался даже определить, какие разделы памятника писал и редактировал С. (Стефанович Д. О Стоглаве. СПб., 1909. С. 54, 57). Не более удачны были высказывавшиеся до сих пор догадки о роли С. в организации московского книгопечатания: Е. Л. Немировский считает его руководителем анонимной типографии, а А. С. Орлов приписывал ему (если не митрополиту Макарию) ни больше, ни меньше как послесловие к первоначальному Апостолу (Орлов А. С. К вопросу о начале печатания в Москве // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 18).

На более твердой почве находятся исследователи, обсуждая, является ли С. автором «Домостроя» (во второй редакции озаглавлен: «Книга глаголемая Домострой, имеет в себе вещи зело полезны, поучение и наказание всякому христианину — мужу, и жено, и чадом, и рабом, и рабыням»); вопрос этот дебатруется славистами с той поры, как в 1849 г. Д. П. Голохвастов издал памятник по Коншинскому списку (ГПБ, Q.XVII.149). Степень участия С. в судьбе памятника определяется учеными по-разному: одни считают благовещенского священника лишь переписчиком уже существовавшего произведения, дополнившим только его посланием сыну, иные — редактором более древнего (или древних) сочинения, другие — единоличным автором. Причина этой разногласия кроется в особенностях рукописной традиции «Домостроя», так как лишь в одной (так называемой второй) редакции памятника, сохранившейся, по подсчетам А. С. Орлова, в двенадцати рукописях, читается безусловно принадлежащее С. и адресованное Анфиму Послание и наказание от отца к сыну (гл. 64). В списках первой редакции (семнадцати, по подсчетам А. С. Орлова), в том числе старшем списке «Домостроя» из собрания Общества истории и древностей Российских (ГБЛ, ф. 204, № 340), послание Анфиму отсутствует. Существует, кроме того, третья — контаминированная редакция, известная А. С. Орлову по трем спискам. В зависимости от того, признавалась ли начальной первая или вторая редакция «Домостроя», решался и вопрос об авторстве С. Для плодотворного продолжения дискуссии необходимо новое текстологическое исследование произведения по всем спискам. Будет ли признан «Домострой» сочинением С. или нет, не приходится отрицать, во-первых, созвучность его мыслей с рекомендациями, которые дает своему сыну благовещенский священник, и, во-вторых, продуманность композиции и стилистическое единство произведения, показывающие сомнительность предложенного И. С. Некрасовым деления его на три одновременные части (на основании предисловия, предпосланного «Домострою» в первой редакции): 1) поучение о духовном строении (гл. 1—15); 2) наказ о мирском

строении» (гл. 16—29); 3) наказ «о домовном строении» (гл. 30—63). Что касается послания Анфиму, оно, по всей видимости, было написано во 2-й пол. 1550-х гг., когда сын С. служил государевым дьяком в Москве (М и л ю к о в П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 190, 213); наставляя своего сына, благовещенский священник пишет между прочим: «Православный царь государь велел послужити тебе в своей царской казне у таможенных дел».

Как энциклопедия по домостроительству «Домострой» не является уникальным памятником в мировой литературе: исследователи подобрали многочисленные образцы подобных компендиумов в литературах разных времен и народов (подробный обзор их см. в работе И. С. Некрасова). Пытались также, без большого успеха, указать на непосредственные иноязычные источники «Домостроя» (например, книгу Миколая Рея «*Żywot człowieka poczciwego*»). В «Домострое» и подобных ему энциклопедиях по домостроительству проявилось свойственное древности отношение к книге как модели мироздания; энциклопедия, включавшая сумму знаний об определенной жизненной сфере, была реализацией символа «книга — космос». Вместе с тем неверно было бы отрывать древнерусскую энциклопедию семейного быта от национальной почвы; «Домострой» содержит драгоценные сведения о той области жизни, которая в силу этикетности средневековой культуры не отразилась в других источниках; по той же причине приписываемое С. сочинение — ценнейший документ для истории русского языка. Национальное своеобразие «Домостроя» проявилось и в использованных его автором источниках: помимо Священного писания, это — «*Столовец*» *Геннадия*, *Пролог*, древнерусские учительные сборники, монастырские уставы; высказывались предположения о влиянии на завершающее «Домострой» послание Анфиму Поучения *Владимира Мономаха*. Когда бы ни были написаны отдельные разделы «Домостроя», в настоящем своем виде он входит органической частью в правительственные мероприятия сер. XVI в. по регламентации общественной и частной жизни, по упрочению авторитета власти московских самодержцев, по поднятию престижа управляемой ими страны. Он находит аналогии в других обобщающих мероприятиях эпохи Грозного, таких как *Великие Минеи Четии*, *Судебник 1550 г.*, *Стоглав*, *Степенная книга*, *Летописный свод Лицевоу*. Отрыв «Домостроя» от породившей его культурной ситуации и подход к нему как к универсальному идеалу русской семейной жизни привели к антиисторической оценке памятника, в котором видят лишь апологию домашнего рабства и скопидомства. Не разработан вопрос о влиянии «Домостроя» на позднейшие сочинения. Под заглавием «Домострой» А. Ф. Бычков издал дидактическое стихотворение Кариона Истомина, предполагага влияние на него памятника XVI в. («Домострой» Кариона Истомина // ЛЗАК за 1862—1863 гг. СПб., 1862. Вып. 2. С. 126—132; на самом деле стихи Кариона Истомина, по-видимому, назывались по-другому: Б р а и л о в с к и й С. Н. Один из пестрых XVII-го столетия. СПб., 1902. С. 267—273). С большей уверенностью можно говорить о влиянии

приписываемой С. книги (тех ее разделов, где даются общие моральные папутствия) на виршевой «Домострой», опубликованный В. Н. Перетцем (Виршевой Домострой в списке начала XVIII столетия // Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 17—28; перепечатан в кн.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 309—312).

Послание Анфиму, достоверно принадлежащее С., рисует его «не только как „мастера“, учившего грамоте, пению, церковному обиходу и выводившего молодых людей в священники, дьяконы, подьячие, книжные писцы, но также как иконописца, серебряных дел мастера и торговца» (С о б о л е в с к и й А. И. Поп Сильвестр и Домострой. С. 189). Знаком церковной живописи предстает С. и в «жалобнице» на дьяка *Ивана Висковатого*. Поданная собору 1553—1554 гг. «жалобница» благовещенского попа содержит оправдания по поводу «рукописания» Висковатого, в котором дьяк обвинял С. в единомыслии с уклонившимся в ересь Матвеем Башкиным и Артемием Троицким и высказал свои сомнения относительно новых икон Благовещенского собора и росписей царской Золотой палаты. Висковатого смущали аллегорические композиции, которые получили распространение в псковской и новгородской иконографии и многих вводили в соблазн с нач. XVI в. (ср. послание *Дмитрия Герасимова М. Г. Мисюрю Мунехину*, «Истины показание» *Зиновия Отенского*). С. как руководителю восстановительных работ в Кремле после пожара 1547 г. пришлось оправдываться; (А. Л. Гробовский думает, правда, что С. был лишь одним из четырех старост, приставленных для наблюдения за иконописцами (Иван Грозный и Сильвестр. С. 32)); в «жалобнице» он настаивает на традиционности критикуемых Висковатым иконографических схем («писали иконники все со старых образцов своих»). «Жалобница» С. неоднократно издавалась: ААЭ. 1836. Т. 1. С. 246—248. № 238. III; Московские соборы на еретиков XVI века в царствование Ивана Васильевича Грозного / Изд. О. Бодянский // ЧОИДР. 1847. Кн. 3, отд. II. С. 18—21; «Розыск», или «Список о богохулных строках и о сумнении святых честных икон, дьяка Ивана Михайлова сына Висковатого», в лето 7062 // Там же. 1858. Кн. 2, отд. III. С. 41—42 (окончание отсутствует); Г о л о х в а с т о в Д. П., Л е о н и д. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 25—29.

Особый интерес представляет так называемая «библиотека» С., состав которой восстановлен в основном трудами А. А. Зимина и Н. Н. Розова. Наличие большого числа рукописных книг, пометы и записи на которых связывают их судьбу с деятельностью благовещенского священника, косвенно подтверждают основанное на послании Анфиму предположение, что в Новгороде и Москве под руководством С. работали скриптории. Собственно о келейной библиотеке писателя можно говорить только в отношении кодексов, которые книгохранители Кирилло-Белозерского монастыря метили как «северостровские». Таких кодексов в настоящее время выявлено не менее двадцати двух: ЦГАДА, ф. 381, № 53; ГПБ, греч. № 115 (Н. Н. Розов сомневается в принадлежности рукописи библиотеке С.);

Соф. собр., № 78, 1195, 1281; Q.I.874; Кир.-Белоз. собр., № 1/126, 4/9, 6/131, 13/1252, 14/1253, 35/160, 36/41, 36/1275, 44/1121, 53/178, 92/349, 112/237, 120/125, 518/775, 519/776, 521/778; возможно, сюда же относится упоминаемая И. В. Курукиным (Сильвестр. . . С. 17) рукопись ГИМ, Воскр. собр., бум. № 87, содержащая «Тактикон» Никона Черногорца. Келейная библиотека С. комплектовалась еще в Москве из разных источников — ср. лицевой харатейный сборник XIV в., греческие рукописи Тимофея Вениаминова и Максима Грека, переписанный по повелению новгородского архиепископа Геннадия «Маргарит», автограф новгородского архиепископа Пимена. Примечательна в этом отношении запись на пергаменном Евангелии XIV в., так и не попавшем в Белозерский монастырь (ГИМ, Синод. собр., № 401): «Евангелие Волынецкое взял свещеник Селивестр». Когда С. постригся в Кирилловом монастыре, он забрал туда не все свои рукописи — на кодексе ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 53/178 сохранилась запись о присылке ее отцу Анфимом, а шесть книг ученого старца (ГПБ, Соф. собр., № 1195; Q.I.874; Кир.-Белоз. собр., № 4/9, 6/131, 35/160, 112/237) попали в монастырскую библиотеку через посредство самого царя (они помечены как книги «государьского дания»). Отсутствие на «селиверстовских» книгах вкладных С. свидетельствует скорее всего о том, что они перешли в монастырскую казну после смерти старца. Помимо «селиверстовских» книг Кириллова монастыря сохранились многочисленные вклады священника-книголюба (частично в этих вкладышах участвовал и его сын Анфим) — в монастыри Александро-Свирский (ГБЛ, собр. Тихомирова, № 629, вклад 1546 г.), Соловецкий (ГПБ, Солов. собр., № 130/130, 159/159, 259/259, 761/871, 1039/1148 — единовременный вклад 1552 г.; ГПБ, Солов. собр., № 160/160 — по-видимому, вложено тогда же; ГПБ, F.IV.683 — вложено уже в бытность С. иноком Спиридоном), Чудов (ГИМ, Чуд. собр., № 18/188 — вклад 1556 г.; вероятно, также Чуд. собр., № 17/187, где сохранилось лишь окончание вкладной), в принадлежащее Кириллову монастырю село Петровское (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 381/638). Неизвестными путями попала в Афонский Хиландарский монастырь Толковая псалтирь, разделенная сейчас на две части; на одной из частей — запись на верхней крышке: «Благовещенского попа Селивестра и сына его» (Б о г д а н о в и ч Д. Каталог кирилских рукописей монастыря Хиландара. Београд, 1978. С. 86—87, № 116, 117). Неизвестно теперешнее местонахождение Евангелия, вложенного в 1564 г. уже без участия отца Анфимом Сильвестровым в Брянский Свенский монастырь (Е в с е в И. Е. Описание рукописей, хранящихся в Орловских древлехранилищах. Орел, 1906. Вып. 2. С. 138). Кроме того, из вкладной книги Соловецкого монастыря выясняется, что С. вложил сюда целую библиотеку — 66 книг; что это были за книги — не установлено (К у р у к и н И. В. Новые сведения. . . С. 70).

Изд.: Домострой благовещенского попа Сильвестра / Изд. Д. П. Голохвастов // ВОИДР. 1849. Кн. 1. С. I—VI, 1—114; Домострой по рукописям имп. Публичной библиотеки / Под ред. В. Яковлева. СПб., 1867; 2-е изд. испр. Одесса,

1887; Барсов П. Из неизданных памятников древней русской литературы: Учительные послания священника московского Благовещенского собора Сильвестра к казанскому воеводе Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатову // Христ. чт. 1871. № 3. С. 1—40; Голохвастов Д. П., Леонид, архимандрит. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 1—110 (Замысловский Е. [Рецензия] // Сборник государственных знаний. СПб., 1875. Т. 2. С. 123—138); Домострой по списку имп. Общества истории и древностей российских / Изд. И. Е. Забелин // Там же. 1881. Кн. 2. С. I—IV, 1—202. (Опечатки и дополнения // Там же. 1882. Кн. 1. С. I—XVI); Домострой Сильвестровского извода. СПб., 1891; Сильвестра послание и наказание от отца к сыну // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 140—149; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Прил. С. 7—24; Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным // ЧОИДР. 1908. Кн. 2. С. 1—104, 1—172; 1911. Кн. 1. С. I—IV, 1—140 (Михайлов А. В. [Рецензия] // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. Академией Наук. Т. 5. Отчеты за 1910 год. Пг., 1915. С. 326—345); Duchesne E. Le Domostroi: (Ménager gusse du XVI-e siècle). Paris, 1910 (пер. на франц. яз.); Домострой / Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 70—173, 580—586.

Лит.: Евгений [Болховитинов]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 201—204; Афанасьев А. Об археологическом значении «Домостроя» // Отеч. зап. 1850. Т. 71. Отд. II. С. 33—46; Порфирьев И. Я. 1) Домострой Сильвестра // ПС. 1860. Ч. 3. С. 279—330; 2) История русской словесности. Казань, 1909. Ч. 1. С. 544—556; Некрасов И. С. 1) Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя // ЧОИДР. 1872. Кн. 3. С. 1—184 (Вгүскнег А. [Рецензия] // Russische Revue. 1874. Bd 4. S. 1—29); 2) К вопросу о Домострое // ЖМНП. 1889. Ч. 263. № 6. С. 372—390; Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1874. Т. 7. С. 462—481; Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1874. Отд. 1. Вып. 2. С. 405—445; Розанов Н. Сильвестр, благовещенский священник // Тамбовские епархиальные ведомости. 1874. Часть неофиц. № 22. С. 839—845; Жданов И. Материалы для истории Стоглавого собора // ЖМНП. 1876. Ч. 186. № 7. С. 70—79, 86—89 (перепечатано в кн.: Жданов И. II. Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 193—202, 210—214); Заулицкий А. Быт русского общества 16-го столетия по Домострою // Варшавские университетские известия. 1879. № 4. Неофиц. отд. С. 1—19; Филарет. Обзор. С. 145—147; Михайлов А. В. 1) К вопросу о редакциях Домостроя, его составе и происхождении // ЖМНП. 1889. Ч. 261. № 2. С. 294—324; Ч. 262. № 3. С. 125—176; 2) Еще к вопросу о Домострое // Там же. 1890. Ч. 270. № 8. С. 332—369; Характеристика русского общества XVI-го века по «Домострою» // Ярославские епархиальные ведомости. 1890. Часть неофиц. № 3. Стб. 36—48; № 4. Стб. 63—64; Бракенгеймер П. 'Αλεξίου Κορυθίου λόγος παραχρηστικῶν в сравнении с русским Домостроем. Одесса, 1893; Сергей [Сokolov]. Московский благовещенский свящ. Сильвестр как государственный деятель // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. С. 1—75; Ключевский В. О. Два воспитания // Русская мысль. 1893. № 3. С. 79—99 (перепечатано в кн.: Ключевский В. О. Очерки и речи: Второй сборник статей. М., 1913. С. 216—247); Пыпин А. Н. 1) Итоги старого московского царства // Вестник Европы. 1894. № 8. С. 795—805; 2) История русской литературы. СПб., 1898. Т. 2. С. 210—218, 221—222; Кизеветтер А. А. Основная тенденция древнерусского Домостроя // Русское богатство. 1896. № 1. С. 39—59 (под заглавием «Политическая тенденция древнерусского Домостроя» перепечатано в кн.: Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 3—28); Яцимирский А. И. Вновь найденный список Домостроя // Археологические известия и заметки. 1897. Год 5. № 9. С. 273—285; Труды Киевской духовной академии. 1900. № 6. Прил. С. 220—224 (отзывы А. Булгакова и И. Королькова о сочинении студента П. Миртова «Священник Сильвестр и его сочинения»); Шестаков С. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра // ВВ. СПб., 1901. Т. 8, вып. 1—2.

С. 38—63; Труды Киевской духовной академии. 1903. № 9. Прил. С. 324—327 (отзывы С. Песоцкого и В. Малинина о сочинении студента Ф. Власова «Домострой как памятник литературы и как источник для воспроизведения религиозно-правственного состояния русского народа»); М и р т о в П. Знаменитый древнерусский священник: (Очерки жизни и деятельности московского протопопа Сильвестра) // Страники. 1903, март. С. 389—414; апр. С. 539—554; Б о р о з д и н А. Сильвестр // РБС. 1904. «Сабанев—Смыслов». С. 429—431; С о б о л е в с к и й А. И. 1) Рец. на кн.: В а с е н к о П. Г. Книга степенная царского родословия. СПб., 1904. Ч. 1 // СОРЯС. 1907. Т. 82. № 6. С. 12—13; 2) Пои Сильвестр и Домострой // ИпоРЯС. 1929. Т. 2, кн. 1. С. 187—202; Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы № 91—117. С. 38—39 (доклад А. С. Орлова «Смешанная редакция Домостроя»); П е т у х о в Е. В. Русская литература: Древний период. 2-е изд., просмотр. и доп. Юрьев, 1912. С. 213—224; Б е д р ж и ц к и й Л. К. Литература о Домострое // РФВ. 1913. Т. 69. № 2. С. 487—492; О р л о в А. Домострой: Исследование. М., 1917. Ч. 1; А н д р е е в Н. Е. О «деле дьяка Висковатого» // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1932. Т. 5. С. 191—242 (репринт в кн.: A n d r e e v N. Studies in Muscovy. London, 1970. № III); Словарь безбожника // Антирелигиозник. 1940. № 1. С. 55 («Домострой»); Г р и г о р о в Д. Е. Классовые основы «Домостроя» // Учен. зап. Северо-Осетийского гос. пед. ин-та им. К. Л. Хетагурова. Орджоникидзе, 1940. Т. 2 (15), вып. 1. С. 53—62; История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 441—445; Н я к и ф о р о в С. Д. Из наблюдений над языком «Домостроя» по Коношинскому списку // Учен. зап. Московск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Кафедра рус. яз. 1947. Т. 42. С. 15—79; Р и н б е р г В. Л. О синтаксических функциях глагольных форм «Домостроя» // Научки записки Київського державного педагогічного ін-ту ім. О. М. Горького. 1948. Т. 7. Філол. сер. № 2. С. 68—87; С о к о л о в а М. А. 1) К именному склонению в «Домострое» // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951. С. 245—254; 2) Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957; 3) Синонимы в памятниках XVI века: (по материалам «Домостроя») // Учен. зап. Латвийск. гос. ун-та. Сб. кафедры рус. яз. 1960. Филол. науки. Т. 36, вып. 6А. С. 23—43; 4) Чужая лексика в «Домострое»: (заимствования из греческого языка) // Там же. 1961. Т. 43, вып. 7А. С. 43—57; 5) Значение памятников деловой письменности для истории русского языка // Востн. ЛГУ. 1961. № 2. Сер. истории, языка и лит. Вып. 1. С. 123—131; Б а х р у ш и н С. В. «Избранная рада» Ивана Грозного // С. В. Бахрушин. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 329—352; С м и р н о в И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 231—257; З и м и н А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 41—70; М а с л е н и к о в а Н. И. К истории русской общественной мысли XVI века: («Домострой») // Тез. докл. VI науч. конф. профессорско-преподавательского состава, посвященной 40-летию Ленингр. гос. библ. ин-та им. Н.К. Крупской. Л., 1958. С. 18—19; К у щ е г а С. 1) *Obraz doby ve staroruském Domostroji* // Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury při filosofické fakultě Karlovy university. Praha, 1962. Т. 6. S. 153—159; 2) *U pramenů domostrojské legendy: (K prvému otiskání staroruského Domostroje)* // Ibid. 1963. Т. 7. S. 113—120; В е с е л о в с к и й С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 482; J a g o d i t s c h R. Zu den Quellen des altrussischen «Domostroj» // Österreichische Beiträge zum V. Internationalen Slavistenkongress (Wiener Slavistische Jahrbuch). Graz; Köln, 1963. S. 40—48; П е м и р о в с к и й Е. Л. 1) Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 29—35, 263—269; 2) Иван Федоров (около 1510—1583). М., 1985. С. 88—91; Х е л ь м и П о у к к а. О возможном польском источнике Домостроя // Scando-Slavica. Copenhagen, 1966. Т. 12. С. 119—122; Р о з о в Н. Н. Библиотека Сильвестра (XVI век) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 191—205; С к р ы н и н о в Р. Г. Начало опричнины // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. Н. Герцена. 1966. Т. 294. С. 107—118; G r o b o v s k y A. N. 1) *The «Chosen Council» of Ivan IV: A Reinterpretation*. New York, 1969; 2) Иван Грозный и Сильвестр: (История одного мифа). Лондон, 1987; N i e s s H. P. *Der «Domostroj» oder «Wie man als rechtgläubiger Christ leben soll»* // Kirche im Osten. 1971. Bd 14. S. 26—67; К у р у к и н И. В. 1) Силь-

вестр и составление Жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 51—60; 2) Новые сведения монастырских архивов о Сильвестре // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 63—73; 3) Данные источников о «пестяжателстве» Сильвестра // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 43—45; 4) К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 29—48; 5) Сильвестр. Политическая и культурная деятельность: (источники и историография): Автореф. дис. . . . канд. истор. наук. М., 1983; Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин. Л., 1982. С. 38—39, 40—41, 49, 51, 93.

Д. М. Буланин, В. В. Колесов

Симеон (в миру Самсон) (ум. 15 VI 1421) — архиепископ Новгородский, автор послания и поучения. В 1416 г. в Москве митрополитом *Фотием* во второе воскресенье Великого поста, 15 марта, С. был поставлен в дьяконы, в субботу третьей недели — в священники, а на другой день, в средокрестное воскресенье, 22 марта, в Архангельском соборе был возведен в архиепископы Великого Новгорода. 16 апреля он был торжественно встречен в Новгороде посадником, тысяцким и клиром святой Софии. В тот же год на свои средства он воздвиг в Новгороде две каменные церкви: во имя русского митрополита *Петра* и во имя святого Афанасия. В 1417 г. во время мора совершал крестные ходы вокруг Новгорода и освятил возведенную за один день деревянную церковь — «святую Ностасью». В 1418 г. выступал сначала посредником между враждующими народом и боярами, а затем и миротворцем, остановив разгоревшееся на мосту через Волхов сражение между Торговой и Софийской сторонами. Осенью 1418 г. после заключения новгородцами мира с Псковом ездил туда на месяц для отправления суда и произнес там Поучение о необходимости воздавать честь и покоряться «своему святителю и отцем. . . духовным», не похищать чужого, не радоваться чужой беде, не гордиться и не обижать церковь — «не вступатися ни во что же, елико изначала епископии потягло. . . в земли, в воды, в суды, в печать и во все пошлины церковныя. . .» (издано: ПСРЛ. Т. 4; в несколько иной редакции: ПСРЛ. Т. 11; РИБ). Кроме того, он написал в Псковский Светогорский монастырь Послание о соблюдении общежительного устава и неподсудности игумена и старцев мирским судьям, где говорит, что слышал, что в монастыре живут «не по чернечьски, духовника не держать, а у игумена и у старцов не в послушании», а кроме того, что «инныя чернцы, да из монастыря вышедше вон, да поднимають мирьския люди и мирьския судья на игумена и на старцов. . .». Нарушителей порядка он повелевает изгонять, не возвращая им их взноса («а взнесенаго ему не дати»). Князю, посаднику и судье запрещает вступаться в монастырские распри и говорит, что имущество умерших монахов наследует монашеское общежитие, а не «мирьский человек. . . или род». Послание издано в АИ и РИБ.

25 февраля 1419 г. С. благословил принятого новгородцами князя Константина Дмитриевича, поссорившегося со своим братом, вели-

ким князем Василием Дмитриевичем; а в 1421 г. с посадниками, тысяцким и боярами, одарив его, проводил из Новгорода.

Изд.: АИ. Т. 1, № 24; РИБ. СПб., 1880. Т. 6, № 45, № 47; ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 4, вып. 2. С. 424—425; СПб., 1897. Т. 11. С. 234.

Г. М. Прохоров

Симеон Суздальский (кон. XIV—1-я пол. XV в.) — иеромонах, совместно с *Авраамием Суздальским* сопровождавший в составе свиты митрополита *Исидора* в Италию на Ферраро-Флорентийский собор 1437—1439 гг., автор Повести о восьмом Флорентийском соборе.

С. ставил своей целью описывать только те события, которые были связаны с Флорентийским собором, и сделал это с позиции, враждебной митрополиту Исидору («...тою прелестию не прельстившу ми ся и его ни в чем не послушах»), создав, таким образом, острополемическое сочинение против «латиян». Литературный труд суздальских писателей, сопровождавших Исидора, как полагает Н. А. Казакова, был распределен между авторами заранее суздальским епископом Авраамием. Именно поэтому С., хотя и был поражен красотой города Флоренции, не стал описывать ее, ограничившись оговоркой: «...и того всего не могу исписати, но се о зборех пишу», — по-видимому, уверенный, что описанием города в это же время занимается другой суздальский книгописец (очевидно, автор *Хождения во Флоренцию 1437—1440 гг.*).

В отличие от произведений остальных суздальских писателей Повесть С. содержит много автобиографических моментов и является основным источником сведений о ее авторе. Судя по тому, что именно ему было доверено одно из самых ответственных поручений — писать о сути самих соборных прений, можно думать, что С. к тому времени был уже достаточно авторитетным и не очень молодым церковным книжником (по-видимому, средних лет), и время его рождения тогда следует относить к последним десятилетиям XIV в. Во Флоренции, когда митрополит Исидор стал открыто «приклякать», как все «фрязове», нося католический «крыж» и «палицу», С. открыто принял сторону непримиримых противников унии во главе с Марком Эфесским, а Исидор перестал доверять С., стал его преследовать и держать под надзором. На обратном пути в Россию, во время остановки Исидора в Венеции 9 декабря 1439 г., С. и тверскому послу Фоме удалось бежать из «крепости». Весной 1440 г. С. добрался до Новгорода и лето прожил при дворе архиепископа Евфимия, начав обработку своих итальянских записей. В кон. 1440 г. его обманом вызвал в Смоленск сторонник Исидора князь Юрий Лугвеньевич, выразивший недовольство той отрицательной оценкой унии, которую дал С. в своей Повести. В течение последующей зимы С. просидел у смоленского князя в заточении («в железех в велице нужи в единой святце и на босу ногу»), после чего сторонники унии отправили его в Москву, куда к тому времени из-за границы прибыл Исидор. В 1441 г., когда великий князь *Василий II Васильевич* отказался признать униата Исидора митрополитом Руси, С. был из заключения освобожден

и направлен в Троице-Сергиев монастырь, где, по предположению Л. В. Черепнина, в 1447 г. и закончил работу над своей Повестью. (Н. В. Мощинская считает, что С. закончил свою Повесть в Новгороде). Дата смерти С. неизвестна. Некоторые исследователи (Ф. И. Делекторский) полагают, что С. был еще жив и писал в 60-е гг. XV в. и что ему также принадлежит «Слово избрано от святых писаний еже на латыню», датированное 1461—1462 гг. Ф. И. Делекторский также предполагал, что С. принадлежит и Сахаровская редакция Хождения во Флоренцию, возникшая в результате соединения Повести о восьмом Флорентийском соборе с путевыми заметками неизвестного суздальца. Однако это мнение было убедительно оспорено А. Д. Щербиной, Н. В. Мощинской и Н. А. Казаковой.

Повесть о восьмом Флорентийском соборе известна в двух редакциях, каждая из которых представлена двумя видами. Первый вид первой редакции Повести восходит к авторскому варианту и известен под названием «Исидоров собор и хождение его» (список ГБЛ, ф. 178, № 939, л. 8 об.); он был создан С., согласно Л. В. Черепнину, не раньше 1447 г., когда Василий II вернул себе великое княжение, но до 1448 г., когда новым митрополитом вместо Исидора был избран Иона, о котором Повесть еще не упоминает. Второй вид первой редакции Повести возник позднее, под пером московских книжников (он имеет заглавие «Инока Симеона иерея Суздальца повесть, како римский папа Евгений состави осмый собор с своими единомышленники»). Вторая редакция Повести (в первом ее виде), переработанная и утратившая автобиографичность, составляет первую часть нового литературного памятника «Слово избрано от святых писаний еже на латыню», автором которого Ф. И. Делекторский считает С., а А. Павлов — *Пахомия Серба*. Текст Повести во втором виде второй редакции сильно сокращен; в науке он известен как Летописная повесть о Флорентийском соборе и встречается в составе летописных сводов кон. XV—XVI вв. (см. изд. летописных редакций «Слова избрана. . .»).

Повесть С. включает основные сведения о Флорентийском соборе, однако наиболее ценна тем, что содержит личные впечатления русского путешественника, очевидца важнейших международных событий. Присутствуя на заседаниях собора, С. тут же делал наброски о сути споров и церковных дебатов («. . . та вся видевши, и слышавши, и писавши ми в ть час их словеса и прения»). Однако С., очевидно, недостаточно владел греческим и латинским языками, на которых велись прения, и вынужден бывал обращаться за разъяснениями к другим участникам заседания: у митрополита Досифея, например, он разузнавал, почему после слов Марка Эфесского римский папа и его кардиналы внезапно покинули собор. Из русских С. был ближе всего кругу Авраамия Суздальского, архимаандриту Вассиану и великокняжескому послу Фоме, являясь, по его собственному заверению, «. . . в то время духовником, попом тем всем людям». Позиция писателя определяется на первых же заседаниях в Ферраре: он становится врагом митрополита Исидора. С. в отличие от неизвестного суздальца, автора Хождения во Флоренцию, избирает не форму

документальных дневниковых записей, а стремится создать в Повести общую картину международной политической борьбы, выделяя поведение типичных представителей враждующих сил. Олицетворением воинствующей католической церкви выступают папа римский Евгений IV и его пособник, русский митрополит Исидор. Положительными героями Повести являются Марк Эфесский, неподкупно и последовательно продолжавший отстаивать догматы православной церкви, и великий московский князь Василий Васильевич, отказавшийся признать унию и противопоставивший идее мирового господства папы идею независимости Русского государства. Панегириком Василию II и заканчивает С. свою Повесть.

Изд.: Попов А. П. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 329, 337—339, 344—395; Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 92—97, 102—103, 198—210; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 350—351, 447, 450—458; Прил. С. 89—114; Примеч. С. 52—73.

Лит.: Евгений [Болховитинов]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного сана греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 210; Строев. Словарь. С. 249, 438; Филарет. Обзор. С. 106—107; Делекторский Ф. И. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // ЖМНП. 1895, июль. С. 132, 138—144; Щербина А. Д. Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. Одесса, 1902. С. 28—30; Черепнин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 176—187; Мошнина Н. В. 1) «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского — памятник литературы XV века // Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы: Матер. докл. XII конф. Москов. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1969. С. 59—60; 2) «Хожделение» неизвестного суздальца на Ферраро-Флорентийский собор 1436—1440-х годов // Вопросы русской литературы. М., 1970. С. 87—98 (Учен. зап. Москов. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. № 389); 3) Литературная история «Повести об осьмом Ферраро-Флорентийском соборе» Симеона Суздальского // Вопросы русской литературы. М., 1971. С. 43—60 (Учен. зап. Москов. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. № 455); 4) «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского и «Хожделение на Ферраро-Флорентийский собор» неизвестного Суздальца как литературные памятники середины XV века: (Текстология, идеологические тенденции и стиливое своеобразие): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1972; Acta Slavica Concilii Florentini, Narrationes et Documenta. Ad fidem manuscriptorum edidit addita versione Latina Joannes Krajcar S. I. Concilium Florentinum. Roma, 1976. Vol. 6. P. XVI, 170 (Кражар J. [Резюме на итал. яз.] // Russia mediaevalis. München, 1979. Т. 4. P. 82—83); Казакова Н. А. 1) Европейские страны в записках русских путешественников середины XV в. // ВП. 1977. № 6. С. 37—48; 2) Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 63—67.

Н. Ф. Дробленкова

Симон (по прозвищу Чиж) (ум. 30 IV 1511) — митрополит всероссийский, автор посланий. Прозвище митрополита сообщает *Летопись Типографская* (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 213); сообщение это подтверждает и список митрополитов в сборнике ГПБ, собр. Ногодина, № 1571 (Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 68). С 1490 г. С. был игуменом Троице-Сергиева мона-

стыря, возглавил русскую церковь с сентября 1495 г., оставил митрополию по болезни 26 апреля 1511 г. В отличие от других летописей Типографская летопись днем смерти митрополита называет 29 апреля (ПСРЛ. Т. 24. С. 217); *Летописец Владимирский* дает ошибочную дату его смерти — 28 мая 1509 г. (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 140); на основании первого издания Типографской летописи П. М. Строев также ошибочно датирует кончину С. 28 января 1512 г. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 5).

Поставление С. в митрополиты обставлено было новым и сложным церемониалом, причем великий князь сам вручил главе русской церкви пастырский жезл и обратился к нему с приветственной речью. В сложной политической борьбе кон. XV в. новоизбранный митрополит не всегда обнаруживал единодушие с великим князем. Он безропотно благословил на великое княжение сначала внука *Ивана III* Димитрия, а затем его сына *Василия Ивановича*, санкционировал секуляризационные мероприятия в Новгороде в 1499 г., но вместе с тем защищал опальных Патрикеевых (в 1499 г.) и, по предположению Л. В. Черепнина, в 1497 г. наложил епитимию на великого князя за то, что тот «уморил» своего брата — Углицкого князя Андрея Васильевича (позднее, в 1511 г., С. «печаловался» за другого удельного князя — Семена Ивановича). В дальнейшем С. проявил себя как единомышленник и покровитель *Иосифа Волоцкого* и его сторонников: на соборе 1503 г. он энергично воспротивился секуляризационным планам правительства, принимал активное участие и в соборе на еретиков 1504 г.; его поддержка сыграла решающую роль в исходе ссоры между волоколамским игуменом и новгородским архиепископом *Серапионом*. Кончина С., который незадолго до смерти «по великого князя слову» взял «прощенье» у Серапиона, означала серьезное ослабление партии Иосифа Волоцкого, хотя мнение о вынужденном уходе митрополита от кормила власти не имеет под собой фактических оснований.

Помимо сугубо деловых бумаг (см., в частности, его ставленную грамоту *Корнилию Комельскому* от 1 февраля 1501 г.: Муравьев А. Русская Фиваида на севере. СПб., 1855. С. 60—61) митрополит С. написал следующие послания: 1) Окружное послание о милостыне, собираемой святогорским старцем Герасимом (1495—1505 гг.), — издано: АИ. Т. 1. № 103; 2) Послание духовенству в Пермь о соблюдении пастырских обязанностей (22 августа 1501 г.) — издано: Там же. № 112; 3) Послание мирянам в Пермь против языческих обычаев (22 августа 1501 г.) — издано: Там же; 4) Послание во Псков по поводу постановления собора 1503 г. о вдовых священниках (15 июля 1504 г.) — издано в ААЭ и в составе *Летописи Псковской I*; 5—6) Два послания Иосифу Волоцкому, объявляющие недействительным его отлучение новгородским архиепископом Серапионом, одно из которых — краткое — написано в кон. апреля 1509 г. (издано в кн. «Послания Иосифа Волоцкого»), другое — более пространное — написано после июльского собора того же года — издано: АИ. Т. 1. № 290; в составе послания Иосифа Волоцкого Б. В. Ку-

тузову в ДРВ и в кн. «Послания Иосифа Волоцкого», наконец, в составе *Жития Иосифа Волоцкого*. Последнее послание было использовано в рассказе об осуждении Серапиона, содержащемся в *Летописях Сербской II и Львовской* (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 249—250; СПб., 1910. Т. 20, 1-я пол. С. 381—382). Филарет Гумилевский атрибутирует также С. поучение священнослужителям (АИ. Т. 1. № 109. С. 159—164). От имени С. написано послание о соблюдении соборного приговора 1504 г., однако считается, что его истинный автор — Иосиф Волоцкий (К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 503—510). До нас дошло не все, что написал митрополит: в описи царского архива значится «запись прощальная Симона митрополита в преставление его», а в описи архива Посольского приказа 1614 г. — «грамота Симона митрополита ко князю Василью Шемятичу, писаны (вместе с названной перед этим грамотой. — Д. Б.) в 7019 году» (Опись Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Подгот. к печати С. А. Левиной и С. О. Шмидтом. М., 1960. С. 32, 52).

С именем С. связан ряд важных для истории русской церкви документов: в митрополичьей канцелярии составлен соборный ответ Ивану III о монастырском землевладении (Послания Иосифа Волоцкого. С. 322—329); ко времени правления С. Л. В. Черепнин относит составление основной части митрополичьего формулярника (ГИМ, Синод. собр., № 562), причем ученый связывает это предприятие с собором 1503 г.

Митрополит С. был весьма начитанным человеком своего времени, хорошо ориентированным в Священном писании и канонической литературе. Это явствует и из его собственных сочинений, и из обращенных к нему посланий (новгородских архиепископов *Геннадия* и Серапиона, Иосифа Волоцкого). Сохранились рукописи — вклады С.: в Троицкий монастырь он вложил Толковый Апостол (ГБЛ, собр. МДА, ф. 173, № 17), а в Московский Успенский собор — *Златоструй* (ГИМ, Успен. собр. (бум.), № 14) и Евангелие-апракос (Гос. Оружейная палата, № 15004). О последней рукописи см.: П о п о в Г. В. Орнаментация рукописи 1499 года из Московского Успенского собора // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 226—246. Автограф С. опубликован в кн.: П о г о д и н М. П. Русский исторический альбом. М., 1853. Л. 3. № 23.

Изд.: ДРВ. 1790. Ч. 14. С. 198—200; ААЭ. 1836. Т. 1, № 383, II. С. 487—488; АИ. 1841. Т. 1, № 103, 112, 290. С. 145—146, 166—169, 529—530; ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 277—278; Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. По двум рукописям собрания П. А. Овчинникова / С предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1903. Кн. 3. С. 41—42; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 88—89; Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зиминой и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 224—226, 329.

Лит.: М а к а р и й [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1870. Т. 6. С. 113—149; Строев. Словарь. С. 258—259; Филарет. Обзор. С. 122; Г о л у б и н с к и й. История церкви. 1900. Т. 2, 1-я пол. С. 610—647; РБС. 1904. «Сабанеев—Смыслов». С. 493—494; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 22—23, 289—306;

Синодик — название трех различных памятников письменности: 1) так назывался вселенский синодик, являющийся частью Чина православия, читавшегося в первое воскресенье Великого поста, 2) так именовались помянники, книги, в которые записывались имена умерших для церковного поминовения их душ за упокой, 3) под этим же названием существовали и своеобразные сборники, которые включали, кроме поминаний, еще и разнообразные предисловия к ним в виде статей о необходимости поминовения усопших и о состоянии души после разлучения ее с телом.

1. Чин православия. С. (греч. *συνοδικόν*) назывался греческий Чин православия, легший в основу русского. Он возник после победы над иконоборчеством (842 г.) на основании протоколов VII вселенского собора (787 г.). Первым его редактором был тогдашний константинопольский патриарх Мефодий. Основное содержание Чина — выражение торжества православной партии над иконоборцами при царице Феодоре и Михаиле III. Составными частями С. были: 1) предисловие, в котором кратко объяснялась сущность торжества и произносилось исповедание догматов веры, 2) анафематствования иконоборцам и еретикам, отлученным от церкви на вселенских соборах, 3) возглагошение вечной памяти греческим императорам и церковным иерархам, участвовавшим в борьбе с противниками церковного учения, 4) произношение многолетия царствующему императору, церковным пастырям и всем христианам. С течением времени главные составные части С. подвергались изменениям. В предисловие было включено краткое объяснение исторического происхождения праздника православия. К разделу анафематствований в XI—XIV вв. прибавилось упоминание новых ересей и противоцерковных учений. Постоянно увеличивался раздел «вечной памяти». Начальная редакция греческого Чина не сохранилась. Дошла лишь 2-я, дополненная, его редакция, слагавшаяся постепенно со 2-й пол. XI по XIV в. 3-я, распространенная, редакция чина (включавшая в себя пространное анафематствования, какие отсутствовали во 2-й редакции) появилась в XVI в. в составе печатных Постыгх Триодей, в которых с этого времени и стал помещаться греческий Чин православия. Эта редакция употреблялась в дальнейшей практике греческой церкви.

Древнерусские чины православия по типу своего отношения к греческому оригиналу разделяются на две редакции, из которых 1-я соответствует 2-й греческой (дополненной), а 2-я — 3-й греческой (распространенной). Древнейший список дошедшего до нас русского Чина (1-й редакции) датируется кон. XIV—нач. XV в. Ф. Успенский высказывал мнение, что основная часть текста этого списка была переведена с греческого до 1450 г. М. И. Горчаков относил перевод к кон. XIV в. и связывал его с деятельностью митрополита *Киприана*. Е. В. Петухов, сопоставив текст древнейшего списка с греческими текстами, установил, что русская редакция является очень

близким переводом 2-й (дополненной) греческой редакции, и высказал предположение, что сам перевод значительно старше рассматриваемого списка. Опираясь на летописное известие о том, как в 1108 г. в С. было внесено имя *Феодосия*, игумена Киево-Печерского монастыря, чтобы «помянати и на всех соборех» (см.: ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1. Стб. 283), и на грамоту новгородского князя Всеволода-Гавриила (ок. 1135 г.), в которой повелевалось «владыце собором в синодице проклинати» тех лиц, «кто нашего роду пограбит или стымет» (см.: Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1868. Т. 2. С. 380—383), он предполагал, что на Руси Чин православия существовал уже в XII в. Совершенно бесспорные упоминания об употреблении С. на Руси относятся к XIV в. (см.: АИ. Т. 1. № 8. С. 17—18 — послание митрополита Киприана псковскому духовенству: «. . . а Синодик есмь послал к вам правый царгородский, почему и мы здесе поминаем или еретиков проклинаем, и вы по тому дейте»).

В нач. XIII в. греческий С. был переведен на болгарский язык. Это было сделано при царе Борисе III в 1210—1211 гг. в результате деятельности Тырновского собора, осудившего богомильскую ересь (см.: Палаузов С. Н. Синодик царя Борила: Рукопись XIV века // ВЦИДР. 1855. Кн. 21. Отд. 1. С. 1—22; Флоринский Т. Д. К вопросу о богомилах // Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1883. С. 33—40; Лавров П. А. К вопросу о Синодике царя Бориса // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1900. Вып. 8. С. 35—136). Болгарский Чин, так же как и русский, является переводом 2-й (дополненной) греческой редакции. Сопоставление его с русским чином обнаруживает сходство текстов в лексическом и синтаксическом отношении, заставлявшее некоторых исследователей предполагать зависимость одного текста от другого. До сих пор вопрос о соотношении текстов болгарского и русского С. остается нерешенным. Возможно, что оба текста представляют собой самостоятельные переводы греческого памятника. 1-я русская редакция имела хождение вплоть до XVII в. включительно, о чем свидетельствуют сохранившиеся ее списки. Издана она Е. В. Петуховым.

2-я русская редакция впервые появилась в печатной Постной Триоди, изданной в Киеве в 1627 г. (помещалась затем в киевских Постных Триодях 1640, 1648 и львовских 1664, 1699 гг.). До этого времени ни рукописные, ни печатные славянские Постные Триоди не заключали в себе Чина православия. Отнесение этого текста к особой редакции вызвано как его составом (гораздо более полным по сравнению с 1-й редакцией), так и характером перевода. Текст киевского Чина представляет собой повторение Чина православия, помещавшегося с коп. XVI в. в греческих Постных Триодях. Постные Триоди московского Печатного двора не включали в себя Чина православия всю 1-ю пол. XVII в. В 1656 г. в Москве вышла в свет Постная Триодь с помещенным в ней Чином, заимствованным из киевских печатных Триодей. Но редактор московского текста внес в киев-

ский текст некоторые изменения, руководствуясь греческим оригиналом и, возможно, отчасти 2-й редакцией перевода, имевшей хождение в рукописях. В последующие московские издания Постной Триоды Чин православия снова не включался. В Чин Триоды 1656 г. не вошли русские статьи. Поэтому во 2-й пол. XVII в. к нему была составлена дополнительная рукописная часть из русских статей, в рукописях эта часть существует либо отдельно, либо в соединении с триодной частью. В рукописных списках 2-я русская редакция С. распространялась всю 2-ю пол. XVII в. и 1-ю пол. XVIII в.

Русские дополнительные статьи вносились главным образом в те части С., в которых провозглашались «анафема» и «вечная память»: провозглашалась вечная память не только греческим императорам, но и русским архиереям, основателям монастырей, преподобным, юродивым, поборникам и мученикам, убиенным за веру и отечество во время войн и междоусобных браней, погибшим от «огненных запалений» и моровых поветрий и некоторым умершим насильственной смертью. Русские анафематствования стали вноситься в С. с нач. XVI в. Самые ранние из включенных в С. еретиков — это жидовствующие, подвергшиеся отлучению на соборах 1490 и 1505 гг. В XVII в. анафематствования С. пополнились именами самозванцев Григория Отрепьева и Тимофея Акундинова, «бунтовщика» Степана Разина и его сподвижников, вождей старообрядчества — Аввакума, Лазаря, Феодора и др. С 1708 г. стала провозглашаться анафема Ивану Мазепе. Имя Емельяна Пугачева, хотя и было предано вечному проклятию (см.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. С. 11), не было включено в Чин православия. Следует отметить, что одни анафематствования оказались включенными во все списки С., другие же встречаются только в некоторых. Вообще число русских статей в различных списках С. весьма не одинаково. Необходима дальнейшая классификация списков не только по греческому оригиналу, легшему в их основу, но и по составу русской части. Судя по характеру списков, до 2-й пол. XVIII в. полного единообразия в совершавшемся на Руси Чине православия не было. Последней акцией, отразившей старую традицию «вариативного» употребления Чина, было провозглашение Арсением Мацеевичем в 1763 г. в ростовском соборе анафемы «обидящим святые церкви», т. е. инициаторам секуляризации монастырских владений, проводившейся в это время правительством Екатерины II. Следствие по делу Арсения Мацеевича ускорило появление единой синодальной редакции Чина православия, которая и была составлена в 1766 г. на смену разнообразным вариантам существовавшего до тех пор Чина. Новый Чин (отныне он перестал называться С.) стал гораздо более общим, большинство его анафематствований утратило конкретный характер (однако анафема Гришке Отрепьеву и Ивашке Мазепе продолжала провозглашаться вплоть до 60-х гг. XIX в.; между прочим, следует заметить, что церковная анафема Л. Н. Толстому никогда не произносилась, А. И. Куприн в рассказе «Анафема» допустил фактическую неточность (см.: Петров Г. И. Отлучение Льва Толстого. М., 1978. С. 73—78)).

Изд.: ДРВ. Ч. 6. С. 420—506; Успенский Ф. Синодик в неделю православия. Сводный текст с приложениями. Одесса, 1893. С. 1—40; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории синодика. СПб., 1895. С. 10—42 (ОЛДП. Т. 108).

Лит.: Снегирев И. Неделя православия или соборное воскресенье в Москве // ПО. 1865, февр. С. 61—71; Успенский Ф. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891; Никольский К. Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю великого поста: Историческое исследование о Чине православия. СПб., 1879 (Горчакова М. И. [Рецензия] // Отчет о двадцать третьем присуждении наград графа Уварова. Прил. к 39-му т. Записок имп. Академии Наук. СПб., 1881. № 8. С. 198—243).

II. Помянники (далее П.). Существование П. в древнерусской книжности предопределено церковным правилом помянуть умерших за литургией и в определенные дни седмичного и годового круга. В упоминавшейся выше грамоте новгородского князя Всеволода-Гавриила называется и «вседенник (т. е. ежедневный. — *Н. II.*) Синодик», значит, обычай употребления П. известен на Руси, по крайней мере, с XII в. П. имели повсеместное распространение. Они составлялись в церквях и монастырях, в крестьянских и княжеских домах, в царской семье. Из частных П. складывались областные: новгородские, архангельские, московские, ростовские и т. д., известные также по именам главных храмов области. В П. церквей и монастырей имелись не только краткие поминальные записи, но и записи, носившие характер летописных известий или даже небольших исторических сказаний. Эти известия, как показал С. Н. Азбелев, использовались позднейшими летописными сводами. П. как жанр совсем не изучены, не ясны принципы составления больших П. (опираясь на пример составления сводных старообрядческих П. в XVIII в., можно предположить, что большие П. возникали путем сведения воедино кратких местных записей). Во многих П. рядом с частными поминаниями находятся и общие. Известны четыре вида общих поминаний: 1) поминание, составленное при митрополите *Макарии* в 1548 г. (сопровождается заметкой: «В лето 7056 месяца июня в 21 день. . . благоверный и христолюбивый царь и великий князь Иван Васильевич. . . по благословению отца своего Макария, митрополита всея Руси, оставил общую память благоверным князем, и бояром, и христолюбивому воинству, и священническому и ипическому чину, и всем православным христианом. . . и оттоле повеле ту общую память написати в соборные книги»); 2) поминание, составленное при патриархе *Иове* в 1597 г. и являющееся распространением текста макариевского поминания (нач.: «Божиею милостию составися сей Синодик по благословению великого господина. . . святейшаго Иова патриарха»); 3) поминание, составленное не позже сер. XVII в., в нем в отличие от двух первых поминаний нет перечислений патриархов, царей, цариц, митрополитов и прочих православных христиан, но подробно говорится о лицах, не исповедавшихся перед своим духовным отцом «срама ради» и умерших в таком состоянии, перечисляются имена умерших людей, связанных с тем храмом или монастырем, в котором лежит данный П. (нач.: «Сий помянник сотворися еже во благочестии пожившим вины ради си-

цевы. . .»); 4) поминание, начинающееся от Адама и ближайших его потомков и простирающееся через всю христианскую историю до русских царей, царизм и всего православного христианства; время его составления не ясно.

Изд.: Суворов Н. Тетрадь, а в ней имена писана опальных при царе и великом князе Иоанне Васильевиче, всеа России: (Выписка из Синодика Спасо-Прилуцкого монастыря) // ЧОИДР. 1859. Кн. 3, отд. V. С. 89—100; Макарий. Синодик XVI века в Нижегородском Печерском монастыре // Там же. 1868. Кн. 1, отд. V. С. 1—8; Леопид. Помяник убиенных под Копотопом // Там же. 1876. Кн. 1, отд. V. С. 220—221; Пыпин А. Н. 1) Старообрядческий Синодик // СОРЯС. 1881. Т. 21. Прил. С. 1—17; 2) Сводный старообрядческий Синодик. Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII—XIX вв. СПб., 1883 (ПДПИ. Вып. 44); Тихонравов Н. С. Синодик и родительский летописец Строгановых. М., 1884; Голубев С. Т. Древний помяник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) // ЧИОНЛ. Киев, 1892. Кн. 6. С. 1—88; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время // ЛЗАК за 1882—1884 гг. СПб., 1893. Вып. 9. С. 1—327; Белокуров С. А. Синодик московских царей XVI века // ЧОИДР. 1897. Кн. 3, отд. V. С. 25—28; Титов А. А. Синодики XVII века Переславского Никитского монастыря. М., 1903.

Лит.: Булгаков Ф. И. Синодик Дедовской пустыни Тотемского уезда: Описание изданной рукописи // Отчет о деятельности ОЛДП за 1877 год. Прил. № 13. СПб., 1878. С. 7—9; Успенский Ф. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891. С. 126—145; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 83—394 (ОЛДП. № 108); Мурьев М. В. Синодик Черемнецкого монастыря // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1909. Вып. 2. С. 25—27; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 97—105; Крыльников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 249—289 (Прил. 1. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. Прил. 2. Синодик опальных царя Ивана Грозного. Реконструкция текста).

III. Сборник статей о необходимости поминовения умерших, также называвшийся С., сложился к кон. XVI в., а наибольшее распространение получил в XVII в. Е. В. Петухов вслед за Ф. И. Булгаковым определил этот тип. С. как народную книгу, служившую народу домашним чтением. В литературе Западной Европы подобным сборникам соответствуют народные книги, известные под названием *Ars moriendi* или *De Temptationibus morientium*. С. такого типа состоит из Помянника, к которому присоединяется то в виде предисловия, то в виде послесловия целый ряд статей о поминовении умерших и о состоянии души после разлучения ее с телом. Списки помянника распадаются на три вида. Первый вид, наиболее пространный по своему объему, включает несколько десятков статей (о необходимости поминовения усопших со ссылками на Писание и отцов церкви, о сорокоусте, о годовой памяти, о том, как иерей должен творить поминовение, о исходе души праведных и грешных, о состоянии тела и души в 3-й, 9-й и 40-й день, о спасительности молитв живых для умерших грешников, и т. д.) и всегда заканчивается частными поминовениями. Второй вид менее пространен по объему, его особенностью является наличие нескольких статей календарного характера (аллегорические характеристики весны, лета, осени, зимы, семи седмиц,

к которым приравнивается жизнь человека, и т. д.) и такого памятника, как *Прение живота и смерти*, отсутствующих в других видах. Как и списки первого вида, списки второго сопровождаются множеством иллюстраций. Ни при одном из известных списков этого вида нет частных поминаний. Третий вид — самый короткий. Он складывается из немногих объяснительных статей о необходимости поминовения умерших; здесь нет легендарных рассказов, имеющих в большом количестве в списках первого и второго видов. Рисунки в списках третьего вида отсутствуют. Ряд списков С. кон. XVII—XVIII вв. имеют особый состав и не могут быть с определенностью отнесены ни к одному из выделенных видов. Одно из первых мест среди источников для повествовательной части С. занимает *Пролог*. В тесной связи с ним находится *Беседа Григория*, папы римского (Двоеслова), обращавшиеся в древнерусской письменности как самостоятельно, так и в составе *Пролога*; отрывки из *Бесед* обнаруживаются в С. Другим значительным источником было «*Великое зеркало*». Встречаются заимствования из «*Неба нового*» Иоанникия Галатовского, «*Звезды пресветлой*». Среди источников С. могут быть названы и *Повесть о Варлааме и Иоасафе*, и *Патерики Синайский* и *Скитский*, воспринятый, возможно, через посредство сборников неопределенного состава, *Измарагд*, жития Паисия Великого, первомученицы Феклы, Иоанна Милостивого. В состав отдельных списков С. вошли *Повесть о посаднике Щиле*, «*Стословец*» *Геннадия*, Слово Палладия мниха о втором пришествии и о Страшном суде. Из *Требника* в С. включали Чин на разлучение души от тела, отрывки из *Последования* погребению, заимствовались и другие богослужебные тексты на тему о смерти. Теме смерти в С. посвящено довольно значительное число вирш.

Изд.: Синодик Дедовской пустыни 1603 г. СПб., 1877 (ОЛДП. №13); Синодик Холмогорской епархии. СПб., 1878 (ОЛДП. № 32); Шляпки И. А. 1) Синодик исковского Спасо-Мироожского монастыря. СПб., 1880. С. 115—135 (ПДП. Вып. 4); 2) Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сборник новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5; Альбом рисунков рукописных Синодиков. 1651, 1679, 1686 гг. / Рисовал и издал И. Голышев. Голышевка, близ Мстеры, 1885; Рукописный Синодик 1746 года / Рисовал и издал И. Голышев. Голышевка, близ Мстеры, 1888.

Лит.: Дергачева И. В. К литературной истории древнерусского Синодика XV—XVII вв. // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 63—76. Литературу см. также в разделе II (Помяники).

Н. В. Понырко

Сказание Анфилога царя о святой литургии — апокриф, повествующий о том, как сарацинский царевич зашел в христианский храм и присутствовал при таинстве евхаристии (причащении). Вместо просфоры в руках священника он видит «закалаемого» младенца, видит множество ангелов, присутствующих при литургии и активно участвующих во всех действиях священника. Анфилог, пораженный виденным, принимает крещение, но его самого и крестившегося под его влиянием царя, его брата, убивают «погони срацини».

С. обнаружено Е. И. Калужняцким в рукописи Львовского Свято-Онуфриевского монастыря (нач.: «Бысть Анфилог от царьскаго рода,

дръжаще в та лета поганым срацином. . .»). С., видимо, переводный памятник, однако непосредственный источник его неизвестен. Сюжетно оно соотносимо с румынской средневековой легендой о царе вавилонском Амурате и аравийском царе Амфилоге, с одним из сюжетов сказания о Граале и с византийской легендой, приписываемой Григорию Декаполиту. А. Н. Веселовский отметил также сюжетные аналогии в статье «Слово о сороцинипе, крестившемся от видения в церкви святого Георгия» (нач.: «Поведапет Улас в Диосполии граде створившееся чудо. . .»), читающейся в *Прологе* и *Великих Минеях Четиих* под 26 поября. Апокриф оказал влияние на произведения Иоанникия Галатовского, на его «Небо Новое» (Небо Новое. Львов, 1665. Л. 52 об.—53 об.) и «Мессию правдивого».

Изд.: Калужняцкий Е. И. Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах львовских. Киев, 1877. С. 21, 25—28; Веселовский А. 1) Амфилох — Evalach. Эпизод Grand St.-Grald в славянском апокрифе // ЖМНП. 1889, апр. С. 370—382; 2) Разыскания в области русского духовного стиха. XVII. Амфилог — Evalach в легенде о св. Грале // СОРЯС. 1889. Т. 46, № 6. С. 331—349.

Лит.: Сумцов Н. Ф. Очерки истории южно-русских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888. С. 104—107; K a t u z n i a c k i E. Die Legende von der Vision Amphilog's und der *Λόγος ιστορικός* des Gregorios Dekapolites // AfslPh. Berlin, 1903. Bd 25. S. 101—108.

М. А. Салмина

Сказание Иеронима о Иуде предателе — анонимное произведение, входящее наряду с *Повестью о царе Григории* и *Повестью о Андрее Критском* в группу древнерусских повестей о кровосмесителе. В рукописной традиции встречаются различные варианты заглавия С.: «Сказание неложное от мужа праведна и свята западния церкви великаго учителя Иеронима о Иуде, бывшем предателе господа нашего Иисуса Христа, списанное сиеце начинается»; «Сказание учителя церковнаго Иеросалима (!) святаго о Иуде, предатели господа нашего Иисуса Христа»; «Сказание о Иуде предатели господни»; «Повесть неложная о Иуде Искориоцком, иже и предатель бысть»; «Сказание о Иуде предателе, и о рождении его, и како предаде господа нудеем»; «Слово о Иуде христапродавце Искаротском, како родися, жив и како причтен бысть во апостолы»; «Сказание святаго Иеронима от древняго летописца о Иуде Искаротском бывшем апостоле»; «О Иуде предателе».

По классификации В. Я. Проппа, С. представляет собой особый тип инцестуального сюжета, композиционно близкий к Эдипу, но отличный от него негативной трактовкой главного героя (Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 260—261). Текст С. (в древнерусской традиции ошибочно приписываемый блаженному Иерониму) известен помимо восточных славян на католическом Западе и у чехов и восходит к 45-й главе латинского агиографического свода «Золотая легенда» Якопо из Варацце (XIII в.), однако, как указывал С. Соловьев, ссылка на этот текст содержится уже в трактате Оригена «Против Цельса» (1-я пол. III в.). Опубликованные В. Истриным в 1898 г. два грече-

ских текста С., в большей мере, нежели латинский текст, сохранившие черты архетипа, позволяют предполагать греческое происхождение этого варианта ищестуального сюжета. В отличие от других средневековых обработок Эдипова сюжета (использующих его для утверждения мысли о всеисильности покаяния) С. привлекает его для восстановления жизни предателя Иуды до евангельских событий, как бы доказывая этим прирожденную его порочность, что позволило С. Соловьеву связать возникновение С. с борьбой против апологии Иуды сектой каипистов-иудайтов во II в.

Время перевода С. до сих пор не выяснено. Наряду с предположением о переводе памятника в XVII в. (Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 5) имеется указание А. А. Назаревского на украинский список С., датируемый кон. XVI в. Кроме того, некоторые исследователи творчества *Максима Грека* — В. С. Иконников, а позднее А. И. Иванов (Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека: Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969. С. 128) — отождествляли С. с одноименным апокрифом, приписываемым Аполлинарию (или Папию), опровержению которого посвящено «Слово о Иуде предатели на Аполлинария» Максима Грека. Это отождествление, возможно, неверно, так как Сказание Аполлинария повествует о долгих прижизненных мучениях Иуды-предателя (вопреки евангелию, что и послужило основным возражением против него Максима), а С., посвященное событиям, предшествующим предательству, в описании смерти Иуды педантично следует канону; тексты, сочетающие оба сюжета, пока неизвестны.

Сюжет С., восполняющий пробелы в биографии одного из самых знаменитых и загадочных евангельских персонажей, а также несомненная занимательность памятника при всей его видимой «душеполезности» обусловили его популярность у русского читателя (известен в 85 списках XVI—XIX вв., нередко включался в «Страсти Христовы», а также в некоторые списки «Великого зеркала»). Одновременно слишком тесная связь С. с евангельским сюжетом и, возможно, авторитет его мнимого создателя препятствовали изменениям исходного текста, чем объясняется сходство, почти стереотипность большей части известных списков (так показывают предварительные текстологические наблюдения). Возникновение двух особых редакций памятника, каждая из которых представлена единичным списком, объясняется влиянием сосуществующих со С. других древнерусских обработок Эдипова сюжета (в первую очередь Повести о Андрее Критском, для сюжетной схемы которой С. в свое время послужило основой). Так называемая вторая редакция (публикация И. Франко по рукописи Ст. Теслевецьового нач. XVIII в.), включенная в состав переработки Слова Евсевия Александрийского на Страстной четверг, в сюжетном отношении представляет собой сложную контаминацию мотивов С. и повестей о Андрее Критском и о папе Григории, приводящую к невольной для ее создателя реабилитации предателя и переосмыслению содержания памятника, утверждающего здесь мысль о всеисильности покаяния. Возможно

даже, что это особое произведение, созданное на основе ранее существовавших. Явственной беллетризации подвергается С. в сборнике ЦГАДА, ф. 181, № 431 (60-е гг. XVII в.).

В фольклорных обработках этого типа Эдипова сюжета процессы, отмеченные в особых редакциях, достигают своего логического завершения: наряду с легендами, усиливающими греховность Иуды, возникают и такие, в которых невольно обеленный евангельский злодей становится героем повествования о всесильности покаяния. См. публикации устных вариантов легенды: Юда // *Етнографічний збірник*. Львів, 1897. Т. 3. С. 70—72; Суворов Е. *Религиозно-народные поверья и сказанья // Живая старина*. 1899. Вып. 3. С. 391—392; Про Юду Искариота // *Етнографічний збірник*. Львів, 1902. Т. 12. С. 120—122; Юда Искариот // Там же. С. 122—124; Юда Искариот // Там же. 1902. Т. 13. С. 236—237; *Сборник материалов для описания местностей и народностей Кавказа*. Тифлис, 1903. Вып. 36. С. 72—73; *Об Юде предателе // Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / Изд. А. М. Смирнов*. Пг., 1917. Вып. 1. С. 129; *Северно-русские сказки в записях А. И. Никифорова*. М.; Л., 1961. С. 352.

Изд.: Бессонов П. *Калики переходные*. М., 1863. Вып. 4. С. 210—214; Тихомиров. *Житие Иуды беззаконного // Руководство для сельских пастырей*. 1879. № 13. С. 337—342; Вяземский П. П. *Рукописный сборник, принадлежащий г. Суворову*. СПб., 1880. С. 138—142 (ПДП. Вып. 4); Порфирьев. *Апокрифы новозаветные*. С. 231—235; Соловьев С. *Историко-литературные этюды: К легендам об Иуде предателе*. Харьков, 1895. Вып. 1. С. 187—190; Франко. *Апокрифы*. 1899. Т. 2. С. 343—348; Драгоманов М. *Славянські перерібки Едипової історії*. Розвідки. Львів, 1907. Т. 4. С. 120—123.

Лит.: Костомаров Н. И. *Легенда о кровосмесителе // Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования*. СПб., 1872. Т. 1. С. 313—315; Diederichs V. *Russische Verwandte der Legende von Gregor auf dem Steine und der Sage von Judas Iscariot // Russische Revue*. 1880. Bd 17, N. 9. S. 119—146; Сумцов Н. Ф. *Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен // Киевская старина*. 1887. № 9. С. 48—50; Драгоманов М. П. *Славянские преуправки на Едиповата история*. София, 1891 (Отд. отт.: *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*. кн. 5, 6, 11); *Отчет командированного за границу приватдоцента... Василия Истрина за II полувию 1894 г. // ЖМШП*. 1896. Ч. 308. С. 12—22; Istrin V. *Die griechische Version der Judas Legende // AfslPh*, Berlin, 1898. Bd 20. S. 605—619; Яцимирский А. И. *К славянским легендам о кровосмешении // Пошана*. Сборник Харьковского ист.-филол. об-ва, изданный в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909. Т. 18. С. 404—411; Гудзий Н. К. *К легендам об Иуде предателе и Андрее Критском // РФВ*. 1915. № 1. С. 1—4, 7—21, 31—22; Иконников В. С. *Максим Грек и его время*. 2-е изд. Киев, 1915. С. 325—328; *Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть*. С. 177—181; Назаревский. *Библиография*. С. 104—106.

М. Н. Климова

Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека см. *Сказания о Максиме Греке*.

Сказание о битве новгородцев с суздальцами — новгородский памятник сер. XIV в. В феврале 1170 г. объединенные силы несколь-

ких русских княжеств под предводительством Мстислава, сына владими́ро-суздальского князя *Андрея Боголюбского*, пошли походом на Новгород. После трехдневной осады города, 25 февраля, произошло сражение, окончившееся полным поражением суздальских войск. Это событие нашло широкое отражение в древнерусской литературе: кроме летописных повестей ему посвящено новгородское по происхождению С., которое дошло до нас в нескольких редакциях и вариантах.

Летописные повести о событиях 1170 г. делятся на две основные версии: проновгородскую и антиновгородскую. Обе возникли в близкое к событию время. Летописная повесть новгородской ориентации дошла в *Летописях Новгородских I, IV и V*, в Летописи *Авраамки*, в 1-й редакции *Летописи Софийской I*, в *Летописце Рогожском*, в *Летописях Псковской I*, *Вологодско-Пермской* и *Никаноровской*. Самый ранний текст этого вида летописной повести читается в НИЛ старшего извода, Легенда о чудесной помощи Новгороду иконы Знамения богородицы в этом тексте не отразилась. Уже на раннем этапе литературной истории летописной повести о битве новгородцев с суздальцами из-за неверно понятого текста источника (того вида летописной повести, который читается в НИЛ старшего извода) предводитель суздальцев был ошибочно назван не Мстиславом, а Романом Андреевичем. Рассказу о битве под стенами Новгорода предшествует рассказ о сражении новгородцев с суздальцами на Двине, во время которого небольшая дружина новгородцев, возглавляемая Даньславом Лазутиничем, наголову разбила многочисленную рать суздальцев. В последующих вариантах новгородской летописной повести (после НИЛ старшего извода) перечисленные сюжетные компоненты ее были дополнены рассказом о чудесной помощи Новгороду иконы Знамения богородицы.

Летописная антиновгородская повесть входит в состав *Летописей Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской*, 2-й редакции Софийской 1 и *Летописного свода Московского великокняжеского кон. XV в.* Здесь предводитель суздальских войск назван исторически верно — Мстислав Андреевич; события похода и сражения излагаются с точки зрения противника Новгорода. С летописной повестью новгородской версии летописная повесть антиновгородской версии ничем не связана. В *Летописи Никоновской* рассказ о битве новгородцев с суздальцами представляет собой переработку обеих версий летописной повести — новгородской и антиновгородской.

Содержание С. в его первоначальном виде таково. В 6677 (1170) г. в Новгороде произошло «знамение великое и преславное». В это время у новгородцев, державших у себя князя «по своей воле», княжил Роман Мстиславич, внук Изяслава. Двиняне, земли которых подчинялись Новгороду, не захотели давать Новгороду дань и предали суздальскому князю Авдрею. Новгородцы отправили на Двину даньщюка Даньслава Лазутинича и с ним «ис концов по сту мужь», т. е. рать в 500 человек. Суздальский князь послал против отряда Лазутинича рать в 1500 человек. На Белоозере произошло сражение, окончившееся победой новгородцев, при этом пов-

городцы потеряли убитыми 15 воинов, а суздальцы — 800. Разгневанный князь Андрей посылает на Новгород большое войско, во главе которого идет его сын, названный в С. Романом. К суздальцам присоединяются войска других князей. Новгородцы, узнав о начавшемся против них походе, «поставиша острог около всего Новагорода». На третью ночь после начала осады Новгорода суздальцами молящемуся о спасении города новгородскому архиепископу Иоанну слышится «глас, глаголющ»: «Иди в церковь святого Спаса на Ильину улицю, и возьми икону свягую богородицю, и вынеси на острог противу супостат». Торжественным крестным ходом икону выносят на острог, «иде же ныне манастирь свягтыа богородица на Десятине». Суздальцы начали наступление на город и «спустиша стрелы, яко дождь умножен». Икона обратилась ликом к городу, и из глаз богородицы потекли слезы: «сим бо образом», — говорит рассказчик, — богородица молится богу за спасение города. Бог обратил свой гнев на суздальцев: их покрыла тьма, на них напал «трепет и ужасть», и они стали избивать друг друга. Новгородцы, увидев это, вышли из острога, стали разить и пленять врагов. Пленных было так много, что новгородцы продавали их за бесценок. В ознаменованье чуда Иоанн «сотвори праздник светел», который стали праздновать в Новгороде 27 ноября.

Таково содержание С. в его первоначальной редакции — «Слове о знаменнии» («Слово о знаменнии свягтыа богородица в лето 6777-е»; «В ть же день (месяца ноября в 27 день). Слово о знаменнии свягтыа (пресвягтыа) богородица, иже в Великом Новеграде. Благослови отче»). Следующая редакция — «Воспоминание знаменния» («Месяца ноября, в 27 день. Воспоминание знаменния, бывшаго иконою пречистые владичици нашеи богородици в Великом Новеграде») — представлена двумя вариантами — полным и кратким. Полный близок к «Слову» и по содержанию, и текстуально. Но если основа сюжета осталась та же, то характер его раскрытия в «Воспоминании» иной: здесь в значительной степени усиливается религиозно-назидательная функция произведения. Краткий вариант «Воспоминания» текстуально близок к полному, но в нем некоторые части текста либо опущены совсем, либо пересказаны обобщенно. Сопоставление текстов «Слова» и «Воспоминания» с летописными новостями о битве новгородцев с суздальцами свидетельствует о том, что С. связано с летописной повестью не только сюжетно, но и текстуально. Летописным источником С. была летописная запись с изменениями, входящая к первоначальной летописной записи и послужившая источником летописной повести типа летописи Авраамки и Рогожского летописца.

Первоначальный текст С. возник в 40—50-е гг. XIV в. «Воспоминание о знаменнии» было составлено Пахомием Сербом во время его первого приезда в Новгород в 30-е гг. XV в. Одновременно с этим Пахомий написал церковную «Службу знамению» и «Слово похвальное знамению». Следующей редакцией С. был текст, включенный в состав *Жития Иоанна Новгородского*. В житийной редакции почти

дословно повторяется текст «Воспоминания», но имеются некоторые дополнения и частичные изменения текста. В житийной редакции снимается новгородская направленность произведения, центр тяжести сюжета переместился в план общехристианской морали: осуждается вражда единоверных, богородица помогает тем, кто уповал на ее милость, и карает тех, кто возгордился и пренебрег ее святым образом. Автор житийной редакции подчеркивает общерусский, а не местный характер (как было в С.) праздника в честь чуда: «Подобает убо всем нам, сыновом руским, честный и светлый си праздник. . . обще праздновати с верою и любовию». Вместе с этими изменениями в житийной редакции ярче выступает образ архиепископа Иоанна, сильнее подчеркивается его роль в свершившемся чуде. Единственным списком (ГПБ, Q.I.1153, XVII в.) представлена Сводная редакция С., в которой взятый за основу текст «Слова о знамении» сконтаминирован с текстами «Воспоминания о знамении» и житийной редакции С. Редакция С. Степенной книги, вероятнее всего, составлена ее автором протопопом Андреем, будущим митрополитом Афанасием в 60-х гг. XVI в. Эта редакция С. включена в Лаптевский том *Летописного свода Лицевого*, встречается отдельно в составе сборников. В основе редакции лежит «Слово о знамении» с обширными добавлениями автора редакции, пользовавшегося летописями и летописными повестями о битве новгородцев с суздальцами проновгородской и антиновгородской версий. В 30-х гг. XVII в. свою редакцию С. составил думный дьяк, печатник Иван Тарасевич Грамотин («Месяца ноеврия в 27 день. Воспоминание чудесе преславнаго, бывшаго от иконы пресвятыя владычицы нашея богородицы и присно девы Марии в Великом Новеграде. Сия повесть слогу печатника Иоанна Тарасевича Грамотина»). Редакция Грамотина отличается риторичностью, усилено церковно-религиозное звучание произведения. С. у Грамотина начинается обширным риторическим вступлением и заканчивается похвалой богородице. (См. подробнее в статье о нем). В кон. 60-х гг. XVII в. была составлена Церковная редакция С. при Новгородском Знаменском соборе. К тексту «Слова о знамении» здесь были присоединены: копия записи «во олтари по обе страны горняго места» — о постройке церкви в 1352 г., копия записи о росписи храма в 1363 г. и рассказы о 8 чудесах от иконы Знамения, самое позднее из которых датируется 1666 г. В 1687 г. в Косином монастыре, в Старой Руссе, был составлен большой сборник житий новгородских святых (ГПБ, F.I.729), представляющий собой оригинальные переработки новгородских текстов. Автор Косинской редакции С. свой текст составляет на основе редакции Степенной книги, редакции Грамотина, Церковной редакции и «Слова похвального знамению». По ходу развития сюжета он пользуется то одним, то другим источником, вкрапывая в рассказ свои собственные незначительные вставки.

С. пользовалось огромной популярностью у древнерусских книжников. Различные редакции его дошли до нас в многочисленных списках в составе сборников разнообразного характера. О популярности С. свидетельствует и то, что его редакции включались в ле-

тописи вместо летописной повести о битве новгородцев с суздальцами. В *Летописях Тверской и Псковской II* читается «Слово о знамени» с некоторыми особенностями, присущими только этим текстам. В двух списках *Летописи Новгородской хронографической* (Погодинском и Академическом) помещена житийная редакция С. В Мауруинском летописце — пересказ краткого варианта «Воспоминания».

Изобразительная яркость и конкретность С. нашли отражение в новгородском изобразительном искусстве. Новгородская икона «Битва новгородцев с суздальцами», датируемая искусствоведами 60—80-ми гг. XV в., считается одним из шедевров древнерусской живописи. Эта первоначальная икона (находится в Новгородском музее-заповеднике) была несколько раз повторена новгородскими иконописцами (две, наиболее близкие к первоначальной, реплики этой иконы находятся в Русском музее и в Третьяковской галерее). Исходя из содержания иконы можно утверждать, что иконописец знал и С., и летописную повесть новгородской версии, но создал свое собственное, оригинальное произведение, а не иллюстрацию какого-либо из текстов. К XVI в. относится новгородская икона архиепископа Иоанна в деяниях и чудесах. Девять клейм из двадцати девяти этой иконы посвящены битве новгородцев с суздальцами. Содержание этих клейм восходит к житийной редакции С. В рукописи ГПБ, F.1.730 (XVII в.) перед текстом С. в редакции Грамотина на отдельных листах нарисовано одиннадцать миниатюр, иллюстрирующих битву новгородцев с суздальцами, с подробными подписями. По существу это самостоятельная повесть в картинках. В миниатюрах передано содержание всего С., подписи же — цитаты из какого-либо текста С., а самостоятельный текст.

Изд.: ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 241—242; ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. С. 244—247; СПб., 1908. Т. 21, 1-я пол. С. 235—239; Пг., 1917. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 162—166; М., 1968. Т. 31. С. 63—64; Псковские летописи. М., 1965. Вып. 2. С. 19—21; ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 448—453.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 126—128; Х р у щ о в И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI—XII столетия. Киев, 1878. С. 129—130; Г у с е в П. Л. Новгородская икона св. Иоанна (Илии) архиепископа в деяниях и чудесах. СПб., 1903; Я б л о н с к и й В. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908. С. 120—123, 151—154; Труды 15-го археологического съезда в Новгороде. 1911. М., 1914. Т. 1. Протоколы. С. 78; Ж и х а ч е в Д. С. Литература Новгорода XIV—XV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 263—264; П о р ф и р и д о в Н. Г. Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 239—240, 296; F r o l o w A. Le Znamenie de Novgorod: évolution de la légende // Revue des études slaves. Paris, 1948. Т. 24. P. 67—81; Т. 25. P. 45—72; Л а з а р е в В. Н. Новгородская иконопись. М., 1969. С. 35—36, табл. 51—53, 60—63; Д м и т р и е в Л. А. Житийные повести русского Севера как памятник литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 95—148, 281—284; С м и р н о в а Э. С., Л а у р и н а В. К., Г о р д и е н к о Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 83—86, 98—101, 150—154, 217—220, 229—230, 423.

Л. А. Дмитриев

Сказание о Вавилоне — центральное произведение цикла сказаний о Вавилонском царстве, в который входят притчи о Навуходоносоре и его сыне Василии Навуходоносоровиче, об Артаксерксе,

о Немвроде и Иоанне, представляющие собой легендарную генеалогию вавилонских царей, сказания о царице Южской (Малкодушке), легенды о сооружении вокруг Вавилона юнаками глиняного змея (что послужило причиной запустения города), сказания о царских венцах (о великом киевском князе *Владимире Мономахе*, получении им в дар от греческого царя «шапочки Мономаха» и о прозвании его Мономахом); большинство произведений этого цикла встречается и как самостоятельные памятники. Цикл сказаний о Вавилонском царстве представлен многочисленными списками кон. XV—XX вв. Популярность произведений этого цикла вызвана устойчивым (как показал С. Н. Чернов, длившимся в течение пяти веков) интересом широких слоев населения к вопросам происхождения и законности передачи символов царской власти.

Произведения этого цикла были открыты в сер. XIX в., но изучение этих памятников вплоть до настоящего времени продолжает опираться либо на случайные публикации отдельных списков, либо на гипотетический сводный текст, составленный А. Н. Веселовским, который является лишь рабочей гипотезой исследователя, воссоздающей единый, реально не существовавший сюжет всего цикла сказаний о Вавилонском царстве. Неизученность литературной истории текстов этого цикла позволяет некоторым современным исследователям (к примеру, Х. Шедер, И. Матлю), вслед за А. Н. Веселовским и И. Н. Ждановым, на основании теории «странствующих сюжетов» ошибочно связывать С. с идеей «Москва — третий Рим».

Согласно теории миграции, развитие сводного сюжета сказаний о Вавилонском царстве идет от ирано-семитских версий, воспринимает библейско-христианские общие места средневековой литературы и в Византии к XI в. приобретает религиозно-политический характер. Византийская легенда, сохранившаяся в русской версии, центральной фигурой выдвигает основателя македонской династии Василия, а на Руси в ней получает развитие русская династическая государственная идея: наследование Владимиром Мономахом короны византийского императора Константина. И. Н. Жданов, кроме того, привлекает к изучению и русские народные сказки о Вавилонском царстве, предполагаая существование гипотетического русского сказочного сюжета о посольстве Владимира в Вавилон, подобного сказке о Борме. Однако Е. А. Тудоровская и Г. Л. Венедиктов считают, что русская волшебная сказка о Вавилонском царстве имеет позднее книжное происхождение. Е. А. Тудоровская доказывает, что эта сказка была создана В. А. Левшиным в кон. XVIII—нач. XIX в. по типу книжной волшебной-авантюрной повести (близкой к написанной Левшиным Повести о Булате) под влиянием Повести о Брунцвике, древнерусских сказаний о Вавилонском царстве, лубочных изданий, песен и сказок об *Иване Грозном* и Борме Ярыжке и легенды о Федоре Барме. Г. Л. Венедиктов (с. 131) также рассматривает сказки о Федоре Бермятине (в наиболее полном варианте записанные в Русском Устье от Н. Г. Чихачева) как позднюю фольклоризацию древнерусской Повести о хождении героя в Вавилонское царство за скипетром и державой для московского царя и переводной

Повести о королевиче Брунцвике, где сказочный герой добивается цели, обманув Вавилонского змея, Кривого разбойника (вариант Полифема), Деву-воительницу (типа амазонки) и Льва.

Текстологический анализ цикла сказаний о Вавилонском царстве полностью разрушает представление об изначальном существовании единого сводного сюжета на данную тему, заставляет пересмотреть вопросы о степени оригинальности центрального С., о его датировке, идейном замысле и поэтических особенностях на всех этапах развития памятника. В цикле сказаний можно выделить три их основных типа: Первоначальный, Особый и Сказочная обработка; каждый из них, в свою очередь, имеет многочисленные редакции, виды и варианты и встречается в различных сочетаниях с другими вариациями этого цикла.

Первоначальный тип в ранних редакциях включает только одно центральное С. («Слово о Вавилоне»), близкое, но не адекватное тексту, опубликованному М. О. Скрипилем по списку ГИМ, Синод. собр., № 2952, который относится ко 2-му виду Древнейшей редакции. Содержание его сильно отличается от сюжета, воссозданного А. Н. Веселовским, в нем повествуется лишь о посольстве греческого царя Леукия (Левкия, Улевуя), «во святом крещении Василия», в Вавилон град за «знамением» к трем вавилонским отрокам. Посланцами избраны представители трех христианских православных стран («гричин» Гугрий, «обязанин» Яков, «русин» Лавер), с тем чтобы каждый из них на своем языке смог прочесть соответствующую часть трехязычной надписи на лестнице, ведущей через змея в мертвый град Вавилон. Только благодаря совместным действиям они могут достичь царских палат и обрести «знамение» — венцы вавилонского царя Навуходоносора и его царицы и грамоту на греческом языке. Патриарх возлагает принесенные царские венцы «на царя Василия и на царицу Александрею, родом арменица наречесея», а греческий царь сдерживает данное им вначале обещание быть верным поборником православной веры и посылает дары иерусалимскому патриарху, отказываясь от похода в Индию ради борьбы против «иноверных» врагов. Первоначальный тип С. был включен в *Великие Минеи Четиш.*

В XVI в. под влиянием чина венчания на царство русских самодержцев, *Сказания о князьях владимирских* и *Сказания о царских венцах* постепенно складываются редакции так называемого Особого типа С., главным отличием которого является включение в перечень царских регалий «сердоликовой крабицы», а затем «мономаховой шапочки» и других атрибутов царского венчания. Только в поздней редакции Особого типа С., уже в составе цикла, возникшего в нач. XVII в. в связи с избранием на царство Михаила Федоровича, впервые появляется заключительная статья о передаче греческим царем, «ради чести своей», киевскому великому князю Владимиру Мономаху «сердоликовой крабицы» и «мономаховой шапочки». Совершенно не связанные с церковной теорией «Москва — третий Рим», эти редакции Особого типа С. продолжают развивать идеи *Сказания о князьях владимирских* и *Сказания о царских венцах.*

В Сказочных обработках текст центрального С. разрушен; отличительным их признаком является наличие занимательного сюжета и устойчивых фольклорных образов. Связанный с процессом беллетризации произведений в XVII в., этот тип памятника, как правило, встречается только в составе цикла сказаний о Вавилонском царстве.

В основу Древнейшей редакции С. неизвестный русский книжник положил устную византийскую легенду, связанную с иконой византийского императора Льва VI Премудрого из Царьградского Софийского собора. Эта топонимическая легенда известна в пересказе путешествовавшего в Царьград в 1200 г. *Антония Новгородского*. Почитание иконы императора, согласно этой легенде, было вызвано тем, что Лев Премудрый взял на гробе пророка Даниила грамоту, предрекающую будущих правителей Царьграда. Опираясь на топонимическую легенду, русский автор создал новое оригинальное легендарно-политическое сказание. Главными темами русского памятника становятся: тема божественной освященности символов византийской царской власти и получения их от первых царей вселенной из Вавилона, тема совместного добывания вавилонских царских регалий (венцов царя Навуходоносора и грамоты) для византийского царя представителями трех православных стран: Руси, Греции и Обезии (Грузии) и тема верности византийского царя христианской православной вере.

Отсутствие среди посланцев «греческого» царя представителей других православных стран — Болгарии и Сербии — позволяет определить верхнюю дату возникновения С. не ранее времени падения этих стран под власть турок (1393 г. — падение Тырнова, 1389 г. — поражение на Косовом поле). Нижнюю границу возможного появления памятника М. О. Скрипиль намечал очень приблизительно — «первая половина XV века» (до падения Царьграда в 1453 г.). Основной замысел русского произведения исследователь видит в провозглашении идеи «равноправия, или равенства, Византии, Грузии-Абхазии и Руси». Однако замысел произведения не может быть сведен к одной идее равенства трех православных стран: автор С. утверждает необходимость солидарности православных стран в поддержку Византии. В этом отношении особенно важны зачин-загадка о необходимости посольства в составе «трех мужей», надпись на лестнице, ведущей в Вавилон, составленная из частей на трех языках, прочесть которую могут соответственно только «обежанин», грек и русский, и сцена падения на вавилонского змея «обежанина» и помощи, оказанной ему двумя другими участниками похода; все это предназначено для того, чтобы убедить, что только совместными усилиями и при взаимной поддержке посланцы трех православных стран могут успешно исполнить волю византийского императора. При этом и сам византийский император должен быть образцовым поборником «православной веры»; именно такой идеал «греческого» царя и создает русский книжник. Этот идеал уже далеко не всегда соответствовал реальному поведению византийских императоров XIV—XV вв., которые под страхом турецкого ига и

непрерывной осады Константинополя (с 1390 по 1398 г. и с 1425 по 1453 г.) тайно, а затем и явно, подготавливали, а затем и заключили союз с римско-католической церковью (хотя это и не спасло Византию от поражения). Идеальный образ «греческого» царя, являющегося верным «поборником» православия, мог возникнуть только в русском произведении, созданном до официального заключения Византией унии с римско-католической церковью на Флорентийском соборе 1438—1439 гг. Церковно-политические трактаты 2-й пол. XV в., написанные в Москве и соперничавшей с ней Твери, провозглашают уже не идеи равенства и солидарности православных стран, а идею перехода права верховного благодетеля православия во всем мире от византийского императора к великим русским князьям, московскому и тверскому.

Включение русским книжником в число участников легендарного похода за царскими регалиями для византийского императора представителя Руси, «русина Лавра», и изображение его не только равным среди равных, но и венчающим дело в соответствии со значением его имени, на наш взгляд, ближе всего отвечают политическим запросам Руси времени правления великого московского князя Василия I Дмитриевича (1389—1425 гг.). С. могло быть написано в промежуток между 90-ми гг. XIV в. (после падения в 1393 г. Болгарии) и до нашествия на Москву Едигея в 1408 г. Именно в этот период сильнее всего проявились претензии Руси на утверждение своего политического престижа. Византийскому патриарху Антонию приходится убеждать Василия I в том, что присваивать себе царское имя и право поминания в церквях «не имеет никто из прочих князей и местных властителей». Грамота патриарха Антония 1393 г. ближе всего идеям С.: в ней доказываются богоизбранность византийского императора и его верность православию, сообщается о том, что он остается «поборником и защитником» церкви, несмотря на то что его землю окружили «язычники».

С. анонимно, однако анализ литературных источников памятника, его жанровой природы и стилистических особенностей, раскрытие символики названий и значения личных имен позволяют увидеть в его авторе искуснейшего книжника, изощренного в риторике и грамматике. Создание нового сюжета легенды потребовало от него широкой начитанности в библейской истории, апокрифической, переводной и оригинальной литературе, знания византийских хроник и устных легенд, русских летописей и произведений устного народно-поэтического творчества. Жанровая природа созданного им памятника сложна и сочетает в себе разные жанровые и стилистические признаки (черты слова, хождения ко святым местам), сказочно-былинны поэтические приемы (зачин-загадка, гиперболы, троичность чисел и др.). Композиционная схема памятника полностью воспроизводит последовательность посольского церемониала: обсуждение состава посольства, «наказ» царя послам и его текст, исполнение миссии и получение грамоты с приведением ее текста, церемония очередного приветствия царя каждым посланцем по возвращении и традиционное одаривание их перед роспуском по домам. Осведомленность

русского автора в актуальных проблемах современной ему русской и международной политики рубежа XIV—XV вв., знание чина венчания византийских императоров и посольского церемониала позволяют предположить в нем книжника, близкого русским посольским или митрополичьим кругам той поры, кругу митрополита *Киприана*.

Изд.: Буслаев Ф. И. О русских пословицах и поговорках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемых Н. В. Калачевым. М., 1854. Кн. 2, 2-я пол. 4 отд. С. 47—49; Пыпин А. Н. Старинная русская сказка о Вавилонском царстве // ИОРЯС. 1854. Т. 3. С. 313—320; Тихоново Н. С. Повесть, как приходил греческий царь Василий под Вавилон град // Летописи Тихонова. М., 1859. Т. 1, ч. 2. С. 161—162; ч. 3. С. 161—165; Т. 3, ч. 3. С. 20—31; ПЛ. 1860. Вып. 2. С. 391—392, 394—396; Лопарев Х. М. Описание рукописей Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. 2. С. 383—385 (ПДП. Вып. 105); Жданов И. Н. 1) Новости о Вавилоне и сказание о князьях владимирских // ЖМНП. 1893, окт. С. 362—368; 2) Русский былевой эпос. 1. Повести о Вавилоне и Сказание о князях владимирских. СПб., 1895. С. 1—151; Прил. 6. С. 575—587; Скрипица М. О. Сказание о Вавилоне граде // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 419—444; Сказание о Вавилоне граде // Русские повести XV—XVI веков / Подгот. текста М. О. Скрипицы, пер. Б. А. Ларина, примеч. Н. И. Тотубалина. М.; Л., 1958. С. 85—87, 251—253, 407—413; Сказание о Вавилонском царстве / Подгот. текста, пер. и коммент. Н. Ф. Дробленковой // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 182—187, 596—597.

Лит.: Веселовский А. Н. 1) Отрывки византийского эпоса в русском: Повесть о Вавилонском царстве // Славянский сборник. Пб., 1876. Т. 3. С. 122—165 (то же на нем. яз.: Die Sage von babilonischen Reiche // AfslPh. Berlin, 1877. Bd 2. S. 129—143, 308—333); 2) Заметки по литературе и народной словесности: II. Древнерусская повесть о Вавилонском царстве и так называемые Видения Даниила // СОРЯС. 1883. Т. 32. № 7. С. 9—14; 3) Разыскания в области русского духовного стиха (гл. 2. § 5) // СОРЯС. 1890. Т. 46. С. 89—93; 4) Сказание о Вавилоне, скинии и св. Граале // ИОРЯС. 1896. Кн. 4. С. 647—694; Потанин Г. Н. 1) Богдо Гэсар и славянская повесть о Вавилонском царстве // Этнографическое обозрение. 1891. № 4. С. 106—121; 2) Мелкие фольклорные заметки: 5. Этимология в повести о Вавилонском царстве // Там же. 1895. № 1. С. 127—129; Сперанский М. Н. Сказание об Индийском царстве // ИОРЯС. 1930. Т. 3, кн. 2. С. 432—433; Чернов С. Н. Слухи 1825—1826 гг.: (Фольклор и история) // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научной деятельности. Л., 1934. С. 568—569; Адрианова-Перетц и Иокровская. Древнерусская повесть. С. 96—105; Шепелева Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 302—305; Назаревский И. Библиография. С. 59—64; Schneider H. Moskau — der dritte Rome. Darmstadt, 1957. S. 107—110; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 679—682; Matl J. Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964. S. 88—89; Зимин А. А. Отголоски событий XVI в. в фольклоре // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию С. И. Валка. М.; Л., 1964. С. 404—414; Дробленкова Н. Ф. 1) По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 129—135; 2) Взаимоотношение литературы и деловой письменности в XV в. // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 56—65; 3) К вопросу о средневековом историзме: («Обежанин» Сказания о Вавилоне граде) // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 116—128; 4) «Царица Александрия, родом арменина. . .» в древнерусском легендарно-политическом сказании // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 375—386; 5) Поэтика имен в древнерусской литературе // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 73—81; 6) Сказание о Вавилоне // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41; Тудоровская Е. А. Сказки о Борме

Ярыжке (Вавилонское царство) // Русский фольклор. М.; Л., 1975. Т. 14. С. 173—185; **Шайкин** А. А. К вопросу о жанре Сказания о Вавилоне граде // Русская литература. Сб. статей Казахск. гос. пед. ин-та им. Абая. Алма-Ата, 1975. Вып. 5. С. 87—94; **Венедиктов** Г. Л. Литература и культура: Сказки Русского Устья // РЛ. 1985. № 2. С. 128—141.

Н. Ф. Дробленкова

Сказание о взятии Астрахани (2-я пол. XVI в.) повествует о событиях, предшествующих присоединению Астраханского царства при **Иване IV** (начиная с 1551 г.), и о взятии Астрахани 2 июня 1554 г.

Как самостоятельное произведение С. известно в списках XVII—XVIII вв. (например, ГИМ, собр. Барсова, № 1841, XVII в.; ГБЛ, собр. Приянишкова, ф. 242, № 150, нач. XVIII в.; ГПБ, собр. Подгодина, № 1603, XVIII в. и № 1624, XVIII в.; БАН, 17.16.3, XVIII в.). Древнейший (Барсовский) его список XVII в. представляет собой отдельную рукописную тетрадь в 4-ку, на 14 листах, озаглавленную: «Сказание о взятии Астрахани при государе царе и великом князе Иоанне Васильевиче в лето 7059 году». Пространное название памятника: «Сказание о приходе к великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу, всея Руси самодержавцу, ис Астрахани к Москве от Енгурчя от царя из Нагаи от Исмаила мурзы послов, и к ним о послых великого государя, и о послани царя Дербыша касимовского и воевод великого государя для взятия Астрахани князь Юрья Ивановича сына Пронского Шемякина с товарищи, и о взятии Астрахани» (ГИМ, собр. Барсова, № 1841, л. 1).

С. входит в состав Степенной книги царского родословия, где оно вставлено в главу 15-ю семнадцатой степени под названием «О взятии Азтороханьскаго царствия». Текст С. из Степенной книги начинается предисловием, доказывающим, что землями, где располагалось Астраханское царство, «...от искони обладающе бяху русьстии государи от перваго великаго князя Рюрика, дани емлюще по Волге и до Хвалимьскаго моря и по Каме, тако же и Азторохань, иже преже зовом бе Тьмурохань». В центральной части С. излагается история взаимоотношений **Ивана IV** и астраханских царей, царевичей и князей, приводятся примеры дружбы и братства, обмена посольствами, а затем следует рассказ об измене царя Емгурчя (Ямгурчи), о победе над ним войск **Ивана IV** во главе с воеводой — князем **Юрием Шемякиным Пронским**, о бегстве Емгурчя в Тюмень и о воцарении в Астрахани «своего царя Дербыша» (служилого царя Дарвиш-Али).

Можно высказать предположение, что к составлению текста С., входящего в Степенную книгу и носящего все присущие этому официальному источнику идейно-стилистические черты, был причастен сам ее составитель, московский митрополит **Афанасий**, и что с этого текста, очевидно, начинается жизнь С. как самостоятельного памятника. Однако в целом литературная история С. не изучена и может послужить темой специального исследования. С. О. Шмидт, производивший сопоставление текста С. (с привлечением двух древнейших списков — Барсовского и Приянишковского) и летописных статей

за 1551—1554 гг. по двум летописям — Львовской и Никоновской, отмечал вторичность С. по отношению к летописным источникам, так как в С. пропущен «большой кусок текста» с последующим механическим соединением начала и конца предложений (с. 394). Несмотря на многочисленные дословные совпадения с летописными источниками, С. не является простым соединением летописных отрывков о событиях 1551—1554 гг., а представляет собой оригинальную переработку летописных известий, отличающуюся цельностью и последовательностью изложения и допускающую при этом некоторые пропуски и свои добавления.

Данные рукописных Сказаний нашли отражение у П. И. Рычкова (Введение к Астраханской топографии. . .), в «Путевых очерках» А. Ф. Писемского (Собр. соч. М., 1959. Т. 9), у П. Хлебникова (Астрахань в старые годы. Ч. 1. Вторая половина XVI в. СПб., 1906. С. V) и Е. П. Кановича.

Изд.: Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1 (переизд.: М., 1965); Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, ч. 2; Книга Степенная царского родословия / Изд. П. Г. Васенко // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 653—654 (переизд.: М., 1965).

Лит.: Рычков П. И. Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии и обитающих в ней народов, а во второй — о покорении сего царства под державу российских монархов. М., 1774. С. 46—76 (переизд. 2 части: Астраханский сборник / Изд. Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 27—41); Карнович Е. П. Покорение царства Астраханского // Астраханский сборник / Изд. Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 1—18; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 213—214; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1811; Кусков В. В. О некоторых особенностях стиля Степенной книги // Учен. зап. Уральского ун-та. 1959. Вып. 28 (Филологический). С. 259—292; Будо в и ц. Словарь. С. 293; Шмидт С. О. «Сказание о взятии Астрахани» в летописной традиции XVII—начала XVIII в. // Труды Московск. гос. историко-архивного ин-та. Т. 17. Вопросы источниковедения истории СССР. М., 1963. С. 393—398.

Н. Ф. Дробленкова, М. А. Салмина

Сказание о двенадцати пятницах — апокриф, известный А. Н. Веселовскому в двух редакциях — Элевферьевской (о прении Элевферия с Тарасием) и Климентовской (в которой апокриф атрибутируется святому Клименту). С. носит различные названия («Обретение о 12 пятницах святого Елферия», «Сказание Елеуферьево 12 пятниц» и др.), начальные слова обычно сходны: «В западной стране есть земля Лаура, в ней же град велик. . .» или: «В стране западней в граде некоем бе множество жидов. . .».

Наиболее распространена в Древней Руси Элевферьевская редакция. В ней рассказывается, как между христианином Елферием (Элевферием) и евреем Тарасием ведется диспут о вере. Сын Тарасия Малх в отсутствие отца поведал Елферию о символическом значении пятницы: в пятницу Адам преступил заповедь бога, в пятницу Каин убил Авеля, в пятницу был распят Христос, в пятницу погибли Содом и Гоморра и т. д. Вернувшийся Тарасий убивает сына и сам коп-

чает самоубийством. В разных версиях отдельные пятницы соотносятся с различными событиями священной истории. Климентовская редакция С. отразилась в духовных стихах (см.: Бессонов П. Калики переходящие: Сборник стихов и исследование. М., 1864. Ч. 2, вып. 6. С. 120—157). Согласно разысканиям А. Н. Веселовского, символическое значение пятницы отразилось в христианских апокрифических легендах разных народов — у французов, англичан, греков, немцев и т. д.

Изд.: [Порфирьев И. Я.] Почитание среды и пятницы в древнем русском народе // ПС. 1859, февр. С. 181—198; Тихонравов. Памятники. Т. 2. С. 323—338; Милићевич М. Ђ. Живот Срба сельака // Гласник српског ученог друштва. У Београду, 1867. Књ. 5. Св. 22. С. 90—93; Jagić V. Prilozi k historije književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. U Zagrebu, 1868. S. 55—57; Novaković St. Dvanaest petaka // Starine. U Zagrebu, 1872. T. 4. S. 24—28; Лавров П. А. Апокрифические тексты // СОРЯС. 1899. Т. 67. С. 107—110; Франко. Апокрифы. Т. 4. С. 81—88.

Лит.: Веселовский А. Опыты из истории развития христианской легенды. IV. Сказание о 12-ти пятницах // ЖМНП. 1876, июнь. С. 326—367.

М. А. Салмина

Сказание о Железных вратах — рассказ, записанный со слов русского путешественника, побывавшего в 1436—1447 гг. в Дербенте и Ширване (Ю. К. Бегунов), или отрывок из хождения неизвестного русского автора, возможно, находившегося в составе посольства (В. А. Кучкин). Ю. К. Бегунов обратил внимание на близость манеры повествования С. и Хождения *Василия гостя* 1465—1466 гг. и высказал предположение, что автором С. мог быть тот же купец.

В С. описаны укрепления Дербента, содержатся краткие сведения о его правителях и правителях соседних земель, о населении, природе и хозяйстве страны. Памятник, несмотря на свою краткость, представляет интерес как свидетельство знакомства русских с западным побережьем Каспийского моря уже в сер. XV в., ранее, чем эти земли были описаны в Хождении *Афанасия Никитина*. Другое описание Дербента, в Хождении купца Федора Котова в Персию. М., 1958), появилось лишь в 20-х гг. XVII в. Близости между С. и Хождением Котова не обнаруживается. С. сохранилось в двух списках: ГБЛ, собр. Тихонравова, № 537, XVII в. (по Ю. К. Бегунову) или 30-е гг. XVIII в. (по В. А. Кучкину) и ГПБ, собр. Колобова, № 509, XVII в.

Изд.: Бегунов Ю. К. Древнерусское описание Дербента и Ширвана // ГОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 126—131; Кучкин В. А. «Сказание о Железных вратах» // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 274—277.

Лит.: Кучкин В. А. Русский путешественник в Азербайджане в первой половине XV века // ВИ. 1965. № 3. С. 204—205; Бегунов Ю. К. Когда и кем было написано «Сказание о железных вратах» // Учен. зап. Азербайджанск. гос. ун-та. Сер. языка и литературы. 1966. № 3. С. 39—43; Штро В. А. Дербент и Железные ворота в древнерусской литературе // ГОДРЛ. Л., 1989. Т. 42.

М. А. Салмина

Сказание о иконе Богоматери Владимирской — рассказ о чудесах святыни Русского государства Владимирской иконы богородицы. Повествование открывается обширным торжественным вступлением, в котором кратко пересказываются основные события: «Месяца августа в 26 день. Повесть на сретение чудотворного образа пречистыя владычица наша богородица и приснодевы Мариа, его же написа богогласный евангелист Лука, самовидно зря на истинную богородицу при животе ея; и како божественная та икона бысть в Рустей земли: первое во граде Киеве и в Вышеграде, преславно в церкви на воздухе являясь, и како приде во град Владимирь, и отнеде же нарецаешся икона Владимирская, и ея же ради вины прииде в боголюбивый царствующий град Москву и паче надежда сугубо чудесно избавление нам содеа от нахождения безбожнаго и зловернаго царя Темир-Аксака; и о составлении монастыря, иде же сретоша той пречистый богородицы образ» (ГБЛ, Волок. собр., № 632, л. 226—265).

До нашего времени сохранилось более 50 списков произведения XVI—XIX вв., не считая С. в многочисленных списках Степенной книги, *Летописном своде Лицевом* и в некоторых других летописях. Относительно времени создания С. в исследованиях высказывались разные мнения. Так, С. К. Шамбинаго указал на сходство произведения с литературой XIV в., считая, что его автор был одновременно и создателем *Повести о Темир-Аксаке*. Н. И. Тотубалин, напротив, отметил поздний характер С. по сравнению с *Повестью о Темир-Аксаке*, но не пытался датировать произведение. В. П. Гребенюк, посвятивший С. несколько исследований, пришел к выводу, что оно было написано непосредственно для Лицевого свода *Ивана Грозного*, составленного в 1553, 1554—1560 гг. (Гребенюк В. П. Лицевое «Сказание. . .». С. 340, 342). Однако, по мнению Б. М. Клосса, работа над Лицевым сводом проходила позднее, в 1568—1576 гг. (Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 245—249, 265), а к этому времени С. уже было написано и читалось в Степенной книге, созданной, по мнению исследователей, в 1560—1563 гг., и в рукописных сборниках, датируемых по филиграням 50-ми гг. XVI в.: 1) ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, ф. 304, № 793, сборник 1-й трети XVI в.; листы, на которых помещен отрывок С. (6 об.—7 об.), написаны иным почерком, чем весь сборник, и датируются 1559 г.; 2) ГБЛ, Волок. собр., № 632, сборник житий святых 1540—1550-х гг.

Создавая большое компилятивное произведение, автор привлек к работе значительное количество источников, основными из которых стали: *Сказание о чудесах Владимирской иконы богородицы* XII в., *Повесть о Темир-Аксаке* в редакции *Летописи Никоновской* и рассказ о завоеваниях Тимура до похода на Русь, по-видимому, также из Никоновской летописи. Для необходимых дополнений и уточнений создатель С. использовал *Повесть о Темир-Аксаке* редакций А (типа *Летописи Софийской II*) и Б из *Летописного свода Московского великокняжеского кон. XV в.* Из летописных источников, подобных известиям Никоновской летописи и статьям, предшествующим

щим Комиссионному списку *Летописи Новгородской I* младнего извода, он черпал сведения, отсутствующие в главных источниках: о смерти Юрия Долгорукого, чуде и строительстве церквей в Боголюбове, подробностях строительства Успенского собора во Владимире и явлении Владимирской иконы великому князю Всеволоду за Суздалем. Из нелетописных источников (*Сказание о чудесах иконы Римляныни* и *Сказание о иконе богоматери Тихвинской*) автор составляет рассказ о чудесах и явлении на Тихвине Лидской иконы богоматери. В С. он также упоминает о создании Успенского собора Киево-Печерского монастыря, о покровительстве богородицы митрополиту *Петру* и *Сергию* Радонежскому.

Рассказы о чудесах богородичных икон имели большое публицистическое значение. Автор С. стремился подчеркнуть общегосударственную значимость культа Владимирской иконы, покровительствовавшей еще в XII в. Киеву и Владимиру, а с кон. XIV в. столице Русского государства — Москве. Мысль об особом покровительстве богородицы столице, об избранности Москвы среди других русских городов становится доминирующей в С. Сообщая о перенесении иконы Владимирской богоматери из Царьграда в Киев, а также сравнивая ее историю с историей «хождения» из Византии в Рим византийской святыни — Лидской иконы богоматери, впоследствии «поселившейся» на Руси, в районе Тихвина, автор С. развивает основное положение теории «Москва — третий Рим» — идею о византийском наследии.

Большинство списков произведения без изменений передают текст С. Степенной книги, но в рукописных сборниках встречается его расширенный вариант, в котором основной текст дополняется рассказом о «демократических» чудесах Владимирской иконы, заимствованным из Сказания XII в. (ГИМ, Синод. собр., № 555, сборник житий и похвальных слов, кон. XVI—1-я пол. XVII в., л. 864—889).

Обширный круг источников, использованных автором, мастерство их обработки, торжественность и эмоциональность стиля, общегосударственное значение выдвинутых идей указывают на образованность и незаурядные литературные способности создателя С. Не исключено, что автором его мог быть митрополит *Макарий* или составитель Степенной книги царский духовник, протопоп Благовещенского собора *Афанасий*.

Идейная направленность С. существенно повлияла на его жанр. По определению П. Г. Васенко, это торжественное Слово, читаемое в особо торжественные дни (В а с е н к о П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 228, примеч. 3). Но уже в XVI в. произведение переписывали в сборники для ежедневных чтений. История Владимирской иконы была переработана для статей кратких летописцев, она пересказывалась в известиях о чудесах богородичных икон, а миниатюры Лицевого свода стали образцами для росписей ярославских церквей и клеем икон Владимирской богоматери.

Лит.: Шамбинаго С. К. Исторические повести // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. Гл. 2, § 2. С. 220—222; Тютубалин Н. И. Повесть о Темир-Аксаке // Русские повести XV—XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1958. С. 378—385; Гребенюк В. П. 1) «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 185—206; 2) Лицевое «Сказание об иконе Владимирской богородицы» // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 338—363.

И. Л. Жучкова

Сказание о иконе Богородицы Иверской — предание, рассказывающее о происхождении одной из самых знаменитых святынь православного мира — чудотворной иконы божьей матери, находящейся в Иверском Афонском монастыре. Поскольку икона пребывает в храме при внутренних вратах этой обители, она называется еще Портантисса (Вратарница); день празднования ее — вторник Светлой седмицы. Согласно популярному в средние века апокрифу (он отразился в распространенной в древнерусской письменности статье — «*Воспоминание отчасти святыя горы Афонския, како наречена бысть Святая гора и коих вин ради тако прозвася*»), в «жребий» богородицы досталась именно Иверия, и это безусловно поддерживало славу чудотворной иконы Иверского монастыря. О появлении иконы на Афоне и сообщении С., известное в Древней Руси не менее чем в трех вариантах.

Первый из них, под заглавием «О святогорском монастыре, зовемем Иверской, в нем же церкви Успение пречистыя» (или «Повесть душеполезна о иконе пречистыя богородицы, како прииде из Иверского царства во Святую гору по воздуху божиим промыслом»; есть и др. варианты), местом первоначального пребывания иконы называет Трапезунд. Отсюда отрок, ставший после смерти своего отца — Иверского купца владельцем украшенной драгоценным окладом иконы, спускает ее на море, опасаясь покушений на эту семейную реликвию со стороны жадных родственников-опекунов. Далее следует рассказ о чудесном прибытии иконы на Афон и история пострижения там благочестивого отрока. Этот вариант С. появляется в рукописях XVI в. вместе с другими рассказами об афонских святынях (см., в частности, *Повесть о Ватопедском монастыре*): Государственный архив Ярославской области, № 1265; ГИМ, Чуд. собр., № 34 (в последней рукописи читается и «*Воспоминание отчасти. . .*»).

В нач. XVII в., наряду с «*Воспоминанием отчасти. . .*» и *Повестью о Ватопедском монастыре*, первый вариант С. (под заглавием «О иконе пресвятыя богородицы, ю же отрок пусти на море, она же прииде во Святую гору») попал в Троицкое собрание сочинений *Максима Грека* (перечень списков собрания см. в кн.: Синицын П. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 273—274; Буландин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 234—235), что дало повод А. И. Иванову ему и приписать данный текст. Между тем атрибуция С. Максиму Греку

не может быть признана достаточно убедительной. Против его авторства говорит и язык произведения, по определению А. И. Соболевского, «сбивающийся на русский», и тот факт, что в составе другой компилятивной статьи, надписанной именем Максима («Вопрошение известно от неких: почто от тридневнаго воскресения Христова до Фомины суботы не воздвизают пречистыя хлеба, токмо артус воздвизают, и глаголет диакон „Христос воскрес“ 3, и потребляют артус в Фомину суботу?»), читается иной вариант С. По-видимому, первый вариант был переведен в XVI в. в России, а может быть, записан со слов афонских монахов, часто в это время появлявшихся в Москве. В XVII—XIX вв. С. распространялось как в составе сборников разнообразного состава (причем часто оно соседствует с другими произведениями афонской и грузинской тематики, в том числе с *Повестью о царице Динаре* — ГИМ, собр. Уварова, № 138), так и в собраниях сочинений Максима Грека, зависящих от Троицкого (Поморское, Большаковское, перечень списков см. в кн.: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. С. 239—249). Оно пересказано в кн.: Слава пресвятыя владычицы нашей богородицы и приснодевы Марии. М., 1853. Ч. 2. С. 172—175; напечатано в работе С. О. Шмидта.

Согласно второму варианту С., Иверская икона происходит из города Фазиса («Фасье»), причем она сама покинула город и переехала на Святую гору, прежде чем Фазис «за людское согрешение потонул». Этот вариант, наиболее краткий, читается в составе надписанной именем Максима Грека статьи «Вопрошение известно от неких. . .». В полном виде статья входит в один лишь сборник сочинений Максима 1660 г. — ГПБ, Солов. собр., № 495/514, по которому она и была опубликована в Казанском издании произведений писателя (перепечатана Порфирием Успенским). «Вопрошение. . .» состоит здесь из трех самостоятельных частей: рассуждения об артосе с рассказом о посещении богородицей Афона и Кипра, второго варианта С. и особого варианта Повести о Ватопедском монастыре. Поскольку первая часть статьи почти дословно воспроизводит послание *Нила, епископа Тверского*, возникают серьезные сомнения в принадлежности Максиму Греку и двух остальных частей. Эти сомнения усиливаются, если учесть, что еще в двух сборниках сочинений Максима (собрание Архивное 2, перечень списков см. в кн.: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. С. 236—238) «Вопрошение. . .» ограничивается первой частью. В. Г. Брюсова без достаточных оснований атрибутирует все три части «Вопрошения. . .» тверскому епископу Нилу (Брюсова В. Г. Тверской епископ грек Нил и его Послание князю Георгию Ивановичу // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 185). Другие списки второго варианта, кроме сборника Максима Грека 1660 г., неизвестны.

Третий вариант С., считаемый историками церкви наиболее близким к истине и известный по грузинским и греческим источникам, появился в древнерусской письменности позднее других — уже после основания Никоном Иверского Валдайского монастыря (1653 г.) и водворения там копии с афонской чудотворной иконы

(1656 г.). Перевод этого варианта был напечатан в книге «Рай мысленный», которую выпустила в 1658—1659 гг. привезенная в Валдай из Кутейно типография и которая должна была утвердить мысль о преемственности новоучрежденной новгородской обители по отношению к афонским монастырям (см. *Рай III*). Переводчиком третьего варианта, по-видимому, был Стефан Святогорец — как полагают, болгарин, подвизавшийся на Афоне после взятия Константинополя турками в 1453 г.: Порфирий [Успенский]. История Афона. Ч. 2. Афон христианский, мирский. Киев, 1877. С. 8. Филарет (Обзор. С. 196) неосновательно считал автором этого варианта Мелетия Сирига; рукопись библиотеки Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим), на которую он ссылается, содержит список «Рая мысленного»: Леонид, архимандрит. Описание славяно-русских рукописей книгохранилища ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря и заметки о старопечатных церковно-славянских книгах того же книгохранилища // *ЧОИДР*. 1871. Кн. 1. С. 52.

Вариант С. из «Рая мысленного» значительно отличается от двух предыдущих не только деталями в рассказе о прибытии иконы на Афон, но и сведениями о первоначальной истории святыни. Согласно этому варианту, Иверская икона принадлежала благочестивой вдове, жившей близ Никеи; на море она пустила реликвию, устрася угроз посланников императора-иконоборца Феофила (829—842 гг.). Отголоски этого варианта известны были на Руси еще до выхода в свет «Рая мысленного», по-видимому, после 1648 г., когда в Москву привезли копию чудотворной иконы. Во всяком случае, Павел Алеппский, путешествовавший по России в 1655—1656 гг., пересказывает основную событийную канву легенды, контаминируя первый и третий варианты С. (Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса. Вып. 4 // *ЧОИДР*. 1898. Кн. 4. С. 54—56). По «Раю мысленному» С. пересказал на западнорусском наречии Иоанникий Галятровский в своей книге «Небо Новое»; здесь текст разделен на 17 чудес, в начале добавлено предание о посещении богородицей Афона, а в конце — рассказ о доставке копии Иверской иконы в Россию, восходящие к другим статьям все того же «Рая мысленного». Третий вариант С. оказался наиболее жизнестойким: он распространялся и в списках с «Рая мысленного» (см., например, ГПБ, Солов. собр., № 990/1099), он лежит и в основе многочисленных популярных рассказов о чудотворной иконе, печатавшихся в XIX—XX вв.

Изд.: Рай мысленный. Иверский мон., 1658—1659. Л. 35—48; Иоанникий Галятровский. Небо Новое. Львов, 1665. Л. 101 об.—107; Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862. Ч. 3. С. 112—113; Порфирий [Успенский]. История Афона. Ч. 3. Афон монашеский. СПб., 1892. Отд. 2. С. 455; Шмидт С. О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 355—363.

Лит.: Т [олстой] М. Сказание о чудотворной иконе божией матери, почерпнутое из достоверных источников. М., 1843; Вл. Дм. Сказание об Иверской

чудотворной иконе божией матери, что на Афонской горе. СПб., 1857; Сказание о чудотворной Иверской иконе божией матери // Московские епархиальные ведомости. 1869. № 20. Часть неофиц. С. 4—11; Лео н и д, архимандрит. Спорный вопрос о месте нахождения первоначальной копии с афонской иконы Иверской богородицы // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1875. № 6—10. С. 75—80; П о р ф и р и й [У с п е н с к и й]. 1) Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 году. Киев, 1877. Ч. 1, отд. 2. С. 159—171; 2) Новое слово об Афоноиверской иконе богородицы // ЧОЛДП. 1879, март. С. 380—386 (то же в кн.: П о р ф и р и й [У с п е н с к и й]. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты. Ч. 2, отд. 2. 1846 год. М., 1880. С. 255—262); Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе божией матери, принесенной в Россию в 1648 году. М., 1879; С е р г и й [С п а с с к и й]. 1) Иверская святая чудотворная икона богородицы на Афоне и списки ее в России. М., 1879; 2) Иверская икона божией матери на Афоне // ЧОЛДП. 1880, июнь. С. 646—658; Царский, патриарший, ставропигиальный престольный и священный монастырь Иверской богородицы-Портаитиссы, на св. горе Афонской и зависимый от него Московский Николаевский греческий монастырь. Сказание об иконе божией матери Иверской-Портаитиссы. М., 1894; Вышний покров над Афоном, или Сказание о святых чудотворных на Афоне прославившихся иконах. 9-е изд., испр. и доп. М., 1902. С. 24—34; Чудотворная Иверская икона богородицы на Афоне и ее чудотворные списки в Москве. 2-е изд. М., 1902; С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 331—332; М е р в л ю к и н А. Краткая история явленной первоначальной Иверской иконы пресвятой богородицы, что на Афоне // Журнал Московской патриархии. 1957. № 10. С. 10—12; Б у д о в н и ц. Словарь. С. 300; И в а н о в А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. № 278. С. 177—178; № 327. С. 196—197; K r e t z e n b a c h e r L. Das verletzte Kultbild. München, 1977. S. 89—90; Православный церковный календарь за 1979 г. / Изд. Московской патриархии. С. 57.

Д. М. Буланин

Сказание о иконе **Б**огородицы Тихвинской — легенда кон. XV—XVI вв. о чудесных обстоятельствах появления и перемещения иконы сначала над рекою Оятью около селения Выченицы, затем в местности Кожел над Куковой горой, наконец, над рекою на Тихвине, о возникновении культа ее и создании в связи с этим церкви Успения богородицы в Тихвине.

С. сохранилось в большом числе списков с различиями в передаче деталей и с добавлениями новых известий, связанных с дальнейшим развитием культа иконы. Начатое В. М. Кириллиным текстологическое изучение С. позволило ему сделать ряд наблюдений, особенно важных для установления ранних этапов истории этого произведения. В. М. Кириллин определил наличие восьми редакций С. (условно названных им А, Б, В и т. д.), основой которых является текст местной тихвинской легенды, записанной в кон. XV в. Наиболее близкой к этой первоначальной записи является редакция А, известная исследователю по четырем спискам. К числу этих списков следует добавить еще один — в рукописи XVI в. Гос. архива Костромской области, № 214 (225) (Б о ч к о в В. Н. Коллекция рукописей Гос. архива Костромской области. Кострома, 1964. С. 38). В этой рукописи имеются статьи, связанные своим происхождением с новгородским литературным кружком архиепископа Геннадия (Послание *Дмитрия Траханиота* архиепископу Геннадию, *Списки отреченных книг*). Не говорит ли это о том, что первая литературная обработка тихвинской легенды осуществлена была в среде книж-

ников из круга архиепископа Геннадия? В списке С. редакции А (рук. ГБЛ, Волок. собр., № 414) имеется сообщение о том, что третий храм Успения богородицы, построенный на месте явления иконы, простоял 105 лет. Поставленную в конце этого списка дату — 7007 (1499) г., по мнению В. М. Кириллина, можно считать временем создания архетипа С. Редакция В тоже содержит датирующие сведения. Она заканчивается известием о том, что в 1507 г. при новгородском архиепископе *Серапионе* на месте сгоревшей деревянной была заложена новая, кирпичная церковь. Списки этой редакции переписываются вслед за Повестью о Лоретской богородице, создание которой относится к 1528 г. и приписывается *Еремею Трусову*. В. М. Кириллин эту редакцию предположительно датирует 10-ми гг. XVI в. Автор С. редакции В стремился к абстрагированию в передаче конкретных деталей, к усилению назидательности и приближению изложения к традициям жанра о явлении икон. Редакция В издана в «Русском архиве».

Созданное на рубеже XV—XVI вв. и получившее широкое распространение С. никогда не служило целям противопоставления чисто местных проновгородских тенденций общегосударственным, что подтверждается конкретными фактами бытования его. Прежде всего, С. начиная с наиболее ранней редакции, помимо Новгорода, оказалось популярным в 20—30-х гг., в иосифлянском мире, о чем свидетельствуют сохранившиеся рукописи. Кроме того, текст С. редакции В в сокращенном виде был включен под 1383 г. в такие официальные *Летописи*, как *Воскресенская* (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 48) и *Никоновская* (ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 83). Правда, путь С. в Никоновскую летопись оказался сложным, его поместили среди летописных статей только уже во 2-й пол. XVI в. при создании *Летописного свода Лицевого*. Однако и первоначально, при подготовке материалов для Никоновской летописи, С. было учтено. Оно в полном виде было переписано в сборнике ГБЛ, Волок. собр., № 659 среди других статей новгородского происхождения. Составителем этого сборника был Фома Шмойлов, один из основных писцов оригинала Никоновской летописи (К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 82—83). Причиной, помешавшей включению С. в Никоновскую летопись, послужило неприязненное отношение иосифлян и митрополита *Данила*, главного редактора Никоновской летописи, к архиепископу Серапиону, упоминанием которого заканчивается редакция В. Появление редакции В, вероятно, объясняется покровительством Серапиона культу иконы Тихвинской богородицы. Дело в том, что непосредственное участие Серапиона в закладке первой каменной церкви на Тихвине зафиксировано в *Летописи Новгородской IV* (ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 612). В текст редакции В вносится конкретная дата — 1395 г., отмечающая постройку после пожара третьей деревянной церкви. Это стремление придать С. историческую конкретность было продолжено при включении его в летопись. В уже упомянутом сборнике из Волоколамского собр., № 659 текст С. без заглавия начинается как летописная статья:

«В лето 6891 во дни благочестиваго великаго князя Дмитрия Ивановича и святейшаго митрополита Пимена при архиепископе Алексии Великаго Новаграда явилася икона пречистыя образ Одигитрии. . .». Под 1383 (6891) г. и помещено С. как в Воскресенской, так и в Никоновской летописях. Объясняя выбор летописцами даты 6891 г., нужно учитывать характерный для Руси 2-й пол. XIV в. интерес к иконам Одигитрии, что отмечено в статье И. А. Ивановой «Летописные сведения. . .» (С. 242—243).

В большом числе списков дошла редакция В, в которой содержится известие, заимствованное, видимо, из летописи, о посещении Тихвина *Василием III*. В дальнейшем, на протяжении XVI—XVII вв., С. неоднократно перерабатывалось и дополнялось; на основании его возникли новые произведения (Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г., Сказание о чудесах иконы Тихвинской богородицы, написанное Иродионом Сергеевым).

Изд.: Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 15—16.

Лит.: Буслаяев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 276—280; Строев. Словарь. С. 353; Иванова И. А. 1) Икона Тихвинской Богородицы и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богородицы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 419—436; 2) Летописные сведения об иконе «Богородица Тихвинская» // Там же. Л., 1969. Т. 24. С. 242—244; Криллин В. М. Текстологический анализ ранних редакций «Сказания о Тихвинской Одигитрии» // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 129—143.

Р. П. Дмитриева

Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских — севернорусское житие, представленное четырьмя редакциями, создававшимися в XVI—XVII вв. В редакции С., написанной Сергием Шелониным, читаем: «Обычай есть в Примории живущим человеком от моря утопших человек взимати телеса и земли предавати погребению, дабы зверие не растерзали и птицы небесные не расторгали». Могилы эти, по-видимому, пользовались у населения поморских сел культовым почитанием. В одних случаях местные власти уничтожали их (см.: Максимов С. Год на Севере. Белое море и его побережья. СПб., 1859. С. 172—173), в других же официальная церковь вынуждена была считаться с интересами местных жителей и идти на компромисс, объявляя останки погребенных в этих могилах людей мощами святых и официально канонизируя их. С. — яркий образец севернорусского жития такого рода. В нескольких километрах от беломорского села Яренги (на Летнем берегу Белого моря в Двинской губе) находилась могила неизвестного человека, погибшего на море и захороненного местными жителями. Погребение это пользовалось местным почитанием, и священник Никольской церкви в Яренге Варлаам (он же выполнял роль приказчика в Яренге от Соловецкого монастыря) решил придать этому почитанию официально-церковный характер (не подлежит сомнению, что он действовал с согласия Соловецкого монастыря). В 1544 г. Варлаам перенес останки из безымянной могилы в яренгскую церковь. Скорее всего в том же 1544 г.

Варлаам составил запись об открытии и перенесении останков покойника, объявленных мощами святого. Здесь же приводились рассказы местных жителей о чудесах, якобы совершенных этим святым. Когда в 1625 г. для официальной канонизации Иоанна и Логгина собирались о них свидетельские показания от местных жителей, то, в частности, крестьяне Яренги говорили: «А о явлении и о чудесах писал дьяк наш, игумен Варлаам, а о том пишет в тетратех, в первом зачале и во втором». Текст этих тетрадей Варлаама сохранился в составе первой редакции С. как начальная часть произведения: в нескольких списках этой редакции С. первые эпизоды включают в свой заголовок слово «зачало» («Зачало 2-е. Како жену порину сила невидимая»), которое не встречается в других произведениях агиографии и не употребляется в последующих эпизодах С. Рассказ свой Варлаам начинает со слов о том, что «во дни» самодержавства *Ивана Грозного* и митрополитства *Макария* некоей жительнице Яренги «Акилине именем», страдавшей от тяжелой болезни, в сонном видении явился старец. Он объявил свое имя — Иван и сказал, что если больная свершит паломничество к его могиле, то выздоровеет. Кроме того Иван говорит Акилине: «Жено, повеждь отцу своему духовному, никольскому игумену Варлааму, чтобы взял мощи мои привезл в Яреньгу к Николе чудотворцу». Рассказав, как были открыты и перенесены в Яренгу мощи Иоанна, Варлаам сообщает, что при этом исцелились еще три женщины, а «старожилы Семен Подлешей, да Козма пореклом Тонкой, да Иван Суровец» поведали, что они нашли этого Иоанна 25 лет тому назад на льду у берега моря и похоронили его. Вслед за этим Варлаам передает рассказ другой жительницы Яренги, которая поведала ему, что еще до перенесения мощей Иоанна она, оказавшись как-то около его могилы, хотела сесть на нее, но была отброшена неведомой силой, о чем «срама ради» раньше никому не рассказывала. Следующий эпизод — рассказ об исцелении с помощью Иоанна и Логгина (о котором пока еще ничего не сообщалось) жителя Двины, случай этот датируется в рассказе 1594 г. Следует полагать, что первоначальная повесть Варлаама, оставленная им в тетрадах при Никольской церкви, постепенно стала пополняться новыми рассказами. Одни из них ведутся от первого лица — как рассказ самого героя эпизода о том, что с ним случилось; другие представляют собой запись со слов рассказчика; третьи — описание какого-то случая, свидетелем которого был сам писавший (в одном из таких рассказов автор, назвав свое имя — Мартиниан, в конце пишет: «Аз же се написах просто берною рукою без украшения. . .»); рассказ о том, как была написана икона Иоанна в 1607 г. иноком Соловецкого монастыря Феодоритом, — копия с письма, присланного из Соловков вместе с иконой: «Список з грамотки слово в слово. Писал Соловецкого монастыря дворник». Среди этих рассказов (девятым по счету) помещен рассказ и об обретении мощей Логгина. Рассказ этот явно свидетельствует о том, что проявление и обретение мощей Логгина восходит к рассказу об Иоанне Варлаама. Видимо, жители села Уна захотели иметь такого же своего святого, как в Яренге (в истории с Логгином

не последнюю роль играет священник села Уна). Сначала над могилой Логгина ставят крест, а затем останки его переносят к той же Никольской церкви в Яренгу. Рассказы об Иоанне и Логгине, собранные вместе, составляют текст первой редакции С.: «В лето 7052-е (1544) явление бысть святых чудотворцев яренских Иоанна и Логгина»; «В лето 7052-е. Како явися на Летней стороне у моря акияна святой чудотворец Иоанн в месте, зовомом Яренга. Како избави жену от расслабления, Акилину именем» (в заглавии некоторых списков имеется ошибка в дате: вместо 7052—7082 г., т. е. 1574). Всего в этом тексте 14 рассказов. Последний датируется 20-ми гг. XVII в. Все они отличаются непосредственностью, живыми, близкими к разговорной речи интонациями. В отдельных случаях это краткая, почти документальная справка, но по преимуществу — краткие сюжетные эпизоды с отдельными красочными деталями. Популярность Иоанна и Логгина среди беломорского населения была столь значительной, что в 1624 г. встал вопрос об их официальной канонизации. В 1625 г. на основании челобитной старца Ильи Телова из Яренги по указу патриарха Филарета в Яренге и других селах этой местности проводился сбор свидетельских показаний об Иоанне и Логгине от местных жителей (копии со всех официальных документов и с расспросных речей, собранных комиссией, помещены в Соловецком сборнике 2-й пол. XVIII в.: ГПБ, Солов. собр., № 182/182; здесь помещены и тексты разных редакций С.). Рассказы, записанные со слов крестьян Яренги и других деревень Беломорья, близки по характеру изложения и по языку к тем рассказам, которые составляют содержание первой редакции С. Иоанн и Логгин были канонизированы официально, и в 1638 г. состоялось торжественное перенесение их мощей из старой Никольской церкви во вновь созданный в Яренге храм Зосимы и Савватия Соловецких. Возглавлял эту церемонию игумен Соловецкого монастыря Варфоломей. Входивший в свиту Варфоломея инок Соловецкого монастыря Сергей Шелонин подробно описал всю церемонию как очевидец и участник ее. Описание это, без имени автора, помещено в уже упоминавшемся Соловецком сборнике № 182/182. Позже Сергей написал свою редакцию С. («Сергия смиренного инока и презвитера обители Пантократоровы супаго понта окияна на полунощной стране, иже на Соловецком отоце. Сказание о чудесах святых праведных Иоанна и Логгина, новоявленных яренских чудотворцев»), в которую включил и это свое описание. Сергей, в сущности, пишет новое произведение, переработав первую редакцию и композиционно, и стилистически; у него много новых добавлений (в частности, он использовал расспросные речи), ряд эпизодов первой редакции был им опущен. Основную задачу своего труда Сергей определил сам во вступлении к С.: «Сих святых повести о чудесах обретох на харатях написано навеждами простою беседоу, не презрех же сие не украшено оставити». На основе Сергиевой редакции С. была составлена третья редакция произведения — «Сказание о проявлении, и о обретении, и о чудесах, и о пренесении мощей святых и чудеса нечислетна и недоумеваема». Общий характер переработки текста Сер-

гия в третьей редакции можно охарактеризовать как стремление упростить текст, сделать его более подходящим для служебного употребления. В свою очередь, третья редакция также подверглась дальнейшей переработке: созданная на ее основе четвертая редакция С. представляет собой значительное сокращение третьей редакции за счет исключения некоторых эпизодов и не относящихся к церковно-религиозному прославлению святых отступлений, которые еще сохранялись из текста Сергия в третьей редакции. В некоторых поздних источниках говорится, что Иоанн и Логгин — иноки Соловецкого монастыря. Это поздние домыслы, долженствующие придать ореол большей святости Иоанну и Логгину. С. остается неизданным.

Лит.: Некрасов И. Зарождение национальной литературы в северной Руси. Одесса, 1870. С. 57—61; Ключевский И. Древнерусские жития. С. 326; Яхонтов И. Жития севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 159—182; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 258—259; Никодим. Верное и краткое исчисление, сколь можно было собрать, преподобных отец соловецких, в посте и добродетельных подвигах просиявших, которые известны по описаниям, и исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1900. С. 16, 120—124; Белов М. И. Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 237—238; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 213—234, 289—290.

Л. А. Дмитриев

Сказание о Китоврасе см. *Апокрифы и Соломоне.*

Сказание о князьях владимирских — литературно-публицистический памятник XVI в., использовавшийся в политической борьбе за укрепление авторитета великокняжеской, а затем царской власти. В основе С. лежит легенда о происхождении русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который, с одной стороны, состоял в родстве с Августом, с другой же — якобы был родственником Рюрика. Вторая легенда, входящая в С., повествует о приобретении *Владимиром Мономахом* царских регалий от византийского императора Константина Мономаха. Время появления этих легенд не установлено, и о существовании их до нач. XVI в. ничего неизвестно. В 10-х гг. XVI в. (во всяком случае до 1523 г.) легенды были соединены в церковно-публицистическом Послании *Спиридона—Саввы*. На основании Послания примерно в это же время (не позднее 1527 г.) была составлена 1-я редакция С. Авторы С. преследовали цель создать произведение, которое могло быть использовано в политической практике Русского государства. Идеи С. были использованы в дипломатических спорах при *Василии III* и *Иване IV*. Легенда о происхождении русских великих князей от Августа была использована составителями *Летописи Воскресенской*, позднее была помещена как вступительная статья к Государеву родословцу 1555 г., включена в Степенную книгу. Текст С. был вновь переработан в связи с подготовкой венчания на царство Ивана IV, в результате чего появилась 2-я редакция. Рассказ

о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий был помещен как вступительная статья к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г.

Имя автора С. до нас не дошло. Однако в научной литературе высказано несколько предположений о возможном авторе этого произведения. Догадки об авторе определяются временем, которым исследователи датируют С. И. Жданов относил его к кон. XV в., считая, что Спиридон—Савва для своего Послания воспользовался уже существовавшим текстом С. По мнению И. Жданова, в кон. XV в. автором такого произведения скорее всего мог быть *Пахомий Серб*, который много трудился по заказу московского правительства (Жданов И. Повесть. . . С. 111—112). А. А. Зимин тоже считает, что С. было создано в кон. XV в., но появление его связывает с конкретными политическими обстоятельствами — организацией торжественного венчания *Иваном III* своего внука Дмитрия (1498 г.). А. А. Зимин не называет никакого определенного лица как возможного автора, но и не считает создателем С. Пахомия Серба. В последнее время А. А. Гольдберг высказал новую догадку об авторе первоначальной редакции С., которая, как он считает, до нас не дошла и была написана в кон. 1510—нач. 1520-х гг. Этим автором, по его мнению, мог быть *Дмитрий Герасимов*, литературно образованный и занимавшийся переводческой деятельностью русский дипломат, «способный воплотить в конкретной форме новые историко-политические идеи, сложившиеся в московских правящих кругах» (Гольдберг А. Л. К истории. . . С. 211). Как в случае с Пахомием Сербом, так и с Дмитрием Герасимовым нельзя признать высказанную догадку за установленный факт, который был бы серьезно аргументирован. Безусловно одно: С. было создано в среде, тесно связанной с великокняжеской властью, если и не непосредственно, то через какое-то высокопоставленное лицо. Впервые легенды по тексту С. были использованы как официальная версия в Воскресенской летописи. Изучение обстоятельств создания этой летописи поможет в выявлении литературного круга, где было написано С.

Изд.: Жданов И. Повесть о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских» // И. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 62—150; Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 171—213.

Лит.: Зимин А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 128—138; Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 204—216; Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Там же. С. 217—230.

Р. П. Дмитриева

Сказание о Мамаевом побоище — памятник Куликовского цикла, наряду с «*Задонщиной*», краткой и пространной летописной *Повестью о Куликовской битве*. Из всех произведений цикла С. — самый подробный и сюжетно-увлекательный рассказ о битве на Кулико-

вом поле в 1380 г. С. сообщает целый ряд подробностей как о подготовке к Куликовской битве, так и о самом сражении, не зафиксированных другими источниками. Так, например, только в С. обстоятельно рассказано о действиях засадного полка серпуховского князя Владимира Андреевича, которые решили исход боя в пользу великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского, только в С. перечисляются купцы-сурожане, отправившиеся вместе с московским войском на поле Куликово, только в С. приводятся подробные данные об «уряжении» (расстановке, дислокации) полков во время подготовки к сражению и в ходе битвы, и т. п.

С. дошло до нас в очень большом числе списков. Все они делятся на 8 редакций, которые, в свою очередь, подразделяются на целый ряд вариантов. Характерной чертой списков С. является обилие различий. Впервые тексты С. на редакции разделил С. К. Шамбинаго, пересмотр его классификации редакций, уточнение их соотношений было проделано Л. А. Дмитриевым. Наиболее близка к первоначальному тексту С. — Основная (по классификации С. К. Шамбинаго — третья) редакция («Начало повести, како дарова бог победу государю великому князю Дмитрею Ивановичю за Даном над поганым Мамаем, и молением пречистыа богородица и русьских чудотворцев православное христианство — Русскую землю бог възвыси, а безбожных агарян посрами»). Следующая по старшинству редакция — Летописная (по С. К. Шамбинаго — вторая), она включена в состав *Летописи Вологодско-Пермской* («Побойще великому князю Дмитрею Ивановичу на Дону с Мамаем»). К старшим редакциям С. также относятся: Киприановская (первая, по С. К. Шамбинаго), она входит в состав *Летописи Никоновской* («Повесть полезна бывшего чудеси, егда помощию божиею и пречистыа его матери богородицы, и угодника их святаго чудотворца Петра митрополита всеа Руси, и преподобнаго игумена Сергия чудотворца, и всех святых молитвами князь велики Дмитрей Иванович з братом своим, иже из двоюродных, с князем Володимером Андреевичем и со всеми князи русскими, на Дону посрами и прогна Воложскна Орды гордаго князя Мамая и всю орду его со всею силою их нечестивою изби»), и Распространенная (по С. К. Шамбинаго — четвертая; озаглавлена: «В лето 6889. Сказание о Донском бою, похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его Володимеру Андреевичу»). Поздние редакции С. датируются XVII в.; это: С. в «Летописце» князя И. Ф. Хворостинина (ГИМ, собр. Уварова, № 116 (1386), XVII в.; озаглавлена: «Преславная победа за Доном благовернаго великаго князя Дмитрея Ивановича Московскаго и о страшном побоище смертном с поганым ординским царем Мамаем, и сказание о восточном царе Мамае, и о приходе ево, как он воздвигся на христианскую веру, и похвала великому князю Дмитрею Ивановичю Донскому всеа Руси, как он ево победил со всем его тмочисленным з бусурманским воинством и не дасть ему воевати Руския земли»); редакция Феодосия Сафоновича (по С. К. Шамбинаго — западнорусская переработка С.; озаглавлена: «Книга о побоище Мамая, царя татарского, от князя владимир-

ского и московского Димитрия»); редакция «Синописа» и редакция, представляющая собой соединение текста редакции «Синописа» с текстом Основной редакции.

Основная редакция С. представлена наибольшим количеством вариантов. Два из них должны быть выделены особо, так как их можно признать наиболее близкими к первоначальному тексту С. и, кроме того, к ним восходят все другие варианты Основной редакции. Это варианты *О* и *У*: к варианту *О* относятся те списки, в основу которых может быть положен самый ранний список С. — ГПБ, О.IV.22 (нач.—1-я пол. XVI в.), к варианту *У* — те списки, которые по основным признакам близки к списку Основной редакции ГБЛ, собр. Ундольского, № 578 (XVI в.). Самое существенное отличие варианта *У* от варианта *О* в окончании произведения: в *У* — это подробное описание движения русских войск с Куликова поля в Москву. Оно представляет собой данное в обратной последовательности описание движения войск великого князя Московского из Москвы к Дону, которое читается в обоих вариантах. О позднем (вторичном) характере окончания в *У* свидетельствуют текстуальные повторения таких оборотов из описания похода войск на поле битвы, которые никак не подходят к рассказу о возвращении войска с поля брани. Помимо этого отличия варианта *У* от варианта *О* есть ряд более мелких различий (в *У* говорится, что решение о посылке из Москвы первой «сторожи» — разведывательного отряда — было принято на пиру у воеводы Николая Васильевича Вельяминова, в плаче великой княгини сказано, сколько русских было убито на Калке, и др.). Вариант *У* происходит не от варианта *О*, а оба варианта восходят к общему протографу, который получил наиболее близкое отражение в списке С. ГПБ, О.IV.22. Но и в этом списке могут быть отмечены и более поздние изменения в тексте, и сокращения первоначального текста (в частности, в окончании этого списка есть небольшая вставка из пространной летописной повести, посящая механический характер).

Кроме вариантов *О* и *У* в Основную редакцию входят варианты Печатный, Забелинский, Михайловский. Главное отличие Печатного варианта (вариант назван «Печатным» С. К. Шамбинаго, так как по одному из списков этого варианта текст С. был впервые издан в XIX в.; заглавие: «Ведай сие поведение и сказание о побоище великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго») — многочисленность вставок из «Задонщины» и особого вида окончание: к заимствованным из «Задонщины» словам о богатой добыче русских войск прибавлена фраза: «Того ради воздадим хвалу земли Руской! Которыя град глава всем градом? Был Володимер и Ростов, ныне же глава всем градом — славный град Москва!» (список ГПБ, Q.XV.70). Забелинский вариант С. (основной список — Новгородская Забелинская летопись XVII в., ГИМ, собр. Забелина, № 261) содержит сводный текст: заглавие и начало заимствованы из пространной летописной повести о Куликовской битве, внутри текста механическая вставка из С. в редакции «Синописа». Большой самостоятельный эпизод этого варианта — рассказ о том, как в Москве узнают о на-

шествии Мамаю; кроме того, в этом варианте (по ряду признаков он совпадает то с вариантом *О*, то с вариантом *У*) содержится особого вида рассказ об Ольгердовичах (сыновьях литовского князя Ольгерда Андрея и Дмитрия — союзниках Дмитрия Донского). Вставные эпизоды и переработки этого варианта — позднего характера. Наиболее яркой особенностью Забелинского варианта, отражающей либо ранние сведения, либо поздние домыслы, является перечисление людей, видевших князя во время боя: «...реша ему первый самовидец Юрка сапожник...», второй самовидец Васюк Сухоборец...», третий же рече Сенька Быков...», четвертый же рече Гридя Хрулец». Вариант Михайловского (основной список — ГПБ, собр. Михайловского, Q. 509, XVIII в.; озаглавлен: «Сказание о Задонском бою великаго князя Дмитрия Ивановича з безбожным царем Мамаем») отличается последовательным сокращением церковно-риторических пассажей, риторических авторских отступлений, молитв. Вместе с тем в этот вариант включаются некоторые подробности, придающие повествованию большую сюжетность. Сравнительный текстологический анализ свидетельствует о позднем характере этих особенностей данного варианта. Необходимо отметить, что целый ряд списков Основной редакции С., которые по ключевым признакам относятся к тому или иному из названных выше вариантов, отличаются либо индивидуальными особенностями, либо такими чертами, которые сближаются с другими вариантами.

Текст Летописной редакции С. по сюжетному развитию близок к варианту *О* Основной редакции. Но здесь проведена последовательная переработка по пространной летописной повести взятого за основу текста С. Летописная редакция датируется кон. XV—нач. XVI в.: к этому времени относится составление Вологодско-Пермской летописи, в первоначальную редакцию которой С. было включено, о чем свидетельствует Лондонский список этой летописи.

Киприановская редакция С. была создана между 1526—1530 гг. митрополитом *Даниилом*, составителем Никоновской летописи. В этой редакции С. подчеркивается большая роль, которую якобы сыграл в событиях 1380 г. митрополит *Киприан*. Киприановская редакция С. носит особо ярко выраженный церковно-религиозный характер. Даниил, создавая свою редакцию С., за основу взял вариант *У* Основной редакции (это видно и на больших отрывках текста, нашло отражение и в отдельных специфических оборотах и словосочетаниях); кроме того, в качестве второго основного источника им была широко использована пространная летописная повесть о Куликовской битве. Даниил последовательно сокращает текст своего основного источника. Вместе с тем он вставляет большой рассказ об истории поставления на митрополичий стол Киприана. В некоторых деталях и подробностях исторического характера Киприановская редакция сообщает сведения, о которых в других памятниках Куликовского цикла не говорится. Видимо, митрополит Даниил использовал и не дошедшие до нас источники, связанные с Куликовской битвой.

Распространенная редакция С., что видно уже из ее названия, отличается от других редакций наличием в ней новых эпизодов и расширением за счет всякого рода подробностей эпизодов, общих для всех редакций. Самые существенные вставки Распространенной редакции — рассказы о посольстве Захария Тютчева к Мамаю и о помощи московскому князю новгородцев. Скорее всего в основе этих рассказов Распространенной редакции лежат устные эпические предания. Установить время возникновения Распространенной редакции С. на основе имеющихся данных весьма трудно. Бесспорно можно утверждать, что она была составлена не позже нач. XVII в., так как один из списков ее находится в конце так называемого Тверского сборника (ГПБ, собр. Погодина, № 1414), который датируется нач. XVII в.

Редакция летописца Хворостинина отличается присущими только ей вставками целого ряда подробностей явно позднего, часто фантастического характера, включением новых эпизодов, вымышленных автором редакции (здесь, например, рассказывается, что Дмитрий Иванович по пути на Куликово поле заходил с войсками в Рязань и уговаривал рязанского князя Олега идти вместе с ним на Мамая). Лексика и фразеология этой редакции насыщена многочисленными заимствованиями из устного народного творчества («... и как будет пир на веселе...», «Конь под ним аки змей», «Братия моя милая, хто стар человек — тот буди мне второй отец...» и т. п.).

Редакция Феодосия Сафоновича представляет собой последовательное сильное сокращение Основной редакции С. Лексика переработки отличается обилием полонизмов. Первая глава этой редакции — «Повесть о царех татарских, як довго над Русью пановали и о пришествии Мамаевом в Рускую землю на великого князя Дмитрия» — единственный оригинальный отрывок текста. В нем кратко освещается история монголо-татарского нашествия на Русь. Сафонович, игумен (с 1665 по 1674 г.) Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, свою редакцию С. написал как дополнение к своей «Кройнике», над которой он работал в 70-е гг. XVII в.

В эти же годы в стенах другого киевского монастыря, в Киево-Печерской лавре, создавался по благословению архимандрита лавры, Иннокентия Гизеля, «Синописис», первое издание которого вышло в 1674 г. В третье издание этой книги, вышедшей в свет в 1680 г., был включен ряд дополнительных текстов, в том числе и С. Текст С. в «Синописисе» представляет собой компиляцию из текста С. Сафоновича и Распространенной редакции С., при этом составитель данной редакции «переводит» «Книгу о Мамаевом побоище» Сафоновича на русский язык: все полонизмы заменяются русскими эквивалентами, сложные синтаксические обороты упрощаются. «Синописис», выдержавший после 1680 г. еще 10 изданий (последнее 1810 г.), пользовался огромной популярностью как историческое сочинение в самой широкой читательской среде, и все же даже это издание не могло удовлетворить интереса к С.: до нас дошло более 70 списков С. в редакции «Синописиса».

В С. встречаются имена, известные только по этому произведению, перечисляются мелкие северо-восточные удельные княжества, существование которых в XIV в. не подтверждается другими источниками. Кроме того, в С. есть три явных анахронизма: 1) литовский князь, союзник Мамай, назван Ольгердом, в то время как им был сын Ольгерда Ягайло (Ольгерд умер за два года до Куликовской битвы); 2) согласно С., участником событий 1380 г. выступает митрополит Киприан; на самом деле в 1380 г. его в Москве не было; 3) в С. говорится, что великий князь московский Дмитрий Иванович, выходя из Москвы на поле брани, молился перед иконой Владимирской богородицы. В действительности эта икона, почитавшаяся как патрональная икона всей Русской земли, была перенесена из Владимира в Москву в 1395 г., во время движения на Русь войск Тимура. Эти обстоятельства, так же как наличие легендарных эпизодов в произведении, являются аргументами тех исследователей, которые датируют возникновение С. поздним периодом (от 2-й пол. XV до сер. XVI в.).

Бесспорным можно признать то, что С. было создано не позже кон. XV в.: кон. XV—нач. XVI в. датируется составление Вологодско-Пермской летописи, в которую была включена Летописная редакция С., представлявшая собой уже переработку Основной редакции произведения. В сведениях С., не зафиксированных другими источниками, можно видеть отражение таких реальных данных, которые остались этим источником неизвестны, и они могут свидетельствовать не о позднем характере произведения, а о том, что С. возникло в близкое к описанному в нем событиям время. Не противоречат такому предположению и анахронизмы, ибо как исторические ошибки, возникшие из-за того, что произведение писалось через большой промежуток времени после описанного в нем события, они объяснены быть не могут. Русскую историю и в XV и в XVI в. знали хорошо и в произведении на историческую тему так ошибаться не могли. Об Ольгерде имелись подробные сведения в летописях, не менее подробные сведения в летописях имелись и о Киприане. О перенесении иконы Владимирской богородицы в Москву во время похода Тимура сообщалось в *Повести о Темир-Аксаке*, первоначальная версия которой возникла не позже 2-й четв. XV в., а последующие редакции расцвечивала всевозможными подробностями как раз историю перенесения иконы из Владимира в Москву и ее чудесного вмешательства в спасение Москвы от нашествия Тимура. И если уж видеть в этих анахронизмах произвольное, бессознательное совмещение разновременных событий, то гораздо больше оснований относить их появление ко времени, не слишком отдаленному от самих фактов, это могло произойти тогда, когда автор еще полагался на свою память и не считал нужным обращаться за проверкой к письменным источникам. Показательно, что все три перечисленных анахронизма очень близки по времени к событию, являющемуся центральным для темы С. Не исключено, однако, что сообщение о Владимирской иконе представляет отражение в С. не зафиксированного по другим источникам факта (икона на какое-то

время могла приноситься в Москву из Владимира и до 1395 г., в связи с ожидавшимся нашествием Мамаея), а включение в число действующих лиц С. Киприана и замена имени литовского князя были сделаны автором С. сознательно из литературно-публицистических соображений.

Формально в 1380 г. митрополитом был именно Киприан, и если бы он не находился в это время в Киеве, то именно он благословлял бы поход московского князя против Мамаея. И автор С., изображая, вопреки исторической действительности, тесный союз Дмитрия Донского с митрополитом Киприаном, подчеркивал этим общерусское значение разгрома Мамаея, возвеличивал общерусскую роль в этом деле московского князя. Действительный союзник Мамаея литовский князь Ягайло был мало известен на Руси как враждебный ей князь. Отец же Ягайла, великий князь Литовский Ольгерд, несколько раз предпринимал попытки захватить Москву и подходил под самые стены города со своими войсками, он пользовался на Руси в кон. XIV—нач. XV в. славой опытного воина и коварного врага. Называя Ольгерда союзником Мамаея, автор С. подчеркивал этим силу и мощь московского князя, особое значение Куликовской битвы, ее безусловное величие: вместе с Мамаем поражение терпит и старый враг Москвы Ольгерд. Это изменение имени скорее могло произойти тогда, когда в памяти еще сохранялось живое представление об Ольгерде. В более позднее время такая замена смысла не имела. Показательно в этом отношении, что в поздних редакциях, связанных с летописным окружением (Летописной и Киприановской), имя Ольгерда было заменено исторически верным — именем Ягайла. Таким образом, анахронизмы С. скорее могут свидетельствовать в пользу того, что оно должно было быть написано в то время, когда в памяти еще сохранялись события и 1380 г., и близких к нему лет. Вместе с тем должно было пройти и определенное время после этих событий, что давало возможность воспринимать их в некотором обобщении и в умышленном и неумышленном совмещении.

В 1408 г. эмир Эдигей, объединивший большую часть Орды, организовал военный поход на Москву. После Едигеева нашествия (Москву ему взять не удалось, но ее окрестности он начисто разорил) вопрос о взаимоотношениях с Ордой, об ордынской опасности, о необходимости активного противостояния Орде вновь остро встает в общественной и политической жизни Руси. Именно в это время и в ближайшие к нему годы, когда ордынская опасность со страшной неумолимостью вновь дала себя знать, должен был усилиться интерес к недавнему прошлому, когда московский князь, объединив вокруг Москвы остальные княжества Северо-Восточной Руси, нанес жестокое поражение ордынцам. Возможно, что в ближайшие годы после Едигеева нашествия и было написано С. — в 1-й четв. XV в.

Большинство исследователей С. считают непреложным фактом зависимость С. от пространной летописной повести о Куликовской битве. Между этими произведениями много общего в освещении и интерпретации фактов Куликовской эпопеи. Однако попытки до-

казать текстуальную зависимость одного памятника от другого неубедительны (разумеется, при решении данного вопроса не имеют силы текстологические показатели Летописной и Никоновской редакций, в которых при переработке первоначального текста привлекался текст пространной летописной повести). Более того, отрывки текстов в С. и пространной летописной повести, на основе которых строится обоснование вторичности С. по отношению к летописной повести (см.: С а л м и н а М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище»), свидетельствуют о том, что непосредственной текстуальной связи между С. и пространной летописной повестью нет. Если бы автор одного из этих памятников обращался к тексту другого как к своему источнику, то в столь обширных по объему текстах, какими являются С. и пространная летописная повесть, непременно имелись бы значительные текстуальные совпадения. При общей близости этих памятников как раз поражает отсутствие текстуальных совпадений между ними. В этой связи заслуживают особого внимания высказывания на этот счет А. А. Шахматова. А. А. Шахматов отмечал близость во многих отношениях С. и пространной летописной повести, но он же, завершая свой отзыв на труд С. К. Шамбинаго, писал, что тому «не удалось доказать ни влияния Летописной повести на Поведание Софония («Задонщину». — Л. Д.), ни также происхождения Сказания из Повести» (Ш а х м а т о в А. А. Отзыв о сочинении Шамбинаго. С. 192). Именно отсутствие текстуальных совпадений между С. и пространной летописной повестью привело А. А. Шахматова к заключению, что «дошедшие до нас произведения, посвященные Мамаеву побоищу, не могут быть сведены к одному общему типу, к одному родоначальнику, в виде той или иной повести» (Там же). Такой характер текстологических соотношений памятников Куликовского цикла привел А. А. Шахматова к предположению о существовании еще одного поэтического произведения о Куликовской битве, до нас не дошедшего, — «Слова о Мамаевом побоище». По гипотезе А. А. Шахматова, к этому «Слову» обращались и автор «Задонщины», и автор С. А. А. Шахматов считает, что «Слово» в целом было близко к С., «на нем основывается большая часть Сказания» (Там же. С. 190). Гипотеза А. А. Шахматова подтверждений не нашла и, по существу, принята не была. Однако уже сам факт выдвижения этой гипотезы А. А. Шахматовым заслуживает самого пристального внимания. Текстологические наблюдения, сделанные над памятниками Куликовского цикла уже после работы А. А. Шахматова, все больше подтверждают сложность взаимоотношений между ними, и, возможно, лишь основываясь на гипотезе А. А. Шахматова, можно будет удовлетворительно объяснить всю сложность текстологических соотношений произведений Куликовского цикла. Независимо от того, признаем мы или нет существование «Слова о Мамаевом побоище», характер текстологических соотношений С. и пространной летописной повести таков, что мы, не имея возможности непосредственно возводить С. к пространной летописной повести или же пространную летописную повесть к С., должны признать, что оба произведения пользовались каким-то общим источ-

ником или несколькими общими источниками, которые наиболее полно отразились в С.

Бесспорна связь С. с «Задонщиной». В С. встречаются отдельные отрывки, обороты, образы, которые совпадают с текстом «Задонщины». Это слова о том, что русские князья — «гнездо» Владимира Киевского, фраза о стуке и громе на Москве от воинских доспехов («Ту же, братие, стук стучит. . .»), фраза о солнце, освещающем путь великому князю Московскому, слова о горе Русской земли после битвы на Калке в плаче великой княгини. С поэтикой «Задонщины» связаны такие эпизоды С., как описание движения русского войска из Москвы в Коломну и сбор русских сил под Коломной, описание грозных предзнаменований природы, описание русского войска накануне дня сражения, картина ночи перед битвой и «испытание примет» Дмитрием Волынцом, описание самой битвы, рассказ о выезде засадного полка. Если принять гипотезу А. А. Шахматова, то совпадения С. с «Задонщиной» следует объяснять их общим гипотетическим источником — «Словом о Мамаевом побоище», если же эта гипотеза не верна, то совпадения эти должны объясняться непосредственным обращением автора С. к «Задонщине» как к одному из своих источников. В дальнейшем при составлении новых редакций и вариантов С. авторы их вновь обращались к «Задонщине». Особо примечателен в этом отношении Печатный вариант Основной редакции С. Составитель этого варианта С. к уже имевшимся заимствованиям из «Задонщины» добавлял новые вставки, перерабатывал первоначальные вставки, сверяя их с имевшимся у него текстом «Задонщины». Вторичное обращение к «Задонщине», вставки из нее отдельных отрывков встречаются и в единичных списках С. Сопоставление отрывков С., отражающих «Задонщину», с известными в настоящее время списками «Задонщины» показывает, что в С., в том числе и в Печатном варианте Основной редакции, нашел отражение более ранний и более близкий к первоначальному виду произведения текст «Задонщины», чем в ее сохранившихся списках.

Героический характер битвы, изображенной в С., обусловил обращение его автора к устным преданиям и легендам о Мамаевом побоище. Многие эпизоды С. по самой сути своей носят эпический характер, хотя в них и следует видеть эпическое осмысление действительных фактов (разведка в ночь накануне боя — то, что в современной тактике называется рекогносцировкой — передана как «испытание примет» Дмитрием Волынцом; единоборство Пересвета — как богатырский поединок, и т. п.). Влияние устной народной поэзии на С. можно обнаружить и в использовании его автором отдельных изобразительных средств, восходящих к приемам устного народного творчества (битва — пир, врагов побивают, как траву косят, воины — соколы и т. д.). Но в С. все эти словосочетания и формулы предстают в тесном переплетении с приемами книжной риторики как единый цельный поэтический образ. Ряд устно-эпических по своему характеру эпизодов передан в С. в книжно-риторической манере. В тесном объединении в пределах единой поэтической фразы устно-эпических по своему характеру оборотов с книжно-риторическими образами

и словосочетаниями заключается стилистическое своеобразие С. В дальнейшей литературной истории С. отдельные эпические по своей природе его эпизоды сближаются со своей эпической первоосновой.

С. и как литературный памятник, и как самый обстоятельный и яркий рассказ о великом событии в русской истории пользовалось большой популярностью у средневековых читателей, о чем красноречиво свидетельствует обилие его списков и разнообразие вариантов. С. оказало влияние на целый ряд древнерусских литературных памятников — *Казанскую историю*, *Иное сказание*, «поэтическую» *Повесть об Азовском осадном сидении* и др. С. нашло отражение и в устном народном творчестве. Можно предположить, что оно наложило свой отпечаток на былинку «Илья Муромец и Мамай» (см.: Гихонравов Н. С., Миллер В. Ф. Русские былины старой и новой записи. М., 1894. С. 23 (текст из рукописи XVIII в.)), на одну из записей былины о Сухмане (см.: Шамбинаго С. К. Исторические переживания в старинах о Сухане // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 503—515). Непосредственно к тексту С. восходит сказка «Про Мамаю безбожного», записанная А. Харитоновым в Шенкурском уезде Архангельской губернии и напечатанная в сборнике сказок А. Н. Афанасьева (см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. 2. С. 377—383. № 317).

О популярности С. в средние века как «четьего» произведения свидетельствует и то, что до нас дошло довольно много рукописей С. с миниатюрами. В настоящее время известно 9 лицевых списков С.: один из них — список Киприановской редакции, восемь — списки варианта У Основной редакции. Киприановская редакция проиллюстрирована 191 миниатюрой в Лицевом летописном своде (во втором томе так называемого Остермановского, или Царственного, летописца — БАН, 31.7.30, 70-е гг. XVI в.), причем этот лицевой список С. с остальными лицевыми списками никак не связан. Сравнительный анализ остальных 8 лицевых списков С. показал, что все они в конечном счете восходят к общему для них архетипному виду лицевого текста С. Наиболее близок к первоначальному списку лицевого С. — Лондонский список (кон. XVII в., хранится в Отделе рукописей Британского музея). Наблюдения над характером изображения деталей, стилистическими особенностями миниатюр Лондонского списка привели историков искусства Древней Руси к заключению, что оригиналом для Лондонского списка послужили миниатюры более раннего времени — не позже кон. XV—нач. XVI в. (см.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 1. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962. С. 169—173 (выступления по докладу Е. Ф. Хилл О. И. Подобедовой, Д. С. Лихачева, В. Ф. Ржиги)). В Лондонском списке С. — 64 миниатюры, из них 14 встречается только здесь. Остальные 50 имеют параллели в других лицевых списках С. В свою очередь, в остальных лицевых списках С. есть немало миниатюр, отсутствующих в Лондонском списке. Часть из

них приходится на отрывки текста, утерянные в настоящее время в Лондонском списке (список дефектный: во второй половине рукописи листы перепутаны и часть листов утрачена). Сравнительное сопоставление миниатюр по всем лицевым спискам С. говорит о том, что в общей сложности на сюжет С. по тексту варианта У Основной редакции имеется 98 миниатюр. Возможно, некоторые из них принадлежат творчеству тех копиистов, которые иллюстрировали тот или иной лицевой список: копиист мог по образцу остальных миниатюр создать и свои собственные. Наиболее вероятно, однако, что все эти миниатюры были уже в первоначальном виде лицевого С., а дошедшие до нас списки повторили не все эти миниатюры.

Куликовская битва вызвала неизменный интерес писателей, поэтов, художников и в XVIII, и в XIX, и в XX столетиях. Основным источником сведений о событиях 1380 г. являлось С. Поэтому помимо непосредственного существования С. как древнерусского литературного памятника оно в преломленном виде находило отражение и в драматических, и в прозаических, и в стихотворных произведениях нового времени, и в изобразительном искусстве. Первым литературным произведением такого рода следует считать трагедию М. В. Ломоносова «Тамира и Селим» (1750 г.), последними — многочисленные повести и романы о Куликовской битве, о Дмитрии Донском, появившиеся в 1980-е гг. в связи с 600-летним юбилеем Куликовского сражения.

Несмотря на обилие работ по С., это замечательное литературное произведение Древней Руси требует дальнейшего изучения, и первоочередной задачей является полное (пословное) текстологическое сравнительное исследование всех списков С.

Библиографический указатель литературы по памятникам Куликовского цикла см.: А р а л о в е ц Н. А., П р о н и н а П. В. Куликовская битва 1380 г.: Указатель литературы // Куликовская битва. Сборник статей. М., 1980. С. 289—318.

Изд.: Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-русского народа. . . Киев, 1680; 13-е изд. СПб., 1810; Русская летопись по Никонову списку / Изд. под смотрением имп. Академии наук. СПб., 1788. Ч. 4 (до 1407 г.); Рукопись о Задонском побоище под заголовком: Сказание о Задонском побоище, како бысть то побоище за рекою Допом Великого князя Дмитрия Ивановича Московского с Мамаем, царем Татарским // Русский вестник. 1810. Ч. 9, № 3. С. 1—31; С н е г и р е в И. 1) Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского // Русский зритель. 1829. Ч. 5, № 17—20. С. 3—68; 2) Древнее сказание о победе великого князя Дмитрия Иоанновича Донского над Мамаем. М., 1829; Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского / Предисл. И. Снегирева // Русский исторический сборник. 1838. Т. 3, кн. 1. С. I—XVI, 1—80; Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 46—69 (фототипическое переиздание: М., 1965); Тексты Сказания // Ш а м б и н а г о С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 3—190 (второй пагинации); Сказание о Мамаевом побоище / С предисл. С. К. Шамбинаго. СПб., 1907 (ОЛДП. Т. 125); Русские повести XV—XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль; Ред. Б. А. Ларин. М.; Л., 1958. С. 16—38, 177—199; Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 125—145, 328—341; М о н с е е в а Г. Н. К вопросу о датировке «Задонщины» //

ГОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 227—239; За землю Русскую: Древнерусские повести. М., 1980. С. 44—93; Меж Непрядвой и Доном: К 600-летию Куликовской битвы / Сост. В. Крушин. М., 1980; Повесть о Куликовской битве: Из лицевого свода XVI века. Л., 1980; Поле Куликово: Сказания о битве на Дону. М., 1980. С. 110—217; Сказание о Мамаевом побоище: Историко-литературоведческий очерк. Палеографическое описание. Текст в современной транскрипции. Перевод на современный русский язык. М., 1980; Сказание о Мамаевом побоище: Лицевая рукопись XVII века из собрания Государственного исторического музея. М., 1980; Задонщина: (Задонщина. Летописная повесть о побоище на Дону. Сказание о Мамаевом побоище) / Иллюстрации худ. Ильи Глазунова. М., 1981; Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 132—183; Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982; Повесть о Куликовской битве: Текст и миниатюры лицевого свода XVI века. Л., 1984; Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 203—269; Повести ратной славы Древней Руси. Воронеж, 1986. С. 128—193.

Лит.: Захарьин П. М. Новый Синописис, или Краткое описание о происхождении славенороссийскаго народа. . . Николаев, 1798; Карамзин Н. М. История государства Российскаго. СПб., 1817. Т. 5. С. 59—77, 420—430; Савельев Ростиславич Н. В. Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы. М., 1837; Афремов И. Куликово поле, с реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сент. 1380 года. М., 1849; Назаров И. Сказания о Мамаевом побоище // ЖМНП. 1858, июль—авг. Ч. 99, № 7. Отд. 2. С. 31—107; Костомаров Н. И. Куликовская битва // Месяцеслов на 1864 г. СПб., 1864. Прил. С. 3—24 (Отд. отг.: СПб., 1864); Розанов П. П. Местные предания о Куликовской битве: Реф. // Клевские университетские известия. 1875. № 9. С. 10—17 (То же: ЧИОНЛ. 1879. Кн. 1. С. 63—69); Хрущов И. П. О памятниках, прославивших Куликовскую битву // ЧИОНЛ. 1879. Кн. 1. С. 70—78; Иловайский Д. Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского: Ист. очерк. М., 1880; 2-е изд. М., 1880; Прокудин-Горский М. Петр Горский, один из участников Куликовской битвы // Русская старина. 1880. Т. 29. С. 441—442; Тимофеев С. П. Сказания о Куликовской битве: Опыт историко-литературного исследования // ЖМНП. 1885, авг. Ч. 240, № 8. Отд. 2. С. 203—231; 1885, сент. Ч. 241, № 9. Отд. 2. С. 19—46; Шамбляго С. К. 1) Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (Марков А. [Рецензия] // ЖМНП. 1908, апр. Ч. 14, № 4. С. 433—446; Шахматов А. А. [Рецензия] // СОРЯС. СПб., 1910. Т. 81, № 7. Отчет о двенадцатом присуждении Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. С. 79—204) (Отд. отг.: СПб., 1910); 2) К вопросу о «генеалогической» поэзии // Сборник статей в честь А. И. Соболевского. М., 1928. С. 182—187; 3) Исторические повести (§ 2. Гл. 2. Литература Московского княжества конца XIV и XV вв.) // История русской литературы. Т. 2. Литература 1220—1580-х гг. М.; Л., 1945. Ч. 1. С. 215—219; Дмитриев Л. А. 1) Сказание о Мамаевом побоище: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1953; 2) О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ГОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 10. С. 185—199; 3) Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // Там же. Т. 11. С. 140—155; 4) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 406—448; 5) Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище // Там же. С. 449—480; 6) Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище // Там же. С. 481—509; 7) Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 385—439; 8) Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище» // ГОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 239—263; 9) Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» // Там же. 1974. Т. 28. С. 155—179; 10) «Книга о побоище Мамай, царя татарского, от князя владимирского и московского Дмитрия» // Там же. 1979. Т. 34. С. 61—71; 11) Куликовская битва 1380 года в литературных памятниках Древней Руси // РЛ. 1980. № 3. С. 3—29; 12) Сказание о Мамаевом побоище: Лицевой список конца XVII века // Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Л., 1980; 13) Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 306—359;

14) 600-летний юбилей Куликовской битвы // РЛ. 1983. № 1. С. 216—234; Тихомиров М. Н. 1) Куликовская битва 1380 года // ВИ. 1955. № 8. С. 11—25; 2) Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 325—376; Hill E. A British Museum Illuminated Manuscript of an Early Russian Literary Work. An Encomium to the Grand Prince Dimitri Ivanovich and to his Brother Prince Vladimir Andreyevich. The Tale of the Battle of the Don in the Year 6889. Сообщение на IV Международном съезде славистов в Москве Е. Ф. Хилл (Англия); Один вновь обнаруженный лицевой список древнерусского памятника. Cambridge, 1958; Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960. С. 439—455; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 596—623; Филатов В. 1) Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 397—408; 2) Икона с изображением сюжетов из истории русского государства // Там же. 1966. Т. 22. С. 277—293; Путилов Б. Н. Куликовская битва в фольклоре // Там же. 1961. Т. 17. С. 107—129; Соловьев А. К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовского цикла: («Задонщина», «Летописная повесть», «Сказание о Мамаевом побоище») // РЛ. 1965. № 2. С. 243—245; Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 477—523; Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // Там же. С. 440—476; Мингалев В. С. 1) Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Московск. гос. историко-архивного ин-та. 1966. Т. 24, вып. 2. Вопросы источниковедения истории СССР. С. 55—72; 2) К методике решения некоторых гуманитарных задач с помощью ЭВМ // Применение комплекса вычислительных средств «Ртута-110» в народном хозяйстве. Вильнюс, 1970. С. 102—110; 3) Список «Сказания о Мамаевом побоище» в ЦГАДА // Сов. архивы. 1970. № 6. С. 104—105; 4) «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М.; Вильнюс, 1971; Зимин А. А. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 41—58; Азбелев С. Н. 1) Отавуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре // Сов. славяноведение. 1970. № 6. С. 50—57; 2) Младшие летописи Новгород-Киевской битвы // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 110—117; 3) Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 77—102; 4) Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники: Сборник статей 1973 г. М., 1974. С. 164—172; 5) Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией // Источниковедение отечественной истории. М., 1975. С. 163—190; 6) Об устных источниках летописных текстов: (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники. Сборник статей 1976 г. М., 1976. С. 78—101; Греков И. Б. 1) Первоначальный вариант «Сказания о Мамаевом побоище» // Сов. славяноведение. 1970. № 6. С. 27—36; 2) Восточная Европа и уладек Золотой Орды: (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 433—456; Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 98—124; Санонович А. Г. Русская народная картинка XVIII века «Мамаево побоище» // Сообщения Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. 1975. Т. 5. С. 79—102; Прохоров Г. М. 1) Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978; 2) Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Т. 34. С. 3—17; Амосов А. А. Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного // Там же. С. 49—60; Белоброва О. А. О миниатюрах Куликовского цикла в Житии Сергия Радонежского // Там же. С. 243—256; Зборов В. К. Хронографический вид Печатного варианта Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище // Там же. С. 240—242; Колесов В. В. Стилистическая функция лексических вариантов в Сказании о Мамаевом побоище // Там же. С. 33—48; Афанасьев Э. Л. Куликовская битва в изображении русских писателей XVIII в. // ИЮЛЯ. 1980. Т. 39. № 4. С. 291—300; Бескровный Л. Б. 1) Историография Куликовской битвы // Куликов-

ская битва. Сборник статей. М., 1980. С. 6—25; 2) Куликовская битва // Там же. С. 214—245; Болотцева И. П. «Сказание о Мамаевом побоище» на иконе «Сергий Радонежский с житием» XVII века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 120—128; Державина О. А. Куликовская битва в русской драматургии второй половины XIX века // Там же. С. 247—257; Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сборник статей. С. 174—213; Елизаветина Г. Г. Куликовская битва и проблемы национального характера в произведениях русских революционеро-демократов // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 234—246; Иткина Е. И., Кучкин В. А. Рукописный настенный лист с изображением Мамаева побоища // Там же. С. 154—174; Каргалов В. В. Художественная летопись поля Куликова // Молодая гвардия. 1980. № 9. С. 297—311; Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980; Курялов А. С. Памятники Куликовского цикла и русское литературоведение первой половины XIX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 179—216; Кусков В. В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Там же. С. 39—51; Кучкин В. А. 1) Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 3—21; 2) Русские князья и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сборник статей. С. 26—112; Лихачев Д. С. 1) Русская культура и сражение на Куликовском поле за Доном // Звезда. 1980. № 9. С. 3—8; 2) Куликовская битва в истории русской культуры // Поле Куликово. С. 7—15; 3) Куликовская битва в миниатюрах XVI века // Повесть о Куликовской битве. Из лицевого свода XVI века. Л., 1980. С. 171—177 (на англ. яз. С. 183—189); Маштафаров А. В. Документы ЦГАДА по истории Куликовской битвы // Сов. архивы. 1980. № 5. С. 35—39; Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980; Овчинникова Е. С. Куликовская битва в древнерусской миниатюре и иконе // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 115—119; Пашуто В. Т. 1) «И въскипе земля Руская. . .» // История СССР. 1980. № 4. С. 66—91; 2) Историческое значение Куликовской битвы // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 262—290; Пушкарев Л. Н. К вопросу об отражении Куликовской битвы в русском фольклоре // Куликовская битва. Сборник статей. С. 265—274; Пушкарев Л. Н., Сидорова Л. П. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке XIX—начала XX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 129—153; Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Там же. С. 10—38; Скрынников Р. Г. 1) Куликовская битва // Звезда. 1980. № 9. С. 9—20; 2) Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 43—70; Троицкий В. Ю. Куликовская битва в творчестве русских романтиков 10—30-х годов XIX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. С. 217—233; Усок И. Е. Куликовская битва в творчестве Александра Блока // Там же. С. 258—277; Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. Сборник статей. С. 142—173; Хоронкевич А. Л. О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4. С. 92—106; Шамаро А. А. 1) Как устояла Русь // Наука и религия. 1980. № 7. С. 18—28; № 8. С. 15—25; 2) Как устояла Русь: Непредусмотренное послесловие // Наука и религия. 1981. № 7. С. 28—33; Горский А. Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 15—42; Дианова Т. В., Черниловская М. М., Шулгина Э. В. Использование памятников письменности из собрания ГИМ в подготовке к 600-летию юбилею Куликовской битвы // Там же. С. 233—237; Иткина Е. И. Памятники Куликовского цикла в творчестве художника-миниатюриста И. Г. Блинова // Там же. С. 216—224; Черный В. Д. «Мамаево побоище» в древнерусских миниатюрах: (Миниатюра как культурно-исторический феномен) // Там же. С. 200—209.

Л. А. Дмитриев

Сказание о обретении мощей Григория и Кассиана Авнежских

с-м. Иоасаф, игумен Данилова монастыря.

Сказание о последних днях митрополита Макария, именуемое в рукописях «О немощи и о преставлении и о погребении Макария, митрополита всея Руси» (нач.: «В лето 7072-го сентября в 15 день на память великомученика Никиты Макарий, митрополит всея Руси, пел молебны. . .»), повествует о болезни, кончине и погребении митрополита всероссийского. В нем рассказывается, как после свершения молебна в Успенском соборе в Москве 15 сентября 1563 г. митрополит, вернувшись «в кельи», тяжело занемог. Почувствовав приближение смерти, он неоднократно пытается уговорить государя *Ивана IV* отпустить его в Пафнутьев монастырь — место пострижения, но тот отклоняет его просьбу, не желая, чтоб Макарий был погребен как простой монах. В С. описывается посещение митрополита царем, его братом Юрием, царицей Марией, царевичами Иваном и Федором. *Макарий* скончался 31 декабря 1563 г. Во время погребения в Успенском соборе была прочтена его «Прощальная грамота». Списки С. датируются XVII, XVIII и XIX вв. Нам известно 6 его списков: ГПБ, собр. Вяземского, № 108; ГБЛ, собр. Большакова, № 266; собр. МДА, № 20/102 или 119, согласно Г. З. Кунцевичу; БАН, 31.6.27 (в составе Хронографа редакции 1599 г.); ГИМ, собр. Уварова, № 1362 (23) (в составе Хронографа редакции 1599 г.), 1688 (813).

Содержащаяся во всех списках «Прощальная грамота» митрополита Макария, созданная по образцу духовной грамоты митрополита *Киприана*, напечатана в «Актах исторических» (т. 1) и в «Русской исторической библиотеке» (т. 3) по списку ГПБ, собр. ПДА, № 298, л. 39—46 (она входит в состав летописца о событиях царствования *Ивана IV* с 7071 по 7075 г.).

С. опубликовано Г. Кунцевичем по списку Вяземского, № 108 с подведением вариантов по двум другим спискам. К тексту «Прощальной грамоты» (внутри С.) им подведены варианты также из рукописи ГПБ, собр. ПДА, № 298. По списку БАН, 31.6.27 С. издано П. Веретенниковым (игуменом Макарием).

Высказывались начиная с В. О. Ключевского суждения, что С. могло послужить материалом для составления жития митрополита Макария. По предположению В. О. Ключевского, С. было написано вскоре после смерти митрополита близким ему человеком. П. Васенко и П. Веретенников утверждают, что автором С. был упоминаемый в повести «старец Афонасий» — будущий митрополит *Афонасий* и что произведение написано под непосредственным впечатлением кончины митрополита Макария (по Васенко — до 24 февраля 1564 г.). Г. З. Кунцевич полагал, что С. появилось не позднее кон. XVI в.

Изд.: Кунцевич Г. 1) Сказание о последних днях жизни митрополита Макария (15 сент.—31 дек. 1563 г.) // ИОРЯС. 1909. Т. 14, кн. 4. С. 155—164 (отрывок); 2) Сказание о последних днях митрополита Макария (15 сентября—31 декабря 1563 года) // Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1907—1910 году с приложениями. СПб., 1911. Прил. С. 3—27 (ПДПИ. № 176); Веретенников П. [игумен Макарий]. Повесть о кончине всероссийского митрополита Макария // Wissenschaftliche Zeitschrift Mar-

tin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1985. Bd 34. N. 3. S. 75—93; Текст «Процальной грамоты»: АИ. Т. 1. С. 328—331 (№ 172); РИБ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 198—205.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусское жития. С. 224; Лебедев Н. Макарий митрополит всероссийский // ЧОЛДП. М., 1877. Окт. С. 444; Голубинский И. История церкви. Т. 2, ч. 1. С. 745, 872—874; Васенко П. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 182—183; Иконников В. Опыт по историографии. 1908. Т. 2, ч. 2. С. 17—27; Шмидт С. О. Становление Российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 148—149, 258.

М. А. Салмина

Сказание о постройении храма святой Софии («Сказание о создании церкви святыи Софии еже в Костянтине граде»; «Сказание о Софии Цареградской») — произведение, возникшее в Византии не позднее сер. IX в. и до XV в. переведенное на Руси. Греческий оригинал сохранился в списках XII в.; древнерусские списки С. относятся к XV—XVII вв. Оно известно в составе *Летописца Еллинского и Римского* второй редакции и в составе *Хронографа Русского*; в сборниках С. встречается редко. Исследователями отмечалась насыщенность С. историческими реалиями: названы византийские императоры, в их числе заказчик строительства Юстиниан, патриарх Евтихий, приведены даты, размеры храма, перечислены строительные материалы, описаны внешний и внутренний облик храма и его утварь, сообщено о падении купола в правление Юстина и о его восстановлении и т. д. Между тем в повествовании присутствует и легендарный элемент: явление ангела, показавшего царю во сне, какова будет церковь; чудеса — о недоставшем золоте, о трех окнах, о наречении церкви именем святой Софии. С. оказало определенное влияние на оригинальные древнерусские повести об основании монастырей и о строительстве почитавшихся храмов. С. Г. Вилинский, к 1900 г. выявивший и опубликовавший южнославянские списки С., в 1903 г. доказал их зависимость от древнерусского перевода.

Изд.: Сказание о создании великия божия церкви св. Софии в Константинополе / Предисл. К. К. Герца и Ф. И. Буслаева // Летописи Тихомирова. М., 1859. Т. 2, отд. 2. С. 1—36; Леоид, архимандрит. Сказание о св. Софии Цареградской. Памятник древней русской письменности XII века. СПб., 1889 (ПДПИ. Вып. 78); Вилинский С. Г. Сказание о Софии Цареградской в Еллинском летописце и в Хронографе // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 3. С. 1—43.

Лит.: Саввантов П. И. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872; Вилинский С. Г. Византиско-славянские сказания о создании храма св. Софии Цареградской. Одесса, 1900; Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 64—67; Творогов О. В. К изучению древнерусских хронографических сводов (I. Редакция Еллинского летописца. II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции) // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 402—404.

О. А. Белоброва

«Сказание о преподобнем Максиме философе, иже бысть инок святыя горы Афонския» см. *Сказания о Максиме Греке*.

Сказание о птицах («Слово о птицах», «Совет птичий», «Птицы») — сочинение, написанное в форме диалога между птицами (по некоторым вариантам — и зверями), в котором затрагиваются различные вопросы: о грехах, о покаянии, о будущем суде, о социальном устройстве на Руси, о воровстве, пьянстве, злых женах и т. д. Памятник дошел до нас в списках XVII—XVIII вв. Датировка его остается спорной. Отражение в С. порядков, господствовавших в тогдашних приказах, и проникновение в него нового взгляда на женщину позволяют, по мнению А. В. Багрия, датировать его XVI—XVII вв. А. М. Астахова думает, что С. получило распространение на Руси уже с кон. XIV в. (Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 788). Особая редакция С. (список ГПБ, собр. Погодина, № 1339, л. 45 об.—48, сборник кон. XVII в.), где форма С. «снизошла до простого запева или сравнения» (люди, просящие бога о долголетьи царя и великого князя, чтобы пожить «льготно» и без мятежей, уподобляются птицам, которые молятся о лете без зимы, чтобы им за море не летать и своих деток там не терять), по Х. М. Лопареву (Еще о «Сказании. . .» С. 72—73), появилась «вскоре после великой Смуты». С точки зрения И. Франко и А. В. Багрия, С. могло появиться в Западной Руси, об этом косвенно свидетельствуют малорусские и западнорусские особенности языка большинства списков.

Основная мысль произведения также ясна. Полагают, что памятник — «отголосок какого-то прошлого, бытового или религиозного движения русского народа», дошедший до нас без начала, в котором могло сообщаться о председателе и о поводе для собрания птиц (Лопарев Х. М. Древнерусские сказания. . . С. XV). По другой версии, С. первоначально представляло собой ряд сентенций, почерпнутых в основном из Священного писания и вложенных в уста птиц. «Проповедь благочестивой морали» составляла, таким образом, его главную идею. Дальнейшее развитие памятника шло путем постепенного уменьшения в его содержании «элемента религиозно-поучительного за счет элемента бытового». С., стихи-былины, где птицами обозначены различные людские должности и звания, известная песня «За морем синичка непышно жила» — вот этапы эволюции одного памятника, начальный вид которого утерян (Багрий А. В. Древнерусское сказание. . . С. 308—315). В момент создания, по утверждению А. В. Багрия, произведение испытало сильное влияние еврейской молитвенной песни «Perek Ichîrà» («Глава песни»), с которой его роднит необычная форма: содержание в там, и тут облечено в форму сентенций птиц и других живых существ и предметов. Воздействием «Perek Ichîrà», герои которой произносят отрывки Библии, где упоминаются их имена, исследователь объясняет и то, что птицы в С. начинают свои рассуждения со слов, созвучных их именам. По этой гипотезе, памятник послужил основой для многочисленных фольклорных обработок — былин и песен о птицах (Багрий А. В. Древнерусское сказание. . . С. 310—312; Астахова А. М. Былины Севера. Т. 2. С. 788). «Сатирически-балагурный тон» старинок, намеки в них на необходимость

платы за исполнение произведения, по мнению А. М. Астаховой (Былины Севера), а также В. Г. Смолицкого и Т. А. Тургеневой (Четыре произведения народной сатиры. С. 502), указывают на то, что в этих обработках могли участвовать скоморохи. Сравнение С. с аналогичными произведениями мировой литературы позволило Х. М. Лопареву (Животный совет. . . С. 21—24) сделать вывод о принадлежности памятника к фольклору. Именно этим объясняет он многочисленные «недочеты» списков и отсутствие связи между высказываниями отдельных птиц. В русской народной литературе, по его мнению, «экзотичный» птичий совет мог возникнуть под влиянием *Физиолога* и *Стефанита и Ихнилата*.

Источниками отдельных мыслей С., возможно, также были *Палея Толковая*, *Слова о добрых и злых женах*, *Пчела*, народные пословицы и поговорки, лубочные картинки (Лопарев Х. М. Древнерусские сказания. . . С. XVI—XXI).

Рассуждения некоторых птиц в С., по утверждению Х. М. Лопарева, носят апокрифический характер: «. . . велик у нас бог на небеси, (а не на) земли (лебедь); «Я вчера сь у бога (была), со святыми и беседовала» (цапля); «. . . ты у беса была, а не у бога» (чайка) и т. д. (см. рукопись ГИМ, собр. Шукина, № 52, л. 173 об.). Исследователь отмечает в С. и явные следы апокрифов. Таков рассказ об Иуде, который, продав Христа, «злез на дерево и задавився» (см. рукопись БАН, собр. Археографической комиссии, № 53, л. 364—373). Х. М. Лопарев полагает, что С., возможно, было сочинением, примыкавшим к отреченным книгам, ссылаясь на упоминание его в *Списках отреченных книг* под названием «поточник различных птиц» и изъятие его из бумаг Василия Колачева 15 марта 1679 г. Местом опалы памятника, по мнению И. Франко, стала Великороссия. На Украине первая редакция С. вследствие своего «антипанского» характера (см. рукопись Археографической комиссии, № 53, которая, как считает исследователь, положила начало великорусским обработкам) не могла подвергнуться запрещению или конфискации, ибо духовные власти Западной Руси «и сами стояли в оппозиции к польскому правительству», а потому могли «не заметить» ее отдельных апокрифических мотивов. О справедливости данных замечаний И. Франко судить сложно, поскольку отсутствует текстологический анализ произведения. Заслуженные возражения А. В. Багрия вызывают и выводы Х. М. Лопарева. Во-первых, «поточник различных птиц», будучи названием какой-то гадательной книги, ничего общего со С. не имеет; во-вторых, оно могло быть конфисковано у В. Колачева за неуважительное отношение к господствующим классам. Таким образом, гипотеза об апокрифическом характере памятника нуждается в уточнении.

Отдельные мотивы С. использовались писателями XVIII—XIX вв. (см. «Другой хор ко превратному свету» А. П. Сумарокова, «Сказку о медведихе» А. С. Пушкина, хор птиц в прологе к пьесе «Снегурочка» А. Н. Островского). Вероятно, они проникли в литературу через чулковский «Песенник», издававшийся в С.-Петербур-

бурге в 1770, 1776, 1780, 1791 гг., но не исключено, что писатели могли слышать С. и в устной обработке.

Памятник известен в 14 списках, которые отличаются друг от друга и содержанием, и расположением сентенций, и объемом. Это разнообразие списков свидетельствует о долгой литературной истории памятника, а наличие русских и украинских текстов говорит о его распространенности в разных частях России. Сравнительная малочисленность списков С. объясняется, по мнению А. В. Баргия (Древнерусское сказание... С. 315), тем, что оно было быстро вытеснено «старинками», основанными на нем. Последние же известны во множестве вариантов и жили в памяти народа еще в 20—30-х гг. XX в. (см.: Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов акад. Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948. № 142, 164, 180, 181, 220, 276 (записи 1926—1928 гг.)). Фольклорные обработки С. см.: Ч у л к о в М. Д. Собрание разных песен. СПб., 1770. Ч. 1. С. 223 (то же: СПб., 1913. № 199); Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой / Записали Ф. М. Истомир, Г. О. Дютш. СПб., 1894. С. 71—75; Великорусские народные песни / Изданы проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895. Т. 1. № 496—500; 1902. Т. 7. № 426; Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, легендах и т. п.: Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. № 984, 986; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909. Т. 1. № 68, 77, 98, 99; 1910. Т. 2. № 189; Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1929. Новая серия. Вып. 2, ч. 2. № 2813, 2915; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1. № 62; 1950. Т. 2. № 130, 137; 1951. Т. 3. № 264, 280, 298; А с т а х о в а А. М. Былины Севера. М.; Л., 1951. Т. 2. № 155; А ф а н а с ь е в А. Н. Народные русские сказки. М., 1957. Т. 3. № 540; С м о л и ц к и й В. Г., Т у р г е н е в а Т. А. Четыре произведения народной сатиры // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 503—507.

Изд.: Булгаков Ф. И. Сборник повестей скорописи 17 в. // ПДП. СПб., 1878—1879. С. 92—94; Я ц м и р с к и й А. И. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1896. [Вып. 1]. С. 55; Л о п а р е в Х. М. 1) Древнерусские сказания о птицах. СПб., 1896. С. I—XXIII (ПДП. Т. 116) (Франко И. [Рецензия] // ЗНТШ. Львов, 1897. Вып. 6, т. 20. С. 20—26); 2) Еще о «Сказаниях о птицах» // Библиографическая летопись. СПб., 1914. Ч. 1. С. 73—74; Б а г р и й А. В. Древнерусское сказание о птицах // РФВ. 1912. Т. 67. С. 316—322.

Лит.: Л о п а р е в Х. М. Животный совет во всеобщей литературе: (библиографическая заметка) // Сб. статей в честь проф. И. В. Помяловского. СПб., 1897. С. 21—24.

А. А. Михалица

Сказание о святой горе Афонской — описание афонских монастырей, составленное в Москве в 1560—1562 гг. С., «соборне себе советовав», сотворили пришедшие в Москву за милостыней игумены Иоаким (Пантелеймонов монастырь), Евфимий (монастырь Ставро-

никиты), инок Феофан (лавра Афанасия) с другими афонскими старцами. В Москве они пробыли «два года без двух месяц», а С. было написано (очевидно, кем-то из русских со слов афонских старцев) по просьбе митрополита *Макария*, специально интересовавшегося Афоном (ср. «Типик святыя горы» Паисия Хиландарского 1550 г., написанный для Макария). С. — одно из наиболее полных описаний Афона среди русских сочинений на эту тему (перечень их см. в кн. К. Зеemann и в статье: С и н и ц ы н а Н. В. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519 гг.) // ВВ. М., 1965. Т. 26. С. 114—115). В С. о каждом монастыре сообщаются краткие сведения: название (которое переводится на русский язык), количество братии, основные святые, местоположение и проч.; далее говорится о природе Афона, устройстве монастырской жизни и хозяйстве (эти вопросы интересовали русских в связи с неоднократно возникавшими в XVI в. проектами секуляризации монастырских земель); рассказывается о притеснениях, которым подвергалась Святая гора со стороны турок.

Основное участие в составлении С., очевидно, принимали Иоаким (во вступлении он прямо говорит о себе: «яко ж и аз, Пантьелеевский игумен Иаким») и ведет речь от первого лица: «сказах», «писах» и т. д.) и Феофан («сице сказывал еклисиарх Феофан»), однако приписывать С. одному только Иоакиму, как делают большинство исследователей, нет оснований. С. пользовалось в Древней Руси большой популярностью: К. Зеemann насчитывает 13 списков его, к которым надо добавить список С. в составе летописца ГИМ, Музейск. собр., № 3058 (Л а в р е н т ь е в А. В. К вопросу о списках свода 1652 г. в связи с историей его создания // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 48). Вступление к памятнику с незначительными сокращениями вошло в Мазуринский летописец (ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 137).

Изд.: Ундольский В. Краткая историческая записка о монастыре русском святого великомученика Пантелеймона, находящемся на св. Афонской горе, приложение № 1 // ЧОИДР. 1846. Кн. 4. С. 15—31; Л е о н и д, архимандрит. Сказание о святой Афонской горе игумена русского Пантелеймонова монастыря Иоакима и иных святогорских старцев. СПб., 1882 (ПДП. Т. 30).

Лит.: Строев. Словарь. С. 123; История русской литературы. М.: Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 511—512; Б у д о в н и ц. Словарь. С. 117; S e m a n n К.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 302—305, 461.

Д. М. Буланин

Сказание о сивиллах — переводной памятник, восходящий к неустановленному латинскому оригиналу XV—XVI вв.; известен в русской обработке не ранее 1-й четв. XVI в. (перевод из разных источников, в том числе из *Хроники Мартина Бельского*) и в переводе с польского (сер. XVII в.). В С. нередко упоминается имя составителя Маркуса, сообщается то о 10, то о 12 сивиллах, имена которых сохраняют латинскую и польскую огласовку источника. Входит в качестве особой главы в *Хронограф Русский* редакции 1512 г. В сборниках XVI в. С. нередко сопровождают *Пророчества еллинских мудрецов*, а с кон. XVI и на протяжении XVII в. его укра-

шают миниатюрами, также несущими черты оригинала. Изображения сивилл проникли в *Подлинники иконописные*, в памятники прикладного искусства XVII в. С. явилось одним из источников «Книги о сивиллах» Николая Спафария (1673 г.). Списки С. в основном учтены в работе Ю. А. Яворского.

Изд.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. 3-е изд. СПб., 1841. Т. 1, ч. 2. С. 118—127; *Николай Спафарий.* Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступ. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978. Прил. С. 154—158.

Лит.: Буслеев Ф. И. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861. С. 360—365; Оболевский И. Переводная литература. С. 219—222; Яворский Ю. А. Описание рукописей имп. Александровской Киевской гимназии. Киев, 1913. С. 12, 18—21; Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 360, 362, 366—367.

О. А. Белоброва

«Сказание о смерти некоего мистра великого, сиречь философа» — перевод XVI в. памятника польской средневековой поэзии XV в., известного под названием «De morte prologus», или «Разговор магистра Поликарпа со Смертью». Польский оригинал, автор которого не известен, написан на религиозную тему, но сатирическая и юмористическая направленность разработки этой темы поставили его в число значительных произведений польской средневековой поэзии.

Русский перевод оказался лишенным этого своеобразия. В целом он носит характер назидательно-наставительного сочинения, близкого поучительным повестям и притчам. При сопоставлении с оригиналом легко выясняются приемы работы переводчика. Перевод делался почти дословный по строчкам польского стиха, но с сокращениями; в таких случаях исключался текст в объеме строчки или нескольких стихов подряд. Под сокращение непременно попадал текст юмористического характера и содержащий народно-бытовые детали и выражения. В результате работы переводчика стихотворный диалог сатирически-юмористической тоналности превратился в скучное назидательное сочинение.

Имя автора перевода не сохранилось. Однако ранний (не позднее 40-х гг. XVI в.) из сохранившихся рукописных списков С. (ГБЛ, Волок. собр., № 573) позволяет судить о той среде, в которой перевод создавался. Волоколамская рукопись имеет редакторскую правку на полях, которая в дальнейшем частично вошла в основной текст. Это позволяет считать, что дошедшая редакция С. ведет свое происхождение из Волоколамского монастыря. Скорее всего и сам перевод был сделан одним из книжников носифлянского толка. В XVI в. Волоколамский монастырь был значительным литературным центром, где создавались и переписывались произведения назидательно-дидактического направления. Идейная близость между С. и *Принием живота и смерти*, которое было очень популярным в носифлянской среде, лишний раз подтверждает мысль о том, что переводчика надо искать среди образованного круга носифлян.

Изд.: Croiset van der Kop A. C. Altrussische Übersetzungen aus dem Polnischen. I. De morte prologus. Berlin, 1907. S. 29—74; *Николаев С. И.*

Новый список перевода «Разговора магистра Поликарпа со Смертью» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 305—307.

Лит.: Д о л г о в С. О. Новый вид «Прения живота и смерти» // Тр. 8-го археологич. съезда в Москве. 1890 г. М., 1895. Т. 2. С. 28—33; Д м и т р и е в а Р. П. Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со смертью» // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 303—317.

Р. П. Дмитриева

Сказание «О человецех незнаемых в восточной стране» встречается в древнерусских рукописях с XVI по XVIII в. Оно представляет собой первое полуреальное, полуфантастическое описание сибирских народов, которые собирательно называются в нем «самоедь», что идентично терминам «инородцы», «дикари». В действительности речь идет о ненцах, хантах и манси. В С. перечислено девять видов «самоеди», причем всякий раз сообщается об их образе жизни, промыслах и товарах, которыми они располагают: «Сия же люди не велики возрастом, плосковиды, носы малы, но резвы велми и стрелцы горазди, а ездят на оленех и на собаках, а платье носят соболие и оленье, а товар их соболи». Песцы, пыжи, соболи, оленье кожи, бобровая струя и продукты рыболовства интересовали автора в первую очередь.

В С. нет названия «Сибирь», известного на Руси уже официально в сер. XVI в. (оно встречается в 1564 г. в титуле *Ивана Грозного* в грамоте английскому королю Эдуарду VI), а неофициально и раньше — в 1483 г. в описании похода на Асыку вогульского князя. В НВЛ 2-й пол. XV в. под 1364 г. есть известие о походе новгородцев в Югорскую землю и упоминается река Обь, а в сер. XV в. название «Сибирь» появляется на иностранных картах. Поэтому датировать С. можно кон. XV или нач. XVI в. Его автором скорее всего мог быть новгородский купец, ходивший за Урал с торговыми целями и почерпнувший там легенды, отразившиеся в С.

Но прежде всего произведение тяготеет к деловой письменности, сообщая реальные данные о сибирских землях — Югорской земле, Малгозее, Байде, возможно, и об Алтае. По характеру изложения оно напоминает Записки *Афанасия Никитина* в тех фрагментах, где он говорит о географии, обычаях и товарах Индии. К такого же рода географическим заметкам можно отнести статьи «От Странника» в сборнике XV в. монаха Кирилло-Белозерского монастыря *Ефросина*. Кстати, и у *Афанасия Никитина* встречаются полуфантастические сведения (о птице Гукук, об обезьяньем царе). Возможно, и *Хождение Афанасия Никитина*, и С. писались по определенным шаблонам купеческих путевых записок, не дошедших до нас.

С другой стороны, вся фантастическая, легендарная часть С., основанная на слухах, преувеличенных, неверно понятых фактах, наконец, просто на местных легендах, делает С. произведением литературным, даже беллетристическим. Фольклорист Г. Л. Венедиктов находит параллели между современным фольклором Русского Устья (на Индигирке) и сюжетами С. — о людях, умирающих на зиму и оживающих весной, о людях без головы с лицом на груди, о волосатых людях. Один из первых издателей С. Д. Н. Анучин пытается

для каждого сказочного сообщения найти его реальную основу или, по крайней мере, легенду. Так, в людях, ходящих под землей, он предполагает алтайских рудокопов. Мертвый город, расположенный на острове, возник в воображении из нагромождения скал, а сведения о «немой» заочной торговле подтверждаются этнографическими примерами. Рассказ о людях без голов и с лицом на груди имеет своим источником непривычный вид цельнокроенной меховой одежды, известной даже в рисунках А. Олеария. Можно добавить, что описание медицины шаманов: «да есть у них лекари, у которого человека внутри не здорово, и они брюхо режут, да нутро вынимают и очищают и паки заживляют», — соответствует недавнему обсуждению в прессе проблемы филиппинской «бескровной» хирургии. Интерес к подобному рода легендам о диких народах присущ как древним, так и средневековым литературам, в том числе и древнерусской (в *Александрии*, в *Откровении Мефодия Патарского*, в *Сказании о Индийском царстве*, в *Космографии* и др.). Однако С. не испытывает влияния книжных источников, являясь произведением вполне оригинальным.

Оно нашло отголосок в более поздних произведениях. Путешественник А. Дженкинсон, пять раз ездивший в Москву (1557—1571 гг.), в своем сочинении-отчете Лондонской торговой (Московской) компании приводит перевод несколько сокращенного начала С. Переводчиком Дженкинсона был его спутник Ричард Джонсон, заимствовавший эти рассказы из русского источника со ссылкой на холмогорца Федора Товтыгина (*Hakluyt's. «Collection of the early Voyages Travels and Discoveries of the English Nation». 1809. Vol. 1*). Некоторые эпизоды С. совпадают с сочинением Герберштейна, обращавшегося к русскому «дорожнику». Страны, упоминаемые в С., фигурируют на картах Сибири, составленных в XVI и XVII вв. западноевропейскими путешественниками. В XVII в. схожие со С. легенды попадают в поздние Космографии и в «Историю Сибирскую» С. У. Ремезова. Таким образом, С. интересовало русских и западноевропейских историков, географов, купцов. Занимательно-беллетристический характер произведения поддерживал интерес к нему на протяжении нескольких столетий; по мере освоения Сибири и более полного знакомства с ней его справочно-этнографический материал терял свое значение; в дальнейшем (в XVII и XVIII вв.) С., вероятно, бытовало уже только как произведение беллетристического жанра.

Самый ранний список С. — 1-й пол. XVI в. — ГПБ, Солов. собр., № 954/844, был положен в основу публикаций памятника, впервые изданного Н. Фирсовым в 1866 г. в работе «Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве» (Казань, 1866). Однако по-настоящему С. было введено в научный оборот Д. Н. Анучиным, издавшим его по Соловецкому списку с разночтениями еще по нескольким рукописям XVI—XVIII вв. Вслед за Анучиным текст С. издал А. Титов по рукописи XVI в. ГПБ, собр. Погодина, № 1572.

Изд.: Анучин Д. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. 1890. Т. 14. С. 227—313; Сибирь в XVII веке: Сборник старинных

русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях / С предисл. А. Титова. М., 1890. С. III—IV, 3—6.

Лит.: Оксенов А. Слухи и вести о Сибири до Ермака // Сибирский сборник. СПб., 1886. Кн. 4. С. 113—114; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4. С. 185—193; Очерки истории СССР. Период феодализма кон. XV—нач. XVII в. М., 1955. С. 653; Андреев А. И. Очерки по этноковедению Сибири. Вып. 1. XVII в. 2-е изд. М.; Л., 1960. С. 150, 158; Мирзоев В. Г. Первые русские литературные известия о Сибири // Учен. зап. Кемеровск. пед. ин-та. 1961. Вып. 4. С. 169—175; Дергачева-Скопеева И. Из истории литературы Урала и Сибири. XVII в. Свердловск, 1965. С. 21; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973. С. 24; Венедиктов Г. Л. Фольклоризация памятников древнерусской литературы в Русском Устье // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 402—403.

М. Д. Каган

Сказание о Юрии Святославиче и Иулиании Вяземской написано по летописным записям XIV в. и рассказывает о князе Юрии Святославиче, изгнанном литовцами из Смоленска, получившем затем от великого князя Василия Дмитриевича в удел Торжок и опозорившем себя убийством своего вассала и его жены Иулиании Вяземской. (Указания на летописные сведения о Юрии Святославиче, Симеоне Вяземском и Иулиании Вяземской см. в статье М. О. Скрипиля). По мнению М. О. Скрипиля, первоначальная редакция С. («О великом князе Юрье Светославиче Смоленском, и о князе Симеоне Мстиславиче Вяземском, и о княгине его Ульяне, иже мученически скончашася») читается в Степенной книге, для которой оно и было создано. Об этом говорит, по мнению исследователя, идейное и стилистическое сходство С. с другими статьями Степенной книги.

Замысел Степенной книги — представить всех русских князей как святых, преисполненных «богоугодных добродетелей», предопределил новое освещение событий, происшедших в Торжке. Если летопись явно осуждает князя-убийцу, подозревавшегося к тому же в политической интриге в смоленский период деятельности (город был взят литовцами в отсутствие Юрия Святославича), то С. Степенной книги пытается внести возможные поправки в летописный образ Юрия Святославича, ближайшего родственника московских князей. Литовцы овладевают здесь Смоленском благодаря хитрости, обману защитников города. Согласно С., литовский князь Витовт, остановившись с войсками у Смоленска и распространив слухи, что идет на Темир-Аксака, пригласил к себе всех смоленских князей якобы для разбора существовавшей между ними распри. Приехавших князей и бояр он схватил и беспрепятственно занял Смоленск. Труднее было оправдать преступную любовь Юрия Святославича к Иулиании Вяземской и совершенное им «двоусубиение». Но и тут автор С. старался примирить читателя с Юрием Святославичем, подробно рассказывая о его раскаянии, тяжелом душевном состоянии, о его стремлении к добродетельной, богоугодной жизни. Всего этого нет в летописи, но все это было необходимо автору С. для того, чтобы оправдать Юрия Святославича, представить его как «справедное семя Владимирово». По своим жанровым и стилистическим особенностям

первоначальная редакция произведения — историко-биографическое сказание. Главное внимание в ней уделяется Юрию Святославичу, при этом он интересует автора именно как историческое лицо. Отсюда и подробная родословная его, и описание захвата Смоленска Витовтом, и характеристика скитаний Юрия Святославича, лишившегося своего «отечества, и великия своея княгини, и чад своих, и сродников, и служащих ему князей, и бояр, и воевод, и всяких рядников и чиновников, и всех слуг своих», наконец, упоминание о возвращении Смоленска русским в княжение *Василия III Ивановича*. Исторический характер С. подчеркивается и тем, что оно использует летописные записи. Однако в стилистическом отношении сухая летописная запись автора С. не удовлетворяет, и он рисует любовную трагедию в Торжке более образно, красочно, используя для этого традиционные литературные приемы и художественные средства. В частности, автор вкладывает в уста Иулиании Вяземской трогательную речь, которая должна была защитить ее от насилия Юрия Святославича.

С. известно не только в составе Степенной книги, но и отдельно в рукописях XVII—XVIII вв. Бытуя как самостоятельное произведение, оно утратило свое первоначальное назначение, свой политический смысл и было переработано. М. О. Скрипилю указывает две переработки первоначальной редакции, сложившиеся, по его мнению, не ранее кон. XVI в. Одна из них носит название «Повесть о благоверной княгине Иулиании, супружнице великого князя Симеона Мстиславича Вяземского». Как видно уже по заглавию, автора данной редакции интересует не Юрий Святославич, а благоверная, целомудренная Иулиания Вяземская. В связи с этим он убрал из произведения все, что не имеет отношения к трагедии в Торжке. Из четырех частей С., выделяемых М. О. Скрипилем (1 — родословная Юрия Святославича и обстоятельства взятия Смоленска Витовтом, 2 — любовная трагедия в Торжке, 3 — скитания Юрия Святославича, его раскаяние и смерть, 4 — возвращение Смоленска), в Повести осталась лишь вторая часть. Вместо исключенного окончания редактор дописал новое, в стиле агиографических произведений. После сообщения о смерти Иулиании, тело которой, согласно этой редакции, было брошено по приказу Юрия Святославича в реку Тверцу, рассказывается о том, как крестьянин, «имя ему бог весть», идя по берегу реки, увидел тело Иулиании и сообщил об этом причту собора, который и принял меры к погребению Иулиании. Позднее это окончание Повести подверглось переработке и еще больше сблизилось с религиозной легендой: тело Иулиании плывет вверх по течению, от него «бысть глас», «расслабленный» крестьянин получает исцеление, и проч. Эта редакция, созданная с целью прославления Иулиании Вяземской, стала затем ее официальным Житием, постепенно обрастая посмертными чудесами.

Другая переделка С. озаглавлена так: «Сказание о убиении святого князя Симеона Мстиславича Вяземского и целомудренныя его княгини Иулиании, и о князе Юрии Смоленском». Если в центре

внимания двух предыдущих редакций стояла определенная личность, то автора данной редакции интересовало скорее событие — история убийства, что видно уже по заглавию и подтверждается всем дальнейшим повествованием. От сообщений исторического характера здесь осталось лишь несколько слов, а рассказ о любовной трагедии в Торжке и о последующей судьбе князя-убийцы сильно сокращен и переработан. Он напоминает по стилю краткую деловую «отписку» о происшедшем. Однако несмотря на краткость произведения заметно стремление автора сделать нравоучительный вывод из описанной трагедии. Подчеркнув незавидное положение князя-убийцы, мучимого и гонимого стыдом, автор замечает: «А тем (Вяземским. — Л. С.) исходатайствова убиемем своим вечный живот и небесное царство». Таким образом, данную редакцию можно, на наш взгляд, назвать дидактической, а не агиографической, как предлагал М. О. Скрипиль, поскольку никаких особенностей Жития в ней нет. Все три редакции С. изданы М. О. Скрипилем.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 444—446; Скрипиль М. О. Литературная история «Повести о Иулиании Вяземской» // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 170—175.

Лит.: Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836. С. 143; Барсуков. Источники агнографии. Стб. 281—282; История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 437—439; История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 257—258.

Л. В. Соколова

Сказания о Максиме Греке — рассказы о жизни, писательской и просветительской деятельности *Максима Грека*, иногда с подробностями сомнительной исторической ценности в духе житийного этикета. Интерес ученых к этим памятникам обусловлен не только содержащимися в них сведениями о древнерусском писателе, но и сообщением С. о легендарной библиотеке московских государей XVI в. Сохранилось четыре пространных С. о Максиме Греке, причем датировка и атрибуция трех из них до сих пор остаются спорными.

1. «Сказание о преподобнем Максиме философе, иже бысть инок святых горы Афонския преславныя обители Ватопедския, иже zde пострада довольна лета за истину» (другой вариант: «Сказание о Максиме иноке святогорце Ватопедския обители») — наиболее популярное С., сохранившееся в большом количестве списков. С. А. Белокуров выделил две редакции С. — пространную и краткую; он считал, что краткая редакция является первоначальной. Напротив, И. Денисов доказывает, что древнейшей редакцией следует признать пространную (А), от которой зависят две другие (В и С, последняя редакция выделена И. Денисовым).

С. А. Белокуров, скептически относившийся к преданию о богатствах библиотеки московских государей, пытался доказать позднее происхождение С.; по его мнению, С. написано в Троице-Сергиевой лавре старцем Иоасафом Сороцким не позднее 1634 г. Основной источник С. ученый видел в сочинениях самого Максима Грека. Атрибуцию С. А. Белокурова следует признать несостоятельной,

поскольку наиболее ранний список памятника — Горьковской областной библиотеки им. В. И. Ленина, Р/9 — датируется кон. XVI в. (С и н и ц ы н а Н. В. Максим Грек в России. М., 1977 С. 262). Противоположную точку зрения высказал А. И. Соболевский, который был убежден в существовании легендарной библиотеки и полагал, что С. написано вскоре после смерти Максима Грека. Датировку А. И. Соболевского поддержал и развил И. Денисов. И. Денисов считает, что С. написал А. М. Курбский до бегства в Литву. В пользу своей гипотезы ученый приводит следующие данные: легенда о судьбе греческих книг, вывезенных из Константинополя, которая содержится в С., пересказывается также в сочинениях А. М. Курбского; отдельные факты биографии Максима Грека, которые сообщаются в С., повторяются в сочинениях А. М. Курбского; идентичность некоторых выражений в С. и сочинениях князя также, по мнению И. Денисова, указывает на одного автора.

На основании этого С. (с дополнениями из С. о Максиме Греке № 2) были составлены статья «Троицкия Сергивы лавры выписано из летописныя книги о Максиме Греке» и эпитафия у гроба писателя (опубликованы в кн. С. А. Белокурова — Приложения. № 3, 8).

2. «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека и како претерпе до скончания своего» («Сказание о преведении Псалтири Толковья з греческаго языка на словенороссийский» — в выдержке из С. в рукописи ГПБ, Солов. собр., № 1046/1155) сохранилось в нескольких списках, из которых, по наблюдениям И. Денисова, наиболее исправные — ГИМ, Музейск. собр., № 3809 и Милютинские миней четии (под 30 июня).

Большая часть исследователей местом написания С. считает Троице-Сергиеву лавру на основании следующих слов памятника: «Словес Максимовых есть болше ста в трех книгах: книга в дещь на Москве во Андроньево монастыре; а вторая в Сергиево монастыре в полдещь, а в ней 74 главы; а третья на Каменом» (причем выписки из сочинений Максима Грека приводятся по сборнику в 74 главы, т. е. Хлудовскому собранию: С и н и ц ы н а Н. В. Максим Грек в России. С. 234—247). Д. Ф. Кобеко предлагал считать автором С. Феодосия Вятку, бывшего архимандритом Андроникова монастыря, а в 1570—1572 гг. — троицким архимандритом (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 139). Для датировки С. большое значение имеет текстуально близкое к нему краткое сообщение о Максиме Греке, написанное около 1591 г. «Исаием бывшим дяконом, урождением Каменца Подольскаго» (опубликовано в двух редакциях в кн. С. А. Белокурова — Приложение. № 1). Если А. В. Горский и К. И. Невоструев (Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. II, ч. 2. С. 580—581) считали, что краткое сообщение основано на С., то С. А. Белокуров настаивал на обратной зависимости памятников. Основываясь на том же сообщении, И. Денисов считает автором С. *Исаию Каменчанина*. По его мнению, Исаия написал С. в Троице-Сергиевой лавре между октябрём 1590 и апрелем 1591 г.

Помимо сочинений Максима Грека составитель С. пользовался С. о Максиме Греке № 1 (так считает И. Денисов) и предисловием Силуана к переводу Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея.

3. «О премудром и многотрудном Максиме иноке Святыя горы, в коя времена бяше zde в Росии великой, и откуду прииде, и како zde скопчяся, и где положен бысть, и много божественная писания книг переведе; бе бо вельми хитрый в философии изящен» сохранилось в четырех списках, бытовавших в старообрядческой среде: 1) Государственный Эрмитаж, Русский отдел, Э/РБ-30; 2) Государственная библиотека БССР им. В. И. Ленина, $\frac{091}{4195}$ к; 3) ГБЛ, собр.

Прянишникова, ф. 242, № 136; 4) Научная библиотека Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Отдел рукописной и редкой книги, Р/1238. Большинство ученых сходятся на том, что С. было написано в XVII или даже в XVIII в. (И. Денисов). Последняя датировка должна быть отвергнута, так как Эрмитажный список С. относится к посл. четв. XVII в. (л. 1—4, остальная часть рукописи начала XVII в.). По мнению И. Денисова, памятник был написан в Новгороде, поскольку, согласно рассказу С., греческие книги обнаружили не только в Москве, но и в Новгороде.

С. представляет собой компиляцию важнейших частей С. о Максиме Греке № 1 и 2; в нем использованы также предисловие Силуана к Беседам Иоанна Златоуста и, возможно, послание *Дмитрия Герасимова Мисюрю Мунехину*.

4. Житие Максима Грека, составленное в XVIII в. С. Ф. Моховиковым (в приложенной к этой статье библиографии не учитывается).

Изд.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Прил. С. XXIX—XXXVIII, XVII—XXVIII, XII—XVI (Соболевский А. И. [Рецензия] // ВАИ. СПб., 1900. Вып. 13. С. 269—281 (перепечатано в кн.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СОРЯС. 1910. Т. 88, № 3. С. 208—223); Кобек Д. Ф. [Рецензия] // Отчет о сорок втором присуждении награды графа Уварова (Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. 6, № 2). СПб., 1902. С. 183—208).

Лит.: Klostermann R. A. 1) Maxim Grek in der Legende // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1934. Bd 53. 3. Folge. 4. S. 171—228; 2) Legende und Wirklichkeit im Lebenswerk von Maxim Grek // Orientalia Christiana Periodica. 1958. Vol. 24. S. 353—370; Denisoff E. 1) Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe // Revue des études slaves. 1954. T. 31. P. 7—20; 2) Une biographie de Maxime le Grec par Kourbski // Orientalia Christiana Periodica. 1954. Vol. 20. P. 44—84; 3) Une biographie de Maxime le Grec par le métropolitain Isaïe Kopinski // Ibid. 1956. Vol. 22. P. 138—174; Шашков А. Т. 1) Поморский кодекс сочинений Максима Грека // Источниковедение и археология Сибири. Новосибирск, 1977. С. 97—98; 2) Тагильский сборник сочинений Максима Грека: (кодицилогические заметки) // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 6—7; Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин; Подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова. Л., 1982. С. 15—16, 67—68.

Д. М. Буланин, А. Т. Шашков

Слова о добрых и злых женах — комплекс взаимосвязанных произведений на одну тему, распространенных в древнерусских рукописных сборниках. Тексты С. подвижны, что позволило писцам как разделять их, так и объединять, пополнять выписками изречений из Притч Соломона, отрывками из *Пчелы*, из «Слова» *Даниила Заточника*. Особенно велико разнообразие С. в XVII и XVIII вв., когда в них вносятся истории из Римских деяний, Великого зеркала, из переводных польских фацеций и жарг.

Однако для рукописей XV и XVI вв. можно указать несколько более или менее стабильных текстов, большинство которых приписано Иоанну Златоусту: 1) «Слово Иоанна Златоуста о добрых (щедрых) женах» (нач.: «Услышите жены заповеди божия и научитесь в молчании повиноватися мужем своим. . .»); 2) «Слово Иоанна Златоуста о добрых (щедрых) женах и о злых» (нач.: «В посланиих к римляном апостол Павел глаголеть (менить): многи бо жены добры. . .»); 3) «Слово Иоанна Златоуста о злых женах» (нач.: «Есть лучше в пустыни со зверми жити, неже со злою женою в дому. . .»). Вариациями этих же текстов являются Слово, помещенное в *Великих Мисеях Четиих* под 29 августа: «Иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Цареграда слово на усекновение честных главы Иоанна Предтечи и о Ироде, и о добрых женах, и о злых» (нач.: «Паки Иродия беситесь, паки мятется, паки пляшет, паки просит главы Иоанна Крестителя безаконнаа от Ирода усекутви»), и С. (не приписанное Иоанну Златоусту) из сборника XVI в. ГБЛ, собр. Румянцева, № 359, л. 267—270 об. (нач.: «Ничто же есть подобно злой жене, развеет огонь да море, да женская злоба. Огонь бо грады пожигает, а море корабли потопляет, а злая жена дом мужа своего стваряет»).

В качестве примера другого типа С. можно привести статью из *Пролога* XV в. — ГПБ, Солов. собр., № 488 (697), л. 443—443 об. — под 18 февраля, содержащую советы страшиться жены: «Мала есть злоба всяка противу злобе женьстей и жребий грешника да спадеть на ню. . . Не дай жене наступати на крепость твою. . .» и проч., и С., составленное в виде вопросов и ответов: «Егда загориться храмина, чем ее гасити? Водюю. Что более воды? Ветер. . . Что мочнее хмелю? Соп. Что лютее сна? Жена зла».

В С. включались сюжетные притчи как краткие — о муже, плачущем по умершей злой жене, в страхе, как бы новая не оказалась еще хуже, и о муже, продающем детей злой жены, так и более пространные — из Судов царя Соломона о вельможе Декире и испытании женского ума, текст которой читается в Палее.

Содержание С. можно разделить на две части. Так, С. на усекновение главы Иоанна Предтечи и его варианты построены сплошь на библейских примерах, повествующих о женах, губящих сильных и славных мужей, начиная с Евы. Вспоминаются истории Самсона и Далилы, Иоанна Предтечи и Иродиады, Илья пророка и Иезавели, Иосифа Прекрасного, Давида, Соломона, Иова. В заключение делается вывод о том, что злая жена страшнее диких зверей, живущих в пустыне. Другая часть С. — это набор житейских правил и ситуа-

ций, характеризующих, с одной стороны, злых жен («мятеж бо в дому ревнива жена», «ничего жене зле тайны не повеждь, да не погибнешь», и проч.), с другой — добрых («жены добры оградisha дома», «такова бо всегда благаа творить во всем животе своем»). Картины домашнего хозяйства, о котором печется добрая жена, работ, купли, ею совершаемых, дополняются наставлениями о воспитании дочерей и рекомендациями женам жить согласно с мужьями, быть послушными и молчаливыми, особенно в церкви. С. относятся к дидактическим учительным произведениям, рассчитанным для домашнего назидательного чтения, наглядно внушавшим правила взаимоотношений людей в семейной жизни. Русский книжник, подбирая иллюстрации к этим правилам, изображает женщину гиперболизированно: добрая жена становится у него средоточием всех христианских добродетелей, злая жена — страшнее всех зол, она лишает человека не только счастья на земле, но ввергает его в ад после смерти.

С., содержащее библейские примеры, приписано Иоанну Златоусту уже в греческой традиции, в то время как оно, скорее всего, принадлежит Ефрему Сирину (Творения Ефрема Сирина. М., 1850. Ч. 4. С. 14—19). Часть этого С. читается в Вопросах и ответах Анастасия Синаита, дополненная другими отрывками. Тексты Ефрема Сирина и Анастасия Синаита, выписки из Притч Соломова, из Иисуса Сирахова и из других книг Священного писания явились основными источниками для многочисленных С. в древнерусских сборниках, часть из которых можно считать русскими сочинениями.

В древних русских рукописях С. помещены, как правило, в сборниках поучений, самые ранние из которых — *Изборник 1073 г.*, где на л. 169—175 читается 84-я глава Вопросов и ответов Анастасия Синаита, и *Изборник 1076 г.* (*Изборник 1076 года*. М., 1965. С. 382—384; текст статьи о женах в нем полностью не сохранился из-за утраты целой тетради). Важную роль в знакомстве русского читателя с этой темой сыграли подборки в переводных Пчелах, широко использующих высказывания античных и христианских писателей о женском нраве (Бессонов П. Книга «Пчела». Памятник древней русской словесности // *ВОИДР*. 1857. Кн. 25. Отд. II. С. XXXI—XLVI). Возможно, именно из подборок Пчелы изречения о женах проникли в «Слово» Даниила Заточника. Будучи приписанными Иоанну Златоусту, эти слова попадали в *Златоструй* и *Измарагд* (см. состав Измарагда первой редакции: Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893. С. 20—21, № 52, 53, 54). С. из Измарагда, в свою очередь, могло явиться источником для соответствующего текста «Домостроя» (Некрасов И. С. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873. С. 110—112). Сокращенные варианты С. читаются в печатном Прологе под 3 июня — «Поучение к женам, да будут молчаливы», под 20 июля — «Слово Иоанна Златоустого о злых женах», под 23 июля — «Слово о женах добрых, о молчаливых и о кротких».

Изд.: Строев С. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841. С. 123—124; Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850. С. 39; Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Учен. зап. Второго отд. имп. Академии наук. 1859. Кн. 5. С. 65; «В 29 день месяца августа Слово Иоанна Златоустого на усекновение главы Иоанна Предтечи и о Иродии и о добрых женах и о злых». Литографированное издание списка с рукописи XV в. из библиотеки Святейшего Синода в С. Петербурге № 78. Гл. 11, л. 76—90. СПб., 1877 (Изд. ОЛДП. № 57); Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 119—124, № 60, 61, 62; Симоны П. Описание рукописного сборника Кирилло-Белозерского монастыря XV века // СОРЯС. 1922. Т. 100, № 2. С. 6—10.

Лит.: Сухомятин М. О псевдонимах в древней русской словесности. СПб., 1855. С. 15—33; Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 269—275; Лавровский Н. Памятники старинного русского воспитания // ЧОИДР. 1861. Кн. 3. Отд. II. С. 21—28.

М. Д. Каган

«Слово избрано от святых писаний, еже на латыню» — публицистическое произведение, написанное в 1461—1462 гг. и направленное против Флорентийского собора, против унии восточно-христианской и римско-католической церквей; оно написано с целью оправдать законность избрания собором русских епископов московского митрополита *Феодосия*, отстоять автокефальность русской церкви и прославить независимую политику великого московского князя *Василия II*.

С. (полное название: «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню, и сказание о составлении осмаго собора латыньскаго, и о извержении Сидора Прелестнаго, и о поставлении в Русской земли митрополитов, по сих же похвала благоверному великому князю Василию Васильевичу всея Руси») состоит из двух частей: первая часть представляет собой переработку «Повести о осьмом соборе» *Симеона Суздальского*, вторая повествует об истории поставления на Руси митрополитов (после смерти митрополита *Фотия*), о низложении Василием II митрополита *Исидора*, о поставлении собором русских епископов в московские митрополиты *Ионы*, а после его смерти — *Феодосия*. С. обосновывает права русской церкви на независимость от Византии, а в заключении содержит похвалу великому князю Василию Васильевичу. Время создания С. ограничивается промежутком между смертью митрополита *Ионы* и возведением в московские митрополиты *Феодосия* (3 мая 1461 г.) и датой смерти *Василия II* (27 марта 1462 г.).

С. составлено из целого ряда источников, подвергшихся идейно-стилистической обработке. С. основано на тексте первого вида второй (сокращенной) редакции Повести Симеона Суздальского; в нем использована грамота *Исидора* от 5 марта 1440 г., послание римского папы *Евгения* *Василию II*, послание *Василия II* в Константинополь 1441—1443 гг., послание римского папы *Пиуса* польскому королю *Андрею* (*Казимиру*) 1442—1458 гг. и ответное послание польского короля *Андрея* *Василию II*. На стиль С. оказали влияние похвальные слова великим князьям.

Относительно автора С. исследователями было высказано два предположения. Ф. И. Делекторский, исходя из того, что в основу памятника положена Повесть о восьмом соборе Симеона Суздальского, считал, что его мог написать сам Симеон в последние годы жизни. Однако гипотеза эта была оспорена А. С. Павловым, А. Д. Щербиной, В. М. Яблонским, Н. В. Мощинской, Н. А. Казаковой. А. С. Павлов высказал встречную догадку: автором С. мог быть *Пахомий Серб*. Однако вопрос об атрибуции памятника остается нерешенным.

Текстологическую историю С. исследователи (Ф. И. Делекторский, А. Д. Щербина, Н. А. Казакова) тесно связывают с двумя видами второй редакции Повести Симеона Суздальского, вошедшей в состав памятника. Первый вид второй редакции Повести Симеона (и соответственно — первый вид С.) исследователи (Ф. И. Делекторский и Н. А. Казакова) устанавливают на основании тех изменений, которые происходят с текстом Повести при включении ее в состав С.: утрата элементов автобиографичности и т. д. Второй (сокращенный) вид второй редакции Повести (и соответственно С.) те же исследователи определяют как Летописную повесть о Флорентийской унии. А. Д. Щербина, напротив, считает первоначальным текст Летописной повести о Флорентийской унии. Нет согласия между исследователями и по вопросу, следует ли рассматривать как единую литературную историю Повести Симеона и С. или (как полагает Н. В. Мощинская) изучать С. как самостоятельное произведение. Таким образом, одной из основных задач продолжает оставаться текстологическое изучение памятника как в составе летописей и летописных сводов, в которых он помещается под 1437—1439 гг. (в частности, в *Летописях Софийской II, Воскресенской, Никоновской, Симеоновской* и в *Летописных сводах Московских великокняжеских 1479 г. и кон. XV в.*), так и в составе Минеи Четых XVI—XVII вв. (в трех беловых и черновых списках Макарьевских *Великих Минеи Четых*, в *Минеях Четых Чудовских* (Годуновских) и др.). Следует отметить, что кроме текста С., помещенного в Великие Минеи Четые под 31 августа (см., например, ГИМ, Синод. собр., № 996, л. 592—602), у митрополита *Макария* был еще один список С. в его собственном сборнике — ГБЛ, собр. Румянцева, № 204.

Изд.: ДРВ. Ч. 6. С. 48—70; Софийская II летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 151—161; Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 100—109; Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновской, летописью // ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 23—43; Симеоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 176—188; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 253—261; П о п о в А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 360—395; П а в л о в А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 108, 198—210; М а л и н и н В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. С. 447—467; Прил. С. 102—127.
Лит.: Д е л е к т о р с к и й Ф. И. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // ЖМНП. 1895. Ч. 300, июль. С. 144—184; Щ е р б и н а А. Д. Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. Одесса, 1902. С. 33—35; Л и х а ч е в Н. П. Инок Фомы

Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908. С. LVI—LX (ПДПИ. Т. 168); Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908. С. 200—202; Еремий И. П. Слово избрано на латыню // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 299—302; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 362, 367—372; Черепнин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 176—187; Мошинская Н. В. 1) Литературная история «Повести о осьмом Ферраро-Флорентийском соборе» Симеона Суздальского // Вопросы русской литературы. М., 1971. С. 55—60 (Учен. зап. Москов. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. № 455); 2) «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского и «Хождение на Ферраро-Флорентийский собор» неизвестного суздальца как литературные памятники середины XV века: (Текстология, идеологические тенденции и стиливое своеобразие): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1972. С. 7—8; Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 66—67.

Н. Ф. Дробленкова

«Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» — анонимное произведение, прославляющее московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского (1350—1389 гг.); состоит из насыщенной похвалами исторической части, где повествуется о жизни князя, его победах над татарами, о наставлениях, данных им перед смертью сыновьям, о его завещании им и разделе между ними земель, и из пространной риторической похвалы. О себе автор говорит как о современнике князя, присутствовавшим на его похоронах. Отдельно текст С. не встречается, находится лишь в составе летописных сводов в статье 1389 г. Древнейший вид С. имеет в *Летописях Новгородской Карамзинской и Новгородской IV*; С. в *Софийской I* и более поздних летописях восходит к этому виду и передается с какими-то сокращениями.

С. — яркое мастерское литературное произведение. Автор начитан, так или иначе он использовал ряд литературных памятников — *Повесть о Куликовской битве* (летописную), *Повесть о житии Александра Невского*, Паремийное чтение о Борисе и Глебе, апокрифическое Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов. С. начинается свидетельствами о благородстве и чести предков великого князя Дмитрия Ивановича, включая «царя Володимера, новаго Костянтина, крестившаго землю Рускую». Затем очень сжато говорится о жизни князя Дмитрия: оставшись в отрочестве по причине смерти близких родных «единъ въ области великаго княжения» и приняв «скипетръ дръжавы земля Рускыа, настанование земнаго царства, отчину свою, великое княжение», юный князь повел себя достойным образом и в делах веры, и в «стражбе земли Руской» («кратным же всегда въ бранех страшен бываше, и многы врагы, въстающая на нь, победи, и славный градъ Москву стенами чюдно огради»). Когда князю было шестнадцать лет, «приведоша ему на брак княгиню Овдотью от земля Суждалскыа». Автор отмечает, что жили князь и княгиня целомудренно, во взаимной любви, «плотогодия» не творили; к этой теме он далее возвращается. Неоднократно автор говорит и о славе князя, об «умножении славы имени

его». Именно славой князя Дмитрия объяснен здесь его конфликт с Мамаем: некие «царие земстии», лукавые советники Мамаю, «иже христиански веру дръжаху, а поганых дела творяху», донесли тому, что «Дмитрий великий князь себе именует Руской земли царя и паче честнейша тебе славою, супротивно стоит твоему царствию», и Мамай решил пойти походом на Русь, разорить там церкви, обратить народ в магометанство, а князей перебить.

Сначала Мамай послал на Русь воеводу Бегича, но великий князь Дмитрий Иванович его победил. Тогда пошел походом сам Мамай. Узнав об этом, великий князь Дмитрий Иванович помолился богородице (автор приводит его молитву), призвал «вельмож» и князей Русской земли «положити главы своя за правоверную веру крестьянскую» (те отвечают, что готовы пролить за князя свою кровь и в ней принять «второе крещение») и, уповая на помощь «святого Петра, новаго чудотворца и заступника Руския земля», встретил Мамай «в татарскомъ поле на реце Дону». Во время битвы «мнози же достовернии видяху аггелы божиа помогающа христьяномъ».

После победы Дмитрия Ивановича «бысть тишина в Руской земли», «расколници же и мятежници царства его вси погибоша». При этом отмечается, что, подобно Давиду, помиловавшему детей Саула, великий князь был милостив к провинившимся перед ним: «повинныа же пращаше». Следует хвалебный пассаж, где встречается два ряда гомотелевтонов («князя Руския въ области своей крешляпше, / вельможам своим тих и уветлив в наряде бываше, / никогоже оскорбляпше, / но всех равно любляпше, младых словеса наказаше. . .») и т. п.). Здесь вновь автор говорит о благочестии и чистоте князя и затем сообщает, что прожил тот со своей княгиней Овдотьей двадцать два года, что великое княжение держал двадцать девять лет и шесть месяцев, потом тяжело заболел, на время ему полегчало («и възрадосая великаа княгини радостию великою, и сынове его, и вельможи царства его»), но затем ему стало хуже, и он уже почти умирал, когда у него родился сын Константин. Тут князь в С. говорит своим детям и боярам поучения, а затем передает старшему сыну Василию «великое княжение, яже есть столь отца его и деда и прадеда», и наделяет земель других сыновей — Юрия, Андрея и Петра, и умирает (причем «просветися лице его яко аггелу»). Следует пространный плач княгини. Сказав далее о похоронах князя (здесь упоминаются как присутствовавшие трапезундский митрополит грек Феогност, русские епископы Даниил Смоленский и Савва Сарайский и игумен Сергей Радонежский), автор помещает большую риторическую похвалу покойному. В ней говорится между прочим, что князь каких-то «словес учитель препираше» и заставлял умолкнуть философов, «крутыми словеса» речи отменяя, мало сам говоря, а много разумея. В длинном ряду следующих далее хвалебных уподоблений князя некоторые, кажется, более понятны были современникам князя и автора, нежели нам: «Евера ли ты нареку, не примесившася безумных язык столпотворению? Ты же столпъ нечестья раздрусилъ еси в Руской земли и не примеси себе къ безумнымъ странамъ на крестиянскую погибель». Обращаясь к покойному князю как

к святому, автор просит его непрестанно молиться о его, княжеском, роде и населяющих его царство людях: «Умоли убо, святе, непрестанно о роде своем и за вся люди, сущая въ области царства твоего».

В тексте С. в его древнейшем виде обнаружилось случайно вклинившееся в него письмо, судя по всему — автора С. к его заказчику, какому-то «преподобству». Письмо разорвало фразу о философах Платоне и Пифагоре, один из которых «благословесно известова», а другой предпочитал словам молчание. Автор говорит об этом, как кажется, намекая на то, что он вынужден о чем-то в своем С. умолять. В письме же упоминается просьба «преподобства» к автору написать «слово», говорится о суетности и «строптивности» жизни автора, о его бескорыстной любви к адресату, о божественности любви и о сознании скудости того, что он, автор, смог в ответ на просьбу «преподобства» написать.

С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматов считали, что С. было создано в кон. XIV в. В. П. Адрианова-Перетц отметила сходство стиля С. со стилем произведений, написанных именем *Епифания Премудрого*, но сочла возможным допустить, что С. было написано в 1-й четв. XV в. или даже в более позднее время — как отклик на между княжескую борьбу 30—40-х гг. XV в. XV же веком склонна датировать С. М. Ф. Антонова и склонна была М. А. Салмина, со временем посчитавшая более вероятным XVI век. Наблюдения над литературными особенностями С. побудили А. В. Соловьева, а затем Г. М. Прохорова видеть в самом Епифании Премудром автора С. (Отсутствие имени автора в заголовке С. один объясняет монашеской скромностью Епифания, другой тем, что С. предназначалось для летописного свода, произведения безымянно-коллективно-авторского).

Изд.: ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 351—366; СПб., 1853. Т. 6. С. 104—111; ПЛДР. XIV—середина XV века. М., 1981. С. 208—229.

Лит.: Ш а м б и н а г о С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 66, 352—358 (Ш а х м а т о в А. А. [Рецензия] // Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академиею наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 119—121); А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 73—96; С о л о в ь е в А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского» // Там же. 1961. Т. 17. С. 85—106; С а л м и н а М. А. 1) Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского // Там же. Л., 1970. Т. 25. С. 81—104; 2) «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», памятник XVI в.? // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 159—162; А н т о н о в а М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»: (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 150—154; V o d o f f W. Quand a pu être composé le Panégyrique du grand-prince Dmitrii Ivanovich, tsar russe? // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. No 1—2. P. 82—122; П р о х о р о в Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 88—122.

Г. М. Прохоров, М. А. Салмина

Слово о Хмеле (в рукописях: «Слово о высокоумном Хмелю и художным и вестройных пьяницах», «Слово Кирила-философа жо всякому человеку», «Слово святого философа о Хмелю», «Повесть

дивна древних и премудрых мужей о Хмеле», «Повесть о высокоумном Хмеле») — памятник 2-й пол. XV в. Конкретные исторические реалии в произведении отсутствуют, древнейшие его списки относятся к 1470-м гг. Кириллу-философу С. приписывалось без достаточных оснований, из обычного стремления сделать текст более авторитетным.

С. — самое древнее в кругу тех сочинений (см. Повесть о Хмеле и Послание к некоему инокю о Хмеле), где Хмель предстает как литературный персонаж и обращается с речью, соединяющей похвалу самому себе и назидание «ко всякому человеку» — князю, боярину, купцу, княжескому слуге, селянину, мастеру, женщине. Этот монолог в произведениях XVII в. получил повествовательное обрамление, но в С. сохранился в чистом виде (самые поздние списки С. относятся к XIX в.), что является главной отличительной чертой памятника, так как названия его в рукописях не всегда дают возможность определить его.

На отражение в сочинениях о Хмеле представлений о винограде как греховном плоде указывали А. Н. Веселовский и А. Н. Пыпин (История русской литературы). В С. обнаруживаются заимствования из произведений учительской литературы, осуждающих пьянство: Наказания отца духовного к сыну, вошедшего (под другими названиями) в *Измарагд* и *Златоуст* (см.: Смирнов С. Древнерусский духовник. Очерк. Сергиев посад, 1899. С. 48—49, 96—98), слов, приписываемых Василию Кесарийскому, *Феодосию Печерскому* (см.: Сочинения преподобного Феодосия Печерского, изд. преосвященным Макарием // Учен. зап. II отд. имп. Академии наук. 1856. Кн. 2, вып. 2. С. 157—158; Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1876. № 58. С. 321—326).

С. входит в число памятников древнерусской литературы, тесно связанных с устной народной поэзией. Эта связь проявляется и в использовании устно-поэтических средств ритмизации речи, и в особенностях решения учительской задачи. Кичливый Хмель, обращаясь к человеку, предостерегает, угрожает, описывая бедственную участь любителей хмельного, что как бы соответствует традициям учительного краспоречия, но имеет иронический оттенок. Зачин С. пародирует ветхозаветные пророчества («Тако глаголет Хмель. . .»), «автопортрет» Хмеля, являющийся одновременно и портретом любого из его друзей-жертв, имеет смеховой характер. Ирония исчезает во второй части С., сменяясь вполне серьезным и суровым обличением пьянства. В С., в сравнении с другими произведениями на ту же тему, большее внимание уделяется земным делам, житейскому благополучию человека. Жертвы Хмеля утрачивают способность выполнять обязанности, связанные с родом их деятельности, социальным положением, теряют свой авторитет в глазах людей, причём человек теряет его не как личность, а как представитель определенной корпорации, он оказывается исторгнут из мира упорядоченных отношений, что обычно для смеховой культуры Древней Руси.

С. выделяется среди учительных сочинений, порицающих пьянство, и трактровкой нравственных проблем. Хотя сам Хмель предупреждает о своих опасных свойствах, а вторая часть С. содержит традиционные суждения о допустимости «пития в меру» и осуждает «безмерное» пьянство, но многократное перечисление бедствий, ожидающих пьяниц, и отсутствие средств к спасению (молитва спасти пьяницу не может) почти не оставляют возможности «спасенного пути», мысль о свободе нравственного выбора (соответствующая доктрине православной церкви) применительно к пьяницам превращается в издевку. Соединение в С. насмешливого поучения с жестокостью наказания, характер которого соответствует характеру преступления (см.: Лихачев Д. С. Литература эпохи исторических размышлений // ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 14), напоминает другое произведение 2-й пол. XV в. — Повесть о Дракуле. Хмель — «это первое и полное воплощение двойника главного героя» (Лихачев Д. С. Жизнь человека в представлении неизвестного автора XVII в. // Повесть о Горе-Злочастии. Л., 1984. С. 99), что сближает С. с Повестью о Горе-Злочастии и — далее — с литературой нового времени.

С. имеет сходство и со Словом о ленивом (см.: Буслаяв Ф. И. Исторические очерки. . . ; Владимиров П. В. Древнерусское слово о ленивом и сопливом // Труды IX археологического съезда (в Вильне). М., 1897. С. 317—322; Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 93—94). Сон, «лень так же неотвязны, как Хмель, приводят человека к нищете, «неустроенности». Частичное включение текста Слова о ленивом в С. было сделано, вероятно, раньше списка *Ефросина*, носящего следы его редакторской правки и отразившего уже контаминированный текст (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 9/1086, л. 517—519 об.).

Наиболее широко представлен в рукописях вариант С., не имеющий вставки из Слова о сопливом (древнейший его список: ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, ф. 304, № 408, л. 387 об.—391). На основе текста этого варианта во 2-й пол. XVII в. возникли Повесть о Хмеле, Псалтирь к некоему иноку о Хмеле и стихотворное Слово о пьянстве. Текст С. (именно С., а не Повести), с некоторыми изменениями, послужил подписью к лубочным картинкам.

Изд.: Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Учен. зап. П. отд. имп. Академии наук. 1859. Кн. 5. С. 64—65; ПЛДР. Вторая половина XV в. / Подгот. текста, пер. и коммент. М. Д. Каган-Тарковской. М., 1982. С. 578—581, 688; Повесть о Горе-Злочастии / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л., 1984. С. 78—81.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 204—206; 2) История русской литературы. СПб., 1898. Т. 1. С. 543—544; Буслаяв Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 557—570; Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 4. С. 224—230; Веселовский А. Н. Памятники литературы повествовательной // А. Гадахов. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. СПб., 1894. Т. 1. С. 465—473; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 1, ч. 2. С. 289—292; Назаревский. Библиография. С. 139—140; Махновец Т. А. «Слово

«Собрание на лихоимцев» см. *Вениамин*.

Софоний Рязанец см. «*Задонщина*».

Спиридон—Савва (по прозвищу Сатана) (2-я пол. XV—нач. XVI в.) — киевский митрополит, писатель и публицист. Биографические данные о С. устанавливаются на основании ряда источников. Наиболее ранние известия о нем записаны под 1476 г. в *Летописи Типографской*: «Того же лета прииде из Царяграда в Литовскую землю митрополит, именем же Спиридон, а родом тверитин, поставлен по мзде патриархом, а повелением турского царя» (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 195). Поставление С. в митрополиты объясняется следующими обстоятельствами. В 70-х гг. XV в. шла ожесточенная борьба за митрополию «всая Руси» между московским и литовским митрополитами. С., выступив в качестве третьего претендента, сумел получить от константинопольского патриарха посвящение в этот сан. По всей видимости, Москва опасалась его более всего как представителя тверской политической силы. Отречения от С. московские власти прежде всего потребовали от тверского епископа. В «утвержденной» грамоте *Вассиана*, получившего тверскую кафедру в 1477 г., специально сообщается о С.: «А к митрополиту Спиридону, нарицаемому Сатане, взыскавшего во Цариграде поставления, во области безбожных турков, от поганого царя, или кто будет иной митрополит поставлен от латыни или от Турского области, не приступити мне к нему, ни приобщения, ни соединения ми с ним не имети никакова» (РИБ. СПб., 1880. Т. 6. С. 683—684). О поставлении на «киевскую митрополию всея Руси» сам С. говорит в наиболее раннем из дошедших до нас его произведений — в «Изложении о православней истинней нашей вере». Король Казимир не принял поставленного в Константинополе нового митрополита. В Литве С. оказался в заточении. В *Летописях Софийской II и Львовской* под 1482 г. рассказано о безуспешной попытке С. прибегнуть к помощи *Ивана III* для своего освобождения (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 233). Очевидно, С. был очень деятельным и ловким человеком, так как здесь же в летописи отмечено, что прозвище Сатана он получил за свою «резвость». И видимо, не без оснований было сказано о поставлении его в митрополиты «по мзде». Когда и при каких обстоятельствах С. удалось освободиться из заточения и перебраться на Русь, остается неизвестным. Но и на Руси отрицательно отнеслись к притязаниям С. на киевскую митрополию, в епископской присяге времени митрополита *Симона* (1495—1511 гг.) упоминался С. среди лиц, от которых отрезалась русская церковь (РИБ. Т. 6. С. 451—452; Макарый [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1879. Т. 9. С. 64). Предпринимал ли С. на Руси какие-либо шаги в связи с присвоением ему митрополичьего сана — неизвестно, но тем не менее он оказался

в заточении в Ферапонтове монастыре. Случилось это между 1483 и 1503 гг. Из Жития Зосимы и Савватия узнаем, что в 1503 г. С. проживал в Ферапонтовом монастыре. Находясь в заточении, сам С. не отказался от высокого сана, так как и в своем последнем произведении (Послании о Мономаховом венце) он обращается к своему адресату, как положено митрополиту.

До нас дошло три сочинения С., относящихся к последнему периоду его жизни. Два из них написаны С. по заказу, следовательно, он был известен как человек пишущий. Первым по времени написания из сохранившихся произведений С. является «Изложение о православней истинней нашей вере», появление которого обусловлено жизненными обстоятельствами автора. По всей видимости, оно относится к первым годам заточения С. в Ферапонтовом монастыре, ибо, рассказывая о себе, С. замечает: «... сладки нам юзы и радостна изгнанья». Правда, существует мнение, что это произведение написано было еще в Литве (Никольский и А. Спиридон, митрополит Киевский // РБС. 1909. Т. 19. С. 259). В самом начале «Изложения» он сообщает о целях своего сочинения — описание семи вселенских соборов. Далее С. рассказывает о себе, о своем поставлении в митрополиты и об изгнании, затем уже говорит о соборах. Он стремится доказать свою постоянную приверженность православию, что и можно считать истинной целью «Изложения». Верность православию Спиридону надо было доказывать постольку, поскольку его поставление в митрополиты в «области безбожных турок» расценивалось равным поставлению в Риме («от латинян»). Рассказывая о борьбе вселенских соборов с ересями, С. каждый раз добавляет о своем отрицательном отношении к этим ересям и придает их проклятью, а себя считает невинно пострадавшим за православие. В «Изложении», кроме того, затронут вопрос о неприемлемости накопления богатств церковью. Памятник не опубликован, читается в рукописи ГПБ, Соф. собр., № 1451, л. 243—261 об.

Над Житием Зосимы и Савватия соловецких С. трудился в 1503 г. Об участии его в работе над этим произведением сообщается в предисловии и послесловии к Житию. В создании Жития С. выполнил роль соавтора и редактора, подвергнувшего произведение литературной обработке по просьбе Досифея, первоначального составителя Жития. Последний обратился к С., «понеже бе муж мудр, измлада извыче и добре умея божественная писания новая и ветхая» (ГБЛ, Волок. собр., № 659, л. 309). В послесловии к Житию С. сообщил, что он описал жизнь Зосимы и Савватия, используя и записи Досифея, и его дополнительные устные рассказы. Согласно позднее составленному новому предисловию к Житию, которое приписывается Максиму Греку, С., хотя и провел литературную обработку произведения, но не в достаточной степени («Отчасти убо исправи и добрословием украси, но не все» — К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 201). Так или иначе, но современники видели в С. писателя-профессионала, способного придать произведению подобающие жанровые черты. Помимо Досифея, считавшего, что С. знает «писания новая и ветхаа», архиепископ Новгородский Геннадий,

одобренный обращение Досифея за помощью к С., тоже отметил эрудированность последнего: «Сий человек в нынешняя роды беяше столп церковный, понеже измлада извыче священная писания» (ГБЛ, Волок. собр., № 659, л. 309 об.). К сожалению, нет исследования, в котором была бы дана аргументированная характеристика С. как агиографа, однако это возможно сделать только после проведения текстологического анализа списков Жития Зосимы и Савватия. По мнению И. Яхонтова, Житие Савватия бедно фактическими сведениями и более украшено общими чертами агиографического стиля, в Житии Зосимы больше содержится конкретных фактов. В целом, как считает И. Яхонтов, С. не достиг совершенства стиля «плетения словес», хотя в произведении в достаточной степени использованы стилистические обороты, близкие *Пахомию Сербу*.

Известностью С. как широко образованного человека объясняется работа его еще над одним произведением, содержание которого со всей ясностью показывает, что писателя интересовала не только церковная, но и историческая и современная политическая литература. Будучи уже девяностолетним старцем, примерно в 10-х гг. XVI в. С. написал еще одно произведение, оформленное в виде послания и известное в научной литературе под названием Послания о Мономаховом венце. Оно было написано С. в ответ на запрос какого-то очень влиятельного лица, имя которого в дошедших до нас рукописях не сохранилось (С. пишет: «Потребовал еси он нас своим писанием и нашими чернецы»). Судя по косвенным данным, этим лицом мог быть *Вассиан Патрикеев*, который занимал в то время видное положение при дворе *Василия III*. Как сообщает сам С., перед ним была поставлена задача изложить происхождение династии русских великих князей на фоне важнейших событий мировой истории. С. в своем произведении, начиная рассказ с потомков Ноя, устанавливает генеалогическую связь предков *Василия III* с римским императором *Августом* через *Пруса*, который якобы был родственником *Рюрика*. Говоря о родстве русских великих князей с римским императором, С. тем самым утверждает престиж великокняжеской власти. Кроме того, в Послании приведена легенда о том, как *Владимир Мономах* получил царский венец от византийского императора. Этим доказывалось то, что русские князья издревле и традиционно владели регалиями царских достоинств. *Василия III*, так же как *Владимира Мономаха*, С. называет «вольным самодержцем» и царем.

Начиная словами: «А иже рече о вчинении родов Литовского княжества», С., вслед за описанием высоких достоинств русских великих князей, добавил родословие литовских князей. Согласно повествованию С., последние стояли в генеалогическом отношении на значительно более низкой ступени по сравнению с русскими князьями. По его утверждению, они происходили от «Гегиминика» (Гедимина), который всего-навсего был «кошошцем» мелкого вассала смоленского князя *Ростислава Мстиславича*. Весь рассказ о родословии литовских князей поставлен в зависимость от событий русской истории, причем в центре повествования оказались твер-

ские князья Александр Михайлович и его сын Михаил Александрович. С. прославляет деятельность тверских князей, говорит о них как о великих князьях, которые стремились восстановить заустевшую Русскую землю после татарских разгромов. Именно в этой части повествования С. со всей очевидностью обнаружилась связь его с традициями тверской политической литературы XV в. Только тверским происхождением автора можно объяснить то, что в XVI в. в произведение на политическую тему, прославляющее авторитет власти московских князей, были включены некоторые факты о ведущей роли тверских князей в общерусских событиях XIV в. Эта оплошность С. была устранена сразу же в последующей обработке содержания его Послания. С. не всегда придерживается традиции и в передаче общеизвестных исторических фактов, допускает и неточности, которые следующий редактор тоже постарался устранить. Проникшая в Послание С. тверская тема указывает на то, что источники легенд, обосновывающих авторитет великокняжеской власти на Руси в XVI в., надо искать в политической литературе тверского княжества, где в XV в. был высоко развит придворный этикет. В Слове похвальном инок *Фомы* и в «Предисловии летописца княжения Тверского» тверские князья именуется царями и самодержцами. Теми же терминами пользуется С., говоря о Василии III, хотя в официальной практике того времени они еще не были общеприняты.

В целом С. справился с возложенным на него заданием: он дал фактический материал для прославления и обоснования высокого авторитета великокняжеской власти. Его Послание легло в основу *Сказания о князьях владимирских*, которое широко использовалось в политической практике русского централизованного государства XVI в. В научной литературе существуют и иные точки зрения на зависимость между текстами Послания и Сказания о князьях владимирских и на обстоятельства их создания (см. исследования И. Н. Жданова, А. А. Зимина, А. Л. Гольдберга).

Изд.: ВМЧ. Апр., дни 8—21. М., 1912. Стб. 502—595; Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 159—170 (Лурье Я. С. [Рецензия] // ИОЛЯ. 1956. Т. 15, вып. 2. С. 171—177).

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития. С. 198—203; Яхонт о в И. Жития св. северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 13—32; Жданов И. Н. Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских» // ЖМНП. 1891. Т. 10. С. 325—362; Зимин А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 129—138; Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 204—216; Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Там же. С. 217—237.

Р. П. Дмитриева

Степенная книга см. *Афанасий, митрополит*.

Стефан (ок. 1340—26 IV 1396) — епископ Пермский, создатель пермской азбуки и переводчик богослужебных книг на зырянский язык, возможный автор Поучения против стригольников. Основным

источником сведений о нем является Житие Стефана Пермского («Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа»), написанное хорошо его знавшим *Епифанием Премудрым* небольшое время спустя после смерти святителя. Родился С. в Великом Устюге, в русской семье. Согласно *Житию Прокопия Устюжского*, юродивый Прокопий был другом отца С., Симеона, и поклонился его матери, Марии, когда ей было всего три года, поприветствовав ее как мать великого Стефана, учителя и епископа Пермского (*Житие Прокопия Устюжского* / Изд. ОЛДП. СПб., 1893. С. 46, 56). С. в детстве быстро выучился читать и писать и еще отроком был сделан канонархом в церкви (чтецом канонов). Не старше двадцати пяти лет он постригся в монахи в своем епархиальном центре, Ростове, при епископе Парфении в монастыре Григория Богослова, «Братском затворе», при игумене Максиме. В монастыре он сохранил свое крещальное имя (хотя, может быть, сменил при этом святого покровителя). В ростовском «Затворе», носившем характер учебного заведения, он учился вместе с Епифанием Премудрым и выучил греческий язык так, что мог на нем говорить. Зырянский (пермский) язык он знал, видимо, с детства. В монастыре С. стал также опытным книгописцем и, вероятно, освоил также искусство иконописи. За время пребывания там С. укрепился в решимости стать апостолом язычников-зырян и изобрел азбуку для их языка, используя при этом, как допускают, значки, вырезавшиеся зырянами на тонких четырехугольных палочках, служивших им в качестве денег (так называемые «пасы»). Он перевел на их язык и записал новоизобретенными знаками основные богослужебные тексты, по всей вероятности — Часослов, Псалтирь и Служебник — тексты литургии, заутрени и вечерни.

Через пять лет пребывания в монастыре С. был рукоположен в дьякона, а перед началом его проповеди среди зырян, в 1379 г., местоблюститель митрополичьего престола Коломенский епископ Герасим возвел его в Москве в сан священника. Начав проповедовать с Котласа (Пырас), С. прошел по Перми не менее тысячи километров, уничтожая кумирни и священные деревья зырян, основывая церкви, школы, часовни и ставя кресты. Пень срубленной им в Усть-Выми «прокудливой березы», почитавшейся язычниками, он использовал как престол для новооснованной Архангельской церкви (при ее перестройке в 1787 г. этот пень был разобран на куски местным населением). Кедр в ограде этой церкви, по преданию, был посажен самим С. Его произведением считался и часовенный деревянный крест в с. Виньдеге в районе Яренска. Житие рассказывает о победе С. в прении с волхвом Памом, вынудившей Пама покинуть Пермь; а о Паме известно, что он со своим родом ушел в Сибирь и там на р. Оби основал селение Алтым, жители которого еще в кон. XIX в. хранили память о нем как о первом поселенце.

Некоторой отмеченной П. Д. Шестаковым странностью Жития является то, что там говорится, что С. рукополагал обращенных им пермяков в попов, дьяконов, иподьяконов, чтецов и певцов, не будучи еще епископом. На пятом году проповеди, зимой 1382—

1383 г., С. отправился к митрополиту просить для крещеной им Перми епископа. Митрополит Пимен во Владимире поставил в Пермского епископа (создав тем самым восемнадцатую епископию на Руси) его самого. Великий князь Дмитрий Иванович Донской пожаловал С. при этом частью своих доходов с Перми, правом беспошлинной торговли в русских землях и сбора пошлин с приезжавших в Пермь купцов и промышленников, а также некоторыми преимуществами в делах судебных. Продолжая христианизацию Перми, С. распространил там сеть школ, организовал переписку книг, продолжил перевод книг со славянского и с греческого языков на зырянский, приспособил церковное пение к зырянскому языку, основал дома для престарелых и странников и ряд монастырей (два Архангельских — в Усть-Выми и Яренске, Спасский и Стефановский — в районе Усть-Сысольска). Кроме того, он принимал энергичные меры для защиты своей паствы от нападений вогуличей, действовавших по наущению Пама, а также новгородских ушкуйников, вятчан, потерпевших от татар и старавшихся возместить за счет зырян свои убытки, местных разбойников и разбойнических действий московской администрации. Чтобы предупредить возможные нападения новгородцев на зырян в будущем и вернуть похищенное, С. в 1386 г. посетил Новгород; во время голода в Пермских землях он раздавал голодающим свои запасы и деньги, организовывал доставку хлеба из Устюга и Вологды, добивался временных льгот для населения в отношении налогов. Значительная часть окружающих Усть-Вымь деревень была при этом прислана великим князем к архиерейскому дому. Согласно записи в пергаменном Церковном Уставе ГИМ, Синод. собр., № 246 (см. примечание 232 к 5-му тому «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина), С. в 1391 г. участвовал в соборе епископов во главе с митрополитом *Киприаном*, сместившем Тверского епископа Евфимия Висленя по жалобам на него тверского князя Михаила и рукоположившем в тверские епископы *Арсения* (в ранних *Летописце Рогожском* и *Летописи Симеоновской* С. в числе участвовавших в этом соборе епископов не упомянут; его имя появляется в летописях XV в. и более поздних; см., например, Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в. — ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 249). С этой поездкой С. в центральную Россию связывается содержащийся в *Житии Сергия Радонежского* рассказ о том, как, не имея времени посетить Сергия Радонежского в Троицкой лавре, проходя по Московской дороге в десяти верстах от нее, С. поклонился Сергию, а тот, встав из-за трапезы, отвесил ему ответный поклон. На месте, где, по преданию, С. поклонился Сергию, была возведена часовня Святого Креста с колодцем (Церковно-исторический месяцеслов Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1854. С. 111—112). На обратном пути С. зашел в лавру.

Будучи вызван в Москву в очередной раз, С. отправился в путь в нач. 1396 г., прибыл туда к Пасхе (2 апреля), вскоре там заболел и 26 апреля умер. Его похоронили в северном приделе кремлевского собора Спас на Бору. Останки его, по преданию, лежали там открытыми до нашествия на Москву поляков; тогда их скрыли. Около

раки хранился посох С.; в 1612 г. гетман Ходкевич вывез его в Литву и подарил Супрасльскому монастырю, но в 1849 г. по указу Синода посох был перевезен в Пермь, где находится по настоящее время. В Благовещенском соборе Сольвычегодска сохранялась полотняная риза С., а в Русском археологическом обществе — его Святцы на дереве. С именем С. связываются четыре иконы, по преданию, вложенные им в пермские церкви: Николая Чудотворца (Чердынская), два Спаса Нерукотворных (один был в Иртовской церкви близ Яренска, другой в Ульяновском монастыре) и Святая Троица из села Вожма под Яренском (она была перенесена в вологодский собор, ныне хранится в вологодском музее). Эта последняя икона считается вложенной С. в церковь на его последнем пути в Москву. В нижней части этой иконы помещается шестистрочная подпись на зырянском языке, представляющая собой, как установил П. Д. Шестаков, дословный перевод начала восемнадцатой главы книги Бытия (от слов «Явися же ему. . .» до слов «. . . сам же стояще пред ними под древом»). П. Д. Шестаков пришел к заключению, что С. принимал в соображение при своих переводах даже отличия местного говора и что он, следовательно, «знал зырянский язык основательно», а его переводы «отличались народностью языка и общепонятностью» (Чтение древнейшей зырянской надписи. . . С. 11, 16, 17). На другой иконе Вожемской церкви — Сошествия Святого Духа П. Д. Шестаков определил зырянскую подпись как отрывок из второй главы Деяний апостольских (от слов «Беша вси апостоли единодушно вкупе до слов «. . . якоже Дух даеше им провещавати»). Тексты этих зырянских подписей под иконами напечатаны в «Грамматике зырянского языка» П. Савваитова (СПб., 1850).

Книг же, написанных по-зырянски изобретенными С. зырянскими буквами, не сохранилось; уцелели лишь отдельные записи (см.: Н е к р а с о в И. С. Пермские письмены в рукописях XV века // Записки имп. Новороссийского ун-та. Одёсса, 1890. Т. 51. С. 249—254; Ф о н к и ч Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XIV—XVII вв. М., 1977. С. 42). Удовлетворительного объяснения этому явлению нет. Оно тем более странно, что крещенный С. народ оказался сравнительно стойким в своей новой вере и связанных с ней обычаях. Вряд ли могут все объяснить легенды о том, что зырянские книги увезли в Вологду, Вятку или Устюг, что они сгорели во время пожара усть-вымских церквей в 1740 г. и что во времена *Ивана Грозного* по царскому приказу их отбирали и уничтожали, а тех, кто их укрывал, преследовали (последняя причина кажется самой вероятной).

Ряд легенд, записанных в зырянской среде, связан с именем самого С. Согласно одной из них, когда оказалось, что крещенные им жители села Гам вернулись к язычеству, С. сказал: «Маловерный народ, слепой народ! Да будет Гам отныне слепым!». Этим объяснялась традиционная близорукость жителей села Гам, получивших прозвище «слепородков». По другой легенде, в самый год смерти С. недавно крещенные им жители одной из деревень в районе Усть-Выми увидели плывущую к ним против течения реки лодку, а на дру-

гом берегу старца, внушавшего им принять и чтить то, что они в ней найдут; в старце они узнали С., а в лодке нашли икону богородицы. Среди зырян считалось, что С. помогает молящимся при потерях вещей, в прискании должности, при неудачах в учебе, в супружеских несогласиях и т. п. До сих пор С. — герой легенд и преданий коми (см.: Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984. С. 21, 22, 25—27, 71, 76).

С именем С. связывается в науке одно из сохранившихся поучений против новгородско-московской ереси стригольников. Связь эта основывается на присутствии имени «Стефана владыки Перемыского» в заглавии этого поучения в одном из его списков: «А сие списание от правила святых апостол и святых отец дал владыце наугородскому Алексею Стефан владыка Перемыский на стригольники» (ГИМ, Синод. собр., № 700 (268), Сборник по большей части антилатинских сочинений, нач. XVI в., л. 280—298). В пяти других известных списках XVI в., в том числе в Софийском, Успенском и Царском экземплярах *Великих Миней Четких*, это произведение имеет иное начало, первые слова которого указывают на патриарха Антония как на автора (этот вариант текста издан в АИ; оба варианта приведены в книге Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье). Однако же это начало оказывается в противоречии с остальным текстом, написанным от лица русского человека («. . . а егоже митрополита освятит нам патриарх. . .»). В этом начале наряду с написанной от имени патриарха оригинальной частью обнаруживаются отрывки из посланий патриархов Антония (в самом начале) и Нила (от слов «Сего ради посла наше смирение и великий сбор боголюбиваго архиепископа суждалскаго Дионисия. . .» до слов «. . . ни в сем веце, ни в будущем»). Соединение этих двух заимствованных отрывков создает противоречие: невозможно, чтобы патриарх Антоний (1388—1395 гг.) посылал на Русь с грамотой *Дионисия Суздальского*, умершего в 1385 г. Таким образом, очевидно, что вступление к Поучению в большинстве списков не первоначально и сделано без точного представления о времени деятельности упоминаемых в нем лиц; но вопрос о настоящем авторе произведения, равно как и о переделавшем его начало редакторе, остается открытым. А. Горский и К. Невоструев допускали, что «Перемыский» — испорченное «Перемышльский», но отметили при этом, что такой перемышльский епископ неизвестен и что слово это заставляет вспомнить С., который во время своего посещения Новгорода в 1387 г. встречался с тамошним владыкой Алексеем (1359—1387 гг.). Филарет Гумилевский решительно написал, что это «прекрасное послание надобно считать за сочинение пермского просветителя Стефана». Но на это возразил митрополит Макарий, убежденный, что по содержанию это произведение не может быть признано за послание одного епископа к другому и что обращаться прямо к пастве Новгородского архиепископа ни перемышльский, ни пермский владыка права не имели: это могли себе позволить — кроме самого архиепископа Новгорода — лишь митрополиты всея Руси и константинопольские патриархи; в предисловии же (в оригинальной части вторичного варианта) речь идет от лица патриарха, да и пример

патриаршего послания псковским стригольникам — грамота патриарха Нила «о проторех на поставлении» — хорошо известен (см.: РИБ. Т. 6, № 22; К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодальные еретические движения. . . С. 232—234). Однако же А. С. Павлов, переиздавший Поучение в РИБ по списку с именем «Стефана Перемыского», склонился все же к мнению об авторстве С., считая, что ценивший ученость С. архиепископ Алексей воспользовался пребыванием того в его городе и упросил написать это Поучение, а затем Поучению — с целью придать ему большую авторитетность — неловко придали там вид патриаршей грамоты. Я. С. Лурье тоже думает, что начало Поучения было переделано с этой целью, только ему кажется, что это сделали в кон. XV—нач. XVI в. борющиеся с новгородско-московскими «жидовская мудрствующими» иосифляне. Наиболее вероятным автором самого этого Поучения представляется, однако же, не С., а Дионисий Суздальский. Если это так, то С. просто помог Новгородскому архиепископу Алексею получить Поучение одиозного во времена Киприана автора. В заголовке списка, содержащего имя «Стефана Перемыского», только ведь и сказано, что он дал это поучение новгородскому владыке.

В 1472 г. *Пахомий Серб* написал Службу С. В XVII в. празднование памяти С. (в день его смерти) из местного стало общерусским.

Изд.: АИ. 1841. Т. 1, № 6; РИБ. СПб., 1880. Т. 6, № 25. Стб. 211—228; К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 236—243.

Лит.: Е в г е н и й [Б о л х о в и т и н о в]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 230—251; М [а к а р и й]. Сказание о жизни и трудах св. Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856; Г о р с к и й А., Н е в о с т р у е в К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2, ч. 3. С. 303—305; Ш е с т а к о в П. Д. 1) Св. Стефан, перво-святитель Пермский. Казань, 1868; 2) Чтение древнейшей зырянской надписи, единственного сохранившегося до сего времени памятника времени св. Стефана Великопермского. СПб., 1874; П о п о в Е. 1) Великопермская и пермская епархия. Пятистолетие проповеди св. Стефана Пермского, почти столетие Перми и почти трехсотлетие покорения Сибири. Пермь, 1879; 2) Памятник св. Стефану Великопермскому в Перми — часовня и образа в ней от святых мощей. Пермь, 1882; 3) Святитель Стефан Великопермский: (Жизнь его с литографированным изображением). Пермь, 1885; В е р ю ж с к и й И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880; Ф и л а р е т. Обзор. С. 83—86; М а к а р и й [Б у л г а к о в]. История русской церкви. СПб., 1886. Т. 5. С. 428—430; Ч е р н е ц о в А. В. Посох Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41.

Г. М. Прохоров

Стефан Бородатый (XV в.) — великокняжеский дьяк, принимавший участие в ведении летописей. По рассказу неофициального летописного свода 1480-х гг., отразившегося в *Летописях Львовской и Софийской II, Иван III* во время похода на Новгород в 6979 (1471) г. «испроси у матери своей, у великой княгини, дьяка Степана Бородатого, умеющего говорити летописцем Русским; едва, рече, придут,

и он воспоминает ему (великому князю. — Я. Л.) говорити противу их измены давные, кое изменяли великим князем в давные времена, отцем его, дедом и прадедом». В этом случае С. Б. выступает в роли знатока летописания, умеющего использовать летописный рассказ с политической целью. В летописном своде 1470-х гг., лежащем в основе *Летописного свода Московского великокняжеского 1479 г.* и *Летописи Ермолинской*, указывается, что летописец узнал рассказ о чуде, произошедшем при рождении *Василия II* в 1415 г., от «*Стефана диака*». Из летописных известий обнаруживается также участие С. Б. в наиболее рискованных политических интригах: согласно известиям Ермолинской и Львовской летописей 6961 (1453) г., тайное убийство соперника Василия II — Дмитрия Шемяки, находившегося в Новгороде, организовал дьяк С. Б. Сочинения, которые могли бы быть приписаны с достаточной уверенностью С. Б., до нас не дошли.

Лит.: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 192; СПб., 1910. Т. 20. С. 262, 282; СПб., 1910. Т. 23. С. 155; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 242; Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969. С. 296—299, 334; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 161, 226, 238.

Я. С. Лурье

Стефанит и Ихнилат — переводная книга басен, появившаяся на Руси в XV в. и получившая широкое распространение в XVII в. В основе С. и И. лежит индийский животный эпос, сохранившийся в санскритском сборнике «Панчатантра» (Пятикнижье, Пять назиданий) IV в., где мудрец-брахман по просьбе царя рассказывает ему о «разумном поведении». Через персидское посредство эпос перешел к арабам, где в XI в. Абдаллах ибн Ал-Мукаффа создал на его основе обширный басенно-новеллистический цикл «Калила и Димна», названный по именам двух шакалов — главных персонажей первой и второй (добавленной Ал-Мукаффой) глав книги. Арабская версия стала основой всех многочисленных редакций, появившихся на Западе и Востоке, в частности — греческой версии. Греческий перевод, сделанный в XI в. придворным врачом императора Алексея Комнина Симеоном Сифом, получил название С. и И., ибо таким образом Симеон Сиф перевел имена Калилы и Димны (эти имена были неправильно истолкованы им как нарицательные понятия — «увенчанный» и «следящий»). В XIII—XIV вв. был осуществлен южнославянский (сербский или болгарский) перевод С. и И., а в XV в. он проник в Россию. Русская редакция С. и И. восходит к единому оригиналу — южнославянскому тексту, обрывающемуся на середине седьмой главы (о вещих снах индийского царя).

От XV в. до нас дошли три списка С. и И. — Синодальный (ГИМ, Синод. собр., № 367), Рогожский (ГБЛ, Рогож. собр., № 676) и Троицкий (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 765). В рукописной традиции XVI в. С. и И. отсутствует. Остальные списки С. и И. (свыше 40) относятся к XVII в. и последующему времени. Некоторые данные о происхождении русского текста С. и И. содержатся в приписке к Синодальному списку: здесь указано, что эта книга, переведенная «з греческих книг на русский язык», «писана. . . последнего сего ста

седьмые тысяща 87-го октомврия» — т. е. в октябре 6987 (1478) г. Сходная приписка сохранилась и на списке нач. XVII в., принадлежащем коллекционеру А. П. Гранкову, однако там дана другая дата — март 6990 (1482) г. Трудно сказать, разные ли это записи или варианты одной и той же и дают ли они основание определить точную дату создания русской редакции; но ясно, что к кон. XV в. она уже существовала.

Появление и распространение С. и И. на Руси было связано с важными новыми явлениями, характерными для русской литературы 2-й пол. XV в. Именно в это время в России широкое распространение получают памятники светского сюжетного повествования — переводные (так называемая *Александрия сербская*) и оригинальные (*Повесть о Дракуле*, *Повесть о Дмитрии Басарге и его сыне Борзосмысле*, *Повесть о старце, просившем руки царской дочери*). До этого времени памятники такого характера были мало знакомы или совсем неизвестны русской литературе. Не известен в русской письменности был, в частности, жанр светской басни-новеллы; необычны были и герои басен С. и И. — заведомо вымышленные персонажи, сказочные звери. Древнерусская письменность издавна знала жанры, близкие к басне, — притчу или анолог, но инсказательность этих жанров отнюдь не означала какой-либо двусмысленности их толкования; они постоянно завершались ясной и определенной моралью. Совершенно по-иному были построены басни С. и И. Герои их не могли быть оценены однозначно; неоднозначным было и разрешение сюжетных коллизий в отдельных баснях: добродетель здесь редко торжествовала над злом, победителем обычно оказывался не правый, а сильный и хитрый.

По своей композиции книга С. и И., как и «Калила и Димна», представляла собой «рамочное», или «обрамленное», повествование, где в состав общей «рамки» входили отдельные главы (соответствующие книгам «Панчатантры»), а в их состав — отдельные новеллы-басни, рассказываемые действующими лицами (в эти рассказы иногда тоже входили вставные притчи). Основная «рамка» индийского оригинала — разговор царя с мудрецом — уже в арабской и греческой версиях потеряла значение; она играла чисто формальную роль (как своеобразный «зачин» каждой главы). Важнейшую роль приобрела зато тема первых двух глав — история льва, быка (теляца) и двух зверей, по именам которых был назван весь цикл. В первой главе описывалось лесное царство, где правит царь-лев, который «вознослив и горд и скудеп мудростью»; он окружен другими животными, но два «мудроумных зверя» (в арабской и греческой версиях — шакалы, но славянская версия, видимо, не знает таких животных и именует их просто «зверями») Стефанит и Ихнилат находятся вдали от царского двора. Между тем в лесу появляется неизвестное существо, страшно «рыкающее»; трусливый лев перепуган, но старается скрыть свой страх. Ихнилат является ко льву, осторожно выведывает причины «сумнения» льва и отправляется на поиски «рыкающего» зверя. Зверь оказывается тельцом, брошенным своими хозяевами и не имеющим никаких враждебных намерений, и Ихнилат приводит его ко

льву. Обрадованный лев приближает к себе тельца; Ихниллат снова оказывается в стороне. В отчаянии он решается на интригу: ссорит льва с тельцом, рассказывая каждому из них о коварных замыслах другого. Лев и телец встречаются; оба они боятся друг друга и ожидают нападения; лев убивает тельца. Вторая глава (отсутствующая в «Панчатантре» и добавленная в арабской версии) рассказывает о суде над Ихниллатом (Димной). Внешне глава повествует о наказании коварного зверя, но подлинный смысл ее — не в осуждении Ихниллата, а в его остроумной самозащите, основанной на том, что остальные персонажи, начиная со льва, убитого своего фаворита по пустому подозрению, ничуть не лучше подсудимого. Никто из приближенных льва не может уличить Ихниллата, и казнь его оказывается не торжеством правосудия, а следствием интриг матери льва.

Рамочный рассказ первых глав С. и И. — восточное сказание о хитром звере, одурачившем глупого монарха-льва, — многими чертами напоминал животный эпос, популярный на Западе, — «Роман о Лисе» (Ренар или Рейнеке). Правда, в С. и И. суд над хитрым зверем оканчивался осуждением Ихниллата, между тем как его западный двойник Ренар добивался оправдания, но в обоих случаях исход дела определялся не справедливым разбором его, а интригами придворных. Многие отдельные новеллы-басни С. и И. по своей основной коллизии совпадали с сюжетом первых двух глав: там также речь шла о столкновениях между тремя типами зверей — хищным «кровоядцем», простаком «травоядцем» и хитрым зверем (в одной из басен — зайцем), способным одурачить сильного. Все это было довольно далеко от традиционной морали учительной литературы.

Русские списки книги разделяются на три основные группы. К первой группе принадлежат Синодальный, Рогожский (XV в.) и Тихонравовский (XVII в.) списки; вторая представлена единственным Троицким списком (XV в.); третья группа, распадающаяся на несколько подгрупп, включает Гранковский, Толстовский и ряд других списков XVII в. и последующих веков. Общей особенностью всех этих списков, восходящей к протографу русской редакции, было (наряду с уже отмеченным обрывом текста на середине седьмой главы) наличие целого ряда интерполяций, которых не было ни в греческом, ни в южнославянских текстах. Интерполяции эти, обильно представленные в первой главе, но встречающиеся также в заключительной части, имели форму толкований и даже выделялись в древнейших списках обычными в таких случаях пометками «Иного» (т. е. от иного автора), противопоставлявшими их основному тексту (который обозначался как «Сущее»). Откровенно назидательные по своему характеру, они были в значительной степени обращены к читателям-монахам, остерегали их против «праздности», призывали к «рукоделию» (физическому труду), к безмолвным келейным молениям, к отказу от «земного служения» и всякой привязанности к «вещам». В поучениях этих исихастские черты, близкие к *Нилу Сорскому*, сочетаются с резкими выпадами против «еретической злобы» в духе *Иосифа Волоцкого*. Однако интерполяции эти не только не вытекали из сюжетных рассказов С. и И., но находились с ними в явном, иногда

вопиющем противоречии. Так, вслед за рассказом о тельце, покинутом хозяевами, но нашедшем поле «травоносно и водно» и отбывшемся, редактор вставил пояснение: «Зри, о иноче, и бегай таковыя пища»; говоря о старом журавле, которому под старость стало трудно охотиться на рыб (и который решил поэтому поймать их хитростью), редактор пояснил: «Многими скорьбми подобает нам внити в царство небесное» и т. д.

Однако попытки подогнать С. и И. под каноны церковно-учительной литературы были восприняты разными читателями и переписчиками памятника по-разному. Из трех списков XV в. только Рогожский список сохранил все интерполяции; в Синодальном списке они были кем-то зачеркнуты, а в Троицком они совсем удалены из текста (заодно выпали и некоторые дидактические рассуждения, содержавшиеся в греко-славянской, а частью даже в арабской версии). Стремясь придать памятнику максимальную сюжетную последовательность, составитель Троицкого списка отбросил главы, не относящиеся к истории двух «зверей» — Стефанита и Ихнилата, оставив только две последние главы цикла. Противоречия между любителями и противниками сюжетного повествования сказываются и на дальнейшей его судьбе: в XVI в., когда церковники решительно выступают против «неполезных повестей», С. и И. исчезает из рукописной традиции (вместе с нею из традиции XVI в. исчезают и другие сюжетные памятники — Повесть о Дракуле, сербская Александрия и др.); в XVII в. преобладают списки с меньшим количеством интерполяций, чем в Рогожском и Синодальном списках XV в.; при этом текст книги подвергается многочисленным переделкам. Начиная с XVIII в. книга продолжает интенсивно переписываться и читаться в старообрядческой среде; возникает даже новая версия С. и И., созданная выговскими книжниками.

Исследователи древнерусской литературы обратились к С. и И. довольно поздно и уделяли мало внимания этому памятнику. А. Н. Пыпин знал его только по спискам XVII в.; впервые текст С. и И. был издан (по отдельным спискам) в 70—80-х гг. XIX в. Ср. издание южнославянского текста: *Indijska priče prozvana Stefanit i Ihnilat / Od Gj. Daničića // Starine. Na svet izdaje Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. U Zagrebu, 1870. Kn. 2.* От старообрядцев памятник этот стал известен А. М. Ремизову, создавшему в сер. XX в. своеобразное переложение С. и И. — «Повесть о двух зверях. Ихнелат». Сюжеты, параллельные отдельным басням С. и И., разрабатывали также В. М. Гаршин («Лягушка-путешественница») и Л. П. Толстой («Обезьяна», «Цапля, рыба и рак», «Два купца»), но они опирались при этом не на греко-славянскую, а на иные версии «Калилы и Димны».

Изд.: Стефанит и Ихнелат / Изд. Ф. Булгаков. СПб., 1877—1878 (ОЛДП Вып. 16 и 27); Стефанит и Ихнелат / Изд. А. Е. Викторов. СПб., 1880—1881 (ОЛДП. Вып. 64 и 27); Стефанит и Ихнелат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. / Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье: Пер. греч. текста Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровской. Л., 1969.

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских // Учен. зап. Второго отд. Академии наук. 1858. Кн. 4. С. 158.

Смирнов С. К. Стефанит и Ихнилат. Очерк из истории странствующих сказаний. М., 1879; Рыстенко А. В. К истории повести «Стефанит и Ихнилат» в византийской и славяно-русской литературах // Летописи историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1902. Вып. 10. С. 237—280; Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934. С. 65; Ремизов А. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж, 1959; Гранков А. Неизвестная концовка «Повести о Стефаните и Ихнилате» // РЛ. 1966. № 1. С. 200; Лурье Я. С. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат» // Там же. 1966. № 4. С. 176—179; Ихачева О. П. 1) Особая редакция древнерусской повести «Стефанит и Ихнилат» // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 144—173; 2) «Стефанит и Ихнилат»: (археографическое, текстологическое и лексикологическое изучение): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1973.

Я. С. Лурье

Стихи покаянные — словесно-музыкальный жанр внебогослужебной лирики, возникший не позже XV в. Старейший образец жанра — «Плач Адама», внесенный кирилло-белозерским писцом *Ефросином* в один из его сборников около 1470 г. (см.: ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 136). Этот стих типичен для С. п. и по происхождению, и по бытованию. Он восходит к Постной Триоди и Синаксарю, к богослужениям «прощеного воскресенья», когда накануне Великого поста вспоминается грехопадение первого человека. Ефросип сделал в своем списке помету: «Стих старина за пивом». Она толкуется двояко: либо как указание на то, что «Плач Адама» исполнялся напевом былин-старин (тогда «запивом» нужно читать слитно), либо как напоминание, что стих пелся во время монастырской трапезы. Первое толкование неверно: во-первых, текст Ефросина — «раздельноречный», т. е. такой, в котором появляются добавочные распеваемые слоги за счет «прояснения» редуцированных и вставных гласных («отверзи», «погибошаго»), что в былине невозможно. Более поздняя традиция (рукописи XVI в. с знаменной потацшей) свидетельствует, что «Плач Адама» пелся на глас восьмой. П. Ф. Финдейзен, основываясь на изучении сводного устава Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей (по списку кон. XVI в.), показал, что пение «Плача Адама» в последнее воскресенье перед Великим постом предусмотрено «чином прощения» братии. Он совершался после вечерни, когда архимандрит обносил монахов пивом или медом; в это время «крылошания стоят, поют стихи».

Как и «Плач Адама», ранние С. п. выросли на почве литургической поэзии. Приуроченные первоначально к Великому посту, они в качестве стержневой варьировали тему бренности мира и греховности человека. Это подчеркнуто в заглавиях, дающих эстетическую оценку жанра: «Покаянны на осмь гласов, слезны и умиленны, чтобы душа пришла на покаяние избыти муки вечныя и внити в царство небесное»; «Изложение на научение и совести нашей на обличение, душевное умиление и слезное призывание, сердечнаго ожесточения и душевнаго окаменения на искоренение». В ранний период сфера бытования С. п. была ограничена монастырскими стенами: они пелись (обязательно в системе осмогласия) за иноческой трапезой, во время шестивий и т. д. Но в XVI в. этот жанр вышел за пределы

монашеских обителей и превратился в «личное (и, видимо, семейное) чтение» и «личное пение» (см., например, рукопись ИРЛИ, Древле-хранилище, колл. К. П. и А. Г. Гемп, № 70, 70—80-х гг. XVI в.; рукопись принадлежала М. Я. Строганову, знатоку и любителю крюкового пения, и предназначалась для мирян).

К сер. XVI в. С. п. сложились в цикл (см.: ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 652/909, 1557—1558 гг.; здесь помещены стихи «Душе моя, душе моя, почто во гресех пребываеши», «Смертный час помышляю», «Окаянне убогий человек», «Аще бы ведала, душе, суету мира сего» и др.). Это цикл неустойчивый, варьирующийя. Поскольку С. п. были «прибыльными», т. е. «прибавочными», не входящими в богослужение, постольку и состав цикла, и самые тексты изменялись, иногда коренным образом.

Автономия от церковной службы позволила расширить тематику. Жанр пополнялся и за счет «исторических» сюжетов («Зря корабле напрасно приставаема» — о Борисе и Глебе), и за счет сюжетов «воинских» (например, «Придете, христонсии людие»). Воинские стихи, видимо, исполнялись перед выступлением в поход и перед битвой. Со временем в цикле появились элементы социального протеста.

В этом отношении замечателен стих «Воспомянух житие свое клироское», в некоторых списках атрибутированный некоему ипоку Григорию. Здесь повествование ведется от лица клирошанина, т. е. занимающего одно из самых низких мест в церковной иерархии причетника или дьячка, поющего на клиросе. В стихе идет речь о легкой и скудной жизни героя, терпящего обиды от монастырского начальства.

Повествователь в стихе «Сего ради нищ есмь» — это «гуляющий», или «вольный», человек. «Гулящие люди» в XVI—XVII вв. находились в самом низу социальной вертикали (ниже их стояли только холопы). Они были свободны от государственной службы и тягловых повинностей, не приписывались ни к городскому, ни к сельскому обществу, хотя жили в посадах, селах и деревнях. «Гулящие люди» кормились поденной работой, разными ремеслами, включая ремесло скомороха, наконец, милостыней и разбоем. Это древнерусская вольница, «бродильный» элемент, живший по первой части пословицы «Вольному воля, спасенному рай», всегда готовый к неповиновению и прямому бунту. Бунтарские мотивы явственно звучат в стихе:

Князю не служу,
Боляром не точен,
В слугах не погребен,
В книжном поучении забытлив,
Церкви божия не держуся,
Отца своего духовнаго заповедь преступаю...

Хотя стих оканчивается этикетной строкой о покаянии («Дай же ми, господи, преже конца покаяться»), по ментальности своей он близок произведениям демократической сатиры.

Жанру С. п. была суждена долгая жизнь: в старообрядческой среде они поются до сих пор. В зависимости от изменения культурной

ситуации менялся и эстетический их ореол. Рождение их, быть может, связано с поздним исихазмом (напомним о мотиве «прекрасной пустыни»). К сер. XVI в., когда совершилась циклизация, должна была ярче проявиться их чисто художественная функция, тем более что С. п. — произведения высочайшего художественного качества. В эпоху террора *Ивана Грозного*, бесспорно, имела место актуализация стихов покаянных. Тема бренности земной жизни, ключевая для цикла, уже не могла восприниматься как абстрактная. Она соотносилась с реальностью. В Смуту в С. п. усиливаются патриотические мотивы, а после нее — мотивы светские. К сер. XVII в. жанр окончательно обособляется от литургической поэзии. «Копвоем» С. п. в сборниках становятся азбуки, загадки, повести. Появляются новые редакции текста, отдельные стихи сводятся в большое произведение, один и тот же текст имеет несколько напевов.

Лит.: Безсонов П. А. *Калужки* переходные. М., 1861. Ч. 1, вып. 1. С. 249—250; М., 1864. Ч. 2, вып. 6. С. I—XIII; Финдейзен Н. Ф. *Очерки по истории музыки в России*. М.; Л., 1928. Вып. 3. С. 256—263, 273; Петрцов В. Н. *К истории древнерусской лирики: (стихи «умилненные»)* // Slavica. 1932. Roč. 11. № 3—4; Малышев В. И. 1) Стихотворная параллель к «Повести о Горе-Злочастии» // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 142—148; 2) «Стих покаянный о «люте» времени и «поганых нашествиях» // Там же. 1958. Т. 15. С. 371—374; 3) *Древнерусские рукописи Пушкинского Дома*. М.; Л., 1965. С. 187—190; Позднисев А. В. 1) Стихи прибыльные в списке XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 309—310; 2) *Древнерусская поэма Покаянны на осьмь гласов* // Československá Rusistika. Praha, 1970. № 5. С. 193—197; Бражников М. В. *Новый памятник знаменного распева*. Л., 1967. С. 37—41; Сергеев В. Н. *Духовный стих «Плач Адама» на иконе* // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 280—286; Копанев А. И. *Список покаянного стиха XV в.* // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 249—253; Фролов С. В. *Из истории древнерусской музыки: (ранний список стихов покаянных)* // Культурное наследие Древней Руси. Л., 1976. С. 162—171; Владышевская Т. Ф. *Покаянен Хитроглаголиво слово* // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 338—347; Короблева К. Ю. *Покаянные стихи как жанр древнерусского певческого искусства: Автореф. дис. . . канд. искусств*. М., 1979; Савельева О. В. *Структурные особенности краткой и пространной редакций «Плача Адама»* // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 152—165; ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 550—563.

А. М. Паченко

Стоглав (в рукописях обычно без заглавия) — сборник постановлений церковного собора 1551 г. Книга была разделена в подражание Судебнику 1550 г. на сто глав, откуда ее заглавие; в самом тексте памятника и современных ему документах он называется «Соборным уложением». За исключением С., о соборе 1551 г. не сохранилось сколько-нибудь подробных известий XVI в. (летописные заметки о нем XVII в. восходят к сообщениям самого памятника). Как можно заключить из вступительной части С., инициатива созыва собора принадлежала *Ивану IV*. Состоял он в основном из духовных перархов во главе с митрополитом *Макарием*, хотя некоторые выражения памятника позволяют предположить, что боярская дума также участвовала в заседаниях.

Работа собора проходила в следующем порядке. Царь задавал присутствующим вопросы, касавшиеся церковного устройства и некоторых важных мирских дел. Собор на царские вопросы давал обстоятельные ответы, а потом принимал постановления. В соответствии с этим порядком С. состоит из следующих частей: в гл. 1—4 сообщаются сведения об открытии собора, о его членах, о причинах и целях, для которых он был созван; царские вопросы разделены на две части: первые 37 помещены в гл. 5-й, следующие 32 — в гл. 41-й; ответы помещены в гл. 6—40-й и 42—98-й; в гл. 99-й говорится о посольстве в Троицкий монастырь к жившему здесь на покое бывшему митрополиту *Иоасафу*, а в гл. 100-й помещен ответ *Иоасафа*, который сделал ряд замечаний и дополнений к определениям собора. В некоторых рукописях имеется еще гл. 101-я — соборный приговор 11 мая 1551 г. об архиерейских и монастырских вотчинах. В одном месте книги логика ее композиции серьезно пострадала: если ответы на первые царские вопросы распределены между гл. 6—40-й и 42—98-й, то за каждым вопросом второй серии ответ следует сразу, так что и вопросы, и ответы сосредоточились в одной главе — 41-й. Можно поэтому предположить, что она была вставлена в памятник на заключительном этапе работы над ним.

Созыв собора 1551 г. был вызван прежде всего необходимостью принять срочные меры против наиболее вопиющих нарушений основных устоев церковно-монастырского быта. Хотя царские вопросы С. влагает в уста государя, он несомненно выражает в них программу целой политической группировки, получившей с легкой руки *А. М. Курбского* название «избранной рады» (высказывались, правда, сомнения в том, что *А. М. Курбский* вкладывал в это выражение политический смысл: *Grobovsky A. N. The «Chosen Council» of Ivan IV: A Reinterpretation. New York, 1969*); некоторые исследователи склонны даже думать, что вопросы составлялись при непосредственном участии благовецкого священника *Сильвестра*. Программа «избранной рады» сводилась к устройению и упорядочению бытия всего русского общества, и постановления Стоглавого собора, регламентировавшие церковно-общественную жизнь, входили существенной частью в эту программу. Судя по тексту С., высшее духовенство, присутствовавшее на заседаниях, в основном поддержало предлагавшиеся царем мероприятия. Впрочем, собравшиеся в Москве иерархи не допускали наступления на интересы церкви, отстаивая правомочность святительского суда и неприкосновенность недвижимых владений монастырей. Неясным остается, разбирались ли на соборе 1551 г. так называемые «дополнительные царские вопросы», которые не вошли в С., но обнаружены *И. Н. Ждановым* в сборнике *Евфимия Туркова* ГПБ, Q. XVII.50, где они следуют за первыми царскими вопросами. В «дополнительных вопросах» речь идет о государственных преобразованиях, поэтому они не вошли в С., в котором разбираются преимущественно церковные дела.

В начале С. говорится: «В лето 7059 месяца февраля в 23 день быша сия вопросы и ответы мнози. . .». Согласно предположению

Д. Стефановича, разделяемому большинством исследователей, названная здесь дата — 23 февраля указывает на день, когда приступили к редактированию С. — сборника соборных решений. Заседания же собора начались раньше — в январе—феврале 1551 г., а окончательно его работа была завершена 11 мая, когда к С. была добавлена 101-я гл. Д. Стефанович считает, что редактором сборника был дьяк, возможно Иван Афанасьев.

Источники С. чрезвычайно разнообразны. Исследование их, произведенное Д. Стефановичем, показало, что при составлении С. был использован целый ряд богослужебных книг, Кормчая, Мерило Праведное, сборники *Златая Четь*, *Измарагд*, сочинения *Иосифа Волоцкого* и др. Особенно интересно обращение С. к современным ему русским полемическим сочинениям. Это, в первую очередь, послание Ивану Грозному, автором которого обычно считают Сильвестра; это, во-вторых, челобитная иноков царю Ивану Васильевичу, опубликованная Г. З. Кунцевичем; это, в-третьих, перечень «16 неисправлений», который был найден Н. С. Тихонравовым в сборнике ГБЛ, Волок. собр., ф. 113, № 556; есть основания предполагать, что в С. отразились также мысли *Артемия*, который перед самым собором отправил царю послание и в том же году стал Троицким игуменом.

Стремясь утвердить в Московском государстве церковное благочиние, С. касается в своих решениях самых разных сторон жизни тогдашнего общества. Из отдельных статей памятника можно почерпнуть сведения и об отреченных книгах, читавшихся в XVI в., и о робких попытках правительства упорядочить образование, и о языческих обрядах простонародья, и о бесчинствах, творимых ватагами скоморохов. Мелочная регламентация быта, характерная для С. (включая запреты на бритье бороды, ношение тафий, употребление колбасы), объясняется его целью — восстановить порушенную старину. Этим определяется и культурное значение С., который для последующих поколений стал символом древнего благолепия. Не удивительно поэтому широкое распространение памятника в рукописной традиции — уже Д. Стефанович насчитал около ста его списков. Первоначальной Д. Стефанович считает полную редакцию С., которая представлена в большинстве рукописей; списки полной редакции исследователь делит на две группы — Московскую и Новгородскую. К Новгородской группе восходит краткая редакция, изданная Д. Е. Кожанчиковым, которая появилась не ранее 1602 г.; к той же Новгородской группе восходит редакция с особым порядком глав (известно два списка). Известно также извлечение из полной редакции, изданное Н. Калачовым; Д. Стефанович датирует это извлечение посл. четв. XVI в.

Ряд постановлений С., в первую очередь — о двуперстном крестном знамении и сугубой аллилуйи, способствовал популярности памятника у старообрядцев; в 1913 г. он был издан Преображенской типографией. В пылу полемики с ними некоторые церковные историки XIX в. отрицали каноническое значение С. Филарет Гумилевский, например, считал, что С. — это черновые записи собора 1551 г.,

которые позднее были переделаны неизвестным лицом (История русской церкви. 2-е изд. М., 1851. Т. 3. С. 193). Обнаружение наказных списков собора 1551 г., включающих пространные выписки из С., показало несостоятельность этой точки зрения. Каноническое значение С. в действительности впервые поставил под сомнение собор 1667 г. («и той собор не в собор, и клятву не в клятву, и ни во что же вменяем, яко же и не бысть»).

Изд.: Стоглав. Собор бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059) / Изд. I. А. Лондон, 1860; Стоглав. Казань, 1862; 2-е изд. Казань, 1887; 3-е изд. Казань, 1911 (перевод на франц. язык: Le Stoglav ou les cent chapitres / Ed. E. Duchesne. Paris, 1920); Стоглав / Изд. Д. Е. Кожанчиков. СПб., 1863; Правила, постановленные на соборе 1551 года 23 февраля // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб., 1863. Кн. 5. С. 1—44; Царьская вопросы и соборные ответы о много различных церковных чинех (Стоглав) / Изд. Н. Субботин. М., 1890; Макаровский Стоглавник // Труды Новгородской губернской ученой архивной комиссии. Новгород, 1912. Вып. 1. С. 1—135; Стоглав. М., 1913.

Лит.: Милларет [Гумилевский]. Несколько слов о книге: Стоглав // Филарет. 1845. Ч. 6, № 12. С. 135—139; Сведения о Стоглавом соборе // Христ. чт. 1852. Ч. 2. С. 238—294; Беляев И. В. 1) Об историческом значении деяний Московского собора 1551 года: (По поводу 92—122 страниц VII тома «История России» г. Соловьева) // Русская беседа. 1858. Т. 4, ч. 2. С. 1—34; 2) Наказные списки соборного уложения 1551 г., или Стоглава. М., 1863; 3) Материалы для истории русской церкви: О столглаве против раскольников // ЧОИДР. 1875. № 7. С. 51—87; № 9. С. 88—94; № 11. С. 102—124; Стоглавый собор // ПС. 1860. Ч. 2. С. 107—153, 219—255, 362—412; Ч. 3. С. 3—34, 113—161, 241—278; [Добротворский И. М.] 1) Дополнительные объяснения к изданию Стоглава // Там же. 1862. Ч. 3. С. 297—339; 2) Библиографическая заметка о новом издании постановлений столглавого собора 1551 года // Там же. 1863. Ч. 3. С. 159—179; 3) О недостатках русского народа по изображению Стоглава (XVI в.) // Там же. 1865. Ч. 2. С. 128—156; Беляев И. Д. Памятники русского церковного законодательства // ПО. 1863. Т. 11. С. 189—215; [Субботин Н. К. материалы для истории Стоглава и его времени // Летописи Тихонова. 1863. Т. 5. С. 126—136; Тихонов Н. С. Заметка для истории Стоглава // Там же. С. 137—144; Макарий [Булгаков]. 1) История русской церкви. СПб., 1870. Т. 6. С. 219—247; 2) Правило Стоглавого собора о двуперстии с исторической точки зрения. М., 1875; Лебедев Н. Стоглавый собор 1551 г.: (Опыт изложения его внутренней истории). М., 1882. Вып. 1: Покровский Н. В. Определения Стоглава об иконах // Христ. чт. 1885. № 3—4. С. 527—559; Писаревский Н. Значение Стоглавого собора (1551 г.) в истории русской церкви // БВ. 1895. № 6. С. 365—389; Л. И. Новооткрытый рукописный Стоглав 16 века. Его особенности и значение // Там же. 1899. № 9. С. 1—39; № 10. С. 196—231; Голубинский И. История церкви. 1900. Т. 2, 1-я пол. С. 771—799; Жданов И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора // И. Н. Жданов. Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 171—272; Кононов Н. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава // БВ. 1904. № 4. С. 663—701; Дурново Н. И. Один из источников Стоглава // ЖМНП. 1904, февр. Ч. 351. С. 454—456; Шаповалов А. Я. Стоглав: (К вопросу об официальном или неофициальном происхождении этого памятника) // Сб. статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 299—330; Громогласов И. М. Новая попытка решить старый вопрос о происхождении «Стоглава» // Миссионерский сборник. 1905. № 1. С. 3—19; № 2. С. 110—126; Бочкарев В. Стоглав и история собора 1551 года. Южнов, 1906; Стефанович Д. О Стоглаве. СПб., 1909; Покровский А. А. Петр Великий и Стоглав // ЧОИДР. 1910. Кн. 3. С. 7—11; Кунцевич Г. С. Челобитная инок царю Ивану Васильевичу. СПб., 1912; Ostrorogski J. G.

Les décisions du «Stoglav», concernant la peinture d'images et les principes de l'iconographie byzantine // L'art byzantin chez les Slaves. Paris, 1930. T. 1. P. 393—411; История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 439—441; Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 230—246; Моисеева Г. Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 51—114; Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 91—102; 2) Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 377—388; Шмидт С. О. 1) Соборы середины XVI века // История СССР. 1960. № 4. С. 66—92; 2) Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 133—196; Качевская Г. А. Старое и новое в синтаксических конструкциях XVI века: (по материалам Стоглава и Судебника Ивана Грозного 1550 года) // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 85—96; Черепнин Л. В. 1) К истории «Стоглавого» собора 1551 г. // Средневековая Русь. М., 1976. С. 118—122; 2) Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 78—89; Santos Otero A. de. Un manuscrito del Stoglav en la Biblioteca Nacional de Madrid (Ms. Res. 260) // Mélanges I. Dujčev. Paris, 1979. P. 393—399; Черепнина О. А. Наблюдения над лексикой Стоглава: (Лексика, связанная с понятиями духовной и культурной жизни) // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1983. Вып. 3. С. 17—25.

Д. М. Буланин

Т

Тайная Тайных (в рукописях обычно без заглавия либо: «Аристотель премудрый»; «Книга, нарицаемая тайны») — древнерусский вариант памятника, получившего широкое распространение в средневековой Европе и известного там под названием «Secretum Secretorum». Сочинение это восходит в конечном счете к арабскому оригиналу VIII—IX вв. и представляет собой собрание житейских наставлений по различным вопросам — от политики до алхимии, которые будто бы были преподаны Аристотелем его ученику Александру Македонскому. Арабский текст «Secretum Secretorum» известен в двух редакциях — полной и краткой. В отличие от большей части европейских переводов, которые восходят к полной редакции через посредство латинского перевода Филиппа Трипольского, русский вариант наряду с неполным кастильским и еврейским происходит от краткой редакции.

Некоторые особенности древнерусской версии Т. Т. сближают ее с еврейским переводом «Secretum Secretorum», сделанным ал-Харизи в XII—XIII вв. Во-первых, в русском тексте обнаружены непереуведенные еврейские слова (например, «фарисей» в значении «философ, мудрец», и др.). Во-вторых, при главах в нем встречаются обозначения дней недели — типичная особенность еврейских текстов (нараши-гофтары). Наконец, отдельные «главизны» Т. Т. делаются, в свою очередь, на «врата» (в отличие от западноевропейских

вариантов, в которых они называются только «сарита»); на «врата» делится, между прочим, и «Логика» Моисея бен Маймонида, также переведенная с еврейского. В русском переводе имеется ряд интерполяций, из которых наиболее важными являются часть сочинения «De venenis» Моисея бен Маймонида, медицинский трактат, также приписанный Маймониду, часть сочинения «Ad regem Mansogem» Разеса; очевидно, эти интерполяции имелись уже в еврейском оригинале. Кроме того, в перевод включены некоторые политические рекомендации, которые, возможно, являются вставками самого переводчика. Только в русском переводе встречается послание Аристотеля Александру Македонскому о том, как лечить Будефала, которым завершается седьмая «главизна» Т. Т., а также заключительная глава, в которой резюмируется моральное и политическое учение, изложенное в Т. Т. Русский перевод Т. Т. предваряет «Сказание о сотворении книги сеа», источник которого неизвестен; по предположению В. Райэна, оно составлено на Руси на основании сведений, почерпнутых из «Александрии». Единственная бесспорная славянская вставка в Т. Т. — помещенный после ономастической таблицы пример действительности гадания, взятый из *Мучения Димитрия Солунского*. В некоторых списках к Т. Т. приложено также «Сказание о еллинском философе, о премудром Аристотеле», которое, как установил В. Райэн, представляет собой сокращенный перевод жизнеописания Аристотеля Диогена Лаэртского; вероятно, «Сказание о еллинском философе» было присоединено к переводу Т. Т. позднее и во всяком случае отношения к еврейскому оригиналу не имеет. В целом русский перевод Т. Т. довольно существенно отличается от наиболее близкой к нему еврейской версии, опубликованной М. Гастером: G a s t e r M. The Hebrew Version of the Secretum Secretorum // Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1907, october. P. 879—912; 1908, january. P. 111—162; october. P. 1065—1084.

Перевод Т. Т. сохранился в значительном количестве списков, из которых наиболее ранний — Виленский — датируется 2-й пол. XVI в. (Вильнюсская публичная библиотека, ОР, № 272 (222)); по этому списку Т. Т. опубликована М. Н. Сперанским (отрывок переиздан в ПЛДР). Виленский список ближе всего стоит к протографу перевода, причем особенности его языка свидетельствуют о том, что перевод Т. Т. был осуществлен в Западной Руси. А. Л. Хорошкевич, хотя и без достаточных оснований, называет даже кандидата на роль переводчика или заказчика перевода Т. Т. — крещеного иудея Аврама Езофовича Ребичковича, члена рады Великого княжества Литовского. Все остальные известные сейчас списки подверглись более или менее значительной русификации, поэтому дефекты древнейшей рукописи часто не могут быть по ним восполнены. Характерно, что читающиеся в Виленском списке слова западнорусского происхождения переводятся в других списках одинаково независимо от контекста — верный признак вторичности этих последних. Из русифицированных списков памятника представляет интерес довольно ранняя рукопись Т. Т., хранящаяся в Бодлеанской библиотеке (Laud. Misc., N 45), которая, по всей видимости, была

переписана англичанином Христофором Бароу, деятелем московской компании 2-й пол. XVI в.

Перевод обычно датируют кон. XV или нач. XVI в., связывая его с ересью жидовствующих. Связь эту поставил под вопрос Я. С. Лурье (Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 195), отметивший, что о переводе Т. Т. молчат источники по истории ереси. Р. Згута предлагает считать Т. Т. политической программой жидовствующих, рассматривая произведение как апологию неограниченной царской власти, однако выписки из перевода не подтверждают выдвинутый тезис. Тем не менее традиционная точка зрения кажется более убедительной, поскольку в известном послании Иоасафу *Геннадия*, архиепископа Новгородского, среди книг, имеющихися у жидовствующих, называются сочинения (в частности, перевод «Логики» бен Маймонида), язык которых близок переводу Т. Т.

Перевод Т. Т. активно переписывался и читался в Древней Руси. Наиболее раннее заимствование из него обнаружил А. И. Клибанов (Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв. М., 1960. С. 348, примеч. 43) в рукописи кон. XV—нач. XVI в. ГПБ, Солов. собр., № 919/1029. М. П. Сперанский считает, что этот памятник имеет в виду *Максим Грек* в одном из посланий *Ф. И. Карпову* (Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1859. Ч. 1. С. 358—359). Большинство ученых полагают, что именно Т. Т. называется в *Стоглаве* «Аристотелевыми вратами» и упоминается в числе еретических книг (вопрос 17-й, 22-й); исследователей смущает только, что Стоглав именуется «Аристотелевыми вратами» чисто гадательную книгу. Отождествлял поначалу «Аристотелевы врата» и Т. Т. также издатель памятника М. Н. Сперанский. Обнаружив позднее в рукописи ГИМ, Музейск. собр., № 1226 пособие по геомантии, озаглавленное «Врата Аристотеля премудраго», он отказался от прежнего взгляда и счел «Аристотелевы врата» Стоглава указанием на повонайденный памятник. В. Райэн, новейший исследователь Т. Т., также склонен видеть в загадочной книге Стоглава указание на «Врата Аристотеля», хотя не исключает, что составители Стоглава назвали «Аристотелевыми вратами» содержащуюся в Т. Т. ономантическую таблицу. А. А. Турилов и А. В. Чернецов, напротив, признают правильным первоначальное отождествление М. Н. Сперанского; так же думает Р. Згута. Не проясняет вопроса «Сказание о семи свободных мудростех», в котором в числе древних мудрецов фигурирует «похвалный во вратех Аристотель» (Н и к о л а й С и а ф а р и й. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступ. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978. С. 143).

За исключением неясного указания Стоглава, не сохранилось каких-либо запретов на чтение Т. Т. В 1721 г. настоятелю Николаевской Пищеговской пустыни Симону инкриминировалось держание «гадательных тетрадок», одна из которых называлась «Врата Аристотеля премудрый Александра, царя македонскаго», но эта предсудительная книга — несомненно текст, найденный М. Н. Сперанским в Музейском сборнике (Описание документов и дел, храня-

щихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. 1 (1542--1721). СПб., 1868. Стб. 276). Более того, идеи Т. Т. охотно использовали в своих сочинениях древнерусские, в том числе венценосные, писатели и публицисты. Многие советы политического характера, которые дает Аристотель своему ученику, повторяются в сочинениях *Ивана Пересветова* («Сказание о Магмете салтане», «Большая челобитная»). Заимствование из Т. Т. обнаружено в первом послании *А. М. Курбскому Ивана Грозного* (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 401). Столетие спустя другой русский самодержец — Алексей Михайлович сочувственно цитировал тот же памятник в послании князю Н. И. Одоевскому (Барсуков А. Род Шереметевых. СПб., 1884. Кн. 4. С. 422—423). Высказывались предположения о влиянии Т. Т. на политическую концепцию князя А. М. Курбского.

Изд.: Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков / Составлено Ф. Буслевым. М., 1861. Стб. 1397—1404 (отрывок); Сперанский М. Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата, или Тайная Тайных. СПб., 1908 (ПДПИ. Т. 171); ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 534—595, 750—755.

Лит.: Соболевский А. И. 1) «Логика» жидовствующих и «Тайная Тайных». СПб., 1899. С. 5—13 (ПДПИ. Т. 133); 2) Переводная литература. С. 419—423; Конопов Н. Н. Из области астрологии. Обзор статей: Плавнетника, Звездочетца, Колядника, Громщика, Лунника, Третьника, Тайная тайных, Лечебника и пр. рук. XVIII в. А. Г. Перухина // Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. С. 45—47; Адрианова В. П. К истории текста «Аристотелевых врат» // РФВ. 1911. Т. 66. № 3—4. С. 1—14; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 319—321; Карский Е. Ф. Белорусы. Пг., 1924. Т. 3, ч. 2. С. 52—55; Сперанский М. «Аристотелевы врата» и «Тайная тайных» // СОРЯС. Л., 1928. Т. 101, № 3. С. 15—18; Змийн А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 351—352; Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв.: Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960. С. 34—38; Ryan W. F. 1) A Russian Version of the *Secreta Secretorum* in the Bodleian Library // Oxford Slavonic Papers. 1965. Vol. 12. P. 40—48; 2) Aristotle in Old Russian Literature // The Modern Language Review. 1968. Vol. 63. N 3. P. 650—658; 3) Древнерусский перевод жизнеописания Аристотеля Диогена Лаэртского // Slavia. 1968. Roč. 37. Seš. 2. С. 349—355; 4) The Onomantic Table in the Old Russian *Secreta Secretorum* // The Slavonic and East European Review. 1971. Vol. 49. P. 603—606; 5) The Old Russian Version of the Pseudo-Aristotelian *Secreta Secretorum* // Ibid. 1978. Vol. 56. P. 242—260; 6) The *Secretum Secretorum* and the Muscovite Autocracy // Pseudo-Aristotle: The Secret of Secrets. Sources and Influences / Ed. by W. F. Ryan and Ch. B. Schmitt. London, 1983. P. 114—123 (Warburg Institute Surveys. T. 9); 7) The Passion of St Demetrius and the Secret of Secrets. An Onomantic Interpolation // Cyrillomethodianum. Thessalonique, 1984—1985. Т. 8—9. P. 59—65; Хорошкевич А. Л. Русско-славянские связи конца XV—начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 411—412; Zguta R. The «Aristotelevy vrata» as a Reflection of Judaizer Political Ideology // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1978. Bd 26. H. 1. P. 1—10; Jordan W. C. The «Aristotelevy vrata»: Problems in Reconstructing an Ideology // Ibid. 1980. Bd 28. H. 3. P. 398—401; Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 260—261, 282—283.

Д. М. Буланин

Токмаков Георгий Иванович (ум. 1578) — воевода, наместник Псковский, автор Повести о Выдропуской иконе богоматери. Происходил из князей Звенигородских (его отец Иван Васильевич Ноздреватый Токмаков известен в числе лиц, близких *Максиму Греку* до собора 1525 г.). Впервые имена сына боярского Т. и его брата Василия упоминаются в Тысячной книге 1550 г. (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 59); чин окольного князя получил в 1573 г. Воевода Т. был одним из наиболее активных участников Ливонской войны: летописи рассказывают о возглавлявшихся им военных операциях начиная с 1564 г. По мнению ряда историков, Т. входил в состав опричного двора. Так это или нет, но Т. был безусловно одним из доверенных лиц *Ивана Грозного*. Именно ему отъехавший в Новгород царь поручил Москву в критический 1572 г., когда столице угрожало войско Девлет-Гирея. Когда в том же году умер король Сигизмунд Август и в Москву прибыло посольство Федора Воропая, в грамоте из Речи Посполитой Т. величался «боярином, и наместником, и воеводою московским», причем Воропаю было поставлено на вид, что князь именуется не по чину: «Князь Юрей в отъезде, а пишут князя Юрия паны рады боярином, и наместником, и воеводою московским не гораздо, и князь Юрий у государя не боярин и не наместник воевода» (Новгородский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582): Историко-критическое исследование. СПб., 1904. Прил. С. 12—13). С какого года Т. стал наместником Псковским, источники умалчивают. Благодаря его предусмотрительности в 1570 г. Псков избежал страшного разгрома, какому царь Иван подверг Новгород (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 115—116). Один из разрядов годом смерти Т. называет не 1578, а 1576 г. (Разрядная книга 7067 // Сибирский сборник. Часть историческая. М., 1844. Т. 1. С. 50).

Имя Т. как составителя Повести о Выдропуской иконе указано в ее заглавии: «Повесть душеполезна о чудотворном образе пресвятыя богородицы, иже в Новгородской области в веси нарицаемей Выдропуске, в храме свягата великаго мученика Христова Георгия. Списано благоверным князем Егоргием Звенигородским, иже именуется Токматон». Действие Повести отнесено к XV в. и связано с Новгородским походом *Ивана III* (1471 г.). В Повести рассказывается о том, как икона богоматери, похищенная воином великого князя из церкви в селе Выдропуск (Выдропужск) — между Торжком и Вышним Волочком, чудесным образом вернулась на прежнее место. Повесть написана со слов жителя Выдропуска Федора корчемника, стараниями которого в 1565 г. образ был поповлен и обложен серебром. В Повести упоминается митрополит *Филипп*, из чего можно заключить, что она написана после 1566 г. Об участии, которое принимал Т. в церковной жизни Новгородско-Псковских земель, свидетельствует также *Повесть о явлении Святогорских икон*; о событиях на Синичьей горе Т. «возвести писанием вседержавному царю, государю и великому князю Иоанну Васильевичю всеа Росии» (С е р б р я н с к и й Н. Очерки по истории монастырской жизни

в Псковской земле. М., 1908. С. 555). Книжные интересы Т. подтверждает и тот факт, что его Стихирарь находился какое-то время в пользовании у царя (Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов // ВОИДР. 1850. Кн. 7. Смесь. С. 6—7). В предисловии к публикации *Луцидариуса* Н. С. Тихонравов высказал малоубедительное предположение, что Т. является переводчиком этого памятника (*Луцидариус* // Летописи Тихонравова. 1859. Т. 1, кн. 1. С. 35, примеч. 3).

Изд.: Летописи Тихонравова. 1862. Т. 4. С. 19—28; П.Т. 1862. Вып. 4. С. 180—183.

Лит.: Слава пресвятыя владычицы нашей богородицы и приснодевы Марии, открывшаяся в явлениях чудотворных ея икон в России. М., 1853. Ч. 3, отд. 1. С. 101—106; Строев. Словарь. С. 110; Филарет. Обзор. С. 163; Азбучный указатель имен русских деятелей. СПб., 1888. Ч. 2. С. 345 (Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 62); Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 2. С. 33; Власьев Г. А. Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. СПб., 1906. Т. 1, ч. 1. С. 563—565; Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 81—82; Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 77; Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 90.

Д. М. Булапин

Торжественник — один из древнерусских календарных сборников уставных чтений, популярный памятник русской литературы кон. XIV—XVII в. Содержание Т. составляют переводные и оригинальные сочинения: эпидейктические слова, поучения, сказания о церковных праздниках и жития наиболее чтимых святых, расположенные в определенном порядке. В рукописной традиции термин Т., появившийся, вероятно, не ранее XV в., используется нерегулярно. Названия, данные Т. древнерусскими переписчиками, различны: «Събрание святых словес на праздники Спасовы, Богородичны и иных святых многих. . .», «Соборник, иже наречеться сказания жития святых пророк и апостол и святых мученик и святых преподобных отец. . .», «Книга, глаголемая Соборник, сиречь Тържественник четей. . .», «Пангирик, сиречь Тържественник. . .», «Торжественник по мытаря и фарисея, четыредесятница и пятидесятница. . .». Т. существует в двух разновидностях, в основу выделения которых положен календарный принцип: сочинения, посвященные христианским праздникам солнечного календаря, составили минейный Т., лунного календаря — триодный Т. История формирования и развития, литературное содержание и жанровый состав минейного и триодного Т. различны.

Томилии минейных Т. посвящаются так называемым двенадцатым праздникам (Рождество богородицы, Воздвижение креста, Введение во храм, Рождество Христово, Богоявление (Крещение), Сретение, Благовещение, Преображение, Успение) и другим праздникам православной церкви (Собор трех святителей, память апостолов Петра и Павла, Положение ризы богоматери. . . и др.), а также собственно исконно русским праздникам (Покров, Владимирская икона богоматери, Тихвинская, Казанская иконы и др.). В миней-

ный Т. входят жития святых. Все сочинения обычно располагаются в порядке следования месяцеслова: с 1 сентября, начала индикта, «сиречь нового лета», до 29—30 августа. Минейный Т. может содержать чтения на год, полугодие или на несколько месяцев.

В триодный Т. вошли памятники торжественного и дидактического красноречия. Статьи триодного Т. расположены по порядку недель лунного календаря, или так называемого триодного цикла: с недели мытаря и фарисея и до недели всех святых, т. е. приурочивались к дням подготовительным к посту, Великого поста, Пасхи, праздничным дням пятидесятницы. Разновидностью триодного Т. является Т. пятидесятный, или Пятидесятница, заключающий в себе чтения от недели вербой перед Пасхой до недели всех святых (следующей за праздником Троицы, или Пятидесятницы). Литературная история триодного Т. тесно связана с судьбой другого древнерусского триодного сборника — *Златоуста*. Состав их близок. Но если в триодном Т. наблюдается явное преобладание сочинений эпидейктического красноречия, посвященных только праздничным дням триодного цикла, то в составе *Златоуста* значительное место занимают дидактические гомилии, приуроченные к будним дням триодного круга. По составу Т. сближается также с другими сборниками уставных чтений — *Рай* (см. *Рай I*), *Сборник*.

Минейный и триодный Т. в своей основе являются переводными памятниками, пришедшими в славянские страны вскоре после принятия ими христианства. Прототип минейного Т. — греческий сборник, переведенный в Болгарию и позднее перенесенный на Русь. Древнейший список славяно-русского минейного Т. дошел до нас в составе *Златоструя* XII в. (ГПБ, Ф. I. п. 46; описание см.: С р е з н е в с к и й. Сведения и заметки. № 22). Прототип триодного Т. и *Златоуста* (как доказывается в статье Т. В. Черторицкой «О начальных этапах. . .») сложился на славянской почве, но в его основе лежит группа византийских эпидейктических гомилий, дополненная оригинальными сочинениями (словами Климента Охридского, Иоанна, экзарха Болгарского, *Кирилла Туровского* и др.). Формирование прототипа завершилось к XIV в., его образцом может служить рукопись сер. XIV в., хранящаяся в ГБЛ, ф. 304, № 9 (см.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. 11—15). Развитие прототипа в конкретно-исторических культурных условиях Древней Руси XV в. привело к возникновению трех редакций минейного Т., две первые из которых восходят к разным редакциям византийских Панегириков (см.: Ч е р т о р и ц к а я Т. В. К вопросу. . .), и двух редакций триодного Т.

В минейном Т. 1-й редакции (описание устойчивого состава статей см.: Ч е р т о р и ц к а я Т. В. Торжественник. . . С. 168—183) наблюдается значительное преобладание гомилий над житиями, почти полное отсутствие русских сочинений, за исключением тех, которые стали достоянием южнославянской литературы еще в XI—XIII вв. Все сочинения минейного Т. 1-й редакции сохраняют особенности византийской стилистики торжественного красноречия,

в том числе и жития, которые приобретают особую жанровую форму — жития-энкомия. 1-я редакция триодного Т. возникла за счет расширения состава прототипа эпидейктическими сочинениями византийских и южнославянских авторов (описание устойчивого состава статей см.: Там же. С. 184—197). Минейный и триодный Т. 1-й редакции являются образцами «высокого рода литературы». В гомилиях и житиях-энкомиях этих памятников возродились риторико-панегирический стиль и художественная образность эпидейктического красноречия Киевской Руси, усиленные стремлением к «витийству», отличающим писательскую манеру книжников периода «второго южнославянского влияния». В XVI—XVII вв. минейный и триодный Т. 1-й редакции не получили дальнейшего развития, списки Т. 1-й редакции очень малочисленны и в большинстве своем являются копиями списков XV в.

В основе 2-й редакции минейного Т. лежит греческий сборник, 3-я редакция — смешанная, составленная путем тенденциозного, целенаправленного подбора произведений, включенных в две первые редакции (устойчивый состав статей см.: Черторицкая Т. В. К вопросу. . .). Списки 2-й и 3-й редакций минейного Т. XV в. характеризуются преобладанием агиографических сочинений над гомилетическими, использованием в житиях фольклорных мотивов, беллетристической разработкой заданных тем, вариативностью состава, расширенного оригинальными славяно-русскими сочинениями. Среди агиографических произведений значительное место занимают древнерусские жития, в подборе и содержании которых отчетливо прослеживаются абсолютистские устремления московских князей: *жития* Бориса и Глеба, Владимира Святославича, *Леонтия Ростовского*, *Петра* и *Алексея митрополитов*, *Сергия Радонежского* и др. (см.: Черторицкая Т. В. Агиография древнерусских минейных Торжественников XV в. // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1980. С. 5—18).

В XVI—XVII вв. минейные Т. 2-й и 3-й редакций получают особенно широкое распространение. Их развитие свидетельствует о тенденции к сближению, даже слиянию этих редакций; еще больше расширяется и варьируется календарь, и прежде всего увеличиваются дни памяти святых. Т. XVI—XVII вв., способствуя укреплению авторитета светской и церковной власти и отражая результаты канонизации русских святых, включают в свой состав многочисленные новые переводные и оригинальные жития — *жития Варлаама Хутынского*, *Исидора Твердислова*, так называемых «повых чудотворцев». Резкое увеличение агиографического материала в составе минейного Т. приводит к изменению жанровой и композиционной структуры Т. Гомилетическая часть сокращается до минимума. По содержанию и по построению минейный Т. приближается к Минее Четвѣй.

2-я редакция триодного Т. возникла в результате эволюции прототипа в сторону накопления дидактических статей. В списках XV в. наблюдается относительное равновесие между группами сочинений эпидейктического и дидактического красноречия. Списки триодного Т. 2-й редакции XVI—XVII вв. лишь условно можно на-

звать Т.: генетическая близость к рукописям XV в. подобного содержания, завершенность представленного в торжественных гомилиях праздничного триодного цикла — позволяют по традиции считать их триодными Т., а включение в их состав сочинений не только на праздничные, но и на будние дни триодного цикла, нравственно-логическая смысловая доминанта — сближают эти сборники со Златоустами. В работе Т. В. Черторицкой (О начальных этапах. . .) высказана мысль, что именно на основе триодного Т. 2-й редакции формируются древнерусские Златоусты.

Минейный и триодный Т. существуют также и в соединении друг с другом — это так называемый общий Т. Изменения, которые произошли в составе Т. на протяжении XV—XVII вв., привели к исчезновению типовых признаков Т. во многих рукописных четьих сборниках кон. XVI—XVII в., близких по составу минейному и триодному Т., — сборниках, составленных на основе Т. (минейного, триодного, общего). Особое развитие получил Т. в старообрядческой среде. Минейный и триодный Т. 1-й редакции часто переписываются старообрядцами со списков XV в. практически без изменений, но наиболее широкое распространение получает Поморский Т.: «Торжественник, или Слова на праздники, составленные настоятелями безпоповцами Выгорецкой обители. . .». Семен Денисов, устроитель Выговской пустыни, внес свои сочинения в состав Т., и в дальнейшем, в течение XVIII в., слова и поучения поморских старцев полностью заменили собой традиционные в Т. сочинения византийских, южнославянских и древнерусских авторов. От древнерусского Т. в старообрядческих Т. сохранились структура, календарь (о старообрядческом Т. см.: Д р у ж и л и п В. Г. Поморский Торжественник // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 34—55).

История развития Т. свидетельствует об изменении функции этого сборника в культурной жизни Древней Руси. Т. уже к кон. XVI в. перестает быть только сборником уставных чтений, становится исключительно литературным сборником.

Лит.: Орлов А. С. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905. С. 9—19 (ПДПИ. Вып. 158); Черторицкая Т. В. 1) Торжественник из собрания ИИФиФ: (Опыт описания сборника постоянного состава) // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 162—198; 2) О составе минейных Торжественников XV—XVI вв. // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 13—27; 3) О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников «Златоуст» и «Торжественник» (триодного типа) // Источниковедение литературы древней Руси. Л., 1980. С. 96—114; 4) К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 5—27.

Т. В. Черторицкая

Траханиот Дмитрий Мануилович (по прозвищу Старый) (2-я пол. XV в.) — дипломат, служивший при дворе *Ивана III*, публицист и переводчик. Греки по происхождению, Т. и его брат *Юрий Мануилович Траханиот* служили первоначально семье Фомы Палео-

лога (брата последнего византийского императора), деспота Морей, завоеванной турками. Когда дочь Фомы Зоя (София) Палеолог в 1472 г. вышла замуж за Ивана III, ее брат Андрей, живший в Риме в изгнании, послал Т. в Москву для присутствия на бракосочетании; в 1474 г. Т. приезжал вторично как посол Андрея Палеолога. В 80-х гг. Т. вместе с братом Юрием уже переходит на московскую службу; возможно, что они переехали в Москву в 1479 г., во время визита туда Андрея Палеолога.

На Руси Траханиоты становятся участниками кружка архиепископа Новгородского *Геннадия*, ведшего борьбу с новгородско-московскими еретиками. Т. пишет Геннадия два послания: «О трегубной аллилуйи» и «О летах седьмой тысячи». Послание о трегубной аллилуйи связано с полемикой о том, сколько раз петь «аллилуйя» во время богослужения — дважды или трижды. Спор этот возник еще в нач. XV в. и особенную остроту приобрел в связи с выступлениями псковского церковного деятеля Евфросина. Т. занял в этом споре как бы промежуточную позицию, допуская и сугубую и трегубную аллилуйю. Послание о летах седьмой тысячи связано с ожиданием конца мира в 1492 г. По византийскому летоисчислению, употреблявшемуся на Руси, этот год считался 7000 г. от Сотворения мира, и было широко распространено убеждение, что мир, сотворенный в семь дней, просуществует семь тысяч лет. Опасения, связанные с предстоящим концом мира и спором с еретиками по этому поводу, получили выражение в посланиях Геннадия епископу Прохору Сарскомому и архиепископу Иоасафу Ростовскому. С запросом Геннадия связано и рассуждение Т. В большинстве списков оно датируется 1489 г., в одном списке — 1491 г. Автор рассуждения «О летах седьмой тысячи» заявляет, что «никто не весть числа веку», но что дата конца мира все-таки должна быть «седмирична»; если мир не кончится в 7000 г., надо ждать еще «седьмь» лет, а если и они пройдут, «и знамение не явится, подобает разумети к тому и о всех седмиц, или яко да приложатся и от месец седмица и дней и часов. . .». Авторство рассуждения «О летах седьмой тысячи», кроме Т., приписывалось также другим лицам — *Дмитрию Герасимову*, греку *Дмитрию Ралеу*. Однако прямая ссылка на брата Юрия, содержащаяся в рассуждении, делает наиболее вероятным авторство Т.

Т. приписывается также *Повесть о белом клобуке*, которая сопровождается в некоторых списках Посыльной грамотой Дмитрия Толмача, но далее автор Посыльной грамоты именует себя Митей Малым, как именовался Дмитрий Герасимов. Скорее всего, автор Посыльной грамоты, сочиненной не ранее сер. XVI в., просто смешал двух Дмитриев — Герасимова и Т.

Время смерти Т. не известно; сын его *Юрий Дмитриевич Траханиот* подвизался в Москве вплоть до 1520-х гг.

Изд.: Послания Дмитрия Герасимова к архиепископу Новгородскому Геннадия // ПС. 1861, янв. С. 103—112.

Лит.: Ключевский В. О. Псковские споры // Опыты и исследования. Первый сборник статей В. О. Ключевского. М., 1912. С. 97; Майков Л. П. Последние труды // ИОРЯС. 1900. Т. 5, кн. 2. С. 388, примеч. 1; Соболев

с к и й. Переводная литература. С. 40; Евсеев И. Е. Геннадиевская библия 1499 г. М., 1914. С. 14; Седелников А. Д. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в. // Докл. АН СССР. 1929. Сер. В. № 1. С. 17; Розов Н. Н. Повесть о новгородском белом клубуке как памятник общерусской публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 181—182; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 135; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 269; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 229.

Я. С. Лурье

Траханиот Юрий Дмитриевич (по прозвищу Малый) (2-я пол. XV—1-я четв. XVI в.) — придворный, дипломат, возможно, переводчик. Сын видного дипломата и публициста *Траханиота Дмитрия Мануиловича*, Т. приехал в Москву в свите Софьи Палеолог еще в 1472 г. Но следующий раз в источниках его имя появляется лишь в 1484 г., когда поставленный в архиепископы Новгородские *Геннадий* «о здании церкви с трансеею и прочих полат в монастыри святого архангела (!) Михаила и великаго чудотворца Алексия (т. е. в Чудовом. — Д. Б.) попечение вручи сообщником своим, иже бяху самобратии вельможи Дмитрий, и Сергей, и сын Дмитриев Юрьи, зовомый Малы, гречестии Траханиоты» (ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, 2-я пол. С. 367). Следующее упоминание Т. относится к 1493 г., когда он участвовал в приеме Михаила Сунуса. Т. сделал в России блестящую карьеру: он не раз вел дипломатические переговоры — с Османской империей, Империей, Тевтонским орденом, был великокняжеским постельничим, затем печатником и казначеем. О доверии к Т. со стороны *Василия III* свидетельствует его участие в таких ответственных государственных делах, как расследование об измене *Василия Шемячича* в 1517 г., о побеге князя *Ивана Ивановича Рязанского* в 1521 г. Стремясь закрепить свое положение при дворе, предприимчивый грек пытался даже выдать свою дочь замуж за *Василия III* (*Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 38). Согласно *С. Герберштейну*, за поддержку мысли о несправности русских богослужебных книг Т. «был немедленно. . . отрешен от всех должностей и лишился государевой милости. Но так как государь никоим образом не мог обходиться без его содействия, то милость была ему возвращена, но он приставлен был к другой должности» (Там же. С. 65). Это произошло, по *С. Герберштейну*, «за три года до нашего приезда в Москву» (Там же), следовательно — в 1523 г. В русских источниках имя Т. исчезает после 1522 г.

Причастность Т. к деятельности литературного кружка новгородского архиепископа *Геннадия* можно предполагать на основании приписки, которая сопровождает в некоторых списках послания отца Т. *Дмитрия*. «Да писал еси, господине, — обращался к *Геннадию* *Дмитрий Траханиот*, — о слове о том, что *Юрий* переводит, кое бы его к тебе ранее отослати. Ино, господине, тому толь въскоре пелзе быти, зане же перевод медлен, а еще *Юрию* мало досугов. И ты бы пожаловал — о том не бранил, а как поспеет, так у тебя будет часа

того. А яз тебе, своему господину, слуга твой челом бию» (И л а р и й и А р с е н и й). Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1879. Ч. 3. С. 122; ГПБ, Q.XVII.15, л. 382 об.—383). Я. С. Лурье полагает, что здесь идет речь о *Юрии Мануиловиче Траханиоте*, который приходился Т. дядей (К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 135, примеч. 13; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 269). Однако нет никаких противопоказаний, чтобы считать названного в приведенном отрывке переводчика Юрием Т. Малым. Закончил ли Т. свой труд и что он собою представлял, остается неясным. В сборнике XVII в. (ГИМ, собр. Вахрамеева, № 226, л. 123) Т. назван автором послания архиепископу Геннадию о трегубой аллилуии, однако это не дает оснований пересматривать обоснованную атрибуцию сочинения Дмитрию Траханиоту. А. Л. Хорошкевич бездоказательно утверждает, что Т. — тот «кир Георгий», от которого *Максим Грек* получил перевод *Луцидариуса* и которому ученый монах адресовал свое обличение этой книги.

С. Герберштейн пишет, что Т. «был муж необыкновенно ученый и искусный во многих делах», и рассказывает о почестях, которые ему воздавал великий князь (Г е р б е р ш т е й н С. Записки. . . С. 65).

Лит.: С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 40; Д у н а е в Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С. 13—15 (отд. отт.: Труды Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества. Т. 4, вып. 2); С а в в а В. И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 272—273; A l e f G. Diaspora Greeks in Moscow // Byzantine Studies / Études byzantines. 1979. Vol. 6. P. 32—33 (репринт в кн.: A l e f G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. London, 1983. N XI); Х о р о ш к е в и ч А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 230, 246—247.

Д. М. Буланин

Траханиот Юрий Мануилович (по прозвищу Старый) (2-я пол. XV—нач. XVI в.) — придворный, дипломат, возможно, переводчик. Впервые Т. приехал в Москву еще в 1469 г. (сообщение итальянских источников о Юрии Греке и Николо Джисларди, прибывших в Рим из Москвы в 1468 г., не получило однозначной интерпретации) с проектом брака великого князя и дочери морейского деспота Фомы, а в 1472 г. явился сюда вместе со своим братом *Траханиотом Дмитрием Мануиловичем* в свите Софьи Палеолог. Однако о какой-либо его деятельности в России на протяжении следующих тринадцати лет ничего не известно. Если верно предлагавшееся в литературе отождествление Т. и Георгия Перкамоты (Перкансота) итальянских источников, то в 1485—1486 гг. он вел дипломатические переговоры в Милане и Венеции. С 1489 г. он не раз ездил послом в Империю, а в 1500—1501 гг. — в Данию, в 1494 г. принимал ганзейское посольство. А. Л. Хорошкевич обратила внимание на перерыв в политической активности Т. с 1494 до 1500 г. и высказала гипотезу, что этот

перерыв объясняется нестабильностью положения группировки Софьи Палеолог. После 1501 г. имя Т. исчезает со страниц источников.

О литературной деятельности Т. известно немного. В 1486 г. со слов московского посла Георгия Перкамоты, которого некоторые ученые отождествляют с Т., в канцелярии миланского герцога Джано Галеаццо Мариа было составлено одно из первых описаний России (оригинал и перевод см.: *Varbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari, 1957. P. 90—95*; Гукровский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 652—655 (Труды ЛОИИ. Вып. 5)). В 1490 г. через посредство Т. новгородский архиепископ *Геннадий* вступил в контакт с имперским послом Георгом фон Турном и записал с его слов рассказ об учрежденной в Испании инквизиции. Возможно, Т. был и переводчиком этого рассказа, ибо он начинается так: «Сказывал посол цесарев Юрью про шпанского короля. . .» (в послании Геннадия митрополиту *Зосиме*, где содержится ссылка на рассказ об инквизиции, «Юрью» заменено на «ми»). Кроме того, по мнению Я. С. Лурье, именно Т. имеется в виду в приписке, сопровождающей в некоторых списках послания его брата Дмитрия и сообщающей о каком-то слове, которое «Юрий переводит» (К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 135, примеч. 13; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 269). Возможно, однако, что упомянутый в приписке Юрий — это племянник Т., *Траханиот Юрий Дмитриевич*.

Лит.: Седелъников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 33—57; А л е к с е е в М. П. 1) Этюды из истории испано-русских литературных отношений // Культура Испании. [М.], 1940. С. 353—354; 2) Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 5—7; Р у т е н б у р г В. И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 460—462 (Труды ЛОИИ. Вып. 7); A l e f G. Diaspora of Greeks in Moscow // Byzantine Studies / Études byzantines. 1979. Vol. 6. P. 32—33 (репринт в кн.: A l e f G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. London, 1983. N XI); К а з а к о в а Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 125—126; Х о р о ш к е в и ч А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 179, 229—230.

Д. М. Буланин

Третьяков-Ховрин Иван Иванович (в монашестве Иона) (ум. между 1555 и 1568) — видный политический деятель 20—40-х гг. XVI в., представитель московского служивого рода Ховриных, племянник И. В. Головы (родоначальника Головиных) и двоюродный брат *И. И. Головина-Скрябы*, корреспондент *Иосифа Волоцкого*.

Переписка Иосифа Волоцкого с Т.-Х. была связана с изменением полтики Иосифа 1503—1507 гг., переходом Волоколамского мона-

стыря под великокняжеский патронат и возникшим в связи с этим конфликтом между волоколамским игуменом и Новгородским архиепископом *Серапионом*. Когда митрополит *Симон* поддержал Иосифа и отлучил в 1509 г. от церкви Серапиона, многие из прежних друзей волоколамского игумена сочли этот акт несправедливым и обратились к Иосифу с советом «бить челом» бывшему Новгородскому архиепископу. Одним из таких корреспондентов Иосифа и был Т.-Х. В ответ на эту грамоту (она до нас не дошла) Иосиф написал Т.-Х. в декабре 1510—январе 1511 г. послание, в котором доказывал, что «священные правила не повелевают у того епископа прощатись, которой от старейшаго архиерея. . . и от всего священного собора отлучен и не благословен и из сана отвержен». Отлучение Серапиона было, по словам Иосифа, справедливым наказанием за «свару» Серапиона с великим князем *Василием III* и митрополитом. Иосиф оправдывал также свой отказ от подчинения князю Федору Волоцкому и переход под великокняжеский патронат «насильством» со стороны князя Федора.

Ответом на это послание Иосифа Волоцкого было обширное послание анонимного автора, обвинявшего Иосифа в том, что тот «злата ради» затеял вражду с князем Волоцким и «великий гнев учинил» между великим и удельным князем, митрополитом и архиепископом. Автор восхваляет мужество Серапиона, не убоившегося «царевы ярости», и осуждает Иосифа за то, что тот (прежде призывавший к бесстрашному сопротивлению «царю-мучителю») всецело связал свою деятельность с великокняжеской властью: «А ты, господине, у кого ся научил ратовать, и кто тя вооружил на брань? У кого еси взял стрелы и кто тя научил стреляти и кто ти щит приготовил? И почему еси дворянин великого князя. . .?» В одном случае автор обнаруживает близость к складывавшейся в нач. XVI в. доктрине нестяжателей: «А о сем, господине, чего ради помышляеши, что великая обитель не может препитаться? И почему, господине, великая обитель, не токмо ли един ты? И могий единого себе препитати, а брат твой себе единого препитай, и вси вкупе един по единому кождо единого себе пропитай. . .». Не касаясь прямо вопроса о казнях еретиков, вставшего после 1504 г., автор, однако, осуждает стремление Иосифа «огнем зъжечи» «всех грешных по своему уставу».

В. Ф. Ржига, впервые введший это послание в науку, считал, что ответ на послание Иосифа Т.-Х. написал в 1511—1513 гг. сам Т.-Х. Возражая ему, А. А. Зимин справедливо отметил, что такая атрибуция вызывает сомнения: в послании неизвестного нет указания на то, что оно является прямым ответом на послание Иосифа Т.-Х. (типа: «что писал еси ко мне» и т. п.). Но и предположение А. А. Зимина, что послание было написано двоюродным братом Т.-Х., крупнейшим публицистом нач. XVI в. *Вассианом Патрикеевым*, не представляется достаточно обоснованным.

Т.-Х. покровительствовал книгописанию. В 1507 г. по его заказу был написан экземпляр Четвероевангелия с рисунками известного иконописца Феодосия, сына Дионисия (Феодосий Иконник упоминался, кстати, в послании Иосифа Т.-Х. как посредник между обими

корреспондентами). После 1526 г., когда Т.-Х. стал казначеем, он собственноручно вручил соловецкому игумену *Филиппу* (будущему митрополиту) покров на гробницу чудотворцев Зосимы и Савватия. Постригшийся в 50-х гг. в Кирилловом монастыре, Т.-Х. принял в 1555 г. участие в составлении «Государева родословца».

Изд.: Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 336—366.

Лит.: Р ж и г а В. Ф. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей» // Изв. АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 9. С. 807—816; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 433—436; К а з а к о в а Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 171—175; З и м и н А. А. 1) Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 126—130; 2) Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI вв.). М., 1977. С. 89—94, 251—254.

Я. С. Лурье

Трифиллий (2-я пол. XVI в.) — инок, возможный автор *Жития Серапиона, архиепископа Новгородского*, или только службы ему. В исследованиях, посвященных Житию Серапиона, высказаны разные предположения об авторе этого произведения и времени его создания. С. А. Белокуров впервые обратил внимание на запись в Житии Серапиона в рукописи из собрания П. А. Овчинникова, в которой сообщается, что «составлено же бысть сие житие, и чудеса, и стихеры, и каноны иноком Трифилием по благословению господина преосвященного Макария, митрополита всея России, в 21-е лето святительства его». Из этого следует, что автор работал в 1563—1564 гг. Других сведений о Т. не сохранилось. По сведениям С. А. Белокурова, рукопись относится к XVII в. и начинается Житием Сергия Нуромского; в настоящее время она хранится в ГБЛ, собр. Овчинникова, ф. 209, № 285, текст Жития на л. 72—94. Никаких комментариев к этому известию сам С. А. Белокуров не привел. А. А. Зимин, Я. С. Лурье и Г. Н. Моисеева склонны считать Т. автором только службы Серапиона.

Лит.: Житие преп. Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным, по двум рукописям собрания П. А. Овчинникова / Изд. С. А. Белокуров // ЧОИДР. 1903. Кн. 3, отд. II. С. IX; Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 294; М о и с е е в а Г. Н. Житие новгородского архиепископа Серапиона // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 151—152.

Р. П. Дмитриева

Трифон Скимап (XIV в.) — игумен Новгородского Видгощенского монастыря, предполагаемый автор некоторых статей и составитель вложенного им в монастырь сборника (ГПБ, Соф. собр., № 1262), названного затем по его имени «Трифоновским». Имя и судьба Т. известны из начинающей книгу мемориальной записи, сделанной, по-видимому, упомянутым в ней «священно-Павлом-иноком» (т. е. перомонахом Павлом): «Помяни, господи, раба божия священно-инюка Труфана Скимапа, начальника месту сему, утопышаго на мори в одном корабли с Васильем и с Назарьем, — но те два жива, — что

книгу сию положим в дом святей Троицы на Видогощи бога ради. Павла помяни, священно-Павла-инока».

Книга написана на перемежающихся пергамене и бумаге кон. XIV в. По содержанию она представляет собой сборник слов и поучений, обращенных главным образом к священнослужителям. Н. С. Тихонравов, издавший по этой рукописи три слова против язычества («Слово от святого Евангелия», «Слово отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Костянтинаграда о томъ, како първое погании веровали в идолы и требы им клали, и имена им нарекали, яже и ныне мнози тако творять, и в крестьянстве суще, а не ведають, что есть крестьянство» и схожее с ним, следующее за ним «Слово святого отца нашего Иоанна Златоуста»), считает, что имя Иоанна Златоуста в заголовках «не может служить поводом к тому, чтобы отвергнуть принадлежность изложенных в слове суеверий славянам» (Летописи Тихонравова. М., 1862. Т. 4. С. 87). В самом деле, первое из слов, приписанных Иоанну Златоусту, представляет собой компиляцию, основанную на обличающем славянские языческие верования и обряды *Слове святого Григория изобретено в толцех*; как и в *Слове святого Григория*, здесь говорится среди прочего о вере в Перуна, Хорса, Вил, Мокошь, ушырей, берегынь, Сварожича, Стрибога, Дажбога, Пересплута.

Значительную часть рукописи составляют «Книги, наричаемыя Власфимия, рекше хулы на еретики: главы различныя от Еуаггелия и от канон святых апостол и отець, в них же обличение богомъ ненавистныхъ злочестивыхъ духопродажныхъ ересей» (л. 63 об.—113), где много говорится о недопустимости брать плату за рукоположение в священный сан. А. Д. Седелников предполагал, что этой темой сборник обязан связям Новгорода с Тверью, борьбе тверского епископа Андрея в нач. XIV в. с митрополитом *Петром*, а также строгольщическому еретическому влиянию в Новгороде кон. XIV в. Развивая его предположения, А. И. Клибанов высказался об общем направлении сборника как о реформационном и предположил, что авторы завершающих «Власфимию» статей (*Слова о живых учителяхъ и упоминаемого в этом слове следующего за ним «Предъсловия честнаго покаяния»*) — одно и то же лицо, жившее в кон. XIII—нач. XIV в. и, кроме того, составившее весь этот «Трифоновский сборник». В таком случае автором-составителем не мог быть Т. С., поскольку запись на книге кон. XIV в. говорит о бывших с ним в одном корабле людях как о живых. Однако же и вообще говорить о реформационном характере требований к священнослужителям, излагаемых завершающими «Власфимию» статьями, как и всеми прочими, содержащимися в этой книге, оснований никаких нет: они не выходят за рамки обычных канонических. В частности, основное требование тех двух статей — чтобы священники были постоянными чтецами и хорошими знатоками священных книг. В языке рукописи Н. М. Каринский различает особенности псковского говора.

По этой рукописи изданы: «Слово поучение иерусалимское *Луки Жидяты* и Поучение *Феодосия Печерского* к келарю (Макарием); три слова против язычества (Н. С. Тихонравовым и Н. Гальковским);

Устав о среде и пятнице (С. И. Смирновым); послание *Есифа* (Н. К. Никольским); «Слово о живых учителях» (А. И. Клибановым).

Изд.: Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1868. Т. 1. С. 278—279; Т. 2. С. 334—335; Тихонравов Н. С. Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов // *Летописи Тихонравова*. Т. 4. С. 86—88, 105—112; Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 135—140; Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // *ЧОИДР*. 1912. Кн. 3. С. 187; Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1913. Т. 2. С. 59—63, 248—255, 271—276; Клибанов А. И. «Слово о живых учителях» // *Исследования и материалы по древнерусской литературе*. М., 1961. С. 300—312.

Лит.: Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909. С. 129—130; Седелников А. Д. Следы стрягольнической книжности // *ТОДРЛ*. Л., 1934. Т. 1. С. 131—135; Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, молдавско-хазарские, сербские. Л., 1953. С. 60; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв. М., 1960. С. 13—34; Розов Н. Н. Искусство книги Древней Руси и библиогеография: (По новгородско-псковским материалам) // *Древнерусское искусство. Рукописная книга*. М., 1972. С. 35.

Г. М. Прохоров

«Троянская история» Гвидо де Колумна — древнерусская повесть о Троянской войне, восходящая к латинскому роману «История разрушения Трои» (*Historia destructionis Troiae*), написанному в 70-х гг. XIII в. Гвидо де Колумна (Гвидо делле Колонне), которого И. Н. Голенищев-Кутузов идентифицирует с придворным поэтом Фридриха II Штауфена, императора Священной Римской империи и Сицилийского короля (см.: Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 233). Прозаический роман Гвидо в основном следовал поэме Бенуа де Сент Мора — «Роман о Трое», написанной в 1155—1160 гг. «История» Гвидо получила в Европе большую популярность, сохранилось множество ее списков; в кон. XV в. роман был издан в Болонье и Страсбурге. Из всех произведений о Троянской войне, известных древнерусскому читателю (пятая книга *Хроники Иоанна Малалы*, глава в *Хронике Константина Манассии*, *Повесть о создании и поплнении Тройском*, *Повесть о златом руне волшебного овна*), роман Гвидо наиболее обстоятельно излагал сюжеты троянского эпоса, начиная с рассказа о походе аргонатов и овладении золотым руном и кончая описанием странствий Одиссея и судьбы остальных героев после падения Трои. Много места в романе Гвидо уделено описанию любовных коллизий: повествуется о любви Медеи и Язона, Париса и Елены, о внезапно вспыхнувшей страсти Ахилла к юной дочери Приама Поликсене, о ветреной красавице Брисеиде. Сюжетная занимательность романа, вероятно, и определила его популярность в древнерусской книжности.

Перевод романа с латинского оригинала был осуществлен, очевидно, в кон. XV или нач. XVI в. Перевод текстуально близок к страсбургскому изданию 1485 г. Известно четыре списка перевода. Полный список — ГИМ, собр. Уварова, № 525, XVII в. Список ЦГАДА,

собр. Мазурина, № 368, 2-я пол. XVI в. имеет пропуски в тексте (из-за утраты листов). В списке Музейском (в составе первого тома *Летописного свода Лицевого* — рукопись ГИМ, Музейск. собр., № 358, XVI в.) отсутствует текст первых книг. Наиболее дефектен список БАН, собр. Тек. пост., № 15, XVII в.: в нем утрачены листы с текстом 1—3, 16—21 и 33—35 книг Т. и. Не известна судьба списка из собрания ОЛДП (Q, № 132). Вероятно, что этот список находился ранее в собрании ОИДР под № 89.

Перевод Т. и. пользовался, видимо, большим авторитетом. На него ссылается *Иван Грозный* в письме к А. М. Курбскому: «. . . не яко же ты глаголеши подобно убо Ахтенору и Енею, предателем троянским, много соткав, лжеши» (см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979. С. 34 (сер. «Лит. памятники»). Полный текст Т. и. вошел в монументальную «историческую энциклопедию» XVI в. — Лицевой свод. Боярский сын В. М. Тучков, составляя по поручению новгородского архиепископа Макария в 1537 г. новую редакцию *Жития Михаила Клопского*, ссылается на Т. и., где читаются «многия похвалы еллином от Омира же и Овидия» (см.: Повести о Житии Михаила Клопского / Подгот. текста и ст. Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 164).

Первоначальный текст перевода (Древнейшая редакция) вскоре стал подвергаться сокращениям и переработке. Известны три сокращенные редакции романа, дошедшие до нас в единичных списках: Овчинниковская (ГБЛ, собр. Овчинникова, № 505, XVII в.), Титовская (ГПБ, собр. Титова, № 2953, XVII в.), Погодинская (ГПБ, собр. Погодина, № 1772, XVII в.). Наибольшее распространение получила Краткая редакция, известная в одиннадцати списках XVII в. Текст романа сокращен в ней почти в четыре раза сравнительно с Древнейшей редакцией, однако сохранены все его основные сюжетные линии: сокращались в основном диалоги, описания и авторские рассуждения, опущены, в частности, книги, полностью состоявшие из описания внешности героев — греков и троянцев; сильно сокращено повествование о судьбе греческих царей после их возвращения из-под стен Трои.

В коп. XVII в. Т. и. была вновь переработана. Роман был значительно сокращен, причем из него исключены все сюжетные линии, раскрывающие интимный мир героев, а оставлены лишь псевдоисторические и батальные эпизоды. Эта редакция (ее составление связывают с деятельностью Федора Злобина) легла в основу публикации 1709 г. «История о разорении Трои» была одной из первых русских книг, напечатанных гражданским шрифтом. Переиздание Т. и. было осуществлено затем в 1712, 1717, 1745, 1760, 1765, 1775, 1785, 1791 и 1817 гг. В 1791 г. был опубликован новый перевод (с греческого), осуществленный Иваном Михайловым. С печатных изданий XVIII в. было создано большое число рукописных копий.

Изд.: История в ней же пишет о разорении града Трои Фригийскаго царства. . . М., 1709; Щ е п к и н В. Н. Лицевой сборник имп. Российскаго Историческаго музея // ИОРЯС. 1899. Т. 4, кн. 4. С. 1345—1385; Троянские ска-

зання: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. / Подгот. текста и ст. О. В. Творогова; Коммент. М. П. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972 (сер. «Лит. памятники»).

Лит.: Пыпин А. П. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 50—62; Савич А. Библиографическая заметка // Библиограф. 1887. № 1. С. 7—8; Шлякин И. О переводчице «Троянской истории» // Там же. № 8—9. С. 95—96; Орлов А. С. 1) Повесть кн. Катырева Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна // Сб. статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 73—98; 2) Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVIII веков. Л., 1934. С. 43—45; Гейсслер Н. В. К истории перевода повести о Трое Гвидо де Колумна // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 351—360; Андрианова-Перетц И. Окровская я. Древнерусская повесть. С. 118—123; Назаревский И. Библиография. С. 162—163; Українські письменики. С. 659—662; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 281—283; Творогов О. В. 1) Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 64—71; 2) Троянская история в переработке усть-цплемских книжников // Рукописное наследие древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 228—241; 3) Из истории словесного портрета в русской литературе XVI века // Культурное наследие древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 123—127.

О. В. Творогов

Трусов Еремей (1-я пол. XVI в.) — посол *Василия III* к папе Клименту VII, в 1527—1528 гг. привезший «с товарищи» из Рима легендарную Повесть о Лоретской божьей матери («Повесть о храме святыа богородица, в цемь же родися от Иакыма и Анны», нач.: «В странах перусалимских, в граде Галилейском, ему же имя Назарет. . .»), рассказывающую о чудесном перенесении дома, где родилась богородица, из Назарета в Италию. О появлении Повести в Москве сообщает приписка к ней, читающаяся в различных списках и датирующая это событие 1528 г. В русской Повести о Лоретской божьей матери перечисляются события, происходившие в «храмине» Иоакима и Анны, говорится об основании там церкви, упоминается икона богородицы, написанная Лукою. После взятия Иерусалима турками храм чудесным образом переносится сначала в «град Тарсию», а затем «невидимо» оказывается «близ града Роконата» в Италии во владениях некоей вдовы Лореты. Но здесь поклонникам святыни мешали разбойники, и храм поднялся на гору, но так как и там поклонникам помешала вражда двух братьев, ссорившихся из-за приношений паломников, храм спустился на большую дорогу, «идеже и доньне стоить», совершая великие знамения и чудеса.

Оригинал Повести о Лоретской божьей матери, вероятно латинский, неизвестен. Повесть, записанная русскими посланцами, встречается в рукописных сборниках 1-й пол. XVI—XVII вв., например: ГБЛ, ф. 173, № 233 (659), 1-я пол. XVI в.; ГПБ, собр. Погодина, № 643, 1558 г.; она издана по первому из этих списков.

Изд.: Кирричников А. И. Русское сказание о Лоретской богоматери // ЧОИДР. 1896. Кн. 3, отд. II. С. 1—18.

Лит.: Соболевский И. Переводная литература. С. 218—219; Андрианова-Перетц В. П. Переводная литература конца XV—начала XVI в. // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 290.

М. А. Салмина

Тучков Василий Михайлович (ум. 13 II 1548) — автор третьей редакции *Жития Михаила Клопского*. Т. был сыном боярина Михаила Васильевича Тучкова, который в 30-е гг. XVI в. входил в число приближенных к великому князю *Василию III* лиц. Т. также был связан с великокняжеским двором, но значительных служебных мест не занимал. В 20-е гг. XVI в. Т. был близок к *Максиму Греку*. Келейщик Максима Грека Афанасий в следственном деле Ивана Берсена и Федора Жареного, связанном с судом над Максимом Греком в 1525 г., назвал Тучкова в числе тех лиц, которые часто бывали в келье Максима Грека и «говаривали с Максимом книгами и спирались меж собою о книжном» (ААЭ. 1836. Т. 1. № 172. С. 144). Максим Грек обучал Т. греческому языку. Т. адресовано три послания Максима Грека: 1) О типографском знаке Альда Мануция; 2) сопроводительное послание к переводам из Лексикона Свиды; 3) благодарственное послание (опубликованы в кн.: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 198—202). По мнению В. С. Икопникова и А. И. Иванова, Т. адресовано также принадлежащее Максиму «Послание к начальствующим правоверно», которое заканчивается словами: «Малыми писак к тебе, добрейший Василие, благородного корени благородное прозябание; веи бо, яко многими учен еси и разумен зело и немногих требуеши к воспоминанию словес, могущих привести на свершение всякия правды рачителя ея и теплаго ревнителя, яков еси ты» (Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1860. Ч. 2. С. 347). Для Т. Максим Грек перевел целый ряд статей из Лексикона Свиды. Тесная дружба и книжно-научные интересы связывали Т. с Максимом Греком до 1525 г. Как стало известно из Сибирского судного списка Максима Грека, обнаруженного в 1968 г. (см.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971), во время суда над Максимом Греком со свидетельскими показаниями против него выступали М. В. Тучков и его сын. На основании текста Судного списка С. О. Шмидт приходит к заключению, что большую роль в доносительстве на Максима Грека сыграл отец Т. и последний выступал с показаниями против своего учителя под давлением отца и вышестоящих властей. На основании того, что в 1544—1545 гг. по повелению Т. была переписана рукопись перевода Максима Грека толкований Иоанна Златоуста на Евангелие Иоанна, С. О. Шмидт считает, что для Т. имя его учителя оставалось авторитетным и в последующие после судов над Максимом Греком годы. Д. М. Буланин полагает, что эти данные не являются достаточными для наших суждений о характере отношения Т. к Максиму Греку после судов над последним.

Т. является автором третьей редакции (так называемой Тучковской) *Жития Михаила Клопского* (характеристику литературных особенностей Тучковской редакции см. в статье *Житие Михаила Клопского*). Написать новую редакцию *Жития Т.*, когда он находился в 1537 г. в Новгороде, предложил новгородский архиепископ *Макарий* (будущий митрополит всея Руси). Таким образом, литературные способности и возможности Т. были хорошо известны его

современникам. О начитанности, литературно-книжном мастерстве Т. свидетельствует и его произведение. Во вступлении к Житию Михаила Клопского Т. выказывает прекрасное знание библейской истории, древнерусских легенд и местных преданий (он начинает свое вступление от сотворения мира, останавливается на легенде о приходе на Русь апостола Андрея, пересказывает повгородское предание, связанное с именем апостола Андрея, о происхождении названия местности Грузино), писатель мастерски владеет всеми риторическими приемами агиографического жанра. В рассказе об одном из чудес Т. показывает свою осведомленность не только в церковной книжности. Желая подчеркнуть величие деяний героя своего повествования, Т. проводит параллель между чудесами, свершаемыми Михаилом Клопским, и подвигами античных героев, ссылаясь на «Троянскую историю» Гвидо де Колумна: «Слышах бо некогда книгу прочитаему Тройскаго пленения, в ней же многия похвалы плетены еллиню от Омира же и Овидия, и аще убо единыя ради буйственныя храбрости толиких похвал сподобишася, яко незглаженне памяти их долговременьством преходных лет, но аще и храбр Еркул, но и в нечестиа глубине погружашеся, и тварь паче творца почиташе. Тако же и Аххил и Тройскаго царя Приама сынове вси еллини суще и от еллин похваляеми, толики прелестныя сея славы сподобишася, колыми паче мы должны похвалити же и почитати святых. . .».

Современники высоко оценили литературный труд Т., о чем свидетельствует следующая летописная запись, посвященная Гучковской редакции Жития: «И преже бо написано бысть (Житие Михаила Клопского. — Л. Д.), но непрестанно и неявленно, сиречь велми просто, понеже бо егда сего святаго Михаила явление бысть, и житие и чюдеса, тогда человецы в Новеграде еще быша не велми искусни божественнаго писания. Сей же вышереченный Василей, по благословению пресвященнаго архиепископа Макария, ветхая понови и распростири явление, житие и чюдеса преподобнаго, и все по чину постави и велми чюдно изложи; и аще кто прочет сам узрит, како ветхая понови и колми чюдно изложи». При этом летописец не скрывает своего удивления, что столь премудрое книжное произведение написал светский человек, близкий к царю: «И како не удивимся божия благодати, понеже от самодръжавнаго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и его матере, благочестивой великой княгини Елены, от многоценныя их и царския палаты сей храбрый воин, прежеписанный Василей, светлое око и всегда во царских домех живый и мягкая пося, и подружие законно имея, и селика разумня от господа сподобися!» (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 301).

Возможно, перу Т. принадлежат и еще какие-то сочинения, неизвестные нам. Филарет, не указывая источников, пишет, что Т. послал в ипостеве имя Илии, и отождествляет его с *Ильей пресвитером*. По мнению Филарета, кроме Жития Михаила Клопского, Т. написал канон ему, в 1539 г. написал Житие Георгия Нового, а также одну из редакций *Повести о житии Александра Невского* и службу Александру Невскому. В обоснование этих положений Филарет дает ссылки на «Описание» А. Х. Востокова. Однако никаких данных,

которые позволяли бы отождествлять псковского монаха Илью с Т., ни Филаретом, ни А. Х. Востоковым не приводится.

Изд.: ПЛ. 1862. Вып. 4. С. 36—51; ВМЧ. Янв., тетрадь 2, дни 6—11. М., 1914. Стб. 730—740 (только начало Жития); Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и ст. Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 89—167.

Лит.: Ф и л а р е т. Обзор. С. 153; В а с е н к о П. Г. Житие св. Михаила Клопского в редакции 1537-го года и печатное его издание // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 3. С. 44—58; И к о н н и к о в В. С. Максим Грек и его время. 2-е изд. Киев, 1915. С. 577; С м и р н о в И. И. Мятёж Андрея Старицкого 1537 года // ИЗ. 1955. № 50. С. 291—296; И в а н о в А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 48, 69, 141, 149; Ш м и д т С. О. Новое о Тучковых: (Тучковы, Максим Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 129—141; Б у л а н и н Д. М. Лексикон Свиды и творчество Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 257—269.

Л. А. Дмитриев

Ф

Феодор (в миру Иоани) (ум. 28 XI 1394) — игумен Симоновский, затем архиепископ Ростовский, писатель, переводчик и иконописец. Ф. родился в Радонеже в семье ростовского уроженца Стефана, влиятельного лица при дворе радонежского князя Андрея Иоанновича. Рано оставшись без матери, был воспитан и пострижен в монахи своим родным дядей Сергием Радонежским, прожив вместе с ним в монастыре более 22 лет, где получил хорошее образование, был обучен иконописанию, греческому языку и имел возможность много читать. Около 1370 г. Ф., по благословению Сергия, основал на окраине Москвы Симонов монастырь, игуменом которого и оставался долгое время.

В 1374 г. состоялось его (и Сергия Радонежского) личное знакомство с *Киприаном*, приезжавшим тогда на Русь к митрополиту *Алексею* в качестве поеланника константинопольского патриарха Филофея. В 1378 г. Ф. и Сергей Радонежский ведут тайную от великого московского князя Дмитрия Ивановича Донского переписку с *Киприаном* (бывшим тогда митрополитом Малой Руси и Литвы и жившим в Киеве) об утверждении его в Москве на митрополии «всёя Руси» вопреки воле великого князя, но в согласии с правом наследования по митрополите Алексее.

После Куликовской битвы Ф. стал духовным отцом Дмитрия Донского; впервые об этом упоминается в связи с направлением его в феврале 1381 г. во главе посольства в Киев звать *Киприана* на Москву в качестве митрополита «всёя Руси». С июня 1383 г. по конец 1384—начало 1385 г. Ф. живет в Константинополе, отпущенный туда Дмитрием Донским вместе с архиепископом *Дионисием Суздальским* по делам «о управленьи митрополюи русския». В конце этой поездки Ф.

получает от константинопольского патриарха Нила чин начального архимандрита («первопресвитера») и грамоты, дававшие ему право подчиняться непосредственно самому византийскому патриарху, минуя русского митрополита. После получения зимой 1384—1385 гг. послания из Киева от Киприана, извещавшего его о своем намерении ехать в Константинополь, Ф. (в 1386 г.) добивается от великого князя разрешения на поездку туда же для выступления на соборе в качестве обвинителя митрополита Пимена. Не застав уже Киприана в Царьграде, он договаривается с Пименом о совместном побеге из Константинополя и принимает от него сан архиепископа Ростовского (1386 г.). На родину он добирается в течение трех лет (прибыл к 1388 г.). Весной 1389 г. участвует в оппозиции митрополиту Пимену, вынудившей того вопреки воле князя пойти на соборный суд в Царьград, но, отправившись следом за Пименом, Ф. сталкивается с ним в Кафе, где Пимен заключает его в тюрьму. После освобождения к Ф. присоединяется Киприан, и 27 июня 1389 г. оба они прибывают в Константинополь, где после низложения Пимена Киприан был восстановлен в правах митрополита «всея Руси». 6 марта 1390 г. Ф. торжественно въезжает в Москву в составе свиты митрополита Киприана.

Согласно летописным источникам, к концу жизни Ф. архиепископия его включала, кроме Ростова, Ярославль, Белоозеро, Устюг, Угличе Поле и Мологу. Ф. был причислен к лику святых еще в XV в., и память его как святителя отмечалась в день его смерти (тропарь и кондак Ф. помещен в сборнике ГИПБ, Кир.-Белоз. собр., № 1083. 1476—1483 гг.). Житие Ф. задумывал писать *Епифаний Премудрый*, но судьба его замысла неизвестна; сохранилось позднее Житие Ф. с очерком судьбы Симоновского монастыря до нач. XVIII в., датированное 1723 г. (ГИМ, Синод. собр., № 580). В *Подлиннике иконописном* (под 30 ноября) дается такой иконописный портрет Ф.: «подобием брада поменьше Власиевой; в белом клобуке, ризы святительския, омофор и евангелие. Неци пишут рус, аки Златоуст».

Ф., так же как «единомудренные» с Киприаном Сергей Радонежский и Дионисий Суздальский, принадлежал к числу сторонников «общежительного» движения среди русского монашества; он был разносторонне образованным и одаренным человеком, тонким дипломатом.

Тексты оригинальных произведений Ф. не выявлены. В посланиях митрополита Киприана сохранились лишь косвенные свидетельства о том, что Ф. совместно с Сергием Радонежским написал два послания митрополиту — в июне—нач. октября 1378 г. и в кон. 1384—нач. 1385 г. Кроме того, в 1386 г. он безусловно принимал участие в составлении обвинительных грамот против Пимена. Послание Ф. 1384—1385 гг., направленное Киприану в Киев, должно было известить изгнанного из Москвы митрополита о результатах поездки в Константинополь Ф., ставшего тогда «первоигуменом», о Дионисии Суздальском, поставленном тогда митрополитом, и о вызове на суд вселенского собора митрополита Пимена.

Ф. занимался переводами с греческого молитв патриарха Филофея Коккина и литургических произведений. В работе Г. М. Прохорова «К истории литургической поэзии. . .» «пръвопрезвитеру» Ф. атрибутируется перевод четырех произведений (там же дан перечень их списков): Канон на усение богородицы (С. 144, № 10), Канон в «глад и томление от скудства житнаго» (С. 145, № 17), Канон богородице о бездождии с акrostихом (С. 142, № 1), молитва в бездождие (С. 146—147, № 2). Кроме того существуют списки еще трех переводов Ф.: Чина малого освящения воды (ЦГАДА, собр. Московской Синодальной типографии, № 42), молитвы Филофея «на покресты» (ГБЛ, собр. МДА, № 183) и Канона-молебна богородице (ГИМ, Синод. собр., № 501 (468), Каноник 1457 г., л. 157 об.—164). Последний перевод искусно выполнен в форме акrostиха («краегранесия») и содержит неизвестный факт биографии автора о лишении Ф. святительского сана, происшедшем, очевидно, во время борьбы с Пименом («Канон-молебен ко пресвятей богородице, певаемъ от лица незрящего человека. Творение Иоанна Евхаитскаго. Приведен же бысть на рускый язык от многогрешнаго и ради премногих различных зол и преступлений отриповенаго от перкви, от лица святительска, именем же Феодора, аще и недостойна, но рекше — презвитера»). Язык переводов Ф. отличается простотой, четкостью и выразительностью. (Следует учесть, что И. У. Будовниц ошибочно отождествляет Ф. «протопресвитера» с Феодором, протопопом Благоещенского собора).

Согласно «Сказанию о святых иконописцах», Ф. был известен и как живописец, оставивший после себя «многие иконы»: на Москве были известны его письма иконы «Деисус на Болвановке у Николы святаго» и «образ» его дяди Сергия Радонежского (Барсуков. Источники агиографии. Стб. 591—592). Живописью Ф. занимался в основном в ранний период жизни в Московском Симоновом монастыре.

Лит.: Буслаяв Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. СПб., 1861. Т. 2. С. 379; Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1866. Т. 4. С. 260; СПб., 1877. Т. 8. С. 47; Ключевский И. Древнерусские жития. С. 92, 353—354; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 149; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 591—592; Мансветов И. Митрополит Клириан в его литургической деятельности. М., 1882. С. 57—58, 63; Толстой М. В. Книга глаголемая о российских святых // ЧОИДР. 1887. Кн. 4, отд. 2. С. 95—97. № 227; Житие св. Феодора, архиеп. Ростовского (по Синодальному списку 1723 г. № 580) / Сообщил архим. Леонид // Душеполезное чтение. 1891, май. С. 3—15; июнь. С. 145—154; июль. С. 303—315; Сергий. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2. С. 369; РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 419—426. № 5; Стб. 212, 216—220. № 33; Федотов. Феодор // РБС. 1913. Т. 25. С. 313—316; Будовниц. Словарь. С. 102, 351, 353; Прохоров Г. М. 1) К истории литургической поэзии: Гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 140, 142, 144—147; 2) Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 28, 54—60, 78, 104, 110—113, 166—188, 193—204, 224—228; Дробленкова Н. Ф. Феодор // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 169—171.

Н. Ф. Дробленкова

Феодор — переводчик «Книги глаголемыя псалтырь», два списка которой (один полный и другой неполный) сохранились в сборниках известного кирилло-белозерского книгописца *Ефросина*. В обоих списках указано, что перевод сделан «Федором Новокрещеным» «милостию божию и здоровьем» *Ивана III* и «благословением и приказанием» митрополита *Филиппа I* (1466—1473 гг.). Сам Ф. характеризуется в предисловии к переведенному им памятнику как «новокрещеной» и «познавший святое крещенье и православную веру християнскую». «Псалтырь» Ф. представляет собой не древнюю библейскую Псалтырь, а перевод средневековых еврейских псалмов (сборник «Махазор»). Это обстоятельство давало основание ряду исследователей (Н. С. Тихомиров, М. Н. Сперанский и др.) видеть в переводе Ф. проявление «литовско-иудейской пропаганды» в Новгороде и связывать его с новгородско-московской ересью кон. XV в., обычно именовавшейся в научной литературе «ересью жидовствующих». Однако другие исследователи (Д. И. Иловайский и др.) отмечали, что «мирские составленные псалмы» были довольно распространенным явлением в русской письменности задолго до новгородско-московской ереси. Нет оснований сомневаться в достоверности приведенной Ефросином записи о том, что «Псалтырь» была переведена Ф. по поручению *Ивана III* и митрополита *Филиппа*. О самом Ф. мы не знаем, в сущности, ничего, кроме того, что он, очевидно, происходил из Западной Руси, — об этом свидетельствует язык сделанного им перевода.

Мотивы «Псалтири» Ф. — традиционные мотивы Ветхого завета и библейской Псалтири: обращение к единому богу как «защитнику и помощнику. . . из рода в род» (LX — ср. Пс., 104, 7—10, 42), воспоминание об освобождении из Египта и предсказание «веселия в земли твоей и обрадования граду твоему» (IV, L — ср. Пс., 104, 43; 134, 10—22), обращение «Слыши, Израиль, господь наш бог един» (VIII — ср. Второзак., 6, 4; Мар., 12, 29) и т. д. Традиционно и падписание отдельных молитв — «псалом», «слава», «песнь». Любопытно в связи с этим, что даже П. Строев, первым обративший внимание на своеобразие «Псалтири» Ф., отметил только, что «песни в ней короче и совсем в другом порядке, нежели в обыкновенных славянских псалтырях». Естественно, что и *Иван III* и *Филипп* не усатривали в «Псалтири» Ф. ничего противохристианского или еретического — ничто поэтому не мешало митрополиту заказать ее перевод, «новокрещенному» Феодору осуществить его, а Ефросипу дважды включить этот памятник в свои сборники.

Ф. — переводчик «Псалтири» отождествлялся в научной литературе с Федором Жидовином, автором полемического противоиудейского послания, который сообщает о себе, что он обратился «в веру Христову государем моим великим князем Васильем Васильевичим русским царем. . . и благословением архиепископа нашего *Ионы* митрополита киевского и всея Руси». Крещение автора послания, следовательно, произошло между 1448 г. (избрание *Ионы* на престол) и 1461 г. (смерть *Ионы*, спустя год — смерть *Василия II*). Поскольку оба Федора жили примерно в одно время, оба были крещеными ев-

реями и оба обнаруживали западно-русские языковые черты, такое отождествление представляется вполне вероятным. Однако оно делает еще более сомнительной связь обоих памятников с ересью. Федор Жидовин выступает как раз против иудаизма, прибегая к обычным аргументам (явление ветхозаветной Троицы Аврааму, пророчество Исайи о Еммануиле), которые впоследствии выставляли и противники ереси (*Иосиф Волоцкий* и др.). В Послании Федора Жидовина отразились апокрифические памятники (*Евангелие Никодима*), но они были весьма популярны в древнерусской церковной литературе и никак не связаны с новгородско-московской ересью.

Изд.: Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора свреи / К изд. пригот. М. П. Сперанский. М., 1907 (Отд. отт.: ЧОИДР. 1907. Кн. 2, отд. II) (С о б о л е в с к и й А. И. [Рецензия] // ЖМНП. 1907. № 11. С. 200—202); Послание Федора Жидовина / Изд. М. И. Соколова // О ереси жидовствующих. Новые материалы, собр. С. А. Белокуровым, С. О. Долговым, И. Е. Евсеевым и М. И. Соколовым. М., 1902. С. 97—109 (Отд. отт.: ЧОИДР. 1902. Кн. 3, отд. II) (П е р е т ц В. Н. [Рецензия] // Университетские известия. Киев, 1908. № 10. Отд. «Критика и библиография». С. 26—27).

Лит.: В а р л а а м. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Учен. зап. II отд. Академии наук. 1858. Кн. 5. С. 43—47; А м ф и л о х и й. Древнеславянская псалтырь. М., 1880. Т. 3. С. 392—403, 419—420; Ст р о е в. Словарь. С. 300—301; И л о в а й с к и й Д. И. История России. М., 1884. Т. 2. С. 502, 581—582; Т и х о н р а в о в Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 1. С. 227—228; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 192—193; К а г а н М. Д., П о н ы р ь к о Н. В., Р о ж д е с т в е н с к а я М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 143—144, 165.

Я. С. Лурье

Феодор (2-я пол. XV в.) — протопоп Благовещенского собора в Московском Кремле, переводчик. Биографических сведений о Ф. не сохранилось; его имя лишь однажды упоминают летописи под 1480 г. в сообщении о чудесном звоне колоколов ночью 11 апреля: «Да протопоп Феодор благовещенской тутю же тогда был» (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 205; М., 1965. Т. 12. С. 199—200).

Совместно с *Мануилом Дмитриевичем* Ф. перевел прение псевдо-Афанасия Александрийского с Арием (РГ. 1857. Т. 28. Col. 439—502), о чем сообщает заглавие памятника в тех списках, где он присоединяется к Катехизису Лаврентия Зизания (ГИМ, собр. Уварова, № 51; ГПБ, собр. Титова, № 2806): «Блаженнаго Афонасия прение со Арием еретиком, преведесе со греческаго на римский язык неким мудрым философом, и от Рима принесену тому в Русскую землю к великому князю Ивану Васильевичу, Владимирскому и Ноугородскому и всея России самодержцу. Он же, благочестивый государь, повеле перевести на русский язык Мануилу Гречину Дмитрееву сыну Амореанину, иже преидоша с царевною из Рима. А переводил з благовещенским протопопом Феодором» (Л е о н и д, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 258). В других списках памятника — в составе сборников разнообразного содержания — этого заглавия нет (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, ф. 304, № 178,

772; ГИМ, Чуд. собр., № 28; ГПБ, Солов. собр., № 317/337; ВМЧ под 18 января).

Как явствует из заглавия, перевод не мог быть сделан ранее 1472 г., когда София Палеолог прибыла в Москву, и позже 1505 г., когда умер великий князь *Иван III*. Можно думать, что перевод был заказан с той же целью, с какой кружком новгородского архиепископа *Геннадия* распространялся древний болгарский перевод слов Афанасия Александрийского: они должны были дать отпор еретической пропаганде (Ф о н к и ч Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 33—35). Перевод прения с Арием остаётся неопубликованным.

А. Марков высказал предположение, что Ф. тождествен Феодору «пръвопръзвитеру», который перевел канон на Успение богородицы патриарха Филофея Коккина. В настоящее время установлено, что переводчиком этого и других произведений патриарха Филофея был *Феодор Симоновский*.

Лит.: С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 199—200; М а р к о в А. Переводчик, благовещенский протопоп Феодор: (Библиографическая справка) // ИОРЯС. 1912. Т. 17, кн. 3. С. 223—226.

Д. М. Буланин

Феодор (XVI в.) — автор канона или всей службы на обретение мощей московского юродивого Максима. В ряде списков XVI—XVII вв. (один из древнейших — ГПБ. Кир.-Белоз. собр., № 450/707, сборник служб к избранным праздникам — «Трефолой», XVI в., л. 462—468 об.) сохранилась служба на обретение мощей юродивого Максима, приуроченная к 13 августа. В нее входят стихиры, тропарь, канон с кондаком. В заглавии канона сказано: «Канон молебен преподобному Максиму. Творение Феодора (или «Феодорова»). Глас 4». Максим Юродивый умер 13 августа 1433 г. и был погребен в Москве у церкви Бориса и Глеба на Варварке. В 1547 г. митрополит *Макарий* Окружной грамотой установил празднование новым русским святым, в том числе Максиму Юродивому: «пети и праздновати на Москве августа в 13 день новому чудотворцу Максиму, Христа ради уродивому» (ААЭ. Т. 1. С. 203). В 1568 г. при построении нового храма на месте сгоревшего были обретенны его мощи, и стали праздновать их обретение. Существует краткое Житие Максима, где конкретные сведения о нем почти нет и говорится, что первоначальное писание о нем пропало; окапчивается оно известием об обретении его мощей и о соборном распоряжении написать канон (ГБЛ, собр. Румянцева, № 397, XVI в., л. 358). Служба с каноном была написана, очевидно, по этому поводу. В 1698 г. мощи Максима были перенесены в новую раку и в его имя был освящен новопостроенный храм. При этом была написана Повесть о перенесении его мощей, где тоже сказано, что существовала «немалая книга» о Житии и чудесах юродивого Максима, но пропала из церкви.

Из службы же ясно, что, будучи монахом (поскольку назван «преподобным»), Максим жил «посреди. . . мпра», «в богоспасаемом граде Москве и в церкви божи», претерпевал «тяготу дневную и нощную,

и солнечную, и дождевую, и мразную, и всякую, студень и вар», «разумел. . . всякого человека помыслы», был «посреди жен обожаем» и «всему миру слово божие глагола». Кроме того, в службе говорится о его борьбе с еретиками, но не все здесь следует понимать буквально: «удавил еси блудяща. . . языки отрезал еси злоимепником», «противу ересем злым, преподобне, противился еси», «злочестиваго суровства не убоился еси», «много уязвил еси на земли бесовьскаго лаяния», за что «безумных горко гонение претерпел еси», «язычным урезанием кровь свою просто славил (вероятно, должно быть: «прославил») еси», — из чего можно сделать вывод, что Максим Юродивый в 1-й трети XV в. в Москве публично выступал как проповедник «слова божия», активно обличая «ереси злые» каких-то «блудящих» «злоименников» (по-видимому, каким-то неподобающим образом называвших себя людей, может быть, стригольников), заставил их умолкнуть («удавил. . . языки отрезал») и за это пострадал.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 245—246; Барсуков. Источники агрографии. Стб. 347—349.

Г. М. Прохоров

Феодорит (1489/1490—17 VIII 1570) — архимандрит Спасо-Евфимиевского монастыря, «просветитель» лопарей, переводчик. Сведения о нем ограничиваются Житием Феодорита, составленным *А. М. Курбским*, которое было им включено в конец «Истории о великом князе Московском», и несколькими документами, в том числе грамотами из царского архива и посольского приказа. Курбский писал Житие с целью представить своего «духовного отца» Ф. невинным мучеником, жертвой расправ *Ивана Грозного*, поэтому Житию свойственна определенная тенденциозность, но большинство сообщаемых им фактов достоверно, так что Житие позволяет восстановить биографию книжника.

Родившись в Ростове, Ф. 13-ти лет ушел в Соловецкий монастырь, где через год постригся в монахи и жил в течение 15 лет. После этого Ф. был хиротонисан в дьяконы и отправился в странствие по монастырям (в монастырь *Александра Сvirского*, а затем в Заволжские монастыри). Два года он прожил в Кирилло-Белозерском монастыре вместе с Сергием Климичным, а затем около четырех лет — в пустыни бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря Порфирия, расположенной в окрестностях монастыря. Здесь Ф. встречался с *Артемием*, с *Иоасафом Белобаевым* и другими «нестяжателями». Получив от престарелого пресвитера *Зосимы* призывную «епистолию», Ф. на краткий срок возвратился в Соловецкий монастырь, но после смерти *Зосимы* вновь стал пустынножителем в одном из самых отдаленных лесных районов устья р. Колы, населенных лопарями. После двадцатилетнего пустынножительства в лесах с неким старцем *Митрофаном* (Курбский сам оговаривает возможную неточность имени старца; возможно, это *Трифон Печенгский*) Ф. пришел в Новгород к архиепископу *Макарию*, и тот поставил его в пресвитеры; затем, собрав в течение двух лет в Новгороде средства и людей, возвратился в устье р. Колы для постройки церкви Троицы и основания монастыря нестя-

жательского толка. Правда, Е. Е. Голубинский подвергает сомнению это сообщение А. М. Курбского, считая, что Курбский приписывает Ф. основание монастыря святой Троицы под влиянием предисловия *Максима Грека* к Житию соловецких чудотворцев, где основатель Трифонова Печенгского монастыря святой Троицы не назван (документы регистрируют на р. Коле только монастырь Петра и Павла). Зная язык лопарей, Ф. занимался среди них миссионерством и обратился в христианство, согласно Житию, около двух тысяч местных жителей с женами и детьми. Крещенные Ф. лопари, судя по Житию, проживали по устью Колы, по Е. Е. Голубинский, основываясь на грамоте Ивана IV от 20 февраля 1575 г., вносит поправку в рассказ Курбского, так как к 1545 г., когда, согласно Житию, должен был действовать Ф., лопари этого района уже были крещены; ученый предлагает считать, что Ф. крестил лопарей восточной части Кольского полуострова, живших по р. Поюю. Различные толкования получает также изгнание Ф. из монастыря: либо идейными противниками «нестяжательства», либо, как считает И. У. Будовниц, — лопарями.

Длительный период пустынножительства Ф. сменился временем его активной общественной деятельности. После двухлетнего пребывания игуменом небольшого новгородского монастыря, по ходатайству перед царем игумена Троице-Сергиева монастыря Артемия, в 1551—1554 гг. Ф. стал архимандритом Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря и начал активную борьбу против «ересей лютоверских», за строгое соблюдение нестяжательского монашеского устава, вступая в конфликт с самим суздальским епископом. Когда начался процесс над Матфеем Башкиным (1554 г.), Ф. был привлечен к суду как свидетель по делу старца Артемия вместе с Иоасафом Белобаевым, но сам был оклеветан врагами, суздальскими монахами и епископом, который дал показания о дружбе Ф. с Артемием. Ф. был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где пробыл около полутора лет, пока, по ходатайству Курбского, митрополит Макарий не приказал перевести его в Ярославль, 1 января 1557 г. Иван IV направил Ф. в Константинополь к вселенскому патриарху. Целью посольства было получить официальное утверждение уже принятого Иваном IV в 1547 г. царского сана. 2 декабря 1557 г. после успешной миссии Ф. вернулся из путешествия с необходимым соборным «благословением» и «разрешительным посланием» константинопольского патриарха. Согласно Житию, он отказался от богатых царских даров и поселился в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре, откуда дважды ездил через Холмогоры по Двине до Печенги в Мурманскую землю, к лопарям, на р. Колу. О последних днях жизни Ф. и его смерти Курбский знает понаслышке (он сам оговаривается в Житии: «аз же истинне не мог достаточнее выведатися о смерти его») и пишет о двух возможных вариантах его кончины: тихой старческой смерти и о царском приказе утопить Ф. в реке за одно лишь напоминание ему о Курбском. Известен текст надписи на надгробной плите, находящейся у южной стены Преображенского собора Соловецкого монастыря, с точной датой кончины постриженника этого монастыря Ф.

О книгописной деятельности Ф. известно, по-видимому, далеко не все. Тексты его произведений не сохранились. На язык лопарей, которым он владел в совершенстве («искусен. . . был языку их»), Ф., по свидетельству Курбского, перевел какие-то библейские книги, по-видимому Нового завета, и некоторые молитвы («науца их Писанию и молитвы некоторые привел им от словенска в их язык»); известно также, что он многие годы занимался распространением «проповеди евангельской» на языке лопи. Кроме того, Ф. писал и на русском языке. В его Житии говорится о его Послании (или челобитной) к «сыновом своим духовным», которое он написал из Кирилло-Белозерского монастыря, по-видимому, около 1556 г. и которое описывало притеснения, переносимые старцем в ссылке («изъявляючи нам от тех вселукавых мнихов нестерпимую скорбь свою»). Не исключено, однако же, что, внедряя в монастырскую жизнь нестяжательские уставы, Ф. ограничивался при этом только устными наставлениями.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития. С. 337—340; Филарет (Гумилевский) И. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Т. 3. С. 552—555; 2) Обзор. № 140. С. 218; Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889. С. 214—215; Голубинский И. История церкви. 1900. Т. 2. 1-я пол. С. 839, 859—861; Никольский Н. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках // Христ. чт. 1908. № 1. С. 281—285; Федотов Ф. Феодорит // РБС. СПб., 1913. Т. 25. С. 242—244; Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные // РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 324—348; Будовниц М. Монастыри на Руси. С. 261—263; Гладкий А. И. К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского : (Житие Феодорита) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 239—241.

Н. Ф. Дробленкова

Феодосий Бывальцев (ум. 1475) — митрополит Московский, церковный деятель и публицист. До назначения на митрополию был архимандритом Чудова монастыря, с 1454 г. — архиепископом Ростовским. Отношения его с первым автокефальным русским митрополитом *Ионой* не были вполне дружественными — в 1456 г. Иона едва не лишил Ф. сана за нарушение поста в монастыре; однако после смерти Ионы в 1461 г. было объявлено, что покойный митрополит избрал своим преемником Ф.; *Василий II* сам утвердил Ф. в этом сане. Избрание и поставление Ф. ознаменовало собой окончательное установление автокефалии русской церкви — уже Иона не имел утверждения византийского императора, а после падения Константинополя в 1453 г. Империя перестала существовать. Однако положение Ф. все еще было непрочным: его предшественника не признавали ни Западная Русь (где был свой митрополит), ни тверской епископ, ни ряд русских церковных деятелей. Одновременно с вступлением на престол Ф. был сменен (после смерти тверского князя и вступления на престол его малолетнего сына) епископ тверской, и преемник его, поставленный в Москве, сразу же объявил о признании московского митрополита; такое же обязательство было получено и от новгородского владыки. Летопись Авраамки, включающая новгородский летописный текст, именует Ф. «благоумным и честным» и особо

отмечает его поставление на митрополию. Укреплению авторитета Ф. несомненно должна была содействовать предпринятая при нем первая после разрыва с константинопольской патриархией попытка прямых сношений с греко-православной церковью: в 1464 г. Ф. «по благословию. . . Иоакима, патриарха Иерусалимского», назначил его племянника Иосифа митрополитом в Кесарию (в Палестине).

Ф. был автором ряда посланий (опубликованы в РИБ), слов и особого Сказания об исцелевшем хромце, помещенного в составе независимого летописного свода, отразившегося в *Летописях Софийской II и Львовской*. Как и принадлежащее ему Похвальное слово апостолам Петру и Павлу (опубликовано в «Исторических чтениях»), это сказание отражает влияние *Григория Цамблака*. Заслуживает внимания упоминание в Сказании о хромце «нахождения еретического» — речь идет, вероятнее всего, о не искорененном еще в Пскове и Новгороде движении стригольников. С борьбой против стригольнических традиций, возможно, связаны и послания Ф. в Новгород и Псков в 1463—1464 гг. о неприкосновенности церковных имуществ.

Стремление Ф. «нужею навести на божий путь» священников и мирских лиц окончилось, согласно известию летописного свода, поместившего его Сказание об исцелевшем хромце, неудачей. В 1464 г. он вынужден был оставить митрополию — официально «ради тяжкого своего недуга», а по известию того же свода, из-за непопулярности введенных им строгих дисциплинарных мер: «многия бо церкви без попов, и начаша его проклинати; он же слышав се разболелся того ради, и здрав бысть и сниде в келию к Михайлову Чуду в манастырь». После отставки Ф. прожил более 10 лет и умер в Троицком монастыре.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 325—330; СПб., 1910. Т. 20. С. 271—276; Исторические чтения о языке и словесности в заседаниях II отд. Академии наук 1852 и 1853 гг. / Публ. В. М. Ундольского; Вступ. замечания И. И. Срезневского. СПб., 1854. С. 226—229; РИБ. СПб., 1880. Т. 6. № 74, 95, 96, 97, 98.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 168—169; М а к а р и й [Б у л г а к о в]. История русской церкви. СПб., 1887. Т. 6. С. 53—54; ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 205; Г о л у б и н с к и й. История церкви. 1900. Т. 2, 1-я пол. С. 516; В а л ь д е н б е р г В. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. Пг., 1916. С. 184—186; Б у д о в н и ц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 68—69.

Я. С. Лурье

Феодосий (1491—26 II 1563) — архиепископ Новгородский, автор посланий, книгописец. Около 1523 г. Ф. постригся в Иосифо-Волоколамском монастыре, где состоял клириком. Уже здесь он обратил на себя внимание великого князя, ибо по непосредственному распоряжению *Василия III* 21 ноября 1531 г. Ф. назначается игуменом Новгородского Хутынского монастыря (ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, 1-я пол. С. 62). Ф. проявил себя рачительным иерархом, построив в монастыре каменную церковь святого Георгия. Об авторитете его свидетельствует тот факт, что в 1539 г. Хутынский настоятель входил в число кандидатов на вакантный митрополичий престол (ААЭ. 1836. Т. 1. № 184. С. 161). Вскоре, когда новгородский владыка *Макарий* возглавил Русскую церковь, Ф. стал его пре-

емником на архиепископской кафедре (с 18 июня 1542 г.). Ф. активно поддерживал внешнюю политику правительства, воодушевляя *Ивана Грозного* на войну с Казанью; уже на смертном одре он благословил игумена Волоколамского монастыря *Леонида* на участие в Полоцком походе. Ф. принимал участие и в заседаниях Стоглавого собора. Однако в мае 1551 г., по-видимому за какие-то злоупотребления, царь свел новгородского архиепископа с престола (Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 232). Доживал свои дни Ф. в Волоколамском монастыре.

Помимо чисто деловых документов (см., например, его жалованные грамоты от 24 января 1543 г. и 30 июля 1549 г.: АИ. Т. 1. № 142, 150. С. 207—208, 217), сохранилось много посланий и грамот Ф., носящих следы определенной литературной обработки; некоторые из них до сих пор не опубликованы. Основной корпус посланий Ф. дошел в составе сборника ГПБ, Q.XVII.50, составленного учеником новгородского архиепископа *Евфимием Турковым*, которому принадлежит также записка о последних днях жизни учителя. А. А. Зимин насчитывает 20 посланий и грамот, несомненно написанных Ф.: 1) Послание Ивану Шиголе Поджогину (1533 г.) — издано в АИ (Т. 1. № 294); 2) Послание новгородскому архиепископу Макарию по поводу его приезда в Москву (январь 1535 г.) — издано в ДРВ и ДАИ (Т. 1. № 30); 3) Грамота боярину В. Г. Морозову о холмогорских позах (около 1542 г.) — издана в ДРВ; 4) Послание во Псков (1542—1551 гг.) — не опубликовано, читается в сборнике ГПБ, Соф. собр., № 1480; 5) Грамота в Кореле (15 января 1543 г.) — издана в ДРВ и ДАИ (Т. 1. № 32); 6) Повольная грамота к митрополиту Макарию об избрании ростовского архиепископа Алексея (22 февраля 1543 г.) — издана в ДРВ и ДАИ (Т. 1. № 34); 7) Грамота в Псково-Печерский монастырь об ипоске Савватии (24 февраля 1543 г.) — издана в ДРВ и ДАИ (Т. 1. № 35); 8) Грамота в Устюжну Железопольскую (август 1545 г.) — издана в АИ (Т. 1. № 298); 9) Утешительное послание князю Андрею Дмитриевичу Ростовскому (сентябрь 1545 г.) — не опубликовано, читается в сборнике ГПБ, Q.XVII.50; 10—12) Три послания Ивану IV по случаю Казанского похода (1545—1546 гг.) — первое издано в ДАИ (Т. 1. № 37, I), второе — в ДРВ, третье — в ДРВ и ДАИ (Т. 1. № 37, II); 13) Грамота Ивану IV по поводу венчания на царство (до 16 января 1547 г.) — издана в ДРВ и ДАИ (Т. 1. № 38); 14) Послание Ивану IV с просьбой принять меры к прекращению корчемства в Новгороде (1547 г.) — издана в ДРВ и ДАИ (Т. 1. № 41); 15) Послание неизвестному боярину с благодарностью за убережение софийских боярских детей от участия в Казанском походе (1547—1551 гг.) — издано в ДАИ (Т. 1. № 42); 16) Послание Ивану IV по случаю Казанского похода (1547—1552 гг.) — не опубликовано, читается в сборнике ГПБ, собр. ПДА, № 430; 17) Грамота в Вотскую пятину (8 июня 1548 г.) — издана в ДРВ и ДАИ (Т. 1. № 43); 18) Послание неизвестному игумену о голоде и пьянстве монахов (30 июня 1550 г.) — не опубликовано, читается в сборнике ГПБ, собр. ПДА, № 430; 19) Послание в защиту монастырского землевладения (около 1550 г.) — не опубликовано,

читается в сборнике ГИМ, Синод. собр., № 791; 20) Послание неизвестному вельможе (около 1563 г.) — не опубликовано, читается в сборнике ГПБ, Q.XVII.50. Кроме того, А. А. Зимин считает Ф. автором еще двух посланий: 21) Послание митрополиту Макарию (около 1550 г.) — издано В. Жмакиным; 22) Послание *Герману Полеву* (после мая 1551 г.) — не опубликовано, читается в сборнике ГИМ, Синод. собр., № 791. А. Д. Седельников атрибутирует Ф., правда бездоказательно, еще одно послание Макарию (не опубликовано, читается в сборниках ГПБ, Q.XVII.50 и ГИМ, собр. Щукина, № 468). Все в том же сборнике Евфимия Туркова сохранилось предсмертное «послание духовное» Ф. к вельможам и властям (не опубликовано). Новгородскому архиепископу приписывается, наконец, рассказ о чуде с новгородским священником Исайей, который относился без должного уважения к Иосифо-Волоколамскому монастырю (издан К. И. Невоструевым). Следует еще отметить, что по инициативе Ф. в 1544—1545 гг. игумен Александро-Свирского монастыря *Иродион* написал Житие основателя обители *Александра Свирского*.

В литературе обращалось внимание на то, что в своих посланиях Ф. охотно использовал произведения и современников, и предшественников. В частности, послание в Вотскую пятину против языческих обрядов списано с грамоты архиепископа Макария — будущего митрополита; грамота в Устюжну в значительной части составлена по «Поучению к попом», приписываемому митрополиту *Кириллу II*; часть послания царю о корчмах заимствована из послания великому князю *Иосифа Волоцкого*; грамота Ф. во Псков копирует грамоту игумена Елеазарова монастыря *Памфила* псковским наместникам; в послании Макарию, которое, согласно А. Д. Седельникову, написано Ф., обнаруживается заимствование из «Слова кратка», обычно атрибутируемого доминиканцу *Вениамину*. Эти заимствования, как думает А. А. Зимин, облегчались тем, что под руками у Ф. был какой-то формулярник. И в заимствованиях, и в оригинальных текстах новгородского архиепископа обнаруживается его основательная начитанность. В послание о монастырском землевладении он включил известную грамоту императора Константина папе Сильвестру. Вдохновляя Ивана Грозного на Казанский поход, Ф. ссылается на царя Давида, императора Копстагипа, а также на первых русских князей «Игоря, и Святослава, и Владимира, иже и на греческих царех дани имаху». В грамоте В. Г. Морозову (в значительной части воспроизведенной в его же послании митрополиту Макарию, написанном около 1550 г.) Ф. благодарит адресата за письмо, которое «в начале сота сладостно умедвено, а Омеровым именем подкреплено, и афинеиским мудрованием украшено». Сочинения Ф. оказали влияние на творения митрополита Макария: первая часть митрополичьего ответа Ивану IV о монастырских землях заимствована из послания новгородского архиепископа на ту же тему.

Ф. был довольно активным книгописцем. Согласно Б. М. Клоссу, рукой архиепископа частично переписаны рукописи ГБЛ, Вол. собр., ф. 113, № 514 (л. 223—223 об., 226 об., 233 об.—235 об.,

238 об. и др.), № 572 (л. 234 об.); ГПБ, Q.XVII.50 (л. 273 об., 341—342, 343; по данным Р. П. Дмитриевой, автограф Ф.— л. 267—273, 341—345 об.). А. А. Зимин полагал, что Ф. переписал целиком сборник ГИМ, Синод. собр., № 791; по Б. М. Клоссу — этот сборник частично переписан Евфимием Турковым и *Дмитрием Лапшиным*. Последний исследователь этого кодекса А. И. Плигузов подверг сомнению сообщения записи на л. 1 («. . . смиренный архиепископ(!) Феодосие Великого Новагорода и Пьскова руку свою приложил лета 7051 февраля в 22 день»), датируя основную часть рукописи 1560-ми гг. и утверждая, что здесь нет почерка Ф., что рукопись, помимо Евфимия Туркова и Дмитрия Лапшина, копировали Феодосий Плещеев и инок Иеремия. По наблюдениям Р. П. Дмитриевой, Ф. участвовал в составлении еще одного сборника — ГИМ, Епарх. собр., № 416. Сохранился также ряд рукописей, написанных по заказу Ф.

Изд.: ДРВ. 1790. Ч. 14. С. 156—176, 213—216, 238—244, 260—265; АИ. 1841. Т. 1. № 294, 298. С. 537—538, 541—544; ДАИ. 1846. Т. 1, № 30, 32, 34, 35, 37, 38, 41—43. С. 30—31, 33—34, 35—38, 38—40, 55—60; Н е в о с т р у е в К. И. Рассмотрение книги И. Хрущева «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого». СПб., 1868 // Отчет о двенадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1870. С. 166—168; Ж м а к и н В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Прил. С. 57—62.

Лит.: М а к а р и й [Б у л г а к о в]. История русской церкви. СПб., 1874. Т. 7. С. 481—486; С т р о е в. Словарь. С. 305; Ф и л а р е т. Обзор. С. 157; З д р а в о м ы с л о в К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Краткие биографические очерки. Новгород, 1897. С. 31—32; К у н ц е в и ч Г. Феодосий, архиепископ новгородский (1491—1563): (Его «житие») // Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1899—1900. СПб., 1900. С. 1—14; Ж д а н о в И. Н. Материалы для истории Стоглавого собора // И. Н. Жданов. Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 173—175; Б о ч к а р о в В. Стоглав и история собора 1551 года. Юхнов, 1906. С. 15—19; РБС. «Яблоновский—Оомин». СПб., 1913. С. 361; С е д е л ь н и к о в А. Д. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // ИОРЯС. 1926. Т. 30. С. 218; Б у д о в н и ц И. У. 1) Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 180—182; 2) Словарь. С. 250; З и м и н А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 80—84; Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 107—113; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 505—506; К л о с с Б. М. Нил Сорский и Нил Полев — «спасители книг» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 162; Д м и т р и е в а Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 205, 213—214; Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н. Н. Зарубин; Подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова. Л., 1982. С. 92—93; П л и г у з о в А. И. Василий Тучков — собеседник Максима Грека // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М., 1986. С. 81, 92, примеч. 46.

Д. М. Булашин

Феодосий (XV в.) — инок Успенского Желтикова монастыря, автор канона и стихир тверскому епископу *Арсению*, возможно и *Жития Арсения*. Биографических сведений о Ф. не сохранилось.

В списке службы Арсению (ГБЛ, собр. Румянцева, № 397, л. 146, сер. XVI в.), где Арсений назван «новым чудотворцем», имеется приписка, в которой сообщается, что канон и стихиры со-

ставлены в 1483 г. в Желтиковом монастыре «по благословению» тверского епископа *Вассиана* «рукою многогрешного инока *Феодосия*» (В о с т о к о в. Описание. С. 594). В Житии Арсения нет прямого указания на то, что оно принадлежит Ф., но, во всяком случае, его написали тоже в Желтиковом монастыре и не позднее кон. XV в., когда автор мог слушать рассказы лиц, знавших Арсения. В авторском предисловии к Житию говорится: «По многих летех еже к богу отшествия его (Арсения. — Р. Д.) написахом отчасти жития его, изыскахом духовными мужи, еже слышаху от преподобных его уст» (К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 181). Кроме того, по началу предисловия видно, что, как и служба, Житие было написано на праздник памяти святого. Проложное сокращение Жития имеется уже в сборнике сер. XVI в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 397, л. 418). На основании всего этого В. О. Ключевский сделал предположение, что автор службы 1483 г. был также и автором Жития. Житие не богато фактическими сведениями, хотя агиограф добросовестно использовал все доступные ему источники. В предисловии изложено, как был собран материал для Жития: современники епископа Арсения делали отрывочные записи о нем, которые сохранялись в монастыре и которыми воспользовался Ф. В Житии кратко и недостаточно точно сообщается о жизни Арсения до епископства, затем рассказывается о поставлении его на тверскую епископию, о построении им монастыря на Желтикове и о кончине. Часть этих фактов биографии Арсения известна по другим источникам. В списке церковного устава, написанного в 1438 г. для Успенской церкви Желтикова монастыря, имеется запись о приезде в Тверь митрополита *Киприана* в 1390 г. и о суде над епископом Евфимием и о возведении Арсения на его место (рукопись ГИМ, Синод. собр., № 331, л. 277). Несколько измененный текст этой записи попал в некоторые летописи (ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 125; СПб., 1863. Т. 15. С. 445). В приписке к уставу, кроме того, сообщается об основании Арсением монастыря на Желтикове в 1394 г. В *Летопись Новгородскую IV* (ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 4, вып. 2. С. 407—409) и в *Летопись Авраамки* (ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. С. 318—319) включена «Повесть о тверском владыце конечная», посвященная описанию смерти Арсения. В измененном виде она читается также в *Летописи Никонской* (ПСРЛ. Т. 11. С. 211—212). Задачей будущего исследования является решение вопроса о взаимосвязи текста Жития с перечисленными источниками.

Арсений был канонизирован и признан местно чтимым святым на соборе 1547 г. Житие, написанное Ф., не было включено в *Великие Минеи Четии*. В 1566 г. было составлено первое чудо Арсения иноком *Феодосием* со слов монахов Желтикова монастыря. Иногда этого *Феодосия* объединяют с Ф., автором Жития (Л е о п и д, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 2. С. 415). Филарет (Обзор. С. 118) автора Жития Арсения объединяет с *Феодосием*, который в списке *Патерика Киево-Печерского XV в.* (ГПБ, Соф. собр., № 578) вписывает свое имя («грешный *Феодосий* мних, недостойный иерей») вместо

епископа *Симона* или *Поликарпа*. Филарет в данном случае ссылается на статью Макария, епископа винницкого (Записка о Феодосие, писателе Жития Володимерова // ИпоРЯС. 1855. Т. 4, вып. 3. С. 113—116), где доказывается, что вписавший в текст Патерика в Софийском списке свое имя Феодосий является просто писцом, жившим в XV в., однако здесь же высказывается предположение о том, что этот писец, возможно, тождествен митрополиту *Феодосию Бывальцеву*. П. М. Строев (Словарь. С. 323—324) склонился к мнению, что Житие епископа Арсения написано неизвестным автором при митрополите *Макарии*.

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 181—184, 354; Б а р с у к о в. Источники агиографии. Стб. 60—62; И к о н н и к о в. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 1. С. 1001—1002; В а л л и ч Э. И. Опыт текстологического анализа памятника тверской литературы XVII в. // Проблемы отечественной истории. М., 1974. Ч. 1. С. 45—65; К о н я в с к а я Е. Л. Литература Твери XIV—XV веков: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1984. С. 15.

Р. П. Дмитриева

Феодосий (2-я пол. XVI в.) — инок, автор сказания о чуде епископа Тверского Арсения. В первом чуде, добавленном к *Житию Арсения*, имеется авторская приписка, в которой сообщается, что это было описано в 1566 г. иноком Ф. со слов монахов Желтикова монастыря и что автор сам видел человека, с которым совершилось чудо (рукопись ГБЛ, собр. Ундольского, № 286, л. 8). Никаких других известий о Ф. не сохранилось.

Судя по примечанию к описанию рукописи из собрания Уварова № 339, содержащей Житие епископа Арсения, архимандрит Леонид посчитал Ф. автором не только сказания о чуде, но и самого Жития (Л е о н и д, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 2. С. 415). Однако в этом же издании при описании другой рукописи с Житием Арсения (из собр. Царского, № 123) Леонид заимствовал из книги П. М. Строева примечание о Ф. как авторе только чуда (Там же. С. 416; ср.: С т р о е в П. М. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1848. С. 55).

Лит.: К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 181.

Р. П. Дмитриева

Феодосий (2-я пол. XVI в.) — автор Жития Александра Ошевенского («Месяца априля в 20 день. Житие и подвизи преподобнаго отца нашего Александра, составльшаго пречестен монастырь над рекою Чюрьюгою, во области града Каргополя, близ дынущаго моря окяна. Списано иеромонахом Феодосием тоя же обители. Благослови отче»). Ф. — сын священника того села, где родился Александр; уже здесь в детстве он слышал об Александре Ошевенском, о котором рассказывал его отцу сын старшего брата Александра Амбросия, «земледелец» Исаак, «от млада возраста» живший со святым. Затем отец Ф. переселился на реку Онегу в село Надпорожие,

здесь инок Корнилий из Ошевенского монастыря, сын другого брата Александра, часто бывал у отца Ф. и также рассказывал об Александре. После смерти отца Ф. стал священником в том же селе. Овдовев, Ф. постригся в монастыре Александра и со временем стал его игуменом. «И обретох во обители древних инок и сродников святого от рода его, и сии поведаша ми много бывающая чудеса от богоносного отца».

Александр, в миру Алексей, происходил из незнатной, но, видимо, зажиточной семьи: отец его Никифор Ошевень «земледелец баше». Родился Алексей 17 марта 1427 г. в Важеозерской веси Белозерского края. В юном возрасте Алексей идет на молебен в Кирилло-Белозерский монастырь, где остается, извещая об этом родителей письмом. Через некоторое время в монастырь приходит отец Алексея и, примирившись с уходом сына, разрешает остаться ему в монастыре. Алексей принимает монашеский постриг (ему исполняется в это время 25 лет) и становится иноком Кирилло-Белозерского монастыря Александром. Отец Александра «от насилия земных властей» уходит из Важеозерской веси в Каргополь, затем в весь Волосово и, наконец, на реку Чурьюгу, где и селится со всем семейством; со временем это место (в 45 верстах от Каргополя) начинает называться слободой Ошевнево. После долгих уговоров игумен Кирилло-Белозерского монастыря соглашается отпустить Александра навестить свою семью. Пробыв некоторое время дома, Александр собирается вернуться в монастырь; отец говорит ему, чтобы он поселился на другом берегу реки Чурьюги и основал бы там свой монастырь. Александр вместе со старшим братом осматривает местность и выбирает место под будущий монастырь (отец обещает помочь ему при постройке обители). Вернувшись в Кирилло-Белозерский монастырь, Александр, пробыв тут некоторое время, получает священнический сан. Но он не забывает о своей идее основать новый монастырь: «. . . посылает писание ко отцу своему, да приготовит лес на создание церкви и на поставление келиям». После долгих уговоров Александру удается получить согласие игумена на уход из Кирилло-Белозерского монастыря. Игумен отпускает его с «искусным иноком», «ведяща добре чин монастырский». Придя в Ошевнево, Александр поручает отцу смотреть за строительством монастыря, а сам идет в Новгород, где архиепископ *Иона* поставляет его игуменом монастыря, и получает грамоты от владелицы этих земель боярыни Анастасии на земельные угодия для монастыря. Рассказывается о событиях в жизни вновь созданной обители, о взаимоотношениях Александра с родственниками. Александр Ошевенский умирает в 1475 г. (48 лет от роду), предрекая перед смертью, что монастырь претерпит много невзгод и неурядиц, которые в конце концов благополучно завершатся.

Вторая половина Жития содержит рассказ о происходивших в монастыре событиях после смерти Александра до 1567 г., времени написания Жития Ф., описание чудес, совершенных святым. В этой части Жития Ф. много говорит о истории написания им своего произведения. Он подчеркивает, что о многих событиях ему рассказывали люди, знавшие тех, кто жил в монастыре еще при Александре, дважды

Ф. подчеркивает, что о чудесных явлениях святого он слышал от самих свидетелей: «И аз от уст его сие слышах и написах в ползу слышащим»; «Аз же сия слышах от самого боярина, прилучи бо ми ся у него на вечери быти со иными священники»; наконец, он рассказывает о явлении ему Александра, понуждающего его писать Житие, в специальной главке («О явлениях преподобнаго Александра священноиноку Феодосию, первом и втором наказании и третьем прецением и казанию и потом с милостию и прощением»).

По словам В. О. Ключевского, Ф. «написал обширное и превосходное по содержанию Житие» (Древнерусские жития. С. 298), отличающееся множеством «любопытных подробностей о жизни святого» (Там же. С. 299). И. Яхонтов показал, что очень многие подробности Жития и целые разделы текста являются повторением Жития Александра Свирского (см. *Иродион*) и ряда других житийных текстов. И все же следует подчеркнуть, что труд Ф. сообщает много жизненных подробностей, отдельные чудеса, как и рассказы о монастырской жизни, интересны местным севернорусским колоритом, стремлением отразить психологию героев повествования. Даже учитывая то, что многое в рассказах Ф. об истории создания Жития носит этикетный характер, повторяет соответствующие места из других житий, эта сторона произведения Ф. заслуживает особого внимания, так как отражает отношение агиографа к своему писательскому делу.

Германом Тулуповым на основании текста Ф. был составлен сокращенный вариант Жития Александра Ошевенского, в котором, как отмечает В. О. Ключевский, «меньше содержания, но больше риторики» (Древнерусские жития. С. 299). Написанное Ф. Житие остается неизданным.

Лит.: Буслаяев Ф. Литература русских иконописных подлинников // Ф. Буслаяев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 358—360; Ключевский И. Древнерусские жития. С. 298—299; Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 88—110; Пономарев А. Александр преп. Ошевенский чудотворец // ПБЭ. Т. 1. Стб. 448—450; Бѣудовичиц. Монастыри на Руси. С. 182—191; Мирнова Э. С. Житийная икона Александра Ошевенского из Кема // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 327—334; Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Л., 1973. Т. 27. С. 186—188.

Л. А. Дмитриев

Филипп I (ум. 1473) — митрополит Московский, церковный деятель и публицист. До назначения на митрополию был епископом Суздальским. В 1464 г. митрополит *Феодосий*, вынужденный покинуть митрополичий престол, благословил на свое место Ф.; *Иван III* и собор избрали его митрополитом. При Ф. продолжалась начатая еще при его предшественниках борьба против западнорусских митрополитов и за объединение митрополии под московской властью. В кон. 60—нач. 70-х гг. борьба эта осложнилась из-за того, что западнорусский митрополит Григорий Болгарин отрекся от унии с «латинами» и получил от константинопольского патриарха Дионисия (жившего

под властью султана) признание в качестве единственного «митрополита истинного правого по всей Руской земли»; Дионисий заявил, что «великая зборная наша церковь не имеет, а ни держит, а ни имеет за митрополитов» *Иону* и его преемников. Возникла опасность, что Григорий может быть признан и в других русских землях. Характерно, что ни *Летопись Новгородская IV*, ни *Летопись Авраамки*, отражающие новгородское летописание того времени, не упоминают митрополита Ф. Вместе с Иваном III Ф. обратился к новгородцам в 1471 г. с призывом не признавать литовского киевского митрополита и поддержал великого князя в походе на Новгород. Другим великим событием, произошедшим во время пребывания Ф. на митрополичьем престоле, была вторая женитьба Ивана III в 1472 г. Вопреки своим «антилатинским» лозунгам при походе на Новгород великий князь женился на гречанке-униатке Зое (Софии) Палеолог, воспитаннице римского папы, приехавшей в сопровождении «Антония лягатоса» — папского посла Антонио Бонумбре. Официальная великокняжеская летопись сообщает о том, что Ф. воспротивился въезду Антония в Москву, но утверждает, что именно митрополит венчал Ивана III. Однако неофициальный свод, дошедший в составе *Летописей Софийской II* и *Львовской*, отрицает участие Ф. в этой церемонии: «венча же протопоп коломенский Осея, занеже здешним протопопом и духовнику своему не повеле. . .». Незадолго до смерти Ф. начал строительство главного храма страны — Успенского собора.

Ф. был автором ряда посланий: послания новгородцам о неотъемлемости церковных имуществ, сходного с посланием Феодосия на ту же тему, послания в Вятку с призывом помочь Москве в казанских походах 1468—1469 гг., двух посланий в Новгород 1471 г. против признания западнорусского митрополита (второе из них было связано с подготовлявшимся уже походом Ивана III) и послания о помиловании новгородцев, подчинявшихся великому князю после поражения на Шелони. В послании во Псков Ф. давал согласие на построение в городе шестого собора, в послании троицкому игумену просил о прощении некоего старца Памвы. К числу литературных предприятий Ф. относится также поручение, данное им и великим князем новокрещенному еврею *Феодору*, перевести с еврейского языка книгу «мирских псалмов» (сборник «Махазор»). Возможно, что это поручение связано с усилившимся при Ф. стремлением к установлению автокефалии русской церкви и связанным с такой политикой стремлением отойти от исключительной опоры на греческие церковные памятники.

Соч.: РИБ. СПб., 1880. Т. 6, № 101—104; АИ. Т. 1, № 278, 280—283; Дружинин В. Г. Несколько неизвестных памятников из сборника XVI века. СПб., 1909. С. 114—117 (отд. отт.: ЛЗАК. Вып. 21).

Лит.: ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Стб. 215—224; Голубинский И. История церкви. 1900. Т. 2, ч. 1. Первая паг. С. 532—548; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 186—189; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1. С. 445—449; Щапов Я. Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Псковской народной республики. М., 1976. Т. 2. Прил., № 52 (к № 88). С. 145—147; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца

Филипп II (в миру Федор Степанович Колычев) (11 II 1507—23 XII 1569) — митрополит Московский и всея Руси, инициатор описания новых чудес Зосимы и Савватия соловецких, автор грамот. О жизни митрополита Ф., в особенности о годах управления им русской церковью и его столкновении с царем *Иваном Грозным*, рассказывают неравноценные источники: *Житие Филиппа митрополита*, написанное лишь в 1590-х гг., поздний Соловецкий летописец, «История» князя А. М. Курбского, который часто опирался на недостоверные слухи, наконец, послание опричников И. Таубе и Э. Крузе. Далеко не все сообщаемые этими источниками факты о многотрудной жизни святого митрополита могут быть приняты на веру. Митрополит Ф. принадлежал к знатному боярскому роду Колычевых, которые происходили от Андрея Кобылы, боярина времен Симеона Гордого и родоначальника многих дворянских фамилий, в том числе дома Романовых (Б [о д е] - К [о л ы ч е в] М. Л. Боярский род Колычевых. СПб., 1886; Л и х а ч е в Н. Родство Колычевых с новгородцами // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. С. 120—123; З и м и н А. А. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 56—71; В е с е л о в с к и й С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 140—161). Отец будущего митрополита Степан Иванович Колычев носил экзотическое прозвище Стенстур, по имени одного из двух регентов Швеции 2-й пол. XV—нач. XVI в. Стен Стуре (В е с е л о в с к и й С. Б. Исследования. . . С. 228). До 30 лет Ф. находился на службе при великокняжеском дворе, но в 1537 г. он неожиданно покинул столицу (резкий перелом в жизни молодого человека исследователи связывают с «поиманием» старичьего князя Андрея) и направился на Север — сначала был пастухом у некоего крестьянина Субботы, а около 1538—1539 гг. постригся в Соловецком монастыре, к которому до конца своих дней испытывал трогательную привязанность. Не позже 1547 г. Ф. был поставлен игуменом Соловецкой обители и на этом посту нашел свое истинное призвание: благодаря его кипучей деятельности за 20 лет монастырь превратился в преуспевающий экономический и культурный центр Северной Руси. Неудивительно поэтому, что именно на Ф. пал выбор царя Ивана при замещении вакантного митрополичьего престола. Но упрямый соловецкий игумен с первых же дней проявил несогласие с политическими взглядами царя, требуя, чтобы «царь и великий князь отставил опришнину; а не отставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитех быти не возможно» (СГГД. 1813. Ч. 1. № 193. С. 557). На первый раз дело удалось уладить, и 25 июля 1566 г. новый митрополит был возведен в сан. Однако опричная политика Ивана Грозного и массовые казни вызвали новые столкновения между верховными представителями светской и духовной власти; по-видимому, сыграли свою роль в конфликте и давние связи Колы-

чевых со старицким двором. Окончательный разрыв произошел весной 1568 г., когда во время службы в Успенском соборе Ф. отказался благословить царя. Против митрополита был возбужден процесс (причем для сбора обвинительных материалов на Соловки отправили специальную комиссию), на котором его обвинили в «порочной жизни». Но царь хотел превратить извержение митрополита из сана в подлинную демонстрацию. Он заявил Ф., что «решил послушать в великий праздник, в день св. Михаила, его богослужение» (Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 44). Примечательно, что для развенчания противника Иван IV избрал день архангела Михаила (8 ноября), который, по представлениям царя, олицетворял грозную карающую власть (П а н ч е н к о А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 13—14). Во время богослужения в церковь ворвались опричники во главе с Алексеем Басмановым (или Малютой Скуратовым), сорвали с Ф. святительские одежды и отправили митрополита в монастырь Николы Старого (или Богоявленский). Чтобы окончательно сломить дух святого, царь отправил ему в монастырь голову казненного родственника. Вскоре опального митрополита сослали в Тверской Отроч монастырь. Во время похода Грозного в Новгород Малюта задушил Ф. в его келье «возглавием» (т. е. подушкой).

Мученический венец митрополита Ф. сделал его одним из самых популярных святителей в Древней Руси. В 1591 г. по просьбе братии Соловецкого монастыря мощи святого были перенесены из Твери в место его настоятельства. Ф. стал символом непреклонности в выполнении обязанностей, налагаемых духовным саном. Таким он был для идейных антагонистов XVII в.: с одной стороны, мученическую смерть митрополита не раз вспоминал протопоп Аввакум (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 25, 90), а соловецкий старец Герасим Фирсов, ставший яростным противником никоновских нововведений, написал цикл произведений о Ф.; с другой стороны, большим почитателем святого был патриарх Никон. Воплощая свою излюбленную теорию о преемственности священства над царством, Никон, еще в сапе новгородского митрополита, организовал в 1652 г. торжественную церемонию доставки мощей Ф. в Москву, где они были водружены в Успенском соборе. На Соловках во время литургии новгородский митрополит прочел грамоту царя Алексея Михайловича (в действительности составленную Никоном), в которой тот молил святого «разрешити согрешение прадеда нашего царя и великаго князя Иоанна» (СГГД. 1822. Ч. 3. № 147. С. 471). Не случайно Житие Ф. было включено в составленный при патриаршей кафедре летописный свод 1652 г., который завершается сообщением о поездке Никона за мощами митрополита (Л а в р е н т ь е в А. В. Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1984. С. 10). Не случайно также среди келейных книг патриарха, согласно переписи 1658 г., находилось «Житие Филипа митрополита Московскаго, местами в лицах, а инде писаны речи

в тетратех, не дописаны» (ВОИДР. 1852. Кн. 15. С. 114). О культе Ф. в XVII в. см. также: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 90—91.

Как всякий духовный иерарх, Ф. писал грамоты. Сохранилась его богомольная грамота в Кирилло-Белозерский монастырь по поводу нового похода в Ливонию, датированная 24 ноября 1567 г., в которой митрополит призывал молиться за царя, воюющего «за святые церкви». Четыре дошедшие до нас грамоты Ф. в Соловецкий монастырь показывают заботы бывшего настоятеля о преуспевании северной обители и наполнены хозяйственными распоряжениями. Три из них написаны сразу же после восшествия на митрополичий престол (август 1566 г.), а четвертая датирована 30 января 1568 г.; по мнению А. А. Зимина, «печальный колорит этого письма и забота его автора о благоустройстве монастырской вотчины показывают, что Филипп уже в начале 1568 г. думал покинуть митрополичий стол и найти пристанище в Соловецкой обители» (Зимин А. А. Опричнина. . . С. 253).

Однако митрополит Ф. вошел в историю культуры XVI в. не только как автор этих грамот. Это был образованный человек в широком смысле слова, сочетавший черты распорядительного хозяина с весьма разносторонними культурными интересами. Став во главе Соловецкой киновии, Ф. много сделал для благоустройства монастырских владений. Энергичный игумен умножил соляные варницы — главный источник дохода монастыря, обратил серьезное внимание на железоделательный и кирпичный промыслы, увеличил количество скота и необходимых для его содержания заготовок сена. Ф. приписывается множество технических изобретений, которые должны были облегчить труд старцев и монастырских слуг; источником энергии служили мельницы, для обеспечения которых водой многочисленные озера Большого Заяцкого острова были соединены сетью каналов, читавших выкопанный под самым монастырем пруд (Святое озеро). Интенсивное строительство развернулось внутри стен обители и на ее подворьях: при Ф. были воздвигнуты каменные храмы (Успенский, главный монастырский собор Преображения) и другие здания. Все эти мероприятия требовали больших расходов. Игумен добывается от правительства различных привилегий для монастыря, составляет несколько уставных грамот (1548, 1561, 1564 гг.), которые должны были регламентировать взимавшиеся с Соловецких вотчин поборы (ААЭ. Т. 1. № 221, 258, 268. С. 209—211, 283—285, 303—304). Богатые вклады селами, деньгами, крестами, колоколами, книгами и т. д., даваемые царем, вельможами, богомольцами и самим настоятелем, поддерживали расцвет Соловецкого монастыря.

Будущий митрополит хорошо понимал значение монастырских святынь для процветания обители. Он делает предметами особого почитания реликвии, оставшиеся от основателей монастыря, — образ богематери Одигитрии и каменный крест Савватия, Псалтирь и ризы Зосимы. В 1548 г. он пополнил *Житие Зосимы и Савватия* собра-

нием новых чудес (не издано, выдержку из предисловия к этому собранию см.: Жития преподобных Зосимы и Савватия соловецких и похвальные слова в память их // ПС. 1859. Ч. 2. С. 221—223). В годы настоятельства Ф. произошла трагическая гибель соловецких иноков, впоследствии прославленных чудотворцев — Вассиана и Ионы Пертоминских. Заботясь о благочинии своей паствы, Ф. составил в 1553 г. устав, «по скольку кто из братии должен иметь в келли одежды и обуви» (Д о с и ф е и й, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального перво-классного Соловецкого монастыря. . . 2-е изд. М., 1853. Ч. 1. С. 286).

Интереса к культуре Ф. не утратил и в сане митрополита всея Руси. Вопреки домыслам некоторых исследователей нет оснований считать митрополита противником книгопечатания; по словам Е. Л. Немировского, «из числа врагов первопечатников митрополита Филиппа лучше исключить» (Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964. С. 336). По-видимому, митрополит Ф. был выдающимся оратором: филиппики против царя Ивана, которые вкладывает Житие в уста своему герою и которые можно было бы счесть измышлением агнографа, как показал И. Шевченко, в какой-то мере основаны на подлинных речах Ф.; в них он щедрой рукой черпает из популярного в Древней Руси «Поучения Агапита» (Ševčenko I. A. Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // Harvard Slavic Studies. 1954. Vol. 2. P. 166—173). Если справедливо утверждение Г. Г. Латышевой, что заимствования из Агапита появляются только в позднейшей редакции Жития Филиппа, придется думать, что автор этой редакции пользовался очень достоверным источником.

Сохранилось не менее семи рукописей с занесами о их принадлежности митрополиту Ф. (Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. С. 8—9, 64, 67, 68, 89; 1898. Ч. 3. С. 225, 265; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 82—86). Евангелие из коллекции М. И. Чуванова с записью «Солов[е]дъкаго игумена Филипъпа Колычева» не могло принадлежать митрополиту, так как оно датируется посл. четв. XVI в. (Русская рукописная и старопечатная книга в личных собраниях Москвы и Подмосковья. Каталог выставки / Сост. И. В. Поздеева, А. Н. Троицкий. М., 1983. С. 30—31). Автограф митрополита Ф. опубликован в кн.: Погodyn М. Русский исторический альбом. М., 1853. Л. 10.

В XVII в. митрополиту Ф. была приписана маленькая повесть «Запрещение о тафьях», содержание которой рассмотрено в статье Г. Г. Латышевой (Публицистический источник. . . С. 54—56).

Изд.: ААЭ. 1836. Т. 1, № 275. С. 312—313; Грамоты святого Филиппа, митрополита Московского и всея России, в Соловецкую обитель // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 3. С. 192—206.

Лит.: Жития святых Российской церкви. Также иверских и славянских. Месяц январь. СПб., 1857. С. 50—150; Начертание жития, подвигов и изречений

святителя Филиппа II, митрополита Московского и всея России чудотворца. М., 1860 (К о я л о в и ч М. [Рецензия] // Странник. 1861. Т. 1. С. 25—28); Л е о н и д [К р а с н о п е в к о в]. Жизнь святого Филиппа, митрополита Московского и всея России // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 2. С. 21—83, 127—194; У м а н е ц Ф. Митрополит Филипп // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 3, № 11. С. 193—240; Б а р с у к о в. Источники агнографии. Стб. 566—575; С т р о е в. Словарь. С. 61, 384—386, 405; З н а м е н с к и й П. 1) Сергей Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII в. // ПО. 1882, апр. С. 666—686; 2) Произведения соловейкой письменности, относящиеся к личности св. Филиппа митрополита // Там же. 1883, апр. С. 768—785; Ф и л а р е т. Обзор. С. 125, 162; М а к а р и й [Б у л г а к о в]. История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 6. С. 301—312; РБС. «Фабер—Цявловский». С. 116—121; Ф е д о т о в Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. Париж, 1928; С а д и к о в П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 27—29, 32—33; З и м и н А. А. 1) Митрополит Филипп и опричина // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1963. Т. 11. С. 269—292; 2) Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 242—259; С к р ы н н и к о в Р. Г. Начало опричнины // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1966. Т. 294. С. 340—343, 384—410; Л а т ы ш е в а Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 30—62.

Д. М. Буланин

Филипп Петров (кон. XV в.) — дьякон, автор написанного около 1491 г. донесения архиепископу новгородскому *Геннадию* о приходе в Псков католических («из немец») монахов и прении с ними псковских священников, отринувших их веру и назвавших восьмой (Ферраро-Флорентийский) собор «кокаянным сборищем». Донесение Ф. было напечатано по разным спискам.

Изд.: ДРВ. Ч. 14. С. 216—248; АИ. Т. 1, № 286. С. 522—523.

Лит.: Ф и л а р е т. Обзор. С. 112 (№ 108).

М. А. Салмина

Филофей (XVI в.) — автор канонов иконе Чирской богородицы и перенесению мощей Всеволода—Гавриила.

В рукописной традиции XVI—XVII вв. встречаются каноны двум псковским праздникам — знамению Чирской богородицы (16 июня) и обретению мощей князя Всеволода—Гавриила (27 ноября). В некоторых рукописях имеется указание, что их автором был Ф.: «И святому князю Гаврилу канон на обретение мощей. . . творение Филофея прозвитера» (ГБЛ, ф. 256, № 397, 2-я пол. XVI в., л. 87, стб. 1); «. . . канон благодарствен пресвятей богородицы творение Филофиево, ему же краегранесие сиецево: Дажь ми слово божиин въсхвалити рождыщую тя» (ГБЛ, ф. 256, № 397, л. 291 об., стб. 2); «Канон богородицы с ы р м о с о м. . . творение Филофеево. Ему же краегранесие сиецево: даи же ми глагол слове божиин пети новый праздник угодника твоего блаженаго князя Гавриила пренесение» (ГПБ, Q.I.70, XVII в., л. 9).

Первым обратил внимание на имя автора А. Х. Востоков и высказал предположение, не является ли составитель канонов Ф. старцем Псковского Спасо-Елеазаровского монастыря *Филофеем*, автором известных посланий к Михаилу *Мисюрю Мунехину*. Филарет Гумилевский без сомнений считал автора посланий Филофея

и составителем канонов, а также Повести о Чирской богоматери. В. О. Ключевский обратил внимание на то, что в 9-м чуде *Жития Евфросина* Псковского редакции *Василия—Варлаама* (1547 г.) упоминается игумен Елеазаровского монастыря Филофей, при нем постригся в монахи раскаявшийся разбойник Василий Темные Очи. Датировка чуда приблизительна: не позже 1542 г., когда игуменом был уже Нил. Таким образом, деятельность игумена Филофея и старца Ф. протекала приблизительно в одно и то же время. В. О. Ключевский не видел достаточных оснований для решения вопроса о том, являются ли игумен Филофей и старец Ф. одним и тем же лицом и кому из них принадлежит составление канонов. В. Малинин считал, что старец Филофей, автор посланий, и игумен Филофей, упоминаемый в *Житии Евфросина*, — одно и то же лицо, но отрицал возможность составления им канонов псковским праздникам. Таким образом, в исследованиях нет точного ответа на вопрос, кто был Ф. — составитель канонов, когда и где он писал. Каноны Ф. не изданы.

Лит.: В о с т о к о в. Описание. С. 597—598; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 249; Ф и л а р е т. Обзор. № 122; М а л и н и н В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. С. 755—756.

В. И. Озотникова

Филофей (1-я пол. XVI в.) — монах Псковского Елеазарова монастыря, писатель-публицист, автор посланий. Биографических сведений о Ф. не сохранилось. Наиболее надежно Ф. атрибутируются послания псковскому дьяку *Михаилу Григорьевичу Мунехину*: Послание по случаю морового поветрия, Послание на противящихся божьей воле и Послание на звездочетцев. Первые два послания В. Малинин характеризует как две редакции, причем вторая редакция, по его мнению, написана самим же Ф. и послана была Мунехину как второе послание. Обычно в научной литературе о них говорят как о двух разных посланиях Мунехину.

Наибольший резонанс получило третье послание Мунехину — на звездочетцев (1523 или 1524 г.), в котором Ф. опровергает взгляды немецкого врача и астролога *Николая Булева*, утверждавшего, что перенетво в христианском мире принадлежит католическому Риму. В качестве аргумента против латинской пропаганды Ф. выдвигает мысль о переходе функции опоры христианства к Русскому государству, поскольку ни первый Рим, ни второй Рим — Царьград не способны играть эту роль. Впервые сформулированная в этом Послании Ф. идея «Москва — третий Рим» (т. е. утверждение о том, что Россия пребудет истинным центром христианства до скончания веков) объединила в себе черты распространенной во всех христианских странах теории «длющегося Рима» с новым аспектом известной в древнерусской литературе идеи богоизбранности Руси. Появление идеи «Москва — третий Рим» связано со стремлением книжников кон. XV — нач. XVI в. определить роль Русского централизованного государства во всемирно-историческом процессе. Вместе с тем иосифлянин Ф., провозглашая Москву третьим Римом, возлагал на великого князя

ответственность за судьбу всего христианства и поэтому обзывал его блюсти интересы церкви и защищать ее имущество.

К Посланию на звездочетцев тематически близкими оказываются еще несколько произведений и ряд позднейших компиляций: Послание о покорении разума откровению (по мнению В. Малинина, написано Ф. между 1521 и 1524 гг., следовательно, ранее Послания на звездочетцев; в статье «Три „послания Филофея“» этот текст рассматривается как особая редакция Послания на звездочетцев); Послание к Иоанну Акиндеевичу о злых днях и часах, полностью повторяющее содержание Послания на звездочетцев (как считает В. Малинин, оно было отослано этому второму адресату самим Ф.; в статье «Три „послания Филофея“» включено в число списков Послания на звездочетцев); «Послание к вельможе в мире живущее, где повествуется о несоответствии астрологических выводов с учением о промысле божием (по мнению В. Малинина, написано ранее Послания на звездочетцев; в статье «Три „послания Филофея“» названо «декларацией об астрологии»).

Приписывали Ф. и другие сочинения. К числу их относится «Послание некоего старца в беде сущим», обращенное к опальным исковичам, пострадавшим после присоединения Пскова к Москве, и текстуально связанное с Посланием к опальному вельможе. В. Малинин и вслед за ним Н. Н. Масленникова считают, что оба произведения принадлежат Ф. Однако существует точка зрения, что Послание к опальному вельможе написано *Сильвестром* (Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 54—55).

Имя Ф. встречается в ряде списков сочинений, именуемых в некоторых случаях посланиями к великим князьям *Василию III Ивановичу* и *Ивану Васильевичу*. Это Послание о крестном знамении, которое, по мнению В. Малинина и Н. Н. Масленниковой, было написано Ф. в 1510—1511 гг., и Послание об обидах, причиняемых русской церкви, которое атрибутируют Ф. В. Малинин и Н. Н. Масленникова, считая, что оно адресовано *Ивану IV*, в то время как О. Оглоблин и Н. Е. Андреев адресатом считают *Ивана III*. Однако имена адресатов в этих посланиях порой меняются, а порой — опускаются. Вероятно, авторство этих произведений, призывающих оградить русскую церковь от причиняемых ей обид и строго выполнять религиозные обряды, было лишь приписано Ф., а в действительности они были созданы в окружении митрополита *Макария* в кон. 1530—1540-х гг. В этих сочинениях использованы мотивы Послания на звездочетцев Ф. (в том числе идея «Москва — третий Рим») и более подробно говорится об ответственности правителя Русского государства за благосостояние церкви.

С именем Ф. А. А. Шахматов связывал составление *Хронографа Русского* редакции 1512 г. В настоящее время эта точка зрения отвергается (см.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 342—343; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 205). А. А. Шахматов предпологал также, что Ф. участвовал в составлении Псковского летописного свода 1547 г. (см. *Летописи Псковские*). А. Н. Насонов считал такое предположе-

ние вполне вероятным (Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 327—328).

Сформулированная Ф. идея «Москва — третий Рим» почти до самого кон. XVI в. воспроизводилась лишь в составе указанных произведений. В связи с учреждением московского патриаршего престола она проникла в официальные документы, в литературные произведения (*Повесть о белом клобуке*, *Повесть о зачале Москвы* и др.) и получила отражение в публицистике и в церковной литературе XVII в. С 3-й четв. XVII в. послания Ф. были распространены главным образом в старообрядческой письменности.

Изд.: М а л и н и н В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

Лит.: Ш а х м а т о в А. А. К вопросу о происхождении Хронографа // СОРЯС. 1899. Т. 66. № 8; М а с л е н н и к о в а Н. Н. 1) Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 187—217; 2) К истории создания теории «Москва — третий Рим» // Там же. 1962. Т. 18. С. 569—581; S t r e m o o u k h o f f D. Moscow the third Rome: Sources of the Doctrine // Speculum. 1953. Vol. 28. N 1. P. 84—101; A n d r e y e v N. 1) The Pskov-Pechery Monastery in the Sixteenth Century // Slavonic and East European Review. 1954. Vol. 32. P. 318—343; 2) Filofey and his Epistle to Ivan Vasilyevich // Ibid. 1959. Vol. 38. P. 1—31; Л у р ь е Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 367—383, 484—496; К ä m p f e r F. 1) Beobachtungen zu den Sendschreiben Filofejs // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1970. Bd 18. H. 1. S. 1—26; 2) «Sendschreiben Filofejs» oder «Filofej—Zyklus»? // Canadian—American Slavic Studies. 1979. N 1—2. P. 126—138; Г о л ь д б е р г А. Л. 1) Три «послания Филофея»: (опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 23. С. 68—97; 2) Идея «Москва — третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI века // Там же. 1983. Т. 37. С. 139—149.

А. Л. Гольдберг, Р. П. Дмитриев

Филофей Пирогов (кон. XVI в.) — инок Герасимо-Болдинского монастыря, автор Жития Нила Столобенского, умершего 7 декабря 1555 г. на острове Столобном, где он подвизался последние двадцать семь лет жизни. Ф. рассказывает в Житии Нила, как он два года собирался его написать, но не имел о Ниле необходимых сведений. Наконец, на соборе, созванном в Москве в 1598 г. для утверждения на царство *Бориса Федоровича Годунова*, игумен Герасимо-Болдинского монастыря Феоктист встретил инокa Германа, прожившего на острове Столобном несколько лет после смерти Нила. Герман этот был почитателем Нила, построил на острове Столобном вместе с игуменом одного новгородского монастыря Антонием гробницу на месте погребения Нила и собирал сведения о подвижнике от соседних жителей. На основании собранных им сведений Герман составил записку о жизни Нила и его чудесах, но недовольный своими записками, Герман искал искусного писателя, который мог бы изложить житие Нила достойным его церковного почитания образом. Игумен Феоктист взял на соборе 1598 г. у Германа его записки («письмо», «писание») и передал их иноку своего монастыря Ф. Последний и составил на основании этих записок не только стилистически «преукрашенное» Житие Нила, но также стихиры и канон ему.

Житие Нила, известное ныне в рукописях в двух редакциях, не богато фактами. Наиболее интересные два рассказа: о том, как было написано **Житие Нила** (изложенная выше история) и как была написана первая икона Нила иконниками соседнего Оршинского монастыря по расспросам о его внешности у окрестных крестьян. **Житие Нила Столобенского** научно не издано.

Лит.: Сказание о Ниловой пустыни // Журнал Министерства внутренних дел. 1843, июль; Жития святых Российской церкви. 1860, дек. Т. 6; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 313—314; Б а р с у к о в. Источники агиографии. Стб. 407—409; У с п е н с к и й В. Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни Тверской епархии Осташковского уезда. 4-е изд., испр. и доп. Осташков, 1902; Л и х а ч е в Д. С. Икона «Нил Столобенский в житии» самого начала XVIII в. с изображением Ниловой пустыни // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981 г. Л., 1983. С. 245—254.

Д. С. Лихачев

Фома (XV в.) — инок, автор Похвального слова о тверском великом князе Борисе Александровиче («Смирненнаго ипока Фома слово похвальное о благоверном великом князи Борисе Александровиче»), написанного около 1453 г. Об иноке Ф. ничего не известно. Опираясь на текст самого Слова, можно только сказать, что это было лицо, близкое к князю Борису Александровичу (1425—1461 гг.) и хорошо знакомое с его двором. А. А. Шахматов считал его летописцем княжения Бориса Александровича. Из характеристики, данной автором себе самому, видно, что он был профессиональным придворным писателем. Для исследователей остается загадкой, являются ли Фома, тверской посол на упоминаемый в первой части Слова Ферраро-Флорентийский собор, и инок Ф. одним лицом или они — два разных лица. Тверской посол на Ферраро-Флорентийском соборе Фома упоминается и в других памятниках, в том числе и западных (в одном случае он назван Фома Матвевич). Имя инока Ф. как автора упоминается только в первой из шести частей, на которые разделяется это произведение, самостоятельных композиционно и тематически. Поэтому вопрос об атрибуции ему всех частей в целом остается не вполне разрешенным.

Разные части Слова (или шесть разных Слов) связаны единой идеей. Сочинение отражает время возвышения тверского княжества, когда Москва, раздираемая усобицами, находилась в состоянии упадка; основная его мысль — прославление тверского князя Бориса Александровича как «самодержавного государя». Вторая четверть XV в. была эпохой последнего возвышения Твери. Очень скоро (к посл. четв. XV в.) Тверь утратила свое первенствующее значение и окончательно уступила его Москве. Но пока, в сер. XV в., автор Похвального слова именует великого князя Тверского царем и самодержцем и рассказывает о том, как он является своим подданным увенчанным царским венцом; пока именно тверской посол, боярин великого князя, выступает как единственный светский представитель Руси на Ферраро-Флорентийском соборе; пока именно тверской великий князь Борис Александрович покровительствует великому князю Московскому *Василию II Темному*, поддерживая его в долгой

борьбе с Дмитрием Шемякой. Естественно поэтому, что, когда впоследствии идея создания единого державного Русского государства перешла к Москве, Слово инок Ф. не оказалось включенным в официальную московскую литературу: оно дошло до нас в единственном списке 2-й пол. XVI в. (ЛОИИ, собр. Лихачева, № 689, л. 212—315).

Изд.: Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Сообщение Н. П. Лихачева. СПб., 1908 (ПДПИ. № 168) (Шахматов А. А. [Рецензия] // ПДПИ. СПб., 1911. № 176. Прил. С. 1—23); ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 268—333.

Лит.: Серебрянский И. Княжеские жития. С. 248—249; Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. 1936. № 36. Сер. ист. наук. Вып. 3. С. 85—109; История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 247—250.

И. В. Поньрко

Фотий (ум. 1 VI 1431) — митрополит Киевский и всея Руси, автор поучений, посланий и Духовной грамоты. Уроженец г. Моне-васии в Морее (Пелопоннес), грек, «измлада», согласно его Духовной грамоте, он отказался от светского пути жизни и отдал себя под духовное руководство старца Акакия, постригся у него в монахи и выучился соответствующей премудрости. Человек, известный константинопольским императору и патриарху, Акакий в 1397 г. был поставлен в митрополиты Моне-васии, Ф. же стал при нем чем-то вроде епархиального чиновника. Будучи однажды по поручению Акакия в Константинополе, он неожиданно для самого себя и вопреки его сопротивлению 1 сентября 1408 г. был рукоположен патриархом Матфеем в митрополита «Киевского и всея Руси». Очевидно, в то время в Константинополе находилось русское посольство великого московского князя Василия Дмитриевича, который просил патриарха после смерти митрополита *Киприана* прислать на Русь нового митрополита. Император Мануил и патриарх Матфей незадолго перед тем ответили отказом на просьбу литовского великого князя Витовта посвятить полецкого епископа, грека по происхождению, Феодосия на киевско-литовскую митрополию (тем самым она выделилась бы из митрополии киевской и всея Руси). Ф., на котором остановили свой выбор император и патриарх, должен был поддерживать единство всероссийской митрополии. Год спустя после рукоположения, 1 сентября 1409 г., Ф. прибыл в Киев, а еще через полгода, в апреле, к Пасхе 1410 г., — в Москву. Согласно *Летописи Никоновской* (ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 217), вместе с ним пришел на Русь другой воспитанник старца Акакия, иеромонах Пахомий Болгарин, а также греческий монах Патрикий.

Московскую Русь Ф. застал разоренной недавним нашествием Едигея, а митрополичье хозяйство запущенным за три с половиной года после смерти Киприана и разворованным и принялся за его восстановление. В двух грамотах великому князю Василию Дмитриевичу (РИБ. Т. 6. № 35, I и II) Ф. упрекал его за то, что тот «церковь Божию уничижил. . . насилствуя, взимая неподобающая», ставил

ему в пример византийских императоров и князей-предков, в том числе отца великого князя, Дмитрия Донского. Ссылка на Дмитрия Донского интересна как историческое свидетельство о благословении митрополитом Киприаном выступления московского великого князя на битву с Мамаем: «...нашедшим агаряном множицею и дышущим погубити христоименитое людство», князь обратился за руководством к митрополиту и вышел из борьбы победителем: «...святительского призываа окормления и поддержания и яко некотораго столпа светла, новому Израилю предводяща и его винству направляюща стопы, и сие победоносець великий явися» (слова эти пекаывают, между прочим, что, согласно представлениям Ф. и великого князя Василия Дмитриевича, митрополит Киприан во время выступления великого князя Дмитрия Ивановича с войском навстречу Мамаю был в Москве). Ф. просил князя вернуть церкви то, что было дано ей его прародителями, и утвердить эти ее права «благочестивым списанием». Какого-то успеха он добился: сохранилась Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича с запрещением посторонним людям ездить «непошлым» путем, ведущим «на Павловское и на Пустыню», через митрополичью слободку Караш, так называемую «Святославлю», Ростовского уезда (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. 1. № 2. С. 24). В 1413 г. Ростовский епископ Григорий вернул митрополии село Кудринское.

Кроме того, митрополит сразу озаботился вопросами церковной дисциплины паствы и пастырей. Посланием от 29 августа 1410 г. в Новгород (ААЭ. Т. 1. № 369; РИБ. Т. 6. № 33) он убеждает избегать пьянства и пиров, совершать молебны за православных царей и князей, не позволять сожителствовать мужу и жене невенчанными, четвертые браки расторгать, отучать людей от сквернословия, суеверий, ворожбы, запрещает лицам духовного звания заниматься ростовщичеством, венчать «девок менша двунацати лет», участников поединков («поля») велит рассматривать как самоубийц и душегубов (во многом он повторяет тут поучения митрополита Киприана). То же самое он писал в Псков, добавляя только, что тех, кого крестило светское лицо, должен снова крестить священник (РИБ. Т. 6. № 34). Может быть, это первая его реакция на деятельность еретиков стригильников, отвергавших духовенство.

Летом 1411 г. Ф. предпринял поездку во Владимир и едва не был захвачен там нападшими 3 июля на город татарами Талыча, действовавшими совместно с возглавлявшимся воеводой Семеном Карамышевым отрядом нижегородского князя Даниила Борисовича. Митрополит случайно спасся, удалившись накануне набега в митрополичью волость Сенеж на Святом озере и скрывшись затем от погони в лесах. Его спутник Патрикий был замучен во Владимирском Успенском соборе. В ознаменование спасения митрополит основал на лесном берегу озера церковь Рождества Богородицы.

В 1411 (или 1414) г. при посредничестве Ф. был заключен брак между десятилетней дочерью московского великого князя Анной и наследником византийского престола, старшим сыном императора

Мануила Иоанном, благодаря чему между Константинополем и Москвой устанавливалась династическая связь. О том, что церковь придавала этой связи большое значение, свидетельствует шитье на одном из двух сохранившихся саккосов Ф. (хранится в кремлевской Оружейной палате). На каждом из них вышит по-гречески текст Символа веры; но на одном кроме того изображены по одну сторону великие князь и княгиня — Василий Дмитриевич и Софья Витовтовна, по другую — Иоанн VIII Палеолог со своей первой женой, русской княжной Анной (саккос датируется временем до 1417 г., когда Анна в эпидемию умерла), а между ними — трое виленских мучеников: Антоний, Евстафий и Иоанн, убитые в 1347 г. князем Ольгердом и канонизированные в 1374 г. патриархом Филофеем. Эти изображения на богослужебной одежде — ясный символ церковно-политических установок Ф. на единство великорусско-малорусской церкви «всей Руси» и укрепление связей Руси с Византией. Есть на саккосе и шитое изображение самого Ф. Очевидно, при посредничестве Ф. был заключен в 1412 г. союз московского, тверского и литовского великих князей.

Однако же как династические связи с Византией, так и единство русской митрополии оказались при Ф. нарушенными. В 1411—1412 гг. Ф. еще удалось беспрепятственно посетить Литву: 8 сентября 1411 г. в Луцке он поставил на Туров епископом Евфимия, в 1412 г. был в Галиче. Но вскоре затем какие-то люди постарались наговорами поссорить с Ф. сначала великого князя Василия Дмитриевича, а затем, бежав в Литву, и Витовта Кейстутевича. Когда в 1413 г. Ф. захотел либо помириться с Витовтом, либо пойти в Константинополь для встречи с патриархом, он был ограблен в Литве и возвращен в Москву. В 1414 г. при пожаре в Москве сгорел и митрополичий двор, причем, как записано в летописи, огонь от митрополичьей горницы сжег живым клеветавшего на Ф. Савву Авраамиева. В 1415 г. под влиянием литовского князя подчиненные ему полоцкий, черниговский, луцкий, владими́ро-волинский, перемышльский, смоленский, гомельский и туровский епископы сначала направили Ф. грамоту с неясными оскорбительными намеками, отказываясь признавать над собой его власть (там же, № 37), а затем, 18 ноября 1415 г., избрали на Киевскую митрополию *Григория Цамблака*, мотивируя свои действия тем, что в Константинополе, где Цамблаку отказали в посвящении, получение святительского звания зависит от императора и от денег, причем в качестве примеров указывали на поставления в русские митрополиты Киприана, Пимена и *Дионисия Суздальского* («отсюду быша долги великы, и проторы мнози, и молвы, и смущения, и мятежи, убийства и — еже всех лютейше — безчестие церкви Киевской и всей Руси». — Там же. № 38; ср.: ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 230).

Ф. ответил на это обширным Окружным посланием «О нынешнем новом разрушении и мятежи церковнем» (АИ. Т. 1. № 19; РИБ. Т. 6. № 39), стиль которого, выделяя эту грамоту из ряда других его грамот и поучений, сходен (наличием ритмизованных периодов-медитаций, сравнением с единой водой, разделяющейся надвое, обы-

грыванием редкого значения слова «епископ» — «посетитель») со стилем Жития Стефана Пермского, написанного *Епифанием Премудрым*, и анонимного «Слова о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго». По мнению Е. Е. Голубинского, Ф., сначала плохо знавший русский язык и писавший по-гречески, для этого послания «как будто нашел особого переводчика, который почти совсем избежал указанного недостатка (затемняющей смысл неискренности перевода. — Г. П.), и вследствие этого оно читается легко, производя все то сильное впечатление, на которое было рассчитано» (Г о л у б и н с к и й. История церкви. Т. 6. С. 382). В нем ни слова не говорится против Витовта; оно направлено только против подвластных ему епископов. Ф. написал о расколе русской церкви и в патриархию и в 1416 г. получил оттуда со своим же гонцом ответное послание патриарха Иосифа II с просьбой как можно скорее прийти в Константинополь, чтобы совместно решить, что делать (ЛЗАК. СПб., 1865. Т. 3. Прил. С. 26—28; РИБ. Т. 6. № 40. Стб. 357—360).

Целая серия посланий Ф. обращена в Псков — по разным вопросам. Из содержания многих из них видно, что он отвечал на полученные оттуда письма. Послание от 9 сентября 1416 г. касается раскола митрополии; там он просит псковичей принимать беглецов из Литвы, кто «от тоя страны уклонится к вам жити» (АИ. Т. 1. № 20; РИБ. Т. 6. № 41). Две недели спустя, 23 сентября, он написал в Псков свое первое послание о еретиках-стригольниках, о которых узнал из «писанья» тамошних священников. Таким образом он продолжил борьбу, которую начали с псковскими еретиками Дионисий Суздальский и под его влиянием патриарх Нил, к которой каким-то образом был, возможно, причастен и *Стефан Пермский* и которую, насколько мы можем судить, оставил митрополит Киприан. Из этого первого послания Ф. о стригольниках видно, что он знал тогда о них не больше, чем знали в XIV в. Дионисий Суздальский, патриарх Нил и автор Поучения против стригольников, связанного с именем Стефана Пермского, — т. е. что те отвергают церковную иерархию, считая ее недействительной как поставляемую за мзду. Отвечая на это, Ф. указывает незаконные императором Исааком Комнином траты посвящаемых: одна златница при посвящении в чтецы, три — на дьяконство и три — на поповство (АИ. Т. 1. № 21; РИБ. Т. 6. № 42; К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодалыные еретические движения. . . Прил. № 3). В тот же день и на следующий он отправил в Псков еще две грамоты по вопросам церковной дисциплины и установлений (АИ. Т. 1. № 22 и 23; РИБ. Т. 6. № 43 и 44), а спустя девять месяцев (27 июня 1418 г.) написал в Снетогорский Псковский монастырь о соблюдении общежительного устава и неподсудности игумена и старцев мирским судьям. Это послание тоже ответное, из него следует, что Ф. получил из монастыря Уставную грамоту Дионисия Суздальского; и подобно тому как его предшественник Киприан отменил Уставную грамоту Дионисия в г. Псков, Ф. отменил эту грамоту («того ради, что учинил не по преданию правильному, не в своей области, ни в епископии»). В этом послании Ф. пере-

числяет три образа монашеской жизни: «. . три чины суть иночества: 1-е — обще во всему житие, 2-е — отшелство, два или три, 3-е — особое каждого житие в маастаныри нужи ради, преданое внимающим понести великаго и жестокаго житья». Кроме того, он говорит здесь о недопустимости пьянства (АИ. Т. 1. № 26; РИБ. Т. 6. № 46). Два послания Ф. написал в другой монастырь — Киево-Печерский. Касаясь ипических обязанностей, он там тоже говорит о пьянстве «некоторых инок, меньших называющихся, которые посещают корчму, «безчинными пьянствы. . . себе помрачающе и в смешении корчемных и со иноязычными собе смешающе в преседании и в коцюнах» (ДАИ. № 180).

11 марта 1418 г. в Москве Ф. дал жалованную оброчную грамоту архимандриту Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря Иосифу, в ведении которого находились приписные к монастырю церкви и монастыри (дается их перечень), о замене Зборного, Петровского и всех других сборов с церковью в митрополичью казну оброком «с церкви по полтине на Збор» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 303. С. 332). С хозяйственными вопросами связаны также грамоты, данные Ф. в Переяславский Успенский Горичский монастырь (24 января 1420 г.; пожалование селом Славитинским и деревнями Ивашевой и Софроновой в Переяславском уезде; см.: Там же. № 94. С. 130) и в Московский Чудов (12 ноября 1425 г.; на деревни и луга Городецкие «по старую дорогу», которые оспаривали у «чернеца Фадея Михайлова Чюда» Василь Мартинов с сыном Федосом и братом; см.: Там же. № 32. С. 54—56; сохранился подлинник этой грамоты: ГИМ, собр. Уварова, ящик 66/20, отд. III, № 3).

12 августа 1419 г. Ф. вновь писал в Псков на тему о церковных службах (для историков гимнографии интерес представляет здесь подробное описание порядка исполнения канона), но коснулся также вопроса о ремонте храмов, советуя полагаться в этом на решение профессионалов — «художника и мастера, на се устроенного». Известно, что вскоре после этого в Псков от него приезжал мастер, «кому лити свинчаты доски», для устройства новой кровли на Троицком соборе (ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 23).

В 1419 г., когда литовский князь Витовт решил воссоединить подчиненную ему часть русской православной церкви с великорусской, Ф. вновь стал на деле митрополитом «Киевским и всея Руси». По этому поводу он написал послание к литовским православным (ДАИ. № 183). В 1420—1421 гг. он ездил в Литву с послами императора (грек Филантропец) и патриарха, крестил в Слуцке сына князя Олелька (Александра) Владимировича Семепя и побывал в Мозыре, Галиче, Львове, Владимире Волынском, Вильне, Друцке, Тетерипе, Мстиславле и Смоленске. Видимо, во время этой поездки он дал настоятельную грамоту какому-то епископу на Волины (начинается словами: «Понеже. . . соединиши церковь русская. . .») — РИБ. Т. 6. № 49). Известно, что Ф. поставил также Тверского епископа Антония (1411 г.), двух Ростовских епископов, Дионисия (1418 г.)

и Ефрема (1427 г.), Коломенского епископа Амвросия (1419 г.) и Новгородских архиепископов *Симеона*, прежде называвшегося Сампсоном (1416 г.), и *Евфимия I Брадатого*, бывшего Емельяном (1424 г.). В 1423 г. Ф. ездил «наперед великиа княгини Софьи» к ее отцу Витовту в Смоленск.

Ряд следующих по времени датированных грамот Ф. адресован вновь во Псков и касается затрагивавшихся и раньше вопросов церковной дисциплины духовенства и мирян, а также ереси стригольников. Ф. требует, чтобы священники не подлежали светскому суду, овдовев же, не женились бы снова, а шли в монастырь, и вообще чтобы не было многоженцев; требует, чтобы в пост не устраивались бы «бой и плиц. . . и позорища безчинная, еже суть Богу мерзкая и ненавидима»; о стригольниках же говорит, что надо «благоуветне» возводить «от помрачения в прозрение» их духовные очи, а если они будут очень упорствовать, то и «нужами», только — предупреждает он — «кровь и смерть да не будут на таковых, но инако всяко, и заточенми приводите тех в познание, да не погибнуть, ни снидуть во ад в помрачении своем». (Там же. № 51; К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодальные еретические движения. . . Прил. № 4). О том, чтобы не предавали еретиков смерти, Ф. просит и в другой грамоте, от 23 сентября 1427 г. (АИ. Т. 1. № 34; РИБ. Т. 6. № 56; К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодальные еретические движения. . . Прил. № 6), так что в этом его взгляд не менялся. Но изменялось, как можно заметить, его понимание существа ереси, или же увеличивалось знание о мировоззрении стригольников: к известному уже отвержению еретиками иерархии и монашества добавляются в позднейших грамотах сообщения об отвержении ими всего церковного предания и неверии в воскресение мертвых; причем это последнее их мнение заставляет его вспомнить упоминаемых в Новом завете саддукеев (грамота от 22 июня 1427 г. — АИ. Т. 1. № 33; РИБ. Т. 6. № 55; К а з а к о в а Н. А., Л у р ь е Я. С. Антифеодальные еретические движения. . . Прил. № 5). Ф. предостерегал псковичей также против помазания крещаемых «миром латинским» и просил прислать к нему «единого от священник, человека искусна», чтобы научить его всем церковным правилам, в том числе правилам церковного пения, и послать с ним в Псков доставленное из Царьграда «миро святое великое» и недостающие книги (АИ. Т. 1. № 35; РИБ. Т. 6. № 58).

К упомянутым выше по большей части сравнительно небольшим грамотам можно причислить грамоту в Псков по поводу эпидемии чумы (АИ. Т. 1. № 30; РИБ. Т. 6. № 53), послание Павлу Обнорскому, просившему у него антиминос для освещения церкви (АИ. Т. 1. № 257; РИБ. Т. 6. № 57), и окружное послание к пастве с просьбой вернуть похищенное из церкви чье-то сокровище — возратить и положить его в церкви, в противном случае вор должен чувствовать себя под святительским запрещением и отлучением (АИ. Т. 1. № 256; РИБ. Т. 6. № 59). Помимо того Ф. написал целый ряд иностранных поучений, в одном из которых говорит о важности священства и обязанностях священнослужителей (ДАИ.

Т. 1. № 181; РИБ. Т. 6. № 60); в другом, в день Благовещения, сказанном по поводу освящения походной церкви для православных воинов князя Витовта, приводит примеры сверхъестественной помощи в борьбе с врагами из римской и византийской истории и учит входить в церковь со страхом и благоговением (ДАИ. Т. 1. № 182; ПС. 1860. Ч. 2); в третьем, в неделю мясопустную, говорит о втором пришествии, напоминая о том, что тогда никто человеку не поможет, «ни отец, ни мати, ни сын, ни дщи, ни вчучата, ни мужь. . .», но он останется наедине со своею осуждающей совестью; в четвертом, в неделю православия, учит непрестанному повторению «в помышлении своем» Иисусовой молитвы — «или ясте, или пиете, или делаете, или путь шествуете, или стоите, или сидите, или ино что творите», объясняет смысл праздника, рассказывает об иконоборчестве, о пестом вселенском соборе, объясняет смысл поста; в пятом, шестом, седьмом, написанных по поводу связанных с природой общественных несчастий, таких как эпидемии, засухи, необычные холода и т. п., он говорит, что все это бывает за грехи человеческие, и призывает избегать блуда, обжорства, сребролюбия, лихоимства, зависти, тщеславия и гордости (третье—седьмое поучения напечатаны: ПС. 1860. Ч. 2, 3; 1861. Ч. 2). В этих поучениях есть совпадения: повторяется тема «самоосудительной совести», повторяется толкование евангельской притчи о царе и должнике, ссылка на великого Дионисия Ареопагита, учащего о том, каким достоин быть священнику. Но это не снижает их очень высокого риторического пафоса и искусства. Некоторые описания, например растрескавшейся от засухи земли, в глубину которой проникает солнечный свет, умирающих без воды зерен в земле, плача остающихся без хлеба людей и голода, написаны, как представляется, очень искусным художником.

Сразу же после смерти великого князя Василия Дмитриевича, ночью 27 февраля 1425 г., Ф. послал в Звенигород своего боярина Акинфа Аслебятёва (очевидно, родственника Андрея и Родиона Ослебятёв, лобутских бояр, служивших у митрополита Киприана) за братом покойного Юрием. Но тот не захотел идти в Москву, где при поддержке Софьи Витовтовны на великом княжении утверждался ее и Василия Дмитриевича десятилетний сын *Василий II*, крестник Ф., и пошел в Галич. В том же году как посол юного великого князя Ф. отправился в Галич к ополчившемуся против племянника Юрию Дмитриевичу с требованием отказаться от кровопролития и согласиться на мир. Юрий Дмитриевич повелел своим подданным выйти навстречу Ф., тот же воспринял большое число людей в овчинах как «сдум» над ним, и, когда князь предложил заключить только перемирие, митрополит ушел из его города, не благословив его. Летопись сообщает, что сразу же после этого в Галиче начался мор и испуганный князь Юрий, вскочив на коня, догнал и вернул Ф., выслушал от него поучение и обещал ему послать к племяннику своих послов для заключения мира (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 92—93).

Подобно своему отцу, великий князь Василий Васильевич охранял имущественные права Ф. Так, 20 марта 1426 г. он дал ему жалованную грамоту на владение Царевоконстантиновским монастырем

во Владимире, причем разошедшиеся из монастыря и монастырских сел люди, вернувшись, получали, согласно этой грамоте, свободу от всех даней великому князю на пять лет, а пришедшие туда из других княжений — на десять (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 1. С. 178).

Как и его предшественник Киприан, Ф. стремился восстановить право митрополитов на апелляционный суд в Новгороде в течение месяца. Так, 8 августа 1430 г., в момент отсутствия в Новгороде архиепископа, разрешая Тверскому епископу Илье ставить священников в Бежецкий Верх и на Волок, в этой же грамоте Ф. говорит о своих неудачных стараниях восстановить это утраченное при Пимене митрополичье право и заверяет, что не поставит новгородцам нового архиепископа на место умершего в 1429 г. Евфимия I Брадатого, пока те не уступят (РИБ. Т. 6. № 50; здесь эта грамота датирована 1422 г.; правильно датировал ее 1430-м г. Е. Е. Голубинский — История церкви. Т. 2, 1-я пол. С. 394). Как и Киприан, победы он не достиг.

В 1430 г. Ф. был среди многочисленных высокопоставленных гостей великого князя Витовта, созданных тем в Вильну и Тракай на пир в надежде получить от папы королевскую корону. Ф. задержался там на одиннадцать дней после того, как гости разъехались, а затем был отпущен с почестями и дарами приближавшимся к смерти хозяином. В Новом Городке Литовском его догнала весть о смерти Витовта, и там же он имел свидание с пришедшим после него к власти в Литве Свидригайлом Ольгердовичем и его братом, польским королем Ягайлом.

В летописи содержится повесть о видении, бывшем Ф. за год и около четырех месяцев до его смерти, — видении ангела, который сообщил ему, что ему дается «седмица» для рассмотрения жизни и «управления паствы» (Повесть о Фотее, митрополите Киевском и всея Руси, иже виде ангела Господня, показующа ему конец жития его // ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 10). После этого Ф. написал Духовную грамоту, взяв за образец — это отмечает и летопись — Духовную грамоту митрополита Киприана: «. . . написана также грамота прежде преставления к богу чюдну, по образу прядь сего бывшаго Киприана митрополита» (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 144; грамота издана в СГГД и *Летописях Львовской и Никоповской*). Текстуальных совпадений с образцом здесь, однако же, немного, близость их — в общем строе и содержании: как и Киприан, Ф. говорит о своей жизни, об испытанных бедствиях, о предвещающих смерть болезнях, всех прощает и благословляет (кроме тех священников, которых «по правилу от священства возбранил») и, наконец, поручает князю и его потомству охранять с трудом восстановленное им церковное имущество — «от золота, и серебра, и жемчугу, и камения, и сосуды серебряныя, и земли, и воды» — и наказывает ничем не обижать его бояр, чернецов и слуг (эта грамота напечатана в двух несколько различных вариантах в СГГД и ПСРЛ. Т. 6).

Ф. похоронили в кремлевском Успенском соборе рядом с митрополитом Киприаном. В 1472 г., при перестройке собора, его прах

вместе с останками других похороненных там митрополитов был вынут из гроба, причем его обрели «цела суца не всего, едины ноги толико в теле» (ПСРЛ. Т. 6. С. 195), в 1475 г. перенесли в церковь Иоанна под колоколами, а в 1479 г. вернули в перестроенный Успенский собор.

Ф. оставил после себя необыкновенно большое по сравнению с предшественниками и преемниками литературно-учительное наследие. Всего его именем надписывается тридцать пять грамот и поучений. В основных своих установках он был последователем своего предшественника, митрополита Киприана. Как и тот, Ф. старался держаться независимо от всех князей, земли которых объединяла его церковь, побуждал их уважать и охранять ее права и руководствоваться ее учением. На деле он был последним митрополитом «всея Руси», объединявшим Великую и Малую Русь. А. А. Шахматов полагал, что по воле и под наблюдением Ф. был составлен общерусский летописный свод, объединивший центральнорусское и новгородское летописания, лежащий в основе ряда позднейших летописей, в первую очередь *Летописей Софийской I* и *Новгородской IV*. Он датировал этот свод (Фотиев, или Владимирский, Полихрон) 1423 г. (Шахматов А. А. 1) *Общерусские летописные своды // ЖМНП. 1900. № 9; 2) Обзорение. С. 209*; М. Д. Приселков — 1418 г. (Приселков М. Д. *История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 113 и след.*), а Я. С. Лурье вообще отрицает его существование (Лурье Я. С. *Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 70—71*). Во всяком случае ясно, что во времена Ф. прекратилось составление новгородского варианта общерусского свода (Новгородская IV летопись до 1428 г.), создававшегося путем постатейного соединения выборок из местной новгородской летописи (Летопись Новгородская I) и общерусского свода в основном варианте, очевидно владимирском, отраженном в Софийской I летописи (см.: Прохоров Г. М. *Летописные подборки рукописи ГПБ, Ф. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198*).

Ф. принадлежали и были им вложены в библиотеку Московской митрополии, по крайней мере, четыре греческие рукописи, из которых три сохранились и содержат запись митрополита *Исидора*, об этом извещающую и предающую проклятию всякого, кто захочет книгу похитить. Это: ГИМ, Синод. собр., греч., № 284 (462), Триодь постная и цветная, написанная в 1408—1409 гг. в Москве трапезундским епископом Феодулом; Vaticanus gr. 394 и Vaticanus gr. 717, сочинения Николая Кавасилы, переписанные в 1411 г. в Москве. Две ватиканские рукописи вывез из Москвы в Италию сам митрополит Исидор. Четвертая не дошедшая до нас греческая книга Ф. — Номоканон с толкованиями Вальсамона; в XVI в. им пользовался *Максим Грек* при переводе для *Вассиана Патрикеева* толкований Вальсамона (см.: Фонкич Б. Л. 1) *Московский автограф митрополита Исидора // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 14—15; 2) Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 12—23*).

В XVI в. шестнадцать поучений Ф. и его Духовная грамота под общим названием «Книга, гдаголемая Фотиос» были включены митрополитом *Макарием* в *Великие Минеи Четии* под 31 декабря (см.: *Иосиф*, архимандрит. Подробное оглавление Великих Четиих Миней всероссийского митрополита Макария. М., 1892. Стб. 313—318).

Изд.: СГГД. Ч. 2. С. 18—22; *Иоаннов* А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках. . . 4-е изд. СПб., 1831. С. 15—16; ААЭ. Т. 1, № 369; АИ. Т. 1, № 19—23, 26, 30, 33—35, 257; ДАИ. Т. 1, № 180—183; ПСРЛ. СПб., 1855. Т. 6. Софийская 2 летопись. С. 144—148; Поучения Фотия, митрополита Киевского // ПС. 1860. Ч. 2. С. 455—473; Ч. 3; С. 97—112, 223—240, 357—366, 481—500; 1861. Ч. 2. С. 181—204; *Буслев* Ф. Историческая хрестоматия. М., 1861. С. 792—799, 933—938; Руководство для сельских пастырей. 1872. № 22. С. 137—147; РИБ. СПб., 1880. Т. 6, № 33—35, 39, 41—44, 46, 48—51, 53, 55—60; *Макарий*. История русской церкви. 3-е изд. СПб., 1888. Т. 3, № 28. С. 380—385; ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 12. Никоновская летопись. С. 11—15; Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. Ч. 1. С. 269—304, 315—356, 361—388, 391—400, 403—418, 421—438, 465—522; *Казакова* Н. А., *Лурье* Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI вв. М.; Л., 1955. Прил. № 3—6.

Лит.: Фотий, митрополит Киевский и всея Руси // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. 1852. Ч. 11. С. 207—274; *Шевырев* Ст. История русской словесности. М., 1858. Ч. 3. С. 168—178; *Филарет* 1) История русской церкви. 4-е изд. Чернигов, 1862. С. 110—128; 2) Обзор. С. 100—103; *Макарий* 1) История русской церкви в период монгольский. СПб., 1866. Т. 5, кн. 2. С. 193—211; 2) История русской церкви. СПб., 1886. Т. 4. С. 86—104; СПб., 1886. Т. 5. С. 197—216; Правила митрополита Фотия // ПС. 1866. Ч. 1. С. 88—103; Фотий, митрополит Московский // Рязанские епархиальные ведомости. 1870. II. С. 218—221; *Хойнацкий* А. Святитель Фотий, митрополит Киево-Московский на Волыни // Волынские епархиальные ведомости. 1873. II. С. 570—577; *Боголюбский* М. С. Московская патриархия. Митрополиты // ЧОЛДП. 1894. № 9; *Антоний*, архимандрит. Из истории христианской проповеди. 2-е изд. СПб., 1895. С. 327—330, 332—367; *Голубинский*. История церкви. 1900. Т. 2, 1-я пол. С. 357—413; *Вальденберг* В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 158—165; *Карташев* А. В. Очерки по истории Русской церкви. Париж, 1959. Т. 1. С. 339—348.

Г. М. Прохоров

Фотий (в миру Феодор) (ум. 1554) — монах Волоколамского монастыря, ученик старца того же монастыря Кассиана Босого, писатель и книгописец. В Житии, написанном его учеником *Вассианом Кошкой*, содержатся сведения о биографии Ф. до его пострижения (сохранилось в сборнике Вассиана — ГИМ, Синод. собр., № 927, л. 171—178 и сборнике *Нифонта Кормилицына* — ГПБ, Q. XVII.64, л. 353—367; в последнем здесь же сделана приписка о смерти Ф.). Содержание Жития изложено в книге А. Кадлубовского. Ф. происходил из Киева, служил у князя Богдана Путивальского, одно время был дядькой у его сына Владимира. В 1500 г., когда Путивель был взят войском великого князя, он вместе с князем Владимиром попал в плен. После этого по повелению великого князя он находился на службе у воеводы Ю. И. Замятина. После того как Ф. постригся в монахи, Ю. И. Замятин не прерывал с ним связи.

Судя по записям в описи книг Волоколамского монастыря и по заметкам на самих рукописях, Ф. переписываем рукописей занимался профессионально, но только в пределах Волоколамского монастыря. Перечисленные в описи книг 1545 г. 13 рукописей «письма Фотеева» входили в основной фонд монастырской библиотеки, а не являлись собственностью самого Ф. (Георгиевский В. Т. Фрески Ферантонова монастыря. СПб., 1911. Прил. С. 9, 12, 16). Сохранилось сравнительно много волоколамских рукописей, которые частично или полностью были переписаны Ф. или ему принадлежали (ГИМ, Епарх. собр., № 95, 114, 252, 368, 373; ГБЛ, Волок. собр., № 491, 492, 534). Большая часть рукописей, написанных рукой Ф., посвящена богослужебной или церковно-назидательной тематике. Тем не менее состав некоторых сборников, принадлежавших Ф., говорит о том, что его следует отнести к тому кругу волоколамских старцев, которые не были чужды литературных интересов. Однако и в данном случае деятельность Ф. не выходила за пределы Волоколамского монастыря. Он в один из своих сборников включил *Прение живота и смерти* второй редакции, появление и бытование которой есть основание связывать только с литературной средой Волоколамского монастыря (Повести о споре Живни и Смерти / Исслед. и подгот. текста Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964. С. 24). В другом сборнике Ф. переписана *Повесть о Евстратии* пространной редакции, которая широко представлена в волоколамских рукописях XVI в. и, возможно, там была и написана (Дубовик Н. П. К изучению Повести о воеводе Евстратии // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 339; Дмитриева Р. П. Волоколамские четки сборники XVI в. // Там же. С. 219).

Ф. принимал также участие в переписывании в 20-е гг. XVI в. для библиотеки Волоколамского монастыря текста *Хронографа Русского*, соответствующего списку *Досифея Топоркова* (Седельник А. Д. Досифей Топорков и хронограф // Изв. АН СССР. VII сер. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 9. С. 766—767). Ф. известен как автор нескольких произведений, относящихся к разным жанрам. Все его произведения дошли до нас в составе рукописей иосифлян. Вассиан Кошка, оказывая внимание своему учителю, часть своего сборника ГИМ, Синод. собр., № 927 посвятил Ф.; на л. 159 об.—184 он поместил его произведения, а также Житие Ф., автором которого является сам Вассиан.

В научной литературе хорошо известны три произведения, автором которых является Ф.: 1) Служба Иосифу Волоцкому, которая часто встречается в волоколамских рукописях (ГИМ, Епарх. собр., № 264; Синод. собр., № 927; ГБЛ, Волок. собр., № 387, 412, 564, 572); в описании кончины епископа Тверского Акакия содержится упоминание о том, что Службу Иосифу написал Ф. (ГПБ, собр. Погодина, № 1554, л. 52—52 об.); 2) Слово-поучение против сквернословия («Старца Фатоя, ученика великаго старца Кассиана Босаго, собрано от божественных писаний, зело полезно, еже не сквернословити языком всем православным христианом, паче же нам иноком, ниже паки рещи матернее лаяние брату своему: блядин сын, какову

либо человеку крестьянский напая веры святыя»), изданное в ПЛ, а также А. В. Марковым; 3) Послание к старице Александре («Послание к старице Александре»), изданное в ЛЗАК.

Возможно, Ф. принадлежат еще два произведения: 4) в рукописи Ф. ГБЛ, Волок. собр., № 491 на л. 64—67 имеется текст, озаглавленный «Вопрошение благоверных инокини княгини Александры, о скимном пострижении, аще кто от инок или инокиня без схимы преставится, и причащении тела Христова, и о добротворении мнишескаго жителства» (нач.: «Что еси государыни, приказала ко мне грешному богомолцу своему, а велела к себе отписать»); 5) Житие Кассиана Босого, по мнению Филарета, написано Ф., а Ключевский склонен считать автором Вассиана Возмитского.

Изд.: ЛЗАК. СПб., 1862. Вып. 1. С. 28—33; ПЛ. 1862. Вып. 4. С. 189—191; Марков А. В. Памятники старой русской литературы: (Тексты и примечания). Тифлис, 1914. Вып. 1. С. 15—21 (Отд. отт.: Изв. Тифлиских высших женских курсов. Кн. 1).

Лит.: Николаевский П. Ф. Русская проповедь в XV и XVI вв. // ЖМНП. 1868. № 4. С. 113—114; Ключевский И. Древнерусские жития. С. 295—296; Янковский П. Печалование духовенства за опальных // ЧОИДР. 1876. Кн. 1. С. 202; Строев. Словарь. С. 287—288; Филарет. Обзор. С. 213; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 262—263; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI вв.). М., 1977. С. 116—117.

Р. П. Дмитриева

Х

Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг. — путевые записки неизвестного суздальского книжника о русском посольстве во главе с митрополитом *Исидором* в Италию на Ферраро-Флорентийский собор 1437—1439 гг. и о возвращении послов на Русь; является самым ранним русским описанием Западной Европы. В научной литературе X. известно под разными названиями: «Путешествие митрополита Исидора», «Дневник путешествия митрополита Исидора», «Путевые заметки неизвестного суздальца», «Хождение на Флорентийский собор», «Хождение во Флоренцию», «Записки о поездке русского посольства в Италию на собор и пребывание там, принадлежащие неизвестному автору» и даже Путешествие *Симеона Суздальского*. Известны также некоторые издания (Н. И. Новикова, И. Сахарова), в которых текст X. опубликован вместе с «Повестью о осьмом соборе» Симеона Суздальского под общим заглавием «Путешествие Исидора митрополита на Флорентийский собор в 6945 году». Однако атрибуция Симеону Суздальскому текста X. ошибочна, так как стили этих писателей резко отличны: Симеону

свойственна острополемическая манера письма, а для автора X. характерно деловитое объективное повествование, типичное для путевых записей, «посольских списков» и «хождений».

Как и Симеон Суздальский, автор X. состоял в свите суздальского епископа *Авраамия*, но подчинялся непосредственно Исидору и вел свои записи о ходе путешествия, очевидно, по его предписанию. (Исидора он именует своим «господином»). Вероятнее всего, он был мирянином. Существует, впрочем, мнение А. Д. Щербины и Н. В. Мощинской, что автор X. был духовным лицом; Ф. И. Делекторский склонен видеть в нем скорее всего светского человека (дьяка), учитывая его неизменный интерес к торговым ценам на иностранные товары, но допускает и возможность причисления его к лицам духовного звания с оговоркой, однако, о принадлежности его к представителям белого духовенства.

Путешествие автора X. в Феррару и Флоренцию в составе свиты Исидора началось 8 сентября 1437 г. из Москвы, а закончилось в Суздале 29 сентября 1440 г.; на обратном пути из Италии он, как и Симеон Суздальский, побывал в Смоленске.

X. содержит описание целого ряда западноевропейских стран (Ливонии, Германии, Италии, Сербии, Венгрии, Польши, Литвы) и городов, встречавшихся на пути русского посольства. Хронологически последовательное перечисление населенных пунктов и расстояний между ними сочетается в X. с очерковыми описаниями некоторых городов и их достопримечательностей, поразивших воображение автора. Он дает описания внешнего вида некоторых городов, их садов, каналов, водопроводов, водяных мельниц, фонтанов, архитектурных и скульптурных сооружений, а также сообщает сведения о городской экономике, ценах, торговле, об изготовлении шелка из коконов шелковичных червей. Одновременно с этим его интересует язык и вероисповедание населения, он описывает церкви, монастыри, их порядки и поразившее его механическое представление мистерии «Дары волхвов» в одной из церквей города Любека. Он знакомится также и с местными легендами и, следуя устным преданиям, именует маленький баварский городок Форхейм — «Понтенск» как легендарную родину Понтия Пилата.

В X. содержатся также и сведения о ходе Ферраро-Флорентийского собора, указаны даты и места заседаний, имеется перечень его участников, описываются одеяния церковных иерархов и папских телохранителей и приводится целый ряд других фактических данных, но существа соборных заседаний автор не касается и (в отличие от Симеона Суздальского) не высказывает никакой оценки самой заключенной 5 июля 1439 г. унии православной и католической церквей, лишь фиксирует сам факт: «. . . написана грамоты збора их, како веровати во святую Троицу», которые «. . . подписа папа Евгений, и царь греческий Иван, и вси кардиналови и митрополиты». Записи свои автор вел по ходу событий и позже их не перерабатывал (поэтому текст X., как полагает Ф. И. Делекторский, мог войти на Руси в «круг чтения» уже в самом нач. 40-х гг. XV в.).

Исследование 22 списков X. привело Н. А. Казакову к выводу о существовании четырех редакций его текста: Первоначальной (полной), Сокращенной (доводящей повествование только до Будина — Будапешта), Антиновгородской («Сказание о градах от Великаго Поваграда и до Рима») и Второй сокращенной. Критическое издание текстов некоторых из этих редакций X. осуществлено Н. А. Казаковой.

Г. Штекль предполагает существование единого замысла при написании X. и заметки «О Риме». Однако Ф. И. Делекторский и Н. А. Казакова, атрибутирующие ее автору X., считают эту заметку совершенно особым произведением неизвестного суздальского книжника: в Рим (который митрополит Исидор не посещал) он предпринял самостоятельную поездку.

Изд.: ДРВ. СПб., 1774. Ч. 4. С. 293—321; 2-е изд. Ч. 6. С. 27—48; Сахаров И. 1) Путешествия русских людей в чужие земли. 2-е изд. СПб., 1837. Ч. 1. С. 87—112; 2) Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. С. 81—88; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 76—87. Прил.; Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 60—72.

Лит.: Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 90—97; Делекторский Ф. И. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // ЖМНП. 1895, июль. С. 131—184; Щербина А. Д. Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. Одесса, 1902. С. 4—5, 11—12, 19—20 (Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Вып. 10); Reisebericht eines unbekanntes Russen (1437—1440). Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Gunther Stökl // Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinnen gesehen. Graz; Wien; Köln, 1954. S. 151—189 (Byzantinische Geschichtsschreiber. Bd 2); Luda H. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters // Zeitschrift des Vereins für lübeckische Geschichte und Altertumskunde. 1955. Bd 35. S. 71—84; Müller L. Ein Russe bereist 1438 die Salzstrasse // Lauenburgische Heimat; Zeitschrift des Heimatbundes und Geschichtsvereins Herzogtum Lauenburg. Ratzeburg, 1955. Neue Folge. H. 9. S. 5 и др.; Черенин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 176, 184—187; Мошняска Я. Н. В. 1) О некоторых особенностях лексик «Хождения» неизвестного суздальца во Флоренцию // Язык и стиль художественного произведения: Тез. докл. IX науч.-теорет. и метод. конф., организуемой кафедрой рус. лит. Московск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина 26—28 мая 1966 года. М., 1966. С. 21—22; 2) Об авторе «Хождения на Флорентийский собор» в 1439—1441 гг. // Литература Древней Руси и XVIII века. М., 1970. С. 228—300 (Учен. зап. Московск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. № 363); 3) «Хождение» неизвестного суздальца на Ферраро-Флорентийский собор 1436—1440-х годов // Вопросы русской литературы. М., 1970. С. 87—98 (Учен. зап. Московск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. № 389); 4) «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского и «Хождение на Ферраро-Флорентийский собор» неизвестного суздальца как литературные памятники середины XV века: (Текстология, идеологические тенденции и стилевое своеобразие); Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1972. 16 с.; 5) История печатных и рукописных текстов «Хождения на Ферраро-Флорентийский собор» // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып. 1. С. 61—70; Прокорьев Н. И. 1) Язык жанра «хождение»: (К проблеме литературоведческого изучения языка древнерусских произведений) // Язык и стиль художественного произведения: Тез. докл. IX науч.-теорет. и метод. конф., организуемой кафедрой рус. лит. Московск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина 26—28 мая 1966 года. М., 1966. С. 18—20; 2) Русские хождения XII—XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII века. М., 1970. С. 191—204 (Учен. зап. Московск.

гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. № 363); К а з а к о в а Н. А. 1) «Хождение во Флоренцию» 1437—1440 гг.: (Списки и редакции) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 73—94; 2) Отражение западной легенды о Понтии Пилате в «Хождении во Флоренцию» 1437—1440 гг. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 94—99 (совм. с Е. В. Мавлеевым); 3) Сказание о градах от Великого Новаграда и до Рима // Памятники культуры. Новые открытия. 1975. М., 1976. С. 16—21; 4) Заметка о Риме русского путешественника середины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 252—254; 5) Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 8—55.

И. Ф. Дробленкова

Хождение Зосимы к рахманам (в рукописях: «Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Зосимы»; нач.: «Во дни оны бе человек в пустыни именем Изосима и человек праведен. . .») — переводной апокриф. Древнейший русский список Х. находится в Сильвестровском сборнике XIV в. (ЦГАДА, ф. 381, № 53). О греческих списках см.: Н а л к и н Ф. 1) ВHG. Т. 2. Р. 322; 2) *Auctarium VHG*. Bruxelles, 1969. Р. 190; о трех греческих списках ГИМ см. также: Ф о н к и ч Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 95, 101, 133, 136, 143.

Специального исследования, посвященного Х. Зосимы, нет. В своей работе, посвященной выяснению источников *Александрии Сербской*, А. Н. Веселовский привлекает Х. для исследования древних представлений о стране блаженных. Он сообщил большое число аналогий из средневековых европейских, еврейских, коптских, эфиопских сочинений, и в этом главная ценность работы Веселовского. В изображении жизни блаженных людей в Х. Веселовский видит влияние *Александрии хронографической* и статьи о брахманах Палладия, своим же происхождением от Рехавы «блаженные», упоминаемые в Х., напоминают потомков Рехавы в «Иосиппоне» и «сыновей Моисея» у Эльдада. Веселовский отметил также, что древнейший славянский список Х. не называет блаженных людей рахманами, что название «рахманы» появляется в поздних списках. К сожалению, в работе Веселовского нет анализа текста Х. В. М. Истрин (*Александрия русских хронографов*. М., 1893) упоминает Х. Зосимы только как один из источников дополнений во второй редакции *Александрии хронографической*, замечая, что «отношение этого Хождения к Рахманам Палладия и Псевдокаллистену и к сынам Моисея Эльдада-Данита подробно разобрано акад. Веселовским в его исследовании о сербской Александрии» (*Александрия. . .* С. 223). А. Васильев издал греческий текст Х. по рукописи ГИМ, Синод. собр., № 114, с вариантами по двум другим московским же спискам (*Vassiliev A. Anecdota graeco-byzantina*. М., 1893. Pars 1. Р. 166—179). В кратком предисловии Васильев повторил наблюдения Веселовского, добавив, что, по его мнению, реалии Х. указывают на его появление до мусульманского завоевания. В том же году М. Джеймс (*James M. R. Aposrypha anecdota*. Cambridge, 1893. Р. 96—108) издал греческий текст памятника по двум рукописям (cod. Par. Gr., N 1217 и Bodleian MS. Canon. Gr., N 19). М. Джеймс считая, что публикация будет «первым шагом к открытию

значительной литературы, еще мало известной, которая имеет отношение к легендам об исчезнувших 10 коленах и земном рае». Он назвал те работы и материалы, которые могут быть полезны для исследования самого памятника и темы в целом (отчасти эти указания совпадают с указаниями Веселовского), т. е. аналогичные памятники в сирийской, арабской, эфиопской литературах. Совпадение описания исчезнувших народов в памятниках далеких друг от друга культур указывает, по мнению Джеймса, на то, что «в более раннем не дошедшем до нас сочинении — и это, вероятно, был еврейский апокалипсис — было описание, возможно, более подробное, чем любое из имеющихся у нас, образа жизни этого загадочного народа в его скрытом месте». Х. Зосимы в том виде, в каком оно известно нам, Джеймс считает памятником V—VI вв. Таким образом, Джеймс предполагает существование недошедшего памятника, части которого всплывают то в одном, то в другом сочинении. Вероятно, однако, что были некие идеи, представления о блаженном народе и идея о праведном народе, разнообразные этапы истории которых встречаются нам в памятниках средневековых литератур.

Х. — памятник поздний, в нем видно уже смешение разных представлений. Рассказ о блаженных людях отчетливо делится на несколько частей. В Х. следуют друг за другом два совершенно разных рассказа блаженных о себе. В первом сообщается история их поселения — за непроходимой рекой, ширина которой 30 верст, глубина — до бездны, а над нею стоит стена облачная до неба; это рехавиты, потомки Рехавы (они упоминаются в библейской книге пророка Иеремии, гл. XXXV, 1—19). Они сообщают Зосиме, что были в Иерусалиме во времена пророка Иеремии, чудесным образом были вызволены из тюрьмы и перенесены на облаке к этой реке, которая стала им защитой от мира. Затем в Х. следует описание жизни блаженных людей, никак не зависящее от первого. Первый рассказ, о рехавитах, связан с представлениями о праведном народе, которые встречаются в целом ряде средневековых сочинений (о рехавитах, эссеях, исчезнувших коленах еврейских и др.). Поздним отголоском этих идей, возможно, является упоминание о народе царя Ираклия и Семирамиды в среднегреческой и поздней версии Александрии (так называемой Александрии Сербской). Ограждающая этот народ река тоже относится к представлениям о праведном народе (река-преграда — Самбатсион — встречается в еврейской литературе). Первая часть второго рассказа сходна с рассказом о брахманах Палладия, а вторая часть, главная особенность которой в том, что здесь блаженные общаются с ангелами, имеет аналогии в коптском Хождении Пафнутия к пустынножителям Египта, в эфиопской книге Адама (о потомках Сифа), в коптском тексте Деяний апостола Матфея.

Под названием «О рахманах Зосимово хождение» или «Зосимово хождение к блаженным» Х. упоминается в некоторых типах *Списков отреченных книг* (см.: Я ц и м и р с к и й. Библиографический обзор. С. 43). Как и другие апокрифы, оно переписывалось в сборниках вместе с житиями. В русской литературе Х. связано (тематически)

со статьей Палладия о рахманах, вошедшей в Александрию хронографическую и в *Хронику Георгия Амартола*, с хождением Александра Македонского к блаженным в Сербской Александрии, с Хождением трех иноков к Макарию (см.: *Апокриф о Макарии Римском*).

Изд.: Тихо прав о в. Памятники. Т. 2. С. 78—92.

Лит.: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. СПб., 1886. Вып. 1. С. 280—303.

Е. И. Вансва

Христофор (ум. после 1612) — старец Кирилло-Белозерского монастыря, теоретик музыки и писец. Становление Х. как музыканта и книгописца происходило в стенах Чудова монастыря, иноком которого он был около 1586—1600 гг. (ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, № 273, л. 222, 222 об.). На формирование певческого мастерства Х. оказали влияние головщики Иона Клык, Иоасаф Луженый, Феоктист, *Логгин Корова*, вместе с которыми Х. пел в монастырском хоре. Х. был, очевидно, одним из лучших писцов чудовского скриптория. Предполагается его участие в переписке сентябрьского тома *Миней Четьих Чудовских* в 1600 г. (ГИМ, Чуд. собр., № 307/317). Около 1602 г. Х. перешел в Кирилло-Белозерский монастырь, где он поступил в ученичество к старцу Пимену Хомутине (ГИМ, собр. Щукина, № 767, л. 419), который до своего пострижения был крестовым попом князя Михаила Воротынского (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 78/1317, л. 293). Духовное ученичество Х. окончилось в 1605 г., когда он стал монастырским старцем (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 78/1317, л. 293). Самое позднее упоминание о Х. в документах Кирилло-Белозерского монастыря относится к 1611 г. (Н и к о л ь с к и й Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. СПб., 1897. Т. 1, вып. 1. С. СII).

В белозерский период жизни Х. переписал ряд певческих и четьих книг. Некоторые из них сопровождаются краткими литературными предисловиями и послесловиями (ГИМ, собр. Щукина, № 767, л. 419 — сборник крюковой 1602 г.; ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 392/649, л. 320 — минея на июнь 1610 г.; ГИМ, собр. Щукина, № 489, л. 831 об. — Евангелие толковое 1611/1612 г.). Предисловием открывается и певческий сборник 1604 г., содержащий музыкальную азбуку, составителем которой принято считать инока Х. (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 665/922; сборник переписан двумя писцами, один из которых — Х.). Азбука Х., относящаяся к беспометному периоду русской невменной нотации, выделяется обилием сведений и некоторыми новыми способами изложения материала. Помимо перечисления и толкования знамен, коклизника и фитника столповой нотации, в ней помещено одно из наиболее ранних пособий по изучению путной нотации. Шагом вперед был метод объяснения роспевов знамен при помощи мелодических примеров. Капитальный труд Х. обобщил достижения музыкально-теоретической мысли XVI в. и открыл некоторые новые пути ее развития. Путное руководство

в азбуке инокa X. рассматривается в не изданной еще диссертации М. В. Богомоловой «Путевой роспев и его место в древнерусском певческом искусстве» (М., 1983. С. 77—156).

Изд.: Х р и с т о ф о р. Ключ знаменный. 1604 / Публ., пер. М. Бражникова и Г. Никишова; Предисл., комент. и исслед. Г. Никишова. М., 1983.

Лит.: Б р а ж н и к о в М. В. Древнерусская теория музыки. Л., 1972. С. 119—127, 369—375; К о с т ю х и н а Л. М. Книжное письмо в России XVII в. М., 1974. С. 52—55.

С. Г. Зверева

Хроника Иоанна Зонары — византийская хроника, содержащая описание всемирной истории от сотворения мира до восшествия на престол императора Иоанна II Компина. Создана она, как полагают, около 1117 г. Греческий текст издавался неоднократно (см., например: Ioanis Zonarae epitome historiarum / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1871).

Славянский перевод X. Зонары был осуществлен в Болгарии — по предположению П. О. Потапова, около 1170 г. Известно несколько списков полного перевода: 1) список XV в., находящийся в Патриаршей библиотеке в Белграде; прежде он принадлежал библиотеке в Карловаце (о нем см. в публикации: Письма Шафарика к Бодянскому // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. С. 82); 2) список XV—XVI вв., хранящийся в Венской библиотеке (cod. slav., N 126); список подробно описан в работе Вейнгарта (Byzantské kroniky. . . С. 89—103; см. также: Я ц и м и р с к и й А. И. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Пг., 1921. Т. 1. С. 174—176); 3) список XVI в. БАН, 24.4.34; частично (л. 354 об.—442 об.) издан А. Якобс; 4) список библиотеки Хиландарского монастыря, № 332 (по Богдановичу — № 433), 1520—1530 гг. (см.: Б о г д а н о в и ч Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 166); 5) список XVII в. ГБЛ, собр. Ундольского, № 1191; 6) список XV или XVI в. Музея сербской православной церкви в Белграде, № 42; прежде он находился в монастыре Крушедол (см. о нем: П е т к о в и ч С. Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловица, 1914. № 81; М о с и н V. Izvještaj o naučnom putovanju u Srijemsku Mitrovicu-Beograd-Peč-Dečane-Cavtat-Dubrovnik 1953 godine // Ljetopis Jugoslavenske Akademije. Zagreb, 1955. Кн. 60. С. 224); 7) сокращенная переделка X. Зонары из Зографского монастыря, описанная в статье П. Лаврова и книге М. Вейнгарта (Byzantské kroniky. . . С. 139—148). Неизвестна судьба списка XV в., описанного и частично изданного В. Качановским.

Славянский перевод далеко не адекватен оригиналу. Без существенных сокращений сохранено повествование о библейской истории и истории восточных монархий (в списке БАН эта часть занимает л. 1—161 об.), об Александре Македонском (л. 161—177), о его преемниках и истории Иудеи вплоть до разрушения Иерусалима Титом (л. 171—268), об истории Рима от прибытия Энея в Италию и до убийства Юлия Цезаря (л. 268—314 об.). В дальнейшем в тексте опущен ряд фрагментов. После описания гибели Цезаря непосред-

ственно следует рассказ об императорах от Веспасиана до Максимиана (л. 330—354 об.), затем воспроизводятся статьи об императоре Константине Великом (354 об.—363), о византийских императорах от Феодосия I до Маркиана (л. 363—379), об Анастасии (л. 379—383), Маврикии (л. 383—388 об.), Ирине и Константине VI (л. 388 об.—395), об императорах от Теофила до Льва VI (л. 395—436), о Василии II и Константине VIII (л. 436—447). Затем, в нарушение хронологии, во всех списках следует повествование об императоре Льве V Армянине.

П. О. Потапов, рассмотрев взаимоотношения известных ему списков (Вепского, Хиландарского, списка из собр. Упдольского и списка, опубличованного В. Качановским), пришел к выводу, что все они восходят к общему архетипу. По нашим наблюдениям, список БАН — один из лучших, в нем, в частности, нет тех пропусков слов и фраз, которые П. О. Потапов отмечает во всех остальных списках.

Все полные списки Х. Зонары сербские. Сербским же был оригинал ее сокращенной редакции — Паралипомена, который сыграл значительную роль в развитии древнерусской хронографии. Паралипомен известен пока в единственном списке — в составе сборника ГБЛ, Волок. собр., № 655 (бывший № 415). В составе сборника находятся также Житие деспота Стефана Лазаревича, написанное Константином Костеняцким, Житие Стефана Дечанского, составленное Григорием Цамбляком, Житие Илариона Мегленского. Сборник, как установлено недавно А. А. Туриловым, написан в Иосифо-Волоколамском монастыре, частично — книгописцем Ферапонтом Обуховым (см.: Тур и л о в А. А. Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV—первой четверти XVI в.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1980. С. 16).

Название Паралипомен восходит к заголовку предисловия («Сие начало Паралипомену Занарину, царских книг»). П. О. Потапов предложил следующую гипотезу происхождения Паралипомена. Когда списки болгарского перевода Х. Зонары попали в Сербию, инок Афонского Хиландарского монастыря Григорий переписал ее текст с неисправного оригинала 1344 г. для сербского деспота Стефана Душана (а не Стефана Лазаревича, как полагал А. Н. Попов). Позднее, в 1383 г., текст, переписанный Григорием, был сильно сокращен. Переписчик, работавший в XV в., приписал эту сокращенную переработку Григорию и указал, на основании неверно истолкованного им текста приписки в рукописи 1383 г., что Григорий работал в 1408 г.

Паралипомен представляет собой выборки и пересказы полного текста Х. Зонары, при этом имевшего уже те пропуски и перестановку статьи о Льве Армянине, о которых шла речь выше. В Паралипомене вошли рассказы о Давиде, Кире, Ксерксе, Александре Македонском и его преемниках, об основании Рима и первых римских царях, о некоторых римских императорах и императорах византийских: Константине, Феодосии Великом, Анастасии, Маврикии,

Ирине и Константине VI, Феофиле, Михаиле III, Василии I, Льве VI, Василии II, Константине VIII, Льве V Армянине.

Паралипомен был использован при составлении *Хронографа Русского*. Из него в Хронограф были включены статьи «О училищах, иже в Персех» (в гл. 87 Хронографа), «Паки о Кире и о щедролубии его и о Крисе» (в гл. 89), «Царство Дариа Истапсова, иже царствова в Вавилоне лет 20» и начала статьи «Царство Ксерксово» (в гл. 91—92), статьи «Царство I Египетское» и «Царство второе Птолommeво», кончая словами: «и приидоша во Иерусалим» (в гл. 104), фрагмент в статье «О Ении» (в гл. 107), два фрагмента в статье «Царство 21 Севирово» (в гл. 116), фрагмент в статье «Царство 30 Дикиево и Валерианово» (в гл. 116), статья «О Онории цари» до слов «царствова лет 30» (в гл. 128), статья «О турках и о начальнице их Аламундаре» (в гл. 135), фрагмент в статье «О коркодиле» и статья «О туркох» (в гл. 141), статья «О князи рузтем» (в гл. 169), а также ряд мелких выписок.

Составитель Западнорусской редакции, обратившись к Паралипомену, сделал из него ряд новых выписок (см.: Русский хронограф: Хронограф Западнорусской редакции // ПСРЛ. Пб., 1914. Т. 22, ч. 2. С. 7, 10, 20, 115). Фрагменты из Паралипомена включены также в текст русского списка перевода *Хроники Константина Манассии* (ГПБ, Соф. собр., № 1497, л. 9, 390—392).

Изд.: Бодянский О. Паралипомен Зонарин // ЧОИДР. 1847. № 1; Kačalovskij V. Iz srbsko-slovenskoga prievoda bizantinskoga ljetopisa Joana Zonare // Starine. Zagreb, 1882. Kn. 14. S. 125—172; Jacoby A. ZONARAS-Zonara: Die byzantinische Geschichte bei Joannes Zonaras in slavischer Übersetzung. München, 1970 (Slavische Propyläen. Bd 98).

Лит.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 111—116, 122, 140—142, 146, 151—152, 162—163, 165—166, 169—171, 221, 224—225; М., 1869. Вып. 2. С. 9—15; Нстрип В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 281—282; Лавров П. Югославянская переделка Зонары // ВВ. СПб., 1897. Т. 4, вып. 3—4. С. 452—460; Шахматов А. А. К вопросу о происхождении хронографа // СОРЯС. 1899. Т. 66. № 8. С. 15; Ровапов С. П. 1) Заметки по вопросу о русских хронографах // ЖМНП. 1904, янв. Отд. 2. С. 104—106; 2) Хронограф Западнорусской редакции: К вопросу о его издании // ЛЗАК за 1912 г. СПб., 1913. Вып. 25. С. 10, 16; Потанин П. О. Судьба хроники Зонары в славянорусской литературе // ИОРЯС. 1918. Т. 22, кн. 2. С. 141—186; Weingart M. Byzantské kroniky v literatuře cirkevněslovanské. V Brastislavě, 1922. Č. 1. S. 84—159; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 44, 181—183, 197—198, 201.

О. В. Творогов

Хроника Константина Манассии — стихотворная хроника византийского писателя XII в. Константина Манассии, переведенная в XIV в. в Болгарии для царя Ивана Александра. Сохранились три списка среднеболгарского перевода (Синодальный список — ГИМ, Синод. собр., № 38, XIV в.; Ватиканский список — Cod. Vaticanus, slav. II, XIV в.; Тульчанский список — Библиотека Румынской Академии наук (Бухарест), slav. № 649, XVI в.) и один

список XVI в. сербского письма, хранящийся в Хиландарском монастыре на Афоне (№ 434). Текст X. Манассии по Синодальному списку (с разночтениями по Ватиканскому и Тульчанскому спискам) был издан И. Богданом (*Cronica lui Constantin Manasses / Traducere mediobulgară făcută pe la 1350. Text și glosar de Ioan Bogdan. Cu prefață de prof. I. Bianu. București, 1922; переиздание: Богдан И. Die slavische Manasses—Chronik / Mit einer Einleitung von I. Schröpfer. München, 1966 (Slavische Propyläen. Bd 12)*). Перевод X. Манассии по Ватиканскому списку был издан проф. Ив. Дуйчевым (Летописца на Константин Манаси. София, 1963)). Им же подготовлено исследование и издание миниатюр Ватиканского списка (см.: Дуйчев Ив. Миниатюрите на Манасиевата летопис. София, 1962). В 1988 г. вышло издание X. Манассии по всем болгарским спискам, подготовленное М. А. Салминой.

X. Манассии в списке, текстуально сходном с Ватиканским, попала на Русь не позднее нач. XVI в. Этот список до нашего времени не сохранился, и мы располагаем лишь тремя поздними (XVII в.) списками русского извода: Софийским списком (ГПБ, Соф. собр., № 1497) и двумя списками из собрания ЛОИИ (собр. Лихачева, № 21 и собр. Археографической комиссии, № 140). Оба последних списка содержат лишь начало текста X. Манассии.

В истории древнерусской литературы X. Манассии сыграла значительную роль. В ней излагается всемирная история, при этом основное внимание уделено истории Рима и особенно Византии; поэтому X. была широко использована при составлении *Хронографу Русского* как основной источник для изложения истории Византии. Кроме того, в X. Манассии содержится история Троянской войны как в ее основном тексте, так и во входящей в состав Ватиканского и Софийского списков (а также списка — источника Русского хронографа) южнославянской переводной повести о Троянской войне — «Притче о кралех». На основе этой повести и основного текста X. Манассии древнерусским книжником была составлена *Повесть о создании и поплении Тройском*, входящая в состав Русского хронографа. Большое влияние оказали на древнерусское историческое повествование система образов и стиль X. Манассии. Помимо того, что ее текст в несущественной стилистической переработке вошел в состав Русского хронографа, стилистические приемы X. Манассии использовались автором *Казанской истории*, авторами повестей о Смуте, входящих в состав Русского хронографа редакции 1617 г. Фрагменты из X. Манассии вошли в состав Повести о зачале Москвы.

Известность X. Манассии определялась тем, что почти три четверти ее текста вошло в состав всех редакций Русского хронографа, а через его посредство также в состав *Летописи Пиконовской*, второго и третьего томов *Летописного свода Лицевого*. Текст русских списков X. Манассии пока не издан. А. Н. Веселовский опубликовал лишь текст «Притчи о кралех» по Софийскому списку.

Изд.: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. II. Славяно-романский отдел // СОРЯС. 1888. Т. 44, № 3. С. 101—118; ПЛДР.

Первая половина XVI в. М., 1984. С. 268—317, 693—700 (фрагменты); Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературных. София, 1988.

Лит.: Чертков А. Д. О переводе Манассиной летописи на словенский язык // Русский исторический сборник. М., 1843. Т. 6, кн. 1—2. С. 1—183; Лазаревский А. М. 1) Записка о Русском хронографе // ИпоРЯС. 1860. Т. 8, вып. 5. Прил. к протоколам. Стб. 384—390; 2) К записке о Русском хронографе // Там же. Т. 9, вып. 2. Прил. к протоколам. Стб. 115—127; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 99—186; 1869. Вып. 2. С. 4—7, 18—19; Васенко П. Г. Заметки к статьям о Смуте, включенным в хронограф редакции 1617 года // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платопову. Пб., 1922. С. 248—269; Орлов А. С. Хронограф и «Повесть о Казанском царстве» // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 188—193 (СОРЯС. Т. 101, № 3); Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 73—75; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 337—346 (то же см.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1956. С. 92—99); Салмина М. А. 1) «Ентипарий» в «Повести о зачале Москвы» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 362—363; 2) Источники «Повести о зачале Москвы» // Там же. 1960. Т. 16. С. 245—247; 3) Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 44—46, 65—68; 4) Новонайденные тексты Хроники Константина Манассии // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.; Л., 1976. С. 355—359; 5) Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 279—287; 6) Хроника Константина Манассии и литературный стиль XVI в. на Руси // Русская и грузинская средневековая литература. Л., 1979. С. 99—104; 7) Хроника Константина Манассии и стиль «второго монументализма» на Руси // Българско Средновековие: Българско-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Иван Дуйчев. София, 1980. С. 260—262; Дуйчев И. С. Одна читата из Манассиной хроники в среднеболгарском переводе // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 647—649; Творогов О. В. 1) К истории жанра Хронографа // Там же. 1972. Т. 27. С. 206—220; 2) Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. Л., 1972. С. 151—152, 162—166 (сер. «Лит. памятники»); 3) Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 180—181, 196—200; 4) Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 16—22; Буяклиев И. Манасиевата Хроника и средновековното езиково и литературно съзнание // Старобългарска литература. София, 1981. Кн. 10. С. 52—58; Mihailă Gh. О некоторых произведениях византийской литературы в славяно-румынских сборниках // Cyril-Methodianum. Thessalonique, 1981. Т. 5. С. 90—112.

М. А. Салмина

Хроника Мартина Бельского — хроника польского историографа и писателя XVI в. Мартина Бельского (ок. 1495—1575), сыгравшая значительную роль в истории древнерусской литературы XVI и XVII вв. Обширный труд Бельского по всемирной истории несколько раз переиздавался (Bielski M. 1) Kronika wszytkiego świata. Kraków, 1551; 2-е изд. — 1554; 2) Kronika, to jest historia świata. Kraków, 1564). Существует предположение о существовании также изданий 1562 и 1582 гг. (см.: Finkel L. Bibliografia historii polskiej. Warszawa, 1955. Vol. 1. № 7152. S. 412). Первое издание (1551 г.), посвященное польскому королю Сигизмунду II Августу, открывалось «Космографией», вслед за которой излагались библейская история, древняя история и христианская (по преимуществу западноевропейская) до 1550 г., после чего следовали несколько

статей об Италии, Германии, Испании, Турции, венгерская и чешская хроники, а затем и польская, доведенная до смерти Сигизмунда I в 1548 г. Второе издание Х. Бельского (1554 г.) состоит из четырех частей. В первых двух излагается всемирная история до 1550 г., в третьей — «Космография», а в четвертой — сведения географического характера, в частности рассказ о плавании Христофора Колумба и Америго Веспуччи. В издании 1564 г. Бельский добавил сведения о Реформации и включил раздел о Московской Руси, основанный на книге С. Герберштейна.

Известно несколько переводов Х. Бельского на русский и украинский языки. Русский перевод сохранился в списках: ГИМ, Синод. собр., № 113 (сер. XVII в.); ГПБ, F.IV.162 (1670 г.); БАН, Арханг. собр., С. 135 (1698 г.). Последняя рукопись (фрагменты из нее даны в «Архангельских губернских ведомостях») состоит из двух томов и является копией с рукописи БАН, Арханг. собр., Д. № 422, посл. четв. XVII в., также состоявшей из двух томов, второй из которых утрачен. Все эти списки восходят к переводу 1584 г., осуществленному с издания 1564 г. Известны также списки белорусского перевода Х. Бельского (ГПБ, F.IV.688) и украинского (Рукопись библиотеки им. Чарторийских в Кракове, № 1273, 1), в составе хронографической компиляции.

Первое издание Х. Бельского (1551 г.) было использовано в 1551—1555/1556 гг. для составления Хронографа Западнорусской редакции (см. *Хронограф Русский*), в котором на основании Х. Бельского изложена история императоров и пап от времени Карла Великого до 1550 г. (см.: ПСРЛ. Пг., 1914. Т. 22, ч. 2. С. 207—228), затем (с. 228—236) следуют переведенные из той же хроники статьи: «О Влосских землях», «О немецком народе и украине», «О Гишпании», «О татарех», «О амазонских женах татарских», «О царех турецких», «О волосех» и далее (с. 235—266) краткие хроники Венгрии и Чехии (последняя доведена до 1527 г.). Однако неизвестно, существовал ли полный перевод Х. Бельского или же были переведены лишь главы, вошедшие в Хронограф. Кроме того, указывалось, что в Описи царского архива упоминается «перевод с летописца польского и перевод с космографии» (см.: ААЭ. Т. 1. С. 353), что дало основание А. И. Соболевскому отождествить этот перевод с переводом, использованным при составлении Хронографа Западнорусской редакции.

Другой перевод (1584 г.) был осуществлен с издания 1564 г. шляхтичем Великого княжества Литовского Амброжием Брежевским, как это явствует из записи на списке ГПБ, F.IV.162. Исследователи понимают эту запись так: во времена Сигизмунда II Августа (ум. 1572) Брежевским был осуществлен перевод Х. Бельского, видимо, на белорусский язык, а позднее, в 1584 г., — на русский. Именно этот перевод дошел до нас в упомянутых выше русских списках Х. Бельского и был широко использован в составе Русского хронографа редакции 1617 г. (и соответственно в восходящих к ней редакциях). В Хронограф вошли в пересказе многочисленные статьи исторического и географического содержания (они перечислены в книге А. Попова «Обзор хронографов русской редакции») — о стра-

нах Востока, о Греции, Риме, странах Западной Европы, Польше, Чехии, сведения о римских папах, статьи об открытии Америки и о населяющих ее народах. Особенно примечательно включение в состав Хронографа статей мифологического содержания (мифы о Зевсе, Вулкане, Орфее и др.). На основании главы X. Бельского «О златом руне и о войне Троянской с греки» была создана повесть «О златом руне волшебного овна», входящая как отдельная глава в состав Хронографа 1617 г. и последующих редакций, а также как отдельная статья в сборники (текст повести издан в кн.: Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Подгот. текста и ст. О. В. Творогова; Комент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. С. 139—147).

X. Бельского явилась также источником для «Синописа» Иннокентия Гизеля (1674 г.) и «Скифской истории» А. И. Лызлова (закончена в 1692 г.), Повести о Скандербеге, герое албанского народа (см.: Повесть о Скандербеге / Изд. подгот. Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. М.; Л., 1957), и повести «О Владиславке девке», исследованной и изданной А. М. Панченко (Чешско-русские литературные связи. С. 63—76).

Изд.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 131—135, 175—180 (фрагменты); А. П. «Кроника, или Описание света, и жителей, и их селений» // Архангельские губернские ведомости. 1877. № 74—79; Амфилохий. Летописец, списаный св. Димитрием в Украйне с готового 2-й редакции до 1617 года с его примечаниями по полям. . . М., 1892. С. 24—27, 30, 35—37, 40—43, 71, 74—75, 88—89, 104, 106—114, 117, 119—120, 147—152, 165, 168—176, 178—180, 187—188, 213—217, 224—228, 303—305, 312, 335, 340—342, 346, 357—358, 365—366, 372, 379—380, 436—438, 456—461; Русский хронограф: Хронограф западнорусской редакции // ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 22, ч. 2. С. 207—266.

Лит.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 87—111; Соболевский И. Переводная литература. С. 53—56, 219—222; Пташицкий С. Л. Западнорусские переводы хроник Бельского и Стрыйковского: (Библиографические занятия) // Новый сборник по славяноведению, изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 372—377; Розанов С. И. Хронограф Западнорусской редакции: К вопросу о его издании // ЛЗАК за 1912 г. СПб., 1913. Вып. 25; Лев В. Украинський переклад Хроніки Мартіна Бельського // Праці Українського наукового інституту. Варшава, 1935. Т. 29, кн. 4; Sieliński Fr. Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawnej historiografii ruskiej // Slavia orientalis. Warszawa, 1965. Roc. 14. N 2. S. 157—162; Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969. С. 35—76; Щапов Я. И., Лимонов Ю. А. История Руси в западноукраинской хронографической компиляции XVI в. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975. М., 1976. С. 196—202; Казакова Н. А. 1) Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Л., 1980. С. 227—256; 2) Полные списки русского перевода «Хроник всего света» Мартина Бельского // АЕ за 1980 г. М., 1981. С. 92—96.

О. В. Творогов

Хронограф Академический — хронографическая компиляция, открытая и исследованная В. М. Истриным в рукописи БАН, 45.13.4 посл. четв. XVI в. Подробное описание рукописи см.: Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других

предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Акад. наук в 1902 г. СПб., 1905. Прил. С. 18—31. С данным списком сходны список ГИМ, собр. Уварова, № 3/18, XV в., являющийся, как доказал В. И. Срезневский, оригиналом для списка БАН, и список ГБЛ, собр. МДА, № 12. В Х. А. входят библейские книги (Пятикнижие, книги Иисуса Наввина, Судей, Руфь, четыре книги Царств, Есфирь), компилятивное сочинение «Плепы Иерусалимли», «Рыдание» Иоанна Евгеника, статья «О втором пленении Иерусалима», *Александрия хронографическая* второй редакции, фрагмент из *Повести временных лет* особой редакции (статьи 986—996 гг.) и «Книга тайн Еноховых» (отсутствует в списке МДА).

Библейские книги, как показал Н. А. Мещерский, читаются в Х. А. в особой своей редакции, восходящей к болгарскому переводу X в. Сходный текст читается, например, в списке ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 1/6 перед текстом *Летописца Еллинского и Римского*. Текст книги Есфирь восходит к древнерусскому переводу с еврейского, осуществленному не позднее кон. XI—нач. XII в. «Плепы Иерусалимли» — компилятивное сочинение, включающее рассказы о взятии Иерусалима Навуходоносором, затем Антиохом Эпифаном и, наконец, Титом. В числе его источников особая редакция «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, фрагменты из 4-й книги Царств, книг пророка Даниила и Иеремии, апокрифическая повесть о пленении Иерусалима, фрагменты из *Хроники Георгия Амартола* и из средневековой еврейской хронографической компиляции «Иосифон», также переведенной в Киевской Руси. Александрия в составе Х. А., как предполагал В. М. Истрин, «не имеет прямого отношения к Хронографу и является позднейшим наслоением». По мнению Н. А. Мещерского, Х. А. мог быть составлен в промежутке от 70-х гг. XV в. до конца столетия.

Лит.: Срезневский В. И. Отчет о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 4. С. 109—123; Истрин В. М. 1) «Хронограф» Академии наук 45.13.4 // Летопись Историко-филологического об-ва при Новороссийском ун-те. Т. 13. Византийско-славянский отдел. Одесса, 1905. Т. 8. С. 313—341; 2) Книги временьяны и образныя Георгия Амартола: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1922. Т. 2. С. 404—408; Мещерский Н. А. 1) «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод // ВВ. М., 1953. Т. 7. С. 78—79; 2) К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода // Учен. зап. Карело-Финского пед. ин-та. Петрозаводск, 1956. Т. 2, вып. 1. С. 204—206; 3) «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 16, 141—142; 4) К истории текста славянской книги Еноха // ВВ. М., 1964. Т. 24. С. 91—108; 5) К вопросу о составе и источниках Академического хронографа // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 212—219; Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 69, 161—174; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 75—76.

О. В. Творогов

Хронограф Ефросиновский см. Ефросин.

Хронограф Русский — хронографический свод, излагающий всемирную и русскую историю и известный в нескольких редакциях,

создававшихся на протяжении XVI—XVII вв. Автор первого фундаментального исследования Х. Р. А. Н. Попов считал, что первая (древнейшая) его редакция является переводом с южнославянского оригинала, дополненным русскими книжниками в нач. XVI в. Однако еще В. Ягич и сербский историк И. Руварец высказали мысль, что Х. Р. — русское произведение, попавшее впоследствии на южнославянскую почву. Это было обосновано в исследованиях М. Н. Сперанского и А. А. Шахматова. Анализируя взаимоотношения редакций Х. Р. и язык памятника, А. А. Шахматов пришел к выводу, что первая редакция Х. Р. была создана в 1442 г. известным агиографом Пахомием Сербом. Впоследствии гипотеза А. А. Шахматова была пересмотрена в работах Б. М. Клосса и О. В. Творогова, и в настоящее время история памятника представляется в следующем виде. Древнейшей из дошедших до нас редакций Х. Р. является так называемая редакция 1512 г., фактически составленная, по мнению Б. М. Клосса, в 1516—1522 гг. Редакция разделена на 208 глав. В Х. Р. излагается всемирная и русская история от сотворения мира до 1453 г., до времени завоевания Константинополя турками. Библейская история, история стран Ближнего Востока, Рима и Византии излагались на основе библейских книг, *Летописца Еллинского и Римского* второй редакции, болгарского перевода византийской *Хроники Константина Манассии*, «Паралипомена Зонары» (см. *Хроника Иоанна Зонары*); были использованы также «*История Иудейской войны*» *Иосифа Флавия* и *Житие Иоанна Предтечи*. В Х. Р. вошло повествование о деяниях и походах Александра Македонского — новая редакция *Александрии хронографической*, основанная на второй редакции памятника, дополненной по *Александрии Сербской*. История Болгарии и Сербии излагалась на основе житий сербских святых: Саввы, Стефана Дечанского и Стефана Лазаревича, а также болгарского жития Илариона Мегленского. Е. П. Наумов высказал предположение, что составитель Х. Р. мог использовать в этих разделах своего труда сербские хронографические источники. История Руси была изложена в Х. Р. на основе летописи, близкой к *Летописному своду Сокращенному* 1495 г. и *Летописи Симеоновской*.

Х. Р. явился первым русским хронографическим сводом, в котором русская история и история южных славян рассматривались как часть истории всемирной, а русское государство выступало как наследник великих держав прошлого, как «третий Рим», единственный оплот православия перед лицом турецкой военной экспансии и идеологической экспансии католического Рима. Эта мысль отчетливо выражена в заключительных словах Х. Р.: турки «поплениши» другие «благочестивые царствия», а Русское государство, напротив, «растет, и мледеет, и возвышается». Историографическая концепция Х. Р. соответствовала взглядам государственных и церковных деятелей нач. XVI в. (не случайно А. А. Шахматов считал автором одной из редакций Х. Р. старца *Филофея*, создателя теории «Москва — третий Рим»), и в частности воззрениям старцев Волоколамского монастыря, в стенах которого, по предположению Б. М. Клосса, и был создан Х. Р.

Х. Р. — выдающийся литературный памятник. Хронист умело связал извлечения из многочисленных источников в единое повествование с четкой композицией, в основе которой хронологически последовательное изложение всемирной и русской истории. Свои источники Х. Р. (исключая лишь летописные тексты), как правило, не цитирует, а пересказывает, благодаря чему памятник обладает в значительной мере единым стилем. В той части Х. Р., где повествуется о римской и византийской истории, преобладает стилистическая манера одного из важнейших источников Х. Р. — Хроники Константина Манассии. Несколько упростив витиеватый слог этой хроники, составитель Х. Р. тем не менее сохранил образность ее языка, присущие ее автору яркие сравнения и метафоры, эмоциональность и экспрессию описаний (этот хронографический стиль рассмотрен в книге Д. С. Лихачева «Русские летописи»).

Вопрос об авторе Х. Р. окончательно не решен. После разысканий Б. М. Клосса и О. В. Творогова стало очевидно, что дошедшая до нас редакция 1512 г. отражает первоначальный вид Х. Р. и что создавалась она позднее, чем это указано в приведенном в 161-й главе расчете лет, согласно которому редакция и именуется «редакцией 1512 г.». Б. М. Клосс полагает, что фраза, на основании которой этот расчет производится, осталась недописанной: «. . . а до сих времен за семь сот. . .». Опираясь на расчет лет, содержащийся в одной из вводных статей к Х. Р. — «Изложении о вере», и корректируя приведенные там данные (согласно которым памятник был создан в X в.!), Б. М. Клосс датирует Х. Р. 1516—1522 гг. Приводя новые данные о составлении Х. Р. в кругах, близких к Волоколамскому монастырю, Б. М. Клосс присоединяется к гипотезе А. Д. Седельникова о *Досифее Топоркове* как авторе первоначальной редакции памятника. Следует, однако, уточнить, что список, переписанный по заказу Досифея Топоркова («замышлением и повелением. . . старца Досифея») в 1538 г., не может быть признан тождественным авторскому (или архетипному) списку редакции. Тем не менее этот список как древнейший положен в основу издания Х. Р. в ПСРЛ. В настоящее время этот список расчленен: начало его хранится в составе сборника ГИМ, собр. Уварова, № 356, а продолжение — в рукописях ГПБ, F.IV.178 и собр. ОЛДП, F.XCVII. Кроме того, к 20-м гг. XVI в. относится список ГБЛ, Волоч. собр., № 650, содержащий первые 105 глав Х. Р.; существовавший, видимо, второй том рукописи не обнаружен.

Известные нам списки Х. Р. редакции 1512 г. целесообразно сохранить это определение, несмотря на коррективы в вопросе о времени создания памятника) многочисленны. С. П. Розанов предложил делить списки этой редакции на пять видов: Основной, Воскресенский (не уступающий Основному в точности передачи архетипа редакции), Сокращенный, Погодинский и Промежуточный. Особенно распространены списки Сокращенного вида, в котором в сокращении передан текст глав 201-й и 203—205-й. На основе редакции 1512 г. создано несколько поздних редакций Х. Р. Западно-русская редакция Х. Р. была составлена, как полагал С. П. Роза-

нов, в Западной Руси не ранее 50-х гг. XVI в. По мнению Б. М. Клосса, первоначальный вид этой редакции, основанной на списке Погодинского вида X. Р. редакции 1512 г. (т. е. близком к списку ГПБ, собр. Погодина, № 1443), был создан в 30-х гг. XVI в. в кругах, близких к митрополичьей канцелярии; возможно, что составителем этой редакции и *Летописи Никоновской* было одно и то же лицо, чем объясняется текстуальная переключка обоих памятников. Существовавшее мнение, что эта редакция вместе с редакцией 1512 г. восходит к общему протографу и что в данной редакции лучше сохранились черты древнейшей редакции X. Р., полностью опровергнуто. Главы в этой редакции не нумерованы, и поэтому она именовалась в научной литературе XIX в. «редакцией, не деленной на главы». Основные отличия Западнорусской редакции (в том виде, в каком она дошла до нас) следующие: она начинается с текста Александрии, в ней почти полностью отсутствуют сведения по русской истории (последняя статья посвящена походу Святослава в 971 г.), после рассказа о взятии Константинополя турками следует большая выписка из *Хроники Мартина Бельского* — сведения по истории западноевропейских по преимуществу государств начиная со времени Карла Великого и до 1531 г. В настоящее время известно 15 списков этой редакции (помимо привлеченных к изданию в ИСРЛ обнаружены еще списки: БАН, 4.7.25 и 19.2.8; ГБЛ, собр. Долгова, № 5867; ГБЛ, Музейн. собр., № 4559; ГБЛ, собр. А. Попова, № 3; ГИМ, собр. Барсова, № 1698; ГИМ, собр. Забелина, № 678; ИРЛИ, собр. Перетца, № 16).

X. Р. Пространной редакции составлен во 2-й пол. XVI в. на основе списка Сокращенного вида редакции 1512 г. Текст этой редакции был существенно переработан: дополнен по библейским книгам и Еллинскому летописцу второй редакции, причем кроме мелких добавлений в редакцию введены новые главы и статьи («Шестоднев вкратце», «Сказание о Мелхиседеке», «Избрание от книги Иова Праведного», *Повесть о белом клобуке*, «О Люторе Мартине», *Житие Константина (Кирилла) Философа* и ряд других).

Первоначальный вид Пространного X. Р. до нас не дошел, мы располагаем лишь списками восходящих к нему редакции X. Р. 1599 г. (списки: БАН, 31.6.27 и ГИМ, собр. Уварова, № 23/1362 — копия списка БАН) и редакции 1601 г. (списки: ГБЛ, собр. Большакова, № 21; ГИМ, собр. Уварова, № 16/1363; ГПБ, собр. Погодина, № 1441; ГБЛ, Музейн. собр., № 4440; кроме того, поздний и дефектный список — ГПБ, собр. Титова, № 143). X. Р. Пространной редакции был использован в различных хронографических компиляциях, а также положен в основу Распространенного вида X. Р. 1617 г. и второго разряда X. Р. 1620 г.

Значительной переработке редакция 1512 г. подверглась в XVII в. Не ранее 1617 г. (как следует из имеющегося в тексте расчета лет) была составлена Основная редакция X. Р. 1617 г. в 169 главах («Книга, глаголемая Гранограф, рекше начало писменом царским родов, от многих летописец, преже от Бытия от сотворения мира. . .»), далее заголовок сходен с заголовком редакции 1512 г.). В редакции

значительно сокращено изложение библейской истории, а изложение русской истории, напротив, расширено. Если в редакции 1512 г. повествование завершается событиями 1452 г., то теперь оно продолжено до нач. XVII в., до воцарения Михаила Федоровича Романова. Особое внимание уделено в Х. Р. событиям Смутного времени. В Основную редакцию вошли также «Сказание Ивана Пересветова о царе турецком Магомете» (см. *Иван Пересветов*), фрагмент из «Хождения» *Трифона Коробейникова* и ряд извлечений из перевода польской Хроники Мартина Бельского: сведения об истории Древней Греции, о возникновении польского и чешского государств, рассказ об открытии Америки; внесено несколько статей, содержащих пересказ античных мифов, в частности содержащаяся в редакции 1512 г. *Повесть о создании и полении Троийском* заменена повестью «О златом руне волшебного овна» — переработкой одной из глав Хроники Мартина Бельского. Редакция делится на несколько видов (сведения о некоторых списках Древнейшего вида редакции см.: ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 177).

Основная редакция 1617 г. подвергалась переработке на основе списка Х. Р. Пространной редакции (или редакции 1601 г.). Эту переработку именуют Распространенной редакцией 1617 г. В ней содержатся, в частности, дополнительные статьи: «Избрание от книги Иова Праведного», «Избрание от книги глаголемья Иудифь», «Отвержение звездочетия и о проименованес дней всея неделя», Житие Константина Философа и др. Текст глав, повествующих о *Иване IV Грозном*, его преемниках и событиях Смутного времени, остался без изменений. Распространенная редакция делится на 179 глав.

Следующим этапом в истории Х. Р. явилась редакция, называемая «третьей», или редакцией 1620 г. Последнее наименование условно, так как известно лишь, что редакция была создана не ранее этой даты. А. Н. Попов выделил в составе редакции 1620 г. три разряда, основываясь на различиях в составе и структуре статей, повествующих о времени от воцарения *Бориса Годунова* до Михаила Федоровича. Однако предшествующий текст Х. Р. существенно варьируется, и списки, относящиеся к одному разряду, значительно разнятся между собой. В списках второго разряда текст Основной редакции 1617 г. переработан и дополнен по Х. Р. редакции 1601 г. (в частности, отсюда в него вошли дополнительные статьи «Избрание от книги Иова Праведного», «От книги глаголемья Руфь», «Отвержение звездочетия и о проименовании дней всея неделя», Житие Константина Философа и др.). В списках первого и третьего разрядов обычно сохраняется текст Основной редакции 1617 г., но отдельные списки обнаруживают индивидуальное сходство то с редакцией 1601 г., то с Распространенной редакцией 1617 г. Особенно существенно различаются тексты Х. Р. разных разрядов в своей заключительной части начиная с описания царствования Бориса Годунова. В текст, восходящий к Основной редакции, включены обильные фрагменты из «Иного сказания», «Сказания» Авраамия Палицына и других источников.

Все редакции Х. Р. получили широкое распространение, до настоящего времени сохранилось несколько сотен списков памятника. Х. Р. входил в различные хронографические и летописные компиляции. Редакция 1512 г. (извлечения из главы 6-й и глав 110—173-й) вошла в состав первых трех томов *Летописного свода Лицевого*; извлечения из глав 167—194-й, 197—199-й и 203—205-й той же редакции вошли в летопись Никоновскую; Пространная редакция Х. Р. (или редакция 1601 г.) в своей общенсторической части вошла в состав обширного хронографического свода (свода 1533 г. в переработке XVII в., по определению Н. А. Насонова; см.: История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 418—450), извлечения из которого издавались в 1790 и 1820 гг. под названием «Русский временник». Х. Р. Западнорусской редакции был положен в основу сербского хронографа.

Изд.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869; Летописец, списанный св. Дмитрием в Украине с готового 2-й редакции до 1617 г. . . / Изд. Амфилохия, епископа Угличского. М., 1892; Статьи о Смуте, извлеченные из Хронографа 1617 года, и отповедь в защиты патриарха Гермогена // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. СПб., 1909. Стб. 1273—1322 (РИБ. Т. 13); Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1; Русский хронограф: Хронограф Западнорусской редакции // ПСРЛ. Пг., 1914. Т. 22, ч. 2; Из Хронографа 1512 года / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // ПЛДР. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 376—415, 716—723; Из хронографа редакции 1617 года / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // ПЛДР. Конец XVI—начало XVII века. М., 1987. С. 318—357.

Лит.: Лазаревский А. М. 1) Записка о Русском хронографе // ИОРЯС. 1860. Т. 8, вып. 5. Стб. 384—390; 2) К записке о Русском хронографе // Там же. Т. 9, вып. 2. Стб. 115—137; Попов А. 1) Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 95—215; 1869. Вып. 2; 2) Библиографические материалы: Хронографы Московского Чудова монастыря // ЧОИДР. 1889. Кн. 3: Р у в а р а ц И. О Цароставнику или цароставним кнѣгамъ, с погледом на важност нѣхovou за срскую повѣстницу // Летопис Матице Српске. Нови-Сад, 1873. Т. 115. С. 38—43 (переизд.: Сборник Илариона Руварца. Београд, 1934. Св. 1. С. 53—59); Ј а г и ć V. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1877. Bd 2. S. 69—74; И с т р и н В. М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893. С. 252—316; Прил. С. 245—343; С п е р а н с к и й М. Н. Сербские хронографы и русский Первой редакции // РФВ. 1896. Т. 35, № 1. С. 1—18; Ш а х м а т о в А. А. 1) Пахомий Логофет и Хронограф // ЖМНП. 1899, янв. Отд. 2. С. 200—207; 2) Путешествие Г. М. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. // ИОРЯС. 1899. Т. 4, кн. 1. С. 200—222; 3) К вопросу о проихождеии Хронографа // СОРЯС. 1899. Т. 66, № 8; 4) Обозрение. С. 133—145; Р о з а н о в С. П. 1) Заметки по вопросу о русских хронографах // ЖМНП. 1904, янв. Отд. 2. С. 92—136; 2) Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и Русский хронограф // ИОРЯС. 1906. Т. 11, кн. 2. С. 62—97; 3) Хронограф редакции 1512 г.: К вопросу об издании Хронографа // ЛЗАК. СПб., 1907. Вып. 18. С. 1—16; 4) Хронограф западнорусской редакции: К вопросу об его издании // Там же. 1913. Вып. 25. С. 1—20; 5) Время составления первоначальной редакции русского Хронографа // ИОРЯС. 1926. Т. 30. С. 311—322; П л а т о н о в С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 80—103, 418—420; В а с е н к о П. Г. Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 года // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 248—269; О р л о в А. Хронограф и «Повесть о Казанском

царстве» // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского: Статьи по славянской филологии и русской словесности. Л., 1928. С. 188—193; Седелъник А. Д. Досифей Топорков и Хронограф // Изв. АН СССР. VII сер. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 9. С. 755—773; Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 331—350; 2) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 13—24, 90—99; 2-е изд. М., 1970. С. 11—22, 81—89; Творогов О. В. 1) О Хронографе редакции 1617 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 162—177; 2) Русский хронограф и задачи его изучения // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 48—55; 3) К изучению древнерусских хронографических сводов (II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции) // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 393—404; 4) К истории жанра хронографа // Там же. С. 203—226; 5) Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 32—45, 160—234 (Жлосс Б. М. [Рецензия] // История СССР. 1977. № 3. С. 181—184); Жлосс Б. М. 1) О времени создания Русского хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 244—255; 2) Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV—первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. 6. С. 115—126; 3) Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 157—177; Горина Л. В. 1) Антиперитические сочинения Евфимия Тырновского в Русском хронографе редакции 1512 г.: (к истории болгаро-русских культурных связей конца XIV—нач. XVI в.) // Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 265—274; 2) О болгарских материалах в Русском хронографе редакции 1512 г. // Българско средновековие: България-съветски сборник в чест на 70-годишната на проф. Иван Дуйчев. София, 1980. С. 265—269; Рыбин В. А., Творогов О. В. Материалы к классификации списков Русского хронографа // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 140—156; Салмина М. А. 1) Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа // ТОДРЛ. Л., 1978. Т. 32. С. 279—287; 2) Античные мифы в Хронографе 1617 г. // Там же. Л., 1983. Т. 37. С. 311—317; Турилов А. А. 1) Был ли сербом составитель Русского хронографа? // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 55—62; 2) К вопросу о болгарских источниках Русского хронографа // Летописи и хроники: Сб. статей. 1984 г. М., 1984. С. 20—24; Наумов Е. П. Сербские главы и разделы Русского хронографа: (Итоги и задачи исследования сербских источников Хронографа редакции 1512 г.) // Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982. С. 102—122; 3 и 6 о ро в В. К. О выкладке лет в Русском хронографе // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 411—412; Плигузов А. И. Противостояние митрополичьей и вассиановской кормчих накануне судебного заседания 1531 года // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 40—43.

О. В. Творогов

Хронограф Софийский — хронографическая компиляция, известная в настоящее время в единственном списке (ГПБ, Соф. собр., № 1454, л. 334—376), обнаруженном В. М. Истриным. Х. С. содержит изложение всемирной истории от сотворения мира до времени византийского императора Константина VII Багрянородного (913—959) и составлен из ряда источников: Шестоднева (см. *Шестодневы*), беседы Иоанна Златоуста о сотворении мира, *Хроники Георгия Амартола* и *Хроники Иоанна Малалы*. Извлечения из Хроники Малалы в составе Х. С. представляют особую ценность, поскольку в Х. С. сохранились фрагменты этой хроники, не вошедшие в какой-либо другой древнерусский хронографический свод. Х. С. обнаруживает текстурально близость также с хронографом-протографом *хронографов Архивского и Виленского*, с «Прибавлением к палее» (см. о нем: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 127—

129) и *Летописцем Еллинским и Римским*. Софийский список относится к XVI в., однако восходит, без сомнения, к более древнему оригиналу.

Изд.: Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов: 2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы» // ТОДРЛ. Л., 1982. Т. 36. С. 188—221.

Лит.: Истрин В. М. Краткий хронограф с Хроникой Иоанна Малалы // ЖМНП. 1903, нояб. С. 167—185 (то же см.: Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. I—V. СПб., 1906. С. 52—70).

О. В. Творогов

Хронограф Тихонравовский — хронографическая компиляция, названная так В. М. Истриным и известная в одном списке XVI в.: ГБЛ, собр. Тихонравова, № 704. Она содержит изложение всемирной истории от сотворения мира до царствования Констанция Хлора. Среди источников Х. Т. — *Палей толковая*, библейские книги, *Хроника Иоанна Малалы* (при этом некоторые фрагменты, вошедшие в Х. Т., отсутствуют в других известных нам славянских рукописях), «*Христианская топография*» Козьмы Индикоплова. Вторая часть Х. Т. восходит не к Полной хронографической палее (см. *Палей хронографическая*), как полагал В. М. Истрип, а к *Хронографу Троицкому* или сходному с ним тексту. В этой части читаются, в частности, апокрифы о Пилате и о прении Петра и Павла с Симоном волквом, а также особый рассказ о взятии Иерусалима Титом, сходный с находящимся в составе *Летописца Еллинского и Римского* второй редакции. Х. Т. не опубликован, за исключением фрагментов из *Хроники Иоанна Малалы*, входящих в его состав.

Изд.: Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги пятнадцатая—восемнадцатая и приложения // СОРЯС. 1915. Т. 91, № 2. С. 49—52.

Лит.: Истрин В. М. Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова // ИОРЯС. 1912. Т. 17, кн. 3. С. 4—30; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 65—67, 72—73, 82—85, 91—94.

О. В. Творогов

Ц

Царственная книга — одна из частей *Летописного свода Лицевого*, составленного по заказу Ивана IV Грозного. Свое название Ц. к. получила согласно помете, читающейся на полях рукописи (ГИМ, Синод. собр., № 149). Замысел и начало исполнения Лицевого свода приходятся на бурное время опричнины. Поэтому изложение обширного исторического материала в своде подчинено идее прославления царской династии, утверждения самодержавной власти царя.

Работы по иллюстрированию наиболее злободневной последней части Лицевого свода с изложением событий 1533—1568 гг. (время правления Ивана Грозного) были приостановлены около 1575 г., в момент обострения внутриполитической борьбы.

По указанию Грозного текст этой части свода подвергся значительным исправлениям со стороны неизвестного редактора, на полях появились знаменитые приписки, обличающие боярские заговоры и измены. Копирование отредактированного текста сопровождалось его исправлением по *Летописцу начала царства*. Так образовались «повторные» листы Лицевого свода. Они написаны на совершенно новой бумаге, взятой из запасов Печатного двора в Александровской слободе, потому что остатки бумаги Лицевого свода были переданы для пужд того же Печатного двора. Такое же сочетание двух сортов бумаги — основной части Лицевого свода и «повторных» листов — обнаруживается в печатной Псалтири 1576 г., что и позволяет датировать последний этап работы над Лицевым сводом 1576 г. Но оформление этой части свода по каким-то причинам не было завершено: миниатюры так и остались нераскрашенными, ряд рисунков выполнен лишь в карандашном наброске, а в некоторых случаях для миниатюр и вовсе оставлены только чистые места.

До сер. XVII в. последняя часть Лицевого свода хранилась в виде неперецеленных и перепутанных листов, и лишь в 3-й четв. XVII в. произошло ее разделение на два тома — Синодальную летопись и Ц. к. В Синодальную летопись включены тексты первоначального варианта статей 1535—1542, 1553—1560, 1563—1564, 1566—1567 гг. (не сохранились начало и окончание летописи и ряд известий за 1560-е гг., статьи же 1542—1553 гг. оказались в составе Ц. к.). Ц. к. содержит «повторные» варианты статей 1533—1542 гг. и первоначальные тексты за 1542—1553 гг., продублированные отдельными листами «повторного варианта».

Рукопись Ц. к. была обнаружена историком М. М. Щербатовым, который привел ее в некоторый порядок и опубликовал в 1769 г. В исторической литературе длительное время господствовало ошибочное мнение, что Ц. к. является копией Синодальной летописи, подвергнувшейся новой редакционной правке. Это привело к искаженному представлению о ходе работ над Лицевым сводом и к неверной его датировке.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13, 2-я пол.

Лит.: Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893; Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // ИЗ. М., 1947. Т. 23. С. 251—289; Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 117—148; Шмидт С. О. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного // Советские архивы. 1966. № 1. С. 31—36; № 2. С. 46—51; Зимиц А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. С. 187—211; Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи // Летописи и хроники. Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 271—285; Крыпников Р. Г. Загадка древнего автографа // ВИ. 1977. № 9. С. 98—112; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 224—226;

Ч

Чаша государева заздравная — речь, провозглашавшаяся при поднятии чаши, чарки, братины за здоровье государя: князя или царя. Обряд заздравной чаши восходит, вероятно, к языческим временам. По словам И. Снегирева, он известен у древних греков и римлян (Снегирев И. Заздравные чаши. С. 199). Славяне-язычники пили братины в честь богов, а также «о долех своих» (Срезневский И. И. Святилища и обряды языческого богослужения славян. Харьков, 1848. С. 99). Заздравную чашу надо было непременно допивать до конца, ибо, по поверью, кто не допивает, тот зла желает. В знак того, что в братине не осталось ни капли, пьющие опрокидывали ее себе на голову (Снегирев И. Заздравные чаши. С. 202).

Обычай испивать заздравные чаши государевы был повсеместным на Руси. В Чиновнике Московского Успенского собора XVII в. (см.: Голубцов А. Чиновники Московского Успенского собора // ЧОИДР. 1907. Кн. 4. С. 146) указывается: «. . . царская чаша говорится на всех пирех и именинах после праздничной (т. е. после чаши в честь отмечаемого церковного праздника. — Л. С.) или пред господиновою». Непременной была чаша государева заздравная в дни царских именин, по случаю которых воеводы, митрополиты, монастырские власти устраивали «столы» (Котошихин Г. О России. . . С. 18). При царском дворе придавали большое значение этому ритуалу как выражению преданности и благоволения к самодержцу. Нарушение его считалось великим преступлением, почти наравне с оскорблением царского величия (Снегирев И. Заздравные чаши. С. 203). Известна царская грамота от 22 февраля 1643 г. Верхотурскому воеводе князю Никифору Мещерскому о наказании Троицкого соборного священника Иакова за произнесение им во время пения над чашей за царское здоровье «непристойных речей» (АИ. 1841. Т. 3, № 223. С. 381). Есиповская летопись рассказывает о том, как были схвачены прямо за «столом переговоров» у Тобольского воеводы Данилы Чулкова сибирский хан Сейдяк и другие «парламентеры» за то якобы, что при испитии чаши государевой, предложенной им как своего рода испытанию, поперхнулись и этим выдали свое «зломыслие».

‡ К. Никольский предложил различать светский, гражданский чин чаши государевой и чин церковный, духовный (Никольский К.

О службах. . . С. 237—238). Однако правильнее говорить о светском и церковном обрядах чаши государевой, поскольку чин чаши государевой (иначе чин «За приливок о здравии государя»), т. е. развернутое действо, предшествующее испитию чаши, был составлен в церковной среде только в XVI в. (с этого времени он излагается в богослужебной литературе).

О том, как возглашалась чаша государева в монастырях, можно судить по поучению о тропарных чашах, атрибуция которого спорна (опубликовано: Учен. зап. 2-го отд. имп. Академии наук. СПб., 1856. Кн. 2, вып. 2. С. 199; ПС. 1858. Ч. 3. С. 256). В указанном поучении обличается неумеренное питье за трапезой и для ограничения чаш за столом повелевается пить не более трех тропарей: один в начале обеда, во славу Христа, другой в конце обеда, прославляя деву Марию, и последний — господарю. Какой именно тропарь пелся над чашей государевой — неизвестно. Вероятно, исполнялись разные песнопения, в том числе и те, которые позднее были объединены в чине «За приливок о здравии государя» и в которых варьировалось моление о спасении и здравии царя, о победе его «на сопостаты».

Испитию чаши в монастырях сопутствовало не только пение тропарей, но и специальное возглашение, произносившееся, вероятно, перед пением тропаря. Текст такого возглашения сохранился в церковном (Иерусалимском) Уставе редакции 1401 г. (текст цитируется по рукописи 1409 г. ГПБ, Фп.1.25, л. 18): «Се на трапезе о здравии цесаремъ или княземъ. В долголетний живот здравия, смирения, благопоспешения, и спасения, и на врагы победа благочестивому и христолюбивому великому князю». Этот текст с добавлением в конце «многа лета господству его» содержится также в рукописном Требнике XVI в. (ГПБ, Солов. собр., № 1088/1197, л. 214), в Служебнике XVII в. (см.: Я ц и м и р с к и й А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек: Национальный музей древностей. Рукопись № 73. СПб., 1905), в соловецком Уставе XVIII в. (ГПБ, Солов. собр., № 1057/1166, л. 41 об.), где этот текст внесен в чин «За приливок о здравии государя» и где ему предшествует указание: «дьякон кличет велегласно».

Последование (изложение) церковного чина «За приливок о здравии государя», озаглавленного в рукописях по-разному (см.: Бурилина Е. Л. Чин «За приливок о здравии государя». С. 209, примеч. 24), встречается в рукописных и старопечатных требниках, уставах, служебниках, певческих обиходах, канонниках (указания на них см. в статьях А. С. Орлова, Е. Л. Бурилиной; публикации см. в работах К. Никольского и А. С. Орлова). Текстологического исследования этих текстов пока нет.

Чин заздравной чаши государевой объединил различные жанры молений за царя: 1) песнопения, входившие в различные службы, в том числе Многолетие (тексты песнопений и их исследование см. в статье Е. Л. Бурилиной); 2) молитву «Владыко многомилостиве», встречающуюся в требниках и служебниках вне чина с кон. XV в. и содержащую в наиболее полном виде целый ряд благопожеланий

царю (указания на списки молитвы см. в статье Е. Л. Бурилиной); 3) заздравную речь при поднятии чаши — здравицу. В действительности совершение чина не всегда точно соответствовало предписаниям, как ясно из двух сохранившихся свидетельств — письменного Устава Новгородского Софийского собора XVII в. (см.: Никольский К. О службах. . . С. 249, примеч. 1) и Сказания о поставлении патриарха *Иова* в 1589 г. (см.: РИБ. Т. 2. С. 323).

Светская чаша государева могла быть различной по содержанию, в зависимости от того, где и по какому поводу она возглашалась. Примером дипломатически-этикетной чаши государевой могут служить возглашения при подаче царских яств и питья прибывшим иностранным особам в их хоробах (текст их регламентировался специальными «наказами», подписывавшимися думным дьяком). Так, например, в 1634 г. стольник, предлагая государеву чашу послу Якову Руселю, должен был произнести: «Чаша великого государя и великого князя Михаила Феодоровича, и многих государств государя и обладателя. Дай, господи, великий наш царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Русии самодержец, здоров был» (Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 358—359). За царскими столами могли звучать такие же чаши-здравницы, но сочинялись и тексты более пространные, содержащие целый ряд благопожеланий. Сохранились чаши государевы XVI—XVII вв., адресованные царям *Ивану Васильевичу Грозному*, *Борису Годунову*, *Михаилу Федоровичу*, представляющие интерес не только с публицистической, но и с литературной точки зрения.

Изд.: Молитва, сочиненная по повелению царя Бориса Феодоровича Годунова для чтения на трапезах и вечерах о благоденствии его дома: (Выписка из рукописного Хронографа) // Отечественные записки. 1824, янв. С. 66—73; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 11. Примеч. 138; Мясников М. О старинной заздравной чаше // Летописи общества истории и древности российских. М., 1827. Ч. 4, кн. 2. С. 9—11; Снегирев И. Заздравные чаши // Ведомости московской городской полиции. 1848. № 45. С. 353—355; То же: Русский архив. 1909. № 6. С. 199—203; Сахаров И. П. Русские древности. 1. Братины // Записки имп. археологического общества. СПб., 1851. Т. 3. С. 61—64; Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 358—359; СПб., 1852. Т. 3. Стб. 391—393; Вельтман А. Московская Оружейная палата. 2-е изд. М., 1860. С. 103—104, 116—119; ЛЗАК. 1861. СПб., 1862. Вып. 1, ч. 3. С. 8—9; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 216—218, 321; Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Т. 1. С. 487, 489—491 (статья «Разрядные книги»); Барсуков Н. Рукописи археографической комиссии. СПб., 1882. № 40. С. 25—26; Никольский К. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885. С. 237—256 (гл. «Чин за приливом о здравии царя»); Шляпки И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898. Примеч. С. 78—81 (ПДП. № 128); Георгиевский Г. Чаша государева. Литературный памятник XVII в. // Старина и новизна. 1907. Кн. 12. С. 307—319; Орлов А. С. Чаши государевы // ЧОИДР. 1913. Кн. 4. С. 1—69; отдельно: М., 1913; Бурилина Е. Л. Чин «За приливом о здравии государя»: (история формирования и особенности бытования) // Древнерусская литература. Источниковедение. М., 1984. С. 204—214.

Лит.: ДРВ. 1788. Ч. 4. С. 250; Ч. 6. С. 25; 1789. Ч. 11. С. 183, 185, 187; ААЭ. 1836. Т. 1, № 184, 264; Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание старопривольного первоклассного Соловецкого

монастыря. М., 1836. Ч. 1, отд. 3. Б. Гл. 4. С. 274; АИ. 1841. Т. 3, № 223. С. 381; 1842. Т. 4. С. 14; ДАИ. 1853. Т. 5, № 26. С. 99, 103; Макарий, архимандрит. Описание Новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря. М., 1858. С. 80; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 316, 322; 1876. Т. 3. Стб. 157—160; Всенижайшее доношение Августина Майера и Горация Гулиельма Кальвунция, царских московских посланников // ЧОИДР. 1882. Кн. 1, отд. 3. С. 16; Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1896. Вып. 1. С. 68, 119; Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1899. Т. 3. С. 38; Крамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 10. Примеч. 34; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 18, 50, 63.

Л. В. Соколова

Чудеса **Николы Кочанова** — видимо, записанные в XV или в XVI в. устные сказания о юродивом, подвизавшемся в Новгороде и скончавшемся 27 июля 1392 г. Ч. первое см. в рукописях ГБЛ, собр. Ундольского, № 344, XVII в.; ГИМ, собр. Уварова, № 1799 (523) (385), XVI в.; № 1230 (100) (135), XVII в.; Ч. второе — в двух первых рукописях. Пересказанные очень кратко в рукописи ГПБ, Q.I.365, л. 117—118 об. под общим заглавием «О святем Николае Кочанове» и обрамленные вступительным и заключительным предложениями, они получили подобие краткой записи о святом, на основании каких обычно создавалось житие. В научной литературе принято называть эти записи Краткой редакцией Жития, однако древнерусские книжники, по всей вероятности, не рассматривали их как житие, поэтому и не называют их житиями, а именуют просто: «О отшельнице авве Никодиме», «О святем Николае Кочанове» и т. д. Поэтому вряд ли прав Филарет (Русские святые. . . С. 442—447), назвавший записку о двух Ч. святого в рукописи Q.I.365 Кратким житием. В связи с этим и возник, вероятно, литературный миф о не существующем на самом деле Житии Николы Кочанова.

Кроме двух Ч. Николы Кочанова в рукописях начиная с XVI в. встречается «Слово похвальное Николы Саллосу, сиречь уроду Христа ради, нарицаемому Кочанову» (нач.: «Приспе нам, братие, светлое празднество и память уродиваго»). В. О. Ключевский предположил, что оно было написано в связи с обновлением в Новгороде его памяти в сер. XVI в., о чем свидетельствует построение каменной церкви над гробом его в 1554 г. (ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. Стб. 157). По справедливому замечанию В. О. Ключевского, Похвальное слово Николу Кочанову имеет мало значения и литературного и фактического: обещаясь описать жизнь Николы, оно сообщает очень скудные и неопределенные черты, переплетая их общими местами (Древнерусские жития. С. 268—269). Похвальное слово см. в рукописях: БАН, Арханг. собр., Д. 233, л. 620—626 об., XVIII в.; ГИМ, собр. Уварова, № 1799 (523) (385), XVI в.; ГБЛ, собр. Ундольского, № 344, XVII в. У архимандрита Леонида в описании рукописи собр. Уварова, № 1799 (523) (385) перечислены следующие тексты о Николу Кочанове: Ч. блаженного, Похвальное слово ему и (на л. 48) — «Поведание о сем блаженном Николу, како и откуда бе» (Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-рос-

сийских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 83). Однако это не отдельное произведение, а часть Похвального слова; поскольку заглавие этой части написано в рукописи киноварью, Леонид принял ее за новое сочинение о Николе.

В минее июльской под 27 июля (день памяти святого) помещена служба Николе Кочанову, которая встречается и в рукописях (см.: Б а р с у к о в. Источники агиографии). Однако, по наблюдению Филарета (Русские святые. . . С. 442), это та же служба, что и Андрею Юродивому (2 октября), лишь с заменой имен.

Изд.: Служба Николаю Юродивому Новгородскому с Житием. СПб., 1831.

Лит.: Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836. С. 211; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 268—269; Ф и л а р е т. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд., доп. СПб., 1882. Т. 2 (май—авг.). С. 442—447; С т р о е в. Словарь. С. 417; Б а р с у к о в. Источники агиографии. Стб. 398—400.

Л. В. Соколова

ДОПОЛНЕНИЯ

Горбатый Андрей Иванович (1-я пол. XVI в.) — служилый князя Федора Васильевича Овчины Телепнева Оболенского, автор писем. Г., очевидно, попал вместе с князем в плен при взятии литовскими войсками Стародуба в августе 1535 г. В сентябре того же года находящийся в плену Ф. В. Оболенский послал его в Москву к своему всесильному двоюродному брату Ивану Федоровичу Овчине Телепневу Оболенскому «о своих потребах»; одновременно Г. выполнял дипломатические поручения (Сборник имп. Русского Исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 14). Сохранившиеся письма Г. написаны, видимо, уже после его возвращения в Литву к своему господину: 1) сыну князя Ф. В. Оболенского Дмитрию о том, чтобы он старался выкупить отца из плена и следил за поведением отцовских людей, а также с просьбой оказывать покровительство матери Г. (ГПБ, собр. грамот, оп. 1, № 116); 2) Ивану Васильевичу с благодарностью за присланные подарки и с вопросом о том, дошли ли до него посланные Г. девять рублей (там же, № 118); 3) матери Оксинии Ивановне с хозяйственными распоряжениями (о продаже коней); здесь же братьям с увещанием слушаться мать и не вести разгульную жизнь (там же, № 119); 4) племяннику князя Ф. В. Оболенского Василию Федоровичу с просьбой покровительствовать матери, братьям и людям Г. (там же, № 120); 5) Михаилу Григорьевичу с благодарностью за подарки (там же). В реестре писем литовских пленников, приложенном к письму Ф. В. Оболенского, которое адресовано И. Ф. Оболенскому, названы и другие — не сохранившиеся послания Г. «до Якова Снозина, и до Ивана Недюрова, и до Некраса Овисимовича» (ГПБ, собр. грамот, оп. 1, № 112).

Письма Г. почти лишены литературных претензий, содержание их исчерпывается обсуждением деловых вопросов. Из этикетных эпистолярных мотивов можно, пожалуй, указать только гипертрофированное выражение радости о благополучии адресата («Если твое здоровье слышу, своего государя, того дня горкое мое сердце радостью обвеселится») и щедро расточаемые благодарности за «поминки». Примечательно также, что автор позаботился изготовить копию со своих писем. То, что они дошли до нас не в оригинале, устанавливается просто: во-первых, на одном листке переписаны письма разным адресатам (В. Ф. Оболенскому и Михаилу Григорьевичу), во-вторых, после письма матери и перед письмом братьям в гра-

мотке читается помета: «на одном списке». Можно думать, что копии писем — авторские, так как тем же почерком переписано названное письмо Ф. В. Оболенского, а из слов Г. явствует, что он выполнял при сюзерене обязанности секретаря (ср. «и отец твой, государь мой князь Федор Васильевич мне приказывал, чтобы яз к тебе писэл. . .»). Заслуживает внимания язык писем Г., со свойственными ему вкраплениями полонизмов; к сожалению, напечатаны из них лишь 1-е, 4-е, 5-е.

Изд.: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 2. С. 340—341. № 188, I—III.

Лит.: Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1841—1849 г. СПб., 1886. Вып. 2. С. 297; А н д р е е в А. И. Краткая опись грамот, хранящихся в рукописном отделе Российской Публичной библиотеки. Вып. 1 // ЛЗАК. Пг., 1923. Вып. 32. С. 16—17; Б у д о в н и ц. Словарь. С. 215.

Д. М. Буланин

Житие Иоанна Новгородского — агиографический памятник, посвященный новгородскому архиепископу *Иоанну*, пользовавшемуся большой популярностью в Новгороде. С его именем связано несколько легендарных преданий. Ж. сохранилось в нескольких редакциях и вариантах. Первоначальная редакция Ж. — краткий рассказ-справка о первом новгородском архиепископе (вскоре после рукоположения киевским митрополитом на епископство в Новгороде Иоанн был возведен в сан архиепископа, и после него иерархи новгородской церкви стали носить этот титул). В Первоначальной редакции Ж. сообщается, что Иоанн — сын благочестивых родителей, у него был брат Гавриил, до избрания новгородским епископом Иоанн был священником в церкви Власия, вместе с братом он создал церковь и монастырь Благовещенья, построил несколько церквей в Новгороде (дается их перечень), погребен был в притворе Софийского собора «в мнишеском образе. И бысть скимное имя ему Иоан, преже бяшетъ имя ему Илья». Этот вариант Первоначальной редакции Ж. известен в единственном списке — Прологе нач. XVI в. (БАН, 33.12.4). Другой вариант Первоначальной редакции, отличающийся от предыдущего еще большей краткостью, читается в новгородском Прологе 1479 г. (ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 3933). Этот вариант включен в *Великие Миней Четии*. Какой из вариантов первичен — не ясно, вероятнее всего, что оба восходят к единому протографу. Датированных признаков в тексте нет. Можно предполагать, что Первоначальная редакция Ж. возникла до написания *Сказания о битве новгородцев с суздальцами*, а последнее датируется 40—50-ми гг. XIV в. В Первоначальной редакции Ж. легендарные предания об Иоанне не нашли отражения.

Основная редакция Ж. («Месяца септевриа в 7 день. Житие иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Великого Новаграда и Пскова») состоит из трех частей, которые, хотя они и объединены в цельное повествование, могут восприниматься как самодовлеющие эпизоды. Не случайно вторая и третья части имеют самостоятельные заглавия: «Слово 2-е. О том же о великом святителю Иоанне, архи-

епископе Великого Новаграда, како был въ единой нощи из Новаграда во Иеросалиме-граде и пакы возвратися в Великий Новъград тое же нощи»; «Слово 3-е. О проявлении мощей святого». Перед первой частью Ж., которая самостоятельного заглавия не имеет, идет краткое риторическое житийное вступление этикетного характера, за ним следует повторение первой половины текста Первоначальной редакции Ж., детализированное некоторыми подробностями и дополненное риторическими отступлениями традиционного агиографического характера. Содержание первой части Ж. — рассказ о чуде новгородской иконы Знамения богородицы — житийная редакция Сказания о битве новгородцев с суздальцами. Эта редакция Сказания восходит к «Воспоминанию о знамении», написанному *Пахомием Сербом* в 30-е гг. XV в. После рассказа о битве новгородцев с суздальцами, оканчивающегося краткой похвалой в честь чуда от иконы, следует перечисление построенных Иоанном с братом церквей, повторяющее с небольшими вариациями соответствующее место Первоначальной редакции Ж. За этим перечислением помещена этикетная похвала святому.

Второй эпизод Ж. — рассказ о путешествии Иоанна на бесу в Иерусалим. Бес, искушая Иоанна, забрался в рукомошник святого, но Иоанн его перехитрил: заключил беса в рукомошнике крестным знамением. За освобождение от заклатья бес в течение одной ночи переносит Иоанна в Иерусалим, где тот поклоняется гробу господню, и возвращается в Новгород. За то что Иоанн разгласил тайну этого удивительного путешествия, бес начинает ему мстить: он «мечтанием» заставляет новгородцев видеть в келии Иоанна женские одеяния, выбегает в виде «блудницы» из его келии. Новгородцы обвиняют своего архиепископа в блуде и изгоняют из города: Иоанна сажают с новгородского моста на плот посередине Волхова. Однако бес снова посрамлен: по божьему изволению плот, «никым же пореваем», плывет вверх по течению к новгородской святыне — Юрьеву монастырю. Раскаившиеся новгородцы умоляют Иоанна вернуться на свой святительский престол. В основе данного эпизода лежит широко распространенный в мировой литературе мотив заклятого крестом или крестным знамением беса, в Ж. до нас дошел наиболее ранний вид русской легенды с этим мотивом. Эпизод с закляченным в сосуде бесом, клеветующим на святого, встречается в *Житии Авраамия Ростовского*, он восходит к Ж. К Ж. восходит и рассказ о клевете, возведенной на епископа благодаря козням дьявола, в Повести о Василии, епископе Муромском, *Ермолая—Еразма*. Сюжет второго эпизода Ж. использован А. С. Пушкиным в юношеской поэме «Монах», мотив заклятого крестным знамением беса и чудесного путешествия на бесу нашел отражение и в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством».

Время возникновения легенды о чудесном путешествии Иоанна неизвестно. П. Л. Гусев связывал его с широким развитием на Руси во 2-й пол.—кон. XII в. паломничества в Палестину. В Ж. эта легенда предстает как самостоятельный законченный текст: «Слово 2-е» завершается заключением, в котором автор не только рассуждает по поводу чуда, рассказанного им, но повествует о смерти и погребении

бении Иоанна. В заключении к «Слову 2-му» приводится наставление Иоанна новгородцам, в котором вспоминается и событие, описанное в первом эпизоде Ж., — чудо от иконы Знамения богородицы. В самом конце говорится, что от раки святого происходили многочисленные исцеления.

Третий эпизод Ж. — обретение мощей Иоанна. Событие точно датируется в Ж. — 1440 (1439) г., датировка соответствует летописным данным. Происходило это при новгородском архиепископе Евфимии II (ум. 1458). К этому времени, если верить Ж., гробница Иоанна была забыта (это в известной степени противоречит заключению «Слова 2-го»). Однажды в Софийском соборе упавший небольшой камень разбил большую надгробную плиту над неизвестной могилкой. Осмотрев останки, Евфимий велит снова закрыть гробницу и молит бога, «да проявит ему бог, кто есть лежащий в гробе оном». Во время ночной молитвы Евфимию «очивесть» является увиденный им в гробнице человек и говорит, что он архиепископ Иоанн. Он передает Евфимию божье повеление об установлении в Новгороде памяти «преставльшимся, лежащим в велицей церкви Премудрости: божия княземъ рускымъ и архиепископомъ Великого Новаграда и всемъ православнымъ христианомъ». Евфимий учреждает такую память в Новгороде (4 октября), гробница Иоанна, ставшая вновь известной всем новгородцам, дарует исцеление прибегавшим к ней с верой больным и недужным. «Слово 3-е» оканчивается заключительной похвалой Иоанну. Перед этой похвалой автор в этикетных формулах сообщает, что за свое неверие в святость Иоанна он был наказан болезнью и был прощен по молитве к святому и после своего раскаяния. Здесь же он приводит и историю написания Ж.: «От великих малая же свем и елика смиреню моему возможна, и елика изобретох написана о святем — о рожении и о возрасту его, и о дивных чудесехъ, о житии же и о преставлении. Ина же слышах от неложных свидетелей и от старецъ многолетних. Много же ина повести достойна святаго чюдеса преминух. Сиа же написах, да не забвению предава будут».

Время возникновения каждой из легенд, составляющих Ж., различно, но текст второй и третьей из них дошел до нас только в составе Ж., и наряду с самостоятельностью каждой части Ж. все они в их житийном виде являются частями единого текста. Можно предполагать, что в своем первоначальном виде, как в форме устной легенды, так и в форме письменных текстов (если таковые существовали), все они имели более ярко выраженную проновгородскую окраску (в этом нас убеждает пример переработки в Ж. Сказания о битве новгородцев с суздальцами). В Ж. заметно проявляется общерусская тенденция автора: подчеркивается необходимость чистоты православной веры, покорности власти князя, новгородцы устами Иоанна предупреждаются об опасности союза с нечестивыми и иноверными князьями. Наиболее ранний список Ж. датируется 1494 г. (ГПБ, Солов. собр., № 500/519), обретение мощей Иоанна — 1440 г. В. О. Ключевский датировал Ж. кон. 70—нач. 80-х гг. XV в. Политическая направленность и исторические аллюзии Ж. таковы, что

есть основания еще более сузить рамки этой датировки: Ж. должно было быть написано в период между походами *Ивана III* на Новгород в 1471 и 1478 гг. В. О. Ключевский и В. Яблонский предполагали, что автором Основной редакции Ж. был Пахомий Логофет. Предположение это основывалось на указании авторства Пахомия в заглавии одного из списков Ж. XVII в. Отсутствие имени Пахомия во всех остальных списках Ж., характер Ж. дают основание утверждать, что Ж. было написано не Пахомием. Есть основание предполагать, что Ж. написано не новгородцем, а неизвестным нам москвичом на основе новгородских материалов, в Новгороде.

Сюжетная завершенность каждого из эпизодов Ж. обусловила то, что многие списки Ж. представляют собой либо текст какого-нибудь одного из эпизодов (более всего списков только с текстом «2-го Слова» — о путешествии Иоанна на бесе), либо неполные тексты (чаще всего опускается «Слово 3-е» — о обретении мощей Иоанна). В 5 списках Основной редакции Ж. к тексту добавлена *Повесть о построении Благовещенской церкви*. Несколькими списками представлен вариант Основной редакции Ж., в котором в сообщение о смерти Иоанна включен плач новгородцев: «И множество народа плакахуся и рыдаху велми, и жалостно вопиаху. . .». Ряд более поздних редакций Ж., являющихся переработкой Основной редакции, отличается общей тенденцией — сокращением исходного текста. Это редакции (иногда представленные единичными списками): Сокращенная, Проложная, Косинская, Миней Четых Димитрия Ростовского. В двух последних редакциях в основной текст включен пересказ Повести о построении Благовещенской церкви. В рукописной традиции встречается сокращенный рассказ о путешествии на бесе (списки XVIII в.). В книге А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (М., 1914. С. 167) помещен краткий устный рассказ о путешествии «какого-то архимандрита» на бесе в Иерусалим — изложение соответствующего эпизода из Ж.

Изд.: П. Л. 1860. Вып. 1. С. 245—248; ВМЧ. Сент., дни 1—13. СПб., 1868. Стб. 321—322, 327—345; Макарий. История русской церкви. СПб., 1886. Т. 4. С. 365—368; Петец В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая—10 июня 1915 года. Киев, 1916. С. 59—83; ПЛДР. XIII—середина XV века. М., 1981. С. 454—463.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 161—164; Гусев в П. Л. Новгородская икона святого Иоанна (Илии) архиепископа в деяниях и чудесах. СПб., 1903; Дурново А. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. С. 59—61; Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 109—114; Судakov А. С. Иоанн—Илия // ПБЭ. Т. 6. С. 892—895; Лихачев Д. С. Литература Новгорода XIV—XV вв. // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 261—262; Дмитриев Л. А. 1) Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 232—237; 2) Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 148—185, 284—288; 3) Цикл сказаний об Иоанне Новгородском // История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 169—170.

Л. А. Дмитриев

Житие Саввы Крыпецкого — памятник агиографии, посвященный Савве (ум. 1495), основателю монастыря Иоанна Богослова в Крыпцах, в 22 км к северо-востоку от Пскова. История текста Ж. Саввы не изучена в полном объеме, единственное исследование принадлежит Н. И. Серебрянскому. Из известных ему списков (их количество невелико) Н. И. Серебрянский выделил три редакции Ж. Первая — редакция *Василия—Варлаама* — составлена в 1555 г. известным биографом псковских святых, раздел чудес пополнялся им и в более позднее время — в 1557—1564 гг. В книге «Повесть о начале. . .» текст этой редакции издан с переделками, перестановками и купюрами. Проложное Ж. Саввы (ГБЛ, ф. 256. № 397, XVI в.) очень сжато излагает основные эпизоды из жизни Саввы. Во многом, несмотря на краткость, Проложное Ж. сходно с редакцией Василия, но есть и отличия. К словам Василия о том, что Савва не был псковичем, а пришел сюда из «туждых стран, неции глаголют, яко от Сербския земли, а инем глаголющим, яко от Святыя Горы», автор Проложного Ж. добавляет: «. . . а инем глаголющим, яко литовская страна породи и воспита того». В Проложном Ж. читается иная дата кончины Саввы — 6998 г. вместо 7003 г. Представляет интерес краткое описание внешности Саввы. По мнению А. Х. Востокова (Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 601), Проложное Ж. является сокращением Ж. в редакции Василия—Варлаама. Н. И. Серебрянский не оспаривает этого мнения, полагая, что сделано это было вскоре после появления редакции Василия, но другим автором, чем и объясняются фактические различия между двумя текстами. Сокращением редакции Василия является и текст Ж. в Милютинских минеях, здесь опущены те фрагменты текста, которые не имеют прямого отношения к биографии Саввы (предисловие Василия, автобиографические заметки в описании чудес, похвала Савве).

Изд.: Повесть о начале и основании Псковского Печерского монастыря. . . М., 1807; то же: М., 1831. Л. 45—66; Псков, 1849. С. 107—158; Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 162—170, 310—315. Прил. С. 532—533.

Лит.: Серебрянский Н. И. О редакциях Жития преподобного Саввы Крыпецкого. СПб., 1903.

В. И. Охотникова

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К СТАТЬЯМ,
ПОМЕЩЕННЫМ В «СЛОВАРЕ КНИЖНИКОВ
И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»
(ВЫП. 2, ЧАСТИ 1—2)**

Афанасий Никитин (с. 81). *Лит.*: 1) Лихачев Д. С. 1) Великое наследие. М., 1975. С. 259—265; 2) Литература — реальность — литература. Л., 1981. С. 151—154; 3) Великий путь: Становление русской литературы XI—XVII вв. М., 1987. С. 138—139.

Вассиан Рыло (с. 123). *Лит.*: Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании кон. XV в. // Древнерусское искусство XIV—XV вв. М., 1984.

Ефросин (с. 227). *Лит.*: Лурье Я. С. 1) Книгописец Ефросин и борьба против «глумов» и смеха в древнерусской письменности // International Journal of Slavic Literature and Poetics. 1985. Vol. 31—32. С. 257—266; 2) Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988.

Житие Дмитрия Прилуцкого (с. 259). *Лит.*: Дмитриев Л. А. О «Житии Дмитрия Прилуцкого» // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 190—194.

Задонщина (с. 345). *Лит.*: Творогов О. В. 1) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 292—343; 2) О композиции вступления к «Задонщине» // Там же. С. 526—532.

Иван IV Васильевич Грозный (с. 371). *Изд.*: Лихачев Д. С. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродливого (Ивана Грозного) // Д. С. Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 361—377. *Лит.*: Лихачев Д. С. 1) Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 129, 130, 134, 136—137, 145; 2) Великий путь: Становление русской литературы XI—XVII вв. М., 1987. С. 175—184.

Исайя Каменчанин (с. 444). *Лит.*: Синицына Н. В. Исайя Каменец-Подольский и Максим Грек: (из истории культуры второй половины XVI в.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 195—208.

Карпов Федор Иванович (с. 459). *Изд.*: Красноречие Древней Руси (XI—XVII вв.). М., 1987. С. 235—247.

Космография (с. 493). *Изд.*: Книга глаголемая Космография, сложена от древних философов и переведена с римского языка на славенский // Сын Отечества. 1851. Кн. 3. С. 1—44; Книга глаголемая Козмография, сложена от древних философов, переведена с римского языка // ВОИДР. 1853. Кн. 16. Смесь. С. 1—14; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 459—507. *Лит.*: О географических сведениях древних россиян. Древняя русская Космография // Московский Телеграф. 1831. Ч. 42, № 24. С. 456—485; Космография, относящаяся к началу второй половины XVII стол. / Перевод с иностранного монаха Епифания Славинецкого. Сообщ. Н. Абрамовым // Известия имп. Географического общества. 1866. Т. 2, № 3. С. 96—97; Попов А. Н. Обзор Хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 189—193; Арсеньев Ю. В. Описание Москвы и Московского государства. По неизданному списку Космографии

конца XVII в. // Записки Московского археологического института. 1911. Т. 11. С. 1—17; Г л у с к и н а С. М. 1) Космография Богдана Лыкова 1637 г.: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1949; 2) Космография 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Географический сборник. М.; Л., 1954. Кн. 3. С. 79—99; 3) Общественная терминология в Космографии 1637 г. // Учен. зап. Псковск. пед. ин-та. 1954. Т. 2. С. 186—243; Словарь русского языка XI—XVII вв. Указатель источников. М., 1975. С. 58—59; K o s t a P. Eine Russische Kosmographie aus dem 17. München, 1982.

Курбский Андрей Михайлович (с. 494). *Лит.*: A u e r b a c h I. Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in Osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985; Ц е х а н о в и ч А. А. А. М. Курбский в западноевропейском литературном процессе // Книга и ее распространение в России в XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 14—24; Л и х а ч е в Д. С. Великий путь: Становление русской литературы XI—XVII вв. М., 1987. С. 179—182; F r e y d a n k D. Zwischen griechisches und lateinisches Tradition: A. M. Kurbskij's Rezeption des humanistischen Bildung // Zeitschrift für Slavistik. 1988. Bd 33, H. 6. S. 806—815.

Курицын Федор Васильевич (с. 504). *Лит.*: Л у р ь е Я. С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988.

Летописец Владимирский, Летописец начала царства, «Летописец от 72-х язык», Летописец Рогожский, Летописи белорусско-литовские (западнорусские), Летописи Пековские, Летописный свод Лицевой, Летописный свод Московский великокняжеский 1479 г., Летописный свод Московский великокняжеский кон. XV в., Летописный свод Сокращенный, Летопись Архивская, Летопись Вологодско-Пермская, Летопись Воскресенская, Летопись Ермолинская, Летопись Иоасафовская, Летопись Львовская, Летопись Московско-Академическая, Летопись Никаноровская, Летопись Никоновская, Летопись Новгородская IV, Летопись Новгородская Дубровского, Летопись Новгородская Карамзинская, Летопись Новгородская Хронографическая, Летопись Симеоновская, Летопись Софийская I, Летопись Софийская II, Летопись Тверская, Летопись Типографская, Летопись Троицкая, Летопись Устюжская, Летопись Холмогорская (с. 17, 20, 21, 22, 26, 27, 30, 32, 34, 37, 39, 42, 43, 44, 45, 47, 49, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 60, 61, 63, 64, 67, 68). *Лит.*: Л у р ь е Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190—205.

Летописный свод Сокращенный (с. 34). *Лит.*: З и б о р о в В. К., Л у р ь е Я. С. Соловецкий вид «Сокращенного свода» последней трети XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 147—152.

Макарий (с. 76). *Изд.*: Из Великих Миней Четых Макария // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 478—549, 625—640. *Лит.*: Д р о б л е н к о в а Н. Ф. Из истории жанра Миней Четых в русской литературе (XI—XIX вв.) // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 139—181.

Максим Грек (с. 89). *Лит.*: O s t r o w s k i D. Рец. на кн.: С и н и ц ы н а Н. В. Максим Грек в России. М., 1977 // Kritika. 1979. Vol. 15. P. 17—30; O l m s t e d H. M. A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // Modern Greek Studies Yearbook. 1987. Vol. 3. P. 1—73; T a u b e M., O l m s t e d H. «Povest' o Esfiri»: The Ostroh Bible and Maksim Grek's Translation of the Book of Esther // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 11, N 1/2. P. 100—117; С и н и ц ы н а Н. В. Исая Каменец-Подольский и Максим Грек: (из истории культуры второй половины XVI в.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 195—208.

Мануил Дмитриевич (с. 100). *Лит.*: Ф л о р я Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV—начала XVI в.: Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни връзки през средновековието. София, 1982. С. 135—136.

Нил, епископ Тверской (с. 127). *Лит.*: Ф л о р я Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV—начала XVI в.: Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни връзки през средновековието. София, 1982. С. 124, 125, 131, 140.

Паисий Ярославов (с. 156). *Изд.*: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. 1, вып. 2. С. 407—410.

Петр Тимофеев Мстиславец (с. 182). *Лит.*: Немировский Е. Л. Новый документ о Петре Тимофееве Мстиславце // Федоровские чтения. 1982 г. М., 1987. С. 33—41; Левочкин И. В. Виленские издания Петра Мстиславца в собраниях Государственного Исторического музея // Там же. С. 41—48.

Письмовники (с. 188). *Изд.*: Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века. М., 1987. [Ч. 3]. С. 549, 554—570, 671—683. *Лит.*: Трифуневич Т. Азбучник српских средьовековних књижевних појмова. Београд, 1974. С. 43—45.

Питирим (с. 193). *Лит.*: Кудрявцев И. М. Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 269—270.

Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г. (с. 195). *Лит.*: Абелиев С. Н. К сравнительному изучению повестей о завоевании Константинополя турками // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 18—22.

Сильвестр (с. 323). *Лит.*: Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 62—73.

Симон (с. 336). *Изд.*: Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века. М., 1987. [Ч. 2]. С. 287—292, 301—303, 304—306, 377—378.

Сказание о князях владимирских (с. 370). *Изд.*: Напеев J. A. V. Moscow — Second Constantinople, Third Rome or Second Kiev? (The Tale of the Princes of Vladimir) // Canadian Slavic Studies. 1968. Vol. 3, N 2. P. 354—367 (пер. на англ. яз.).

Сказания о Максиме Греке (с. 396). *Лит.*: Сияницына Н. [В. Исаия Каменец-Подольский и Максим Грек: (из истории культуры второй половины XVI в.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 199—203.

Слова о добрых и злых женах (с. 399). *Лит.*: Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 86—91; Срезневский И. Сведения и заметки. Ч. 2. № LVI. С. 303; Архангельский А. С. 1) К изучению древнерусской литературы: (Творения отцев церкви в древнерусской письменности). СПб., 1888. С. 48—49; 2) Творения отцев церкви в древнерусской письменности: (Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных исследований). Казань, 1890. Вып. 4. С. 171—193; Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исследование и тексты. М., 1904. С. 405—406, 565—566; Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 25—26; Гранстрем Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 352, 355, 369, № 27, 45, 110.

«Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» (с. 403). *Лит.*: Водов В. Еще раз о датировке «Слова о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 182—190. *Изд.*: Красноперец Древной Руси (XI—XVII вв.). М., 1987. С. 135—152.

Тайная Тайных (с. 427). *Лит.*: Luria J. S. Unresolved Issues in the History of the Ideological Movements of the Late Fifteenth Century // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 152—153.

Траханиот Дмитрий Мануилович (с. 435). *Изд.*: Плигузов А. И., Тихоноук И. А. Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 51—75.

Траханиот Юрий Дмитриевич (с. 437). *Лит.*: Флорья Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV—начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Руско-балкански културни врѝзки през средновековието. София, 1982. С. 125—126, 131, 132—134, 143; Плигузов А. И., Тихоноук И. А. Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 57, 61.

Траханиот Юрий Мануилович (с. 438). *Лит.*: Кудрявцев И. М. Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 256; Pritsak O. «Съ татарски

«языкъ» // Orbis scriptus. D. Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 642, Anm. 5; Ф л о р я Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV—начала XVI в. Политическая и культурная деятельность // Русско-балкански культурни връзки през средновековието. София, 1982. С. 125, 127, 128—130, 133, 135, 136; П л и г у з о в А. И., Т и х о н ю к И. А. Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 56, 57, 61, 69, 72—73.

Феодор, протопоп (с. 452). *Лит.*: Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 502.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.
- Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть — Адрианова-Перетц В. П., Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. М.; Л., 1940. Вып. 1.
- АЕ — Археологический ежегодник.
- АИ — Акты исторические, собранные и издаваемые Археологической комиссией. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.
- АН СССР — Академия наук СССР.
- БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
- Барсков. Памятники — Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
- Барсуков. Источники агиографии — Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.
- БВ — Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией.
- Будовниц. Монастыри на Руси — Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках: (по житиям святых). М., 1966.
- Будовниц. Словарь — Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.
- ВАИ — Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом.
- ВВ — Византийский временник.
- ВИ — Вопросы истории.
- Владимиров. Обзор памятников — Владимиров П. В. Обзор южно-русских и западно-русских памятников письменности от XI до XVII столетия. Киев, 1890.
- ВМЧ — Великие Минеи Четии.
- ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849—1857. Т. 1—25.
- Востоков. Описание — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
- Голубинский. История канонизации — Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
- Голубинский. История церкви — Голубинский Е. История русской церкви. М., 1900—1917. Т. 1—2.
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и издаваемые Археологической комиссией. СПб., 1846—1875. Т. 1—12.
- ДРВ — Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Н. И. Новикова. М., 1788—1791. Ч. 1—20.
- Древности — Древности. Труды Московского Археологического общества. М., 1865—1904. Т. 1—20.

- Евгений. Словарь — Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1—2.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834—1917.
- ЗНТШ — Записки Наукового товариства ім. Шевченка (Львів).
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844—1919. Т. 1—33.
- ИА — Исторический архив. Сборник (с 1936 по 1954); журнал (с 1954 по 1962).
- ИЗ — Исторические записки. Сборник.
- Иконников. Опыт по историографии — Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892—1908. Т. 1—2.
- ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (Москва).
- ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка АН СССР.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности имп. Академии наук.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
- Ключевский. Древнерусские жития — Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
- Летописи Тихонравова — Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859—1863. Т. 1—5.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.; Пг.; Л., 1862—1929. Т. 1—35.
- ЛЮИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
- МДА — Московская духовная академия.
- Назаревский. Библиография — Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.
- Никольский. Повременный список — Никольский Н. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.
- Никольский. Рукописная книжность — Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переписчиков, справщиков и книгохранителей. Вып. 1. А—Б. (ОЛДП. № 132).
- НЛ, НЛЛ, НЛЛЛ, НЛВЛ, НВЛ — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских.
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
- ПБЭ — Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911. Т. 1—12.
- ПВЛ — Повесть временных лет.
- ПДА — Санкт-Петербургская духовная академия.
- ПДП — Памятники древней письменности.
- ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
- ПИ — Проблемы источниковедения.
- ПЛ — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Куселевым-Безбородко. СПб., 1860—1862. Вып. 1—4.
- ПЛ, ПЛЛ, ПЛЛЛ — Псковские первая, вторая и третья летописи.
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.
- ПО — Православное обозрение.
- Попов. Библиографические материалы — Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым // ЧОИДР. 1879. Кн. 1. С. 1—48 (№ 1); 1880. Кн. 3. С. 1—316 (№ 2—7); 1880. Кн. 4 (№ 8—10); 1881. Кн. 2 (№ 11—14); 1889. Кн. 3 (№ 15—20).
- Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные — Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1877.
- Порфирьев. Апокрифы новозаветные — Порфирьев И. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.
- ППС — Православный Палестинский сборник.
- ПС — Православный собеседник.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

- РБС — Русский биографический словарь. СПб., 1896—1913. Т. 1—25.
 РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
- РЛ — Русская литература. Журнал.
 РО — Рукописный отдел.
 РС — Русская старина. Исторический журнал.
 РФВ — Русский филологический вестник (Варшава).
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1894. Ч. 1—5.
 Серебрянский. Княжеские жития — Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
- Соболевский. Переводная литература — Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 СИЛ, СИЛ — Софийские первая и вторая летописи.
- Срезневский. Памятники — Срезневский П. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков): Общее повременное обозрение. СПб., 1863.
- Срезневский. Памятники (1882) — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. 2-е изд. СПб., 1882.
- Срезневокский. Сведения и заметки — Срезневокский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Зап. АН. Приложения к 1866. Т. 9, кн. 1. Прилож. 3 (№ 1—20); кн. 2. Прилож. 6 (№ 21—30); 1867. Т. 11, кн. 1. Прилож. 2 (№ 31—40); 1871. Т. 20, кн. 1. Прилож. 3 (№ 41—44); 1873. Т. 22, кн. 1. Прилож. 3 (№ 45—54); 1874. Т. 24, кн. 2. Прилож. 4 (№ 55—65); 1875. Т. 28, кн. 1. Прилож. 1 (№ 66—80); 1879. Т. 34, кн. 2. Прилож. 4 (№ 81—90); 1881. Т. 39, кн. 2. Прилож. 7 (№ 91); повторено: СОРЯС. 1867. Т. 1, № 6—9 (№ 1—40); 1874. Т. 12, № 1 (№ 41—65); 1876. Т. 15, № 1 (№ 66—80); 1879. Т. 20, № 4 (№ 81—90); 1881. Т. 22, № 5 (№ 91) в отд.: СПб., 1867. [Т. 1] (№ 1—40); 1876. [Т. 2] (№ 41—80); 1881. [Т. 3] (№ 81—91).
- Строев. Словарь — Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Приведен в порядок и издан под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882.
- Тихонравов. Памятники — Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 1—2; СОРЯС. 1894. Т. 58, № 4. Т. 3.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.
- Українські письменники — Українські письменники. Біо-бібліографічний словник. Т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст.) / Уклад Л. Е. Махновець; Від. ред. О. І. Білецький. Київ, 1960.
- Филарет. Обзор — Филарет [Гумилевский]. Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884.
- Франко. Апокрифы — Апокрифи і легенди з українських рукописів / Збирав, упорядкував и пояснив Ів. Франко. Львів, 1896—1910. Т. 1—5.
- Христ. чт. — Христианское чтение.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
 ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
 ЧИОНЛ — Чтения в историческом обществе Нестора летописца.
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
 ЧОЛДП — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.
- Шахматов. Обзорие — Шахматов А. А. Обзорие летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.
- Шахматов. Разыскания — Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Яцимирский. Библиографический обзор — Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности: (Списки памятников). Вып. 1. Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921.
- AfslPh — Archiv für slavische Philologie.
 BHG — Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles, 1957. Т. 1—3.
 PG — Patrologiae cursus completus / Ed. J.-P. Migne. Series graeca. Parisiis, 1850—1887. Т. 1—166.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Авраамий Ростовский, св. см. Житие Авраамия Ростовского
Агапит, писатель см. «Поучение» Агапита
Адам, *библ.* см. Апокриф о Адаме и Еве; «От коих частей создан бысть Адам»
Адриан Пошеховский, св. см. Житие Адриана Пошеховского
Акиндия, церк. деятель см. «О еже не впасти в ересь Варлаама и Акиндина,
кир Давида мниха и философа изложение»
Александр Куптский, св. см. Житие Александра Куптского
Алексей, митрополит, св. см. Житие Алексея митрополита
Амурат (Мурад), султан см. Повесть о Амурате
Андрей Иванович Старицкий, князь см. Повесть о поимании князя Андрея Ива-
новича Старицкого
Андрей Критский, св. см. Повесть о Андрее Критском
Антоний Галичанин, старец см. «О преставлении старца Антония Галичанина»
Антоний Римлянин, св. см. Житие Антония Римлянина
Антоний Сийский, св. см. Житие Антония Сийского
Анфилот, царь см. Сказание Анфилога царя о святой литургии
Арсений, епископ Тверской, св. см. Житие Арсения Тверского
Артемий Веркольский, св. см. Житие Артемия Веркольского
- Бова, лит. персонаж см. Повесть о Бове
Борзосмысл, лит. персонаж см. Повесть о Дмитрие Басарге и его сыне Борзо-
смысле
- Валтасар, царь см. Повесть о Валтасаре Вавилонском
Варлаам Калабрийский, церк. деятель см. «О еже не впасти в ересь Варлаама
и Акиндина, кир Давида мниха и философа изложение»
Василий Блаженный, св. см. Житие Василия Блаженного
Василий III Иванович, вел. князь см. Повесть о втором браке Василья III; По-
весть о смерти Василия III
Вероника, лит. персонаж см. Легенда о кровоточивой жене Веронике
Витовт, вел. князь литовский см. Повесть о побойще Витовта с Темир-Кутлугем
- Гвидо де Колумна, писатель см. «Троянская история» Гвидо де Колумна
Герасим Вологодский, св. см. Житие Герасима Вологодского
Гермац Соловецкий, св. см. Житие Германа Соловецкого
Григорий, архиепископ см. Повесть о построении Благовещенской церкви
Иоанном и Григорием
Григорий Пельшемский, св. см. Житие Григория Пельшемского
- Давид, *библ.* см. Апокрифы о Давиде
Давид Дисипат, писатель см. «О еже не впасти в ересь Варлаама и Акиндина,
кир Давида мниха и философа изложение»

* В указателе включены личные имена и прозвания, употребляемые в на-
званиях памятников, которым посвящены отдельные статьи.

Даниил Переяславский, св. см. Житие Даниила Переяславского
Димитрий Прилуцкий, св. см. Житие Димитрия Прилуцкого
Дипара, царица см. Повесть о царице Динаре
Дионисий Ареопагит, писатель см. Корпус сочинений Дионисия Ареопагита
Дмитрий Басарга, лит. персонаж см. Повесть о Дмитрии Басарге и его сыне Борзосмысле
Дмитрий Иванович, вел. князь см. «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго»
Довмонт, князь см. Повесть о Довмонте

Ева, библ. см. Апокриф о Адаме и Еве
Евстратий, лит. персонаж см. Повесть о Евстратии
Евфросин, св. см. Житие Евфросина
Едигей, хан см. Повести о нашествии Едигея

Зосима, св. см. Житие Зосимы и Савватия соловецких
Зосима, лит. персонаж см. Хождение Зосимы к рахманам

Иаков, апостол см. Апокрифы о Иакове брате Господнем
Иван Грозный, царь см. Повесть о разгроме Новгорода Иваном Грозным
Иероним, писатель см. Сказание Иеронима о Иуде предателе
Иисус Христос см. Апокриф о иерействе Иисуса Христа
Иоанн, архиепископ, св. см. Повесть о построении Благовещенской церкви Иоанном и Григорием; Житие Иоанна Новгородского (Дополнения)

Иоанн Евгеник, писатель см. «Рыдание» Иоанна Евгеника
Иоанн Зовара, писатель см. Хроника Иоанна Золары
Иоанн Казанский, св. см. Житие Иоанна Казанского
Иоанн Синайский, писатель см. «Лествица» Иоанна Синайского
Иоанн Устюжский, св. см. Житие Иоанна, Устюжского юродивого
Иоанн Яренгский, св. см. Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских
Иосаф Каменский, св. см. Житие Иосафа Каменского
Иона, митрополит, св. см. Житие Ионы
Иосиф Волоцкий, св. см. Житие Иосифа Волоцкого; Летописчик Иосифа Савина
Исаия, епископ, св. см. Житие Исаии
Исидор Твердислов, св. см. Житие Исидора Твердислова
Исидор Юрьевский, св. см. Житие Исидора Юрьевского
Иуда см. Сказание Иеронима о Иуде предателе
Иулиания Вяземская, княгиня см. Сказание о Юрии Святославиче и Иулиании Вяземской
Ихниллат, лит. персонаж см. Стефанит и Ихниллат

Казарин, царь см. Повесть о царе Казарине и о жепе его
Кассиан Босой, св. см. Житие Кассиана Босого
Константин, князь, св. см. Житие Константина, Муромского князя, и его сыновей Михаила и Федора
Константин Манассия, писатель см. Хроника Константина Манассии

Лавр, св. см. Житие Флора и Лавра
Лазарь Муромский, св. см. Житие Лазаря Муромского
Ламех, библ. см. Апокриф о Ламехе
Логгин Яренгский, св. см. Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских
Лука, евангелист см. «О иконописце святом евангелисте Луке»
Лука Колоцкий, крестьянин см. Повесть о Луке Колоцком

Магнущ (Магнус), король см. Рукописание Магнуща, короля Свейского
Макарий, митрополит см. Сказание о последних днях митрополита Макария
Макарий Желтоводский, св. см. Житие Макария Желтоводского и Унженского
Макарий Колязинский, св. см. Житие Макария Колязинского
Максим Грек, писатель см. Сказания о Максиме Греке
Мартин Бельский, писатель см. Хроника Мартина Бельского
Мартиниан Белозерский, св. см. Житие Мартиниана Белозерского

Меркурий Смоленский, св. см. Повесть о Меркурии Смоленском
Митяй, претендент на митрополичий престол см. Повесть о Митяе
Михаил, княжич, св. см. Житие Константина, Муромского князя, и его сыновей
Михаила и Федора

Михаил Александрович, князь, св. см. Житие Михаила Александровича
Михаил Клопский, св. см. Житие Михаила Клопского
Моисей, архиепископ, св. см. Житие Моисея, архиепископа Новгородского

Никита Переяславский, св. см. Житие Никиты Столпника Переяславского
Никифор Каллист Ксанфопул, писатель см. «Повесть Никифора Каллиста о ве-
черях Христовых»

Никифор Фока, император см. Повесть о Никифоре Фоке
Никола Кочанов, св. см. Чудеса Николая Кочанова
Николай Воин, св. см. Житие Николая Воина
Николай Студит, св. см. Житие Николая Студита

Павел Обнорский, св. см. Житие Павла Обнорского
Паисий Угличский, св. см. Житие Паисия Угличского
Пахомий Нерехтский, св. см. Житие Пахомия Нерехтского
Петр, царевич см. Повесть о Петре, царевиче ордынском
Питирим, епископ, св. см. Житие Питирима, епископа Пермского
Прокопий Устюжский, св. см. Житие Прокопия Устюжского

Савва Крыпецкий, св. см. Житие Саввы Крыпецкого (Дополнения)
Савватий, св. см. Житие Зосимы и Савватия соловецких
Серапион, архиепископ, св. см. Житие Серапиона, архиепископа Новгородского
Сергий Радонежский, св. см. Житие Сергия Радонежского
Соломон, *библ.* см. Апокрифы о Соломоне
Стефан Комельский св. см. Житие Стефана Комельского
Стефанит, лит. персонаж см. Стефанит и Ихилат

Тарасий, пономарь см. Видение хутынского пономаря Тарасия (Прохора)
Темир-Аксак (Тимур), хан см. Повесть о Темир-Аксаке
Темир-Кутлуй, хан см. Повесть о побоище Витовта с Темир-Кутлуем
Тимофей Владимирский, лит. персонаж см. Повесть о Тимофее Владимирском
Тохтамыш, хан см. Повесть о нашествии Тохтамыша
Трифон Печенгский, св. см. Житие Трифона Печенгского (Кольского)

Федор, княжич, св. см. Житие Константина, Муромского князя, и его сыновей
Михаила и Федора
Ферапонт Белозерский, св. см. Житие Ферапонта Белозерского
Филипп Ирапский, св. см. Житие Филиппа Ирапского
Филипп, митрополит, св. см. Житие Филиппа митрополита (Колычева)
Филипп Пустынный, писатель см. «Диоптра, или Душезрительное зеркало»
Филиппа Пустынника
Флор, св. см. Житие Флора и Лавра

Шевкал (Чолхан), баскак см. Повести о Шевкале

Щил, посадник см. Повесть о посаднике Щиле

Юрий Святославич, князь см. Сказание о Юрии Святославиче и Иулиании Вя-
земской